Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
Педагогический институт
Кафедра всеобщей истории

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И РОССИЯ

Материалы VII Международной научно-практической конференции

22 – 23 ноября 2018 г.

Владимир 2019

УДК 94 (100)316.722
ББК 63.3 (О)+60.033.15
И90

Редакционная коллегия:

Лапшина И. К., доктор ист. наук, профессор
(*ответственный редактор*)

Захарова О. В., канд. ист. наук, доцент
(*зам. ответственного редактора*)

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

И90 **Исторический** опыт мировых цивилизаций и Россия : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., 22 – 23 нояб. 2018 г. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Пед. ин-т, Каф. всеобщей истории. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2019. – 367 с.
ISBN 978-5-9984-0964-6

Сборник содержит тексты докладов и сообщений участников VII Международной научно-практической конференции «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия», проведенной кафедрой всеобщей истории ВлГУ в ноябре 2018 г. Представленные материалы отражают современные подходы к изучению разнообразных тенденций цивилизационного развития Запада, Востока и России. В сборник включены исследовательские проекты студентов и магистрантов, специализирующихся по истории стран Запада и Востока.

Предназначен для научных сотрудников, аспирантов, студентов, а также всех интересующихся вопросами истории.

УДК 94 (100)316.722
ББК 63.3 (О)+60.033.15

ISBN 978-5-9984-0964-6

© ВлГУ, 2019
© Коллектив авторов, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 9

Обращение ректора ВлГУ имени А. Г. и Н. Г. Столетовых А. М. Саралидзе к участникам конференции 11

Лапшина И. К. СЛОВО О Д. А. МАКЕЕВЕ 12

Раздел I. Материалы международной научно-практической конференции «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия»

Акимова Т. М. ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОГО ОБУЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СУЗДАЛЬСКИМ УЕЗДНЫМ КОМИССАРИАТОМ ПО ВОЕННЫМ ДЕЛАМ В 1918 г. 15

Булюлина Е. В., Беликова Е. О. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ) 18

Бурлаков А. Н. К ИСТОРИИ СОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И США В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МАРШАЛ ПЕТЭН И АМЕРИКАНЦЫ 21

Бычков М. А. ИРЛАНДИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 25

Глазунов С. Р. РАЗРАБОТКА ФАБРИЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ В КОНЦЕ 1850-х – НАЧАЛЕ 1880-х гг. 27

Демина С. С. К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ ЗАГОВОРА КАТИЛИНЫ 31

Дроздов В. В., Погребинская В. А., Золотарева В. П. МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА КАК ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИИ ..... .33

Золотухин М. Ю. ПОЛИТИКА БОЛГАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПОЗИЦИЯ РОССИИ ВО ВРЕМЯ БОЛГАРСКОГО КРИЗИСА 1885 – 1886 гг. 37

Исаков А. А. «КНИГА, ГЛАГОЛЕМАЯ ЛОГИКА» И МИРОВОЗЗРЕНИЕ РУССКИХ ЕРЕТИКОВ РУБЕЖА XV – XVI вв. 46

Кириллина С. А., Рогачева Е. Ю. ЕГИПЕТ: ОРГАНИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ XVIII ВЕКА 50

Ковалёв М. А. ЭДМУНД БЁРК И АНТИКАТОЛИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ 60-х гг. XVIII ВЕКА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ 58

Красильщикова Т. В. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Д. РАМСФЕЛДА ОБ АМЕРИКАНСКОЙ КАМПАНИИ В ИРАКЕ 62

Лапшин А. Г., Бисерова А. В. ДРЕВНЕРУССКИЕ АМУЛЕТЫ-ЗМЕЕВИКИ И СИМПАТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 64

Макарова Е. А. ИДЕИ УИЛЬЯМА ГОДВИНА (1756 – 1836) В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И МЫСЛИТЕЛЕЙ XIX – XX вв. 67

Маршуба Д. А. ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ А. ГИТЛЕРА В 1931 – 1933 гг. ГАЗЕТОЙ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»..... 75

Медведева Г. А. К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ..... 77

Мерзанова А. В. ПОСОЛЬСТВО ТОМАСА КЕЛДЕРМАНА В СВЯЩЕННУЮ РИМСКУЮ ИМПЕРИЮ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ В 1668 г. 82

Николашина Е. А. ДЭВИД ЛЛОЙД ДЖОРДЖ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА..... 85

Никонов О. А. СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И СТРАНЫ ВОСТОКА (К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРИНЦИПОВ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА) 89

Петелин Б. В. ЕВРОПЕЙСКИЕ МОНАРХИИ В СУДЬБАХ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ: К 100-ЛЕТИЮ ГИБЕЛИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ 96

Родин Д. В. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ПРОБЛЕМА АНШЛЮСА В 1920-е гг. 100

Романика А. С. ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ В ИДЕЙНОМ НАСЛЕДИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА 106

Савосина Ю. В. ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РУКОВОДСТВЕ КОМПАНИИ «АРКОС» В НАЧАЛЕ 1920-х гг. (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Г. А. СОЛОМОНА-ИСЕЦКОГО)..... 110

Сагимбаев А. В. ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ЭВОЛЮЦИЮ ПРАКТИКИ БРИТАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В АФРИКАНСКИХ КОЛОНИЯХ 113

Скоробогатых Н. С. ДЕНЬ АВСТРАЛИИ В ИСТОРИИ СТРАНЫ 119

Суслопарова Е. А. БРИТАНСКИЕ ЛЕЙБОРИСТЫ БРАТЬЯ БАКСТОНЫ..... 120

Тимшина Е. Л. ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСОНАЛЬНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ..... 125

Тодорова Т. Н. ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС..... 130

Харитонов А. М. ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ ЗАПАДА, ВОСТОКА И РОССИИ – РУСИ 134

Хрулева И. Ю. «ПРОПОВЕДНИЧЕСКИЕ ТУРЫ» АНГЛИЙСКИХ МЕТОДИСТОВ В БРИТАНСКИХ КОЛОНИЯХ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ В 1730 – 1740-х гг. 137

Черноперов В. Л. НАЗНАЧЕНИЕ В. Л. КОППА ПЕРВЫМ ПОЛПРЕДОМ СССР В ЯПОНИИ. (ИЛИ ПУТЬ В ВАШИНГТОН ЛЕЖИТ ЧЕРЕЗ ТОКИО) 141

Шимбирёва О. А. КРАЙНЕ ПРАВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX в. ГЛАЗАМИ ЭЛЕКТОРАТА: НА ПРИМЕРЕ СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА 146

Щербаков В. Ю. ИММИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ГЕРМАНИИ. ПОВОРОТ ВПРАВО? 149

Эрлихсон И. М. СОСТОЯНИЕ АНГЛИЙСКИХ ДОЛГОВЫХ ТЮРЕМ В ОТРАЖЕНИИ ОТЧЕТА ПАРЛАМЕНТСКОГО КОМИТЕТА (1729) 155

Раздел II. Студенческая наука

Армякова М. И. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ДЖОНА КУИНСИ АДАМСА В ПРУССИИ В 1797 – 1799 гг. 159

Барышева Е. С. МАРШ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА В ВАШИНГТОНЕ 28 АВГУСТА 1963 г. (Научный руководитель – д.и.н., профессор И. К. Лапшина) 164

Бебинг С. Д. ТЕМА ГРЕХА И ВОЗДАЯНИЯ В ПРОПОВЕДЯХ СЕРАПИОНА ВЛАДИМИРСКОГО 170

Болотина А. С. ОБРАЗ МАРИИ СТЮАРТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АВТОРОВ XVIII – XIX ВЕКОВ (Научный руководитель – к.и.н., доцент О. В. Захарова) 177

Борисова А. А. ДЕЛО ОБ ОЖЕРЕЛЬЕ КОРОЛЕВЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ (Научный руководитель – к.и.н., доцент О. В. Захарова)..... 181

Буравкина Ю. А. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СЕМЬЕ И БРАКЕ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (Научный руководитель – к.и.н., доцент В. Ю. Данилова) 184

Глазун М. Ю. ОБРАЗ ИСПАНИИ И ФРАНЦИИ В АМЕРИКАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПРЕССЕ (1740 – 1752) 186

Горбунова Е. А. ИРЛАНДСКАЯ ДИАСПОРА В КАНАДЕ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 191

Горина С. Р. ГЕРМАНИЯ – НАШ УЧИТЕЛЬ И ВРАГ (Научный руководитель – к.и.н., доцент О. В. Захарова) 196

Графова В. К. ОТНОШЕНИЕ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ К ДУХОВЕНСТВУ, ДВОРЯНСТВУ И ПРОСТОЛЮДИНАМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЗГЛЯДОВ РИШЕЛЬЕ. (Научный руководитель – к.и.н., доцент О. В. Захарова) 198

Гречко В. К. ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНКЛИНА В ПАРИЖЕ (1776 – 1778)..... 201

Джумамырадов Г. СРАВНЕНИЕ ПОЛКОВОДЧЕСКОГО ТАЛАНТА АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО И ДАРИЯ III НА ПРИМЕРЕ СРАЖЕНИЯ ПРИ ГАВГАМЕЛАХ В 331 г. до н. э. (Научный руководитель – к.и.н., доцент В. Ю. Данилова) 205

Дудченко М. Ю. ВОСПРИЯТИЕ ПОСТСОВЕТСКИХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ АДМИНИСТРАЦИЕЙ ПРЕЗИДЕНТА КЛИНТОНА (1996 – 1999) 208

Елфаков А. Н. ВЛИЯНИЕ ПЕРЕДОВЫХ ИДЕЙ БЕНДЖАМИНА ФРАНКЛИНА НА РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. (Научный руководитель – к.и.н., доцент А. В. Борзов)..... 211

Ефанова О. А. ПОСОЛЬСТВО ВЕЛИКОГО КНЯЗА ГЕОРГИЯ МИХАЙЛОВИЧА В ЯПОНИЮ В 1916 г..... 214

Заверняева М. И. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТИ В АНГЛИИ XIII ВЕКА (Научный руководитель – к.и.н., профессор А. Г. Лапшин) 221

Иванова Д. А. СОВЕТСКО-ИНДИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1950 – 1960-е ГОДЫ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ (Научный руководитель – к.и.н., доцент О. В. Захарова) 226

Игнатьева П. В. КВАКЕРСТВО В НОВОЕ ВРЕМЯ (Научный руководитель – к.и.н., доцент О. В. Захарова)..... 230

Инвияева В. В. АМЕРИКАНО-КУБИНСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1949 – 1952 гг. 234

Исаева А. О. СИНИЙ ЦВЕТ В ЭМАЛЯХ НАПЛЕЧНИКОВ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО (Научный руководитель – к.и.н., профессор А. Г. Лапшин) 241

Камалиев Р. Р. ОПЫТ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ЮАР И ВЛИЯНИЕ США НА ПОЛИТИКУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ..... 243

Кирюхина М. Л. РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ПАРИЖЕ В 20 – 30-х ГОДАХ XX ВЕКА 249

Козлова Э. А. ВИЗАНТИЙСКИЙ СВЕТСКИЙ КОСТЮМ В XI – XV вв. 253

Костылева А. С. «ГЕНИЙ ОДНОЙ НОЧИ» КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ (СОБЫТИЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ) В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА (Научный руководитель – к.и.н., доцент О. В. Захарова) 263

Кошеварова А. В. ДОСУГ В ДРЕВНЕМ РИМЕ И В НАШЕ ВРЕМЯ (Научный руководитель – к.и.н., доцент В. Ю. Данилова)..... 265

Лапшин А. Г., Максимова И. Р. ОБРАЗ «ЧЕРНОЙ СМЕРТИ» В МИНИАТЮРЕ «ПОХОРОНЫ ЖЕРТВ ЧУМЫ В ТУРНЕ» ХРОНИКИ ГИЛЯ МАЙЗЕТА 268

Леонова В. А. ОБРАЗ ЛЬВА В МОНУМЕНТАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ВО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОМ КНЯЖЕСТВЕ (Научный руководитель – к.и.н., профессор А. Г. Лапшин)..... 270

Летова С. В. НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ И ТОМАС МОР О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА (Научный руководитель – к.и.н., профессор А. Г. Лапшин)..... 273

Лихачев Г. Д. ИДЕАЛЬНОЕ РЫЦАРСКОЕ ОБЩЕСТВО В ГЛАЗАХ Т. МЭЛОРИ..... 275

Любимцев Ф. А. ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КАСКАХ АМЕРИКАНСКИХ СОЛДАТ КАК СУБЪЕКТИВНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ (Научный руководитель – д.и.н., профессор И. К. Лапшина)..... 281

Маметьев С. А. ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ФРАНЦИИ В БИТВЕ ПРИ ВАТЕРЛОО В 1815 ГОДУ (Научный руководитель – к.и.н., доцент О. В. Захарова)..... 284

Носенкова А. В. ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИДЕЙ В РУССКОЙ КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА 286

Павлова Е. А. МУСУЛЬМАНЕ ГЛАЗАМИ ИСПАНСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА XV ВЕКА 292

Панина Е. С. ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ЭМАНСИПАЦИЮ ЖЕНЩИН БРИТАНИИ..... 296

Платонов Р. Д. ДУХОВНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА (Научный руководитель – к.и.н., доцент С. С. Демина)..... 301

Пономарева П. И. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА КОНЦА XVIII ВЕКА ГЛАЗАМИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА..... 304

Радченко А. В. ГИЛЬОТИНА КАК ОРУДИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА (Научный руководитель – к.и.н., доцент О. В. Захарова)..... 307

Рябов А. С. «КОРОЛЬ-ПАТРИОТ» В КОНЦЕПЦИИ БОЛИНГБРОКА. (Научный руководитель – к.и.н., доцент О. В. Захарова) 310

Скорищенко И. С. СТРАТЕГИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ У. КЛИНТОНА В 1993 – 1996 ГОДАХ (Научный руководитель – д.и.н., профессор И. К. Лапшина)..... 312

Слесарев И. Е. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В США ГЛАЗАМИ ТОМАСА «СТОУНУОЛЛА» ДЖЕКСОНА И ЕГО СЕМЬИ (Научный руководитель – к.и.н., доцент А. В. Борзов)..... 314

Тимохина Н. Л. ПРОБЛЕМА ОТКРЫТИЯ ВТОРОГО ФРОНТА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (Научный руководитель – д.и.н., профессор И. К. Лапшина) 318

Тишина Н. А. ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИНДЕЙЦЕВ США НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ) (Научный руководитель – к.и.н., доцент А. В. Борзов) 320

Устинов А. Р. ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ ИСПАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕСТ-ИНДИИ В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI вв. (Научный руководитель – к.и.н., профессор А. Г. Лапшин) 324

Филатов А. И. ЕРМОЛОВ И ЧЕЧНЯ, ЗАПАД И ВОСТОК: СТОЛКНОВЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ КАК ГЛАВНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ 326

Цуканова В. П. РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В КАЛИФОРНИИ: ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ (НА ПРИМЕРЕ КОЛОНИИ ФОРТ-РОСС) 331

Чибурова П. И. СЮЖЕТ «ВОЗНЕСЕНИЕ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО» В ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ (Научный руководитель – к.и.н., профессор А. Г. Лапшин) 337

Раздел III. ВУЗ и школа: методика преподавания

Афонькина Е. В. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В СРЕДНЕЙ И СТАРШЕЙ ШКОЛЕ 340

Баскакова О. А. ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА В ОБУЧЕНИИ ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ (Научный руководитель – к.и.н., доцент О. В. Захарова) 343

Головешкина Е. В. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА Ж. ШИРАКА В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ИСТОРИИ (Научный руководитель – д.и.н., профессор И. К. Лапшина) 346

Данилова В. Ю. ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ РОССИИ 349

Захарова О. В., Мосина Д. А. ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ 351

Лодейкин С. Д. РАБОТА С ДОКУМЕНТАМИ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ФУНКЦИИ И ВИДЫ ДОКУМЕНТОВ (Научный руководитель – к.и.н., доцент О. В. Захарова) 354

Осокин О. В. МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ 357

Сведения об авторах 361

Светлой памяти профессора Д. А. Макеева посвящается

К читателю

22 – 23 ноября 2018 г. прошла VII Международная научно-практическая конференция «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия», организованная кафедрой всеобщей истории Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Её посвятили памяти выдающегося ученого-востоковеда и организатора отечественного высшего образования д.и.н., профессора кафедры всеобщей истории, ректора Владимирского государственного педагогического университета в 1988 – 2007 гг. Д. А. Макеева, ушедшего из жизни в 2017 году.

В конференции приняли участие более 100 представителей академических институтов и российских вузов, включая молодых исследователей – аспирантов, магистрантов и студентов, а также педагогов гг. Владимира, Липецка, Набережные Челны. Своими научными изысканиями поделились учёные из Института всеобщей истории РАН, Института Востоковедения РАН, Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения РАН; Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Московского педагогического государственного университета, РАНХ и ГС при Президенте РФ, Санкт-Петербургского государственного университета, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Южного и Крымского федеральных университетов, историки из гг. Иваново, Рязани, Череповца, Ярославля, Тамбова, Смоленска, Липецка, Брянска, Набережных Челнов, Волгограда, Элисты.

С приветственными словами в адрес участников конференции обратились проректор по образовательной деятельности ВлГУ имени А.Г. и Н.Г. Столетовых А. А. Панфилов, проректор по развитию образовательной деятельности Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина С. В. Демидов, директор Педагогического института ВлГУ М.В. Артамонова. А. А. Панфилов зачитал обращение ректора ВлГУ А. М. Саралидзе к участникам и организаторами конференции.

Главной темой на пленарном заседании стала личность Д. А. Макеева - ученого, педагога, руководителя. О Дмитрии Алексеевиче в своих докладах говорили его ученики и коллеги: д.и.н., профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории И. К. Лапшина, д.и.н., профессор кафедры международного права и внешнеэкономической деятельности Юридического института ВлГУ С.С. Новиков, д.ю.н., директор Юридического института ВлГУ О.Д. Третьякова, д.пед.н., профессор кафедры педагогики ВлГУ Е.Ю. Рогачева. На пленарном заседании были также представлены доклады д.и.н., профессора кафедры истории и философии Гуманитарного института Череповецкого государ-

ственного университета Б.В. Петелина, д.и.н., заведующего кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета В.Л. Черноперова, д.и.н., профессора, заведующей кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова Г.Н. Канинской, к.и.н., доцента кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Е.А. Макаровой, вызвавшие большой интерес присутствоваших.

В рамках конференции состоялось заседание за круглым столом по вопросам международной политики и модернизации социополитических структур России, стран Запада и Востока. На четырёх секциях участники обсудили межцивилизационные отношения, эволюцию взаимовосприятия и взаимодействие стран Запада, Востока и России; религиозный фактор в общественно-политической жизни государства в контексте истории и современности. Особенностью конференции стало активное участие в работе секции молодых исследователей «Цивилизационные особенности и взаимодействие стран Востока, Запада и России» наряду с владимирскими студентами 19 магистрантов и бакалавров кафедры новой и новейшей истории Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

На мероприятии работали тематические выставки научной и учебной литературы библиотеки ВлГУ: «Памяти Дмитрия Алексеевича Макеева» и «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия».

Надеемся, что представленные материалы будут интересны профессиональным историкам, студентам, аспирантам, учителям истории, всем кто интересуется проблемами современной исторической науки.

Зав. кафедрой всеобщей истории
доктор ист. наук, профессор И. К. Лапшина

Обращение ректора ВлГУ имени А. Г. и Н. Г. Столетовых А. М. Саралидзе к участникам конференции

Уважаемые участники и гости
VII Международной научно-практической конференции
«Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия»!

От имени коллектива Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых и от себя лично позвольте приветствовать вас на площадке опорного вуза Владимирского региона.

Конференция организована кафедрой всеобщей истории, проводится уже седьмой раз и получила заслуженное признание в научном сообществе. В ее работе принимают участие более 100 представителей академических институтов и российских вузов, включая молодых исследователей – аспирантов, магистрантов и студентов, а также педагогов г. Владимира.

Особое значение нынешней конференции придает тот факт, что она посвящается памяти выдающегося ученого и организатора отечественного высшего образования, профессора кафедры всеобщей истории Дмитрия Алексеевича Макеева, год назад ушедшего из жизни. Наше знакомство с ним восходит к концу 1980-х годов, но особенно активное развитие наши профессиональные и личные контакты получили в начале 2000-х годов. В памяти коллег Дмитрий Алексеевич Макеев остается человеком, вызывавшем огромное уважение не только своим высоким профессионализмом как ученый, педагог, ректор одного из лучших педагогических вузов страны, но и такими личными качествами как благородство, скромность, благожелательность, готовность поделиться, если к нему обращались за советом, ненавязчивым, но всегда мудрым мнением, в основе которого лежал огромный жизненный опыт. Надеюсь, что научные и педагогические традиции, заложенные профессором Д.А. Макеевым, найдут достойное продолжение в деятельности его коллег и учеников.

Искренне желаю участникам и гостям конференции успешной и плодотворной работы, интересных дискуссий, плодотворного обмена идеями, дальнейшего укрепления научных связей и профессиональных контактов, счастья и благополучия!

Ректор ВлГУ имени А. Г. и Н. Г. Столетовых *А. М. Саралидзе*

СЛОВО О Д. А. МАКЕЕВЕ

И. К. Лапшина

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия,
lapshina.nni2012@yandex.ru

Год назад ушел из жизни профессор кафедры всеобщей истории, выдающийся востоковед и организатор высшего образования во Владимирской области Дмитрий Алексеевич Макеев. В этом году мы посвящаем нашу VII Международную научно-практическую конференцию по теме «Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия» его светлой памяти, с надеждой, что молодое поколение студентов-историков, будущих педагогов, которым, к сожалению, уже не доведется слушать и общаться с ним на лекциях и семинарских занятиях, будет знать и вдохновляться сложившимися традициями исторической подготовки в Педагогическом институте ВлГУ, хранить память о тех выдающихся педагогах, которые ее создавали. Ведь память и традиции имеют для историков особый смысл.

Дмитрий Алексеевич родился в семье рабочих 17 августа 1937 г. в г. Ликино-Дулево Московской области. Первая запись в его трудовой книжке от 9 сентября 1955 г. удостоверяет, что он начал трудовую деятельность учеником литья фигур в Формовочном цехе Дулевского фарфорового завода. Затем - служба в рядах Советской армии, после которой Дмитрий Алексеевич поступил на исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, где он получил квалификацию «Историк. Учитель истории и обществознания». Полученное им блестящее образование, безусловно, стало основой последующих успехов в науке, преподавании и на ответственной руководящей должности ректора Владимирского педагогического университета. Свою педагогическую деятельность Дмитрий Алексеевич начал в Тюменском государственном педагогическом институте, откуда он приехал во Владимир в 1977 г. Здесь он был избран на должность доцента кафедры истории Педагогического института и в этом же году назначен деканом исторического факультета. Дмитрий Алексеевич руководил факультетом 8 лет – до 1985 г., когда он стал заведующим вновь созданной кафедры всеобщей истории и проректором по учебной работе ВГПИ.

Через три года Д.А. Макеев становится ректором нашего Педагогического института, в последствии – университета, оставаясь на этом посту 19 лет, вплоть до 2007 гг. Именно Дмитрий Алексеевич стал инициатором реорганизации в 1993 г. Педагогического института в Государственный педагогический университет. Он вывел Владимирский педагогический университет в первую десятку педагогических вузов страны, пользовался исключительным уважением своих коллег и руководителей высшего образования Советского Союза, а потом и Российской Федерации, ректоров и министерских чиновников. Этому свидетельствуют многочисленные посты, на которых он находился. Д. А. Макеев был Председателем Совета ректоров педагогических вузов России, Президентом Ассоциации педагогических университетов РФ (1995-1996 гг.), членом коллегии Министерства образования и членом Президиума Совета педагогического образо-

вания при Министерстве образования РФ, членом Совета по проблемам высшего педагогического образования Российской Академии образования. В 1996 г. он возглавил научно-методический совет УМО Министерства образования РФ по общим проблемам педагогического образования по направлению «Социально-экономические знания». А еще были многочисленные важные должности на уровне Владимирской области, в том числе связанные с общественными обязанностями. Среди последних – членство в Комиссии по вопросам помилования на территории Владимирской области с 2002 г. и руководство областным отделением общества «Знание».

При непосредственном участии Д.А. Макеева в ВПГУ была организована подготовка учительских кадров практически по всем специальностям, начата профессиональная подготовка юристов, психологов, музыкальных исполнителей, художников-дизайнеров, менеджеров. В университете сложились авторитетные школы по подготовке научно-педагогических кадров через аспирантуры и докторантуры, открыты Диссертационные советы по историческим и математическим наукам.

Параллельно успешной административной карьере развивалась не менее успешная научная деятельность, что, безусловно, свидетельствовало о его незаурядной способности к науке. В 1985 г. Дмитрий Алексеевич успешно защитил в МГПИ имени В.И. Ленина докторскую диссертацию на тему «Становление и развитие внешнеторговых связей стран Ближнего Востока с СССР в 1922-1940 гг.», а в 1987 г. ему было присвоено звание «профессора по кафедре всеобщей истории». Его научные интересы были связаны, прежде всего, с разработкой проблем истории стран Азии и Африки, российско-восточных дипломатических и экономических взаимоотношений.

Дмитрий Алексеевич Макеев – автор более 150 научных и учебно-методических работ, в том числе 4 учебных пособий и 7 монографий. Оставив пост ректора, он всецело посвятил себя науке и преподаванию и пережил безусловный творческий подъем. Одним из его последних научных трудов стала «София в философии и поэзии русского мыслителя Владимира Соловьева», подготовленный в соавторстве с его дочерью, доктором юридических наук, профессором Юридического института ВлГУ И.Д. Борисовой, который вышел уже после его ухода из жизни в 2018 г. Ждет публикации еще одна монография - «Интеллигенция в общественно-политическом развитии Египта (XIX–начало XX века)». Ее рукопись он передал на кафедру в сентябре 2017 г. со словами: «Это вам будет память обо мне».

Дмитрий Алексеевич был не просто профессионал высочайшего уровня. Он воплощал собой истинного интеллигента, отличавшегося мягкостью и внимательным отношением к людям, исключительной простотой в общении, что выражалось, в том числе, в абсолютной доступности на любом посту, который он занимал; скромностью и чувством ответственности за любое дело, которое он выполнял. В моем сердце всегда будет благодарность Дмитрию Алексеевичу за доброе отношение и ту поддержку, которую он неизменно оказывал, когда мне пришлось быть деканом исторического факультета в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Этот период совпал с начавшейся в истории нашей страны перестройкой, что позволило провести ряд принципиально важных и перспективных для дальнейшего развития факультета инноваций. Только благодаря его поддержке как ректора мы смогли на Историческом факультете Педагогиче-

ского института ввести и – главное – сохранить в дальнейшем специализацию студентов, организованную по примеру нашего с ним родного Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, переход к которой поддерживали далеко не все преподаватели и коллеги по институту. Личный опыт получения исторического образования в лучшем университете СССР, широта мышления и профессионализм историка сыграли здесь, безусловно, решающую роль. К моменту, когда в педагогических институтах к началу 1990-х годов была введена обязательная подготовка дипломов студентами, на нашем факультете уже несколько лет она составляла 100%. Работа со студентами в группах по 4-5 человек была уникальной для педагогического института того времени и сохранялась только благодаря личному содействию Д.А. Макеева. Сегодня с трудом, в новых непростых реалиях реформы российского образования, мы пытаемся сохранить формат той специализации. Она позволила не только достигать высокого качества научно-исследовательской работы студентов, но и создать надежный фундамент для развития аспирантуры по всеобщей и отечественной истории. На базе нашего факультета возник и успешно работал Диссертационный совет, членами которого стали наряду с владимирскими учеными крупные специалисты-историки из академических институтов и вузов гг. Москвы, Рязани, Иваново, а бессменным и глубоко уважаемым председателем этого совета был Д.А. Макеев. Сам Дмитрий Алексеевич подготовил 16 кандидатов и 2-х докторов исторических наук, в том числе из Китайской Народной Республики. Среди его учеников была и знаменитый директор, впоследствии – Президент государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, «Герой труда Российской Федерации» Алиса Ивановна Аксенова, успешно защитившая в нашем совете диссертацию на звание кандидата исторических наук.

Меня особенно привлекали в Д.А. Макееве его человеческая мудрость и демократизм в поведении. По возвращении из США в 1991 г., где мне пришлось поработать на Отделении политических наук Университета штата Иллинойс (г. Нормал), мне было приятно сообщить ему, что демократии в плане доступности ректора в нашем университете, пожалуй, побольше, чем в американском.

Один момент хочется выделить особо. Ничто более не говорит о человеке, когда он сталкивается с бременем власти. Дмитрий Алексеевич с честью прошел это испытание, показав, что власть сама по себе не портит человека, если этот человек обладает внутренне присущими, естественными для него добрым расположением к людям, скромностью и тем чувством юмора, который позволяет абстрагироваться и преодолевать приходящие и преходящие обстоятельства, не преувеличивая их значимость в соотношении с истинными человеческими ценностями. Этот юмор чувствуется и в его замечательной улыбке на фотографии, с которой он продолжает наблюдать за своей любимой кафедрой, чтущей его память и надеющейся, что он был бы доволен тем, как мы продолжаем ее традиции уже без него.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОГО ОБУЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СУЗДАЛЬСКИМ УЕЗДНЫМ КОМИССАРИАТОМ ПО ВОЕННЫМ ДЕЛАМ В 1918 г.

Т. М. Акимова

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, takimova@list.ru

1918 г. стал для нашего государства временем глубочайшего экономического кризиса и политической нестабильности, вызванными Первой мировой (1914–1918) и Гражданской (1917–1922) войнами.

В ходе революции, начавшейся 25 октября 1917 г., к власти в России пришло правительство большевиков, которое заложило в губерниях, уездах и волостях основы системы Советов, заменивших земское самоуправление [1] и просуществовавших в нашей стране до 4 октября 1993 г.

15 января 1918 г. съезд делегатов рабочих, солдат, крестьян Суздальского уезда принял резолюцию о ликвидации земства, предложенную Исполнительным комитетом – распорядительным органом местного Совета. Тем самым уездный Совет взял все функции земства в свои руки. По основным направлениям работы нового органа местной власти действовали комиссариаты «по пайкам», труда, народного просвещения; комиссары финансов, «по оружию», «хозяйственной части», «гражданским делам», а также аграрная, продовольственная, хозяйственная комиссии [9].

8 апреля 1918 г.[2] Совет народных комиссаров РСФСР принял Декрет о создании губернских, уездных и волостных комиссариатов по военным делам [6]. Во исполнение Декрета уездным комиссариатам надлежало заниматься широким спектром вопросов: обучать население военному делу; «Направлять деятельность волостных комиссариатов… в пределах уезда»; «Ведать учетом годного для несения военной службы мужского населения…»; «Обеспечивать войска всем необходимым»; организовывать вербовочные пункты; проводить агитационную и культурно-просветительскую работу и т. д. [6: 65–66]. При комиссариате следовало создать пять отделов: общий (управление делами), агитационно-вербовочный, учетный, формирования и обучения, снабжения [6: 65–66].

Непрочное положение новой власти и начало иностранной военной интервенции в Россию требовали усиленной агитации и просветительской работы среди населения. По мысли советского правительства защищать страну при необходимости должны были и жители, прошедшие базовую военную подготовку.

Идея всеобуч – всеобщего военного обучения нашла отражение в Декрете Всероссийского центрального исполнительного комитета от 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении военному искусству» [5]. В нем говорилось о «привлечении всех граждан к всеобщей трудовой и воинской повинности». Обязательному военному обучению подлежали школьники в возрасте до 16 лет – этим должен был заниматься ко-

миссариат просвещения; юноши 16–18 и мужчины 18–40 лет – их согласно Декрету обучал комиссариат по военным делам. Женщины могли проходить такую подготовку по желанию, а «лица, религиозные убеждения которых не допускают применения оружия, привлекаются к обучению лишь обязанностям, не связанным с употреблением оружия» [5: 151–152].

Занятия надлежало проводить инструкторам «по утвержденной Народным комиссариатом по военным делам программе… непрерывно в течение 8 недель, не менее 12 часов в неделю...» [5: 153]. Получившие навыки владения оружием брались «на учет как военнообязанные». Именно они «по первому призыву рабочего и крестьянского правительства» должны были «встать под ружье и пополнить кадры Красной Армии» [5: 152].

В Суздальском уезде военный комиссариат был учрежден 2 июня 1918 г., а отдел формирования и обучения 1 октября [8]. В первую очередь отдел организовал бюро всеобуч и сборные волостные пункты. «Во главе каждого состоит сотенный инструктор и еще входят два члена из местного Совдепа или лица, им назначенные со стороны, стоящие на платформе советской власти» [7: 128 об.].

Затем началась регистрация мужского населения и разработка программы курсов. Сотрудники отдела составили для будущих учеников специальные «инструкции… прохождения строя, несения караульной службы, формирования местной караульной роты и всеобщего военного обучения», однако «пособий… и прочих наставлений» не хватало; «ввиду неимения средств» не было крайне необходимых «тиров, стрельбищ, гимнастических обществ и т. п.» [7: 128].

Преградой в организации всеобщего военного обучения в волостях стало отсутствие телефонной и телеграфной связи с «учреждениями, подчиненными отделу всеобуч». Из-за этого «сведения, получаемые и посылаемые, ужасно запаздывают, что, конечно, тормозит дело.

Распоряжения срочного порядка, в особенности по табели срочных донесений, в срок почти никогда не поступают и не позволяют составлять вовремя разные сводки, которые требуются центру» [7: 128 об.].

Важная роль в организации курсов по отделу всеобуч отводилась инструкторам. Основную нагрузку предполагалось возложить на «силы из партии коммунистов, которые бы разъяснили населению сущность и важность для трудящихся искусства владеть винтовкой, этой незаменимой подругой в деле защиты своих интересов от эксплуататоров и угнетателей». Инструкторы относились к обязанностям аккуратно, «все они в большинстве окончили учебную команду и имеют боевой опыт. С идеей Всеобуч еще недостаточно знакомы, для более детального знакомства они посылаются на курсы по всеобщему военному обучению». [7: 128].

Стараниями сотрудников комиссариата по военным делам обучение началось 16 октября, и спустя месяц на курсах числилось «1750 чел. крестьян и 145 чел. рабочих при 99 инструкторах (9 сотенных, 29 взводных и 61 отделенных)» [8]. К концу января 1919 г. обучение «окончила одна группа, т. е. родившиеся в 1900, 99, 98, 97, 96, 95, 94 и 93 годах». Освоивших программу зачисляли «в резервные части как второй концентр милиционной системы…» [7: 128 об.].

Занятия по разработанной комиссариатом программе вели «бывшие унтер-офицеры [4] старой армии, которые более или менее понимают сущность и важность всеобщего военного обучения как обучения классового, имеющего конечной целью знакомство с военным искусством для защиты своих пролетарских интересов». Хотя мужчины, окончившие курсы, «относились внимательно к занятиям и уклоняющихся… почти что не было», в целом в уезде наблюдалось «какое-то „отлынивание“ со ссылкой на разные болезни, то отсутствие теплой одежды, то сапог, то на заваливание работой, в особенности на последнюю ссылаются служащие в разных советских учреждениях». Сотрудники суздальского отдела всеобуч полагали, что это «получилось вследствие отсутствия агитации, популяризации и лекций» [7: 128 об.].

Таким образом, Суздальский уездный комиссариат по военным делам активно включился в реализацию Декрета об обязательном обучении военному искусству и к концу 1918 г. достиг определенных результатов, однако нехватка финансирования, инвентаря, недостаточная разъяснительная работа, дефицит квалифицированных кадров не позволили в полной мере реализовать поставленные центром задачи. В целом ситуация здесь мало чем отличалась от происходившего в других уездах Владимирской губернии[3].

Примечания.

1. О земском самоуправлении см., напр: Земское самоуправление в России, 1864–1918: В 2-х кн. / Отв. ред. Н.Г. Королева. М., 2005.
2. С 1 февраля 1918 г. в России вместо юлианского был введен григорианский календарь (так называемый «новый стиль», опережавший «старый» в XX (и XXI) в. на 13 дней).
3. См., напр.: Доклад о деятельности Владимирского уездного комиссариата по военным делам // Протокол заседания 4 уездного Владимирского съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 12 ноября 1918 г. (Государственный архив Владимирской области (далее: ГАВО). Ф. Р-357. Оп. 1. Д. 19. Л. 6 об.–9).
4. То есть представители младшего командного состава.
5. Декрет об обязательном обучении военному искусству. 22 апреля 1918 г. // Декреты советской власти. М., 1950. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. С. 151–153.
6. Декрет об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатах по военным делам. 8 апреля 1918 г. // Декреты советской власти. М., 1950. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. С. 65–70.
7. Доклад о ходе работ в отделе всеобуч Суздальского уезда, 23 января 1919 г. (ГАВО. Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 21. Л. 128, 128 об.).
8. Краткий отчет о деятельности Суздальского уездного комиссариата по военным делам за время с 1-го сентября по 15-е ноября 1918 г. // Доклад Суздальского уездного отдела местного управления губернскому съезду 15 ноября 1918 г. (ГАВО. Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 16-в. Л. 334 об.).
9. Протокол съезда делегатов рабочих, солдат, крестьян Суздальского уезда 14–18 января 1918 г. (ГАВО. Ф. Р-366. Оп. 1. Д. 1. Л. 49).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Е. В. Булюлина, Е. О. Беликова

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, bulyulina@mail.ru

В годы Великой отечественной войны произошла резкая смена политического курса Советского государства по отношению к религиозным организациям в сторону либерализации этих отношений и переходу к диалогу с руководством религиозных конфессий, прежде всего Русской православной церкви. О внешне- и внутриполитических причинах этих перемен имеется обширная литература. [1; 7; 8]

Для реализации своей религиозной политики руководству страны понадобился специальный орган. Совет по делам Русской Православной Церкви был создан постановлением Совета Народных Комиссаров СССР № 993 от 14 сентября 1943 года. [4: д.779, л.1.] Аналогичный орган по делам других конфессий был создан постановлением СНК СССР № 572 от 19 мая 1944 г. [5: д.1, л.1.] Он получил название Совет по делам религиозных культов. Постановлением Совета Министров СССР от 8 декабря 1965 г. № 1043 эти два органа были объединены в Совет по делам религий при СМ СССР.

Их функции заключались в наблюдении за правильным проведением в жизнь на территории области законов и постановлений правительства по вопросам, относящимся к деятельности РПЦ и других религиозных организаций; представлении Совету по делам РПЦ и Совету по делам религиозных культов информаций о деятельности религиозных организаций в области; учет культовых зданий и духовенства и предоставление по ним статистических сведений в Советы и областные советские и партийные органы; рассмотрение заявлений и жалоб верующих и духовенства. Так как функции, организация и деятельность Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов была аналогична, далее будем называть их Советами по делам религий.

Основной формой связи Советов по делам религий с уполномоченными являлись инструкции и указания, направляемые на места. Сотрудники Советов также часто ездили в командировки для того, чтобы разобраться на месте в сложных или спорных вопросах, ознакомиться с положением верующих в каждом конкретном регионе. В свою очередь, уполномоченные направляли в свои центральные органы отчеты, информации, статистические сведения.

Особое внимание в отчетах необходимо было уделять фактам нарушения советского законодательства о религии как со стороны духовенства и верующих (например, самовольное открытие церквей, совершение религиозных треб незарегистрированными священниками и т.п.), так и со стороны местных советских органов (невыполнение решений об открытии церквей, волокита при рассмотрении заявлений, грубое обращение с гражданами и др.). Давалась также подробная характеристика деятельности церквей и религиозных общин, духовенства. Местные руководители исполкомов и сельсоветов

были дезориентированы новой религиозной политикой. Именно эти люди закрывали храмы и монастыри в 1930-е гг., являлись свидетелями массовых арестов священнослужителей (а некоторые и приложили к этому руки), вели антирелигиозную пропаганду. Поэтому перемены вызывали у них недоумение. Архивные документы содержат многочисленные донесения уполномоченных в Советы о фактах нарушения законодательства и произвола со стороны местных органов власти [2; 3].

Не будем переоценивать возможности уполномоченных. Их статус заведующих отделом республиканского или край(обл)исполкома не позволял им оказывать существенное влияние на решения председателя или президиума исполкома. Зачастую исполком рассматривал деятельность уполномоченного как второстепенную, отвлекая его на выполнение других поручений. Тем не менее, в лице уполномоченных верующие и духовенство получили инстанцию, куда они могли обращаться с надеждой на разрешение их проблемы. Об этом свидетельствует тот факт, что уполномоченному по религии граждане жаловались не только на противозаконные действия местной власти, но и на служителей культа, исполнительные органы религиозных общин (пьянство, растраты, грубое обращение с прихожанами, пренебрежение своими обязанностями) [2; 4; 5]. Как правило, уполномоченный сообщал об этих фактах благочинному или епископу.

Таким образом, Советы по делам религий и их уполномоченные на местах проводили политику партии и государства по отношению к религии, они выполняли только те задачи, которые перед ними ставились партийно-советскими органами. Однако, выполняя эти задачи ответственно и дисциплинировано, эти органы в первое десятилетие своей деятельности до некоторой степени способствовали улучшению положения религиозных организаций.

В 1950-1960-х годах наблюдается новое изменение курса государственной вероисповедной политики. Это связано, прежде всего, с хрущевской «оттепелью». Государственные санкции в отношении религиозных организаций не только не были пересмотрены, но и ужесточились. Советскими органами были вновь выдвинуты требования усиления контроля за религиозными организациями со стороны местных властей. Результатом такой политики в Сталинградской области стали отказы верующим в регистрации их общин, закрытие церквей и молитвенных домов и уже зарегистрированных общин. Эти действия стали поводом для возникновения конфликтных ситуаций между местными властями и представителями религиозных организаций. Кроме того, усложнилась сама процедура регистрации религиозных общин и молитвенных домов, что привело к существованию в области незарегистрированных групп верующих различных религиозных направлений.

Со второй половины 1960-х до середины 1980-х годов советское государство, продолжая практику ограничения деятельности религиозных организаций, пыталось осуществлять это более цивилизованными путями. Следствием этого стало, например, издание в 1975 году поправок к законодательству о религиозных объединениях, в результате которых многие функции контроля над религиозными структурами из местных советов депутатов трудящихся были переданы в Совет по дела религий. [6: 36] Отныне только Совет мог принимать решения о регистрации или снятии с нее религиозных объединений, об открытии или закрытии храмов. Этот шаг в какой-то

степени предупреждал администрации местного уровня от неправильных действий по отношению к различным религиозных организациям и позволял осуществлять контроль за выполнением законодательства в этой области людьми, имеющими определенную правовую подготовку. Новая редакция законодательства о религиозных объединениях применялась вплоть до начала социально-политических реформ советского общества в конце 1980-х годов.

В этот период наблюдается рост численности религиозных организаций на территории региона. Во-вторых, появляются одни новые религиозные организации и прекращают существовать другие. В-третьих, многие религиозные общины из числа незарегистрированных переходят в число официально действующих. Но по-прежнему процесс регистрации религиозной общины в государственных органах был тяжелым, долгим, а иногда и невозможным.

В 1989 г. начинается ожесточенная борьба верующих за храмы. В октябре 1990 г. Верховный Совет СССР принял Закон «О свободе совести и религиозных организациях», а Верховный Совет РСФСР – Закон «О свободе вероисповеданий». Согласно союзному закону Совет по делам религий при Совмине СССР получил статус информационного, консультативного и экспертного центра. Российское законодательство вместо Совета по делам религий предусматривало Комиссию по свободе совести и вероисповедания при Верховном Совете РСФСР. Эти законодательные акты подвели черту под почти 60-летней историей института уполномоченных. После выхода Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ на региональном уровне были созданы отделы по связям и содействию религиозным организациям. В Волгоградской области такой отдел долгое время возглавлял Юрий Тихонович Садченков. В Волгоградской области появился ряд нормативных актов, регулирующих взаимоотношения органов самоуправления и религиозных организаций: Закон Волгоградской области «О защите прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания на территории Волгоградской области» от 1 ноября 2001 года; Протокол заседания президиума Совета Безопасности Волгоградской области «О соблюдении федерального законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных объединений в Волгоградской области» от 30 марта 2001 г.; Постановление Главы Администрации Волгоградской области «Об экспертном совете по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Администрации Волгоградской области» от 31.05.1999 г. и другие.

Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы действует в Волгоградской области и в настоящее время. Состав совета формируется из представителей органов государственной власти, специалистов в области религиоведения, отношений государства и религиозных организаций.

После реорганизации структуры Администрации Волгоградской области взаимодействием с религиозными организациями занимается сектор по связям и содействию религиозным организациям отдела по взаимодействию с политическими партиями и религиозными организациями управления по внутренней политике аппарата Губернатора и Правительства Волгоградской области, который возглавляет Федоренков Юрий Юрьевич. Одной из основной целью работы отдела является оказание

практической помощи работникам муниципальных органов власти в вопросах правоотношений с религиозными объединениями.

Таким образом, в настоящее время наблюдаются благоприятные условия для создания и работы различных религиозных организаций, ведется подготовка кадров в органах власти, и местного самоуправления для работы с ними. Примером этого может служить небольшой, но постоянный рост численности зарегистрированных в органах юстиции религиозных организаций, отсутствие конфликтов на религиозной почве, создание ряда нормативно-правовых актов, направленных на соблюдение в области принципа свободы совести и вероисповедания. Основными направлениями работы остаются межрелигиозное взаимодействие, толерантность и противодействие экстремизму.

Примечания.

1. Гордун С. Русская православная церковь при Святейших патриархах Сергии и Алексии // Вестник РХСД. 1990. № 158. С.78-129.
2. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-6284. Оп.2.
3. ГАВО. Ф. Р-6285. Оп.2.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп.44.
5. ГАРФ. Ф. 6991. Оп.4.
6. Религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: Сб. документов. Сост. О.Ю. Редькина, Т.А. Савина; Под. ред. М.М. Загорулько.- Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. 314 с.
7. Сосковец Л.И. Советы по делам религий как проводники государственной политики в отношении церкви // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т.312. № 6. С.162-167.
8. Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941-1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 248 с.

К ИСТОРИИ СОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И США В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МАРШАЛ ПЕТЭН И АМЕРИКАНЦЫ

А. Н. Бурлаков

Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, РФ

e-mail: burlakovan55@mail.ru

Союзнические отношения между Францией и США в годы первой мировой войны, в том числе и отношение маршала Петэна к заокеанским союзникам, представляет большой интерес не только для изучения мирового конфликта начала XX века, но и для понимания особенностей франко-американских отношений во время второй мировой войны, когда «герой Вердена» оказался во главе режима Виши (1940-1944). Между тем отечественная историография фактически перечеркнула все военные и политические

достижения маршала в годы первой мировой войны, видя в нём только пособника Третьего Рейха [1:287-288].

Как известно, США вступили в войну только в апреле 1917 года. Понесшие огромные людские потери Англия и Франция первоначально рассматривали американский экспедиционный корпус как импортное «пушечное мясо». По старой имперской привычке с пренебрежением и свысока на американцев смотрели не только французские и английские военачальники, но и государственные мужи этих стран [3:400]. Единственное исключение являл собой будущий французский маршал (а тогда дивизионный генерал) Филипп Петэн.

Петэн прекрасно понимал значимость появления американских войск в истощённой войной Европе. Когда нетерпеливые политики и военачальники спрашивали его, почему он не начинает наступления и чего же он ждёт, Петэн отвечал им: «Я жду танков и американцев» [8:211]. Именно Петэн поддержал американцев в их стремлении занять самостоятельное место в рядах союзников, в то время как его соотечественники в лице главнокомандующего французскими войсками маршала Ж. Жоффра и британцы в лице главнокомандующего Британскими экспедиционными силами фельдмаршала Д. Хейга противились этому, стремясь превратить заокеанских партнёров в подсобную силу. В марте 1918 года Петэн договорился с американским командованием о том, что их пять свежих дивизий будут самостоятельно участвовать в боях, поддерживая французов [9:362-363].

8 мая 1918 года Петэн уже в качестве Верховного главнокомандующего французской армии издаёт инструкцию, в которой в полной мере отразилось его отношение к братьям по оружию из США [6: 50-52]. «Военная помощь наших американских союзников становится одним из решающих факторов благополучного завершения войны», – говорится в инструкции. Документ обращён к французским офицерам, которым Петэн напоминает о важности усилий, предпринимаемых американцами: «В апреле 1917 года, в момент их вступления в войну, США не имели настоящей армии. Буквально за год они ввели воинскую повинность: призвали под ружьё, вооружили, экипировали и направили во Франции несколько сотен тысяч людей, и это только начало. Они выполнили невиданную в истории по масштабам организационную работу. Они выполняли и выполняют на французской территории различные работы огромного размаха – реконструкция портов, создание складов и размещение холодильных установок, которые отойдут нам после войны и позволят развивать нашу экономику в благоприятных условиях. Американский Красный крест предоставил в наше распоряжение значительные денежные средства для спасения людей».

Верховный главнокомандующий призывал французских офицеров во время своих бесед с американскими коллегами давать им понять, что французы в полной мере ценят важность американских усилий по служению интересам Франции; уважать присущее им чувство национальной гордости, проявлять тактичность: «Французские офицеры должны относиться к американским офицерам того же звания и к нижестоящим

по званию, прибывшим на фронт позже них, по-дружески, и уж не как учителя к ученикам».

Петэн советовал французским офицерам «стремиться к установлению личных контактов с американскими офицерами, жить со своими американскими товарищами в дружбе и завоевать их доверие», так как «личные отношения между живущими бок о бок людьми неизбежно и сильно влияют на характер официальных отношений». По мнению военачальника, такие тёплые личные отношения легко установить, «так как американцы по натуре сердечны и благодарны».

Инструкция Верховного главнокомандующего заканчивается следующим призывом: «Важно обеспечить в будущем, как это было в прошлом, тесное сотрудничество между двумя союзными армиями; сотрудничество, которое станет самой надёжной гарантией конечного успеха наших совместных усилий».

Сам Петэн подавал пример такого тесного и дружеского сотрудничества. Он и командующий американскими экспедиционными силами генерал Джон Джозеф Першинг стали не только товарищами по оружию, но и настоящими друзьями на всю жизнь. В письме Першинга генералу А. де Шамброну от 16 ноября 1931 года можно прочесть такие строки: «Каждый раз, когда я нуждался в серьёзной поддержке в моих спорах с Верховным командованием союзными войсками, я знал, что Петэн придёт мне на помощь. Потому что он обладал ясным логическим мышлением и был чужд всяческих предрассудков» [6:28]. Их знакомство переросло в дружбу. «Наша дружба – я ценю её очень высоко – началась в день нашей встречи, – вспоминал генерал Першинг. – Сотрудничать – дело нелёгкое, даже в благоприятных условиях; тесное сотрудничество редко встречается между людьми разной национальности и между народами. Но, возможно, широта взглядов Петэна, его ясный ум и прямота его суждений облегчили согласие между нами; много раз и в самых разных обстоятельствах это согласие выдержало испытание временем» [9:70].

В 1918 году Петэн стал главным координатором действий всех союзных войск. В октябре 1918 года он подготовил широкомасштабное наступление союзнических войск, которое должно было закончиться у немецкой границы. У Петэна и его американского друга Першинга были планы дойти до Берлина. Однако их завистники и недоброжелатели Ф. Фош и Ж. Клемансо поставили крест на этих планах, настояв на перемирии. «Надо объявить траур по вашим планам наступления на Германию», – злорадно писал Фош Петэну [4:725]. Не только Фош и Клемансо помешали планам Петэна и Першинга, но и английское правительство, всегда стремившееся не допускать появление на континенте сверхдержавы. «Англичане предали нас», – говорил Петэн [7]. Его недоверие к «коварному Альбиону», равно как и симпатиb к США, берут начало во времена первой мировой войны.

В октябре 1931 года в качестве официального французского представителя Петэн прибыл в США по случаю 150-й годовщины победы над англичанами при Йорктауне и встретился здесь со старым другом генералом Першингом. Во время дружеской беседы маршал назвал своего американского товарища «милым другом,

другом в горе и счастье, деликатным советчиком, братом по оружию» [5:172]. Кадры кинохроники свидетельствуют о его искреннем восхищении парадом, устроенном на Бродвее. В следующем году, 7 августа 1932 года, уже генерал Першинг оказался рядом с маршалом Петэном при открытии Оссуария в Дуомоне. Когда маршал Петэн станет главой правительства Виши в 1940 году, президент США Ф.Д. Рузвельт выразит намерение отправить послом во Францию именно генерала Першинга в надежде установить доверительные отношения с новым режимом. Однако болезнь престарелого шестизвёздочного американского генерала помешала этому назначению.

Почему Петэну нравились американцы? Пожалуй, можно согласиться с французским историком Марком Ферро. Он писал: «Без сомнения, Петэн любил американцев. И это с Великой войны, когда он рука об руку с генералом Першингом ковал победу. Он любил их потому, что в 1917 году они продемонстрировали своё преимущество в ведении войны, чувство сбережения людей, которое он исповедовал сам и противопоставлял концепции Фоша, своего главного соперника. Американцы также поняли, что, вовсе не являясь пораженцем или пессимистом, в чём его обвиняли, Петэн просто был ясновидцем: с его точки зрения, американская армия была единственной, способной нанести решающее поражение врагу» [4:300].

Несомненно, след этих относящихся к временам первой мировой войны симпатий Петэна к демократической Америке мы обнаружим во франко-американских отношениях и в годы второй мировой войны. Несмотря на жёсткий прессинг со стороны Третьего Рейха режим Виши активно сотрудничал с США вплоть до высадки союзников в Северной Африке в 1942 году и до полной оккупации немцами Франции [2].

Примечания.

1. Бурлаков А.Н. Маршал Петэн в годы Первой мировой войны: время славы // Преподаватель XXI век, 2016, №1. С.286-301**.**
2. Бурлаков А.Н. Вишистская Франция и США: франко-американские отношения в годы второй мировой войны // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории в школе и вузе» (г. Рязань, 20-21 апреля 2016 года). Рязань, 2016. С.88-91.
3. Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2001.
4. Ferro M. Pétain. P., 1993.
5. Kaspi A. Le temps des Américains en 1917 – 1918. P., 1978.
6. Le Groignec J. Pétain et les Américains. P., 1995.
7. Maréchal Pétain: Le Chef. – URL : http://www.marechal-petain.com/le chef/htlm (дата обращения: 13.08.2018).
8. Painlevé P. Comment j’ai nommé Foch et Pétain. La Politique de guerre de 1917. P., 1923.
9. Persching Général. Mes souvenirs de la Guerre. T.1. P., 1931.
10. Tournoux R. Pétain et la France. P.,1980.

ИРЛАНДИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М. А. Бычков

Московский экономический институт, г. Москва, Россия, maxbychkov80@gmail.com

Довольно скромное положение Ирландии в системе мировой политики и экономики можно рассматривать как одну из причины относительно слабого интереса к ней со стороны отечественной исторической науки. Однако опыт исторического развития «малых стран» Европы также уникален и требует глубокого анализа.

Обращаясь к Европейскому Союзу, обычно говорят о его экономических и политических гигантах, что, конечно, вполне естественно, но забывают о многих других участниках данного объединения.

Дополнительную актуальность рассматриваемой проблематики добавляет событие 24 июня 2016 г., когда в Великобритании прошёл референдум по вопросу о выходе страны из Европейского Союза: 51,9% проголосовали «за» и 48,1% - «против». Несмотря на что, результаты референдума не носят обязательный юридический характер, они произвели тектонические сдвиги как в самом ЕС, так и в Объединённом Королевстве.

Выход, даже просто потенциальный, Великобритании из Европейского Союза (Брексит) не может не иметь политических и социально-экономических последствий. Учитывая многовековую связь с Ирландией, вполне можно утверждать, что Брексит непосредственно затронет и её. Это будет касаться нескольких направлений: Ирландия – Великобритания, Ирландия – ЕС, Ирландия – Северная Ирландия – Великобритания.

С одной стороны, Ирландии как члену ЕС нужно будет пересмотреть свои отношения с Великобританией, а, с другой, политические и экономические связи между Дублином и Лондоном сложились довольно давно и получили фактическое и юридическое оформление ещё до появления Европейского Союза. Но так или иначе находясь географически, экономически между Великобританией и ЕС, Ирландии придётся выстраивать отношения с Брюсселем в новых условиях.

Учитывая то, что на территории Северной Ирландии большинство выступило «против» выхода из Европейского Союза, «ольстерский вопрос» выходит на новый этап своего развития. Факт того, что за сохранения членства в ЕС проголосовали в североирландских районах, непосредственно примыкающих к Республике Ирландия, требует от ирландского государства сформировать новое отношение к североирландской проблеме.

Ирландия стала членом Европейского Союза в январе 1973 года (до 1992 г. он назывался Европейским сообществом). Но путь в «общий Европейский дом» был не простым.

Позиция нейтралитета, которую заняла страна в годы Второй Мировой войны довольно негативно сказалась на её внешнеполитическом имидже. Провозглашение в

1949 г. Республики Ирландия, выход из Британского Содружества, с одной стороны создал необходимые условия для самостоятельной внешней политики, в том числе и по европейскому направлению, а. с другой, поставили перед ирландским руководством ряд важных проблем как социально-экономического, так внешнеполитического характера.

Ещё раньше, в феврале 1948 г. в Ирландии прошли парламентские выборы, в результате которых была разрушена политическая монополия политической партии Фианна Фойл и сформировано коалиционное правительство во главе с лидером Джоном Костелло. Министром иностранных дел стал Шон МакБрайд, с именем которого связана активизация внешней политики страны.

Отечественный крупный специалист по истории Ирландии Полякова Е. Ю. отмечает: «Ирландия энергично добивалась вступления в ООН, хотя в 1946 г. на её обращение было наложено вето; участвовала в плане Маршалла; стояла у истоков Организации европейского экономического сотрудничества. В то же время она продолжает придерживаться политики нейтралитета, обосновывая её, в частности, сохраняющимся расколом страны, и в 1949 г. отвергла приглашение США вступить в НАТО» [3 : 121].

Причём сохранение нейтралитета Ирландии нужно было сочетать с преодолением если не внешнеполитической изоляции, то внешнеполитического небрежения со стороны других стран мира. Нужно было преодолеть представление о себе как о «заднем дворе» Объединённого Королевства.

Однако это представляло собой весьма трудную задачу. За военные годы экономика пришла в целом в упадок. В послевоенные годы её положение не улучшилось. Наиболее тесные экономические связи были именно с Великобританией. Ирландия оставалась аграрной страной, английский же капитал сохранял сильные позиции в ряде отраслей экономики страны. В свою очередь это определило и зависимую от Лондона позицию Ирландии относительно Европейского Союза.

Положение в экономике стало меняться после выборов 1957 г. В их результате Фианна Фойл вернулась к власти. Её основатель и многолетний лидер Имонн Де Валера опять становится премьер-министром. Но в 1959 г. он отказывается от поста лидера партии и премьер-министра. В том же году избирается президентом страны.

Лидером же правящей партии и премьер-министром становится Шон Лемасс. Им предлагает новая концепция экономического развития, основанная на идеи свободной торговли, создания условий для привлечения иностранных капиталов, активизации в области внешнеэкономического сотрудничества, участия в международных торгово-экономических организациях [1 : 358 – 362]. Экономическая политика правительства Лемасса оказалась успешной, ирландская и мировая пресса заговорила о «ирландском экономическом чуде».

Политика экономического развития, положительный социальный эффект, а также начала работы в 1962 г. ирландского телевидения, резко расширившего для простого ирландца горизонты современного мира, и секуляризация ирландского общества (ослабление влияния католической церкви, в том числе в результате административных

решений ирландского правительства) в своей совокупности создали условия для вхождения в Европейский Союз. Однако вето, которое накладывала Франция в лице президента Ш. де Голля, на приём в ЕС Великобритании становилось вето также и для Ирландии. Дублин стал одной из столицей государства-члена ЕС только после вхождения туда Великобритании в 1973 г. [4 : 443]

Первоначально эффект от присоединения к Союзу оказался весьма положительным, экономика переживала рост. Но 80-е годы показали ненадёжность экономики, которая зависима от иностранного капитала. В 1987 правящая партия Фианна Фойл принимает новую программу экономического развития, основанного на социальном партнёрстве и расширении государственного регулирования экономики. Проводимая на её основе экономическая политика способствовало экономическому подъёму 90-х годов [2 : 303]. Однако социально-политические и экономические потрясения, которые переживал и переживает Европейский Союз в начале XX в., находят своё отражение в жизни ирландского общества

Ирландия шла в Европейский Союз, для чтобы выйти из «тени» Великобритании, но вошла в него вместе с ней. Войдя в него, она расширяла свои контакты с континентом, закрепила своё положение независимого государства, но всё-таки осталась в «тени» своего соседа. Поэтому реализованный Брексит заставит Дублин выстраивать равновесные отношения со всеми европейскими соседями, однако «чаша весов» будет склоняться к Лондону.

Примечания.

1. История Ирландии // Отв. ред. Л.И. Гольман. М., 1980.
2. Невилл П. Ирландия. История страны. СПб., 2009
3. Полякова Е. Ю. Ирландия в XX веке. М., 2009.
4. Coogan T.P. Ireland in the 20th century. New York, 2012.

РАЗРАБОТКА ФАБРИЧНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ В КОНЦЕ 1850-х – НАЧАЛЕ 1880-х гг.

С. Р. Глазунов

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, sergynglaz@mail.ru

Отмена крепостного права и последовавшие за ней Великие реформы явились поворотным пунктом российской истории [4: 151], рубежом перехода России от аграрного общества к индустриальному. Модернизационные процессы в стране сопровождались формированием двух новых классов современного российского государства – рабочих и предпринимателей. Предоставив свободу миллионам крестьян, реформа 1861 г. положила начало формированию широкого рынка свободной рабочей силы. Число всех категорий рабочих в Российской империи за 1860-1900 г. выросло с 3,2 млн. до 14,0

млн. человек, или в 4,4 раза. На крупных промышленных предприятиях в 1860 г. было занято 720 тыс., а в 1900 г. – уже 3,20 млн. человек. Отряд индустриальных рабочих составлял более 20% общей численности трудящегося промышленного класса [13: 272-274]. Урегулирование столь важной стороны общественной жизни, как взаимоотношения рабочих и предпринимателей, стало жизненной необходимостью.

До революции о разработке фабричного законодательства писали известные экономисты и историки (М.И. Туган-Барановский [16], Л.Н. Нисселович [10]), фабричные инспектора (И.И. Янжул[19], А.Н. Быков [1], А.А. Микулин [9]), министерские чиновники (В.П. Литвинов-Фалинский [8]). В советской историографии вопросов разработки фабричной реформы касались И.И. Шелымагин [17], А.Ф. Вовчик [2], В.Я. Лаверычев [7], Л.Е. Шепелев [18], в современной – Куприянова [6], А.Ю. Володин [3]. Российский опыт разработки реформы фабрично-зпводского законодательства был исследован и зарубежными исследователями (Дж. Уолкин [21], Й. фон Путткамер [20] др.).

В России появление и развитие фабрично-трудового законодательства во многом отличалось от западноевропейского варианта. Догоняющий характер российского капитализма, определяющая роль и жесткий контроль центральных и местных органов власти в применении законов о труде, отсутствие профессиональных союзов рабочих отразились на своеобразии разработки и проведении фабричной реформы. В данной статье на основе анализа материалов делопроизводства межведомственных комиссий представлена попытка рассмотрения разработки фабричного законодательства в России с целью определения исходных позиций и основных направлений политики правительства по рабочему вопросу в середине XIX в.

Идея проведения фабричной реформы рождалась как итог осмысления недовольства между наемными рабочими и предпринимателями, все чаще и чаще наблюдавшегося в первой половине XIX в. Закон «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму» от 24 мая 1835 г. [11: 447-448] уже не соответствовал реалиям времени [8: 2]. Проекты 1830-40-х гг., в частности, «мануфактурной расправы» и «института посредников» с выборными от рабочих не были одобрены властями. Однако жизнь представляла все новые примеры недовольства, как со стороны рабочих, так и работодателей.

Важнейшие принципы фабричного законодательства, призванного урегулировать отношения рабочих и предпринимателей, разрабатывались в условиях гласности, в рамках либерального курса правительства. Хотя в России общей программы всех предстоящих реформ, изложенной в каком-либо документе, не было, тем не менее, связь между отдельными планами и проектами существовала. Она выражалась в общности программных установок либеральной бюрократии [5: 32].

В 1859 г. при Министерстве финансов под председательством члена совета министра внутренних дел А.Ф Штакельберга была создана комиссия, перед которой ставились широкие задачи разработки законов общегосударственного характера. К осени 1862 г. ее работы были завершены. На основе пяти томов собранных и впоследствии изданных материалов [14], был разработан проект нового промышленного устава [15: 157-216]. Опубликование трудов вызвало большой общественный интерес и многочис-

ленные отклики промышленников. Главное место в проекте занимали статьи, которые регулировали отношения рабочих и предпринимателей. Предусматривались также статьи об учреждении и действии торгово-промышленных предприятий, правовом положении хозяев, организации центрального руководства промышленностью.

Проект «Устава о промышленности» состоял их 9 глав и 259 статей. В работе авторы законопроекта использовали опыт западноевропейского законодательства. Основные изменения и нововведения относились к условиям работы на фабриках малолетних и несовершеннолетних, введения надзора, а также учреждения промышленных судов.

Дети, не достигшие 12 лет, на работу не принимались, продолжительность рабочего дня для несовершеннолетних (12-18 лет) была установлена не более 10 часов в сутки [15: 182]. Этот пункт был взят из известного английского билля 1847 г. о 10-ти часовом рабочем дне. Вместе с тем проект Штакельберга шел дальше в отношении использования детского труда, т.к. английское законодательство в отличие от российского варианта не запрещало принимать на работу детей от 8 до 13 лет [16: 384-385].

Контроль над исполнением законов о труде возлагался на особый государственный инспекторат. Его персональный состав состоял главным образом из служащих, получивших специальное техническое образование. Инспектора и их помощники могли проходить на территорию промышленного предприятия в любое время суток. Они обязывались раз год осмотреть все подлежащие контролю фабричные заведения с целью контроля над соблюдением фабрично-трудового законодательства. Они имели право по обнаруженному факту нарушения закона составить протокол для дальнейшей передачи его в промышленный суд. Два раза в год они представляли отчет о своей деятельности в Министерство финансов [15: 183-185].

Большое количество параграфов отводилось в проекте созданию и регламентации деятельности промышленных судов с выборными судьями поровну от фабрикантов и рабочих [15: 185-212]. Суды учреждались на четыре года и разбирали конфликты сторон, которые касались стачек, штрафов, правовых нарушений, пособий рабочих за потерю трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и т.п. За нарушение фабричных законов на виновных налагались штрафы до 300 руб. по каждому отдельному случаю, и они могли подвергнуться заключению в тюрьму на срок до года [15: 211-216].

Деятельность комиссии А.Ф. Штакельберга привела к накоплению огромного теоретического опыта. Она включала широкий комплекс преобразований, одни из которых были скоро реализованы, другие не получили статуса закона в дореволюционный период. Разработанная программа либерального реформирования трудовых отношений в крупном промышленном производстве предлагала создание государственного института фабричной инспекции, которая наделялась широкими правами. Российский проект введения промышленных судов с выборными на паритетных началах от заинтересованных сторон судьями, которые впервые появились во Франции, получился более либеральным, чем французский аналог. Промышленный суд, представлявший собой по существу первую инстанцию общего гражданского суда, в некоторой мере был воплощен в мировом суде, созданном по судебной реформе 1864 г. В задумываемой реформе

фабричного законодательства проглядывалась идея организации профсоюзов и кооперативных товариществ. Законы должны были действовать не только на крупных, но и на мелких промышленных предприятиях, кустарных и ремесленных мастерских, которые имели своих рабочих.

В 1860-70-х гг. происходит дальнейшая доработка фабричного законодательства. В межведомственных комиссиях под председательством Н.П. Игнатьева (1870-1872), П.А. Валуева (1874-1880) и др. были подготовлены проекты по отдельным вопросам взаимоотношений между рабочими и предпринимателями, касавшиеся школьного обучения малолетних, организации рабочих артелей, договора о найме, введения фабричных книжек и т.п. [6: 351-354].

Формирование правовых основ отношений рабочих и предпринимателей происходило в форме разработки проектов, и не было реализовано по ряду причин. Неудачи, постигшие подготовленные законопроекты, М.И. Туган-Барановский объяснял «сопротивлением фабрикантов, и, главным образом, московских» [16: 386]. Советские историки считали, что в рамках самодержавного строя осуществлять либеральную политику в «рабочем вопросе» было не возможно» [7: 25], и в этом усматривали непродуктивность работы комиссий. Вместе с тем позиция российского правительства объяснялась не только противодействием фабрикантов и отсутствием мощных рабочих выступлений [2: 159-160]. Оказалось, что разрабатываемые правовые основы реформы фабричного законодательства недостаточно учитывали интересы предпринимателей и промышленности страны в целом, где наблюдался избыток дешевой рабочей силы и технико-экономическая отсталость многих производств [18: 117]. Всеобъемлющая система фабричного законодательства по западному образцу не соответствовала российским реалиям. Министрам было предложено по мере выявлявшейся на практике необходимости вносить в Государственный совет предложения об изменении и дополнении действовавшего законодательства [18: 119]. Правительство сочло целесообразным перейти к изданию отдельных нормативных актов, начав с ограничения труда детей и введения института фабричной инспекции, что было реализовано в издании закона 1 июня 1882 г. [12: 265-267]. Затяжной характер подготовки и проведения реформы фабричного законодательства, направленной на развитие промышленного производства на правовой основе и урегулирование взаимоотношений между рабочими и предпринимателями, отражал объективные закономерности процесса модернизации России во второй половине XIX – начале XX в.

Примечания.

1. Быков А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909.
2. Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1985-1904). Львов, 1964.
3. Володин А.Ю. История фабричной инспекции в России, 1882-1914 гг. М., 2009.
4. Захарова Л.Г. Великие реформы 1860-1870-х годов: поворотный пункт российской истории // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151-167.
5. Захарова Л.Г. Самодержавие и реформы в России // Великие реформы в России. 1856-1874. М., 1992. С. 32.

6. Куприянова Л.В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX вв. // История предпринимательства в России. Книга вторая. Вторая половина XIX - начало XX века. М., 2000. С.343-437.
7. Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861-1917). М., 1972.
8. Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1900.
9. Микулин А.А. Фабричная инспекция в России. 1882-1906. Киев, 1906.
10. Нисселович Л.Н. История заводско-фабричного законодательства Российской империи. Ч. I. СПб., 1883.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1836. Т. 10. № 8157. С. 447-448.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1886. Т. 2. № 931. С. 265-267.
13. Рабочий класс в России от зарождения до начала XX в. М., 1989.
14. Труды Комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Ч. 1-5. СПб., 1863-1865.
15. Труды комиссии, учрежденной для пересмотра уставов фабричного и ремесленного. Ч. 3. СПб., 1864. С. 157-216.
16. Туган-Барановский М.Н. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М., 1997.
17. Шелымагин И.И. Фабрично-трудовое законодательство в России (2 пол. XIX в.) М., 1947.
18. Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.
19. Янжул И.И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора Московского округа И.И. Янжула. СПб., 1907.
20. Puttkamer J. von Fabrikgesetzgebung in Russland vor 1905 (regierung und unternehmerschaft beim ausgleich ihrer interessen in einer vorkonstitutionellen ordnung). Koln, 1996.
21. Walkin J. The Attitude of the Tsarist Government Toward the Labour Problem // American Slavic and East European Review. Vol. 13. No. 2 (Apr., 1954). P. 163-184.

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ ЗАГОВОРА КАТИЛИНЫ

С. С. Демина

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, ist-drev@yandex.ru

Заговор Луция Сергия Катилины 63–62 гг. до н.э. является одним из важных событий истории позднереспубликанского Рима, поэтому исследователи до сих пор проявляют к нему устойчивый интерес. Одним из дискуссионных в науке вопросов остается вопрос о целях самого Катилины и его сторонников. Одни специалисты акцентируют внимание на их желании уничтожить долговые книги [4: 188, 190]. Другие отмечают, что кроме кассации долгов были и другие цели, в числе которых называют про-

скрипции, конфискации и передел земли, перераспределение магистратур и добыча, борьба с олигархией [3: 297; 2: 127; 8: 135, 144–148; 9: 39, 43–44; 7: 310–315; 10: 175]. Немецкие историки второй половины XIX – первой половины XX в. в качестве цели Катилины указывали на «социальную революцию» [11: 112]. С точки зрения С.Л.Утченко, наряду с кассацией долгов как основным лозунгом, имели место лозунги и тенденции, которые «были приправлены значительной долей политического авантюризма и демагогии» [6: 149. См. также: 5: 85–86]. Этот исследователь считает, что Катилина не стремился к личной диктатуре, но оговаривается, что он мог и не отказаться от нее, если бы такая возможность появилась [6: 149]. А.Б.Егоров сомневается в том, что организатор заговора хотел уничтожить Республику [1: 114].

Цицерон не подверг детальному анализу политическую программу заговорщиков. Он говорит лишь о предполагаемых убийствах (в том числе, и его самого как консула), грабежах, намечавшемся поджоге Рима и угрозе государству (Cic. Cat. I. 2-3, 6-7, 9, 24, 32; II. 1, 6, 10; III. 21, 25; IV. 2, 4, 7, 12-13; Pro Mur. 6, 52, 80-83, 85, 87). Об этом же писали и более поздние античные авторы (см.: Plut. Cic. 18-19; App. Bell. civ. II. 3).

Саллюстий пишет о политической и экономической частях программы Катилины. Первая часть показывает недовольство самого Катилины состоянием свободы граждан, не имевших доступа к власти, и олигархическим характером государственного правления (Sall. Cat. 20. 6-8). Вторая, экономическая, содержит противопоставление граждан по имущественному критерию (Ibid. 20. 11-13), на которое указывал и Цицерон (см.: Cic. Pro Mur. 50). Далее Саллюстий пишет, что Катилина обещал своим сторонникам отмену долгов, введение проскрипций, получение магистратур и жреческих должностей, а также возможность осуществления грабежей (Sall. Cat. 21. 2).

Аппиан утверждает, будто Катилина стремился к единоличной власти (App. Bell. civ. II. 2). Эта информация вызывает сомнения. Однако кажется вполне вероятным, что среди заговорщиков могли быть и монархически настроенные граждане. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что все античные авторы пишут о желании Корнелия Лентула, в связи с предсказанием, стать третьим Корнелием (после Цинны и Суллы), единолично управляющим Римом (Cic. Cat. III. 9, IV. 2, 12; Sall. Cat. 47. 2; Plut. Cic. 17; App. Bell. civ. II. 4). Если такие монархически настроенные граждане и были среди заговорщиков, то, тем не менее, они были в меньшинстве.

Таким образом, заговор Катилины свидетельствует о том, что римляне остро ощущали кризис общества и государства и необходимость перемен, однако цели заговорщиков не были ориентированы на кардинальные изменения в политическом и экономическом укладе. Вероятнее всего, речь лишь шла о смене элиты общества, что, безусловно, не позволило бы римской Республике выйти из кризисного состояния.

Примечания

1. Егоров А.Б. Политические взгляды Саллюстия // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 5. Античный полис. Л., 1979. С. 101–124.

2. Лившиц Г.М. Социально-политическая борьба в Риме 60-х гг. I в. до н.э. и заговор Катилины. Минск, 1960.
3. Сергеев В.С. Очерки по истории древнего Рима. В 2 ч. Ч. 1. М., 1938.
4. Тюменев А.И. К выяснению классовой позиции Цицерона // Из истории античного общества. М.-Л., 1934. С. 181–198.
5. Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.
6. Утченко С.Л. Цицерон и его время. М., 1986.
7. Barbieri A. Le tabulae novae ed il Bellum Catilinae // Rivista di Cultura Classica e Medioevale. 1994. Vol. 36. № 1/2. P. 307–315.
8. Kaplan A. Catiline: The Man and His Role in the Roman Revolution. New York, 1968.
9. Manni E. Lucio Sergio Catilina. Palermo, 1969.
10. Raepsaet-Charlier M.-Th. La «couleur» politique de Catilina. Réflexions d'après un ouvrage récent // L'Antiquité Classique. 2012. T. 81. P. 169–175.
11. Tornow E. Der Revolutionsbegriff und die späte römische Republik – eine Studie zur deutschen Geschichtsschreibung im 19. und 20. Jh. Frankfurt am Main; Bern; Las Vegas, 1978.

МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА КАК ОДИН ИЗ ВОЗМОЖНЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИИ

В. В. Дроздов, *д.э.н., проф.*
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, E-mail: dro-viktor@yandex.ru
В. А. Погребинская, *д.э.н., проф.*
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, E-mail: V1432971@ gmail.com
В. П. Золотарева, *к.э.н., доцент*
МПУ, Москва, Россия, E-mail: zolotareva2005@mail.ru

Важное значение истории в формировании у обучающихся компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности, бесспорно. Однако во многом это зависит от того, насколько органичной будет ее интегрированность в процесс преподавания в высшей школе. Это предполагает поиск новых методологических подходов, позволяющих на базе уже полученных знаний сформировать у будущих специалистов представление о наиболее эффективных хозяйственных практиках, т.е. сделать упор на изучении экономической истории.

Существующее сегодня многообразие подходов к изучению всемирной истории свидетельствует о попытке найти универсальное решение. Однако и формационный, и цивилизационный, и историко-институциональный, и культурологический подход, и методология мир-системного анализа, обладают недостатками, свойственными монистическим подходам. Это, однако, не снимает проблему доминирующего методологического модуля, которым, на наш взгляд, может быть модернизационная парадигма.

Сильной стороной практически всех концепций модернизации является то, что они позволяют объяснить многие важные факты и явления в области экономического

развития.[1] Подход с позиций теории модернизации особенно плодотворен при интерпретации истории индустриального развития последних веков. Однако если понимать под модернизацией адаптацию традиционных институтов к новым функциям, отражающим быстрый рост человеческого знания, то теория модернизации становится приемлемой методологической основой для объяснения экономического развития и в докапиталистический период. При таком подходе становятся более понятными история и логика преобразований в экономике в социалистический период.

Очень важно, что теория модернизации не отвергает конструктивные элементы широко известных концепций периодизации экономического развития (в частности, схемы Ф. Листа, Б. Гильдебранда, К. Бюхера, К. Маркса – Ф. Энгельса, У. Ростоу и др.). Это позволяет активно использовать работы многих поколений историков и экономистов, методологической основой которых были эти концепции, для дальнейшего наращивания научного потенциала.

Необходимо подчеркнуть, что сами эти концепции находятся в постоянном развитии. В настоящее время в научном сообществе существует понимание того, что их далеко не всегда можно использовать для формирования рецептов экономического развития конкретных государств. Недостаточно хорошо изучен и феномен «догоняющей модернизации».

Не следует преувеличивать и универсализм концепций модернизации, поскольку цивилизационное развитие не является однолинейным. История экономического развития конкретных государств свидетельствует о том, что традиционные институты весьма сильно влияют на характер модернизации и определяют ее результаты.

При группировке, изложении и интерпретации эмпирического материала по истории экономического развития большое значение имеет типология моделей модернизации. В истории как дореволюционной, так и советской и современной России модернизация имела и имеет «догоняющий» характер.[2] Однако модели этой «догоняющей» модернизации в разные периоды нашей истории были неодинаковы. На наш взгляд, следует различать «модель наименьшего сопротивления», «мобилизационную модель», «гибридную модель» и «трансформационную модель».[3] Эти модели соотносятся с конкретными периодами в истории России, имеют качественное своеобразие, которое необходимо учитывать и раскрывать при группировке историко-экономического материала и преподавании курса истории России.

---

[1] Важнейшие исследования по теории модернизации названы в [1], [2], [3], [4], [5], [8], [9], [10], [11], [13].

[2] Мнения исследователей о возможности интерпретации экономического развития России в постсоветский период в категориях догоняющего развития расходятся. Некоторые авторы считают, что в последние годы перед распадом СССР и в период рыночных реформ в России преобладала демодернизация, а не «догоняющее» развитие. Сторонники такой точки зрения также считают, что «догоняющее» развитие - феномен, характерный для периода, когда передовые страны находились индустриальной стадии экономического роста (примерно до 1970- х гг.) [5, с. 198; 6, с. 251, 258]. Однако подобное мнение не является преобладающим. Так, например, Р.М. Нуреев и В.Ю. Латов считают, что «постсоветская Россия – вполне «нормальная страна» догоняющего развития, с обычными (для такого рода стран) проблемами и причинами этих проблем» [7, с. 198]. На наш взгляд, такой подход является более реалистичным.

[3] Категориальный аппарат теории модернизации нельзя считать устоявшимся. Термин «мобилизационная модель» широко используется в литературе (см., например, [12, с. 17]). Другие используемые нами названия моделей «догоняющей» модернизации являются условными, хотя и отражают, как мы полагаем, существенные стороны их специфики.

«Модель наименьшего сопротивления» как модель «догоняющей» модернизации относится к периоду индустриального развития в условиях капиталистической перестройки российской экономики (1860-е гг. – 1914 г.), когда происходило формирование индустриальных структур и институтов современного типа. «Мобилизационная модель» характерна для Первой мировой войны и большей части советского периода (1914 г. – середина 1960-х гг.). «Гибридная модель» относится к последним десятилетиям советской истории (середина 1960-х – начало 1990-х гг.). В постсоветский период (начало 1990-х – 2010-е гг.), несмотря на процессы демодернизации в ряде отраслей экономики и некоторых сферах общественной жизни, происходила модернизация социально-экономических институтов и бизнеса (особенно в сервисных отраслях экономики). На наш взгляд, в эти годы также имело место «догоняющее» развитие, модель которого, с известной долей условности, может быть названа «трансформационной».

К числу общих характеристик этих моделей относятся доминирующая роль государства в осуществлении модернизации, упор на развитие отраслей военно-промышленного комплекса, большое влияние внешних вызовов, в ответ на которые осуществляется модернизация. Особенностями «догоняющей» модернизации по «модели наименьшего сопротивления» были ориентированность обновлений на сохранение империи и позиций правящей элиты, очаговость, зависимость от иностранного капитала, стремление отечественного бизнеса вкладывать капитал в отрасли, протежируемые государством.

Для «мобилизационной модели» характерны экономическое развитие в условиях директивного централизованного планирования, командно-мобилизационный характер управления хозяйственными процессами, форсирование темпов экономического роста, широкие масштабы использования принудительного труда. «Гибридная» модель была характерна для последних десятилетий советского периода, когда пытались использовать потенциал рыночных отношений для повышения эффективности экономики СССР. «Трансформационная» модель «догоняющей» модернизации может быть использована для характеристики социально-экономического развития России в период рыночных реформ, когда происходили серьезные институциональные преобразования, экономика стала более открытой и интегрированной в мировую экономику, а одним из важных субъектов модернизационных процессов стал бизнес.

Говоря о возможности использования теории модернизации в качестве доминирующего модуля при построении курса истории России, мы не должны игнорировать и позитивный потенциал институционального и неоинституциального подходов. Большой интерес представляют возможности «новой экономической истории», одним из основоположников которой является нобелевский лауреат Д. Норт. В частности, заметную роль при объяснении особенностей экономического развития отдельных государств и регионов могут сыграть идея о зависимости от траектории предшествующего развития и инструментарий ретропрогнозирования.

Что касается модернизационной парадигмы, то она может быть наиболее эффективной при фокусировании материала на новейшем периоде и на проблемы экономического роста, что вполне оправдано в отношении формирования профессиональных компетенций будущих специалистов и довольно распространено в практике преподавания в зарубежных вузах.

Примечания.

1. Бокарев Ю.П. Экономическая история и экономическая теория (научный доклад). - М.: ИЭ РАН, 2007. - 55 с.
2. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. – М.: Дело, 2015. – 536 с.
3. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Догоняющее развитие: современная трактовка. – М.: Институт экономики РАН, 2012. – 45 с.
4. Золотарева В.П. Типологизация моделей «догоняющего развития» в странах «второго эшелона капитализма» // Горизонты экономики. - 2016. - № 2 (28). - С. 33-41.
5. Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. – М.: Экономика, 2000. – 295 с.
6. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М.: РОССПЭН, 1998. – 264 с.
7. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Экономическая история России (опыт институционального анализа). – М.: КНОРУС, 2017. – 268 с.
8. Погребинская В.А. Основные противоречия «догоняющей модели развития» (сравнительный анализ периодов конца XIX - начала XX века с концом XX – началом XXI века) / Историко-экономический альманах. – М.: Академический проект, 2007. – С. 202 – 216.
9. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 34-56.
10. Родионова И.В. Историческая эволюция России с позиций модернизационной парадигмы: Методические рекомендации по курсу «Отечественная история». – М.: Московский государственный институт электроники и математики, 2006. – 22 с.
11. Суворов Д.В. Догоняющая модернизация как феномен // Вестник Гуманитарного университета. – 2013. – № 3. – С. 115 – 124.
12. Шишков Ю.В. Государство и догоняющее развитие // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. - № 6. – С. 15 – 29.
13. Burlamaqui L. Development Theory: Convergence, Catch-up or Leapfrogging? A Schumpeterian Approach. - São Paulo: Centro Celso Furtado, 2011. – 10 p.

ПОЛИТИКА БОЛГАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПОЗИЦИЯ РОССИИ ВО ВРЕМЯ БОЛГАРСКОГО КРИЗИСА 1885 – 1886 гг.

М. Ю. Золотухин

МПГУ, г. Москва, Россия, zolotukhin.mikhail56@gmail.com

На Берлинском конгрессе 1878 года, который подвел итог восточного кризиса, территория Болгарии была разделена на Северную (вассальное от турецкого султана Болгарское княжество) и Южную (Восточная Румелия, которая, обретя административную автономию, возвращалась Османской империи). Это произошло благодаря требованиям западноевропейских держав, в первую очередь, Англии и Австро-Венгрии, усматривавших в сильном и независимом болгарском государстве прямую угрозу своим интересам на Балканском полуострове. Россия же на протяжении всего восточного кризиса 1875–1878 годов пыталась отстаивать суверенитет и единство болгарского народа.

Решения Берлинского конгресса взвали взрыв возмущения в Болгарии, который в дальнейшем вылился в общенародное движение за консолидацию болгарской нации. Созданный в Пловдиве, столице Восточной Румелии, Тайный комитет установил контакт с политическими деятелями Болгарского княжества и князем Александром Баттенбергом. С помощью народных чет и восточнорумелийских военных подразделений Тайный комитет осуществил 18 сентября 1885 года бескровный переворот в Пловдиве. Турецкие власти были изгнаны, а созданное Временное правительство провозгласило соединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством под скипетром Баттенберга. Вместе с премьер-министром П. Каравеловым он прибыл в Пловдив, принял управление Восточной Румелией и обратился к державам с просьбой признать объединение Болгарии.

Пловдивские события, подрывавшие положения Берлинского конгресса, вызвали резко негативную реакцию Турции и балканских государств, привели к обострению противоречий между великими державами и, в конечном итоге, – продолжительному международному кризису 1885 – 1886 гг. [1: 377-478]. В истории же объединенной Болгарии начался новый этап ее государственного развития.

В то время как великие державы и Турция вырабатывали свои позиции в отношении переворота 18 сентября 1885 г., а Сербия и Греция требовали территориальных компенсаций, угрожая военными действиями против Болгарии, само политическое руководство Софии концентрировало усилия для обеспечения национального единства и независимости. Болгарское правительство развернуло необычайно энергичную дипломатическую деятельность в целях международного признания соединения. Первая нота Софии, составленная Министерским советом и подписанная князем, была отправлена 21 сентября в Стамбул послам держав-участниц Берлинского конгресса. Мольба о помощи и угроза были умело сбалансированы в тексте этого обращения. В нем заявлялось, что соединение совершено без враждебного Порте намерения, сюзеренитет которой признается, и содержалась просьба к державам признать новое положение вещей и выступить посредником перед султаном для санкционирования им соединения. В про-

тивном же случае, говорилось в ноте, «произойдет кровопролитие», поскольку болгарский народ «решил своей жизнью защищать совершенное дело». 25 сентября болгарское правительство попросило о заступничестве перед Турцией, гарантируя со своей стороны обеспечить спокойствие и порядок во всей стране [2: 5, 8].

Надо отметить, что деятельность софийского кабинета П. Каравелова проходила в напряженной внутриполитической ситуации при крайне сложном внешнеполитическом положении страны. Всеобщая мобилизация и реквизиции, проводившиеся болгарским правительством в связи с провозглашением объединения, упадок производительных сил и нарушение торговых связей в результате военного нападения Сербии на Болгарию, последовавшего 14 ноября 1885 года, привели в расстройство экономику страны. Существенным образом на сложившуюся обстановку влиял и тот факт, что в момент, когда решался вопрос о будущем болгарского народа, правящую Либеральную партию раздирали внутренние противоречия. Они особенно ярко проявлялись, когда речь заходила о характере русско-болгарских межправительственных отношений и позиции России по болгарскому объединению.

В Болгарии было хорошо известно, что царское правительство не только во время минувшего восточного кризиса, но и после 1878 года, держало курс на объединение северной и южной частей Болгарии. Александр II даровал Болгарскому княжеству одну из самых либеральных в Европе конституций, русские специалисты создали административный аппарат и земское войско княжества. В Восточной Румелии русская администрация добивалась укрепления ее автономии, что также подготавливало почву для будущего объединения.

Однако к 1885 году правительство Александра III оказалось враждебно настроенным к софийскому кабинету Каравелова, считая его «революционером», а действующую в стране конституцию «источником всяческих смут и беспорядков». В Петербурге главную вину за охлаждение русско-болгарских отношений возлагали на князя Александра Баттенберга, которого Александр III называл своим «личным врагом», считая, что тот плетет интриги в Вене и Лондоне против влияния России в Болгарии. В результате взаимных подозрений и ряда конфликтных ситуаций отношения между русским генеральным консульством в Софии, с одной стороны, и князем Александром и Каравеловым – с другой, обострились до крайности. Поддержка объединения в таких условиях могла бы привести, как полагали в Зимнем дворце, к превращению Болгарии во враждебную России силу на Балканах. Поэтому российский самодержец осудил и сам пловдивский переворот, и поведение князя. Софийскому кабинету дали ясно понять, что императорское правительство никогда не признает единую Болгарию во главе с Баттенбергом.

Западноевропейским державам петербургский кабинет предложил собраться на международную конференцию в Стамбуле с целью восстановить статус-кво в Болгарии и устранить от власти Баттенберга как нарушителя Берлинского договора 1878 года. В Зимнем дворце полагали, что это заставит болгар отвернуться и от князя, и его премьер-министра и обратиться к России, которая создаст новое болгарское правительство, поставит на болгарский престол своего ставленника и вслед за этим признает объединение.

Такая линия поведения «старшего славянского брата» не находила понимания в болгарских политических и интеллектуальных кругах, где все заметнее проявлялась прозападная ориентация, а главная ставка Каравелова на помощь России подвергалась критике.

Уже вскоре после пловдивского переворота в оппозицию к кабинету Каравелова встали организаторы восточнорумелийского Тайного комитета во главе с известным общественным деятелем и публицистом З. Стояновым, к которым примкнул глава правительства Восточной Румелии Г. Странский. Они заявляли о своей полной поддержке князя Александра и противопоставляли дружбе с Россией идею сближения с Турцией. Эта группировка развернула широкую кампанию против своих политических противников и преследовала всех, кто придерживался русофильских взглядов [3: 230-224]. Произошел раскол и в самом софийском кабинете. В Либеральной партии сложилось радикальное крыло во главе с министром юстиции В. Радославовым, к которому присоединилась группировка Стоянова. Радикалы обвиняли Каравелова в умеренном курсе, уступчивости великим державам, чрезмерном властолюбии и нежелании считаться с другими лидерами партии. Резко осуждая болгарскую политику царского правительства, они отстаивали князя Александра как символ независимости страны. Вокруг Радославова, твердо придерживавшегося австро-германской ориентации, сплачивались наиболее предприимчивые и алчные элементы болгарской буржуазии, желавшие получить полную свободу действий для своего обогащения и сотрудничества с западноевропейским капиталом [4: 147, 151, 162].

Основную оппозицию болгарскому правительству составляла довольно многочисленная группа умеренных либералов во главе с Д. Цанковым и его соратниками М. Балабановым и Т. Бурновым. Бывший товарищ и единомышленник Каравелова Цанков, искушенный в политической борьбе, не раз менявший убеждения за свою долгую карьеру, во время международного кризиса выступал ярым русофилом. Он ратовал за нормализацию отношений с Россией и, используя недовольство царского правительства пловдивским переворотом, а позже разочарование широких масс населения соглашением с Турцией 1февраля 1886 года, обвинял премьер-министра в ухудшении русско-болгарских отношений и незавершенности объединения. Зная отрицательное отношение Петербурга к софийским властям, цанковисты требовали создания нового правительства и избрания другого князя, но считали, что инициативу в этом вопросе должна проявить Россия. Поддерживая тесные связи с русскими дипломатическими представителями в Софии, Цанков не раз заявлял им, что в Болгарии нужно ввести временное русское управление [5: 1-6].

В рядах оппозиции правительству оказались также члены Консервативной партии, которые вместе с цанковистами выступали за необходимость сближения с Россией, но в отличие от последних, были готовы поддержать князя Александра, если он помирится с царем. Сложность положения главы правительства Каравелова усугублялась еще и тем, что князь Александр, вынужденный считаться с огромной популярностью премьер-министра, внешне проявляя свое дружеское расположение, при этом тайно интриговал против него. Князь оказывал большую материальную помощь газете ради-

кального крыла Либеральной партии «Независимость», которая нападала на кабинет Каравелова и Россию [6: 14-15].

Премьер-министр, он же глава Либеральной партии, отражавшей интересы широких слоев болгарского народа, вынужден был лавировать между партийными течениями для проведения своего курса, направленного на укрепление независимости Болгарии. На базе либерально-буржуазной платформы Каравелов последовательно боролся за сохранение и развитие демократических преобразований, но радикалом и революционером, каким он представлялся правительственным кругам России, Каравелов не был. Он высоко ценил узы дружбы, связывавшие болгарский и русский народы, и помощь России в освобождении Болгарии от османского ига. Но, будучи горячим патриотом, Каравелов остро реагировал на вмешательство европейских держав, в том числе и самодержавной России, в дела своей родины.

Переворот в Пловдиве произошел без ведома Каравелова и других членов правительства. Хорошо понимая необходимость объединения обеих частей Болгарии, Каравелов считал момент для этой акции неблагоприятным. Но после свершившегося факта в обстановке общенародного подъема он стремился сделать все необходимое для решения общенационального дела. Желая скорейшей нормализации внутриполитической ситуации, правительство объединяло одну за другой административные и государственные службы Княжества и Восточной Румелии, спешило поставить их под свое непосредственное руководство. При этом Каравелов действовал тактично по отношению к прежней румелийской администрации. Вместе с тем, в Софии, осознавая, что главной задачей являлось международное признание объединения, настойчиво добивались от европейских держав понимания своих национальных устремлений.

Естественно, что взоры болгар были направлены в первую очередь на Россию. Сразу же после пловдивского переворота Александру III была послана телеграмма за подписью председателя Временного правительства восточной Румелии Г. Странского, в которой тот от имени народа Южной Болгарии просил царя взять под защиту объединение [7: 182]. С той же целью члены софийского кабинета часто посещали русского генерального консула А.И. Кояндера, убеждая его, что объединение не направлено против России. Народное собрание, сессия которого открылась 23 сентября 1885 года, обратилось к царю с просьбой взять под свое покровительство дело объединения, а также просило оставить русских офицеров для продолжения службы в Болгарии. (Александр III отозвал русских военных, так как не желал их участия в международной борьбе в Болгарии, которая, по его мнению, была неизбежна). Из Петербурга пришел ответ о неодобрении пловдивского переворота; отказавшись оставить русских офицеров в Болгарии, царь разрешил отсрочить отзыв лишь военным врачам и флотским служащим [8: 168, 172-173].

По инициативе Каравелова к Александру III в Копенгаген, где в то время царь гостил у родителей своей супруги, была направлена делегация во главе с митрополитом Климентом. На состоявшейся 3 октября 1885 года аудиенции Александр III заверил болгарских делегатов, что чувства России к болгарскому народу не изменились, идея объединения понятна – его желала и Россия, и теперь речь о разъединении идти не может вовсе. Болгарам было обещано покровительство России и обеспечение их интере-

сов. При этом царь сказал, что императорский кабинет не одобряет средств, с помощбю которых было осуществлено объединение, поставившее Болгарию и Россию в тяжелое международное положение, и дважды прямо заявил: пока в Болгарии настоящее правительство, оно не может рассчитывать ни на какую поддержку со стороны России [8: 181-184].

Князь Александр со своей стороны, едва получив известие о пловдивских событиях, телеграфировал Александру III, умоляя его поддержать объединение. В последующие дни подобного рода телеграммы он посылал царю еще четыре раза. Все они остались без ответа [9: 1, 3-6]. На телеграмму князя российскому министру иностранных дел Н.К. Гирсу от 30 сентября, где он отрицал свою осведомленность о подготовке пловдивского переворота и свое участие в нем, министр отвечал лаконично и холодно [10: 44].

В Софии должны были сделать вывод, что все попытки получить поддержку Петербурга, ни к чему не приведут. Реакция петербургского кабинета на объединение была в Болгарии во многом не ожидаема. Правительство Каравелова, чтобы не уронить своего престижа, старалось скрыть истинную позицию России. Так, не был опубликован ответ царя на обращение Народного собрания, а из ответа Александра III болгарской делегации в Копенгагене в печати появилась только фраза о неизменном сочувствии России к болгарскому народу и объединению. В стране усиленно распространялась версия о том, что царское правительство поддерживает объединение, а противоположные этому выказывания и действия русских дипломатов и военных в Болгарии представляют собой лишь хитрый дипломатических ход Петербурга. В то же время среди части болгарской интеллигенции, благодаря публичным выступлениям князя Александра и отдельных правительственных чиновников, утвердилось мнение, что неодобрение царским правительством пловдивского переворота приведет к признанию оного Европой [8: 188-190]. Все это не могло не влиять на напряжение обстановки в стране.

На кого, кроме России, могла опереться Болгария? На Австро-Венгрию, Германию, Италию, высказавшиеся отрицательно относительно объединения, надеяться было трудно. Оставались Англия и Франция.

21 сентября 1885 года князь Александр направил британскому премьер-министру Р. Солсбери телеграмму с просьбой признать объединение. Вслед за этим в Лондон приехал специально уполномоченный болгарским правительством, хорошо известный в Европе государственный деятель и банкир И. Е. Гешов, имевший тесные связи с английскими политическими деятелями.

После окончания Берлинского конгресса в среде британской политической и дипломатической элиты укрепилась идея, что Болгария может и должна быть превращена в аванпост Англии в Юго-Восточной Европе. Постепенно выкристаллизовалась и линия на использование болгарского объединительного движения против своего главного соперника на Ближнем Востоке – России, на подрыв ее влияния среди славянских народов Балканского полуострова, на раскол австро-русско-германского альянса – Союза трех императоров 1881 года. Убедившись в непричастности царского правительства к событиям 18 сентября в Восточной Румелии и осуждении им пловдивского пере-

ворота, британская дипломатия с присущей ей гибкостью поспешила упрочить положение князя Александра Баттенберга и предстать перед болгарами защитником их национального дела.

Гешов был принят руководителями внешней политики Англии Р. Солсбери, помощником министра иностранных дел Ю. Пансефортом, заведующим восточным отделом Форин офис Ф. Керри. В своих донесениях болгарский уполномоченный писал, что сент-джеймский кабинет считает невозможным теперь восстановить статус-кво в Болгарии, осуждает воинственные настроения Сербии с ее требованиями территориальных компенсаций и сделает все от нее зависящее для предотвращения угрозы сербо-болгарской войны. Болгарам было рекомендовано, как единственное средство решения болгарского вопроса, начать переговоры с Турцией с целью достижения персональной унии: Баттенберг, оставаясь правителем Болгарского княжества, назначался турецким султаном генерал-губернатором Восточной Румелии. Подобная схема объединения формально не нарушала условия Берлинского договора. Гешов также вступил в контакт с лидерами оппозиционной Либеральной партии, встречался с видными общественными деятелями и журналистами; он отмечал благожелательность и симпатию британских правящих кругов и общественности и надеялся на реальную поддержку кабинета Солсбери.

Из Лондона болгарский делегат отправился в Париж, где получил частную аудиенцию у Ш. Фрейсине. Глава французского МИД также говорил о своих симпатиях к Болгарии, но посоветовал выполнить решения международной конференции, которая в то время открылась в Стамбуле. Визит во Францию разочаровал и обеспокоил Гешова [11: 148-167].

Помимо стремлений добиться европейского признания объединения, болгарская дипломатия должна была предотвратить военные выступления Турции (Порта обсуждала возможность направления войск в Восточную Румелию для восстановления там статус-кво), а также Сербии.

В начале октября 1885 года князь Александр в целях нормализации отношений между Болгарией и Сербией решил войти в прямые переговоры с сербским королем Миланом Обреновичем, направив для этого в Белград видного политического деятеля К. Стоилова. Он должен был передать сербскому монарху княжеское письмо с предложением соглашения «о сферах влияний наших народов, об их географических границах, внутри которых нужно ограничить наши действия и претензии». В письме подчеркивалось согласие правительства с изложенным предложением. При этом Баттенберг подготовил и второе личное письмо Обреновичу (очевидно, втайне от членов Министерского совета), заключавшее в себе план совместного нападения на Турцию.

Не вызывает сомнения то обстоятельство, что кабинет Каравелова, не одобрявшего в целом княжеский замысел, не принял бы этот авантюристический шаг, который при явно сомнительном успехе, в случае придания его огласке сербской стороной, мог бы навлечь гнев Порты и европейских кабинетов. Но так как намерение Баттенберга решить проблему объединения путем двусторонних сербо-болгарских переговоров уже было разглашено и нашло поддержку в Англии, был выбран новый посланник в Белград, Д. Греков, ближайший сторонник Стоилова по Консервативной партии. Новое

письмо князя содержало общие уверения в желании укреплять узы дружбы и братства между двумя народами. Однако эта миссия была отклонена Миланом, и военные приготовления Сербии продолжились усиленными темпами [12: 186-189].

В ином ключе развивались отношения Болгарии и Турции. 21 сентября 1885 года князь Александр направил телеграмму султану Абдул Хамиду II, заверяя его, что объединение двух частей Болгарии произошло без враждебных намерений по отношению к Порте, просил признать объединение под османским сюзеренитетом. Аналогичная телеграмма была направлена болгарским министром иностранных дел И. Цановым в турецкий МИД. Подтвердить это должны были два восточнорумелийских представителя (С. Чомаков и И. Петров), направленные в Стамбул главой временного правительства Восточной Румелии Г. Странским, видимо, с ведома Баттенберга [2: 4, 9-10].

Каравелов же в это время принимал меры, чтобы не допустить вооруженного сопротивления болгар турецким войскам, занявшим после провозглашения объединения Кырджалийскую околию, населенную исключительно турками, и «непокорные села» в Родопских горах, где проживали болгары-мусульмане (помаки). Последние, войдя в состав Восточной Румелии, не подчинялись ее администрации, а поддерживали связи с эмиссарами Порты. Если бы княжеское правительство направило туда войска, неизбежно начался бы военный конфликт, дававший Порте повод оккупировать Восточную Румелию. В создавшейся ситуации в Софии решили уступить эти территории Турции, желая избежать каких-либо столкновений на границах и стремясь не вызвать недовольство и протесты турецкого меньшинства.

Для установления личных контактов по совету Лондона 6 октября князь Александр направил с письмами к султану и великому визирю К. Стоилова и одного из вождей Либеральной партии К. Калчова. Письма эти были приняты, и между князем и Портой установились прямые связи. Под давлением английских дипломатов Абдул Хамид II стал склоняться к тому, чтобы признать Баттенберга генерал-губернатором Восточной Румелии [13: 345-346]. Но осенью 1885 года никакого соглашения с Портой болгарское правительство достигнуть еще не могло, ибо султан ждал решения великих держав и не оставлял мысли добиться прежнего положения в Восточной Румелии. Однако названные миссии подготовили почву для дальнейших переговоров о выработке соглашения между Болгарией и Турцией.

Хотя вопрос о судьбе болгарского народа решался «концертом» держав – Россией, Англией, Германией, Австро-Венгрией, Францией и Италией, – и сама Болгария была отстранена от участия в переговорах, кабинет Каравелова уже в октябре 1885 года достиг определенных успехов. Он ознакомил Европу с положением дел внутри страны и со своим твердым намерением защищать провозглашенное соединение. Проявляя исключительный такт и дипломатичность, неизменно подчеркивая свое уважение к мнению европейских кабинетов, правительственные круги княжества стремились воспользоваться вспыхнувшими противоречиями держав вокруг болгарской проблемы. Эту тактику болгарская дипломатия с успехом применяла и в дальнейшем. К моменту открытия международной конференции в турецкой столице – 5 ноября, – которая должна была решить вопрос о болгарском объединении, в Софии успели заручиться поддержкой англичан и установить первые контакты с Портой.

25 ноября, уступая требованиям России, все участники Стамбульской конференции, кроме представителя Англии, подписали резолюцию, которая предусматривала: послать в Восточную Румелию турецкого комиссара в качестве временного представителя, пока там не будет восстановлено положение, существовавшее до 18 сентября; после реставрации власти султана в Восточной Румелии Порта назначит туда генерал-губернатора.

Однако выполнить это решение оказалось невозможным. Обстановка на Балканах резко изменилась. Стамбульская конференция еще не закончила свою работу, как Сербия, опираясь на деятельную помощь своей союзницы Австро-Венгрии, начала 14 ноября военные действия против Болгарии. Вопреки предположениям европейских кабинетов, в сербо-болгарской войне успех сопутствовал болгарским войскам. Сербская армия была быстро изгнана с болгарской территории, а болгарские части с князем Александром во главе заняли сербский город Пирот. Вероятность разгрома Сербии и падения своего ставленника – короля Милана породили настоящую панику в Вене. Угрожая вступлением в войну на стороне Сербии, Австро-Венгрия заставила болгар прекратить наступление. Инициативу решительно содействовать прекращению войны взяла на себя Россия. 5 марта 1886 года Сербия и Болгария подписали мирный договор, восстанавливавший довоенное положение.

Одержанная болгарским народом победа в борьбе за защиту независимости и целостности своей страны, превращение князя Александра в глазах болгар чуть ли не в национального героя оказали серьезное влияние на позицию западноевропейских держав. Там открыто и настойчиво заговорили о необходимости признать объединение в форме личной договоренности Болгарии со своим сюзереном Турцией. Невозможность в новых условиях требовать возвращения статус-кво в Болгарии и отречения ненавистного Баттенберга понимали и в Петербурге.

С конца декабря 1885 года и в течение всего января 1886 года между Софией и султанским дворцом велись переговоры о заключении двустороннего договора. В результате был разработан проект соглашения, для уточнения и подписания которого в Стамбул был направлен министр иностранных дел И. Цанов. 1 февраля Цанов и великий визирь подписали соглашение, которое было представлено Портой на утверждение великих держав. Договор, максимально приближенный к пунктам Берлинского трактата, предусматривал следующее: управление Восточной Румелией, которая оставалась составной частью Османской империи, передавалась князю Александру сроком на пять лет, по истечение которого он должен был снова (и так каждые 5 лет) утверждаться в должности генерал-губернатора султанским ферманом; мусульманские села Кырджалийской околии и в Родопских горах отходили к балканским владениям Турции; болгарский князь и султан заключали военный союз на случай нападения на одну из сторон; Болгарское княжество продолжало платить Турции за Восточную Румелию ежегодную дань; Порта и князь назначали комиссию, которая должна была в течение четырех месяцев пересмотреть законодательство Восточной Румелии с учетом желаний и нужд румелиотов [14: 9-15].

Выработанное соглашение вполне устраивало западные державы. Россия, не выступая против самого соглашения, потребовала исключить статью о болгаро-турецком

военном союзе, внести положение об обязательном утверждении великими державами болгарского князя генерал-губернатором Восточной Румелии (без упоминания имени Баттенберга, что было крайне унизительно для него), а также добавить положение об одобрении Европой пересмотренного законодательства Восточной Румелии. Русские предложения, особенно о ликвидации статьи о военном союзе, исходили из интересов не только России, но и Болгарии, так как были направлены на укрепление ее суверенитета. Это хорошо понимали в Софии. «Предлагаемые Россией изменения в нашу пользу» – писал Каравелов Цанову [14: 18]. Но русские предложения вызвали яростное возмущение Баттенбурга. Венский и английский кабинеты и сама Порта совместно настаивали на упоминании имени болгарского князя в соглашении. Однако видя решительность царского правительства в отстаивании своих требований, с одной стороны, и достигнув главного – принятия персональной унии, с другой, западные державы согласились с условиями России.

5 апреля 1886 года в летней резиденции султана Топхане послы шести великих держав и министр иностранных дел Турции подписали акт, представлявший собой измененный согласно требованиям России болгаро-турецкий договор. Топханейский акт означал международное признание объединения двух частей Болгарии.

Примечания.

1. Золотухин, М.Ю. Борьба держав на Балканах и Ближнем Востоке в середине 70-х – 80-х гг. XIX в.: дис. … д-ра ист. наук [Текст] / М.Ю. Золотухин. – М., 1995.
2. Кореспонденция по въпроса за Съединението. Сборник на документи [Текст]. – София, 1886.
3. Донесения М.А. Игельстрома А.И. Нелидову 21 и 25 сентября 1885 г. [Текст] // Архив внешней политики Российской империи. – Ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел). – 1886. – Д. 100.
4. Телеграммы П.М. Богданова А.Г. Влангали 28 сентября, 3 и 10 октября 1885 г. [Текст] // Архив внешней политики Российской империи. – Ф. 151 (Политический архив). – Оп. 482. – Д.1285.
5. Письмо Д. Цанкова П.М. Богданову 15 февраля 1886 г. [Текст] // Български исторически архив при Народна библиотека Кирил и Методий. – Кол. № 28. – Д. А II 9776.
6. Грънчаров, С. Политическите сили и монархическият институт в България 1886–1894 [Текст] / С. Грънчаров. – София, 1984.
7. Телеграмма Г. Странского в российский МИД 18 сентября 1885 г. [Текст] // Български исторически архив при Народна библиотека Кирил и Методий. – Ф. 14 (Г. Начевич). – Оп. 4. – Д. 3390.
8. Стателова, Е. Дипломацията на Княжество България 1879–1886 [Текст] / Е. Стателова. – София, 1979.
9. Телеграммы Александра Баттенберга Александру III 18, 22, 23, 24 и 26 сентября 1885 г. [Текст] // Български исторически архив при Народна библиотека Кирил и Методий. – Ф. 43 (П.Р. Славейков). – Д. IIB 5298.
10. Телеграмма Александра Баттенберга Н.К. Гирсу [Текст] // Архив внешней политики Российской империи. – Ф. 151 (Политический архив). – Оп. 482. – Д. 2165.

11. Иван Евстатиев Гешов. Спомени и студии [Текст]. – София, 1928.
12. Митев, Й. Съединението 1885 [Текст] / Й. Митев. – Пловдив, 1985.
13. Донесение А.И. Нелидова Н.К. Гирсу 14 октября 1885 г. [Текст] // Архив внешней политики Российской империи. – Ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел). – 1885. – Д. 22.
14. Цанов, И. Из бележки ми по Съединението [Текст] / И. Цанов // Български архив. – София. – 1899. – Кн. VIII.

«КНИГА, ГЛАГОЛЕМАЯ ЛОГИКА» И МИРОВОЗЗРЕНИЕ РУССКИХ ЕРЕТИКОВ РУБЕЖА XV – XVI вв.

А. А. Исаков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, blauer-reiter@yandex.ru

История изучения текстов, которые обобщенно принято называть «Логикой жидовствующих» (а именно «Книги, глаголемой логика» и «Логики Авиасафа»), была начаита А.И. Соболевским, необоснованно посчитавшим «Книгу, глаголемую логика» буквальным переводом сочинения Моисея Маймонида [6: 6-12]. Рукопись «Логики Авиасафа» была исследована П.К. Коковцевым, установившим, что авторство оригинала принадлежит не Моисею Маймониду, а Аль-Газали, (имя Авиасаф является псевдоэпиграфом, возникшим из еврейской транскрипции имени Аль-Фараби – Авийеша) [2: 24]. Так было установлено, что «Книга, глаголемая логика» – это компиляция текстов Маймонида («Термины логики») и Аль-Газали («Стремления философов»). До 1960 года обе логики уверенно атрибутировались еретикам, но в советской и постсоветской историографии сложилась традиция не включать их в корпус источников по идеологии жидовствующих (впервые обосновано Я.С. Лурье) [3: 83-84, 195-196].

Большое значение для исследования переводных логик имеют работы израильского исследователя М. Таубе. Стремление литовских евреев к прозелитизму он объясняет следованием эсхатологической доктрине «тикун», согласно которой для восстановления Израиля обращение в иудаизм неевреев было важнее, чем сохранение иудаизма в чистоте самими евреями. Переводы логических трактатов представляли иудаизм в выгодном свете в глазах тех кругов русского общества, которые интересовались наукой и философией. Для этого популярная работа Аль-Газали была приписана несуществовавшему еврейскому мудрецу Авиасафу. Главную мировоззренческую нагрузку в «Московском органоне», по мнению М. Таубе, несет именно первая часть – перевод «Терминов логики» Моисея Маймонида. Большая часть 14-й главы этого текста представляет собой оригинальное, а не переводное сочинение, обосновывающее выгодное для сторонников доктрины «тикун» учение о единстве вер. «Долгую логику», на которую часто ссылается автор «Московского органона», он полагает собранием логических трудов Аристотеля с комментариями Ибн-Рушда [7: 367-393].

Среди историков философии наиболее плодотворную оценку логикам дал В.В. Мильков, подметивший существенную мировоззренческую коллизию между «Книгой, глаголемой логика» и «Логикой Авиасафа». Характеризуя «Логику Авиасафа», он указал на ее материалистические тенденции. В характеристике «Книги, глаголемой логика», В.В. Мильков, напротив, обратил внимание на неоплатонические тенденции, полагая при этом, что неоплатонизм Маймонида был созвучен мировоззрению позднего Аль-Газали [4: 272-273, 275], что выглядит как натяжка, так как тексты позднего Аль-Газали в обеих логиках не отразились.

Переходя к анализу текста, укажем, прежде всего, что «Книга, глаголемая логика» тесно связывает проблемы истины и сущности человека. В целом бытие человека описывается с точки зрения онтологии Аристотеля: «…яко речем о человеце, иже телество его живот, а душевенство его слово, а делател его душедавец, а статок его доставати разумом истинны» [5, л. 9об.]. Признавая учение о последней материи и понимая жизнь в материальном ключе, «Книга, глаголемая логика» всячески подчеркивает надматериальную природу человека, соединение в нем двух разнородных составляющих: «А плоть посполюет рослых, и живых, и человечество, и местныя, яко камен и вся нерастущая. А самость посполиет плот и душевенство» [5, л. 10 об.]. Категория самости здесь подчеркивает самостоятельность плоти и души в составе человека.

Интерес представляет диалектика одушевленности и чувственности. Упражняясь в правильном построении силлогизмов, автор «Книги, глаголемой логика» составляет два суждения: «Всяк живый душевен есть, а всяк живый чювствен, ино часть душевнаго чувствен», – и: «Часть живаго душевен, всякий живый самостен, ино часть душевна самостна есть» [5, л. 7]. Из них вытекает, что не все одушевленные существа обладают чувственностью и самостью и можно предположить существование одушевленных существ, не обладающих всеми признаками человека и построить иерархию природы, найдя в ней место и животным (которые не самостны), и ангелам (которые не обладают плотью и чувственностью). Это доказывает, что плоть и душа могут существовать независимо друг от друга.

Из этого дуализма ожидаемо вытекают антиэмпиризм и антиматериализм: «…яко ж речем: "Всяк человек, и кошка, и птица, и рыба жует исподнею челюстию. Ино всяк живый тако ж". А то есть лож, иже судит, что видев, ано тимсах (крокодил – А.И.) верхнею челюстию жует. А иное ровняние, наречем его приклад, яко речем: "Небеса стена есть, а стена плоть, а плоть поновна еста, ино небеса учинены". А то лож, иже судит то, что на одном плотном видев, по другому» [5, л.8-8об.]. В обоих случаях подвергаются критике суждения (индуктивные в первом случае и суждения по аналогии во втором), основанные на следовании повседневному опыту. Автор «Книги, глаголемой логика» утверждает принципиально иную природу неба, указывая на несостоятельность его материалистической трактовки по аналогии с плотью. Здесь же ожидаемо встречается критика атомистического учения о душе: «Яко ж речем: "Всякая душа плоть есть, а всякая плоть делится", – ино родится нам, иже всякая душа делится. А то есть лож, а плоть быти, иже предки (посылка – А.И.) его некоторыи крив» [5, л. 8.].

Из антиэмпиризма вытекает элитаризм в понимании истины, который ставит мудреца выше народа: «Да аще кто во прю глаголет, а ровнание его изставлены из за-

кона, да из явных предков, а то пристоит народу. Але мудрым пристоит лучши того, что разум примет» [5, л.9.]. Мы видим, что умопостигаемая истина здесь противопоставляется и закону, и эмпирической данности. Соответственно, обладающий истиной мудрец должен вести себя сдержанно, видимо, даже эзотерически: «Помянухом же зде, еже рекл Аристотел, кто не разнит меж силою и делом, и самостию, и притчею, и речми всячественными, се есть неразумный. Не подобает бо глаголати с тем ни о которой мудрости» [5, л. 12].

В итоге постулируется тезис, характерный для неортодоксальных направлений в средневековом иудаизме и тесно связанный с доктриной «тикун» (собирания после рассеяния). Г. Шолем понимал этот тезис как подмену Бога откровения Богом разума [8: 397]. В «Книге, глаголемой логика» этот тезис звучит так: «А мудрость сию исполни Аристотел, глава всем философом первым и последним, подлуг смыслу мудрецов израилевых, аже по пленении не нашли своих книг, а спустилися на его разум, иже ровен во пророческих фундаментех, зане же невозможно есть, абы пророк неполн был в седми мудростех» [5, л. 14 об.]. В рассеянии евреи утратили способность к откровенному познанию истины и вынуждены были прибегнуть к пути, проложенному античной философией. Нередко исследователи понимают это как придание откровенного характера философии Аристотеля, но мы считаем верным подход Г. Шолема: откровение здесь подменялось разумом, пророк становился философом.

Еще одна важная идея «Книги, глаголемой логика» – идея общности вер, обосновывающая возможность их смены. Этой теме посвящен фрагмент оригинального текста, замещающий финал исходного трактата Маймонида: «Мудрость божественная, яже есть глава всем седми и ядро их статочное (цель – А.И.), зане же его живот душа человеческая, а то познает каждыя веры человек, иже, который глупый, у бога не может быти. А то подобно, как бы некто рек, иже князю служу, а кто той, ин яз не ведаю. Или хожу в церковь, а где церковь не ведаю. А сия 7 мудростей не подлуг котораго закона, нижели подлуг человечества, а можется каждыя веры человек кохати в них. Как же видим, иже во всех верах суть про то, иже законник подобен скарбнику, а мудрец тому, что добывает» [5, л. 15-15 об.]. Последний фрагмент текста Маймонида изменен автором «Московского органона» в том же ключе: «Приводы незнатия правды четыре: 1) глубины ея кратким разумом; 2) непорядиею разума; 3) ищучи перемогания и господства; 4) любя то, в чем привык» [5, л. 15 об.]. Четвертая причина заблуждения, очевидно, относится к религии, в которой человек воспитывался от рождения, и представляет собой известный ход в антирелигиозной полемике.

Можно ли объяснить все отмеченные нами особенности мировоззрения автора-составителя «Книги, глаголемой логика» целостным образом? Да, и начать нужно с правильной трактовки имени «Авиасаф». Вслед за П.К. Коковцевым мы считаем имя «Авиасаф» псевдоэпиграфом, но не случайным. Аль-Фараби действительно приписан текст Аль-Газали. Причина в том, что Аль-Фараби был основоположником концепции конечности индивидуальной души. Эта точка зрения получила популярность благодаря Аверроэсу, а М. Таубе считает (и у нас нет оснований спорить с ним), что не раз упоминаемая в источнике «Долгая логика» – это комментарий Аверроэса к собранию логических трудов Аристотеля. То есть знаменитая фраза митрополита Зосимы из Просве-

тителя: «ни Царствия Небесного, ни второго пришествия, ни воскресения мертвых нет, если кто умер, значит – совсем умер, до той поры только и был жив» [1: 30-31], – это аверроизм, а не саддукейство (ересь иудаизма, отрицавшая воскресение из мертвых и отдельное бытие души от тела). Присоединяя к тексту Аль-Газали, приписываемому Аль-Фараби, текст Маймонида, составители «Книги, глаголемой логика» ослабляли аверроистскую тенденцию «Логики Авиасафа», потому что именно Маймонид в специальной работе сформулировал тезис о посмертном существовании души и о том, что при смерти человек разделяется на тело и душу. В тексте Маймонида обосновывается независимость чувственного и словесного начал в человеке, принципиальное различие между душой и материей, землей и небом, и даже слово «фарисей» не используется как ругательное (именно фарисеи в споре с саддукеями отстаивали доктрину воскресения). Таким образом, Иосиф Волоцкий был не прав, приписывая московским еретикам мнение о том, что нет жизни после смерти. В «Долгой логике» оно могло быть, но в «Книге, глаголемой логика» отводилось предисловием из Маймонида, дополненным оригинальными вставками.

«Книгу, глаголемую логика» создавали не представители демократического движения, а члены закрытой группы, для которой в те времена не представлялась пугающей перспектива смены религии. Ее члены смело сводили пророческий дар к методологии рационального познания и полностью отказывали необразованной массе в праве на какой-либо другой путь приближения к истине. При этом они нуждались в аргументах для опровержения стихийно-материалистического мировоззрения, то есть, очевидно, подвергались какой-то критике «слева». Все эти черты живо напоминают нам положение московской группы жидовствующих, состоявшей из придворных чиновников, священников и членов семьи великого князя. «Книга, глаголемая логика», скорее всего, возникла именно в процессе перерождения движения из антифеодального в эзотерическое в Москве.

Примечания.

1. Иосиф Волоцкий. Просветитель. М., 1993. 382 с.
2. Коковцев П.К. К вопросу о «Логике Авиасафа». СПб., 1912. 22 с.
3. Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М-Л., 1960. 532 с.
4. Мильков В.В. Переводные философские сочинения в русской книжности конца XV – середины XVI веков: еврейские и арабские влияния // Историко-философский ежегодник 2016. М., 2016. С. 269-295.
5. НИОР РГБ. Ф. 726. Собрание И.К. Андронова. Рукопись 2 // http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-726/2 (Дата обращения - 29.10.2018)
6. Соболевский А.И. «Логика» жидовствующих и «Тайная тайных» // Памятники древней письменности и искусства. CXXXIII. Отчет о заседании 5 марта 1899 года. СПб., 1899. С. 5-13.
7. Таубе М. Ересь «жидовствующих» и переводы с еврейского в средневековой Руси // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени / Под. Ред. А. Кулика. Том 1. М., 2017. С. 367-393.
8. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М., 2004. 510 с.

ЕГИПЕТ: ОРГАНИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ XVIII ВЕКА

С. А. Кириллина
МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия E-mail: s.kirillina@gmail.com

Е. Ю. Рогачева
ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, e-mail: erogacheva@hotmail.com

Дмитрий Алексеевич Макеев был специалистом по истории Востока. Он имел возможность побывать в Египте, поэтому тема Египта вошла в проблемное поле этого ученого и педагога. Так, например, в 2016 году как заместителю главного редактора Вестника ВлГУ мне представилась возможность быть рецензентом статьи Дмитрия Алексеевича «Профессиональное образование в Египте, 1882-1914 гг.», которая позже вышла в разделе «Педагогические и психологические науки». В период, когда Дмитрий Алексеевич был ректором нашего Владимирского педагогического университета, в наших беседах мы часто говорили о Египте, в котором мне также удалось побывать в качестве переводчицы Прокатного Стана на Металлургическом Комбинате в Хелуане в 1976-1977 годах. Год стажировки, когда я ещё была студенткой 5 курса, подарил мне много интересных моментов, о которых мы беседовали с Дмитрием Алексеевичем не раз. Он тоже рассказывал мне о своих впечатлениях об этой экзотической стране, об особенностях образования. Надо признать, что в 1990-е годы Дмитрий Алексеевич, несмотря на некий присущий ему консерватизм, всячески поощрял международную деятельность в университете, понимая, что мир меняется, и образовательное пространство становится иным. Он поощрял участие наших преподавателей в программе Темпус-Тасис, поддерживал стажировки за рубежом. В 1994 и 1996 нашему вузу удалось выиграть гранты на участие в годовых программах Темпус Тасис дважды. Университеты Эксетера (Великобритания), Ознабрюка (Германия) и Сантандер (Испания) стали нашими партнерами. Ответственность за психолого-педагогический блок была возложена на меня, а за гуманитарный блок отвечала Ирина Константиновна Лапшина. В организационную группу входил и тогдашний официальный помощник Дмитрия Алексеевича Макеева Вадим Коновалов, который сегодня сделал блестящую политическую карьеру и работает в Государственной Думе. Многие наши преподаватели стали участниками программы обменов, на базе университета организовывались совместные семинары по самым разным проблемам как исторической, так и психолого-педагогической наукам. Это было время открытия друг друга, пополнялась источниковая база университета, оснащался техникой международный отдел, а студенты и преподаватели имели возможность на занятиях по спецкурсу «Школа и университет за рубежом», а также на лекционных курсах исторического факультета и факультета иностранных языков, на межкафедральных семинарах беседовать с представителями крупнейших вузов Европы и США, слушать гостевых лекторов, самим выступать в этой роли. Это было замечательное время, когда прокладывалась дорога диалогу и всеми участниками правило желание взаимодействовать. К нам приезжали представители разных стран. В 1991 году в кабинете Дмитрия Алексеевича мы встречали Тони Лавандера, представителя университета Глазго, а тогда колледжа Джорданхилл - крупнейшего центра по педагогиче-

скому образованию в Шотландии, наших американских коллег -историков Ларри Мак-Брайда и Фредерика Дрейка из Университета штата Иллинойс. На нашей базе стажировались многие китайские аспиранты. Дмитрий Алексеевич находил ко всем подход, а наши гости всегда были рады встретиться с таким образованным, статным и гостеприимным ректором.

Надо признать, что, имея столь высокое положение, Дмитрий Алексеевич всегда отличался скромностью. Несмотря на то, что ему приходилось быть на публичных мероприятиях, он предпочитал им семейный уют и отдых в кругу своих самых близких друзей, дочери Ирины, любящей и заботливой супруги и внучки. Когда мы были вместе с дочерью Дмитрия Алексеевича Ириной Дмитриевной и Андреем Александровичем Чекушовым в Германии в 1994 году по программе Темпус в университете Ознабрюк, мне посчастливилось беседовать в свободное время с Ириной и узнать, насколько душевным был Дмитрий Алексеевич в семье, как трепетно к нему относилась его дочь. Это добавило много человеческих мерок к портрету Дмитрия Алексеевича. Вообще, у меня, как и, наверное, у многих моих коллег, остались очень хорошие воспоминания о Дмитрии Алексеевиче как ректоре, ученом-историке, так и человеке. Мы всегда им гордились, так как Дмитрий Алексеевич был очень представительным и пользовался особым уважением в академическом мире, в министерских структурах. Он всегда отстаивал наш университет, его ценили в ректорском сообществе, он внимательно относился к своим подчиненным. Для его персонального водителя смерть Дмитрия Алексеевича стала огромной безутешной утратой. Дмитрий Алексеевич всегда поддерживал в трудную минуту. Помню, как на моем 50-летнем юбилее в 2004 году он пришел меня поздравить и подарил мне красивый чешский пишущий набор с пожеланиями завершить работу над докторской диссертацией. Тогда я ещё сомневалась, а сумею ли я закончить труд моей 20-летней научной работы? Дмитрий Алексеевич вселил в меня веру и во многом помог сосредоточиться на этапе подготовки материалов к защите. Его пожелание сбылось, и в 2006 году, в День Лицея 19 октября мне удалось успешно защитить докторскую диссертацию по американистике в Москве. Дмитрий Алексеевич был очень рад этому событию.

К Дмитрию Алексеевичу можно было всегда прийти в кабинет и поговорить о самых разных волнующих проблемах, он был прекрасным собеседником, умеющим внимательно слушать и интересно рассказывать. Он очень переживал, что в последнее время ему приходилось сложно ходить, наступали «болячки», но он геройски держался до конца. Уже уйдя со своего поста ректора, он совершенствовал свой писательский талант и издавал монографии, читал прекрасные лекции на историческом факультете, писал статьи, консультировал. Соавтором представленной в мемориальный сборник статьи является Светлана Алексеевна Кириллина, которая знала Дмитрия Алексеевича в период, когда он был членом УМО. Мы познакомились со Светланой Алексеевной в 1977 году в Египте, нашей дружбе уже более 40 лет. Она ведущий специалист по исламу, зав. кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. По её воспоминанием, приезд Дмитрия Алексеевича в Москву для многих столичных коллег был праздником. Его очень ценили московские коллеги за профессионализм и доброе отношение к людям, ответственность и внимание к науч-

ным и учебным проектам, за харизматичность. Когда ей стало известно о готовящейся конференции, она тут же согласилась поучаствовать в этой публикации, отдать дань уважения своему коллеге. Думаю, что Дмитрий Алексеевич внес большую лепту в становление педагогического образования в стране, в педагогическую культуру нашего университета и региона, воспитал много талантливых учеников. Он всегда останется в нашей памяти замечательным ученым и Человеком.

***

Современный мир, вообще, а образовательная культура, в частности, предстает в виде многообразия качественно своеобразных национальных культур, сохраняющих свою самобытность даже в процессе постепенного складывания единой общечеловеческой культуры. Процесс изучения особенностей организации высшей зарубежной школы приобретает особую значимость, когда реализуется принцип диалога Востока и Запада. Ведь восточная цивилизация подарила миру много ценных идей в аспекте содержания, а также организационных форм и методов обучения в школе разных ступеней. Что касается процесса обучения в высшей школе Египта в период средневековья, то он был, на первый взгляд сумбурным и беспорядочным. Не существовало ни фиксированных учебных программ, ни определенных правил в отношении продолжительности обучения. Приступить к обучению в мадрасе можно было по достижении пубертатного возраста[3,289,479], однако начинающие учебу могли быть и намного старше (19 и более лет), что было характерно для талибов, приезжавших учиться в Каир издалека. В идеале новички должен был знать наизусть хотя бы часть Корана, что могло сослужить ему добрую службу: рецитация «священной книги» в общественных местах и частных домах гарантировала получение дополнительного дохода. Многие будущие студенты заведомо не ограничивались знаниями, предлагавшимися куттабами, а усердно готовились к занятиям в высшей школе в домашней обстановке, ставя перед собой непростые задачи усвоения компендиумов (*мутун*) из программы мадрасы [3,367, 618,94-99].

В течение года занятия длились около 6 месяцев. Что касается общего срока обучения, то он ничем не лимитировался, что подтверждает информация биографического словаря прославленного дамасского историка шайха Мухаммада аль-Муради (ум. в 1791 г.) «Силк ад-дурар фи а‘йян аль-карн ас-сани ашар» (Жемчужное ожерелье знатных XII в.х.). Раз внесенный в *дафтар* (реестр) ривака аль-Азхара, слушатель мог продолжать свое образование столь долго, сколько считал нужным, и при этом все время находился на довольствии университета. Студенты без особых амбиций удовлетворялись абсолютным минимумом в 2-3 года, тогда как их более упорные и преданные учебе товарищи учились по 9 – 10 и более лет. По свидетельству аль-Муради, шайх Али б. Хабибулла аль-Кудси провел в стенах аль-Азхара 15 долгих лет[4,1883-84]. Годы учебы, проведенные студентами главным образом в мужском коллективе, в отрыве от семейного очага и привычного окружения, становились для них незабываемым и захватывающим социально-психологическим испытанием, в ходе которого завязывались дружеские контакты с однокашниками и полезные связи с наставниками, которые могли рекомендовать их другим квалифицированным педагогам как на месте обучения, так и в других мадрасах.

Нуклеарной ячейкой обучения в мусульманском высшем учебном заведении была *халька* (буквально – кружок, также означает «курс обучения»): мударрис восседал на кресле, стоявшем у основания колонны, а внимающие ему учащиеся располагались перед ним на полу, скрестив ноги, образуя один или несколько полукругов. Количество «кружков» варьировалось в зависимости от размера мадрасы, числа учащихся и преподавателей. Формально преподаватель не нес ответственности за учащихся, система экзаменов, как индивидуальных, так и коллективных не практиковалась вообще. Выпускники центров учености общего свидетельства об образовании не получали. Такая ситуация сохранялась вплоть до 1872 г., когда в головном учебном заведении Египта – аль-Азхаре впервые официальным образом была упорядочена система выдачи дипломов (*шахада*), предусматривавшая присвоение одной из трех ученых степеней[1,253] (правительственный указ предписывал кандидатам в преподаватели сдачу экзаменов по 11 дисциплинам[6,176-177]. Это «гяурское» новшество положило конец традиционной бесперебойно работавшей на протяжении столетий системе *иджаз* – важного инструмента, обеспечивавшего преемственность знаний в мусульманском обществе.

Иджаза, которую французский исламовед Морис Годфруа-Демомбин определяет как *licencia docend[7,162]*, представляла собой своеобразный диплом, или сертификат, выдававшийся слушателю учителем после успешного штудирования определенного трактата и удостоверявший его право на преподавание этого сочинения путем его толкования и разъяснения (*иджаза хасса*, специальная иджаза). Прослушав все курсы, которые читались конкретным мударрисом, можно было получить генеральную иджазу (*иджаза* ‘*амма*), санкционирующую преподавание группы текстов. Иджаза должна была содержать *санад*, т.е. перечень имен ученых, до того выдававших подобные разрешения, восходящий или к автору книги, или к широко известному авторитету. Таким образом, иджаза с зафиксированной «цепью духовной преемственности» в передаче знаний становилась еще одним действенным способом реализации *таклида* (опоры на авторитеты) – одного из фундаментальным принципов эпистемологии в исламе и арабо-мусульманской культуры в целом. В этой связи весьма показательно назидательное обращение умудренного жизнью и отягощенного летами шайха аш-Шурунбабили к юному Хасану аль-Джабарти (отцу прославленного летописца): «Послушай, сынок, я учился у твоего деда, который учился у моего отца. Теперь ты хочешь познать науку под моим руководством, и я смогу дать тебе иджазу, установив между нами взаимосвязь, так что цепь ученичества будет /и дальше/ переходить из поколения в поколение»[3,650].

Иджаза могла касаться как определенной книги, так и отдельной дисциплины, а также конкретного рода деятельности, связанного с религиозной сферой, в частности, чтения проповеди – хутбы. Только обладая «букетом» иджаз, бывший студент мог надеяться на престижное трудоустройство, будь то мечеть, шариатский суд – *махкама* или государственное ведомство. Основанием же для начала преподавания в известной мадрасе становилась представительная коллекция этих документов, полученных от авторитетных учителей. Иджазы выдавались как столичными, так и провинциальными

мударрисами, в том числе и теми, кто в молодые годы прошел серьезную подготовку аль-Азхаре и являлись счастливыми обладателями иджаз «высшей пробы», которые они снискали у всеведущих азхариотов. Таким образом, цепь преемственности не прерывалась.

Возрастные цензы в отношении выдачи иджазы не действовали. Одни получали ее уже на первом году обучения (многое зависело от способностей и усидчивости), другим требовались годы и годы, чтобы наконец насладиться процедурой вручения иджазы в торжественной обстановке. Некоторые вундеркинды удостаивались иджаз в детстве, подобно шайху Абдалле аш-Шубрави (ум. в 1758 г.), который получил свою первую иджазу в обескураживающе юном восьмилетнем возрасте[3,208,341].

Выдача иджаз не регламентировалась никакими нормативами, будучи личным решением алима, посчитавшего, что его воспитанник достоин этого документа и учительского благословения. Тот факт, что «иджаза выдавалась исключительно только учителем, а не мадрасой»[5,92], не могло не порождать волюнтаризма или поблажек и потворства некоторым наиболее настойчивым их соискателям. Один одиозный шайх, фигурирующий на страницах «Аджаиб», «пользовался славой приносящего удачу тем, кому давал /разрешение на право преподавания/, так что он стал шейхом почти всех второстепенных шейхов»[3,100,149].

Существовала практика выдачи иджаз заочно, по переписке, что у некоторых алимов вызывало резкое неприятие. Постившийся около 60 лет, а посему, возможно, воинственно настроенный шайх Мухаммад аль-Мунир (ум. в 1785 г.), иджазы которого получали с превеликими трудами, абсолютно исключал возможность «заочного обучения»[3,94,140], считая его чистой воды профанацией.

Таким образом, весомость иджазы определялась репутацией его составителя и теми реальными возможностями, которые она предоставляла ее держателю. В то же время, система иджаз эффективно стимулировала развитие феномена, который сейчас называется «непрерывностью образования». Принцип, формулировавшийся как «поучая, учись сам»[3,25,85], реализовывался на практике в мусульманском мире на протяжении столетий, и XVIII в. не составил исключения. Многие из носителей схоластической учености бескомпромиссно воплощали в жизнь завет пророка Мухаммада, по вескому утверждению которого, «тот, кто входить в мечеть с тем, чтобы учить или учиться, подобен воину (*муджахид*), который сражается за Аллаха»[11,25], и сами прилежно, настойчиво и с энтузиазмом посещали занятия «шейхов своего времени», получая от своих коллег и равноправных партнеров все новые и новые иджазы, пополнявшие их уже богатые собрания. Так, на занятия по тафсиру аль-Байдави, которые проводил пользовавшийся «доброй славой и уважением высокочтимых эмиров, причислявших его к ученейшим мужам эпохи»[9,339], шайх Мухаммад аль-Булайди (ум. в 1763г.), приходили 200 других учителей[4,114].

Османская модель *ильмие*, согласно которой улемская корпорация пополнялась главным образом за счет выходцев из семейств потомственных улама, в Османском Египте не утвердилась, и многие видные наставники молодого поколения были незнат-

ного рода и с провинциальными корнями. Тем не менее, и в Египетском пашалыке было достаточно примеров пополнения преподавательского корпуса новыми кадрами наследственным путем, когда преподавательская нагрузка переходила от отца к сыну[3,65,108,35,75,72,114]. В определенных случаях преемником мог стать и близкий родственник, как это был в случае с ««печатью» выдающихся ученых и главной жемчужиной в ожерелье великих святых» шайхом Абд ар-Рауфом аль-Башбуши (ум. в 1731 г.), который заступил на место своего дяди, ранее преподававшего грамматику, риторику и юриспруденцию, после того, как тот отправился в хадж и решил из Хиджаза домой не возвращаться[3,157,257].

В высшей мусульманской школе широкое распространение получила практика совместительства, что однако ни в коей мере не свидетельствовало о падении престижа профессии преподавателя-мударриса. В хронике аль-Джабарти встречаются множественные упоминания о преподавании алимов в двух или более мадрасах и мечетях[3,162,288,337,390,409,416]. Хотя главная схоластическая академия Египта – аль-Азхар служил базой для многих наставников[3,484,629], было значительное число алимов, которые учительствовали в других религиозно-учебных заведениях[3,162,211,259,312,337]. Среди рекордсменов по количеству мест преподавания был шайх Хасан аль-Макдиси (ум. в 1768 г.), который наставлял учеников в аль-Азхаре, мадрасах Саргатмишийя и Махмудийя, в мечети Мутаххара, чем, по свидетельству хрониста, список не ограничивался[3,312,520]. Указания в «Аджаиб» на преподавание в одной мадрасе или мечети не столь часты и связаны в основном с личностными предпочтениями конкретных алимов[165, 269,164,294,374,644]. Примером может служить «одаренный разумом и талантами» шайх Мухаммад аль-Халиди, который настолько прикипел к любезной его сердцу мадрасе аль-Ашрафийя, что даже отверг лестное предложение совершенствовать познания слушателей аль-Азхара и аль-Хусайнийи[3,164,415]. Также практиковалось совмещение преподавательской работы с деятельностью в сфере религиозного культа и в судебно-юридической системе, что полностью согласовывалось со статусом алима как «пастыря», действующего от лица милосердного Аллаха. Преподавание в мусульманской школе без труда сочеталось с выполнением функций имама-хатыба [3,312,409,520,685,165,29,269] или муфтия [3,259,354-355,543].

Совместительство любого рода, приносившее высокие моральные дивиденды, могло способствовать упрочению благосостояния. Длительное время дискутировавшийся в исламе вопрос о том, может ли наставник получать с учеников плату за обучение, так и не обрел окончательного решения. В собраниях хадисов эта практика как осуждается, так и поддерживается, при этом делается существенная оговорка о возможности «принимать деньги, но не просить их», а алчные и ненасытные мударрисы являются объектами суровой критики[10,1132]. Аль-Джабарти не сдерживает возмущения и брезгливости, повествуя о шайхе Хусайне аль-Махалли (ум. в 1756/57 г.), который упорно вымогал у учеников деньги за свои уроки, завершая торг словами: «Я задешево свои знания не продаю»[3, 219-220,360]. Преподавание, тем не менее, приноси-

ло доход в форме периодических денежных и продовольственных выдач из провинциальной и центральной стамбульской казны, пенсий от щедрот сильных мира сего и меценатов, которые назначали их по собственной инициативе, подарков, а, главное, в виде фиксированного жалования (*ма'люм*) из вакуфных поступлений, при этом «зарплата» существенно варьировалась в зависимости от размера приданных учебно-просветительским центрам вакфов. Наследник богатого состояния шайх Али аль-Ушбули (ум. в 1796/97 г.) не гнушался вознаграждениями за свой учительский труд: он читал курс в аль-Азхаре и занимал несколько других должностей, в том числе в мечети аль-Асар и в ан-Низамийи, где «обязанности свои выполнял лишь изредка, жалование же получал исправно»[3, 267,406]. Вместе с тем скромные и непритязательные алимы, всецело посвящавшие себя служению Аллаху на преподавательском поприще, довольствовались малым. Таковым был, например, смиренный богослов по прозвищу Абу Зикри аль-Булаки (ум. в 1817 г.), читавший лекции в аль-Азхаре и одной из булакских мечетей. Расстояние между ними шайх преодолевал на осле, а когда тот издох, ежедневно отправлялся в путь пешком до тех пор, пока сердобольные жители Булака не купили ему в складчину нового осла [3,286,629].

Авторитет учительства в мусульманском мире был необычайно высок, и преданные своему делу наставники пользовались огромным уважением и непререкаемым авторитетом. Почтительное отношение к мударрисам выражалось в целовании рук как после занятий, так и просто на улице, а также в дарах, будь то скромное подношение простого феллаха или горожанина в виде нескольких монеток, пригоршни фиников или связки восковых свечей, или поражавшие воображения подарки, подобно овцам-«макроцефалам» и попугаям дивной красоты, которые получал в дар «превосходивший всех ученых» шайх Муртада аз-Забиди[3,200,201,323,324,643]. Наиученейшие мужи удостаивались вошедшего в обиход еще в XI в. высшего почетного титула «шайх аль-ислам»[3,316]. Имена заслуженных алимов – воспитанников аль-Азхара украшались почетной *нисбой* «аль-Азхарий» (Азхарский)[2,156].

Лекции наиболее популярных наставников привлекали толпы слушателей, что не могло не вызывать неодобрение менее удачливых коллег. Занятия отменного знатока частных отраслей права Али аш-Шанвайши (ум. в 1776 г.) были столь многолюдны, что снедаемые завистью азхарские собратья «изгоняли его из зала во двор мечети, который /во время его занятий/ переполнялся людьми»[3,4].. У отца историографа – Хасана аль-Джабарти, по свидетельству сына, было «бессчетное число учеников как из Египта, так и из-за его пределов, в том числе из Турции, Сирии, Дагестана, Марокко и Хиджаза»[3, 396-397]. «Огромные толпы простонародья» приходили на лекции шайха Абд аль-Ваххаба аш-Шубрави (ум. в 1799 г.)[3,61], и подобные ситуации ажиотажа и энтузиазма слушателей были далеко не единичными. Здесь однако надо помнить, что присутствие множества слушающих различного уровня подготовки влияло на содержание занятий, ограничивая возможность ввода нового усложненного материала или проведения «неформальных» дискуссий, которые могли завязаться между наставником и

постоянно присутствующими на его занятиях студентами. Т.е., другими словами, публичная лекция была обречена на успех только, если она отвечала запросам слушателей.

Как уже отмечалось, главной предпосылкой получения отменного образования был, прежде всего, правильный выбор наставника, и репутация учебного заведения зависела, в первую очередь, от авторитета его преподавателей. Такая установка прекрасно вписывалась в генеральную концепцию «путешествия в поисках знаний» (*талаба аль-ʻильм*), ставшей важнейшей чертой классического исламского образования, при том, что под «ʻильм» понимались по преимуществу канонические религиозные знания. По словам пророка Мухаммада, «те, кто отправляются в путь в поисках знаний, следуют по пути, /предначертанным Богом/»[8,50]. Более пространно та же мысль выражена современником посланника Аллаха, знатоком Корана Абу ад-Дардаʼ (ум. в 652/53 г.): «Аллах облегчит путь на небеса тому, кто следует по дороге в поисках знаний. Над стремящимся к знаниям будут простирать свои крылья ангелы-хранители. Все на небесах и на земле, и даже змей, скользящий по водной глади, будут молить за него о прощении»[8,54].

Примечания.

1. Аннан, Мухаммад Абдалла. Тарих джамиʻ аль-Азхар (История мечети аль-Азхар). Аль-Кахира, 1958.
2. Аль-Азхари, Мухаммад аль-Башир Зафир. Китаб аль-йявакыт ас-самина фи а'йян мазхаб алим аль-Мадина (Драгоценные яхонты в жизнеописаниях знатных мужей мазхаба алима из Медины [Малика ибн Анаса]). [Б.м.], 1324 г.х. (1906/07)
3. Аль-Джабарти, Абд ар-Рахман. Аджаиб аль-асар фи-т-тараджим ва-ль-ахбар (Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий). Т. 1–4. Каир, Булак, 1297 г.х./1879-80
4. Аль-Муради, Мухаммад Халиль. Силк ад-дурар фи аʻйян аль-карн ас-сани ашар (Жемчужное ожерелье знатных XII в.х.). Т.1-4.
5. Behrens-Abouseif D. Change in Function and Form of Mamluk Religious Institutions.
6. Delanoue G. Moralistes et politiques musulmans dans l'Égypte du XIX-ème siècle (1798–1882). Lille, 1980.
7. Gaudefroy-Demombynes M. Muslim Institutions. Transl. from the French. London, 1968.
8. Gellens S. I. The Search for Knowledge in Medieval Islam Societies: A Comparative Approach // Muslim Travellers. Pilgrimage, Migration and the Political Imagination. London, 1990.
9. Махлюф, Мухаммад бен Мухаммад. Шаджарат ан-нур аз-закийя фи табакат аль-маликийя (Древо чистого света в маликитских кругах). Бейрут, [б.г.]. № 1339.
10. Pedersen J. [Makdisi G.]. Madrasa. // Encyclopedia of Islam. Vol. 5. 2^{d} ed.
11. Sibai, Mohamed Makki. Mosque Libraries. A Historical Study. London, 1987.

ЭДМУНД БЁРК И АНТИКАТОЛИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ 60-х гг. XVIII ВЕКА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

М. А. Ковалёв

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, mkovalyov.89@mail.ru

Вопрос взаимоотношений между различными национальными и религиозными сообществами в Британии нового времени стоял весьма остро. В XVIII в. религиозные взгляды и отношение к религиозным меньшинствам являлись важнейшими критериями партийной и вообще политической самоидентификации [4 : 5]. Учитывая принципиальную роль Э. Бёрка в формировании консервативной идеологии, следует остановиться на его взглядах на религиозный вопрос, особенно на первом этапе его творчества, когда складывались его политические убеждения (50-е – нач. 60-х гг. XVIII в.). Тесная взаимосвязь концепции консерватизма с религиозными идеями провозглашалась самим его основателем в фундаментальном труде «Размышления о революции во Франции» (1790 г.). Бёрк утверждал: «Мы знаем, более того, мы чувствуем душой, что религия – основа гражданского общества, источник добра и утешения…» [3].

Эдмунд Бёрк был уроженцем Дублина. Его мать, католичка, происходила из семьи, поддерживавшей Якова II Стюарта. Если Эдмунд и двое его братьев были воспитаны протестантами, то его сестра – католичкой. Бёрк на всю жизнь сохранить уважение к католической вере своих родственников. По окончании Тринити-колледжа в Дублине, двадцатиоднолетний Бёрк отправился в 1750 г. в Лондон, где изучал право и получил юридическую практику. К этому периоду относятся два его первых, чисто философских произведения: «Защита естественного общества» (1756 г.) и «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного» (1757 г.). Через два года он становится личным секретарём члена парламента У. Гамильтона, а в 1765 г. он получает место в парламенте [8 : 3-6, 16-17, 30]. Между 1760 и 1765 гг. молодым адвокатом были написаны интересующие нас «Трактаты о законах против папистов» (1760-1765 гг.) [5].

Рассуждения на тему религии появляются у него уже в одной из заметок, созданных в 1750-е годы. Надежды, страхи, желания, пишет Бёрк, побуждают человека не к размышлению, а к вверению своей судьбы высшей силе. А поскольку отношения человека с Богом имеют моральную основу, то и сама общественная мораль имеет божественное, а не человеческое происхождение [1]. Здесь проявляется критицизм в отношении разума и здравого смысла, столь характерный для его философских трактатов. Например, отмечая разрушительную силу логики в трактате «Защита естественного общества», автор задаёт риторический вопрос: «Что стало бы с миром, если бы выполнение всех моральных обязанностей зависело от того, насколько их смысл понятен каждому индивиду?» [2 : 46]

«Трактаты о законах против папистов» представляют значительно больше сведений о взглядах Бёрка на религию. Написанные, на первый взгляд, применительно к конкретной проблеме – положение католиков в Ирландии – эти тексты имеют довольно чёткую структуру и тесно взаимосвязаны между собой. Первая часть представляет план произведения. Вторая рассматривает конкретные законы и общественные практики, дискриминирующие католиков. Автор, прежде всего, обрушивается на законы, отменявшие традиционное валлийское право в области земельной собственности (гавелкинд). Старинный принцип первородства в наследовании земли заменён обязанностью дробить владения между сыновьями, приводящей к обеднению местных дворян. Отменялись также право завещания и право на получение приданого. Собственник теперь не мог продать или заложить имение, поскольку у него не оставалось других источников дохода. Кроме того, сыновья имели право на получение денежного пособия от отца при его жизни, а также право подать на него жалобу в канцлерский суд в случае отказа. Суд мог постоянно беспокоить родителя по поводу возможного сокрытия реальных доходов и состояния его собственности [5].

От вмешательства государства не были избавлены и семейные отношения. Если жена католика меняла вероисповедание, дети отбирались у обоих родителей и передавались опекунам. Более того, отец вынужден был оплачивать их образование [5]. Власть мужа и отца таким образам практически уничтожалась. Ограничения касались также найма католиков на работу, не говоря уже об исключении их из армии и государственной службы. Им запрещалась преподавательская деятельность. Что касается подозрения в хранении оружия, мировые судьи могли в любое время устроить в доме католика обыск [5].

Проанализировав антикатолические законы, Бёрк осудил их не только с личных позиций. По мнению О'Гормана, Бёрк стремился всё-таки говорить от имени и в интересах не самой Ирландии, а её метрополии [9 : 85]. В третьей части своей работы он прежде всего стремился осмыслить своеобразие того положения, когда две трети населения страны ущемлены в правах. «Закон, направленный против большинства людей – утверждает мыслитель – это закон против самого человека»[5]. И поскольку направленный против большинства закон не может считаться целесообразным, то он не должен иметь власти.

Развивая свою мысль, просветитель (с обращением к опыту античных философов) обнаруживает в объективной реальности два фундаментальных закона: закон справедливости и закон полезности. Гражданские законы отталкиваются именно от них, но если первые рукотворны и изменяемы, то естественные законы – вечны и непреложны. Закон справедливости выводится из ощущения природного равенства индивидов. Закон полезности – из практики общественной жизни людей. При этом полезность ориентируется на социальное целое, а не чьи-то частные интересы. Если гражданские законы не соответствуют фундаментальным законам, они должны быть изменены в соответствии со своими первообразами. Цель гражданского общества – общественное благо, поэтому любые его формы хороши лишь постольку, поскольку служат

этой цели. Поэтому отнимать права у большинства населения – не только жестоко на практике, но и абсурдно в теории. Вообще, любое общественное устройство, обращённое против большинства, носит характер скорее обиды одной общественной группы против другой, нежели характер объективного закона [5].

Тем не менее, за объективными естественными законами Бёрка сложно признать рациональный характер философски постигаемых идей. Ему вообще было свойственно неприятие абстрактного теоретизирования [7 : 10]. Конкретизирую проблему межрелигиозных противоречий в Ирландии, Бёрк указывает также на тот факт, что католицизм – традиционная религия в стране, тогда как протестантизм был привнесён извне, причём насильственным путём. Католики оказались наказаны за верность своим принципам, которые необходимы для сохранения самого общества. Здесь автор возвращается к рассуждениям о фундаментальных законах реальности, но уже даёт им конкретное наполнение: не что иное как религия, полагает он, стоит над законами и независима от человеческих установлений. Положение, когда религия устанавливается силой государственных законов (как протестантизм в Ирландии) абсурдно: она не может быть санкционирована земной властью, ибо сама санкционирует её. К тому же принудительное водворение религии подталкивает людей менять веру из прагматических соображений, что расшатывает основы общества (покоящегося, как было сказано, на религиозных принципах). Древнее учреждение имеет основания не одобрять новации, появляющиеся в его среде. Но действует оно уже не принуждением, а путём обращения к авторитету прошлого и мнению большинства [5]. «Но тогда никакое улучшение не может быть привнесено в общество? – задаётся вопросом автор. – Несомненно, может, - отвечает он себе, - но не посредством принуждения, а через одобрение, поощрение, заинтересованность… которые сильны и являются законными инструментами» [5]. Принудительная же власть государства должна ограничиваться только тем, что необходимо для поддержания существования общества.

Целостность общества, таким образом, соответствует на социальном уровне фундаментальным естественным законам. Хотя конкретный облик этого целого определяется религиозной традицией того или иного социума. Четвёртая часть сочинения Бёрка посвящена противоречию общественного единства и дробности интересов. Восстания в Ирландии, полагает Бёрк, вызваны ни чем иным как претензией протестантского меньшинства на господство. Его позиция лаконично выражена в следующей фразе: «Я полагаю, реальная опасность для государства – наличие недовольных; в политике нет более эффективных методов обеспечения безопасности, чем убедить их в том, что любое изменение – не в их пользу» [5].

Стремящееся к расколу меньшинство, как правило, использует фанатизм как своё орудие. Но фанатизм не бывает долговременным и никогда не принимается обществом в целом. Люди обычно не способны на жертвы во имя суеверий или фантомов воображения. После кратковременной вспышки фанатизм быстро угасает. Тем не менее, он обладает мощным разрушительным потенциалом, поэтому его не следует провоцировать. От фанатизма не застрахованы ни привилегированные слои, ни целые гос-

ударства, примером чему служит история европейской Реформации. Но именно несправедливые законы, т.е. не отвечающие фундаментальным принципам бытия и направленные против большинства, заставляют обычных людей примыкать к фанатикам. Также просветитель отмечает, что фанатизм может возникнуть и там, где для него нет социальной почвы. Он может подогреваться враждебными государствами. Правда, популярные в Великобритании XVIII в. теории о католических заговорах, поддерживаемых папой Римским, Бёрк не разделяет. Он считает, что иметь паству под руководством своих же протестантских фанатиков не менее опасно, чем под руководством иностранной церкви [5].

Нетрудно заметить, что в своих «Трактатах о законах против папистов» Эдмунд Бёрк сознательно не ставит собственно философских проблем. Напротив, его мысль всегда отталкивается от конкретных вопросов, а затем углубляется до философских принципов, определяющих, по его мнению, те или иные стороны общественной жизни [6 : 21]. В насаждении протестантизма в Ирландии он видит не консолидацию, а путь разрушения Великобритании. Органическое единство общества и государства выражается в соответствии общественных порядков естественным законам, а не в формальной религиозной унификации. Сами же естественные законы имеют, в свою очередь, религиозное происхождение. По его словам, «…ничто не может быть более абсурдным и опасным, чем вмешиваться в естественные основания ["natural foundations" – *М. К.*] общества, надеясь поддержать его существование некими искусственными приспособлениями» [5]. Видимо, принцип органицизма, развитый Бёрком в знаменитом памфлете против Французской революции, отчасти присутствовал уже в ранних его работах начала 60-х гг. XVIII в.

Примечания:

1. Бёрк Э. «Залог успеха – не наличие, а отсутствие таланта…» Ранние эссе. // Журнальный зал. URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2008/1/be12.html (дата обращения: 28.08.2018).
2. Бёрк Э. Защита естественного общества // Эгалитаристские памфлеты в Англии середины XVIII в. М., 1992.
3. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции // Правый клуб. URL: http://www.conservator.ru/lib/burke/france.shtml (дата обращения: 6.11.2018).
4. Доброва Е. А. Английское Просвещение и борьба тори и вигов в 30-е годы XVIII в. // Из истории Просвещения: экономика, политика, идеология. М., 1981.
5. Burke E. Tracts relative to the laws against popery in Ireland. // Ricorso: a knowledge of Irish literature. URL: http://www.ricorso.net/rx/library/authors/classic/Burke_E/Ir_Affairs/Tracts_1763.htm (дата обращения: 6.11.2018).
6. Kramnick I. The rage of Edmund Burke. Portrait of an ambivalent conservative. – N.-Y., 1977.
7. Macpherson C. B. Burke. Oxford, 1980.
8. Morley J. Burke. English man of letters. L., 1909.
9. O'Gorman F. Edmund Burke. His political philosophy . L., 1973.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Д. РАМСФЕЛДА ОБ АМЕРИКАНСКОЙ КАМПАНИИ В ИРАКЕ

Т. В. Красильщикова

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, skyskytter@yandex.ru

Внешняя политика США, ведущего государства в мире, всегда привлекала и привлекает внимание исследователей. События XXI в. позволили всем ведущим мировым державам принять участие в урегулировании мировых конфликтов, в развязывании новых войн против мировых угроз. Кампания США 2003 г. в Ираке не стала исключением. Отличие данного события от подобных военных кампаний состоит в том, что уже через несколько лет произошла переоценка действий американской администрации. В данной статье будет рассмотрена точка зрения Дональда Рамсфелда, американского политика, члена Республиканской партии, занимавшего в 1975-1977 гг. и в 2001-2006 гг. пост министра обороны США в период администраций Джеральда Форда и Джорджа буша-мл.

Представления Дональда Рамсфелда об американской кампании 2003 г., отраженные в его книге 2013 г., можно условно поделить на несколько частей. Во-первых, это его собственные взгляды на эту кампанию до начала военных действий. Во-вторых, его взгляды и действия уже после начала кампании в Ираке.

Говоря о взглядах Д. Рамсфелда в самом начале 2000-х годов, то необходимо отметить, что его взгляды мало отличались от взглядов большинства жителей его страны. Он верил президенту, верил в его политический курс, верил его команде политиков[1]. Отличие состояло лишь в том, что он являлся действующим политиком, министром обороны, отвечающим за ведение военных действий в стране или за рубежом. Он сам, к тому же, отмечал, что любые крупные и активные действия надо планировать, тщательно и четко, с опорой на разведывательные данные. И, говоря о кампании в Ираке, указывал, что аппарат безопасности США был всегда нацелен на ведение войны в Ираке. Хотя он, в свою очередь, был убежден уже тогда, что необходимо было еще подумать и предпринять усилия по реформированию или замене учреждений, которые на оправдывали себя [2: 28].

Таким образом, можно видеть, что он не спешил делать выводы о необходимости и скором развязывании военных действий, а призывал всячески за обдуманный и взвешенный внешнеполитический курс в отношении как Ирака, так и Афганистана.

В своей он работе Д. Рамсфелд также отмечает, что в марте 2003 г. Центральное командование США, Объединенный комитет начальников штабов и высшее гражданское руководство протестировали разные варианты планирования возможного конфликта в Ираке и отдельно ситуацию с Саддамом Хусейном. Вывод Д. Рамсфелда по этому вопросу был довольно последовательным. Он понимал, что большая часть этих вариантов будет ошибочной из-за разных обстоятельств – неточные и/или несвоевременные разведданные, просчеты в возможностях арабской стороны. Поэтому снова Д. Рамсфелд имел цель – направить американских политиков на путь более долгого пла-

нирования и просчитывания стратегических результатов. Он отмечал, что в этих вариантах планирования конфликта могли быть предположения, отражающие «некую предвзятость», ошибочные разведданные [2: 91]. Д. Рамсфелд, обладая большим опытом в формировании американского внешнеполитического курса, в ведении внешнеполитических дел, отмечал своим коллегам, что расчеты показывали, что действия иракского правительства и военных, вероятнее всего, будут такими же, как и в прошлые годы, в прошлые военные конфликты. Следовательно, США нужно вспомнить те события и постараться найти верное и правильное решение конфликта в Ираке. Но, как потом оказалось, к его подобной идее прислушались, но решение все равно было принято достаточно быстро.

Когда конфликт в Ираке уже начался, когда велись военные действия, Д. Рамсфелду приходилось давать множественные интервью [3]. Он отмечал, что некоторые сторонники вторжения в Ирак говорили «глупости о том, что это будет веселая прогулка» [2: 110]. Но сам министр обороны давал корреспондентам понять, что конфликт не будет «легким», а результат заранее неизвестен. Главный аргумент для него был связан с тем, что любой военный конфликт сопряжен с неизвестностью [4].

На начальной стадии вторжения в Ирак он работал со старшими военными офицерами и гражданскими официальными лицами в Пентагоне с целью разработки списка событий в Ираке, которые с самого начала могли пойти не по плану. Этот план получил позднее название – «Парад страшилок Рамсфелда» [2: 110]. Сам автор отмечал, что он тот список еще позднее расширил, чтобы политики могли продумать заблаговременно возможные негативные последствия.

Этот факт говорил о том, что Д. Рамсфелд являлся дальновидным и аккуратным политиком, разумно оценивающим возможности и шансы американских войск на исход событий в Ираке. Но, необходимо отметить, что, несмотря на подобный план действий, Д. Рамсфелд оставался тем человеком, кто отдавал приказы о военных операциях в Ираке, верил в необходимость вторжения, верил в наилучший исход американской кампании в Ираке. Единственная особенность его взглядов состояла лишь в том, что он остерегался давать четкие прогнозы о сроках завершения кампании и призывал всех ответственных лиц к необходимости тщательного планирования всех действий и к дополнительной проверке сведений разведки.

Примечания.

1. Шмелева Т.А. Арабские страны и кампания США против Ирака // http://www.iimes.ru/?p=138
2. Рамсфелд Д. Правила Рамсфелда. Как выиграть в бизнесе, политике, войне и жизни. М., 2014.
3. Donald Rumsfeld Denies He Thought Democracy In Iraq Was 'Realistic' Goal // https://www.theguardian.com/us-news/2015/jun/09/donald-rumsfeld-iraq-war-democracy-contradiction.
4. Roberts J. Plans For Iraq Attack Began On 9/11 // https://www.cbsnews.com/news/plans-for-iraq-attack-began-on-9-11/.

ДРЕВНЕРУССКИЕ АМУЛЕТЫ-ЗМЕЕВИКИ И СИМПАТИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А. Г. Лапшин, А. В. Бисерова

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, a-lapshin@vlsu.ru
ФКУЗ «МСЧ МВД РФ по Владимирской области», г. Владимир, РФ,
abiserova2@mail.ru

Древнерусские амулеты-змеевики составляют интересную для исследования группу материалов. Эти амулеты пришли на Русь из Византии, имели хождение на протяжении всего Средневековья и рассматривались как предметы личного благочестия. Отдельные змеевики хранились в ризницах православных храмов до Советского времени. В XX веке бóльшая амулетов-змеевиков была передана в музеи. Древнерусские амулеты-змеевики (*змеевы́е лу́ны*) представляют собой металлические и каменные медальоны обычно округлой, овальной, иногда восьмиугольной формы с изображением на обеих сторонах: на одной из сторон представлен христианский извод, на другой – горгенейон – антропоморфный образ (голова/тело) из которого исходят от 6 до 14 змеевидных существ.

Византийские и древнерусские амулеты-змеевики неоднократно привлекали внимание исследователей. Историография данных материалов обширна и многогранна. Однако обобщающих работ лишь две, вышедшие почти одновременно: монография Николаевой Т. В. и Чернецова А. В. [5] и объемная статья Дж. Спира [13]. Каталог Николаевой Т.В. и Чернецова А.В. представляет 44 предмета, каталог Спира Дж. – 59. За почти два десятилетия XXI в. корпус данных материалов увеличился. Точная цифра неизвестна, но с уверенность можно говорить, что общая цифра введенных в науку византийских и древнерусских амулетов-змеевиков более 100 единиц.

Изображение человеческой головы или женского тела в окружении змей типологически определяется как *горгонейон* [6] и представляет собой визуализацию болезнетворного демона [1]. Этот демон идентифицируется в контексте апокрифической и еретической традиций восточного христианства как Παταξαρέα („Поперница" в славянских текстах)», Гилло, ДЪНА, Ύστέρα [5: 12-28]. С последним связана заклинательная формула на греческом языке, имеющаяся на многих змеевиках [8; 12]. Важность этой формулы для магической силы науза подтверждается ее соседством с русскоязычными записями. Т.о. начальное и основное имя «змеиного гнезда» - Ύστέρα (Истера).

Традиционно это заклинание связывают с гинекологической патологией: *hystera*-формула заклинает блуждающую самопроизвольно и бесконтрольно по телу женщины матку и тем самым лишает женщину возможности родить. Однако, в молитвенных надписях на змеевиках имеются мужские имена - т.е змеевики принадлежали не только женщинам, но и мужчинам (Черниговская гривна). В таком случае заклинивание Ύστέρα (Истеры) не ограничивается областью гинекологии, но имеет гетерогенный характер. Тогда против чего это заклинание?

Обратимся к самой формуле, которая, очевидно, описывает нам проявление болезни. В отечественной историографии наиболее широкое распространение получил перевод заклинательной формулы выполненный Г.С.Дестунисом в 1881 г. [2; 3]: «*Ὑστέρα, черная, почернелая, как змей ты вьешься, и как дракон свищешь, и как лев рычишь, и как ягненок спишь*».

А теперь в соответствии с этим описанием представим себе человека, который не контролирует свои движения, бьётся конвульсиях, беспричинно смеется/плачет/кричит, теряет чувствительность, ощущает боль в области сердца, нехватку воздуха, тахикардию, подкатывающийся ком к горлу (истерический клубок). Это может сопровождаться гиперемией кожных покровов шеи, лица, груди и зажмуриванием глаз. В таком состоянии человек может рвать на себе волосы, одежду, биться головой. Все это называется *истерический припадок, истерика, приступ истерии*. Такие неврозы бывают у представителей обоих полов, но у мужчин гораздо реже, чем у женщин. Т.о. злой дух Ύστέρα в нашей повседневности именуется ИСТЕРИЯ.

Распространение и использование амулетов-змеевиков в Византии и Восточной Европе соотносятся с историей медицины эпохи Средневековья. Медицина Древности и Средневековья была «симпатической», т.е. лечила подобное подобным. Традиция такой медицины отразилась в русской поговорке «Клин вышибают клином». Симпатическую медицину можно разделить на «материальную» и «нематериальную». Первая предполагала лечение посредством веществ и предметов, похожих (по цвету, форме или составу) на части тела, физиологические жидкости или причину страдания пациента. Вторая обращалась к молитве, обрядам и заклинаниям. Нередко использовался *комплексный подход*, когда применялись и материальные объекты, и заклинания. Пример этого являет собой история диагноза «Истерия».

Первое подробное описание симптомов истерии (специфических расстройств самочувствия и поведения человека) и методов лечения этого недуга появилось в Древнем Египте и представлено в двух трактатах - папирусу Кахун (около 1900 г. до н. э.) [9; 11] и папирусу Эберса (1700 г. до н.э.) [12]. Важно отметить, что древнеегипетская медицина понимала истерию как гинекологическую патологию, причиной которой было смещение матки в теле женщины (блуждание матки по организму).

Диагноз «Истерия», как описание состояния пациента, выраженное в принятой медицинской терминологии и основанное на всестороннем систематическом изучении пациента, впервые появляется в Древней Греции. Гиппократ (460-377/356 гг. до н.э.) использовал термин «истерия» (от греч. *hystera* — матка) для обозначения описанных египтянами расстройств. Это дало начало традиции понимания истерии как болезни, проявляющейся в неадекватном поведении женщины. Во II в. н.э. Гален (129-199 гг. н. э.) высказал предположение о том, что мужчины тоже могут быть подвержены истерии, определив причиной болезни длительное сексуальное воздержание.

Распространение христианства привело к изменению взгляда и на неврозы. В средневековый период светская медицина переживает период стагнации [4]. Излечением людей начинает заниматься Церковь, принимая на себя этиологическую роль [8: 1-16]. Развитое религиозное сознание на фоне слабо развитой медицины приравнивает любую болезнь к одержимости ссылаясь на тезис св. Августина о том, что *нет болезней*

не от колдовства [7]. Истерия не стала исключением: теологи объясняли симптомы болезни одержимостью (вселением в тело беса) и колдовством (сделкой с дьяволом) [14: 53-72)]. Врачи продолжали лечение истерии по древним заветам своих коллег, а священнослужители, благодаря принятию концепции о происхождении психических отклонений от демонов, стали развивать специфические методы противодействия демонам (не «лечения», т.к. истерия – не болезнь): молитва и экзорцизм.

В этих условиях было вполне логичным появление и распространение амулетов-змеевиков, несущих на одной стороне молитву к Господу и канонический образ, а на другой стороне – текст и/или изображение заклинания. Обладание таким предметом обеспечивало сразу два действия - молитву к Богу и заклинание беса. Расположение надписей по кругу делало эти действия постоянно возобновляемыми. Т.о. применение амулетов-змеевиков в древнерусской реальности вышло за пределы гинекологии и стало частью обережной магии и экзорцизма. В свете вышеизложенного древнерусские амулеты-змеевики иллюстрируют приемы симпатической медицины Средневековья.

Примечания:

1. Барабанов Н. Д. К истории византийских народных верований. Истера // Античная древность и средние века. Вып. 34. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. - С. 322-347.
2. Дестунис Г. С. Разбор спорной греческой надписи, изображенной на осьми памятниках // ИРАО. Т. X. Вып. 1. СПб., 1881. Стб. 1-26.
3. Дестунис Г. С. Еще о «змеевиках». Взгляд на Крузево объяснение греческой надписи, начинающейся со слова Ὑστέρα // ЗРАО. Т. IV. Вып. Ш. Новая серия. СПб., 1889. С.113.
4. Игина Ю. Ф. Медицина против демонологии: дискуссия вокруг ведовства, одержимости дьяволом и экзорцизма // 11 Вестник Санкт-Петербургского университета, 2007. Серия 2. Вып. 3. СПб.: Изд-во СПбУ.- С. 150-156.
5. Николаева Т. В., Чернецов А. В. Древнерусские амулеты-змеевики. М., "Наука", 1991. – 128 с.
6. Шевченко Ю.Ю. Богородица Спилеотисса на древних христианских филактериях с изображениями серпентарид // РусАрх – электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. – URL: http://rusarch.ru/shevchenko4.htm (Дата обращения 12.12.18)
7. Amundsen D.W. Medicine and Faith in Early Christianity // Bulletin of the History of Medicine. 56 (3). – Baltimore: JHU, 1982. – Pp. 326–350.
8. Girisai N. Medieval and Early Renaissance Medicine: An Introduction to Knowledge and Practice. Chicago-London: University of Chicago Press, 1990. – 264 p.
9. Hornickova K The Power of the Word and the Power of the Image // Byzantinoslavica 59 (1998) – Praha: Slovansky ústav AV ČR. Pp. 239- 246.
10. Klein C. H. von The medical features of the Papyrus Ebers. – Charleston: Nabu Press, 2010. – 30 p.

11. The «Kahun Medical Papyrus» or «Gynaecological Papyrus». Transl. by S.Quirke. – URL: http://www.ucl.ac.uk/museums-static/digitalegypt/med/birthpapyrus.html (Дата обращения 12.12.18)
12. The Papyrus Ebers. Transl. by Bryan, Cyril P. London: G.Bles, 1930. – 214 p.
13. Spier J. Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition // Journal of the Warburg and Courtauld institutes. London, 1993. Vol. 56. P. 25-62.
14. Veith I. Hysteria: The History of a Disease. – Chicago: University of Chicago Press, 1965. - 328 p.

ИДЕИ УИЛЬЯМА ГОДВИНА (1756 – 1836) В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И МЫСЛИТЕЛЕЙ XIX – XX вв.

Е. А. Макарова
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, chernovs@sumail.ru

Уильям Годвин (1756-1836) – английский философ, писатель и историк, один из представителей позднего Просвещения. Корпус трудов Годвина, насчитывает в целом свыше пятидесяти наименований. Такое обилие сочинений объясняется энциклопедической широтой интересов и многогранностью личности мыслителя, который в разные периоды своей долгой жизни (а прожил он 80 лет) был проповедником, журналистом, критиком, политическим философом, педагогом, экономистом, биографом, историком, романистом и драматургом.

Европейскую известность ему принесли социально-философский трактат «Исследование о политической справедливости» (1793) [32], романы «Вещи как они есть: или приключения Калеба Уильямса» (1794) [38] и «Сент-Леон» (1799) [36], а также его полемика с Мальтусом по вопросу о народонаселении, продолжавшаяся вплоть до 20-х годов XIX века [14:64-67; 33].

Сам Годвин писал: «Исследование, которому я себя посвятил – человек, я анализирую его природу как моралист, … изображаю его страсти как историк, или описываю воображаемые его приключения как романист» [43:147].

Имя Годвина было знакомо русским читателям XIX века. Внимание к творчеству английского мыслителя впервые было привлечено Николаем Михайловичем Карамзиным. Литературный талант Годвина и его интерес как просветителя к нравственным вопросам побудили Карамзина в 1835-1836 гг. перевести несколько очерков из работы Годвина «Исследователь. Размышления о воспитании, нравах и литературе», написанной последним в 1797 г. [37]. Карамзин перевел под названием «Нравственные опыты» три очерка («Об удовольствии», «О славе после смерти» и «О науке») из книги «Исследователь» «английского доктора Годвина, нового автора, умеющего мыслить и писать» [12: 128-142].

О творчестве Годвина знал и А.С.Пушкин, имевший в своей библиотеке самый известный его роман – «Вещи как они есть: или приключения Калеба Уильямса» во французском переводе [34], а также другие сочинения писателя [35; 1: 294-295].

В 1830-е гг. имя Годвина становится известным широкому кругу читающей публики благодаря появлению статей о его литературном творчестве на страницах англофильской «Библиотеки для чтения»[5: 16-17; 6: 101-103] и ряда русских журналов, таких, например, как «Сын Отечества» [19: 488]. «Библиотека для чтения», к примеру, публикуя переведенную с английского статью «О ходе словесности в Англии с начала XIX века» определяла Годвина как «гения переворотов, обработанного философически», который «старается о падении общества XVIII столетия». «Во всех его творениях слышен вопль нищеты и злополучия; это северный Жан-Жак, более логический, чем Жан-Жак женевский, человек с умом могущественным и терпеливым, романист, историк, философ, законовед, оратор, холодный и рассудительный зажигатель … Годвин – гений могущественный, ужасный … Он везде оставил следы своей силы, в истории и в библиографии, в романе и полемике»[5: 16-17].

В Петербурге в 1838 году выходит в свет первый русский перевод «Калеба Уильямса» [10], вызвавший сочувственную оценку критики. Положительные отзывы на него дали «Современник»[18: 104] и «Сын Отечества» [20: 68-69]. Любопытно, однако, то, что довольно нелицеприятным и резким оказался лишь отзыв Виссариона Белинского, который в 1839 году писал в "Московском наблюдателе»: «... в романе художественности и не бывало, вещь она сделанная, и, надо сказать правду, сделанная мастерски, если бы не ... растянутость и самый английский, т.е. самый несносный морализм». В то же время Белинский находил, что «в этом сочинении есть мысль и многое выражено в нем резко и сильно» [15: 25; 4: 111-112].

x x x

В 40-е годы XIX века интерес к романам и политическим произведениям Годвина в России распространился довольно широко. Как отмечал известный исследователь англо-русских литературных связей академик М.П.Алексеев, упоминания о его работах встречаются в письмах отправленных в ссылку декабристов [1: 298-299]. Так, Иван Дмитриевич Якушкин упоминает в эти годы в своих письмах Годвина как критика и разоблачителя демографической теории Т.Р.Мальтуса. По всей видимости, Якушкин был знаком с полемикой Годвина с Мальтусом [14: 50-69] и с монументальной работой Годвина «О народонаселении», вышедшей в Англии в 1820 году и на русский язык не переводившейся [33].

Любопытно отметить, что в России интерес к идеям Годвина обострялся в переломные моменты развития общественно-политической мысли, когда вставал вопрос об идейных основах освободительного движения и альтернативах общественного развития.

Не случайно, что в 1860-е годы политические сочинения Годвина пристально изучались Николаем Гавриловичем Чернышевским. Его отличало теплое, почти восторженное отношение к Годвину. В 1863 г., находясь в крепости, Чернышевский писал, что «хотел бы идти по такой карьере, как Годвин» [29: 683]. Основательно зная не только роман Годвина «Калеб Уильямс», но и его философские работы, его полемику с

Мальтусом, возможно, также его главный философско-политический трактат «Исследование о политической справедливости», Чернышевский видел в Годвине «автора новой политической теории, человека замечательного таланта» [28: 738], считал его «одним из самых демократических писателей Англии, которые приобрели большое общественное значение» [27: 349,476].

x x x

Парадоксальным образом, идеи, выдвинутые в романах Годвина, явились важным побудительным мотивом в творчестве непримиримого идейного противника Чернышевского – Федора Михайловича Достоевского. И дело здесь не только в разительном «совпадении противоположностей», наблюдаемом в художественном творчестве Чернышевского и Достоевского. Причины лежат глубже и заключаются в том, что Годвин не только стремился открыть путь к освобождению человечества (причем путь не революционный), но одновременно раскрывал коренящиеся в самой природе человека нравственные преграды препятствующие этому освобождению.

У Достоевского нет прямых упоминаний о Годвине. Но как показали исследования отечественных литературоведов [16: 159-167; 17: 17] существуют определенные связи между лучшим романом Годвина и художественным миром Ф.М.Достоевского. Причем связи эти далеко не поверхностны. Помимо чисто литературных параллелей между «Преступлением и наказанием» и «Калебом Уильямсом» - оба романа построены на мотиве преступления и наказания; мотив преследования является главной связующей нитью всех приключений Калеба, тот же мотив преследования играет первостепенную роль в «Преступлении и наказании» Достоевского, как в том, так и другом случае общество преследует индивида - существуют и параллели на уровне идей. Мечты Годвина о свободе и справедливости, размышления о природе власти и роли насилия в истории послужили «прототипами» для некоторых идей Достоевского.

Оба мыслителя осознали не только преграды, которые стоят на пути освобождения человека, но и гибельные нравственные последствия установления «Царства Разума и Справедливости».

Фундаментальной для английского мыслителя и русского писателя была проблема нравственной цены, которую необходимо заплатить за достижение всеобщего счастья и просвещение человечества. Аргументы, высказываемые одним из главных героев «Калеба Уильямса» - Фоклендом – об Александре Македонском, во многом «предваряют наполеоновскую идею Раскольникова» [16: 167].

В смелой постановке Годвином этических вопросов Ф.М.Достоевского не могло не поразить совпадение с его собственными идейными исканиями периода увлечения утопическим социализмом. Не случайно, поэтому, так много родственного «годвинианскому» стилю мышления мы находим в монологах Ивана Карамазова. То, что было лишь намечено Годвином в «Калебе Уильямсе», Ф.М.Достоевский, который был хорошо знаком с данным типом нравственной философии, легко «достраивал» до системы.

Годвин с удивительной проникновенностью показал в своих романах уникальность и уязвимость личности. Мотив преследования человека неумолимой машиной

правительства, разработанный Годвином в «Калебе Уильямсе», был активно использован в «Преступлении и наказании».

Можно также предположить, что Достоевский прямо или косвенно был знаком с еще одним известным романом Годвина – «Сент-Леон. Повесть из жизни XVI столетия», написанном в 1799 г. [36], в котором наиболее полное развитие получила критика насильственного просвещения. В «Сент-Леоне» Годвин использовал популярный в эпоху романтизма сюжет о «Великом инквизиторе», трактуя его в духе своих идей. Писатель отвергал духовное угнетение личности, какими бы высокими целями оно ни мотивировалось. «Цивилизация, построенная на деспотизме» внушает ему «больше отвращения, чем то состояние, в котором пребывали дикари» [36:198].

Бескомпромиссность, с которой Годвин осудил в романе «Сент-Леон» насилие над сознанием и манипуляцию индивидом, удивительно созвучна мыслям Достоевского, высказанным им в поэме «Великий инквизитор» («Братья Карамазовы»). Эта параллель тем более интересна, что годвинианская версия сюжета о «Великом инквизиторе» могла быть и опосредованно, знакома русскому романисту. Многое из эпизодов «Сент-Леона», связанных с инквизицией, было использовано Ч. Метьюрином в его готическом романе «Мельмот Скиталец» [2: 4, 19], который явился одним из источников поэмы «Великий инквизитор» в романе Достоевского «Братья Карамазовы» [3: 107].

x x x

В период радикализации общественной мысли в России (с 90-х годов XIX века) восприятие наследия Годвина меняет свой вектор и в определенном смысле сужается. Актуализируются отдельные элементы этого наследия. В Годвине начинают видеть главным образом предтечу анархизма. Именно на такого Годвина опиралась теория анархизма П.А.Кропоткина или учение о ненасильственном совершенствовании общества Л.Н.Толстого.

Петр Алексеевич Кропоткин в работах «Речи бунтовщика» (1885), «Современная наука и анархизм» (1906), в статье «Анархизм», опубликованной в 1911 г. в «Британской энциклопедии» [40], чрезвычайно высоко ставил Годвина как теоретика анархизма, полагая, что он был первым, кто сформулировал политические и экономические концепции анархизма, хотя и не дал этого названия развитым им идеям. По свидетельству известного русского либерального историка Н.И. Кареева, «только смерть» не дала Кропоткину «написать о Годвине особую книгу» [13: 328]. При этом надо заметить, что из крупных теоретиков анархизма XIX века только П.А.Кропоткин был знаком с «Исследованием о политической справедливости» Годвина, прочитав эту книгу в изгнании в Англии (то есть когда взгляды самого Кропоткина уже сформировались). Нет никаких свидетельств о том, что Бакунин и Прудон знали о существовании Годвина.

Практически все зарубежные исследователи, занимавшиеся в последние десятилетия наследием Годвина, отмечают большое сходство взглядов Л.Н.Толстого с взглядами Годвина [41: 349; 42: 392-393]. Один из них – Дон Локк – в своей книге «Фантазия Разума. Жизнь и мировоззрение Уильяма Годвина» (1980) писал: «Единственный мыслитель, который имел и признал прямой долг перед Годвином, это … Лев Толстой, теории которого о личном разуме и нравственном совершенствовании, политических

установлениях и воспитательной практике все входят в аутентичный годвинианский круг» [41: 349].

Великий русский писатель действительно был знаком (хотя и опосредованно) с идеями Годвина. В 1900 г. в подарок Толстому была прислана книга немецкого автора П.Эльцбахера «Анархизм» [31], одна из глав которой посвящена Годвину. Причем в сопроводительном письме автор книги указывал на существующую, по его мнению, близость воззрений Годвина Толстому. 1 сентября 1900 г. Толстой в письме В.Г. Черткову дал высокую оценку книге П.Эльцбахера [21: 424-426]. Благодаря этому положительному отзыву книга была переведена на русский язык и в 1906 году вышла в свет под названием «Анархизм. Изложение учений Годвина, Прудона, М.Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Туккера и Л.Толстого» [30]. Впоследствии она еще трижды переиздавалась и имела большой успех у русской публики на рубеже XIX-XX вв.

В последние годы жизни Толстого имя Годвина неоднократно встречается на страницах его дневников и записных книжек [22: 159; 23: 182-183]. В 1903 г. в статье «К политическим деятелям» Толстой задается вопросами о том, как уничтожить политическую власть и как «устроить так, чтобы без власти люди не вернулись к дикому состоянию грубого насилия друг над другом». «Годвин ... и ... Прудон, - пишет Толстой, - отвечают, что для уничтожения власти достаточно сознание людей о том, что общее благо (Годвин) и справедливость (Прудон) нарушаются властью, и что если распространить в народе убеждение, что общее благо и справедливость могут быть осуществлены только при отсутствии власти, то власть сама собою уничтожится»[24: 205]. Толстой отмечает далее, что по Годвину «люди, руководимые сознанием ... общего блага ... естественно найдут наиболее разумные, справедливые и выгодные для всех формы жизни» [24: 206].

В 1908 г. Толстой предваряет свою статью «О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии» цитатой из «Политической справедливости» Годвина, почерпнутой из Эльцбахера: «Часто мы называем законы мудростью наших отцов, но это только заблуждение. Законы столь же часто являлись следствием страстей наших предков, их робости, зависти, узкого себялюбия, их властолюбия. Обязанность наша не в том, чтобы рабски следовать им, а в том, чтобы обсуждать их, раскрывая их ошибки» [25: 222].

То, что Л.Н.Толстой подкрепляет свои мысли ссылками на Годвина, показывает родственность систем двух мыслителей, взгляды которых объединяют общая гуманистическая направленность, выдвижение на первый план идеи нравственного совершенствования человека, неприятие ими насилия. Английского мыслителя, несомненно, роднит с вышеперечисленными русскими мыслителями глубокий интерес к всестороннему изучению человека.

И все же Годвин как глобальный мыслитель, описавший нравственные преграды на пути совершенствования человеческого общества, которые коренятся в самой природе человека, тот Годвин, которого понимал и чувствовал Достоевский, в России начала XX века был забыт. Об этом свидетельствует отсутствие его имени в сборнике «Вехи» (1909), явившемся последним предупреждением, предостережением русской революционно настроенной интеллигенции. Возможно, уже тогда социал-демократическая версия в восприятии идейного наследия Годвина возобладала и консервативными мыслителями – создателями «Вех» он воспринимался исключительно как социалист-утопист.

x x x

Мысли Годвина о перспективах человека оказались близки к поискам путей планетарного совершенствования человека, общества и биосферы на основе развития сознания наукой XX века. Это было подмечено известным русским философом и естествоиспытателем Владимиром Ивановичем Вернадским (1863 – 1945). Еще в 1903 году, готовя работу «Прогресс науки и народные массы», фрагменты которой вошли впоследствии в его труд «Научная мысль как планетное явление», Вернадский писал о Годвине, Оуэне, Шелли, сен-симонистах, считая, что «у этих первых искателей мысли находится много верного и глубокого» [8: 303].

В 1926 году, в изданной в Париже работе «Автотрофность человечества», перечисляя этих же лиц, Вернадский отмечает, что они «понимали первостепенное значение науки, невозможность решить социальный вопрос, опираясь только на использование ресурсов, которые существовали в их время, без увеличения с помощью науки мощности человечества». Далее Вернадский продолжал: «Это был действительно научный социализм в собственном смысле, который был позже забыт» [7: XIII].

В исследовании «Научная мысль как планетное явление», опубликованном в 1938 г., В.И.Вернадский прямо заявляет, что течение социальной мысли, к которому принадлежал Годвин, «вполне отвечает представлениям о ноосфере как фазе истории нашей планеты» [9: 93]. Под ноосферой подразумевалась сфера взаимодействия природы и общества, в пределах которой разумная человеческая деятельность становится главным, определяющим фактором развития.

Годвин действительно представлял себе процесс гуманизации как своего рода природно-историческое явление. Он писал: «Человек - это единственное создание, оставляющее после себя память». Чтобы яснее передать свою мысль, Годвин рисует «обширную перспективу земли» с многочисленными «памятниками человеческого труда»: «Мы увидим замки и церкви, деревушки и мощные города. Мы увидим это странное создание - человека, подчиняющего всю природу своей воле» [39: 73,74].

Попытки Вернадского создать в рамках биогеохимии учение о живом веществе не осуществились и его представления о сфере разума (ноосфере) как этапе развития биосферы остались не более, чем гипотезой. В европейском сознании оригинальное понимание Вернадским ноосферы было заслонено спиритуалистическим толкованием ее П.Тейяром де Шарденом, который слушал лекции Вернадского в Сорбонне.

В России в 80-е годы XX века, в период «Перестройки», исходное понимание ноосферы было размыто в малосодержательных дискуссиях о перспективах человека при «социализме с человеческим лицом»[26: 44-56].

x x x

Таким образом, восприятие идей Годвина в России прошло через ряд этапов, на каждом из которых актуализировалась и «высвечивалась» лишь какая-то часть его наследия. При жизни он был известен в России как английский Жан-Жак Руссо, то есть последователь идей Просвещения и социального освобождения человека и одновременно их критик. В 1830-1860-е годы демократическое крыло русского освободитель-

ного движения рассматривало Годвина как предтечу идей социализма. Наиболее глубокое осмысление наследия Годвина связано с творчеством Ф.М.Достоевского. В произведениях Достоевского, который, вне всякого сомнения, Годвина читал, он выступает невольным пророком тех гибельных последствий, которые несет с собой установление «общества справедливости». После вступления русской общественной мысли на путь радикализации на рубеже XIX-XX вв. спектр восприятия наследия Годвина сужается. П.А. Кропоткин и Л.Н. Толстой видят в его построениях главным образом прообраз теории анархизма. Годвин как глобальный мыслитель, сформулировавший идею о нравственных преградах на пути совершенствования общества, фактически был забыт. В 1920-е – 1930-е годы в Советской России, и, в частности, в трудах В.И.Вернадского, востребованными оказались представления английского мыслителя о процессе гуманизации как природно-историческом явлении.

Как можно видеть из предложенного обзора, система идей Годвина не получила в России всеобъемлющего понимания. В творчестве Годвина просветительские воззрения, социалистические представления и специфика английского менталитета породили уникальное сочетание идей, из которого каждое направление русской общественной мысли черпало что-то свое. Возможно, в XXI веке для русского читателя система Годвина откроется во всей ее полноте.

Примечания.

1. Алексеев М.П. Из истории английской литературы. М.; Л., 1960.
2. Алексеев М.П. Ч.Р. Метьюрин и его роман «Мельмот Скиталец». Л., 1976.
3. Багно В.Е. К источникам поэмы «Великий инквизитор» // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 6. Л., 1985.
4. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. В 13-и Тт. Т.3. М., 1953.
5. Библиотека для чтения. 1834. Т.4. Отд.2.
6. Библиотека для чтения. 1836. Т.16.
7. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Вернадский В.И. Биогеохимические очерки. М., 1940. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/ Article/vern_avtot.php (дата обращения: 15.11.2018).
8. Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С.303.
9. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.
10. Годвин В. Калеб Вильямс / Пер. с англ. С.Г. СПб., 1838.
11. Годвин У. Калеб Уильямс. М.-Л., 1961.
12. Карамзин Н.М. Сочинения. Т.8. Переводы. СПб., 1835.
13. Кареев Н.И. Вильям Годвин и его «Политическая справедливость» // Ученые записки Института истории РАНИОН. Т.3. М., 1929.
14. Макарова Е.А. Полемика Годвина с Мальтусом о народонаселении и проблемы кардинального улучшения общества // Экономическая история: Исследования. Историография. Полемика. М., 1992.
15. Московский наблюдатель, 1839. № 3. Ч.2.

16. Назиров Р.Г. Достоевский и роман Годвина // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 4. Л., 1980.
17. Решетов В.Г. Вильям Годвин и его роман «Калеб Вильямс». Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1971.
18. Современник, 1838. Т.12.
19. Сын отечества и Северный архив, 1834. Т.42.
20. Сын отечества, 1838. Т.5.
21. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.72. М., 1935.
22. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.44. М.; Л., 1932.
23. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.90. М., 1958.
24. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.35. М., 1950.
25. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т.37. М., 1956.
26. Флоренский П.В. Подсмотренный разговор. В.И.Вернадский — Н.И.Вавилов // Человек. 1999. № 2.
27. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15-и томах. Т. 4. М., 1948.
28. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15-и томах. Т. 10. М., 1951.
29. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 15-и томах. Т. 12. М., 1949.
30. Эльцбахер П. Анархизм. Изложение учений: Годвина, Прудона, М.Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Туккера и Л.Толстого. СПб., 1906.
31. Eltzbacher P. Der Anarchismus. Berlin, 1900.
32. Godwin W. An Enquiry concerning Political Justice, and its influence on General Virtue and Happiness. In 2 Vols. London, 1794.
33. Godwin W. Enquiry Concerning the Power of Increase in the Numbers of Mankind, being an Answer to Mr. Malthus's Essay. London, 1820.
34. Godwin W. Les choses comme elles sont, ou Les aventures de Caleb Williams. Lausanne, 1796.
35. Godwin W. Lives of the Necromancers. London, 1834.
36. Godwin W. St. Leon: A Tale of the Sixteenth Cenury. In 4 Vols. London, 1799.
37. Godwin W. The Enquirer: Reflections on Education, Manners and Literature. In a Series of Essays. London, 1797.
38. Godwin W. Things as They Are: or, The Adventures of Caleb Williams. In 3 Vols. London, 1794.
39. Godwin W. Thoughts on Man, his Nature, Productions and Discoveries. London, 1831.
40. Kropotkin P. Anarchism // Encyclopaedia Britannica (11th ed.), 1911.
41. Locke D. A Fantasy of Reason: The Life and Thought of William Godwin. London, 1980.
42. Marshall P.H. William Godwin. London, 1984.
43. Paul Ch. K. William Godwin, his Friends and Contemporaries. In 2 Vols. Vol.1. London, 1876.

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ А. ГИТЛЕРА В 1931 – 1933 гг. ГАЗЕТОЙ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Д. А. Маршуба
РГУ им. С.А. Есенина, г. Рязань, Россия, denmars@mail.ru

Последние годы существования Веймарской республики, которые пришлись на рубеж 1920-1930-х г.г., являются очень противоречивым периодом в истории. В это время свое восхождение к высшей руководящей должности в аппарате немецкого правительства продолжал А. Гитлер, соперничество политических партий выходило за рамки выборных кампаний, социально-экономические проблемы усугубились мировым финансовым кризисом. В то же время за судьбой Веймара особенно пристально следили из-за океана, так как Соединенные Штаты являлись главным кредитором Германии. Так, к 1930 г. займы уже превысили 21 млрд. немецких марок. Стоит отметить, что зачастую погашение кредитов шло за счет передачи американским магнатам акций промышленных предприятий Германии. Таким образом, концерн «ИГ Фарбен Индастри» фактически оказался в руках «Стандарт Ойл» (дом Рокфеллеров); «Сименс» и «Опель» – у «Дженерал Электрик» и «Дженерал Моторс» (дом Морганов), соответственно.

Крупные американские печатные издания не упускали возможности высказаться по поводу сложившейся ситуации в Германии. Особенно ценны публикации газеты «Нью-Йорк таймс», которая на рынке средств массовой информации принадлежала к позициям интернационализма, и подробно освещала внутриполитические мероприятия Веймара.

Первой попыткой «Нью-Йорк таймс» разобраться в сложившейся ситуации в Германии стала большая статья «Гитлер в качестве Муссолини – сравнение и оценка» от 2 апреля 1932 г. [5] Гитлер в сравнении с Муссолини рассматривался в качестве «пробивного ударника», который способен объединить общей болью население и «пообещать неминуемое пробуждение Германии». Описывая первые мероприятия Гитлера, газета была поражена тем, что его внушениям подвластны все слои населения Германии, Его внутреннюю политику в Германии оценивали, как «великую инквизицию, направленную на уничтожение ереси».

На роль главного покровителя ставили А. Гугенберга. По мнению редакции, Гугенберг сознательно позволил выдвинуться Гитлеру в лидеры национал-социализма и определить курс партии, хотя Гугенберг и стоял во главе НННП.

О методичном захвате власти нацистами в стране писал главный редактор «Нью-Йорк таймс» Ф. Берчелл 7 апреля 1933 г.: «В силу давления, оказываемого национал-социалистами на совет директоров «Федерации немецкой промышленности», который, в свою очередь, состоит из элиты немецких промышленных магнатов, тот подал в отставку. Нацисты отныне могли беспрепятственно руководить Федерацией» [3].

Захват промышленности, по мнению автора, являлся третьим этапом по установлению тотального контроля в государстве. Берчелл напомнил и о первых двух: «Первая волна – это захват национального правительства. Вторая – это выстраивание системы подчинения с ним муниципалитетов. Третья волна – это упорядочивание эко-

номической жизни Германии в соответствии с нацистскими принципами». Таким образом, делал вывод автор, отставка Федерации символизирует победу национал-социализма над бизнесом, что будет иметь два последствия: 1) полная ликвидация немецких бизнесменов – евреев; 2) поддержка товаров местного производства, скорое открытие кампании «Покупайте все немецкое».

Тема планируемой реорганизации социально-экономической сферы нашла отражение в статье Берчелла, посвященной празднованию 1 мая 1933 года [1]. «Кульминация к беспрецедентному в истории Германии празднованию Дня труда: Адольф Гитлер обратился с речью к более чем 1 млн. человек на поле Темпельхоф, в которой он обозначил экономическую программу правительства». В чем же она состояла? Во-первых, для всех категорий граждан труд объявлялся обязательным. Во-вторых, про зарплату не было сказано ни слова. В-третьих, были ранжированы категории населения, нуждавшиеся в поддержке: сначала помощь крестьянам, затем рабочим, в последнюю очередь, людям, занятым в интеллектуальной среде. В-четвертых, строительство новых скоростных автомобильных дорог и развитие транспортной инфраструктуры в целом. В этой статье не было дано оценочных суждений, они появились 8 мая, когда Берчелл сравнил экономические показатели мероприятий Гитлера с «Новым» курсом президента Рузвельта.

Первые положительные итоги социально-экономической программы, газета отметила в сентябре 1933 г. Фондовые рынки выросли вдвое по сравнению с концом 1932 г. [4] Подробный отчет о первом годе деятельности фюрера Берчелл поместил в январе 1934 г. [2] Главными результатами социально-экономической деятельности были: 1) выплаты государственных пособий за счет пожертвований членами партии и крупных промышленников; 2) удалось сбалансировать бюджет: Рейхсбанк сохранил кредитоспособность, несмотря на субсидии государству в 1 млрд. марок; 3) поступления в государственный бюджет за первые восемь месяцев финансового года составили 3 млрд. 966 млн. марок, расходы – 3 млрд. 774,9 млн. марок, был достигнут профицит; 4) планировалось выделение субсидий немецкому бизнесу в размере более 2 млрд. марок.

Гитлер вёл страну к милитаризации экономики. Государственное регулирование позволяло направлять средства по тем направлениям, которые были необходимы Германии в нужный момент, чем нацисты с удовольствием и пользовались. Национал-социалистическая элита убедила настроенных раньше скептически и даже враждебно, своей искренностью и организаторскими способностями. Это созданное доверие и уверенность, которая в свою очередь поощрила бизнесменов вкладывать свой капитал, а потребителей тратить свои деньги и без опаски смотреть в будущее.

Примечания.

1. Birchall F.T. Hitler Will Draft Youth for Labour; 1,000,000 Hail Him // The New York Times. 02.05.1933. [Электронный ресурс] Режим доступа для зарегистрированных пользователей URL.: https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1933/05/02/105129606.html?pageNumber=1 (Дата обращения 23.05.2017)

2. Birchall F.T. Nazis Ease Budget by Forced 'Gifts' to Party Treasury // The New York Times. 29.01.1934. [Электронный ресурс] Режим доступа для зарегистрированных пользователей URL.: https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1934/01/29/95471606.html?pageNumber=1 (Дата обращения 25.05.2017)
3. Birchall F.T. Nazis Seize Power // The New York Times. 07.04.1933. [Электронный ресурс] Режим доступа для зарегистрированных пользователей URL.: https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1933/04/07/99302927.html (Дата обращения 23.05.2017)
4. German Stocks Show Signs of Recovery // The New York Times. 04.09.1933. [Электронный ресурс] Режим доступа для зарегистрированных пользователей URL.: https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1933/09/04/105801411.html (Дата обращения 24.05.2017)
5. Lengyel E. Hitler as Mussolini – an Appraisal // The New York Times. 02.04.1933. [Электронный ресурс] Режим доступа для зарегистрированных пользователей. URL.: https://timesmachine.nytimes.com/timesmachine/1933/04/02/119443758.html (Дата обращения 10.05.2017)

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Г. А. Медведева

МБОУ СШ № 35, г. Липецк, Россия, medvedevagalan@mail.ru

На рубеже XX – XXI в. мир переживает процесс перехода в стадию постиндустриального общества. В постперестроечный период в российском обществе наблюдалось столкновение социокультурных парадигм-антиподов: российской культуры советской имперской модификации и современной западной евроамериканской культуры, «единой и единственной матрицей» которой стал европейский либерализм, интегрирующий «естественноисторически» сложившиеся императивы и приоритеты всего западного мира.

Архетипически чуждые нашей ментальности ценности и идеалы стали насаждаться в сознание большинства через СМИ, новые образовательные программы и распространение массовой культуры. Возникла ситуация культурной амбивалентности, при которой старшее поколение, выросшее в парадигме «Советской Красной империи», активно отторгало привнесённые ценности, архетипически чуждые «строителям коммунизма», а молодое проявляло к ним интерес, критикуя и порой подвергая остракизму ценности уходящей эпохи. С 90-х гг. XX в. в России стал формироваться особый тип культуры, негативно влияющий на всю социокультурную ситуацию в целом. В условиях глобализации возникла угроза потери национальной идентичности, в основе которой

были заложены определённые ценностные ориентиры, чётко заданные нормы морали и нравственности.

Корни этой мировоззренческой деструкции лежат в историческом процессе трансформации традиционного общества в индустриальное, а затем – в постиндустриальное. Этот путь российское общество проделало в исторически кратчайшие сроки – в течение одного лишь XX в. В этот исторический период в общественном сознании народа были отвергнуты сразу две мировоззренческие парадигмы – традиционно-православная и марксистская. У каждой из отвергнутых парадигм было своё информационное обеспечение поведения людей. Их смена в 1917 и в 1991 гг. привела к «информационному хаосу» в их сознании, дезориентировала их поведение, дважды за столетие лишив привычных атрибутов их повседневную жизнь.

Вместе с тем, «догоняя» весь остальной мир, Россия, не преодолев этот информационно-идеологический хаос, снова вошла в постиндустриальное информационное общество по типологии «революции сверху» – через навязанный обществу государственными инструментами постмодерн. Это, в свою очередь, не может не накладывать специфический отпечаток на проблематику сохранения социокультурной идентичности в процессе модернизации современной России.

На рубеже XX – XXI вв. Россия вступила в стадию постиндустриального развития. Процесс модернизации всех сфер жизни российского общества предполагает форсированный переход в новое качественное состояние. Изменяются отношения власти и собственности, механизм социальной стратификации и происходит интенсивная смена управленческих элит разного уровня. Трансформация социокультурной сферы ведёт к изменению системы материальных и духовных ценностей. В этой связи, остро встаёт проблема сохранения национальной идентичности автохтонного населения в условиях глобализации и сопутствующего ей системного кризиса, затронувшего все сферы жизнедеятельности российского общества.

Имея негативный исторический опыт модернизационных изменений по западному образцу, сегодня необходимо учитывать наличие богатейшего религиозно-философского наследия отечественных и зарубежных мыслителей при анализе и выборе моделей общественно-исторического развития нашей страны. Так, русский религиозный мыслитель XIX в. К. Н. Леонтьев считал, что западное влияние порождает опасность утраты целостности и единства России. Буржуазный либерализм он рассматривал как угрозу революционных потрясений. По его мнению, византийское православие является альтернативой-противовесом западному влиянию [4]. В начале XX в. немецкий философ, историк, культуролог, экономист и социолог А. Вебер, анализируя архетипические особенности русского духа, отмечал: «Всякому, кто имеет хотя бы отдалённое представление о России, известно: пусть она открывает себя несущему цивилизацию воздействию Запада, созданным им экономическим и, возможно, политическим формам и даже, как это происходит теперь, подчиняется господствующему влиянию западных идей в том виде, какой они обрели в Германии – но англосаксонского духа, его сути и представлений она не приемлет, наподобие того как огонь чурается воды. Она, словно шипя и преисполняясь ярости, будет всегда противиться английскому прагматизму и порождённому им типу человека; для того, чтобы избежать с ним соприкосно-

вения, она в духовном отношении скорее устремится назад, в самые отдалённые уголки Азии и в степь. Не только по своей участи, но и в самом глубинном смысле по свойствам духа и души она противостоит ему, исходя из тех же основ, что и вся Азия» [2:192].

З. Бжезинский и С. Хантингтон – идеологи новой практики управления цивилизациями и исследователи-аналитики глобальной политики после окончания «холодной войны». В своих разработках новых социальных моделей они приходят к одним и тем же выводам: о необходимости наличия стратегии собственного развития с учётом социокультурных проблем и противоречий, которые в условиях формирования нового мирового порядка постепенно вытесняют экономические, политические и иные проблемы в глобализирующемся мире. Бывший сотрудник центрального аппарата МИД СССР, а также сотрудник посольства СССР в Италии А.Г. Серебряков, отмечая цивилизационную неоднородность Востока и Запада, идеологизированность и политизированность «расхожих» политологических понятий «демократия» и «диктатура», предлагает при анализе международных отношений рассматривать новые геополитические реалии в бинарной парадигме «англосаксонский мир – весь остальной мир» [5].

Вообще, русская цивилизация обладает глобальной значимостью и смыслом своего развития, занимая место третьей региональной цивилизации. Она не является механической суммой черт Западной (техногенной, материалистической) и Восточной (медитативно-созерцательной) моделей развития, а основывается на аутентичных ей атрибутах культуры, которая периодически самовоспроизводится в смене поколений. В процессе её генезиса были заложены базовые ценности, которые сохранялись в течение многих веков: культ добра и правды. «Правда» – исконно русское царь-слово (поправить, выправить, исправить, направить, правоведение). Первый свод законов на Руси – «Русская Правда», а не юстиция. В культуре России доминировали соборность, общинность, обусловленные типом социальной организации жизни и бытового уклада большинства населения, а также нестяжательство и примат духовного над материальным. Опираясь на эти ценности, русский народ, обладая «всемирной отзывчивостью», создал величайшее в мире государство, объединившее многие этносы и культуры.

С глубокой древности напротяжении многих веков в культурах разных народов заметно выделялся образ философа-станника – искателя правды и вселенской истины. В русской литературе этот тип личности человека наиболее ярко выражен в образе Ивана северьяновича Флягина – главного героя повести-притчи Н.С. Лескова «Очарованный странник». В размышлениях над своей суетной жизнью он приходит к обретению её смысла, целостности и внутренней духовной гармонии. Стремление познать истину или хотя бы приблизится к ней было характерно для всех традиционных культур.

В современную эпоху техногенно-потребительской цивилизации это стремление в массовом сознании заметно угасает. Парадокс современной цивилизации заключается в том, что при наличии машинного производства и высокой производительности общественного труда, большинство людей в основном заняты добыванием «хлеба насущного» и воспринимают это стремление как ненужную, отвлекающую от серьёзных дел интенцию.

В русском языке слова «деньги» и «средства» в ряде случаев являются синонимами. Но в условиях господства товарного производства, со времён индустриализма, этой мерой стали деньги. Истина перестала быть целью, а деньги – только средством. В сознании современного обывателя выстраивается такая иерархия приоритетов, при которой цели либо подчинены средствам, либо совсем выпадают из этой иерархии, уничтожая смысл истинно человеческого существования. Эту нездоровую редукционистскую тенденцию отметил ещё в начале XX в. Н.А. Бердяев, указывая, что: «Цели человеческой жизни померкли. Человек перестал понимать, для чего он живёт, и не имеет времени задуматься над смыслом жизни. Жизнь человека заполнена средствами к жизни, которые стали самоцелью. Подмена целей жизни средствами есть очень характерный процесс человеческой жизни, которым многое объясняется» [1:612].

В век всеобщей компьютеризации эта проблема встаёт особенно остро, т.к. подавляющее большинство людей вынуждены не только работать в системе «человек – компьютер», но и получать знания, познавать мир. Эта западная методика получения знаний содержит потенциальную опасность формализации живой человеческой мысли, лишения её творческого начала.

Подвергая информацию цифровой кодировке, компьютер работает в формально-логическом, т.е. по человеческим меркам – левополушарном режиме. И в режиме этого дискретно-логического мышления вынужден при общении с ним работать и человек. В это время его правое полушарие почти бездействует. А это означает, что в режиме такого общения процессно-образное мышление не востребовано и весь мыслительный потенциал не задействован. Формально-логическое рассуждение, будучи доминирующим фактором мышления, давит и нивелирует интуицию. Оно не побуждает к сопереживанию, сочувствию, озарению, не нацеливает на познание истины, а направляет, как правило, на решении сиюминутных задач прагматичной направленности. Заформализованное мышление не обнаруживает ни оригинальности, ни взлёта, ни выхода за пределы устоявшихся стереотипов и парадигм, что препятствует развитию процесса познания вообще. Преобладание редукционистских тенденций в мышлении не позволяет человеку видеть и понимать процессы глобального масштаба и уровня значимости, что само по себе катастрофично.

Но выход из сложившегося в индустриальную эпоху тупика – в обращении к великому наследию мировой и отечественной культуры. Многие мыслители прошлого не оставили письменных свидетельств. Но они в совершенстве владели словом. Живое слово – сильнейший инструмент познания мира и передачи высоких духовных истин. Рефлексия и диалог породили диалектику. Диалектика вышла из диалога совместного поиска философских истин человеческого бытия.

«Ф.М. Достоевский резко критиковал Гегеля, его рационализм и стремление обрести истину в системе знаний. Логикой и разумом, считал Ф.М. Достоевский, – человек не может понять тайну мира».

Писатель поставил диагноз современному человеку, опасная болезнь которого – вера самого себя. Он создал такую «дьявольскую демонологию» и такую «херувимскую теодицею», каких мир не видел (Преп. Иустин (Попович), 1998). Достоевскому принадлежит пророческое открытие таинственного участия «невидимых сил в жизни

современного человека, в особенности при создании его атеистической философии и анархической этики. И в этом его гениальное прозрение и пророческое откровение» [3:131].

В современном мире человек сам должен определять как ему построить свою жизнь, чтобы не вступать в противоречие с окружающим миром и общим ходом эволюции, имманентно присущей Вселенной. Для этого ему необходимо, по меткому выражению А.С. Пушкина видеть «общий ход вещей». И это видение возможно только при условии доминирования в системе ценностных иерархий и приоритетов высоких духовных ценностей и идеалов, которые принадлежат к категории «Всегда». Только при этом условии человек сможет различать и адекватно оценивать символы и реальность.

Сущность каждого человека трансцендентальна. Она не вмещается в узкие рамки обыденного понимания и восприятия, её непросто выявить и объяснить рациональным, логическим образом. Это выходит за пределы обыденного человеческого опыта.

Уходит в небытие целая эпоха. Её основы были заложены в послевоенное время. Многие современные отечественные и зарубежные аналитики говорят о цивилизационном мутагенезе в формате «демократия – постдемократия». И одним из аспектов цивилизационного мутагенеза является видение и понимание всего окружающего мира как единого живого организма. Сегодня наше общество живёт в эпоху форсированного перехода в новое качественное состояние. Всё большее значение приобретают теории трансформаций, переходных процессов. Современные формы культуры генерируют новые образцы жизнедеятельности. Динамика российской культуры порождает необходимость обращения к традиционным ценностям, к духовному наследию наших предков. «Вызовы» эпохи постиндустриализма порождают защитные механизмы для самосохранения цивилизации как «ответ». В условиях глобализации в ходе межкультурной коммуникации происходит заимствование ценностей других культур-цивилизаций путём ассимиляции, адаптации и аккультурации. И здесь важно, чтобы внедрённые ценности не вступали в противоречие и конфронтацию с уже имеющимися, выражающими глубинную суть народного духа. Необходимо не только различать «чужое» и «чуждое», но и стремиться понимать характерные особенности других культур и их носителей, что будет отчасти являться условием их бесконфликтного сосуществования и коэволюционного развития.

Примечания.

1. Бердяев Н.А. Дух и реальность. М., 2003.
2. Вебер А. Избранное: кризис европейской культуры. СПб, 1998.
3. Коржова Е.Ю. Творческий лик русских мыслителей. СПб, 2004.
4. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891 гг.). М., 1996.
5. Серебряков А.Г. Русский гамбит. На пути к новому биполярному миру. М., 2012.

ПОСОЛЬСТВО ТОМАСА КЕЛДЕРМАНА В СВЯЩЕННУЮ РИМСКУЮ ИМПЕРИЮ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ В 1668 г.

А. В. Мерзанова
г. Москва, Российская Федерация, anastasiamer@mail.ru

Дипломатические отношения между Россией и Священной Римской империи германской нации играли важную роль в решении вопросов, стоявших на международной арене перед каждым из указанных государств. В данной публикации нами будет рассмотрено посольство Томаса Келдермана, направленное в 1668 г.

В 1668 г. из России в Священную Римскую империю германской нации было направлено посольство во главе с торговым иноземцем Томасом Келдерманом [11: 262; 2: 20-28; 10; 6: 113; 4: 44–46, 53, 164, 212, 319; 1: 146-147].

Информацию о роде его занятий мы можем также узнать из наказа, в котором особенно подчёркивалось, что Томасу Келдерману запрещается торговать: «А товаров ему с собою никаких не имать, и едучи дорогою и будучи в Полше, и в Литве, и в Цесарской земле и в Веницее, ничем не торговать; а буде он какие товары с Москвы с собою повезет и в Цесарсокй земле и в Веницее учнет торговать, и ему, Томасу, за то от Великого Государя быти в опале и в наказанье безо всякие пощады, для того что в таких торговлях Великого Государя делу чинится поруха» [5: 711].

В отличие от предшествовавшего порядка, Томасу Келдерману поручалось не ждать ответной грамоты императора, а направляться в Венецию: «ехати к Веницейскому Князю; и чтоб Цесарское Величество, выслушав тое Царского Величества грамоту, к Царскому Величеству изволил отповедь учинить в своей Цесарского Величества грамоте чрез почту» [5: 705].

Основной проблемой, поднимавшейся в ходе данного посольства, была османская угроза.

Томасу Келдерману поручалось узнать, в каком состоянии находятся отношения Священной Римской империи германской нации и Османской империи: «Да ему ж, Томасу, едучи Полскою землею и будучи у Цесаря Римского и у Князя Виницейского и дорогою едучи назад, проведывати про всякие тамошние вести и про ратных людей подлинно: нет ли на Цесаря Римского от Турского Салтана каких зацепок, и буде есть, и за что учинились? и из иных государств кто ратными людми ему Цесарю помогают ли, и которого государства помогают и против которых государств?» [5: 710].

Кроме того, перемирие России и Речи Посполитой также преподносилось как факт соединения двух государств против неприятеля христиан. В грамоте Алексея Михайловича к Леопольду I от 27 апреля 1668 г. сказано: «…что у християн на свете общая за помощие Божиею радость, а бусурманом из того уростает страх и печаль… християнскую подвижность милостивый и человеколюбивый Господь Бог в преумножение християном на защищение от бусурман, паки дарствуя, междо великие Росии и прилежащих городов и земель Царства Московского с другие стороны… Речи Посполитой случения обчих сил против Салтана Турского и Хана Крымского государства оборонять и во всем спомочно…» [7: 713-714]. Религиозный фактор получал особое значе-

ние: «…чтобы зверообразные Агоране страхом Божиим от християн задержаны были и плену и насилия жестокого не творили» [7: 714].

Но не только Россия и Речь Посполитая, но и Священная Римская империя германской нации всё сильнее чувствовала османскую опасность. Во время посольства Томасу Келдерману стало известно о столкновениях венгров и жителей Османской империи: «…приехал к Цесарю от Турского Салтана гонец, для того что де Цесарского владения Венгры на рубеже Турского конвоя разбили и животы многие поимали. И на Венгерском рубеже Цесаря с Турком без престани великие ссоры» [3: 733]. У Священной Римской империи германской нации вызывали опасения отсутствие воинских контингентов на границе с Османской империей, а также то, как Турция отнесётся к помощи Венеции, оказанной Священной Римской империей германской нации: «А служилые де Цесарские люди все роспущены, потому что у него ныне ни с кем войны нет; толко де Цесарь великое опасенье держит от того, что естли Виницейской нынешней посол, будучи у Салтана, учинит договор о миру, и Турской Салтан не всчал бы с ним войны за то, то он дал Виницеяном на помочь 3, 000 человек ратных людей» [3: 733].

Наряду с османской угрозой, важным для России вновь стал традиционный вопрос о посредничестве Священной Римской империи германской нации в русско-польских отношениях, теперь несколько видоизменившийся. После окончания русско-польской войны и заключения перемирия с Речью Посполитой Россию интересовало посредничество Священной Римской империи германской нации в заключении «вечного мира». В грамоте Алексея Михайловича к Леопольду I от 27 апреля 1668 г. сказано: «И тот постановленной и утвержденной союз… к вашему, брата нашего, Цесарского Величества, к прежнему прилагая к желателному миротворению, надеимся паче иных вещей в сохранение любви своей братственной примете и впредь свое желателство исполняти учнете, чего с крепкою надеждою мы, Великий Государь, желающи в совершении миру быти и неразорванной союз спомочной в обороне общей держати» [7: 714].

В то же время Леопольду I предлагалось прислать своих представителей на съезд в 1669 году: «…о посредстве к постановлению вечного покою приняв братственное наше объявление и том через свою любителную грамоту ведомо учинил, чтоб для постановления того вышеимянованного дела вечного покою с обоих сторон посолским съездом быти в году 1669, не откладывая вдаль… при ваших, брата нашего, вашего Цесарского Величества и иных Великих Государей посредниках, великих послех, в совершенье привесть и утвердить надежно было» [7: 715].

Однако не только Леопольду I предлагалось данное посредничество. Аналогичное предложение было сделано Дании, Швеции и Бранденбургскому курфюршеству: «А от нас, Царского Величества, объявлено с вами, братом нашим, Цесарским Величеством в миротворении быти брату нашему, Королевскому Величеству Доцкому, да Королевскому ж Величеству Свейскому, да Пресветлейшеству Курфистру Бранденбургскому».

В ответной грамоте Леопольда I Алексею Михайловичу от 12 ноября 1668 г. говорилось, что ответ будет дан [7: 730].

Отношения России и Священной Римской империи германской нации уже не касались вопроса о польском престоле, но, тем не менее, для России он не потерял

свою актуальность. Томас Келдерман сообщал, будто в Венеции и Священной Римской империи германской нации все хотели восшествия на польский престол царевича Алексея Алексеевича, однако сомнения вызывала необходимость перехода будущего правителя в католичество: «В Виницее ж де и в Цесарской земле, едучи, слышел он, Томас, ото многих людей, что желают все, чтоб был Королем Полским благоверный Государь Царевич и Великий Князь Алексей Алексеевич, толко де в том сумнителны, что он к вере Римской не пристанет» [3: 733].

Таким образом, в 1668 г. на первый план в отношениях России и Священной Римской империи германской нации выступила задача противодействия Османской империи и вопрос о польском престоле, которые однако, так и не получили своего решения в ходе посольства 1668 г.

Примечания.

1. Арсеньев Ш. Очерки из быта докторов-иноземцев в древней Москве. (По бумагам Аптекарского приказа) // Русская старина, 1895. – Т. 83. – № 5. – С. 133-149.
2. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. I. (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания). – М.: Типография Э. Лесснера и Ю. Романа, 1894. – 306 с.
3. Записка Томаса Келдермана // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. В 10 тт. Т. 4. С 1661 по 1674 гг. – СПб: В Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1856. – Стб. 731-736.
4. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I / В.Н. Захаров. – М.: РОССПЭН, 1996. – 346 с.
5. Наказ Томасу Келдерману от 25 апреля 1668 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. В 10 тт. Т. 4. С 1661 по 1674 гг. – СПб: В Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1856. – Стб. 695-711.
6. Общий Гербовник дворянских родов Российской империи: [Репринтное издание]. – СПб: Библиотека «Звезды», 1993. – 300 с.
7. Отпуск Томаса Келдермана от 27 апреля 1668 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. В 10 тт. Т. 4. С 1661 по 1674 гг. – СПб: В Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1856. – Стб. 711-716.
8. Перевод с грамоты Леопольда I к Алексею Михайловичу от 9 августа 1668 г. // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. В 10 тт. Т. 4. С 1661 по 1674 гг. – СПб: В Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1856. – Стб. 728-731.
9. Российский государственный архив древних актов. Ф. 32. Оп. 1. Д. 17. 1668 г. 23 стб. Отправление к императору Леопольду I Томаса Кельдермана. Наказ и статейный список Т. Кельдермана.
10. Российский государственный архив древних актов. Ф. 50. Сношения России с Голландией. Д. 2. 1645-1647 гг. – 274 л.

11. Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при русском Дворе (С начала сношений по 1800 г.). Выпуск I. Австро-Венгрия / Сост. Белокуровым С.А. // Сборник Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. Вып. 5. – М.: Типография Э. Лесснера и Ю. Романа, 1893. – С. 219-314.

ДЭВИД ЛЛОЙД ДЖОРДЖ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Е. А. Николашина
РГУ им. С.А. Есенина, г. Рязань, 322646@mail.ru

Если середина XIX века в Великобритании ознаменована преобладанием либеральной партии, то со второй половины наметился раскол внутри британского либерализма. Сторонники классической версии либерализма – виги – столкнулись с либералами во главе с У. Гладстоном, черпающих вдохновение в идеях реформ налоговой и избирательной системы, систем образования, профдвижения (т.е. в интересах среднего класса). Проблема состояла в принципиальном противоречии двух разных трактовок либерализма: классической и социальной. Классический либерализм основывался на принципе «laisser-faire» («позволяйте делать»), таким образом в центре внимания оказывалось индивидуальное социальное творчество освобожденного человека и естественный, нерегламентированный ход общественного развития как основы эффективного решения любых проблем. В то время как социальным либерализмом свобода личности воспринималась не в качестве самоцели, а как средство для обеспечения справедливого общественного устройства [2:168].

Причин подобной социализации либеральной идеологии можно выделить несколько. Победивший либерализм обладал неким узкоклассовым характером, что наглядно демонстрировалось эволюцией британской партии вигов. «Манчестерский либерализм» отражал торжество индивидуалистической этики, перевоплощение идеала духовной свободы в принцип материальной независимости, превращение конкурентной борьбы в основу социальных отношений. В то время как поиск некой либеральной альтернативы был связан со слиянием либеральных и демократических ценностей, со стремлением вернуть либерализму образ идеологии «равных возможностей» [8:256].

Социальный либерализм проявился в Великобритания уже в XIX веке. Однако его победе помешал раскол либеральной партии в 1886 г. [1:137]. Либеральный кабинет Гладстона (1892–1895 гг.) так же не получил никаких результатов в области внутренней политики. Любое прошедшее через нижнюю палату мероприятие отвергалось верхней. В частности, второй Билль о гомруле, который палата общин после 83 дней ожесточенных прений приняла большинством голосов 1 сентября 1893 г., лорды отвергли через неделю без каких бы то ни было обсуждений. В печати законодательную деятельность либералов назвали «вспахиванием песка». [4:155] Либералы, однако, могли лишь возмущаться, не предпринимая решительно никаких мер. Либерализм переживал период внутреннего разложения. Внутри Либеральной партии не было единства.

Кабинет Розбери так же был неработоспособным. Пребывание у власти оказалось недолгим: уже в июне 1895 г. либеральный кабинет подал в отставку.

Юнионисты рассматривали сохранение унитарного устройства страны неотъемлемым компонентом программы расширения общественных функций государства. Укрепление имперской системы выступало материальной основой проведения активной социальной политики. Такая позиция сблизила сторонников Чемберлена с консервативной партией, выступавшей в тот период под лозунгами «обновленного торизма» за умеренный реформистский курс в духе патернализма, «государственно-аристократического патронажа», за приоритет национальных, а не индивидуальных или классовых интересов, поступательное развитие общества на основе традиционных ценностей. Подобная близость юнионистов и новых тори привела к слиянию двух течений. В результате чего консерваторы находились у власти в течение последующих 10 лет. Этот период характеризуется пассивностью в вопросах внутреннего законодательства. Это временя проведения политики прагматичного традиционализма, возврата к практике имперского протекционизма (защиты пошлинами торгового пространства колониальной империи), ужесточения позиции в ирландском вопросе.

Сложная игра велась либералами в 1905 г. В начале XX века у либералов появился еще один сильный конкурент в парламенте - лейбористы, настаивавшие на решительной перестройке социальных отношений. Либеральная доктрина переживала существенную эволюцию. Новый либерализм предлагал не коренную ломку системы, а ее преобразование в более гармоничную. Предлагая общество благоденствия, сглаженных конфликтов, взаимных уступок, либералы придерживались средних позиций. Но подобная линия была слишком радикальной для консерваторов и не достаточно решительной для лейбористов.

Выборы 1906 г. ознаменованы дискуссией либералов и консерваторов [5:224] о целесообразности жесткого протекционистского курса. Это правительство объединяло трех будущих премьеров — Асквита, Ллойд Джорджа и Черчилля, видных представителей либеральной интеллигенции — Брайса, Виррела, Морли и др. Первые десятилетия XX века — острый, переломный этап в истории Великобритании. Роль мирового промышленного лидера была утрачена. Внутренние процессы обусловили демократизацию избирательного права. Правление либералов в 1906–1911 гг. была направлено на преоболение существующих проблем. Впервые в законодательной практике страны были подняты вопросы пенсионного обеспечения престарелых и социального страхования незащищенных категорий граждан. Сама партийная доктрина трансформировалась на основе нового либерализма. [3]

Либеральные кабинеты Кемпбелл-Баннермана и Асквита видели свою главную задачу в борьбе против рабочего движения. С целью предотвращения революционизирование рабочих правительство вступило на путь реформ. В 1906 г. было отменено решение по делу Таффской долины, расширено действие закона о вознаграждении рабочих при несчастных случаях на производстве, отмен тарифный прецедент, расширен закон о компенсации производственных травм. Однако взаимоотношения либералов и лейбористов были сложными, что просматривается в реформах, определявших условия труда. [7]

Значимость рабочего вопроса для партии обуславливалась тем, что статус одной из двух основных политических сил Великобритании не позволял ей дистанцироваться от назревших социальных проблем. Более того, избирательными реформами 1867 г. и 1884 г. был открыт доступ к выборам большой части промышленных и сельскохозяйственных рабочих. Если вначале они были на стороне либеральной партии (в лице так называемых Lib-Lab депутатов), то в результате возникновение самостоятельной фракции лейбористов конкурентоспособность либералов в борьбе за рабочий электорат была поставлена под сомнение.

Проблема условий жизни трудящихся была очень острой. По статистическим данным, получившим широкий общественный резонанс благодаря опубликованным в конце XIX в. работам Ч. Бута и С. Раунтри, около трети городского населения проживало за чертой бедности. Автор очерка об Англии и англичанах Виллиам, делясь впечатлениями от жизни обитателей восточных кварталов Лондона, отмечал, что «от постоянного недоедания, от крайне малопитательной пищи, от духоты и смрада квартир эти люди быстро теряют силы и работоспособность: в 30 лет они выглядят 60-летними стариками, а дети их имеют вид еще более хилый и заморенный, чем их родители» [10:53].

Либералы официально признали масштаб проблемы. Именно Ллойд Джордж, лидер радикального крыла либералов, стал рупором социальной политики правительства. Он говорил, что тысячи, миллионы «ввергнуты в состояние острой нужды и бедности» [11:65]. Преодоление массовой нищеты превращалось в задачу государственной безопасности: «Мы должны не только обеспечивать спокойствие наших берегов. Мы должны обеспечить сохранность своих домов» [11:258]. Ллойд Джордж говорил о социальной примиренности как о необходимом условии стабильности и процветания общества.

Главной мерой, повышающей качество жизни трудящихся, стало установление пенсионного обеспечения. Закон предполагал, что по достижении семидесяти лет рабочие, чей годовой доход не превышал 31 фунта 10 шиллингов, могли рассчитывать на еженедельные государственные пособия, размер которых возрастал от 1 до 5 шиллингов при пропорциональном уменьшении уровня доходов. [9:2,5] Палата лордов жёстко выступала против билля, но не нашла возможности его отвергнуть. Закон о пенсиях вошел в статутную книгу. Его новизна и значение заключались в том, что впервые власть брала на себя обязанность путем прямых выплат регулировать уровень доходов трудящихся в том возрасте, когда их самостоятельные усилия уже не были достаточными для благополучия.

Второй стороной рабочего вопроса была задача улучшения условий труда масс. Радикализм и новый либерализм исходили от неизбежности государственного вмешательства в конфликт рабочих и работодателей, но затруднялись с определением объема и характера такого вмешательства. Ситуация, сложившаяся вокруг отмены тафского прецедента, стала явным свидетельством того, насколько трудно согласовывались либеральный и лейбористский подходы к проблеме.

Рабочий вопрос был самым успешным элементом политики правительства в 1906–1908 гг. Предлагаемые министрами реформы не вызывали серьезной оппозиции

со стороны консервативной партии и получали одобрение палаты лордов. Либералы выражали внимание к интересам масс. Однако, отношения с лейбористами были сложными.

Земельный вопрос был наиболее комплексным. В городах лендлорды процветали за счет роста стоимости участков. Их прибыль, по мнению либералов и лейбористов, была «незаработанной». Юнионисты настаивали на создании класса фригольдеров. Консерваторы говорили о необходимости продумать механизмы для упрощения покупки земли. Либералы выступали против. Идеалом либералов был класс арендаторов, живших на обрабатываемой земле. Они ратовали за ступенчатую субаренду, в которой в роли посредника выступали местные органы. Преимущество аренды заключалось в том, что, создавая мотивы остаться в деревне, она не привязывала сельского рабочего к конкретному участку, и в случае процветания позволяла ему стать фермером или собственником земли. Такая система создавала возможность продвижения по социальной лестнице.

Первые годы правления либералов не принесли значительного успеха. Поддержанный предпринимательскими кругами фритред вызвал рост стоимости жизни, безработицы, социальной напряженности. В самой либеральной партии вновь активизировались сторонники энергичной социальной политики государства, лидером которых был Дэвид Ллойд Джордж. Когда в 1905 г. к власти пришли либералы, Ллойд Джордж оговорил свое участие в правительстве двумя условиями: изменение закона об образовании и расширение самоуправления для Уэльса.

Ключевым пунктом программы новых либералов под предводительством Ллойд Джорджа было отрицание социал-дарвинистских принципов и признание возрастающей роли государства в регулировании общественных отношений. Социальный либерализм выступал гармоничной доктриной. Ллойд Джордж подчеркивал, что если «старый» либерализм мобилизовывал народ на свою сторону во имя общественного прогресса, то «новый» либерализм ориентирован на конкретные социальные реформы в интересах аутсайдеров общества — арендаторов, рабочих, бедняков, престарелых. [6:100] Только так можно было соответствовать интересам всего народа. Признание важности благосостояния каждого индивида и каждой социальной группы предполагало торжество идеи социального примирения.

Политика Ллойда Джорджа положительно воспринималась самыми разными слоями населения Великобритании. Именно новый либерализм способствовал модернизации традиционной программы либералов. Он оправдывал активную роль государства в регулировании отношений трудящихся и работодателей. Либералы придерживались средних позиций, провозглашая общество благоденствия при сглаживании конфликтов и взаимных уступках.

Примечания.

1. Батыр К.И. Всеобщая история государства и права. М.: Наука. 1997.
2. Виллиам Г.Я. Англия и англичане. М.: Тип. Рябушинских, 1915.
3. Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970.

4. Ерофеев Н.А. Очерки по истории Англии 1815 - 1917 гг. М.: Издательство ИМО, 1959.
5. Лисс Л.Ф. Английский конституционализм – история и современность. Новосибирск: Новосибирскаий государственный университет, 2001.
6. Политика и власть в Западной Европе XX века. М: РАН. Ин-т всеобщ. истории, 2000.
7. Cook C. A Short History of the Liberal Party. 1900-1984. L.: Nation, 1986.
8. English Historical Documents, v. 12, pt. 2. 1874-1914. L: Routledge, 1977.
9. John Grigg. Lloyd George: The People's Champion, 1902-1911. N.Y.: Columbia University Press, 1978.
10. LIoyd George D. Better Times. L: Hodder & Stoughton, 1910. P. 65.
11. Tanner D. The Strange Death of Liberal England.//The Historical Journal. Dec.1994. – Vol. 37, № 4. 6

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И СТРАНЫ ВОСТОКА (К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРИНЦИПОВ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА)

О. А. Никонов
МПГУ, г. Москва, E-mail: Nikonov100@mail.ru

Нормы современного международного права, в основе которых лежат принципы невмешательства во внутренние дела и признание суверенитета национальных государств, традиционно ассоциируются с положениями Устава ООН, закрепленными 26.06.1945 г. на конференции в Сан-Франциско. Речь, в частности, идет о п.2 ст.1 об «уважении принципа равноправия и самоопределения народов» и п. 1 ст. 2 о «суверенном равенстве» всех участников международного договорного процесса.

Между тем, эти нормы были апробированы отечественной дипломатией и получили практическое применение значительно раньше, а именно в процессе становления двусторонних отношений молодого социалистического государства со странами Востока.

Революция 1917 г. пришлась на тяжелый период истории Российского государства. Три года войны, нанесли значительный ущерб империи. Людские потери, сворачивание производства из-за разрыва устоявшихся торгово-экономических связей, коллапс политической власти и институтов государственности не могли не сказаться на социально-экономической и политической стабильности государства. Приход к власти большевиков ситуацию только ухудшил в силу нежелания большинства западных стран признавать новое правительство.

Россия оказалась отрезанной от источников сырьевого обеспечения промышленности и рынков реализации экспортной продукции. В ходе военной интервенции держав Антанты и выступлений белогвардейских войск, от России были отторгнуты промышленные, сырьевые и продовольственные области - Украина, Урал, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь, что спровоцировало серьезный кризис в центральных регионах

России. Особенно пострадали передовые отрасли, дающие не только рабочие места, но и приток валюты. В частности, льноджутовые и хлопкопрядильные фабрики Москвы, Владимира, Иваново-Вознесенска и Ярославля фактически остановились и прекратили выпускать экспортную продукцию. В 1920 г. российская легкая промышленность смогла выработать всего лишь 14% довоенного производства, а выпуск экспортной продукции, изготовлявшейся из импортного сырья, сократился почти в 2 тыс. раз[13: 17].

Чтобы преодолеть возникшие трудности и выйти из сложившейся ситуации, большевистскому правительству было необходимо предложить мировому сообществу новые правила ведения международных дел, кардинально отличающиеся от общепринятых.

Базовые принципы такой системы международных отношений были озвучены еще в 1917 г. на Втором всероссийском съезде Советов, когда были сформулированы приоритеты внешней политики Советского государства. Признание советской Россией независимости народов и права наций на самоопределение, параллельно сопровождалось отказом от всех неравноправных, договоров, заключенных царским и временным правительствами. По существу, была предложена система координат, в которой, в отличие от ранее сменявших друг друга Вестфальской и Венской систем международных отношений, не действовал бы режим контрибуций и капитуляций.

Однако применить на практике советские инициативы удалось не сразу. Собственно, в негативном итоге первого опыта строительства договорных начал с сопредельными странами нет ничего удивительного. Прежде всего, следует учесть инерцию традиционного мышления, основанного на идее получения в переговорном процессе преимуществ за счет оппонента. Подобная цель внешней политики досталась новой российской дипломатии в наследство от императорской практики. Ведь не смотря на свою революционную деятельность, первые отечественные дипломаты: Г.В.Чичерин, И.М. Майский, С.И. Аралов, К.К.Юренев, М.М.Литвинов, Я.З. Суриц и др., - воспитывались и обучались в системе императорского образования. (Я.З. Суриц изучал право в Берлинском университете, что принимая во внимание близость германской и российской образовательной, да и дипломатической школы, не отличало его от прочих «пионеров» советской дипломатии).

С другой стороны, на дипломатическую службу в советские представительства попали революционеры «по рождению», либо не получившие достойное образование совсем, либо имевшие только азы образования и для которых соблюдение норм международного права было пережитком царской эпохи. Наиболее ярким примером деятеля такого плана был Б.З.Шумяцкий.

Сам он впоследствии оценивал свою деятельность на посту полномочного представителя России в Тегеране следующим образом: «Мы тогда еще не занимались экономическим экспортом, а поэтому если что и экспортировали в эти страны, так только наши политические идеи»[14: 142].

Наконец, продвижению идеи «солидарности трудящихся» и разжиганию революционного движения, способствовала сложная ситуация в Турции и Иране. В то время как в Турции разворачивалась гражданская война, в Иране явно назревала революция, вызванная кризисом политический власти Каджарской монархии. По образному

выражению представителя российского Внешторга Горчакова, «страна государственного маразма, тьмы и невежества», - оказалась в числе первых на Востоке охваченной революционным подъемом[15: 2об].

Поэтому вместо продвижения идеи равноправного партнерства была сделана ставка на укрепление революционных связей. Все международные контакты были отданы на откуп лицам, мало знакомым с дипломатической и внешнеторговой практикой. В частности Внешнеторговое ведомство РСФСР поручило вести торговые дела в северных провинциях Ирана азербайджанским коммунистам. Для укрепления дружественных отношений с революционной властью Кучек-хана из пограничной полосы России в срочном порядке в Решт и Энзели были направлены иранские коммунисты[2: 10].

Некомпетентность лиц, которым было доверено установление международных контактов, привела к распространению революционной агитации и пропаганды среди иранского населения и внедрению революционных методов экспроприации туземной буржуазии. И наоборот, делались широкие жесты безвозмездной помощи трудящимся Ирана. В частности, Гилянскому правительству Кучек-хана в дар были переданы, находившиеся на складе Нобеля 750 тыс. пудов керосина, что составляло двухгодичную потребность всего Ирана[16: 3].

Последствия таких действий были катастрофическими. С одной стороны, радикального улучшения отношений между странами не произошло. Напротив, торговая буржуазия, крестьянство, особенно зажиточное, стало прятать свое добро по дальним селениям[15: 3об].

С другой стороны, предпринятые в одностороннем порядке дипломатические шаги РСФСР, были встречены иностранными государствами, прежде всего Великобританией, в штыки. Так, в сентябре 1918 г. Совнарком Туркестанской АССР с одобрения правительства РСФСР в целях установления регулярных отношений с ближайшей к советской Средней Азии провинции Ирана - Хорасаном, в Мешхед была направлена специальная миссия во главе с консулом Туркестанской республики Е.А.Бабушкиным. По прибытию в Мешхед члены миссии были схвачены английскими военными властями в конце 1918 г., подверглись допросам и отправлены в Британскую Индию, где длительное время содержались в тюрьмах и концлагерях[12: 35,106]. В августе 1919 г. на пути в Иран английскими оккупационными властями был схвачен и расстрелян глава советской дипломатической миссии И.О.Коломийцев [9: 20].

Можно согласиться с мнением французской прессы начала 20-х гг. о том, что большевистская политика в этот период мало чем отличалась от дореволюционной, поскольку также преследовала собственные интересы.

Чтобы выйти из международной изоляции правительству большевиков пришлось действительно пойти на создание новой системы международных отношений. Это был трудный выбор, но он был продиктован необходимостью соблюдения практических интересов своей страны и поиска компромисса в деловом общении со странами, далекими от революционной идеологии и риторики. В основу новой системы был положен принцип суверенитета, взаимного уважения и равенства договаривающихся сто-

рон. В общем, все те нормы и принципы, на которых зиждется современное международное право.

В определенной степени инициативам советской России способствовали и итоги процесса мирного урегулирования последствий Первой мировой войны. Версальская система международных отношений все также покоилась на капитуляциях и преференциях, что для стран Востока стало особенно очевидным после оглашения статей Севрского мира (10.08.1920 г.).

Первым серьезным шагом по утверждению альтернативной модели международных отношений следует признать договоры РСФСР, заключенные в 1921 г., где новые принципы были применены на практике.

Еще 9 августа 1920 г. Г.В. Чичерин направил поверенному в делах Ирана в Лондоне Саффар-хану телеграмму, в которой подтверждалось, что все положения обращения от 26 июня 1919 г. в части статей I и VI остаются в полной силе. Статья I заявляла об аннулировании всех платежей Ирана по обязательствам царскому правительству, а статья VI объявляла Учетно-ссудный банк собственностью персидского народа[20: 255].

Договор о дружбе и сотрудничестве между РСФСР и Ираном был подписан 26 февраля 1921 г. Статьи I и II договора признавали «персидский народ независимым, процветающим и свободно распоряжающимся всем своим достоянием», и заявляли об «отказе от участия в каких бы то ни было мероприятиях, клонящихся к ослаблению и нарушению суверенитета Персии», а статья IV прямо констатировала «право каждого народа на свободное и беспрепятственное разрешение своих политических судеб», и обязывала договаривающиеся стороны «воздержаться от вмешательства во внутренние дела другой стороны»[5: 536-538].

В соответствии с договором предусматривалась передача в собственность иранского правительства всех ранее принадлежавших России зданий, предприятий и имущества, в частности порта Энзели и его товарных складских построек, телеграфные, телефонные и железнодорожные линии (ст. X). Кроме того, ст. XI ликвидировала старинную преференцию России на Каспийском море (право исключительного владения военно-морским флотом) и закрепляла за Ираном право «свободного плавания по Каспийскому морю под своим флагом»[5: 540].

Формулировки этих статей вызвали серьезные дискуссии в российском правительстве. Существовало мнение, что политический договор стал значительной ошибкой, поскольку в нем советская страна добровольно уступала все те преимущества - концессии и права, которые были завоеваны всеми предыдущими правительствами, а также имущество на сумму свыше 100 млн. руб. золотом. Однако этот акт получит иную оценку, если расценивать содержание договора с точки зрения новых задач, которые поставила власть в отношении народов Востока. Как отмечала комиссия НК РКИ по обследованию торговли с Ближним Востоком, с этой точки зрения договор - уступка в количественном отношении и приобретение в качественном. «Не владея этими позициями фактически, - отмечала далее комиссия, - нецелесообразно было удерживать их формально, юридически противореча из-за этого в корне нашей основной политической линии по отношению к народам Востока»[17: 23-24].

Однако нельзя сказать, что договор с Ираном был полностью лишен наследия Венской и Версальской систем. Наиболее критикуемыми являются ст. V и VI. Вместе с тем, ст. V, обязывающая договаривающиеся стороны не предоставлять собственные территории для агрессии со стороны третьих стран, вполне соответствует современному пониманию международного права. Другое дело ст. VI, которая дала России превентивное право «ввести свои войска на территорию Персии» в случае военной угрозы[5: 538], чем правительство и воспользовалось в 1941 г., введя советские войска на территорию северного Ирана. Скорее критике нужно подвергнуть не «букву», а «дух» закона. По существу ст. XI, о которой говорилось выше, – это фикция. Советская сторона осознавала, что при существующей материально-технической базе, собственным флотом Иран будет обладать не скоро. Именно поэтому в 1922 г. на обращение иранского представителя С.Х. Таги-заде с просьбой продать вооруженное судно, чтобы «бороться с действиями контрабандистов на берегах Каспийского моря»[3: 3], советское правительство ответило отказом.

Первым, действительно равноправным договором стало соглашение РСФСР с Турцией, заключенное 16 марта 1921 г. Уже в преамбуле договора отмечалось, что оба государства признают «права народов на самоопределение»[5: 597]. Наиболее значимым положением договора следует признать ст. IV. Она безоговорочно закрепила за народами «право на свободу и независимость, а равным образом их право на избрание формы правления, согласной их желаниям»[5: 599]. Этот пункт о самоопределении народов, являющийся сегодня одним из главных нормообразующих принципов международного права, впервые был апробирован чуть раньше, в советско-афганском договоре от 28.02.1921 г. (В ст.VII и VIII закрепляли принцип суверенитета и право нации создавать форму правления «согласно желанию их народов»[5: 552]). Учитывая то обстоятельство, что договор был заключен с правительством эмира Аманулла, можно констатировать, что с советско-афганского договора РСФСР юридически отказалась от дипломатической практики, направленной на установление более прогрессивных форм государственного устройства. Теперь, в российско-турецком договоре принцип суверенитета был окончательно закреплен. Также как и в договоре с Ираном, в соглашении с Турцией было предусмотрено недопущение предоставления собственной территории для агрессии со стороны третьих стран (ст. VIII)[5:600], что, по сути, закрепляло принцип невмешательства во внутренние дела.

В дальнейшем, на принципах равноправия и права на суверенитет были установлены дипломатические связи с королевством Хиджаза-Неджда и Йеменом, что в свою очередь позволило расширить дипломатические связи с арабскими и африканскими странами – Эфиопией, Джибути, Эритреей. В частности, в обращении к Ибн Сауду в ноте от 16 февраля 1926 г. подчеркивалось, что «исходя из принципов самоопределения народов…Советское правительство считает себя в состоянии нормальных дипломатических сношений с Правительством Вашего Величества»[7: 101]. Весьма символично выглядит подарок королю Йемена имаму Яхья Хамид ад-Дину накануне подписания советско-йеменского договора. Имаму вручили меч - символ дружбы народов двух суверенных стран[8: 308].

Резонанс от этих соглашений был велик, поскольку именно советская дипломатия впервые продемонстрировала на практике возможность вести дела со странами Востока на равноправной основе. В качестве примера можно привести фразу, произнесенную наместником Ходейды – эмиром Мохаммедом 9 февраля 1929 г: «мы знаем о Советской России, знаем, что благодаря ей Турция одержала успех в борьбе за независимость, знаем, что, у вас заботятся о хороших отношениях с народами Востока». При этом заметил, что «знает, к арабам будет отношение, как к равным»[1: 55].

Помимо закрепления новых принципов в двусторонних отношениях, советская дипломатия стремилась продвигать эти нормы и на международных конференциях.

Так, на Лозаннской конференции (1922-23 гг.) от представителя короля Хиджаза - доктора Азила председателю российской делегации Г.В. Чичерину поступило предложение поддержать кандидатуру шерифа Хусейна аль-Хашими как «верховного главу всех арабских стран». При этом доктор Азил указывал на намерение короля сохранить «в отдельных странах их правителей» при создании в них конфедерации[6: 170]. Данное обращение объяснялось стремлением британской дипломатии снизить накал антиколониальной борьбы в регионе Аравии и на Ближнем Востоке, где с окончания Первой мировой войны Великобритания стремилась установить марионеточные правительства. О задачах Великобритании в данном регионе еще осенью 1918 г. довольно откровенно писал госсекретарь по делам Индии: «будет удобно поощрять создание федерации самостоятельных государств…которые могут воевать друг против друга, но не будут вредить Месопотамии»[10: 15]. Тем более, что по подсчетам того же Д. Керзона военная компания в Ираке стоила государству 700 млн. ф. ст.[18: 183], а временами здесь приходилось держать до 420 тыс. солдат и офицеров[19: 10]. Привлечение на сторону Хусейна «не империалистической» страны могло существенно разрядить ситуацию.

Однако ссылаясь на принципы невмешательства во внутренние дела арабских стран, советская сторона уклонилась от признания ставленника англичан лидером всего арабского мира. Попутно Г.В. Чичерин указал на наличие в Аравии врагов Хусейна – кланы аль-Идриси и Ибн Сауда, чье мнение на сей счет надо было учитывать[6: 170].

В мае 1926 г. на международной санитарной конференции в Париже Советская Россия вновь выдвинула принцип суверенитета и территориальной целостности государств, и поддержала требования короля Ибн Сауда вернуть национальный контроль над международными портами. Нота с таким предложением от советского НКИД за подписью Г.В. Чичерина поступила наркому здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, возглавлявшему делегацию. Дело в том, что, организованная под благовидным предлогом борьбы с распространением эпидемических заболеваний, конференция могла стать действенным инструментом великих держав для установления бесконтрольного господства во всех международных портах стран Востока. Благодаря жесткой позиции советской делегации на переговорах в Париже, из Конвенции 1926 г. в значительной мере исчезли «особые постановления для стран Востока», которые имелись в прежних Конвенциях, исчез и соответствующий подзаголовок ст. 54 Конвенции 1912 г., который определял этот особый режим. В результате достигнутых договоренностей устанавливался национальный контроль за карантинно-санитарным состоянием во всех

портах принадлежавших Саудовской Аравии. (Примечательно, но добиться своими действиями послабления карантинного режима для наиболее перспективного партнера СССР на Востоке – Ирана, не удалось. Ст. 90 Конвенции, пусть и в смягченном виде, сохранила особый режим в портах Персидского залива) [11: 309].

На международной конференции в швейцарском Монтре в 1936 г. СССР также ссылаясь на принципы суверенитета и территориальной целостности, поддержал претензии Турции в отношении проливов Босфор и Дарданеллы. На основе новой конвенции о режиме проливов, Турция получила право ремилитаризировать зону проливов.

Не следует, однако идеализировать внешнеполитические шаги советского правительства. В них не было альтруизма, лишь здоровый прагматизм. Соглашения с сопредельными странами снизили напряженность на южных границах государства и обезопасили российскую территорию от возможных вторжений. Советско-турецкий договор привел к образованию «Руссотюрка», который действовал как отечественный контрагент в странах, куда был закрыт доступ советским организациям – например, в Египет и Ливан. Парижские решения привели к облегчению условий экспортно-импортных операций в красноморском бассейне. Договор с Йеменом, а точнее, применение норм международной практики, традиционно распространенных только в сфере отношений развитых государств, в сферу отношений с арабским миром, привел к значительному увеличению товаропотока из СССР. В частности, к мировому кризису советский сахар на йеменском рынке занимал до 35%, керосин до 30%, мука до 40%, спички до 90% и пр.[4: 7].

Страны Востока, в свою очередь, получили юридический прецедент и надежную договорную базу для ведения дел с развитыми государствами, не говоря уже о возможности использовать коммерческие связи с СССР для модернизации собственной экономики.

Таким образом, усилия советской дипломатии 20-30-х гг. XX в., направленные на создание системы равноправных отношений и признании суверенных прав стран Востока не только заложили основы для современного международного права в целом, но и доказали рациональные возможности использования такой системы.

Современное состояние системы международных отношений, особенно в части межгосударственного договорно-правового регулирования в очередной раз заставляют обратить внимание на опыт предыдущих лет. Попытки отдельных государств пересмотреть структуру договорных отношений и добиться для себя отдельных преференций не только разрушают систему, доказавшую свою жизнеспособность, но и подрывают основы взаимовыгодного партнерства.

Примечания.

1. Анкарин Г. По Йемену. М., 1931.
2. Архив Внешней Политики Российской Федерации (Далее АВПРФ). Ф. 94. Оп. 4. Д. 7.
3. АВПРФ. Ф. 94. Оп. 6. Д. 8.
4. Белинков С. Е. Йемен // Внешняя торговля. М., 1931.- № 24.
5. Документы внешней политики СССР (Далее ДВП). Т. III. М., 1959.

6. ДВП. Т. VI. М., 1962.
7. ДВП. Т. IX. М., 1964.
8. ДВП. Т. XI. М., 1966.
9. Макеев Д.А СССР и страны Ближнего и Среднего Востока. Из истории внешнеэкономических связей 1921-1928 годы. Владимир., 1990.
10. Мгои Ш.Х. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время. М., 1991.
11. Никонов О.А. Роль СССР в становлении государственного суверенитета королевства Саудовская Аравия.//Преподаватель XXI век. М., 2017. - №1.
12. Попов М.В. Миссия Е.А.Бабушкина в Иране. М., 1974.
13. Российский Государственный Архив Экономики (Далее РГАЭ) Ф. 7770, Оп. 5. Д. 53.
14. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1678.
15. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 304.
16. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 340.
17. РГАЭ. Ф. 635. Оп. 3. Д. 44.
18. Саид Саид Амин Восстания арабов в XX в. М.. 1964.
19. Федченко А.Ф. Ирак в борьбе за независимость (1917-1968). М., 1970.
20. Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918-1920). М., 1964.

ЕВРОПЕЙСКИЕ МОНАРХИИ В СУДЬБАХ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ: К 100-ЛЕТИЮ ГИБЕЛИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Б. В. Петелин

Череповецкий государственный университет, г. Череповец, Россия,
pbwtscherepowez@mail.ru

Причастность европейских государств Великобритании, Франции, Германии, Дании, Испании и др. к политическим событиям в истории Российского государства не вызывает сомнений. Проблемой является лишь то, насколько реальным было это вмешательство, в чем и как оно проявлялось, и какие последствия могло иметь для России. Особняком в этом ряду предстает Англия, о пагубной роли которой в нашей истории говорилось давно. Правда, для достоверных доказательств иногда не достает убедительных фактов.

«Страхи перед «коварным Альбионом» – «демонической ролью Великобритании» в истории России, как считает американский исследователь Дэниэл Пайпс – есть не более чем плод воображения сторонников конспирологии. Для них «сами по себе британцы не так опасны», но зато их аристократия «лелеет мечту путем заговора захватить власть над миром», а «английская королева – опасность номер один для человечества» [5: 24-25]. Однако он в своих рассуждениях не очень убедителен и скорее под-

утверждает существование заговоров в истории, чем опровергает практику их использования в политических целях.

Проблема в том, и здесь можно согласиться с Пайпсом, что «изучать это явление бывает очень трудно». Научные и околонаучные дискуссии вокруг гибели Императора Николая II, длящиеся уже сто лет, так до конца и не прояснили всех обстоятельств этой трагедии. Безусловно, ее нельзя отрывать от идущей тогда мировой войны (1914-1918 гг.) и революционных событий 1917 г. в России. Судьбу последних Романовых нельзя сводить только к роли Великобритании. Стоит говорить и о роли Германии, лично кайзера Вильгельма II, приходящегося двоюродным братом Николаю II (в таком же родстве он находился и с английским королем Георгом V). Но каких-либо личных мотивов к устранению Царской семьи Вильгельм II не имел, и на все обвинения в потворстве екатеринбургской трагедии, заявлял, что «на моих руках нет крови несчастного Царя» [4: 166-167]. Сказано это было в эмиграции, когда он сам уже лишился трона, но сохранил после этого жизнь.

Революционные события февраля-марта 1917 г. в России были встречены в Великобритании с нескрываемой радостью, с надеждой, что теперь Россия будет воевать до конца, то есть до полной победы над Германией. Доказательства подобного приводятся в статье российского исследователя, главного научного сотрудника ИВИ РАН Е.Ю.Сергеева. Десятки организаций и сотни простых англичан адресовали депутатам Государственной Думы, министрам, лидерам политических партий революционной России послания с выражением поддержки перехода страны к демократии [7: 9]. Откуда вдруг такая заинтересованность и осведомленность у «простых граждан»? Глава правительства Ллойд Джордж, например, проявил определенные колебания в вопросе признания Временного правительства, посчитав, что отныне русские становятся бесполезными для англичан в этой войне. Позже все встало на свои места. В Лондоне решили: «Кто бы не получил в итоге власть в России, главное – эффективное продолжение войны против германского блока» [7: 10].

С самого начала войны английские дипломаты и сотрудники военной разведки МИ-6 были прикомандированы к российскому Генеральному штабу для сбора информации. Вряд ли они могли не знать о готовящемся заговоре против Николая II. Е.Ю.Сергеев в России, пишет: несмотря на то, что «вопрос о причастности британских дипломатов и военных представителей к подготовке революции в России, давно опровергнут документальными свидетельствами, он продолжает служить обоснованием различных конспирологических «теорий». На это можно возразить, обратившись к новой книге английской исследовательницы Хелен Раппапорт (автор ранее опубликовала «Дневники княжон Романовых» (2008), и «Застигнутые революцией» (2014), в которой она, опираясь на новые архивные материалы, убедительно показывает «живое» участие британских властей в судьбах последних Романовых [6].

Впрочем, в статье Е.Ю.Сергеева есть немало фактов об этом «участии», включая действия английского посла сэра Джорджа Бьюкенена, весьма осторожного, «непубличного» дипломата. Этот «непубличный» посол почему-то оказался «втянутым» практически во все интриги против царя. Автор, изданной в 1970 г. в Нью-Йорке книги «Анатомия измены» В.С.Кобылин, ссылаясь на очевидцев, пишет, что сэр Бьюкенен

чуть ли не ежедневно принимал у себя всех, кто впоследствии стал участником заговора. Император знал об этом и даже собирался послать телеграмму Георгу V, чтобы тот воспретил английскому послу вмешиваться во внутреннюю политику России, усматривая в этом желании Англии устроить у нас революцию [3: 213-214].

Есть и другие свидетельства об активном участии английских политиков в российских событиях. В 1934 г. белый генерал, крупный военный теоретик Арсений Анатольевич Гулевич издал в Париже книгу «Роль России в мировой войне», где было написано, что развалу российской армии и страны способствовала делегация лорда Мильнера, передавшая оппозиции 21 миллион рублей [10]. Никаких опровержений со стороны Лондона не последовало. Не удивительно. Еще в 1927 г. генерал Морис Жанен, бывший начальник французской военной миссии при царской Ставке, публично заявил, что английские агенты в Петрограде раздавали солдатам по 25 рублей за выход из казарм и неподчинение своим командирам. После смерти генерала в 1946 г., был опубликован его дневник, где в записи от 7 апреля 1917 г. говорилось: «Революция руководилась англичанами и конкретно лордом Мильнером и сэром Бьюкененом».

Разумеется, не стоит перекладывать революционный кризис на англичан. Его истоки и причины – факт российской истории. Известный консерватор Лев Тихомиров еще в конце XIX века, когда все было «тишь да гладь», предчувствовал крушение монархии: «тяжело служить безнадежному делу, а его безнадежность мне становится все очевидней». В лагере монархии, с горечью писал он в дневнике, нет «ни единого крупного человека» [8]. Будущая судьба России неизбежно оказывалась в центре послевоенного переустройства. Но одно дело, когда Россия останется монархией, и другое – когда династии Романовых не будет.

Не стоит напрямую обвинять английских, германских или испанских монархов в том, что они не спасли Романовых после отречения Николая II. Кайзер Вильгельм II сам был вынужден отречься от престола, а новые немецкие власти, подписывая с большевиками Брестский мир, о русском царе просто «забыли». Павел Милюков – министр иностранных дел Временного правительства, лично сделал запрос о предоставлении Николаю II и его семье политического убежища в Великобритании. Британский военный кабинет отнесся к этой просьбе серьезно. 22 марта 1917 г. после оживленной дискуссии было решено дать согласие на переезд Николая II с семьей, разрешив ему пребывание в Соединенном Королевстве до окончания войны при условии выделения финансовых средств российским правительством. Однако 30 марта король Георг V через главу Форин офис Бальфура отозвал свое приглашение. Британские власти ссылались на сложную политическую обстановку, на нежелание общества видеть у себя императора и императрицу и возможные в связи с этим негативные последствия. В начале июня 1917 г. Керенский еще раз сделал запрос английскому послу Бьюкенену об отправке Романовых в Великобританию, но ответ не был получен. Лондон дал понять, что дальнейшая судьба российского императора Британию больше не волнует.

В расследовании убийства Царской семьи не фигурирует причастность Англии к свершенному преступлению. Но вот журнал «Свой» – приложение к газете «Культура», в летнем номере 2018 г. опубликовал статью «Чисто английское убийство?» («Тайны Ипатьевского дома»). Автор Валерий Хмельницкий пишет, что ни одна нация не под-

наторела в «искусстве» глобальных политических провокаций, как английская» [9: 12-13]. Поэтому связь Англии с гибелью Царской семьи не ограничивалась только одним нежеланием «принять у себя Романовых», но можно говорить о причастности к самой расправе. В Екатеринбурге с 1913 г. проживал английских консул Томас Престон, обеспечивая интересы британских промышленников на Урале. Его дом (какое совпадение!?) находился невдалеке от Ипатьевского дома, в котором разместилась Царская семья после переезда из Тобольска. С чердака консул мог наблюдать, как бывший Император гуляет во дворе. Информация об этом попадала в Лондон. В городе, как пишет Хмельницкий, английским разведчиком Стивеном Аллейном была создана команда из 6 человек для спасения Императора и его семьи, но в мае 1918 г. эта деятельность была прекращена. Так как британские власти отказали в предоставлении убежища Романовым, то вывозить их было некуда. Престон не организовывал убийство, но, как он сам говорил позже (1972 г.), мог спасти российскую царскую семью, если бы «удалось подольше поспорить с Уральским Советом» [6: 7]. Консул, когда уезжал из Екатеринбурга, захватил часть «царских останков», которые далее попали в Букингемский дворец и их видел король Георг V.

С января 1919 г. расследование убийства Царской семьи по распоряжению адмирала Колчака вел следователь Н.А.Соколов. И вновь «совпадение»: рядом с Соколовым – английский журналист Роберт Вильтон. «Чуя поживу, – писал советский историк Касвинов, – он присосался к колчаковскому следствию о царской семье, как только оно началось» [2: 406]. Вильтон был корреспондентом газеты «Таймс», активно сотрудничал с английской разведкой, что не являлось большим секретом. Он сопровождал Соколова до конца пребывания в России, позже издал книгу «Последние дни Романовых», где написал о «ритуальном характере убийства» [1].

В судьбе Николая II и его семьи, а также слуг, последовавших за ними, нет естественного завершения. Но если спустя сто лет истина так и не была установлена, значит, общество в ней просто не нуждалось. Официально – следствие по «царскому делу» в 2018 г. в России полностью завершено. Остаются лишь Крестные ходы к Ганиной яме в день убийства Царской семьи, почитание Святых страстотерпцев, да горькая память о допущенной трагедии, свершившейся в 1918 г. в Русской земле…

Примечания.

1. Вильтон Р. Последние дни Романовых / Сост. В. П. Семьянинова. М., 1991.
2. Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. 3-е изд., испр. и доп. М., 1990.
3. Кобылин В.С. Анатомия измены. Санкт-Петербург, 2005.
4. Мультатули П.В. Свидетельствуя о Христе до смерти… Екатеринбургское злодеяние 1918 г.: новое расследование. Москва-Екатеринбург, 2008.
5. Пайпс Д. Заговор: мания преследования в умах политиков. М., 2008.
6. Раппапорт Х. Рок семьи Романовых. «Мы не хотим и не можем бежать…»/Пер. с англ. М., 2018.
7. Сергеев Е.Ю. Британия и Февральская революция 1917 года в России (по материалам британских архивов)//Новая и новейшая история. 2017. №4.
8. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998.

9. Хмельницкий В. Чисто английской убийство (Тайны Ипатьевского дома). – «Свой», июль-август 2018.
10. turkaramamotoru.com/ru/Гулевич. Дата обращения 10.09.2018.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ПРОБЛЕМА АНШЛЮСА В 1920-е гг.

Д. В. Родин

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, enigma9307@mail.ru

После распада Габсбургской монархии Австрийская республика представляла собой печальное зрелище. «Как будто прекрасная и обходительная мать, умершая при рождении монструозного ребенка», - так описывал ее генерал Т. Бриджес в 1919 г. [4: 10] Ощущение неполноценности, ущербности новообразованной Австрийской республики было широко распространено как среди самих австрийцев, так и среди их северных соседей – жителей Германии, что вело к убежденности широких масс в необходимости слияния двух немецких государств. Хотя Версальский и Сен-Жерменский договоры запрещали аншлюс Австрии Германией, он все же состоялся в 1938 г. – и практически не вызвал осуждения со стороны таких стран, как Великобритания и Франция. Во многом это было связано с позицией первой: еще до событий 12-13 марта 1938 года британские дипломатические круги во многом были готовы к поглощению Австрии северным соседом. Доказательству данного тезиса и посвящена данная статья, в которой будет проанализирована позиция Министерства иностранных дел Великобритании по проблеме аншлюса в 1920-е гг.

Следует отметить, что Великобритания изначально не являлась противницей аншлюса. Историк и сотрудник Министерства иностранных дел Великобритании Л. Нэмир писал в ноябре 1918 г.: «В Немецкой Австрии распространяются слухи, будто бы Великобритания намерена заставить австрийских немцев вступить в Дунайскую конфедерацию и не дать им присоединиться к Германии, если они того пожелают. У британского правительства нет таких намерений, оно будет уважать право Немецкой Австрии определять свое собственное будущее» [7: 29]. Однако это противоречило подходу Франции и Италии к данному вопросу: они не желали объединения двух немецких государств, т.к. аншлюс мог усилить Германию (чего опасались в Париже) и стать препятствием для изменения австро-итальянской границы (чего желали в Риме). В результате Лондон был вынужден поддержать в 1919 г. запрет на объединение Германии и Австрии, что нашло отражение в Версальском и Сен-Жерменском договорах. Однако Великобритания так и не предоставила Австрии гарантий сохранения независимости и территориальной целостности. В дальнейшем британские дипломаты не забывали уточнять, что они препятствуют объединению Германии и Австрии «лишь до тех пор, пока оно не будет одобрено Лигой Наций» [17: 18]. Данная оговорка означала, что потенциально аншлюс возможен – при условии согласия великих держав, играющих первую скрипку в Совете Лиги.

В послевоенные годы Франция и Италия не изменили своей позиции: заинтересованные в укреплении собственных позиций в Дунайском регионе и опасавшиеся восстановления германской мощи, они оставались решительными противниками аншлюса. И поначалу Великобритания в целом не отказывала бывшим союзникам по Антанте в поддержке. Проявлением солидарности великих держав стало совместное осуждение референдумов, проведенных в апреле – мае 1921 года сразу в нескольких землях Австрии, на которых более 98% участников голосовали за аншлюс. Министр иностранных дел Великобритании Дж.Н. Керзон через британского посла в Вене Ф.О. Линдли предупреждал правительство Австрии, что в случае создания австро-германского союза «Правительство Его Величества, со своей стороны, разумеется, не сможет продолжать свою политику отказа от своих претензий по Сен-Жерменскому договору», что означало ужесточение требований по соблюдению условий мирного договора, прежде всего по срокам выплаты репараций и в сфере военных ограничений [8: 166]. Подобные угрозы возымели эффект: правительство Австрии проигнорировало результаты проведенных референдумов.

Также одной из главных проблем в послевоенные годы стала тяжелая экономическая ситуация в Австрии и, как отмечал А.З. Пресняков, в течение 1919-1921 гг. представители великих держав постоянно обсуждали экономические проблемы Австрии в различных межсоюзнических структурах, причем неоднократно высказывались опасения, что «ее экономическая несостоятельность приведет к разделу территории страны между соседями» [1: 234]. Восстановление экономики стран Центральной Европы (и Австрии в том числе) было в интересах Великобритании, т.к. оно открывало возможности для экономического проникновения в регион и укрепляло основы новой системы международных отношений.

Именно Банк Англии в первую очередь предоставлял кредиты для восстановления австрийской экономики. Однако, как заявил еще в 1919 г. Д. Ллойд Джордж, «великие державы не могли постоянно давать государствам-наследникам [Габсбургской монархии - прим. авт.] на жизнь» [1: 238]. Ситуацию ухудшало то, что дунайские страны практически сразу перешли к политике протекционизма и повысили таможенные пошлины на ввоз товаров из соседних государств. Подобная радикальная протекционистская политика неизбежно вела к разрушению хозяйственных связей и ухудшала социально-экономическую ситуацию в регионе. Сбывалось пророчество известного экономиста Дж. Кейнса: «В версальских основоположениях было слишком много политики и слишком мало заботы об экономическом порядке» [2: 78].

В результате финансовых вливаний в австрийскую экономику явно было недостаточно для улучшения ситуации в стране. Уже в июне 1922 г. британский посол в Вене А. Экерс-Дуглас писал в Лондон, что «в скором времени вопрос существования Австрии как отдельного государства может стать крайне острым» [9: 218]. Слабая австрийская экономика вела к росту социальной напряженности, и среди способов решения данной проблемы посол называл включение Австрии в состав Германии, передачу ее в качестве мандата Италии, раздел между Чехословакией и Югославией, международный контроль с сопутствующей оккупацией, причем первый и последний варианты рассматривались им в качестве предпочтительных. Если Великобритания не желала по-

стоянно тратить деньги на поддержание австрийской экономики, ей следовало подумать о переформатировании экономических отношений в Центральной Европе.

В данном отношении альтернативой аншлюсу могла бы стать Дунайская конфедерация, идею которой неоднократно озвучивал в 1920-е гг. министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш, бывший решительным противником присоединения Австрии к Германии. В его представлении Дунайская конфедерация являла собой объединение промышленных и аграрных возможностей дунайских стран (Чехословакии, Австрии, Венгрии, Румынии) для обеспечения стабильного экономического развития каждой из них. Подобные проекты находили понимание в Лондоне, правда, новый министр иностранных дел О. Чемберлен опасался, что реализация этого проекта в ближайшее время невозможна, т.к. страны Малой Антанты, особенно Чехословакия, «выступят против любых действий, способных восстановить бывшее доминирующее положение Вены или поставить под угрозу их политическую независимость» [10: 187].

Впрочем, подобная альтернатива не означала полного исключения возможности исчезновения Австрии с карты мира. Об этом, в частности, говорил Э. Бенешу британский посол в Праге Дж. Кларк: «В конце концов, если бы Австрия оказалась неспособной к независимому существованию, живые организмы вокруг нее, по законам природы, не смогли бы вынести гниющего трупа в их среде, и каждая соседняя страна присоединила бы к себе смежный с нею регион» [10: 164]. Так как одной из подобных «смежных стран» выступила бы Германия, из данного высказывания вполне можно сделать вывод, что в Министерстве иностранных дел Великобритании не отвергали возможности аншлюса, по крайней мере, частичного, хотя О. Чемберлен и заявлял о необходимости воспрепятствовать его реализации.

Более настойчиво против аншлюса выступал видный историк и дипломат Дж.В. Хэдлем-Морли, требовавший активизировать британскую политику в Центральной Европе. В начале 1925 г. он направил О. Чемберлену аналитическую записку, в которой предупреждал о возможных «катастрофических» последствиях для Великобритании в случае воссоединения Австрии с Германией, изменения германско-чехословацкой границы в Судетах и вторжения венгерских войск в южные районы Чехословакии. Действий в рамках статей Устава Лиги Наций, по мнению автора записки, было бы недостаточно – Великобритании следовало заявить о необходимости подписания «особого протокола для решения европейских проблем», к которому присоединилась бы и Германия [15: 77-78]. Любопытно, что идею союзов с отдельными государствами Центральной Европы Дж.В. Хэдлем-Морли все же отвергал. Тем не менее записка не оказала особого влияния на позицию О. Чемберлена: несмотря на громкие заявления о недопустимости аншлюса, противоречащего Версальскому и Сен-Жерменскому договорам, реальных шагов на пути к предотвращению аншлюса британский министр не предпринимал.

Достаточно ярко это проявилось в процессе обсуждения Локарнских соглашений, подготавливаемых Германией, Великобританией и Францией на протяжении всего 1925 года. На включении в будущие соглашения пункта об австрийских границах настаивал министр иностранных дел Франции Э. Эррио, высказывавший в марте 1925 г. О. Чемберлену опасения, что при отсутствии пункта о международной гарантии гра-

ниц Германии и Австрии последняя «будет быстро поглощена», что «не только станет новой опасностью для Франции, но в частности создаст значительную угрозу для Италии». Э. Эррио предполагал, что в дальнейшем Германия могла выдвинуть претензии на Триест, и британскому правительству, по его мнению, «не хотелось бы видеть в ней средиземноморскую державу» [5: 88]. Однако британский министр предпочел аккуратно обойти этот вопрос.

Ситуация повторилась спустя два месяца в ходе беседы О. Чемберлена с французским послом в Лондоне А.-И. де Флёрио. В ответ на предложение посла «предоставить восточным державам те же объединенные и особые гарантии, что и в западном пакте», министр ответил, что «на данный момент он не может дать никаких определенных заявлений», что касалось, в том числе, и гарантий в отношении Австрии. Свою позицию О. Чемберлен подкрепил ссылкой на французскую печать, которая, по его наблюдениям, выступала против включения в Локарнские соглашения указаний на восточные границы Германии [5: 135]. Почти в это же время сотрудник Министерства иностранных дел Великобритании Ч.Г. Смит писал, что аншлюс представляется ему «рациональным и… неизбежным решением» проблем Австрии, обоснованным «как этическими, так и экономическими причинами» [7: 30]. Однако против подобного шага выступили бы правительства Франции, Италии и Чехословакии – и британским дипломатам приходилось это учитывать.

В итоге в ходе самой Локарнской конференции в октябре 1925 г. австрийский вопрос был обойден стороной. Однако Рейнский гарантийный пакт теоретически открывал возможность для аншлюса, т.к. не содержал в себе международных гарантий восточных границ Германии, в том числе с Австрией. Закрыть эту брешь О. Чемберлен предполагал за счет самих государств Центральной Европы, и еще до закрытия конференции обратился к Э. Бенешу с предложением выступить с инициативой подписания многостороннего гарантийного пакта между Румынией, Чехословакией, Югославией, Венгрией и Австрией. Сразу же после завершения Локарнской конференции Э. Бенеш связался с министром иностранных дел Югославии М. Нинчичем. Идея о привнесении в Центральную Европу «опыта Локарно» была ими одобрена, однако инициатива в данном вопросе, по их мнению, должна была исходить либо от Великобритании, либо от Франции.

В ответ на заявление чехословацкого и югославского министров О. Чемберлен объявил, что, «если малые государства желают, чтобы с ними считались, как с великими державами, они должны действовать в том же духе и продемонстрировать аналогичную широту взглядов и стремление к примирению. Тот, кто отказывается работать в данном направлении, тот не только ставит свою страну в невыгодное положение, но демонстрирует ее ущербность» [11: 64]. По мнению британского министра, сама идея участия Великобритании в каком-либо гарантийном пакте, помимо Рейнского, должна была быть исключена. Однако насколько сами страны Центральной Европы были готовы к переговорам друг с другом? В отношении Австрии этот вопрос был особенно острым: как докладывал А. Экерс-Дуглас, австрийское правительство не будет заинтересовано в пакте, препятствующем объединению с Германией и возвращению Южного Тироля [15: 205]. Равным образом не проявляла особого интереса в подобном гаран-

тийном пакте и Венгрия, не терявшая надежды вернуть земли, отторгнутые по Трианонскому договору.

Тем не менее вплоть до конца 1920-х гг. в Лондоне верили в возможность создания Среднеевропейского Локарно. В связи с этим британские дипломаты с опасением смотрели на шаги австрийского и германского правительства, способные укрепить взаимоотношения двух стран. Так, после визита австрийского канцлера Р. Рамека в Берлин в марте 1926 г. А. Экерс-Дуглас писал в Лондон о том, что в австрийской торговой палате изучается возможность создания более крупной экономической зоны, для чего бывшему австрийскому послу в Берлине Р. Ридлю, известному пангерманисту, было дано указание «в качестве полномочного делегата палаты вступить в контакт с экономическими кругами в тех странах, которые затронуло бы подобное объединение», в чем британский посол был склонен видеть «расчистку пути к аншлюсу, по крайней мере в экономической сфере» [11: 563-564]. Таможенный союз с Германией, по словам посла, австрийская пресса называла первым шагом к политическому слиянию, об этом же свидетельствовало и интервью с австрийским министром торговли Г. Шюрфом в газете «Дрезднер Нахрихтен» в конце мая 1926 г., в котором министр обсуждал возможные последствия таможенного союза Австрии и Германии и выдвигал идею общеевропейского экономического объединения [12: 63]. Подобные тенденции не могли не тревожить британское министерство иностранных дел, т.к., помимо аншлюса они предвещали и возрождение проекта «Срединной Европы» («Mitteleuropa»), главной целью которого было установление экономического доминирования Германии на европейском континенте. Однако никаких ответных действий с британской стороны не последовало.

Еще одним поводом для обсуждения проблемы аншлюса стала всеобщая забастовка в Вене в середине июля 1927 г. в знак протеста против оправдания на Шаттендорфском процессе фашистов, виновных в убийстве рабочих. О новом витке обсуждения аншлюса в Германии в этих условиях писал в Лондон британской посол в Берлине Р. Линдсей, отмечавший в то же время, что правые не поддерживают идею аншлюса. В качестве примера он приводил статью в правой «Кройц-Цатунг» от 22 июля 1927 г., в которой утверждалось, что аншлюс приведет к росту аналогичных стремлений у немецких меньшинств в Италии, Польше, Чехословакии и Румынии, что, в свою очередь, вызовет преследования со стороны властей указанных государств [6: 255]. Подобные заявления имели успокаивающий эффект, и поэтому Великобритания уклонилась от прямого ответа на требования обеспокоенного французского правительства решить австрийскую проблему. Англичане заявили, что «аншлюс не представляет собой непосредственной угрозы», а у мира есть и «более насущные проблемы» [16: 459]. Под последними, вероятнее всего, имелись в виду ситуация в Китае и разрыв англо-советских отношений в мае того же года.

К концу 1920-х гг. Великобритания практически полностью дистанцировалась от решения австрийского вопроса: в меморандуме Министерства иностранных дел Франции 1929 г., посвященном истории вопроса, констатировалось, что «Франция как решительный противник присоединения Австрии к Германии осталась одна в Европе» [16: 479]. Не приносили плодов и попытки создания в Центральной Европе экономического или политического объединения: как утверждалось в меморандуме о внешней

политике Великобритании от 8 апреля 1929 г., «по-прежнему нет никаких признаков того, что в ближайшем будущем в Центральной или Юго-Восточной Европе будет создана система Локарно» [13: 821]. Во многом это было связано как с противоречиями малых стран Центральной Европы (в первую очередь между Венгрией и ее соседями), так и с франко-итальянскими противоречиями, порождавшими обстановку взаимного недоверия в регионе, при которой, как признавал историк П.С. Вандиш, «шансы создать Среднеевропейское Локарно были весьма призрачными» [18: 31].

В результате к началу 1930-х гг. Форин офис предпочитал не играть роль первой скрипки при разрешении австрийского вопроса, уступая эту роль французским и итальянским дипломатам, в намного большей степени озабоченным проблемой аншлюса. Наиболее наглядно это проявилось в вопросе о создании австро-германской таможенной унии в 1931 г., когда, по словам К.А. Клодиуса, бывшего в это время посланником немецкой миссии в Вене, «английская политика, проявив вначале колебание и поставив в известность германское правительство о том, что она ничего не имеет против таможенной унии, приняла все же под конец сторону Франции» [3: 214].

Подобная позиция Великобритании была обусловлена не только и не столько начавшейся в 1929 г. Великой депрессией, вынудившей британское правительство заняться в первую очередь экономическими проблемами империи, сколько верностью позиции, занятой британской дипломатией практически сразу после войны. Исследователь М. Ньюман писал о британской политике в Дунайском бассейне, что она «была отмечена парадоксами» [14: 371]. С одной стороны, в силу того, что Первая мировая война была порождена в том числе конфликтами в данном регионе, британцы не могли не осознавать, что их безопасность напрямую зависит от ситуации в Центральной Европе, но с другой, экономические и финансовые интересы Великобритании в дунайских странах были сравнительно невелики. Кроме того, после войны Великобритания всячески избегала принятия на себя новых обязательств, связанных с предоставлением гарантий безопасности и территориальной целостности малым странам, и государства Центральной Европы, в том числе Австрия, не были исключением. Это обусловило отстраненную позицию Великобритании по вопросу аншлюса, что нашло отражение в словах британского поверенного в делах в Берлине Дж. Эддисона, писавшего в 1925 г., что в перспективе «предотвратить аншлюс так же невозможно, как невозможно считать Ланкашир чем-то независимым от Соединенного Королевства» [5: 390]. Его пророчество сбылось спустя 13 лет – в марте 1938 года.

Примечания:

1. Пресняков А.З. Проблема мирного урегулирования на территории бывшей Австро-Венгрии: роль великих держав (1918 – 1921 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2014.
2. Системная история международных отношений в двух томах. Том первый. События 1918-1945 годов. М., 2009.
3. Тайны дипломатии Третьего рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944-1955. М., 2011.

4. Batonyi G. Britain and Central Europe, 1918-1933. Oxford, 1999.
5. British Documents on Foreign Affairs. Pt. 2. Ser. F. Vol. 36. Washington, 1994.
6. British Documents on Foreign Affairs. Pt. 2. Ser. F. Vol. 38. Washington, 1994.
7. Carsten F.L. Grossbritanien und Österreich 1918-1937 // Österreich, Deutschland und Mächte. Internationale und Österreichische Aspekte des “Anschlusses“ vom März 1938. Wien, 1990.
8. Documents on British Foreign Policy. Ser. I, Vol. XXII. London, 1980.
9. Documents on British Foreign Policy. Ser. I, Vol. XXIV. London, 1983.
10. Documents on British Foreign Policy. Ser. I. Vol. XXVII. London, 1986.
11. Documents on British Foreign Policy. Ser. IA. Vol. I. London, 1966.
12. Documents on British Foreign Policy. Ser. IA. Vol. II. London, 1968.
13. Documents on British Foreign Policy. Ser. IA. Vol. VI. London, 1975.
14. Newman M. The Origins of Munich: British Policy in Danubian Europe, 1933-1937 // The Historical Journal. Vol. 21, No. 2. 1978.
15. Orde A. Great Britain and International Security 1920-1926. London, 1978.
16. Ormos M. Le Probleme de la Securite et l’Anschluss // Etudes Historiques Hongroises, 1975. Budapest, 1975.
17. Tarte E.A. The Anschluss Movement and British Policy: May 1937 - March 1938. A Thesis Submitted to the Faculty of the Graduate School, Marquette University, in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts. Milwaukee, 1967.
18. Wandycz P.S. The Twilight of French Eastern Alliances 1926-1936. French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton, 1988.

ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ В ИДЕЙНОМ НАСЛЕДИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА

А. С. Романика
РГУ им. С.А. Есенина, г. Рязань, Россия, a.romanika@365.rsu.edu.ru

Для более глубокого понимания логики демократического движения, особенностей развития общественной мысли в эпоху модернизации важным представляется обратиться к взглядам революционного народничества на войну как цивилизационное явление, проблемы вооруженной силы государства, положения армии в системе общественных отношений. Влияние Крымской кампании на оживление демократической мысли, социокультурная близость солдат и крестьян, значимая роль офицеров в общественной жизни страны заставляли противников самодержавия регулярно обращаться к военной тематике. Представляя справедливое общественное устройство и пути его достижения, они задавались вопросами о сущности войны, армии и борьбы против правительства, ответы на которые представляют весомый исследовательский интерес.

В системе взглядов народников отразились воззрения А.И. Герцена, Н.П. Огарева и Н.Г. Чернышевского на войну как порождение несправедливого общественного

строя, источник народных бедствий и обогащения привилегированных сословий. Например, в одной из агитационных работ С.М. Кравчинского, выполненной в форме сказки, содержится характерное высказывание: «Царь недавно объявил войну соседнему царю, чтобы увеличить свою землю и свою власть. Страшная это будет война. Много крови и денег она будет стоить народу. Никогда не приходилось ему нести такого бремени, какое он несет через нее» [11: 57].

Вместе с этим, еще во взглядах основоположников социалистической доктрины в России складывалась точка зрения на войну как фактор обострения социальной обстановки в стране, роста числа народных протестов. Революционные народники мыслили в схожем ключе, отмечая влияние некоторых войн на формирование общественного движения за гражданские права и просвещение, ослабление действующей власти. В своих суждениях они часто обращались к ситуации, возникшей после победы России над Наполеоном. В частности, М.А. Бакунин указывал на «подготовление, вынашивание и незаметное, но могучее развитие» передовых идей после 1812 г. [5: 35] Все сословия участвовали в обороне страны, тем самым, осознав свою важность в государственном строительстве, несовместимость самодержавия и общественного прогресса. Мыслитель также высоко оценивал внешнюю политику американского Севера, так как она представляет «интересы цивилизации, демократии и труда». Северные штаты «неудержимо распространяются по континенту», подобно варварам при крушении Римской империи, несут «новые элементы свободы, новую жизненную силу» [4: 44].

Представления о захватнических и освободительных вооруженных конфликтах можно встретить, в том числе, в документах революционных обществ. Например, воззвание «Земли и воли» характеризует подавление русским войском польского восстания 1863г. «ненужной и позорной для России войной», начатой для «поддержания деспотизма». Бремя ее ведения легло на «бедный, честный, ослепленный, ни в чем не виноватый народ». Призывая же народ к вооруженной борьбе против самодержавия, автор пишет: «Мы допускаем одну войну, и то, как неизбежное зло, войну за свободу, войну против рабства и деспотизма» [16: 190-191].

Так, в отечественной демократической мысли постепенно развивались убеждения о недопустимых и допустимых войнах. Из этих установок следовал вывод, который наиболее ярко проявился во взглядах М.А. Бакунина – о необходимости содействия военному ослаблению царизма. Рассчитывая на кризис самодержавной государственности и оживление протестного движения в случае неудачной войны, он и его сподвижники стали рассматривать оборону отечества даже от внешних врагов как противоречие революционной борьбе. Поддерживая венгерских повстанцев, он заявлял: «С горькою настойчивостью увещаю вас, славяне, разгромите русскую армию» [7: 378]. Способствование проигрышу родной страны для него было выполнением «священного, но вместе с тем тяжелого долга» [7: 378], так как восстание в Венгрии он считал «войной законной и справедливой, войной народной, войной чисто демократической» [3: 332]. Основываясь на данных событиях, М.А. Бакунин провозглашал: «Долой завоевательные войны!»; «Да здравствует единственно допустимая революционная война за освобождение угнетенных народов!» [3: 339].

Идея о свержении самодержавия через военное поражение нашла отражение в теоретических построениях народовольцев, которые большие надежды возлагали на

успех заговорщической тактики. В программе «Подготовительная работа партии» говорилось: «Что касается самого восстания, то для него, по всей вероятности, можно будет выбрать благоприятный момент, когда сами обстоятельства значительно облегчат задачу заговорщиков. Такие благоприятные условия создаются народным бунтом, неудачной войной, государственным банкротством» [15: 868].

Оценки конкретных военных конфликтов, воззрения о допустимости открытого содействия военному ослаблению царизма привели к столкновению мнений различных политических сил, в том числе, в демократическом лагере. Так, противоречия проявились на женевских конгрессах миротворческой организации Лига мира и свободы. В заседании 1867 г. приняли участие Н.П. Огарев, Г.Н. Вырубов и М.А. Бакунин. Последний в своем выступлении заявил о желании «всех унижений, всех поражений» России, так как «ее успехи, ее слава были и всегда будут прямо противоположны счастью и свободе народов русских и не русских». Поэтому приемлемым средством борьбы против самодержавия М.А. Бакунин назвал капитуляцию царизма, обозначив армию «основанием императорской власти», желая ей «одних поражений во всякой войне, которую предпримет империя» [6: 103-104]. Речь М.А. Бакунина вызвала совершенно противоположенные отзывы. Часть вольнодумцев одобрила столь радикальные средства борьбы. Более умеренный во взглядах А.И. Герцен осудил антироссийскую риторику М.А. Бакунина [9: 201] (после, Г.Н. Вырубов охарактеризовал данную линию А.И. Герцена «сентиментальным увлечением», а не продуманной политической тактикой [2: 27]). Посетивший мероприятие Ф.М. Достоевский в письме племяннице негативно отзывался о деятельности противников самодержавия на конгрессе. Их взгляды Ф.М. Достоевский назвал «комичностью, слабостью, бестолковщиной, несогласием, противуречием себе» [10: 328]. Считается, что выступление М.А. Бакунина на женевском конгрессе легло в основу образов революционеров в романе «Бесы» [8: 207].

В 1868 г. М.А. Бакунин вновь посетил конгресс Лиги мира и свободы. Он заявил, что «самым большим счастьем для русского народа было бы поражение императорских войск, каким-нибудь внутренним или внешним образом». В выступлении была дана оценка итогам Крымской кампании: «Эта война, к счастью столь несчастная для нас, нанесла тяжелый удар самому существованию империи». По мысли М.А. Бакунина, проигрыш России в конфликте 1853-56 гг. привел к нарастанию общественного недовольства – народ «начинает понимать, что царь – божественная отвлеченность и есть действительная и главнейшая причина всех его бедствий. От этого сознания до кровавой революции очень недалеко» [6: 107]. Он также обратился к теме мирного международного развития. По его мнению, только устранение реакционной государственности сделает возможным прекращение захватнических войн.

Выступления на конгрессах Лиги мира и свободы демонстрируют начало идейных разногласий среди отечественной демократии по проблемам обороны государства и влияния войн на социально-политические процессы в стране. Если А.И. Герцен и Н.П. Огарев были осторожны в высказываниях о содействии военному ослаблению царизма, то М.А. Бакунин и его последователи заняли более радикальную позицию, считая военное поражение самодержавной России приемлемым средством политической борьбы. Допустимыми считались и внешнее вторжение, и внутренняя освободительная война. Подобные меры представлялись кровопролитными, но вынужденными из-за же-

стокости царизма. Так, П.Л. Лавров приходит к выводу, что «хронические страдания масс при сохранении прежнего строя» значительно превосходят «страдания от революции» [12: 67]. Представления революционных народников о допустимых войнах стали следствием их разрыва с социальными институтами «старого мира»: «Нет и не может быть мира между растущим обществом будущего и гнилыми развалинами прошедшего» [13: 27]. Историк освободительного движения Е.Г. Плимак писал о «падении авторитетов, разрушении традиций», отчего революционные народники считали крушение «традиционных общественных отношений» любыми средствами естественной мерой [14: 129]. В.Ф. Антонов указывал: «М.А. Бакунин рассматривал государство как категорию историческую, “проходящую”» [1: 109]. Поэтому для части противников самодержавия военный престиж страны уже не имел большой ценности и рассматривался в качестве допустимой цены за внутренние преобразования.

Российские демократы были едины во взглядах на войну как разрушительное, пагубное цивилизационное явление. В то же время формируется широкий спектр взглядов противников самодержавия в зависимости от степени их радикализма на допустимые и недопустимые пути достижения политических целей. Проблематика войны как события, способного приблизить революционный взрыв, стала предметом острых дискуссий среди отечественной демократии, а впоследствии привела к расколу российских социалистов на оборонцев и интернационалистов во время Первой Мировой войны.

Примечания.

1. Антонов В.Ф. Революционное народничество. М.: Просвещение, 1965. – 265с.
2. Анциферов Н.И. Герцен и женевский конгресс Лиги мира и свободы // Вестник АН СССР. 1945. № 1. – С. 22-30.
3. Бакунин М.А. Воззвание русского патриота к славянским народам // Собрание сочинений и писем. Т. III. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. – С. 329-345.
4. Бакунин М.А. Защитительная записка // Собрание сочинений и писем. Т. IV. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. – С. 31-94.
5. Бакунин М.А. История моей жизни // Собрание сочинений и писем. Т. I. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. – С. 25-37.
6. Бакунин М.А. Речи на конгрессах Лиги мира и свободы // Избранные сочинения. Т. III. М.: Голос труда, 1920. – С. 104-106.
7. Бакунин М.А. Русские в семиградии. Обращение к чехам // Собрание сочинений и писем. Т. III. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. – С. 372-379.
8. Белов С.В. Федор Михайлович Достоевский. М.: Просвещение, 1990. – 207с.
9. Герцен А.И. Письмо Н.П. Огареву от 16 сентября 1867 г. // Собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXIX. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. – С. 201.

10. Достоевский Ф.М. Письмо С.А. Ивановой от 29 сентября 1867г. // Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. XV. СПб.: Наука, 1996. – С. 328.
11. Кравчинский С.М. Мудрица Наумовна. М.: Типография Бохметева, 1885. – 154с.
12. Лавров П.Л. Исторические письма // Избранные произведения в двух томах. Т. II. М.: Мысль, 1965. – С. 19-296.
13. Лавров П.Л. Парижская коммуна 1871 года // Избранные сочинения на социально-политические темы. Т. IV. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. – С. 22-27.
14. Плимак Е.Г. Революционный процесс и революционное сознание. М.: Мысль, 1983. – 241 с.
15. Подготовительная работа партии // Литература партии Народная воля. Paris: Societe Nouvelle de librairie et d`edition, 1905. – С. 867-878.
16. Революционный листок Свобода. №2 // Былое. 1908. №8. – С.190-192.

ВНУТРЕННИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РУКОВОДСТВЕ КОМПАНИИ «АРКОС» В НАЧАЛЕ 1920-х гг. (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ Г. А. СОЛОМОНА-ИСЕЦКОГО)

Ю. В. Савосина

РГУ им. С.А. Есенина, г. Рязань, Россия, yulya-savosina@yandex.ru

В рамках англо-русских отношений начала 1920-х гг. экономическая сфера понесла большие потери, произошел распад традиционных торгово-хозяйственных связей.

«Внешнеполитическая деятельность Советской России определялась декретом СНК РСФСР от 22 апреля 1918 г. «О национализации внешней торговли». В рамках которого все виды торговых сношений с зарубежными странами и отдельными иностранными предприятиями могли осуществляться только от лица Российской Республики специально уполномоченными органами.» [2;158]

В Лондоне в 1920 г. было создано акционерное общество «Аркос» (All Russian Cooperative Society Limited), переименованное в 1922 г. в «Аркос Лтд» (Arcos Ltd.). Именно через эту компанию осуществлялись все англо-русские, а позже англо-советские, торгово-экономические и финансовые связи.

«Аркос» была задумана как организация, действующая вне идеологических убеждений, способная преодолеть разногласия двух политических систем для формирования комфортного климата в торгово-экономической области. В современном мире такую роль играют транснациональные корпорации (ТНК), однако в 1920-е гг. не существовало необходимого опыта работы.

Леонид Борисович Красин, идейный вдохновитель «Аркоса», «прибыл в Лондон весной 1920 г. во главе Советской делегации Центросоюза, и на протяжении 1920-1923 гг. являлся политическим и торговым представителем в Великобритании. Он обладал богатым экономическим опытом и определенным авторитетом в деловом мире.»[1;70] Однако реалии того времени диктовали новые условия для экономических отношений,

основанные на политико-идеологическом разногласии. И Красин уговорил занять пост директора «Аркоса» своего друга и единомышленника – Георгия Александровича Соломон-Исецкого (Соломона): «Он [Л.Б. Красин] писал, что, занятый сложными политическими вопросами, не успевает следить за «Аркосом» … Он уговаривал меня приехать и взять в руки «Аркос» и завести там настоящий порядок.»[3;177]

Позиции, отстаиваемые Красиным, не всегда вызывали одобрения в Москве. Борьба шла не только между двумя идеологическими блоками – капиталистическим и коммунистическим, но и внутри последнего. Так, и текст торгового договора, выработанный Красиным совместно с английской стороной, вызывал недовольство. Соломон, уже в качестве директора «Аркоса», принимал активное участие в выработке текста соглашения, и выступал, безусловно, заинтересованной стороной. Он отмечал ярое противоборство Максим Максимовича Литвинова позициям Красина:«… я [Л.Б. Красин] показал ему проект договора с Англией и… Конечно, Литвинов… начал озлобленно критиковать его и доказывать, что я должен был и мог добиться от англичан и того и другого… Я его разбил по всем пунктам… Словом, препаршивое впечатление: договор, очевидно, плох, потому, что его провожу я, а не он…».[3;158]

Очевидно, ряд коммунистических лидеров видели во внешнеполитических уступках Красина отхождение от идеологических догм. Деятельность «Аркоса» рассматривалась ими как уникальная возможность обогатится, при этом прикрытием выступала развертывание идеологической борьбы за границей. Потому активная работа Красина в направлении создания совместных с иностранным капиталом предприятий вызывала широкую заинтересованность. А его жесткие позиции в исключении идеологического фактора из торгово-экономического направления – недовольство политической правящей элитой Советской Республики его работой.

С приездом Соломона позиции Красина укрепились, и борьба за власть внутри «Аркоса» вступила в активную фазу. Так, попытка Георгия Александровича создать «свою» команду и принять на работу проверенных людей – Маковецкого, Фенькеви, Волкова и других – не увенчалась успехом. Противоборствующей стороной выступали Дмитрий Михайлович Крысин, Варвара Николаевна Половцова, и секретарь торговой делегации Николай Клеметьевич Клышко – «настоящий злой гений, приставленный к Красину чекист, усиленно следивший за каждым его шагом.»[3;181] Именно благодаря их активной деятельности все ближайшие соратники Соломона (а именно 5 человек) были арестованы и не смогли поступить на работу в Лондонский «Аркос»: «…все эти репрессии были учинены Литвиновым с ведома и содействия Клышко и не без участия его Лондонских друзей.»[3; 188] Дальнейшая деятельность Солома была сопряжена с постоянной борьбой за возможность работать. Попытки дискредитировать Георгия Александровича, в первую очередь перед Москвой, следовали одна за другой.

Так, он оказался ответственным за 2 месяца «снарядить полярную экспедицию в Карское море, к устьям Оби и Енисея, чтобы доставить туда свыше 30000 тонн разного товара» [3; 192] Но подготовка к этой экспедиции должна была осуществляться в течении всего 1920 г., когда «Аркосом» руководили Крысин и Половцова, которые сознательно не стремились разрешать данный вопрос. В условиях кризиса не представлялось возможным ни приобрести необходимые товары, ни найти необходимые суда в столь

короткие сроки. Однако Соломон сумел не только блестяще организовать экспедицию, но и возвратил России, построенные ещё во времена войны два ледокола – «Александр Невский» и «Святогор». Правда успех экспедиции был приписан Красину, и роль Георгия Александровича в этом деле не получила должного освещения.

Дальнейшая борьба внутри «Аркоса» развязалась из-за качества продукции, которая закупалась коммерческим отделом, возглавляемым Крысиным, и поступала в Москву. Откуда приходили многочисленные жалобы. Соломон выступил с резкой критикой в его адрес, и создал «Положение о приемочном отделе при «Аркос», которое существенного ограничивало возможности мошенничества. В рамках этой борьбы у Георгия Александровича с Леонидом Борисовичем Красиным появился разлад в отношениях, хотя в итоге последний утвердил как данное предложение, так и ряд других. «В Красине и во мне осталась какая-то холодность и, хотя мы не разошлись с ним, но уже до самого конца жизни его в наших отношениях остался этот проклятый след. Но мне стало совершенно очевидно, что Клышко пользовался слабохарактерностью Красина и вертел им в любую сторону.» [3;212] Претворение этого проекта в реальность имело важное значение, так как оно существенно ослабило позиции Крысина и его соратников, и вызвало усиленную борьбу против Георгия Александровича – что в итоге привело к его уходу со службы.

Одиозность фигуры Соломона, его неприятие хищение средств в личных целях, увольнение ряда «не чистых на руку» сотрудников – все это создавало ситуацию, при которой его личность была не желаемой в руководстве «Аркоса». По ряду доносов и в результате интриг ухудшились отношения Леонида Борисовича и Георгия Александровича. В результате в руководства «Аркоса» были введены новые лица – Александр Александрович Квятковский, а затем Филипп Рабинович. Соломона постепенно «выдавили» от управления компании и отстранили от ведения почти всех дел. Георгию Александровичу удалось удержать в руках лишь отдел приемок, который являлся контрольным для всех закупок, в том числе и для экспортных товаров. Один из наиболее важных по работе отделов.

При этом постоянные волнения и тревоги, объем работы, привели Соломона к заболеванию – пороку сердца. Здоровье его ухудшалось.

В марте 1921 г. Москвой была принята новая экономическая политика (НЭП), главной целью которой было введение частного предпринимательства и возрождение рыночных отношений, что прямым образом отождествлялось с восстановлением народного хозяйства. В «Аркосе» же новое руководство политику НЭПа отождествляла с новыми возможностями извлечения личной выгоды.

В ноябре 1922 г. в лондонский «Аркос» приехала ревизионная комиссия из Москвы. Работа данной комиссии полностью игнорировала присутствие Соломона и его деятельность. А вскоре в Москве было сфабриковано дела в отношении Георгия Александровича. Руководство «Аркоса» настаивало на необходимости личного присутствия Соломона в Москве. Однако ухудшающееся здоровье Георгия Александровича спасло ему жизнь, и Соломон в условиях секретности отбыл в Бельгию на лечение.

Заболевание оправдало его отсутствие в Москве, пока шло разбирательство по делу. В этот период завязалась переписка с Красиным, который активно старался раз-

решить данный вопрос в столице, что способствовало потеплению в дружеских отношениях. В марте 1923 г. дело было прекращено: «Прошу передать Соломону следующее: Возбужденное против него дело прекращено, приезд не требуется, все ограничения сняты».[3;413]

«Красин вновь стремиться вернуть Георгия Александровича на работу в Лондон в «Аркос», но подкосившее здоровье и усталость от интриг вынудили Соломона дать отказ. 1 августа 1923 г. он подал в отставку и расстался с Советской службой.» [3;414-415]

Безусловно опираясь на воспоминания Георгия Александровича Соломона нельзя забывать о субъективизме автора, как и любого источника такого характера. Их анализ позволяет привнести попытки в создании полного достоверного портрета Леонида Борисовича Красина, друга и ближайшего соратника Соломона: «Многие из наших друзей считали Красина сильным человеком, некоторые называли его даже «Великим» … это была сложная натура, в которой сила и энергия смешивались со слабостью чисто женского свойства…». [3;371]. А так же увидеть новые внутренние аспекты работы «Аркоса», уникальной компании своего времени. Не смотря на ее весьма эффективную деятельность на протяжении десятилетия за рубежом (в Великобритании, на территории США, Франции, Турции и т.д.), а так же на постоянный рост торгового оборота, мы наблюдаем наличие коррупционной составляющей.

Примечания.

1. Берлович Е. Англия и СССР (1921-1927). – М., 1927.
2. Декреты Советской власти. Том II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1959. [Интернет-ресурс]. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-22-4.htm
3. Соломон (Исецкий) Г.А. Среди красных вождей. Т.2. [Интернет-ресурс]. Режим доступа: https://www.litmir.me/br/?b=110812&p=2

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ЭВОЛЮЦИЮ ПРАКТИКИ БРИТАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В АФРИКАНСКИХ КОЛОНИЯХ

А. В. Сагимбаев

БГУ, г. Брянск, Россия, sagimbaev@yandex.ru

Новые тенденции, характерные для развития политической системы Великобритании в межвоенный период, являлись важным фактором формирования колониальной стратегии. На этом фоне собственно сам механизм управления колониями подвергался изменениям существенно медленнее. Для его ключевых звеньев, включая министерство колоний, была характерна заметная приверженность сложившейся в поздневикторианский период традиции. Тем не менее, существенно изменившаяся обстановка требовала

внесения корректив в устоявшийся порядок деятельности административной системы. Расширение территорий британских владений вследствие Первой мировой войны, а также новые задачи, возникшие в сфере колониального управления привели к существенному росту штата министерства колоний.

К началу 1920-х гг. в организации колониальной службы Великобритании наметился целый ряд проблем, одной из основных причин которых явилась реализация программы сокращения бюджетных расходов, подготовленная специальным комитетом А. Гиддеса. Возглавивший в ноябре 1924 г. министерство колоний Л. Эмери был вынужден решать комплекс сложных задач в сфере колониального управления на фоне заметно сократившихся по сравнению с довоенным уровнем финансовых возможностей. К тому моменту среди служащих колониального аппарата, как в метрополии, так и в самих британских владениях, наметилось серьёзное недовольство, вызванное «длительным отсутствием повышения уровня жалования, который по многим параметрам не соответствует растущей стоимости жизни и повышающимся налогам» [10: 115].

Возникшие в результате войны трудности, связанные с финансированием системы колониального управления, заметно осложняли решение проблем, связанных с обеспечением стабильности в различных регионах обширной Британской империи. В июле 1922 г. в отчёте специальному комитету Палаты общин, представители министерства колоний подчёркивали, что «текущий период явился наиболее трудным за всю историю [колониального ведомства – *А.С.*]… Он был отмечен существенными проблемами не только для самого министерства, в его попытках добиться сбалансирования бюджета, но и заметными финансовыми трудностями для многих компаний и акционерных обществ, осуществлявших свою деятельность в колониях… На этом фоне полудикие народы, обитающие в наших владениях, внезапно обнаружили, что они являются всего лишь винтиками гигантского экономического механизма, который внезапно разрушился и сделал бесполезным весь их труд и все имевшиеся у них сырьевые богатства»[5: Col. 2275]. В связи с финансово-экономическими трудностями, отмечавшимися, в частности, в африканских колониях, в документе рекомендовалось скорректировать плановые показатели сокращения бюджетных расходов, предложенные комитетом А. Гиддеса, применительно к Золотому Берегу и Нигерии[5: Col. 2276].

В середине 1920- х гг. в британских политических кругах вновь активизировалась дискуссия относительно необходимости совершенствования механизмов деятельности колониальной службы. На фоне социально-экономической стабилизации, связанной с преодолением негативных последствий Первой мировой войны, и формированием новых задач в сфере колониальной стратегии, методы её реализации министерством колоний зачастую характеризовались как «анахронизм» и «чрезмерная дань традиции». Система колониального администрирования, существовавшая в довоенный период оценивалась, с учётом новых вызовов «как антипод динамичному управлению, воспринимаемый с чрезмерным благоговением» [10: 27].

В 1929 г. лейбористы инициировали принятие британским парламентом «Акта о колониальном развитии» (Colonial Development Act) [4:46], предполагавшего определённые меры по экономической поддержке африканских колоний, а также определенные шаги по расширению их самостоятельности [3:664]. В ходе возникших в данной

связи дебатов, группа представителей Консервативной партии, которых оппоненты называли «фундаменталистами» или «твердолобыми», подвергла критике деятельность администраций в восточноафриканских владениях, сравнивая её с более эффективным, по их мнению, экономическим курсом колониальных властей в Западной Африке[7: Col. 2275]. Однако, точка зрения «твердолобых» не получила признания парламентского большинства, выразившего поддержку действиям, предпринимаемым министерством колоний. Более того, в последующем представителями колониального ведомства были представлены обстоятельные статистические данные, свидетельствующие о существенно лучших показателях экономической динамики в восточноафриканских владениях, которые смогли сохранить сравнительно высокие объёмы экспорта сырьевых культур, в первую очередь – хлопка[7: Col. 2276].

Одной из важных составляющих политики по оптимизации расходов на содержание колониального аппарата на рубеже 1920-х – 1930-х гг. явились изменения в сфере налогообложения. В соответствии с информацией, представленной в документах министерства колоний, подобная стратегия позволила в начале 1930- х гг. сократить бюджетные расходы в африканских колониях на сумму не менее 150 млн. ф.ст. в год[7: Col. 1779]. Наибольшего успеха в данном направлении добились администрации Уганды, Занзибара, Золотого Берега, Маврикия, Гибралтара, Кипра и Кении, которые, согласно официальным данным, смогли обеспечить формирование полностью сбалансированного бюджета. В крупнейшей британской колонии в Африке – Нигерии, в 1931-1932 финансовом году показатель бюджетного дефицита был уменьшен с 1, 330 млн. до 335 тыс. ф.ст. В Северной Родезии дефицит бюджета был сокращён со 177 до 39 тыс. ф. ст. По словам авторов документа, данный результат «оказался тем более примечательным, что был достигнут на фоне существенно падения цен на товары, являвшиеся предметом экспортной специализации данных колоний» [8: Col.547]. В отчётах ведомства подчёркивалось, что выработанная им стратегия бюджетной экономии послужила образцом для аналогичных действий других британских административных структур, в частности, англо-индийского правительства[8: Col.585].

В начале 1932 г. представлявший колониальное ведомство в Палате общин П. Канлиф-Листер отмечал, что в период с 1913 по 1931 г. совокупная численность служащих министерства колоний увеличилась со 189 до 393 чел.[4], а расходы на выплату зарплаты – с 57 до 144, 5 тыс. ф.ст. [7: Col.1779] По его словам, в сфере компетенции министерства колоний к началу 1930-х гг. находилась территория общей площадью в 2 млн. квадратных миль и населением в 50 млн. чел. Три четверти данных территорий приходились на Тропическую Африку, где располагались наиболее отсталые с социально-экономической точки зрения владения британской короны, требовавшие «усилий не только в плане экономического прогресса, но и в сферах социального развития, связанных, в первую очередь, со здравоохранением и образованием» [7: Col.1785].

В то же время, в 1930-х гг. продолжала сохраняться заметная зависимость бюджетов ряда колоний от финансовой поддержки со стороны метрополии. В документах

[4] Данная статистика была приведена с учётом произошедшего в 1925 г. выделения из системы министерства колоний, отдельного ведомства, занимавшегося вопросами взаимоотношений с доминионами (Dominion Office)

министерства колоний данного периода отмечалось наличие «весьма высоких потребностей в Уганде, Танганьике, Занзибаре и Кении… в увеличении бюджетных расходов», связанных, в частности, с возросшей необходимостью в развитии местной системы образования. В период с 1913 по 1923 г. размеры финансовых грантов, выделяемых на развитие колоний увеличились с 526885 до 13328250 ф.ст. [7: Col.1785][5] Но в начале 1930-х гг. в силу трудностей, связанных, в первую очередь, с финансово-экономическим кризисом, объёмы финансирования программ по развитию колониальных владений сократились фактически до предвоенных показателей, лишь к концу 1930-х гг. увеличившись до 4380000 ф.ст. [7: Col.1785]

Одновременно, в целях совершенствования механизма информационного освещения деятельности министерства, в университетах Оксфорда и Кембриджа были созданы комитеты Африканской Тропической службы[2:8]. В Оксфорде в данный комитет входил ряд видных университетских деятелей, включая специалистов по географии, экологии, колониальному праву и истории[2:8]. В соответствии с решениями специальных комитетов, программа подготовительных курсов ограничивалась «необходимым минимумом, нужным человеку, перед тем как отправить его в колонии» [10:46]. Их содержание представляло, как отмечали современники «своего рода теоретическое введение в специфику колониального управления», после которого стажёр должен был осваиваться в своей сфере профессиональной деятельности, оказавшись непосредственно в том, или ином британском владении в ходе взаимодействия с проживавшим там местным населением[14].

Программы подготовки стажёров в Оксфорде и Кембридже включали в себя изучение некоторых африканских языков, колониального права, антропологии, основ сельского и лесного хозяйства, а также «истории британского правления в Африке» [10:46]. Ряд сфер специальной подготовки, в частности, тропическая медицина и бухгалтерская подготовка оставались в ведении Имперского института в Лондоне и, как отмечалось в одном из документов реализовывались на основе несколько модифицированных критериев, введённых в 1909 г. [10:46]

Преподавание колониальной истории и антропологии строилось во многом на основе теоретических разработок профессора Б. Малиновского, а также Р. С. Рэттрэя, исследовавшего в 1920-х гг. различные аспекты проблемы взаимодействия вестернизации и традиционализма в колониях. Одним из важных элементов, которые они стремились реализовать в рамках специальных курсов, являлась идея о необходимости «большей ориентации колониального управления на сложившуюся местную основу» [12:156]. В частности, Р.С. Рэттрэй, активно сотрудничавший в данный период с администрацией Золотого Берега, стал инициатором изменения состоявшей исключительно из британцев сельской администрации «за счёт большей опоры на туземную власть, чей авторитет основывался на местных культурных формах» [6: Col.1209]

Как подчёркивалось в одном из сообщений министерства колоний, «…в отличие от недавних времён, растущие атаки на колониальную идею, исходящие как изнутри, так и извне Британии, становятся слишком частыми и опасными, что делает необ-

[5] В эту цифру были включены расходы Ближневосточного департамента министерства, составившие в начале 1920-х гг.6614905 ф.ст.

ходимым укрепление идеологических основ самой Колониальной службы… Без чёткого осознания особой миссии своей деятельности, [колониальные чиновники – *А.С.*] будут рассматривать её лишь как обычную работу и источник доходов»[14].

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. британским правительством были приняты дополнительные меры по развитию системы радиовещания в колониях. С 12 декабря 1930 г. было налажено регулярное вещание Британской радиовещательной службы (BBC) на территории Африки, осуществлявшееся посредством коротковолновых станций[2:1]. Вплоть до конца 1930-х гг. местные колониальные администрации продолжали работы по совершенствованию технических аспектов их функционирования. Как отмечалось в британских политических документах, развитие системы радиовещания было призвано не только существенно усилить механизм пропагандистского воздействия на африканское население, но и способствовать сохранению «у тысяч британских граждан, пребывающих в удалённых регионах и в дикой местности» чувства связи с Родиной[9: Col.1477] Африканские колонии, по мнению лейбористских идеологов, являлись идеальной моделью для апробации различных методик экономического и социального планирования. При этом в развитии их экономики должны были в обязательном порядке учитываться «ошибки, выявленных европейским опытом» [9: Col.1477]

Наиболее важным направлением данной политики, согласно лейбористским концепциям, должна была стать подготовка африканских колоний к политическому самоуправлению. Как отмечал в одном из документов Л. Вулф, важнейшей и очень сложной обязанностью колониальной администрации является постепенное «продвижение не цивилизованных и находящихся вне рамок приличного общества и развития» африканцев «к экономическому прогрессу и процветанию, к самоуправлению и самой цивилизации»[11: 167].

Основным средством в реализации данной цели должно было стать развитие системы образования. «Только с помощью обучения, в том числе и в Англии, - подчёркивал Л. Вулф, - африканцы смогут выйти из отсталого состояния»[11: 167]. С этой целью он предполагал направить в африканские колонии на короткий срок британских тьютеров для инструктирования и создания учительских колледжей, а также открытия преподавательских программ. Школьные курсы должны были сочетать определённую вариативность с необходимостью соблюдения критериев обучения «либеральному искусству». Они должны «формировать у туземных детей знания, необходимые для понимания и интеллектуальной адаптации к новым условиям, которые создаёт для них западная цивилизация» [15:86].

Расширение системы среднего образования, увеличение числа технических школ и институтов, по мнению Л. Вулфа, создаст важные предпосылки для развития местной англоизированной элиты, представленной высококвалифицированными рабочими, учителями, инженерами, работниками системы здравоохранения и органов местного самоуправления. Таким образом, единственным способом освобождения от колониальной зависимости, согласно его мнению, являлось усвоение африканцами британского культурного и интеллектуального опыта[3: 664].

Глубокая убеждённость в необходимости обеспечения общего британского политического контроля над африканскими владениями совмещалась во взглядах консервативных идеологов с пониманием необходимости адаптации колониального механизма к новым, возникшим вследствие Первой мировой войны тенденциям. Важное влияние на взгляды партийных идеологов оказывали и новые тренды, обозначившиеся в данный период в сфере общественных настроений британцев.

В межвоенный период моральная идея империи стала восприниматься как «модернизация и трансформация туземных обществ по пути универсальной цивилизации»[1: 177]. В данной связи, отмечалась прямая взаимосвязь между социальным поворотом внутри традиционной либеральной империи, идеями колониального развития, тенденциями и интересами британского гражданского общества и вмешательством в процессы развития т.н. «периферийных» обществ.

К числу её основных направлений относились попытки финансово-экономической и организационно-административной оптимизации системы управления колониями. На фоне финансовых трудностей и кадровых проблем основным содержанием попыток реформирования колониального аппарата в данный период явилось использование элементов косвенного администрирования, предполагавших привлечение представителей туземного населения, а также сотрудничество с представителями местных элит. В то же время эволюция британского колониального механизма в межвоенный период отражала сочетание реформаторских тенденций с традиционно присущим британской политической элите консерватизмом.

Примечания.

1. Cell J. W. Colonial Rule. The Oxford History of the British Empire. Vol. IV. The Twentieth Century. N. Y., 1999.
2. Colonial office list. L., HMSO, 1930.
3. Darwin J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System. N.Y., 2009.
4. Etherington N. Theories of Imperialism: War, Conquest, and Capital. Totowa, 1984.
5. Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 156 (1922).
6. Great Britain Parliamentary Debates, House of Commons, Fifth Ser. Vol. 200 (1926).
7. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 264 (1932).
8. Great Britain. Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 292 (1934).
9. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 350 (1939).
10. Heussler R. Yesterday's Rulers: The Making of the British Colonial Service. N.Y., 1963.
11. Howe S. Anti-Colonialism in British Politics: The Left and the End of Empire. Oxford, 1993.
12. Louis R. W. In the Name of God: Go! Leo Emery and the British Empire and the Age of Churchill. L., 1984.
13. Porter B. The Lion's Share: A Short History of Imperialism, 1850-2011. L., N.Y., 2013.
14. The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk. (дата обращения: 20.10. 2013).
15. Wotton S. Lord Hailey. The Colonial Office and the Politics of Race and Empire in the Second World War. L., 2000.

ДЕНЬ АВСТРАЛИИ В ИСТОРИИ СТРАНЫ

Н. С. Скоробогатых

Центр изучения стран ЮВА и ЮТР ИВ РАН, г. Москва, Россия, arhip2212@yandex.ru

День Австралии – официальный национальный праздник, который ежегодно отмечается в Австралийском Союзе (АС) 26 января в ознаменование прибытия на континент в 1788 г. первых британских поселенцев и провозглашения британского суверенитета над этой частью суши (известной в мире в то время под именем Новая Голландия и получившей название Новый Южный Уэльс). В современной Австралии празднование включает в себя как общественные мероприятия: фестивали, концерты, уличные шоу, обращения к гражданам глав правительств и официальные церемонии награждения выдающихся общественных деятелей и получения гражданства – так и встречи родных и знакомых в семейном кругу.

Впервые начали отмечать этот день еще в начале XIX в., названия его менялись, в 1935 г. в масштабах всего Австралийского Союза (АС) был принят термин «День Австралии» и с 1994 г. эту дату стали постоянно отмечать как государственный праздник. День Австралии стал крупнейшим ежегодным гражданским событием в АС.

Однако уже в 1938 г. День Австралии впервые также был отмечен массовыми акциями протеста коренных жителей континента и защитниками прав аборигенов, которые провозгласили его «Днем скорби» в знак памяти тех их предков, которые погибли или пострадали в результате британской колонизации. Для них 26 января – это «День вторжения» или «День выживания», и все чаще эти группы требуют переноса празднования Дня Австралии на другую дату.

Эти выступления в последние годы породили и ответную реакцию националистически настроенной молодежи и правых партий, которые на выборах 2016 г. показали, что не считаться с ними уже нельзя. Несмотря на то, что для многих рядовых граждан, по их же признанию, День Австралии – это, главным образом, повод собраться с друзьями на пикнике с традиционным барбекью, далеко не все они готовы к радикальным переменам. Так, согласно опросу, проведенному газетой «Гардиан» в 2017 г., только 15% населения страны поддерживали изменение даты этого праздника.

Более существенным является и тот факт, что теперь к аборигенам все чаще присоединяются представители других национальных меньшинств, лица нетрадиционной ориентации и сочувствующие им левые политики и интеллигенция. Таким образом, национальный праздник все чаще становится камнем раздора между новыми австралийцами и потомками тех, кто построил эту столь привлекательную для иммигрантов со всего света страну. И вместо национального единения в мультикультурном обществе речь идет уже, по сути, об отказе от целого базового пласта исторических традиций и ценностей АС. Признав претензии аборигенов и сделав День Австралии просто одним из знаковых дней календаря, придется пожертвовать памятью многих англо-кельтских строителей нынешней Австралии, которые вложили немало труда в освоение континента, особенно в годы существования каторжных поселений на его территории, при-

быв сюда отнюдь не в качестве алчных завоевателей и далеко не по своей воле. Однако именно этими людьми были заложены основы благосостояния современных австралийцев, и отбрасывать их вклад в угоду меньшинствам, которые в наши дни во многом пользуются именно этим благосостоянием, не благодарно как минимум и ведет к еще большему расколу общества как максимум. Видимо, эти соображения и лежат в основе решений правительства, которое, несмотря на шумные кампании вокруг 26 января, до сих пор не пошло на поводу у их зачинщиков.

БРИТАНСКИЕ ЛЕЙБОРИСТЫ БРАТЬЯ БАКСТОНЫ

Е. А. Суслопарова

МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, susloparovaelena@rambler.ru

Рождение лейбористской партии на рубеже XIX – XX веков стало результатом взаимодействия британских тред-юнионов и социалистических организаций, поставивших своей целью создание независимого рабочего представительства в парламенте. Несмотря на то, что массовой основой партии стали рабочие, профсоюзные организации, ее облик невозможно представить без выходцев из средних и даже высших слоев, интеллектуалов, которые либо по идейным, либо карьерным соображениям посчитали возможным в начале XX века связать свою судьбу с новой политической силой. Среди них было немало «перебежчиков» из либеральной партии, фактически расколовшейся еще в 1916 г. и переживавшей после Первой мировой войны серьезные трудности. Историк К. Клайн, занимавшаяся вопросом влияния на лейбористскую политику ее новых членов, происходивших из нерабочих слоев, подчеркивает, что война отдалила многих либеральных пацифистов от их партии и вынудила их искать новое пристанище [10: 23].

Среди «перебежчиков» из либеральных в лейбористские ряды было немало известных фигур, среди них Ч. Тревельян, А. Понсонби, Г. Лиис-Смит и ряд др. Особо следует выделить братьев Ноэля и Чарльза Бакстонов. Первый из них, пожалуй, наиболее известен, поскольку сумел достичь в лейбористской партии немалых высот, возглавив в 1924 г. министерство сельского хозяйства в рамках первого кабинета Р. Макдональда. Второй был депутатом от лейбористов в палате общин.

Братья Ноэль и Чарльз, родившиеся в 1869 г. и 1875 г. соответственно, происходили из довольно известного в Великобритании семейства Бакстонов, чьи представители на протяжении нескольких поколений были заметными политиками и парламентариями. Их отец, баронет Томас Бакстон, в конце XIX века служивший губернатором в Южной Австралии, дал детям превосходное образование. Оба брата прошли обучение в престижной школе Харроу, практически ни в чем не уступавшей более известному Итону, а также в Кембриджском университете. Ноэль Бакстон в юные годы имел опыт работы в одном из попечительских советов Ист-Энда, бедного района Лондона, а также

в министерстве внутренних дел. Попечители осуществляли контроль над работными домами, являвшимися пристанищем для самых обездоленных жителей Великобритании. Парламентскую карьеру Ноэль Бакстон начал как либерал в 1905 г., победив на дополнительных выборах в Северном Йоркшире. Чарльз Бакстон в молодости работал адвокатом, а также преподавал в Морли колледже в Лондоне, где главным образом обучались выходцы из рабочей среды, и являлся одним из ведущих активистов Рабочей учебной ассоциации. В начале 1910 г. он вслед за братом был избран в палату общин как либерал.

Переломным периодом для братьев в плане смены их политических предпочтений стала Первая мировая война. Ее начало застало обоих на пути в Болгарию, куда Ноэль и Чарльз направлялись с полуофициальной миссией, нацеленной на то, чтобы эта страна сохранила нейтралитет в случае боевых действий. В Бухаресте и тот, и другой получили ранение от руки турецкого националиста, пытавшегося их убить [12: 95]. Событие имело широкий резонанс, до сих пор один из бульваров Софии носит имя братьев Бакстонов.

По возвращении Ноэль и Чарльз издали в 1915 г. совместную книгу «Война и Балканы». Акцент в ней был сделан на то, что именно эта «опасная точка Европы» со спорными границами во многом и спровоцировала Первую мировую войну [8: 10-11]. В работе, щедро снабженной экскурсом в историю, братья, в частности, предпринимали попытку понять и охарактеризовать менталитет балканских народов. Они обращали внимание, что жители этого региона – люди довольно жесткие, порой безжалостные, а также более равнодушные, нежели другие европейцы, к боли и смерти [8: 19]. Ноэль и Чарльз отмечали жизнеспособность, прямоту, гостеприимство обитателей Балкан [8: 34]. Тем не менее их главный вывод состоял в том, что границы балканских государств оказались для тех слишком узкими, в результате народы ощутили себя буквально «как животные в тесной клетке» [8: 101]. Приговор братьев в отношении Австро-Венгерской империи был в 1915 г. безжалостен – она должна была прекратить существование [8: 110]. Однако высказанная на страницах книги идея о том, что после войны каждое балканское государство должно обрести свои «естественные границы» [8: 111] выглядела привлекательной на бумаге, но сложной для достижения на практике.

Ноэль Бакстон был весьма увлечен балканской проблематикой еще с довоенных времен. В 1907 г. он опубликовал работу «Европа и турки» [6], в 1913 г. – «С болгарским штабом» [9]. В первой из них Н. Бакстон открыто выражал сожаление относительно ошибочности осуществлявшейся в прошлом британской политики поддержки Османской империи в противовес России [6: 126]. Во второй – описал эпизоды Первой Балканской войны, очевидцем которых ему довелось стать. В дальнейшем Н. Бакстоном в соавторстве были изданы такие работы, как: «Вопрос Босфора и Дарданелл» (1917 г.) [14], где была довольно подробна изложена история борьбы за проливы на протяжении нескольких веков, «Балканские проблемы и европейский мир» (1919 г.) [5], где была вкратце представлена судьба балканских народов как до, так и во время Первой мировой войны, «Угнетенные народы и Лига Наций» (1922 г.) [7], значительная

часть которой была посвящена характеристике обновленной колониальной системы после завершения войны, и ряд др.

Чарльз Бакстон также довольно активно еще с довоенных лет работал в жанре исторической публицистики. В частности, в 1909 г. он опубликовал книгу о Младотурецкой революции [3]. В 1920 г. увидела свет совместная с женой работа «Мир после войны». В ней Ч. Бакстон предпринимал попытку подвести своеобразный итог минувшей мировой войны. Он подчеркивал, что «кризис не преодолен» Европу захлестнула волна революций - в России, Германии, Австрии, Венгрии. Война породила новый мир, который нужно понять и в котором необходимо детально разобраться [4: 10-13]. В работе Бакстон вместе с женой рассматривал вопросы нового баланса сил на международной арене, экономические последствия войны и многие другие проблемы.

Поскольку Ноэль и Чарльз смолоду проявляли интерес к вопросам социальной несправедливости, их послевоенное «обращение» в лейборизм в целом представляется не столь уж удивительным. К тому же братьям импонировали внешнеполитические приоритеты лейбористской партии, заключавшиеся в мирном решение международных конфликтов. Так, например, Ч. Бакстон еще в начале Первой мировой войны присоединился к созданному в 1914 г. Союзу за демократический контроль, резко выступавшему против введения всеобщей воинской повинности. В рядах Союза было немало будущих лейбористских активистов.

В результате младший брат уже в 1917 г. вступил в Независимую рабочую партию, входившую в лейбористскую организацию. Ноэль же присоединился к лейбористам в 1919 г. В 1922 г. он был впервые избран от них в палату общин. Ноэль Бакстон одержал победу на выборах в Северном Норфолке, графском округе, который он представлял в парламенте еще с довоенных времен. В британской литературе попадается утверждение, что Ноэль никогда не был рьяным социалистом, а скорее просто выступал за прогрессивные реформы в стране, которые его бывшая либеральная партия, увядающая после войны, осуществить уже была не в состоянии [12: 95].

В течение ряда лет Н. Бакстон фактически был незаменим в лейбористских рядах. Во-первых, он на собственном опыте в Норфолке имел представление о том, как работать с сельским избирателем, к которому лейбористская партия, рожденная в городах, в те годы еще никак не могла нащупать подхода. Во-вторых, наряду с международными сюжетами, Ноэль неплохо разбирался в вопросах сельского хозяйства, что являлось «уникальным» для лейбористов 1920-х гг. качеством. К тому же у него завязались дружеские отношения с лидером лейбористской партии Р. Макдональдом.

В январе 1924 г. Н. Бакстон был назначен министром сельского хозяйства в первом лейбористском правительстве. Пожалуй, самым заметным его шагом на этом посту стала попытка решить проблему регулирования оплаты труда сельскохозяйственных рабочих. Изначально кабинет предполагал создать центральное управление, а также комитеты на местах по контролю над заработной платой этой категории рабочих [1: 62]. Однако в итоге из-за сопротивления других партий билль был принят в усеченном

виде, права центрального управления оказались фактически сведены на нет [15: 100-101].

Что касается борьбы партии за сельский электорат, развернувшейся во второй половине 1920-х гг., после ухода лейбористов в оппозицию, то Н. Бакстон принял в ней самое активное участие, а его советы пропагандистам были весьма конструктивны. Он справедливо обращал внимание в прессе на то, что сельским округам свойственен особый менталитет. Привычные для городского оратора неистовые взрывы и эмоциональные обращения, отмечал Н. Бакстон, не произведут впечатления на сельском митинге. Более того, он предостерегал лейбористов от попыток «учить» фермеров тому, как следует заниматься земледелием. Оратор из города, подчеркивал Н. Бакстон, наверняка допустит в этом вопросе какой-нибудь промах, и это подорвет доверие к нему в иных вопросах. Он также считал большим заблуждением идею о том, что участники деревенского митинга желают случать лишь лекцию по сельскому хозяйству, и призывал лейбористов в ходе пропагандистских кампаний не пренебрегать другими вопросами, волнующими жителей Великобритании в целом [11].

В 1929 г. Н. Бакстон вновь возглавил министерство сельского хозяйства во втором лейбористском кабинете. Однако он покинул правительство и парламент в июне 1930 г., ссылаясь на плохое состояние здоровья, получил баронский титул и перебрался в палату лордов.

Карьера Чарльза Бакстона в 1920-е гг. была, пожалуй, менее впечатляющая. Победив на выборах 1922 г. от лейбористов, он утратил свое место в палате общин в 1923 г., но вернулся туда вновь в 1929 г. Его жизнь была, тем не менее, отмечена иными интересными событиями. Весной – летом 1920 г. Ч. Бакстон посетил Советскую Россию в качестве секретаря первой британской профсоюзно-лейбористской делегации. Судя по всему, интерес к сельскому хозяйству можно было назвать «семейной чертой» братьев Бакстонов. Находясь в России, младший брат не пожелал следовать установленным маршрутом, а спустя три недели невероятным образом откололся от британской делегации, направлявшейся на пароходе по Волге, и, обзаведясь собственным переводчиком, добрался до русской глубинки. Он провел около недели в семье крестьянина деревни Озеро Самарской губернии. По итогам поездки Ч. Бакстон издал в 1922 г. в Великобритании довольно подробную книгу под заголовком «В русской деревне» [2]. Фактически это были первые детальные впечатления англичанина – очевидца советских реформ на селе.

В целом тональность этой работы была нейтральной. Ч. Бакстон не был готов вынести окончательный вердикт советской власти, скорее передал увиденное. С одной стороны, он со всей очевидностью не был сторонником революционного насилия, применявшегося большевиками. С другой стороны, Ч. Бакстон сам заявлял, что целью книги была не критика, а стремление заставить соотечественников взглянуть на Россию не как нечто абстрактное, а как на страну, где живет огромное количество интересных, в большинстве своем очень приятных людей [2: V]. Автор подробно описал бытовые условия проживания крестьян, нехватку самых необходимых промышленных товаров,

отметил чрезвычайную отсталость в обработке земли в сравнении с Западной Европой. Наряду с этим, ему бросились в глаза религиозность и смирение большинства русских крестьян, их «затаенная печаль» и «пессимизм» [2: 39]. На взгляд Ч. Бакстона гражданская война, затронувшая территорию Самарской губернии, лишь усугубила непростое положение жителей деревни.

Значительную роль в жизни Ч. Бакстона в послевоенные годы играли также религиозные и антивоенные убеждения. Он нередко выступал консультантом в лейбористской партии, остро нуждавшейся в те годы в хорошо образованных экспертах по международным и колониальным вопросам. Следует отметить, что Ч. Бакстон был квакером, а также признанным знатоком эсперанто.

В августе 1931 г. на фоне мирового экономического кризиса случился трагический раскол второго лейбористского кабинета, в результате которого премьер-министр Р. Макдональд фактически расстался со своей партией и возглавил «национальное правительство», состоявшее в значительной мере из консерваторов и части либералов. В сентябре 1931 г. Макдональд был исключен из лейбористских рядов за «предательство». Среди лейбористов сторону Макдональда поддержали единицы. Братья Бакстоны были в рядах тех, кто не принял поступок своего лидера в августе 1931 г. и остался верен партии.

В то время как Ноэль продолжал заседать в палате лордов, младший брат еще дважды (в 1931 г. и в 1935 г.) пытался возобновить парламентскую карьеру как лейбористский депутат, но оба раза его ждало поражение на выборах. На этом фоне в 1930-е гг. Ноэль и Чарльз довольно активно занимались благотворительностью. Н. Бакстон с 1930 г. вплоть до своей смерти являлся председателем Фонда спасения детей. Полагая, что с Германией слишком сурово обошлись по итогам Первой мировой войны, навязав ей жесткий Версальский договор, в предвоенное десятилетие он считал отдельные требования немцев, направленные на пересмотр условий договора (в частности возвращение колониальных владений в Африке), обоснованными и был сторонником политики «умиротворения» [12: 96]. Тем не менее начало Второй мировой войны стало для обоих братьев тяжелейшим ударом.

Братья были женаты, имели детей. Последние годы жизни Чарльз Бакстон провел в доме дочери в графстве Суррей, где скончался в 1942 г. Ноэль Бакстон дожил до разгрома Германии и умер в 1948 г.

В целом следует подчеркнуть, что братья Бакстоны стали ярким примером разочаровавшихся в либеральной партии выходцев из высшего общества, перешедших после завершения Первой мировой войны в лагерь лейбористов. Ни тот, ни другой не принадлежали к левому флангу британских социалистов, всю жизнь ими двигало стремление смягчить социальные контрасты в обществе, в котором по рождению они находились в привилегированном меньшинстве. Отсюда происходило их внимание к проблеме пауперов, безработицы, увлечение филантропией. В своих внешнеполитических взглядах братья также в значительной мере вписывались в плеяду бывших либералов, пацифистов, видевших в резко усилившейся после войны лейбористской партии

орудие борьбы за международную безопасность и мирное урегулирование споров. В британской историографии можно встретить мнение о том, что Н. Бакстон по своему мировоззрению скорее был наследником радикального либерализма [12: 96]. Тем не менее, наряду с другими выпускниками университетов, братья дополняли в 1920-е – 1930-е гг. облик лейбористской партии, стремившейся расширить свой социальный состав и остро нуждавшейся в компетентных, образованных сторонниках, способных разбавить рабочую краску ее рядов и позволяющих ей претендовать на представительство более широких интересов.

Примечания

1.The Annual Register. A Review of Public Events at Home and Abroad for the Year 1924. L., 1925.
2. Buxton C.R. In a Russian Village. L., 1922.
3. Buxton C.R. Turkey in Revolution. L., 1909.
4. Buxton C.R., Buxton D.F. The World After the War. L., 1920.
5. Buxton N., Leese C.R. Balkan Problems and European Peace. L., 1919
6. Buxton N. Europe and the Turks. L., 1907.
7. Buxton N., Conwil-Evans T.P. Oppressed Peoples and the League of Nations. L., 1922.
8. Buxton N., Buxton C.R. The War and the Balkans. L., 1915.
9. Buxton N. With the Bulgarian Stuff. N.Y., 1913.
10. Cline C.A. Recruits to Labour. The British Labour Party 1914-1931. Syracuse, 1963.
11. Daily Herald. 1926. 9.X.
12. Dictionary of Labour Biography. Ed. by G. Rosen. L., 2001.
13. The Labour Who's Who. A Biographical Dictionary to the National and Local Leaders in the Labour and Co-operative Movement. L., 1924.
14. Phillipson C., Buxton N. The Question of Bosporus and Dardanelles. L., 1917.
15. Report of the 24-th Annual Conference of the Labour Party. L., 1924.

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСОНАЛЬНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Е. Л. Тимшина
Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия,
k.timshina@yandex.ru

В истории современной России женское движение играет важную роль, и этому можно найти множество объяснений. Во-первых, развитие общественного и политического процессов в России невозможно оценить без учета участия в них женщин, составляющих более половины населения нашей страны. Во-вторых, рост общественной

активности граждан особенно ярко проявляется именно в женском движении. Хорошо известно, что именно женская часть общества наиболее остро реагирует на происходящее, добиваясь превращения своих гражданских инициатив в реальные дела. В-третьих, женское движение отстаивает позиции наименее защищенных слоев общества, выходя за рамки гендерных интересов, что делает его значимым для страны в целом.

Деятельность женских общественных объединений не зависит от государственного механизма и состоит из групп и добровольных организаций, преследующих экономические, общественные, культурные или откровенно политические цели, такие, как защита гражданских прав, контроль за выборами, организация предвыборных кампаний и т.п. Разнообразные по форме, по составу участников и сферам приложения сил, эти организации несут в себе огромные резервы социального, экономического и культурного развития России.

Анализ литературы, посвященной женскому движению, позволяет еще раз убедиться, что – это не просто сумма женских объединений, в разной степени отстаивающих права женщин, но в том числе это и интеллектуальное течение, внесшее значительный вклад в пересмотр взглядов на развитие общества и государства [1, 3, 5, 6].

Большое значение для исследования женского движения имеет разработка методологических проблем [2, 4, 7]. В первую очередь, речь идет о системном анализе, в основе которого лежит рассмотрение объекта изучения как целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними, с целью установления закономерностей изучаемых процессов и явлений. Основными принципами системного анализа являются целостность, иерархичность и структуризация, позволяющие анализировать элементы системы и их взаимосвязи. Поскольку женское движение представляет собой сложное, комплексное явление, разнообразное по своей структуре и многоплановое по функциям, то использование системного подхода является необходимым условием для его изучения.

Также следует сказать и об эффективности использования междисциплинарных подходов, в частности, формально-количественных методов в исследованиях массовых социально-политических явлений, к которым в полной мере можно отнести женское движение. Применение в исследованиях формально-количественных методов требует постановки и решения проблем сопоставимости, сравнимости массовых данных, возможности их соединения и создания баз данных с последующей математико-статистической обработкой.

Изучение женского движения как массового явления представляется наиболее эффективным на основе созданной базы данных, в которую включены сведения о 777 женских неправительственных организациях и объединениях. База данных содержит 25 информационных полей [8: 32].

Документальная основа базы данных сформирована из сведений, полученных из разных источников: «Единый государственный реестр юридических лиц», реестры общественных объединений, которые ведут Управления Федеральной регистрационной службы субъектов Российской Федерации, муниципальные реестры общественных организаций, формируемые администрациями муниципальных образований, «женские» информационные порталы в сети Internet.

Созданная база данных расширяет исследовательские возможности изучения женского движения, в частности, позволяет провести типологический анализ женского движения в современной России. В основу типологии женского движения были положены важнейшие его институциональные характеристики, в частности, организационно-правовые формы и территориальный масштаб деятельности. Исследование женского движения через призму этих характеристик позволило, с одной стороны, анализировать полученные статистические показатели и их распределение по выделенным типам, а с другой стороны, рассматривать их взаимосвязи, в частности, с региональным распределением женского движения, сопоставлять их с избранными целями и стратегиями деятельности женских объединений.

С точки зрения организационно-правовой формы, отражающей специфический статус, порядок создания, строение, а также цели и задачи деятельности, ст. 7 Федерального закона «Об общественных объединениях» предусматривает возможность создания 6 различных форм [9]. В структуре женского движения современной России представлены все организационно-правовые формы, за исключением такой формы, как политическая партия.

Работа с базой данных позволила определить, что более 2/3 всех женских объединений представляют собой общественные организации. Данная организационно-правовая форма дает возможность женщинам более эффективно защищать свои интересы, позволяет добиваться достижения социально значимых целей.

Другой организационно-правовой формой является общественное движение. Несмотря на сравнительно небольшую долю (10%) указанной формы женских объединений в общей структуре женского движения, именно она объединяет наибольшее количество участниц и активисток, отстаивающих свои права, защищающих политические или иные общественно значимые интересы.

Следующая организационно-правовая форма женских объединений – общественный фонд (около 6%). Среди таких объединений можно выделить фонды поддержки малого предпринимательства, различные благотворительные социальные фонды, центры поддержки женских инициатив и др. Все они имеют региональный характер и объединяют относительно небольшое количество членов.

Еще меньшее представительство имеют женские общественные учреждения (1,8%) и органы общественной самодеятельности (0,8%). Такое небольшое представительство женских общественных учреждений и органов общественной самодеятельности в структуре женского движения можно объяснить ограниченностью сферы и масштаба деятельности, предусмотренных этими организационно-правовыми формами.

По мере расширения диапазона своих действий женские организации чаще всего вливаются в ассоциации и союзы, что позволяет эффективнее решать актуальные для женского движения вопросы. Такая форма объединения способствует консолидации сил, но в то же время у входящих в ассоциацию отдельных организаций сохраняется самостоятельность в решении своих более «узких» корпоративных вопросов.

Анализ сведений в базе данных о распределении женских организаций по территориальному масштабу приложения сил углубил представление о структуре женского

движения в современной России. Закон дифференцирует общественные организации на четыре типа: местная, региональная, межрегиональная и общероссийская [9].

Подавляющее большинство женских организаций являются региональными общественными объединениями (88,5%). Данный статус подразумевает, что деятельность такого объединения в соответствии с его уставными целями осуществляется в пределах территории одного субъекта. Высокая частотность встречаемости формы региональных организаций в общей совокупности женских объединений, по мнению исследователей, объясняется тем, что они «трансформировались из бывших областных, городских женсоветов», т.е., имели организационную основу и определенный опыт работы, которые были привнесены и развиты в новых социально-политических условиях.

Межрегиональные и общероссийские женские общественные организации занимают по 5% в общей структуре женского движения. Общероссийские и межрегиональные женские объединения имеют фиксированное членство, широкую сеть филиалов и региональных отделений. Именно эти организации стремятся оказывать влияние на власть, используя различные формы и методы воздействия, играют заметную роль в современном общественном движении.

Изучение структуры женского движения не исчерпывается характеристикой организационно-правовых форм и уровнем территориальной деятельности женских организаций. Характеристика женских организаций, как значимых компонентов системы, расширена за счет привлечения, анализа и сопоставления сведений о численном составе женских объединений, источниках финансирования, а также о политических и социальных предпочтениях участниц женского движения.

Информационный потенциал базы данных не исчерпывается полученными общими характеристиками институциональной основы женского движения. Не менее значимым, как представляется, является обращение к персональным аспектам женского движения. Благодаря накопленной информации можно изучать деятельность активисток движения как на общероссийском, так и на региональном уровнях.

Показательным является пример Ивановской областной организации «Женская инициатива», наиболее типичной для характеристики региональных женских объединений России, с точки зрения состава участниц, декларируемых целей, форм деятельности. Статус региональной общественной организации подразумевает, что деятельность такого объединения в соответствие с его уставными целями осуществляется в пределах территории одного субъекта. Следовательно, круг интересов и содержание работы данных организаций отвечают потребностям и запросам конкретного региона, что позволяет им быть динамичным и структурами, живо реагирующими на возникающие в регионе проблемы. На первый план в таких объединениях чаще всего выходят социальные цели и задачи, которые с успехом решаются женщинами – активистками движения. Велика в таких организациях и роль лидера. Ивановская областная общественная организация «Женская инициатива» была создана в ноябре 2008 г. Она просуществовала 5 лет и прекратила свое существование тогда, когда Ивановскую область покинула ее председатель и главный вдохновитель Елена Налимова, супруга экс-главы области.

Основными целями деятельности «Женской инициативы» являлись улучшение социального положения женщин и детей, консолидация деятельности женщин, защита прав и интересов женщин и детей, содействие развитию институтов семьи, материнства и детства.

В соответствии с уставом членами «Женской инициативы» могли быть женщины, достигшие 18 лет. Для того чтобы стать участником, нужно разделять цели деятельности «Женской инициативы», быть неравнодушным к проблемам детей и женщин в Ивановской области, а также необходимы рекомендации не менее трех уже действующих членов организации. Такой жесткий отбор был необходим для того, чтобы новая организация не превратилась в формальную структуру, чтобы активисты движения отвечали за новых членов «Женской инициативы». Членами «Женской инициативы» являлись всего 40 человек. Но им удавалось решать многие проблемы Ивановской области, привлекать к ним внимание власти и бизнес-структур региона.

Проиллюстрируем, как реализовалось «Женской инициативой» одно из основных направлений ее деятельности – организация социально-культурных и культурно-массовых мероприятий для женщин и детей, оказание социальной и материальной помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Так, например, в 2009 г. началась акция «Подари мне море», которая проводилась организацией «Женская инициатива» при содействии туристических компаний, а также при помощи Департамента социальной защиты населения Ивановской области. Очевидно, что руководители «Женской инициативы» использовали весь арсенал средств и возможностей на персональном уровне. Цель акции – стимулирование интереса к изучению мирового культурного наследия, развитие творческих способностей детей, выявление одаренных детей, привлечение широкой общественности к вопросам социальной адаптации и дальнейшему самоопределению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В рамках акции среди воспитанников областных образовательных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, проводился творческий конкурс «Мир моими глазами».

Реализуя заявленные в Уставе организации цели, в частности, в рамках оказания помощи детям с ограниченными возможностями, детям, находящимся на лечении в учреждениях здравоохранения, члены «Женской инициативы» добились, чтобы в детском неврологическом отделении областной клинической больницы состоялось открытие отдельных специализированных палат для детей с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата. Палаты были оснащены многофункциональными кроватями, оборудованы подъемным креслом, установлены поручни по стенам.

Можно бесконечно продолжать описание добрых дел, осуществляемых конкретными женщинами в конкретных женских объединениях. Из них собственно и складывается то, что принято называть женским движением. Ивановская «Женская инициатива» и ее председатель Е. Налимова – как капля в море, отражают особенности и специфику женского движения на региональном уровне в современной России.

Применение же к данным о женских организациях методов формально-количественного анализа, в частности, методик частотного измерения, помогло глубже изучить специфику данного социально-политического явления в России, в частности,

позволило раскрыть некоторые особенности его структуры, в частности дифференциацию женского движения в России с точки зрения организационно-правовых форм, отражающих специфический статус, порядок создания женских объединений, их организационное строение, а также цели и задачи деятельности.

Примечания.

1. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории). М., 1998.
2. Ключко О.И. Методология гендерных исследований: современное состояние и актуальные проблемы. Саранск, 2008.
3. Мельникова Т.А. Женское движение в России: традиции и инновации. М., 2000.
4. Репина Л.П. Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 41–58.
5. Романова Н.П., Коновалова Г. В. Женщина и власть. Чита, 2007.
6. Силласте Г.Г. Демократия без женщин – не демократия. Социологические очерки. М., 1991.
7. Темкина А.А. Гендер как концепция и методология исследования российской культуры // Женское движение в контексте российской истории. М., 1999. С. 225–248.
8. Тимшина Е.Л. Женское движение в общественно-политической жизни современной России (1991–2011): Дис. ... канд. ист. наук.. М., 2012.
9. Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «Об общественных объединениях» - URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ ed81098b30a1ccdd40874d3b666da56d96001617/ (дата обращения: 10.09.2018).

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Т. Н. Тодорова

Московский политехнический университет, Москва, РФ, tangra-84@mail.ru

Глобальные исторические события всегда притягивают внимание тех, кто стремится понять реальность. Естественно, что сущность и последствия такого масштабного явления как мировая война не перестают быть в фокусе научного внимания. На фоне катаклизмов и стрессов начала XX века, вызванных последствиями Первой мировой войной, очевидным проявлением общего состояния становится эффект неравновесия, дисбаланса между отдельными подсистемами, уровнями цивилизации и цивилизацией как органичным материальным телом и биосферой и экосферой планеты. На некогда едином пространстве Российского государства явным стал эффект разделения глобальных культуры множеством границ (финансовыми, когнитивными и т.д.), приведшими к формированию неравенства в различных формах (экономическое, социальное), которое к тому же связано с ростом моральных деградаций.

Безусловно, наметившиеся в послевоенной России тенденции кризисов и депрессий не могли не отразиться на архитектуре образовательного пространства, в которой проявился эффект распространения культуры агрессии и эффект «национализации» некогда единого имперского научного пространства. Данный эффект специфичен оттеснением фундаментальной науки, выполняющей познавательные функции, прикладной наукой - «делающей» наукой, обеспечивающей политизацию знаний.

Таким образом, можно отметить тенденции формирования концепции развития последствий мировой войны, которая и вызвала стремительные изменения в самой системе образования.

В архитектуре образования важна основа. А какой она стала в период после завершения активных боевых действий Первой мировой войны? Важным на наш взгляд является то, что меняется вектор образования - суверенизация или национализация с явным идеологическим оттенком. В пространстве некогда единой Российской империи появились народные (а впоследствии государственные) системы, включающие несколько определенные звенья/ступени в образовании (начальное образование, среднее и т.д.).

И обозначился весьма актуальный вопрос: а кто же необходим «модернизированному» социуму в результате такого образовательного процесса?

Кстати, историческая «петля времени» в развитии образовательной среды повторилась в «постсоветский» период, вызванный распадом Советского Союза. Интересная историческая параллель в тенденциях начала XX и XXI веков весьма очевидна: распад имперской (российской-советской) системы образования, снижение профессионального педагогического уровня обучения, проявляющегося в явном «отрыве» возможностей учебных заведений центрального и «удаленного от центра» звена, увеличение образовательных учреждений (например: роста числа ВУЗОВ, оптимизации в направлениях обучения); переформатирование уровней образования (активизация периодов начального обучения, введение обязательных платных или бесплатных форм обучения и т.п.); наличие огромного, часто противоречивого друг с другом, номенклатурного управления; «демографические ямы» в наличии контингента обучающихся, тотальная безграмотность, вызванная экономическими последствиями (только в начале XXI в. такое явление получило характер «компьютерной безграмотности»).

В эти сравниваемые исторические периоды отмечается и определенное «идеологическое давление», проявляющееся в тенденциях подготовки «приоритетных» профессиональных кадров. Так, после Первой мировой войны возрос спрос на «рабочие специальности» на производствах, а в начале XXI века обозначился спрос на «рабочие специальности» только в области «цифрового формата».

В целом, общество заказывало системе образования определенный «продукт» - сформировать личности - «человек-машина» - способные быть «винтиками» в любом социальном процессе, работающих посменно в течение 24 часов в сутки без устали.

А в глобализированном современном обществе штампуются те же личности в формате «люди - книги» - обладающие способностью восприятия реальности, основанной на текстоцентризме, линейных связях, целеполагании и сосредоточенности, или «люди экрана» - специалисты, готовые к сознанию клипоцентризма, - фрагментарно-

сти/ хаос – движения/ драйф - рассеянному видению - этакий …. «человек раздробленный», «человек- трансформер».

Безусловно, то, что мировой порядок развития диктует определенные правила, и Россия участвует в таких проектах, выполняя «глобальное требование» времени. Глобализация есть закономерный исторический процесс развития, который протекает в определенных формах и логически связан с переменами в динамике времени и пространства. Результатом этого процесса становится интегрированная цивилизация, в которой пласты и уровни глобальной культуры формируются в ходе трансформации региональных и национальных культур.

В образовательном процессе важными составляющимися являются обучение и воспитание. В рассматриваемые нами исторические вехи можно обозначить такую тенденцию как формирование осознанного разделения между сферами «обучение», «воспитание», когда образовательные учреждения на всех уровнях акцентируют внимание на «исключительных» подходах: только «воспитание» (например, «начальная школа») или «только образование» (получение специальности). Конфликтующими областями стали подходы к формированию навыков и умений обучаемых, что закреплялось в таких клише как «старая школа» («царская» или «советская»), которые не считались современными и актуальными, а следовательно подвергались жесточайшей критике и возрастающему желанию «стереть» из социального пространства. Таким образом, противоречия в самой системе образования «проросли» в отягощающий конфликт на уровнях: «педагог-педагог», «ученик-ученик», «педагог-ученик». Неслучайно, например, в своих трудах А.С. Макаренко уделял огромное внимание не только соединению принципов воспитания, обучения и профессиональной подготовки, но и формированию культуры самого педагогического коллектива, в котором знание предмета и педагогического мастерства являются единым принципом. Как показывает время, такой подход остается актуальным до нынешнего времени. Выведенные Макаренко А.С. ряд педагогических законов сохраняют свою современность. Так, например, состав педагогического коллектива должен быть стабильным, но в обучении «новичка» ответственны как преподаватели, так и обучающиеся. Или о функциях и полномочиях в отношениях обучающегося и педагогического работника: педагог/воспитатель/учитель не имеют права на наказание, т.е. разделение полномочий/власти обязательно. Преподаватель дистанцируется от системы наказания, для этого есть менеджерская работа. В некоторых высших учебных организациях присутствует табу на преподавание менеджерам (деканы, зав.кафедрами, и т.д.). Трудность в том, что авторитет педагога в данных условиях нарабатывается самим педагогом.

Еще одним историческим парадоксом во «временном срезе» начала XX и XXI века выделим сложнейшие отношения на уровне «государство-образовательное учреждение». Возникают некие эффекты «удушения» и «подминания» обучения. Разница только в том, что в послевоенный период XX века это был принцип «командного партийного диктата» и распространения «классового революционного подхода» в решении учебных задач, а в современных условиях - активизация

«предпринимательской монополии», «диктатура стоимости» над обучением; превращение результатов учебной деятельности в «интеллектуальный товар», а образовательные учреждения - в предпринимательские структуры по оказанию «услуг».

Безусловно, как любой значимый спектр жизни общества, образование является элементом социальной культуры и циклично испытывает глубокую трансформацию, находясь, особенно сейчас, на этапе очередного исторического переосмысления. Важным на наш взгляд является то, что за увлечением внешними формами процесса (идеология, компьютеризация, виртуализация) не стоит забывать, что это все лишь временные технологическое условия. Наиболее важным, как показывает историческое время, суметь ответить на вопрос: в чем принципиально новый подход в образовании? Как минимизировать «брак» образовательных процессов обучения и быть ответственными перед теми, кого сейчас называем «обучающиеся»? Ведь это не просто «номенклатура дел», «винтики», «ресурс» или «фактор» - это человеческие жизни, которые дадут впоследствии возможности появиться новым жизням.

Примечания.

1. Гринок Ф.И. Клиповое сознание. - URL: http://vkist.ru/fedor-girenok-klipovoe-soznanie-prospekt/index7.html#pages (дата обращения: 11.10.2018).
2. Григорьева Г.Н. советская власть и женское движение в СССР в 20-е гг. XX в. Дис.канд.ист.наук. Москва, 2004.175 с. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – URL: http://www.dissercat.com/content/organizatsiya-obucheniya-vzroslykh-v-protsesse-likvidatsii-negramotnosti-v-sssr-v-1920-1930-#ixzz5VVr4wfZe (дата обращения 02.10.2018).
3. Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т. 4, М.: Педагогика, 1984. – URL: http://az.lib.ru/m (дата обращения 10.10.2018).
4. Петрова Я.И. Организация обучения взрослых в процессе ликвидации неграмотности в СССР в 1920 - 1930-хгг. автореферат….на соискание..к.п.н — Самара, - 218 С. disserCat. – URL: http://www.dissercat.com/content/organizatsiya-obucheniya-vzroslykh-v-protsesse-likvidatsii-negramotnosti-v-sssr-v-1920-1930-#ixzz5VVpX39P9 (дата обращения 30.10.2018).
5. Резник С.Д. Современный университет в пространстве противоречий. Проблемы и пути их решения. М.:, 2017- 274 С.
6. Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста. – URL: http://nounivers.narod.ru/ofirs/kf_clip.htm (дата обращения: 27.10.2018).
7. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. N 1632-р.
8. Современные научные исследования и инновации – Электронный научно-практический журнал. – URL: http://web.snauka.ru/publish-fee (дата обращения: 24.10.2018).
9. Tony Buzan and Barr y Bazan –London. BBC books. 2000. P. 56.

ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ ЗАПАДА, ВОСТОКА И РОССИИ – РУСИ

А. М. Харитонов
ФГБУН Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, mavr@tig.dvo.ru

Современные СМИ после прошедшего в этом году в России чемпионата мира по футболу озвучили в печати некоторые любопытные географические стереотипы современных болельщиков. Некоторые из них приехали в нашу страну на чемпионат, захватив целый ворох теплой одежды. Сюрпризом для подобных болельщиков явилась изнурительная жара на российских стадионах.

Между тем представление о России как холодной Сибири – излюбленный стереотип зарубежных средств массовой дезинформации, который вряд ли смогут изменить несколько сот тысяч иностранцев, столкнувшихся с современными российскими реалиями. Ведь подобные стереотипы, заложенные еще со школьной скамьи достаточно живучи в массовом сознании. Они характерны для достаточно инертного в своем развитии общества и не учитывают порой достаточно быстро меняющейся экономической и политической обстановки в мире.

По этой причине Запад частенько воспринимает сегодня Россию как изначально отсталую разутую и раздетую голодающую страну третьего мира (где по улицам вдобавок свободно бродят голодные же медведи) с нагловатыми туристами, не желая замечать перемены в политике и экономике, произошедшие за последние тридцать лет. Примерно так же россияне представляют себе современный Китай, тогда как американские круги уже воспринимают его почти как равного соперника пока еще только в экономической сфере. Да и о российском Дальнем Востоке у некоторых россиян до сих пор складывается впечатление как о земле, где в городах бродят голодные тигры. Так что в этом отношении сходные стереотипы живучи у самых разных народов.

Политическая подоплека подобных воззрений на «варварскую» Россию в исторических сочинениях западных историков довольно подробно разбирается в работах Л.П. Грот [3 и др.]. Она же обнаружила интересную географическую закономерность: считающуюся некоторыми западными историками родиной народа руси провинция Рослаген в Скандинавии во времена Древней Руси все еще находилась под водой.

При знакомстве с географическими сочинениями о Древней Руси в восточных и западных исторических источниках вообще складывается впечатление, что речь в них идет о разных ее частях. Пожалуй, если бы историки отнесли сочинения арабских мыслителей к Руси в Причерноморье, тогда как скандинавские и другие западноевропейские источники к Киевской Руси, то вариант с разделением исторических представлений о Руси на Востоке и Западе и прошел бы незамеченным для географической науки.

Однако даже подобные мозаичные представления для географической науки как раз и не характерны. Ведь география - комплексная дисциплина еще с глубокой древности и должна давать цельное представление об ойкумене (обитаемой части земли), а не только об ее отдельных областях. В этой географической модели **у Древней Руси**

должно быть только одно место на карте! Это, конечно, не исключает существования других областей, носящих данное название где-то еще, но основное местонахождение Руси просто обязано быть единым для географических представлений средних веков, что собственно и подчеркнули германские историки нового времени, создавая историческую географию средневековья.

Вот только не учли они при этом одной небольшой географической детали, которая может испортить им всю их работу. Точнее, похоже, даже учли, но не пожелали в реальности считаться с ней. А деталь эта проста: античная и средневековая географическая наука считали необитаемыми земли холодного и жаркого климатического поясов Земли. Даже арабская географическая наука, открыв обитаемость жаркого пояса в Африке, продолжала с должным почтением относиться к достижениям античных географов и продолжала считать земли к северу от реки Дон «необитаемыми пустынями севера» [2].

Так что германская историография, а вслед за ней и отечественная историческая наука возвели целостное здание Древней Руси на месте … «белого географического пятна» и даже не заметили этого за несколько веков существования подобного мнения! Кстати, таким же «пятном» в исторических представлениях в свете географических данных античности и средних веков должны быть Средняя Азии и вся Северная Европа. Карты последней появляются только в 1424 (по другим сведениям в 1427) г. [см. 1]. Карты же Русской равнины (за исключением Причерноморья) и вовсе известны не ранее середины века XVI!

Но, считая себя умнее древних греков и римлян, германские историки изобрели свою собственную историческую географию для данных времен. Более того, саму историческую географию историки объявили вспомогательной исторической дисциплиной где-то на задворках обычной истории. И это при том, что современная география считает историческую географию самостоятельной географической дисциплиной на стыке истории и географии [см. 5, 7 и др.].

Но где тогда размещали территорию Руси географы в средние века? Место ей вблизи берегов Черного моря и нигде больше! Действительно, тогда один из центров Руси по арабским источникам Славия (чаще, Склавинии) известен европейской географии на Балканах. Столицей крупнейшей Славии (Дунайская Болгария) был одно время Преслав.

Это объясняет отнесение к Руси волошских и болгарских городов в более позднем отечественном географическом источнике [6]. Второй центр Арту (Арса) арабских источников тогда следует приравнять скандинавскому Гарды и русскому Орда. Третий центр Куява является летописным Киевом, но последний не имеет непосредственного отношения к современной столице Украины, а находился где-то на Северном Кавказе, где круглогодично кочевали народы Орды [8].

- Но куда девать скандинавские народы норманнов, готов и варягов в такой географической системе? – спросит нас историк. Тоже в Причерноморье. Остров готов (тирагетов) хорошо известен античной географии вплоть до его гибели в низовьях реки Днестр. И явились они сюда с реки Дунай – древнегреческий Истр (ср. Вистула - Висла и Танаквисль), куда вернулись, когда их новая родина скрылась под водой при подъеме уровня Черного моря.

На Дунае предки этих готов воевали еще с Александром Македонским вместе с трибаллами (древляне?). Не в этом ли причина возникновения позднейшей легенды о заключении славянами с ним особого договора о ненападении?

Варяжским морем араб Ал Хараки именует … Меотиду (Азовское море). Именно по ее берегам встречаются упоминаемые европейскими учеными близ Балтийского моря аланы, тюрки и даже греки, на что обратил как-то внимание А.Г. Кузьмин, но не придал этому никакого особого значения. Здесь же следует искать некий Варанголимен (Варяжский залив), упоминаемый в связи с Крымом.

А норманны (северные люди), стоит этот этноним перевести на русский лад превращаются в … летописных северян. Последние действительно сыграли выдающуюся роль в истории Русской государственности, если вспомнить об их особой роли в образовании Первого Болгарского царства (части Руси).

В 15-16 веках с появлением на международной арене Московского государства именно ему стали постепенно приписывать достижения Древней Руси и автоматически распространили его географию на более древние времена. В дальнейшем произошло закрепление этих обывательских представлений в исторической науке, что сильно повлияло на эволюцию географического восприятия Древней Руси и современной России в исторической науке Востока и Запада.

Подобное необоснованное расширение границ обитаемой земли в античной и средневековой географии имеет место и на других территориях в угоду современным геополитическим концепциям, одна из которых подменила собой историческую географию Древней Руси. Далеко не последнюю роль при этом играет недоучет историками возможностей перемещения топонимов вслед за их носителями в ходе переселения народов на новые места обитания [см. 4].

Примечания.

1. Багров Л. История картографии. М.: ЗАО Центрополиграф, 2004.
2. Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002.
3. Грот Л.П. Призвание варягов. Норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике. М.: Алгоритм, 2012.
4. Курбатов В.А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V – XIX вв.). М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005.
5. Максаковский В.П. Историческая география мира. – М.: Экопрос, 1997.
6. Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. М., 1952. Т.40. С.214-259.
7. Харитонов А.М. Глобальные проблемы исторической географии и ее место в системе социально-политических наук // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания. М.: Экон-информ, 2014. С.199-203.
8. Харитонов А.М. Представление о месте Древней Руси на карте мира в арабской географической литературе средних веков // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Вып. 18. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С.276- 282.

«ПРОПОВЕДНИЧЕСКИЕ ТУРЫ» АНГЛИЙСКИХ МЕТОДИСТОВ В БРИТАНСКИХ КОЛОНИЯХ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ В 1730 – 1740-х гг.

И. Ю. Хрулева

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия, irinakhruleva@mail.ru

Проблематике Первого «Великого Пробуждения» 1730-1740-х гг. в Британской Америке посвящено значительное количество научной литературы, это "одно из наиболее изученных и обсуждаемых, расхваливаемых и проклинаемых, возвеличиваемых и преуменьшаемых, захватывающих и раздражающих событий ранней американской истории" [22, p.7]. Ничего, подобного «Великому пробуждению», по своим масштабам и степени влияния на общество, колонии прежде не видели. Джонатан Эдвардс, один из главных участников этих событий, писал: «Религиозное оживление затронуло самых разных людей, порочных и праведных, занимающих высокое и низкое положение в обществе, богатых и бедных, благоразумных и грешников» [8, p. 20]. Оно стало первым движением в американской истории, носившем по-настоящему межколониальный характер, способствуя формированию в Британской Америке единого религиозного и отчасти идеологического пространства. Осознание общности религиозных переживаний постепенно переходило в осознание общности интересов. Став первым совместным духовным опытом, «Великое Пробуждение» положило начало процессу формирования общности колонистов – будущей американской нации.

"Великое Пробуждение" было вызвано как колониальными традициями религиозного обновления ("ривайвлов"), так и новыми идеями, пришедшими из Европы, и прежде всего из Великобритании [9, p. 99-114], поэтому данное религиозное движение невозможно понять без его европейских корней. Преобладающий в современной американской историографии т.н. «трансатлантический подход», изучающий сложную природу связей между метрополией и ее американскими колониями, особое внимание акцентирует на взаимовлиянии идей набиравшего силу английского методизма и религиозного «бума» в Британской Америке [11, 18, 21]. Именно приезд известного английского проповедника, одного из основателей методизма Джорджа Уитфилда привнес новые элементы евангелического протестантизма в американские колонии. Уитфилд объехал весь англо-саксонский мир, помимо британских колоний в Северной Америке, он побывал в Уэльсе, Шотландии, на островах Карибского бассейна, став самым известным религиозным деятелем XVIII столетия для Британской империи (за период 1738-1770 гг. он 13 раз пересекал Атлантику). В глазах английского евангелиста все разрозненные религиозные «оживления» (рост влияния методизма в различных регионах Великобритании, расцвет пиетизма на европейском континенте, евангелизация американского протестантизма) объединяются в грандиозную картину масштабного обновления веры.

Уитфилд принимает решение поехать в Америку под влиянием поездки в Джорджию своего духовного наставника, основателя методизма Джона Уэсли в 1735-1737

гг. [25, p. 472, 498-99], [12, p. 488], [9]. Именно Уитфилд впервые в переписке с братьями Уэсли предлагает использовать институт «странствующих проповедников» [25, p. 621], сам отправляется в Америку с «проповедническим туром» по всем британским колониям и начинает активно пропагандировать новые религиозные идеи. Благодаря неиссякаемой энергии Уитфильда у большинства жителей колоний была реальная возможность хотя бы раз в жизни услышать проповедь знаменитого проповедника [24, p. XIII-XIV]. Умело используя прессу, Уитфилду удавалось собирать огромные толпы людей – благосклонно настроенная к Уитфилду "Pennsylvania Gazzete", издаваемая Б.Франклином, писала о 8 тысячах, присутствовавших на проповеди в Филадельфии в апреле 1740 г., или 15 тысячах в Нью-Йорке в октябре 1740 г., или 23 тысячах в Бостоне в октябре 1740 г. Наконец, Франклин в «Автобиографии» упоминает о 30 тысячах людей, пришедших на одну из проповедей Уитфилда. Вместе с тем, многие возмущенные читатели газет писали, что эти цифры «всегда преувеличены, часто в два, а то и в три раза» [16, 20, 23]. Каковы бы ни были точные цифры, главная цель Уитфилда – привлечь как можно больше внимания жителей колоний к своей пасторской деятельности – безусловно, достигалась, в том числе, и благодаря умелой работе с колониальной прессой.

Наблюдая за всплеском интереса к религии, Бенджамин Франклин отмечал: «Изменения в религиозной жизни совершенно удивительные. Никогда здешний народ не демонстрировал такой готовности посещать проповеди, а священники такого усердия и рвения в исполнении своих обязанностей. Религия стала предметом большинства разговоров. Нет более востребованных книг, чем касающихся благочестия и набожности; вместо пустых песен и баллад люди повсеместно распевают псалмы и духовные гимны. И все это благодаря трудам преподобного м-ра Уитфилда»[19].

Первое "Великое Пробуждение" характеризовалось ярким эмоциональным стилем проповедования «странствующих проповедников» и выходило за рамки отдельных протестантских деноминаций. Эта практика эмоциональной проповеди перед представителями различных протестантских течений были опробовала сначала в Англии в конце 1730-х годов [13]. Джон Уэсли в переписке с младшим братом Чарльзом Уэсли и Уитфилдом отмечал «потоки слез», «конвульсии, обмороки, крики и стенания» верующих во время своих проповедей [25, p. 622,630,632]. "Странствующие проповедники" подчеркивали особую роль религиозного обращения, личного опыта и призывали к кардинальным переменам в образе жизни "новообращённых". Существовали противоречащие друг другу оценки нового стиля проповедования: одни были уверены, что "присутствие Господа было очевидно на этих собраниях" [15] и Уитфилд был "самым великим человеком, светлее любого ангела на небесах, воистину божий посланник" [7, p. 19], в то время как другие сомневались, "что Уитфилдом двигал Бог" [4]. Во время массовых религиозных собраний под открытым небом «странствующие проповедники» (так называемые «новые огни») обвиняли приходских священников («старых огней») в «духовной тьме» и отрицали формализм официальной церкви. Однако большинство представителей духовенства поддерживали и религиозное обновление, и существующий порядок, открыто не присоединяясь ни к "новым", ни к "старым огням".

Первое Великое Пробуждение было сложным и неоднозначным явлением, в рамках которого эволюционировало множество разнонаправленных течений. Поэтому было бы неверным связывать его исключительно с деятельностью разнообразных религиозных движений пиетистского толка. Их оппоненты, выступавшие против «энтузиастического» религиозного обновления, столь яростно проповедовавшегося сторонниками «оживления», также влияли на складывание принципиально новой религиозной ситуации в Британских колониях. «Старые огни» включали в себя не просто ортодоксальное духовенство. Среди них встречались и те священнослужители, чьи воззрения испытали на себе мощное воздействие идей Просвещения; они утверждали, что "нужно учиться, прежде чем начинать проповедовать", священники не могут выступать с проповедью без какой-либо «ученой степени» и «никогда не должны противопоставлять Веру и Разум» [5, p.17], в то время как «странствующие проповедники» "в пылу страстей забывают о ***Разуме*** и ***Благоразумии***" [1, p.22].

«Старые огни» выступали против того «хаоса», который вносили в размеренную религиозную жизнь колоний «новые огни». В источниках встречаются многочисленные описания экстравагантного поведения во время религиозных собраний: "падения в обморок, страшные крики и вопли, дрожь и конвульсии, нездоровое возбуждение, судороги и кувыркание", "хлопанье в ладоши, прыжки, поцелуи, истерически громкий смех", "припадки", "видения и трансы", "жуткие конвульсии", собрания ночью, особое влияние на детей, молодых людей и женщин, "но чаще всего на грубых, неотесанных, безграмотных, слабых и самонадеянных молодых парней"[6, p. 77, 103-105, 126], [1, p.8,12-15], [17, p.17], [14, p.5], [2, p.6].

«Старые огни» критиковали "беспорядки, разногласия, раздоры, расколы, которые они [«новые огни»] вызвали в стране, семьях, церквях, городах", дух "зависти и раздоров" и "необдуманные, неодобрительные, безжалостные суждения" [6, p. XXVI, 140], [5, p.37], [14, p. 7], [10, p. 3]. Результатом стали "неразбериха в городах, разногласия в церквях, отчуждение и конфликт людей друг с другом и со священниками, разгоряченное сознание, дикость фантазий и ошибочные суждения" [5, p.38].

«Великое Пробуждение» повсеместно знаменовало собой важный этап эволюции христианства в Америке: процесс шел от религии внутри устоявшейся церкви к вере внутренней, не оформленной в рамках традиционных институтов; от христианства как строгой доктрины к христианству как набожности; от государственной церкви, включающей все общество, к церкви, состоящей из «обращенных». Складывалась новая религиозная традиция. Утрата традиционными протестантскими церквями контроля над прихожанами, возникновение и успешное завоевание сторонников в Америке новыми евангелическими течениями способствовало закреплению среди колонистов представлений о свободе вероисповедания, индивидуальном выборе веры, религиозном плюрализме. В конечном счете, отрицание института официальной церкви способствовало утверждению принципа свободы личного выбора веры, подразумевавшего также и возможность осознанного отказа от религии или равнодушного отношения к ней. Следствием «Великого Пробуждения» стала смена традиционного общественного уклада, утверждение принципа религиозного плюрализма, индивидуализма, а также добровольного участия в различных объединениях.

Примечания.

1. A Letter from a Gentleman in Boston. Edinburgh, 1742.
2. A Letter from Two Neighboring Associations of Ministers. Boston, 1745.
3. A Short Account of God's Dealings with the Rev. Mr. George Whitefield. London, 1740.
4. Boston Evening-Post. February 4, 1741.
5. Chauncy Ch. Ministers Exhorted and Encouraged. Boston, 1744.
6. Chauncy Ch. Seasonable Thoughts on the State of Religion in New England. Boston, 1743.
7. Cooper W. The Sin and Danger of Quenching the Spirit. Boston, 1741.
8. Edwards, Jonathan. A Faithful Narrative of the Surprising Work of God in the Conversion of Many Hundred Souls in Northampton (1737). The Third Edition. Boston, 1738.
9. George Whitefield: Life, Context, and Legacy. Geordan Hammond and David Ceri Jones, eds. Oxford, 2016.
10. Hancock J. An Expostulatory and Pacifick Letter. Boston, 1743.
11. Kidd Th. S. The Great Awakening: The Roots of Evangelical Christianity in Colonial America. New Haven, 2007.
12. Letters of George Whitefield for the Period 1734-1742. Edinburgh, 1976.
13. Letters of William Seward // John Rylands Library (Manchester). Special Methodism Collection. Reference GB 133 DDSe 15.
14. Mr. Pickering's letter to Mr. Whitefield: touching his relation to the Church of England; his impulses or impressions; and the present unhappy state of things. Boston, 1745.
15. New England Weekly Journal. June 3, 1740.
16. New York Weekly Journal, August 25, 1740.
17. Niles S. Tristitae Ecclesiarum, or a Brief and Sorrowful Account of the Present State of Churches in New England. Boston, 1745.
18. Noll M.A. The Rise of Evangelicalism: The Age of Edwards, Whitefield and the Wesleys. Leicester, 2004.
19. Pennsylvania Gazette, June 12, 1740.
20. Pennsylvania Gazette, May 1, 1740.
21. Pestana C. G. Protestant Empire: Religion and the Making of the Atlantic World. Philadelphia, 2009.
22. Smith J.H. The First Great Awakening. Redefining Religion in British America, 1725-1775. Madison, N.J., 2015.
23. South Carolina Gazette, October 9, 1740.
24. Stout H.S. The Divine Dramatist: George Whitefield and the Rise of Modern Evangelicalism. Grand Rapids, MI, 1991.
25. The Works of John Wesley. Oxford and Nashville, 1975-. Vol. 25. Ed. by Frank Baker (1980).

НАЗНАЧЕНИЕ В. Л. КОППА ПЕРВЫМ ПОЛПРЕДОМ СССР В ЯПОНИИ. (ИЛИ ПУТЬ В ВАШИНГТОН ЛЕЖИТ ЧЕРЕЗ ТОКИО)

В. Л. Черноперов
Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
vlchernoperov@rambler.ru

Среди вопросов, не получивших всестороннего освещения, – назначение первого полномочного представителя СССР в Японии, формирование, руководимой им миссии, а также стратегические задачи, которые должен был решать этот полпред. Частично восполнить лакуну призвано настоящее сообщение. Его источниковую базу составили материалы Архива внешней политики Российской Федерации и Российского архива социально-политической истории.

Двадцатого января 1925 г. Москва и Токио в Пекине заключили «Конвенцию об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией», которая устанавливала между странами полномасштабные дипломатические связи [3: 70 – 77]. Договор поставил перед Наркоматом по иностранным делам СССР проблему формирования дипломатической миссии в Токио. Прежде всего, следовало определиться с полпредом (послом). Впервые этот вопрос нарком индел Г. В. Чичерин внес в Политбюро ЦК РКП(б) 19 февраля 1925 г., однако тогда решение не приняли [6: ф. 17, оп. 3, д. 489, л. 3]. К следующему заседанию партийного ареопага Коллегия НКИД предложила кандидатуру Виктора Леонтьевича Коппа. Выдвижение В. Л. Коппа было обусловлено рядом факторов. Во-первых, его дипломатическим опытом, приобретенным в 1919 – 1924 гг. на встречах с руководителями ведущих стран Европы [7, 8, 9: 344 – 359, 10: 529 – 554]. Во-вторых, высоким положением в структуре Наркоминдела (член Коллегии НКИД и Уполномоченный НКИД при Совете народных комиссаров РСФСР), на что щепетильные японцы обращали особое внимание. В-третьих – знанием немецкого, и, особенно, английского и французского языков, на которых МИД Японии вел нотную переписку. В-четвертых, как нам представляется, на выбор повлияло противостояние главы НКИД СССР Г. В. Чичерина со своим заместителем М. М. Литвиновым, расколовшее аппарат наркомата. Копп тяготел к последнему [2: 145 – 146; 4: 100]. Таким образом, М. М. Литвинов, сконцентрировавший в Наркоминделе к 1924 г. в своих руках европейскую политику, делегируя «своего человека» в Токио, мог рассчитывать на установление контроля и над дальневосточным направлением, которое курировали Г. В. Чичерин и его сторонник – полпред СССР в Китае Л. М. Карахан. Нарком по иностранным делам, в свою очередь, ничего не имел против отъезда из Москвы влиятельного союзника Литвинова.

Двадцать пятого февраля 1925 г. Г. Чичерин представил кандидатуру В. Коппа в Политбюро ЦК РКП(б) и получил одобрение [6: ф. 17, оп. 3, д. 490, л. 2]. Информацию о полпреде через Л. Карахана переправили в Токио, однако там для представления посла императору затребовали дополнительные сведения [1: ф. 146, оп. 8, п. 8, д. 14, л. 16]. Ответ пришел от Литвинова, который кроме данных о служебной карьере Коппа, по-видимому, желая придать своему протеже б*о*льший вес в глазах японцев, сообщил

об учебе Виктора Леонтьевича в университете Швейцарии [1: ф. 146, оп. 8, п. 8, д. 14, л. 19], факте, не подтверждаемом другими известными нам источниками.

Получив развернутые сведения о кандидате в послы (полпреды), император Японии 4 марта 1925 г. «дал согласие» на его назначение [1: ф. 146, оп. 8, п. 8, д. 14, л. 8]. Через три дня информация об этом ушла в Москву. Казалось, теперь высшие органы законодательной и исполнительной власти СССР – Центральный исполнительный комитет и Совнарком – должны были обнародовать факт назначения Коппа. Однако, этого сделано не было. Создалась странная ситуация – советская сторона предоставила данные по полпреду, японская – их приняла, но официального документа о назначении Коппа не появлялось. Токио потребовало через Карахана разъяснений. Полпред в Китае до 20 марта трижды запрашивал НКИД о факте (или дате) назначения Коппа [1: ф. 146, оп. 8, п. 8, д. 14, л. 21], но Чичерин и Литвинов молчали. Ответил Управляющий делами НКИД СССР С. В. Дмитриевский. Из его телеграммы следовало, что Президиум ЦИК СССР утвердил Коппа полпредом в Японию еще 9-го марта 1925 г. [1: ф. 146, оп. 8, п. 8, д. 14, л. 22]. Это во всех отношениях странное сообщение. Начиная с отправителя. Кроме того, согласно выписке из постановления Президиума ЦИК СССР, которая хранится в личном деле Коппа, его официальное назначение полпредом в Японию состоялось только 30 марта 1925 г. [1: ф. УК, п. 75, д. 3194, л. 57]. Совнарком Союза принял это решение к сведению на следующий день [1: ф. УК, п. 75, д. 3194, л. 61]. Кстати, Коллегия НКИД, не реагируя на прохождение «дела Коппа» по коридорам советской бюрократии и опираясь только на решение Политбюро ЦК РКП(б) (что лишний раз подтверждает приоритет этой структуры в иерархии власти в СССР), еще 16 марта 1925 г. рассмотрела и утвердила персональный состав советского дипломатического корпуса в Стране восходящего солнца [1: ф. УК, п. 75, д. 3194, л. 54].

Полномочным представителем СССР в Японии назначался В. Л. Копп. Советником полпредства утвердили С. А. Раевского, которого в Наркоминделе считали «одним из лучших советских дипломатических разведчиков» [2: 89]. Против этого решения выступил Чичерин. Он ссылался на ответственную работу, выполняемую этим сотрудником НКИД в Берлине и Варшаве [1: ф. УК, п. 75, д. 3194, л. 54]. Дело дошло до Политбюро, которое учло слова Чичерина и 7 апреля 1925 г. предложило В. Коппу не привлекать С. А. Раевского к работе в Японии до конца июня этого года [6: ф. 17, оп. 3, д. 496, л. 7].

Первым и 3-им секретарями дипмиссии СССР в Токио Коллегия НКИД утвердила, соответственно, Н. К. Кузнецова и Лапина [1: ф. УК, п. 75, д. 3194, л. 54]. Кандидатуру первого поддержали в Оргбюро и Политбюро ЦК РКП(б) [6: ф. 17, оп. 3, д. 494, л. 5]. Кроме того, Коллегия НКИД наметила Г. А. Астахова, который хорошо показал себя на службе в Турции и Германии, заведующим Отделом печати полпредства СССР в Стране цветущей сакуры [1: ф. УК, п. 75, д. 3194, л. 54]. В его заместителями прочили Ярошевского и заведующего Восточным отделом Профинтерна Л. Н. Геллера. На место генерального консула СССР в Японии Коллегия рекомендовала К. А. Лигского. Л. А. Гашкель и Сафронов были намечены заведующими, соответственно, финансовой и хозяйственной частями полпредства. На должность драгомана был выдвинут крупнейший российский японовед, профессор Е. Г. Спальвин [1: ф. УК, п. 75, д. 3194, л. 54]. Позже

вторым секретарем полпредства назначили Вольфа. С марта по май 1925 г. эту должность занимал связанный с Иностранным отделом Объединенного государственного политического управления А. А. Ригин. Консулами СССР стали в Хокодате Е. Н. Логинов, в Нагасаки – З. Тер-Асатуров и Цуруге – Д. Д. Киселев.

Представители советских дипломатических миссий за границей традиционно помогали местным коммунистическим партиям. В Японии, однако, в 1925 г. таковой не было. Руководство КПЯ самоликвидировало партию еще весной 1924 г. [5: 93]. Для работы по ее восстановлению В. Копп вместе с генеральным секретарем Профинтрена и членом Исполкома Коммунистического Интернационала С. А. Лозовским предложили включить в состав полпредства видного революционера К. Э. Янсона. Их предложение было поддержано Политбюро 24 марта 1925 г. [6: ф. 17, оп. 3, д. 494, л. 5].

Отдельно проходило назначение в Японию военным и военно-морским атташе К. Ю. Янеля. Его кандидатура была выдвинута еще в начале мая 1925 г. [1: ф. 04, оп. 49, п. 300, д. 54399, л. 7], но утверждена Политбюро лишь через месяц [6: ф. 17, оп. 3, д. 505, л. 11]. Возможно, причину задержки следует искать в связях К. Ю. Янеля не только с наркоматом по военным и морским делам СССР, но также с Разведывательным управлением Красной армии. Последнее обстоятельство порождало опасение, что вскрытие контактов атташе с Разведупром поставит под удар хрупкие советско-японские отношения. Кстати, уже к осени 1925 г. разное понимание военными и дипломатами советской политики в Азии, а также личная неприязнь Коппа и Янеля перерастут в конфликт, в который будут вовлечены руководители НКИД, силовых ведомств и Центральной Контрольной Комиссии РКП(б) [6: ф. 667, оп. 1, д. 6, л. 32 – 63].

Перед поездкой в Страну цветущей сакуры 26 марта 1925 г., В. Л. Копп представил Коллегии НКИД 6-ти страничную «Записку о японских делах», где в 12-ти пунктах изложил свое понимание стратегии и тактики советской внешней политики в дальневосточном регионе. В документе обращает на себя внимание тот факт, что Копп, готовясь к работе в Токио, центральную задачу своей миссии видел не только (и не столько) в укреплении связей с Японией, сколько в установлении дипломатических отношений с США. Относительно же Страны восходящего солнца, дипломат заявил, что отношения с ней «будут определяться» двумя факторами: противостоянием на Тихом океане США, Англии и Японии, а также развитием революционного движения в Китае [1; ф. 04, оп. 49, п. 299, д. 54400, л. 2]. Исходя из этого, Копп констатировал: «…в данный момент следует с чрезвычайной осторожностью подходить к проблеме японо-американских взаимоотношений и избегать всяких шагов, которые, не принося нам при невыясненном общем положении какой-либо реальной пользы, обострили бы наши отношения с Америкой и отдалили момент признания. Агитационно-демонстративная политика против Америки в Японии еще менее допустима, чем в Китае» [1; ф. 04, оп. 49, п. 299, д. 54400, л. 2].

Далее В. Копп остановился на подготовке Второй Вашингтонской конференции, о которой в 1924 – 1925 гг. часто говорили политики ведущих государств. Дипломат предлагал «демонстрировать наше желание» участвовать в форуме, но лишь «на равных началах с другими державами», первым шагом к чему должно было стать признание СССР Соединенными Штатами [1; ф. 04, оп. 49, п. 299, д. 54400, л. 2]. Копп наде-

ялся, что Токио, заинтересованное в участии Москвы во Второй Вашингтонской конференции, поддержит советскую линию. За эту позицию, по мнению дипломата, СССР, зная о непростых отношениях Страны восходящего солнца с другими державами тихоокеанского региона, мог бы поставить перед Японией «вопрос о согласовании» на международном форуме «линии поведения по существу» [1; ф. 04, оп. 49, п. 299, д. 54400, л. 2].

Копп, анализируя основные направления советско-японского взаимодействия (рыболовную конвенцию, предоставление японцам концессий в ССС, их эмиграцию в советское Приморье, финансовые претензии и т.д.), пришел к выводу, что в двусторонних отношениях «заинтересованной стороной является Япония», а не СССР. Это обстоятельство позволяло Москве в диалоге с Токио «настаивать на компенсациях в вопросах политического порядка» [1; ф. 04, оп. 49, п. 299, д. 54400, л. 2], то есть добиваться помощи в установлении дипотношений с США.

На записку В. Л. Коппа 27 марта 1925 г. откликнулся М. М. Литвинов. Заместитель главы НКИД согласился с ее центральной мыслью (стратегическая цель советской политики на Дальнем Востоке – использовать Японию для установления дипломатических отношений с США), но подверг критике рассуждения В. Коппа по двум вопросам.

Прежде всего, Литвинов выразил несогласие с взглядами Коппа на желательность Второй Вашингтонской конференции. «В наших интересах, – писал он, – неосуществление конференции» [1; ф. 04, оп. 49, п. 299, д. 54400, л. 7]. Свою позицию заместитель наркома по иностранным делам объяснял тем, что на форуме будет поднята проблема сокращения сухопутных вооружений, а это СССР было невыгодно, ибо Красная армия состояла преимущественно из пехотных и кавалерийских частей. Правда, Литвинов предлагал публично против созыва конференции не выступать. Более того, на словах даже приветствовать это начинание [1; ф. 04, оп. 49, п. 299, д. 54400, л. 7].

Вторым положением «Записки о японских делах», с которым не согласился Литвинов, стало предложение Коппа связать участие большевистской делегации в Вашингтонском форуме с признанием СССР Соединенными Штатами. Заместитель наркома иностранных дел придерживался того мнения, что уже сам факт приглашения Москвы на конференцию будет означать «полупризнание» советского государства [1; ф. 04, оп. 49, п. 299, д. 54400, л. 7]. Кроме того, он не считал, что СССР следует искать у Японии поддержки в решении вопроса о дипломатическом признании со стороны США и тесно кооперироваться с ней на международной арене. Позиция заместителя главы Наркоминдела основывалась на двух постулатах: 1) убежденности в нарастании американо-японских противоречий и 2) опасении, что сближение Москвы с Токио вызовет негативную реакцию Вашингтона, отдалив акт дипломатического признания. «Необходимо, – писал Литвинов, – избегать… законченности наших политических взаимоотношений с Японией и не ставить Соединенные Штаты в этом отношении перед свершившимся фактом» [1; ф. 04, оп. 49, п. 299, д. 54400, л. 7].

Подведем итоги. При назначении В. Л. Коппа полпредом СССР в Японии и формировании советской дипмиссии в Стране восходящего солнца центральное место уделялось профессиональной подготовленности кандидатов. При этом решающее слово в кадровой политике принадлежало не НКИД, а всемогущему Политбюро ЦК РКП(б).

Кроме того, назначение В. Л. Коппа полпредом в Японии преследовало стратегическую цель – укрепляя связи со страной пребывания, искать пути для установления дипломатических отношений с США. И дело здесь не только в желании нкидовцев укрепить международный статус Советского Союза. На их позицию существенное влияние оказывала внутренняя политика. Руководство СССР все увереннее брало курс на свертывание НЭПа и ускоренную социально-экономическую модернизацию, для чего требовались кредиты, технологии и т.д., а в их получении Соединенные Штаты – этот мировой финансовый и промышленный лидер – могли сыграть центральную роль. В руководстве Наркоминдела, правда, не было единства в тактике установления дипотношений с США. Данное обстоятельство было связано с разным пониманием глубины противоречий между ведущими капиталистическими странами (межимпериалистических противоречий). Замнаркома М. М. Литвинов, рассматривая отношения Вашингтона и Токио как очень напряженные, опасался, что тесное сближение Советского Союза с Японией укрепит в администрации США антипатии к большевизму и сделает планы по двустороннему сближению неосуществимыми. По-видимому, на заместителя главы НКИД влияла информация, поступавшая по нелегальным каналам, в частности, из английского посольства в Японии [1; ф. 04, оп. 49, п. 300, д. 54399, л. 14]. Взгляды В. Л. Коппа на этом фоне имели одно, но существенное отличие. Он, не отрицая факта противостояния США и Японии, считал, что отношения между ними далеки от разрыва, они многосторонни и крепки, и Москва может их использовать для сближения с Вашингтоном.

Примечания.

1. Архив внешней политики Российской Федерации.
2. Беседовский Г. З. На путях к термидору. М., 1997.
3. Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 8.
4. «Диктатура языкочещущих над работающими»: Последняя служебная записка Г. В. Чичерина // Источник. 1995. № 6.
5. Коваленко И. И. Коммунистическая партия Японии. Очерки истории. – М., 1987.
6. Российский государственный архив социально-политической истории.
7. Черноперов В. Л. Дипломатическая деятельность В. Л. Коппа в Германии в 1918—1921 гг. Иваново, 2006.
8. Черноперов В. Л. Дипломатическая деятельность В. Л. Коппа и подготовка большевиками «германского Октября в 1923 г. Иваново; Н. Новгород, 2006.
9. Черноперов В. Л. Дискуссия в советском руководстве конца 1924 – начала 1925 гг. о внешней политике СССР // Разрушение и возрождение в истории Германии и России. Сб. ст. Международной научной конференции, Томск, 23 – 25 сентября 2009 г. Томск, 2010 (Серия «Германские исследования в Сибири». Вып. 7).
10. Tschernoperov V. L. Viktor Kopp und die Anfänge der sowjetisch-deutschen Beziehungen 1919 bis 1921. // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2012. Vol. 60. № 4.

КРАЙНЕ ПРАВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX в. ГЛАЗАМИ ЭЛЕКТОРАТА: НА ПРИМЕРЕ СОЮЗА РУССКОГО НАРОДА

О. А. Шимбирёва
МГУ им. М.В. Ломоносова Россия, г. Москва, kaptelina@mail.ru

Издание Манифеста 17 октября 1905 г. привело не только к изменениям в системе государственного управления Российской империи, но и к политизации общества. Российский электорат впервые принял участие в выборах в начале 1906 г., что способствовало массовому вовлечению народа в политический процесс. И хотя выборы были не прямые, не равные и не всеобщие – они дали «России возможность приобрести опыт развития демократической культуры» [6:9].

Сразу после издания Манифеста стали возникать крайне правые партии и организации, такие как Союз русского народа, Союз русских людей и другие. Их создание было ответной реакцией на развитие либерального и революционного движения в стране, попытка консервативной части общества не допустить дальнейшей демократизации системы государственного управления, а в идеале отменить уже осуществленные изменения. Несмотря на то, что изначально крайне правые партии не признавали Государственную думу как законный орган власти и не учувствовали в выборах в I Государственную думу, они имели значительную поддержку у населения Российской империи. Наиболее массовой организацией крайне правого толка был Союз русского народа, чья численность на пике популярности в 1908 г. равнялась 400 тыс. человек [4:83].

Неоднозначное отношение руководства СРН к модернизации и трансформации общества и политический системы страны привели к расколу партии. Первый раскол состоялся в марте 1908 г., когда в итоге внутренних разногласий из СРН выделился Русский народный союз имени Михаила Архангела (СМА) во главе с В.М. Пуришкевичем. С одной стороны, были сторонники возвращения к порядкам, существовавшим в России до Манифеста 17 октября 1905 г. Среди них в первую очередь следует отметить председателя Совета А.И. Дубровина, Е.А. Полубояринову, А.И. Соболевского, К.Н. Пасхалова и др., которых стали называть «дубровинцами» по фамилии главы данного внутрипартийного течения. С другой стороны, им противостояли члены союза, признававшие новое государственное устройство, в котором определенное место отводилось Государственной думе, созданной и действующей «по воле царя». Это направление возглавил член фракции правых в Государственной думе Н.Е. Марков и его сторонники – В.М. Пуришкевич, Г.Г. Замысловский, А.С. Вязигин, С.В. Левашов, В.П. Соколов, Н.Д. Облеухов и др. [4:14].

Второй раскол Союза русского народа состоялся в 1910 г. Непосредственной причиной стало разногласие лидеров СРН в оценке деятельности правительства. А.И. Дубровин и его сторонники выразили крайне негативное отношение к аграрной реформе П.А. Столыпина, а также в очередной раз высказались за невозможность продол-

жить работу в Думе. Н.Е. Марков и его сподвижники, наоборот, всячески поддерживали аграрные преобразования и взяли курс на дальнейшее сотрудничество с Думой.

В результате сложных интриг Н.Е. Маркову удалось полностью обновить состав Главного совета СРН. А.И. Дубровина фактически сместили с поста председателя Главного совета, хотя номинально длительное время он еще оставался почетным председателем союза. Он уже не мог единолично управлять СРН и был вынужден искать выход из сложившейся ситуации. В итоге 21 августа 1912 г. был утвержден и зарегистрирован устав Всероссийского Дубровинского Союза русского народа (ВДСРН). Членами учредителями стали верные «дубровинцы» – Е.А. Полубояринова, действительный статский советник А. Блинов и статский советник Н.П. Покровский [5].

Отношение электората к расколам партии было крайне негативным. В архивном фонде СРН отложились «Письма черносотенцев с выражением протеста против начавшегося раскола единой партии», поступавшие в Главный совет в 1906–1915 гг. Это послания, составленные членами региональных отделов СРН, которые выражали протест против действий части руководства Главного совета СРН в лице графа Э.И. Коновницына, Н.Е. Маркова и других, виновных, по мнению авторов, в развале единой партии и в попытках захватить управление делами в Главном совете; это послания, призывающие А.И. Дубровина взять всю полноту власти в партии в свои руки и прекратить интриги и развал; это корреспонденция, выражающая недовольство той ситуацией, которая имела место в регионе проживания автора из-за распада некогда единой партии и внутрипартийной борьбы на местах, возникшей в связи с этим [1:Д. 30–33].

Однако, несмотря на внутренние дрязги и расколы, которые стали одной из причин резкого обвала популярности крайне правого движения в стране к началу Первой Мировой войны, СРН удавалось сохранять мощную поддержку электората фактически на протяжении всего периода своего функционирования.

Ответить на вопрос, каким образом электорат воспринимал Союз русского народа и его лидеров, возможно опираясь на материалы архивного фонда СРН, который хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ. Ф. 116). В рамках фонда отложился целый ряд комплексов делопроизводственной переписки «Письма черносотенцев и других лиц» [Напр. см. 2, 3], содержащие мнения и оценки о деятельности союза и его руководителей со стороны подданных Российской империи. Электорат активно обращался в союз, направляя свои послания в адрес Главного совета СРН, А.И. Дубровина и Е.А. Полубояриновой, а также в редакцию газеты «Русское знамя», официального печатного органа партии.

Так, корреспонденты обращались к А.И. Дубровину за материальной помощью или с «просьбами о содействии в предоставлении места службы» [1:Д. 601]. Авторы писем просили поспособствовать в устройстве на новое место службы в связи с тяжелыми жизненными обстоятельствами, переездом в другой город или проблемами на уже имеющейся службе: «В виду крайне затруднительного положения и семейных неурядиц, осмелюсь просить Вас о себе, Александр Иванович, будьте так добры, ради Бога, устройте меня куда-нибудь на службу, дайте возможность заработать на кусок хлеба. Я твердо верю, что одно Ваше слово будет свято. Прошу Вас, Александр Иванович, со слезами на глазах, как русского Отца, не составьте моей просьбы», – писала

учительница из Санкт-Петербурга в 1911 г. [1:Д. 601:Л. 121].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что электорат воспринимал СРН не как одну из общественно-политических организаций страны, а как орган социальной защиты, фактически перекладывая на партию функции государственных институтов. Корреспонденты рассматривали А.И. Дубровина как «отца», который должен проявлять «отеческую заботу» о благоденствии тех групп людей, которые разделяют консервативно-монархические взгляды, то есть были близки по воззрениям к союзу. Авторы писем подчеркивали, что пишут А.И. Дубровину, поскольку именно в нем видят «поборника истинно русских начал и самодержавного строя», «защитника Веры, Царя и Отечества», человека, стоящего за незыблемое самодержавие, православную веру, демонстрируя тем самым не только чувство уважения к лидеру союза, но и то, что сами авторы разделяли основополагающие идеи правомонархичекого движения в стране.

А.И. Дубровина, председателя Главного совета и главного редактора газеты «Русское знамя», электорат воспринимал как весьма влиятельную политическую фигуру. Корреспонденты видели в нем человека, близкого к императору и трону, способного донести до высшего лица государства «глас народа», поспособствовать решению его проблем. Так, среди «Писем» отложился целый ряд прошений о помиловании, которые, по мнению авторов, глава союза мог лично передать императору и способствовать вынесению положительного решения по ходатайствам. Это говорит о том, что электорат во многом идеализировал фигуру главы СРН и явно преувеличивал его политический вес и реальные возможности влияния на решения высших лиц в государстве.

В рамках архивного фонда отложились дела, содержащие благодарственные и поздравительные письма и телеграммы черносотенцев, присланные на имя А.И. Дубровина [1:Д. 811] и Е.А. Полубояриновой [1:Д. 878]. В этих посланиях авторы поздравляли лидеров СРН с Новым Годом, Пасхой, именинами и другими праздниками: «Вы меня не знаете, но я всей душой искренне не только уважаю, но и душевно-крепко люблю Вас, как любит Вас вся истинно Святая Русь, всегда неизменно преданная Православию, неограниченному Самодержавию и своей чисто русской народности» [1:Д. 604:Л. 2].

Текстологический анализ писем показывает, во-первых, что авторы посланий воспринимали лидера СРН очень личностно, а, во-вторых, электорат активно транслировал так называемый патернализм. Что характерно, СРН действительно оказывал помощь своему электорату. Так, на прошениях об оказании материальной помощи, отложившихся в архивном фонде союза [1:Д. 602], сохранились резолюции о тех средствах, которые союз выделял своим рядовым членам в связи с теми затруднительными обстоятельствами, в которых они оказались.

Таким образом, Союз русского народа пользовался значительным авторитетом у монархически настроенного электората, который активно обращался в союз, верил в силу и могущество этой организации. Но, нельзя не заметить, что электорат во многом идеализировал и даже не до конца осознавал роль и значение политической партии в системе государственного устройства.

Примечания
1. ГА РФ. Ф. 116. Оп. 1.
2. Каптелина О.А. Источниковедческие проблемы изучения монархических настроений в российском обществе начала XX в. (по материалам писем граждан в Главный совет Союза русского народа) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. 2014. № 1 (27). С. 99–110.
3. Каптелина О.А. Монархические настроения в российском обществе начала XX века: опыт изучения архивных источников // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 1. С. 47–54.
4. Кирьянов, Ю.И. Правые партии России 1911–1917 гг. – М., 2001.
5. Русское знамя. 1912. 23 августа. № 190.
6. Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М., 2005.

ИММИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ГЕРМАНИИ. ПОВОРОТ ВПРАВО?

В. Ю. Щербаков

ЮФУ, Институт истории и международных отношений. г. Ростов-на-Дону, Россия

sherbakov.viacheslav@yandex.ru

В 2015 г. миллионы беженцев, преимущественно из Северной Африки, двинулись в Европу в поисках безопасности и лучшей жизни. Целью мигрантов были, прежде всего, такие страны как Франция, Великобритания, Нидерланды, Швеция, Люксембург и, разумеется, Федеративная республика Германия. Многие европейские страны игнорировались беженцами либо ввиду относительно низкого уровня жизни, как в Румынии и Болгарии, или прибалтийских государствах, либо из-за не очень толерантного отношения местных жителей, как в Чехии, Венгрии, Польше и в той же Прибалтике. В притягательности стран Западной Европы для иммигрантов нет ничего удивительного, однако 2015 г. стал своеобразным рубежом, который изменил не только отношение значительной части европейцев к вынужденным и экономическим переселенцам, но и отразил серьёзные внутриполитические перемены. По данным опросов в 2015 г. 61% немецких граждан в традиционно снисходительной к беженцам Германии, выступали против миграции из-за пределов ЕС [12]. Уже в феврале 2016 г. каждый четвёртый немец был готов одобрить применение оружия против беженцев на границах ЕС [9]. Напряжение в миграционной сфере нарастало постепенно. Послевоенная Германия испытывала острый недостаток в неквалифицированной рабочей силе. Начиная с середины 1950-х гг. Федеративная республика становится основным центром притяжения для миллионов трудовых мигрантов из Южной и Восточной Европы, Турции и Северной Африки. Значительная часть из них оставалась в стране после окончания трудового контракта, многие привозили свои семьи, создавая национальные анклавы в западногерманских городах и закладывая основу для дальнейшей массовой миграции. В 1980 - 1990 –х гг. трудовые мигранты дополняются беженцами из зон боевых действий и эко-

номическими переселенцами. Распад советского блока только усилил миграционные потоки. В крупных городах Западной Германии прочно обосновались значительные этнические группы турок, выходцев из Югославии, албанцев, курдов, румын и поляков. Появились беженцы и переселенцы из регионов, ранее стремившихся в другие страны Европы – Африки южнее экватора и Индокитая. Немецкое общество вплоть до конца 1990 – х гг., в целом, толерантно воспринимало приезжих, тем более, что позитивных моментов в иммиграции было несколько больше, чем негативных. Тем не менее, именно иностранная миграция явилась одной из причин всплесков ксенофобских настроений в середине 1960-х и конце 1980 - х гг. В течение второй половины 1960 – х гг. праворадикальная Национал-демократическая партия Германии (НДПГ) прошла в парламенты многих федеральных земель, а на выборах в Бундестаг 1969 г. получила 4,3% голосов избирателей [7]. После этой неудачи влияние НДПГ быстро сошло на нет. В 1989 г. правопопулистская партия «республиканцев», сформированная на базе откололовшегося крыла ХСС, получила на выборах в Европейский парламент 7,1% голосов, что дало ей 6 депутатских мест. В 1992 г. республиканцы прошли в ландтаг Баден-Вюртемберга, но уже к началу XXI века окончательно превратились в одну из многочисленных микропартий ФРГ. Если на выборах в Бундестаг 2017 г. НДПГ получила только 0,4%, то «республиканцы» в них впервые с начала 1990 – х гг. даже не участвовали. Ещё в конце 1980 – х гг. в основу государственной политики ФРГ по отношению к мигрантам была положена концепция «мультикультурализма», заимствованная из Северной Америки. В соответствии с этой концепцией, предусматривалось право представителей любого этноса в том числе и проживающего не на «своей» территории, сохранять свою идентичность – язык, культуру, обычаи, традиции и религию. При этом немецкий народ, в противовес идеологии «ведущей культуры», рассматривался лишь в качестве одного из этносов, населяющих Германию. Предполагалось, что многочисленные этнокультурные сообщества страны будут, соприкасаясь, оказывать положительное воздействие, взаимно обогащая друг друга. Наиболее решительными сторонниками «мультикультурализма» являлась партия «зелёных», чье влияние на политическую жизнь страны постоянно росло на протяжении 1980 – 1990 – х гг. «Зелёные» появились из многочисленных гражданских инициатив, условно делившихся на «левые», «экологические» и «альтернативные». Движение гражданского протеста ФРГ возникло в ответ на неспособность и нежелание «традиционных» партий, таких как СДПГ, СвДП, ХДС и ХСС отстаивать интересы рядовых граждан как в парламенте, так и на местах. После того, как «зелёные» прошли в парламент страны, демократическое движение гражданских инициатив начало медленно умирать и окончательно выродилось с конца 1990 – х гг., когда партия «Союз 90/ «Зелёные» входила в правящую «красно-зелёную» коалицию с СДПГ. Во многом под влиянием младшего партнёра по коалиции и общемировых социально-политических тенденций «мультикультурализм» фактически превратился государственную идеологию ФРГ. «Зелёные» значительно расширили понимание «мультикультурализма», отстаивая, в частности, право обучения иностранных детей в школах на родном языке и право иностранцев на участие в местных выборах. Кроме этого они требовали предоставления немецкого гражданства всем родившимся в Германии детям и иностранцам в течение пяти лет живущим в стране [15].

Коалиция сменилась на «большую» (СДПГ и ХДС/ХСС), но общее направление движения государственной политики в сторону «мультикультурализма» практически не изменилось. Между тем, проблемы, связанные с ростом некоренного населения в Германии, нарастали. Это и появление гетто в крупных немецких городах, рост преступлений, совершённых иностранцами и этническими преступными группировками, рост напряжённости в социально-экономической сфере, усиление исламского экстремизма. Крупные политические партии старались не замечать эти проблемы, оставляя граждан одних перед лицом наркоторговли, грабежей, убийств, краж и насилия, совершённых иностранцами и лицами некоренных национальностей. Традиционные партийные и государственные структуры могли лишь рассуждать о «пользе мультикультурализма» и «исторической вине немецкого народа» и не обращали внимания на проблемы в школах, где не немецкие дети составляют более 50% в классах и постепенное вытеснение немцев из исторических кварталов Берлина, Гамбурга, Мюнхена, Франкфурта-на-Одере и Дюссельдорфа. Первый значимый тревожный сигнал прозвучал в 2010 г. со стороны видного представителя СДПГ Т. Саррацина, который заявил о провале иммиграционной политики в стране. До этого подобные высказывания могли позволить себе исключительно представители маловлиятельных партий и организаций «справа от центра». Книга Сараццина «Германия самоликвидируется. Как мы ставим на кон свою страну» вызвала всплеск острых дискуссий на всех уровнях и расколовших страну. Неспособность крупных политических партий решить проблемы «простых немцев» вызвала к жизни уже подзабытое явления «гражданских инициатив». Только на смену активистам лево-альтернативного и экологического толков, боровшихся, например, за запрет ночных полётов над населёнными пунктами, легализацию лёгких наркотиков и создание подземных переходов на дорогах для животных, стали возникать группы и движения совсем другого рода. В крупных немецких городах появляются инициативные группы по закрытию приютов для беженцев, являющихся, зачастую, рассадниками бандитизма и наркоторговли, группы добровольцев патрулируют окрестности иностранных гетто. Единственным несдающимся оплотом левых и альтернативных попрежнему остаются немецкие университеты, которые довольно успешно стараются не допустить правых движения «справа от центра» в студенческую среду. Новое гражданское движение перенимает формы и методы лево-альтернативных инициатив 1970-1980-х г. Они действуют «снизу», «от базиса», организуют локальные мероприятия противодействия иностранной преступности и исламистской активности. Наиболее резонансными становятся попытки предотвращения строительства мечетей в немецких городах, акции против ритуального убийства животных или ношения паранджи в публичных учреждениях, попытки публичной демонстрации антиисламских фильмов и т.д. Наиболее известным становится движение «Про» («за»). Одним из первых инициатив такого рода является движение «Про Кёльн», основанное в 1996 г. Маркусом Байзихтом и Манфредом Русом. Позже, подобные группы возникают по всей стране. Своеобразным координационным центром стала созданная в 2005 г. микропартия «За Германию» с центром в Берлине, председателем которой стал Рус. Движением и партией почти сражу же заинтересовалось ведомство по охране конституции, взявшее их под своё наблюдение. Следует отметить, что «За Германию» тщательно дистанцировалось от

любых попыток обвинения в ксенофобии. Так, среди активистов партии были замечены «чернокожие немцы», некоторые из которых даже выдвигались кандидатами на выборах в Бундестаг. «За Германию» старательно копировала формы и методы деятельности демократических гражданских инициатив 1970 – 1980 – х гг. Она «мыслила глобально и действовала локально» организуя акции с небольшим количеством участников, выступающих против конкретных проявлений «мультикультурной реальности». Важнейшие решения принимались на собраниях активистов, регулярно собиравшихся на товарищеские ужины. Каждый из присутствующих, при этом, приносил что-то для общего стола. Любой желающий мог принять участие в этих мероприятиях. Состав участников охватывал представителей самых широких слоёв населения – от рабочих до представителей творческой интеллигенции, от пенсионеров до подростков. Попытки пройти в парламенты разных уровней увенчались успехом только в Кёльне, где движение «За Кёльн» сумело провести нескольких депутатов в городское законодательное собрание.

14 апреля 2013 г. состоялось учредительное собрание новой партии «Альтернатива для Германии» (АдГ). Основатель и руководитель организации Бернд Люке охарактеризовал «Альтернативу для Германии» как «партию нового типа, которая не является ни правой, ни левой и не нуждается в идеологических ориентирах» [1]. На собрании была принята избирательная программа АдГ, в первом пункте которой содержалось требование «организованного роспуска еврозоны», поскольку «Германия не нуждается в евро. Другим странам евро вредит» [11]. Хотя тема «возвращения Немецкой марки», несомненно, была основной, создатели программы постарались обезопасить себя от обвинений в формировании «партии одного требования». На выборах в Бундестаг 2013 г. АдГ не добрала всего 0,3% голосов и большинство аналитиков заговорили о «конце данного проекта». Но уже на выборах в Европарламент 25 мая 2014 г. «Альтернатива для Германии» получила 7,1% голосов [8]. Это вывело молодую партию на совершенно иной политический уровень, с которым вынуждены были считаться «политические тяжеловесы». Немецкая пресса назвала АдГ «главным победителем на выборах в Европейский парламент 2014 г.», поскольку более 900 тыс. избирателей, отдавших голоса евроскептикам, ранее голосовали за этаблированные партии. Так, в лагерь «Альтернативы для Германии» перешло не только 510 тыс. избирателей ХДС/ХСС, но и более 100 тыс. избирателей, ранее голосовавших за «Левых» [18]. Миграционный кризис значительно изменил приоритеты АдГ. Хотя требование отказа от единой европейской валюты и реорганизации ЕС сохранились, на передний план всё больше выдвигалась задачи по ограничению миграции и сохранению немецкой идентичности. Параллельно с «движением сверху» продолжалась консолидация гражданских инициатив «снизу». Центром притяжения при этом стала территория бывшей ГДР, где концентрация мигрантов по сравнению с Западной Германией минимальна. В течение нескольких месяцев после выборов 2013 г. рейтинг АдГ вырос и колебался на уровне 5-6% [16]. В программе АдГ на выборы в Европейский парламент «Мужество ради Германии. За многообразную Европу», темы выхода из зоны евро и преобразования Европейского союза в программе оставались основными. В то же время, миграционная тематика существенно расширилась, хотя откровенных антиисламских тенден-

ций не просматривалось. Так, затрагивалась проблема возможного вхождения Турции в ЕС. В разделе «Сначала консолидация, потом расширение» подчёркивалось, что «Европа имеет географические, культурные и исторические границы, которых должен придерживаться ЕС». Исходя из этого, АдГ считала невозможным вхождение Турции в Европейский Союз и требовала «прекратить все переговоры с Турцией о приёме» [13]. Экономический кризис, начавшийся в 2008 г. обострил многие проблемы во взаимоотношениях между немцами и иммигрантами, а политические потрясения в Северной Африке и на Ближнем Востоке усилили приток нелегалов на территорию страны. Однако власти по-прежнему действовали в духе стратегии мультикультурализма – все партии, входящие в Бундестаг от ХДС до «Левых», в той или иной форме подтвердили свою приверженность политике «гостеприимного общества». Это вызвало ответную реакцию части граждан, посчитавших, что традиционные политические силы не защищают их интересы. Если АдГ создали интеллектуалы с запада страны, то на востоке антииммигрантские процессы поддержали новые группы движения гражданского протеста «снизу». Вечером 10 ноября 2014 г. в Дрездене более 1500 человек вышли на демонстрацию, чтобы «привлечь внимание к опасности исламизма» [11]. Демонстранты потребовали изменить иммиграционную политику Германии по образцу Канады, Австралии, Швейцарии или Южной Африки и призвали к «политике нулевой толерантности по отношению к радикальным религиозным группировкам» [14]. Участники акции не были связаны между собой какими-либо организованными структурами. О демонстрациях люди узнавали, прежде всего, в социальных сетях и от знакомых. На протяжении последующих двух лет акции ПЕГИДА становились всё более массовыми и, охватив всю Германию, начали перебрасываться в другие страны Европы.

Если «альтернативные», «экологические» и «пёстрые» группировки в конце 1970-х гг. объединились на основе общего понимания решения проблем экологии, то немецкое движение гражданского протеста в XXI имеет гораздо больше точек соприкосновения, наиболее перспективными из которых является темы «опасности исламизации Германии» и возврата к немецкой марке. Уже в декабре 2014 г. лидер АдГ Бернд Луке заявил о своей поддержке протестных демонстраций ПЕГИДА: «Они показали, что эти люди не чувствуют понимания своих тревог со стороны этаблированных партий» [5]. В начале января 2015 г. руководство саксонского отделения АдГ пригласило представителей ПЕГИДА на встречу с фракцией партии в саксонский ландтаг [4]. Демонстрации и митинги ПЕГИДА собирали всё больше и больше сторонников. Зачастую их было больше, чем собиравшихся одновременно на «анти-митинги» протестующих сторонников мультикультурного общества, что является достаточно необычным для Германии. Выборы 2017 г. стали своеобразным «моментом истины» для тех, кто был уверен, что после Второй мировой войны прохождение в Бундестаг партии, исповедующей ксенофобские и националистические взгляды невозможно. В 2017 г. АдГ не только прошла в Бундестаг, но и получила неожиданно большое число голосов избирателей – 12,6% [6]. Она вновь сумела привлечь сотни тысяч тех, кто ранее голосовал за ХДС, СДПГ, «Зелёных», а многие вновь созданные ячейки партии в Баварии зачастую

состоят из бывших членов ХСС. Что касается упомянутой выше микро-партии «За Германию», то она просто самораспустилась накануне выборов, «не пожелав составлять АдГ конкуренцию» [2]. Следующим рубежом явилось поражение ХСС на выборах в парламент земли Бавария. На протяжении всего послевоенного времени ХСС за редким исключением формировал в Баварии однопартийное правительство, что представляет собой баварский политический феномен. Начиная с 1970 г. ХСС собирал на земельных выборах не менее 50% голосов избирателей, а 1974 г. и 2003 г. более 60% [10]. Однако14 октября 2018 г. ХСС поддержали 37,2% голосовавших, в то же время АдГ впервые вошла в ландтаг с 10,2% голосов [3]. И хотя «традиционные» партии заявляют, что не станут сотрудничать с «правыми радикалами» ни на каком уровне, когда-то подобные заявления звучали и в отношении «зелёных». Германская политическая система вступила в период радикальных перемен, которые несомненно, должны отразиться на внешней и внутренней политике страны. Бездумный механизм обезличивания и подведения под единые стандарты, будь то идея Европейского союза или «мультикультурализма», дал в Германии сбой. Дальнейшая политика поощрения миграции может только обострить проблему.

Примечания:

1.AfD gegen «Verletzung demokratischer Grundsatze»[Электронный ресурс] http://www.zeit.de/politik/deutschland/2013-04/parteitag-alternative-deutschland(дата обращения:1.07.2016).

2.AfD will Mitglieder von Pro Deutschland nicht haben[Электронный ресурс].URL: (дата обращения:18.11.2018). http://www.spiegel.de/politik/deutschland/pro-deutschland-rechtsextreme-splitterpartei-loest-sich-auf-a-1177617.htm

3.Alle Ergebnisse und Grafiken der Landtagswahl im Uberblick [Электронный ресурс].URL: https://www.welt.de/politik/deutschland/article181917280/Landtagswahl-Bayern-2018-Alle-Ergebnisse-Sieger-im-Ueberblick.html(дата обращения:19.11.2018).

4.Annäherung Sachsen: AfD trifft Pegida-Organisatoren.URL:http://www.spiegel.de/ politik/deutschland/pegida-afd-trifft-organisatoren-am-mittwoch-im-saechsischen-landtag-a-1010987.html (дата обращения:30.06.2018).

5.Bernd Lucke findet PEGIDA gut URL: http://www.zeit.de/politik/deutschland/2014-12/afd-pegida-bernd-lucke (датаобращения:30.06.2018).

6.Bundestagswahl 2017. [Электронный ресурс].URL: https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2017/ergebnisse.html(дата обращения:19.03.2017).

7.Bundestagswahl 1969 [Электронный ресурс].URL: https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/1969.html(дата обращения:15.07.2016).

8.Endgultiges Ergebnis der Europawahl 2014. [Электронный ресурс] https://www.bundeswahlleiter.de/de/europawahlen/EU_BUND_14/ergebnisse/bundesergebnisse/ (дата обращения:15.07.2016).

9.Jeder Vierte wurde auf Fluchtlinge schissen lassen https://www.welt.de/politik/ deutschland/article151900586/Jeder-Vierte-wuerde-auf-Fluechtlinge-schiessen-lassen.html [Электронный ресурс].URL: (дата обращения:10.11.2018).
10.Landtagswahl Bayern [Электронный ресурс].URL: https://wahl.tagesschau.de/ wahlen/2003-09-21-LT-DE-BY/index.shtml(дата обращения:20.08.2018).
11.Mehr als 1500 demonstrieren gegen Islamisierung.URL: https://jungefreiheit.de/politik/ deutschland/2014/mehr-als-1-500-demonstrieren-gegen-islamisierung/(дата обращения:23.09.2018).
12.Mehrheit der Deutschen gegen Einwanderung aus Nichts-EU-Landers [Электронный ресурс].URL: https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2015-02/migration-eurobarometer-deutschland-ablehnung-nicht-eu-laender (дата обращения:10.11.2018).
13.Mut zu Deutschland. Fur ein Europa der Vielfalt. URL: http://afd-basche.de/images/PDF-Dateien/Europaprogramm-der-AfD.pdf(дата обращения:15.07.2016).
14.Positionspapier der PEGIDA.URL: http://i-finger.de/pegida-positionspapier.pdf (дата обращения:19.03.2017).
15.Programm zur Bundestagswahl 1998. Grun ist der Wechsel. Bonn, 1998. S. 120-121
16.Wahlumfragen für die Bundestagswahl in Deutschland. URL:http://www. wahlumfragen.org/bundestagswahl/wahlumfragen_bundestagswahl.php (дата обращения:15.07.2016).
17.Wahlprogramm. Parteitagsbeschluss vom 14.04.2013. S.1. [Электронный ресурс] https://www.abgeordnetenwatch.de/sites/abgeordnetenwatch.de/files/afd_1.pdf (дата обращения:15.07.2016).
18.Wo kaum einer zur Wahl ging [Электронный ресурс] http://www. sueddeutsche.de/politik/fakten-zur-europawahl-wo-kaum-einer-zur-wahl-ging-1.1975410 (дата обращения:15.07.2016).

СОСТОЯНИЕ АНГЛИЙСКИХ ДОЛГОВЫХ ТЮРЕМ В ОТРАЖЕНИИ ОТЧЕТА ПАРЛАМЕНТСКОГО КОМИТЕТА (1729)

И. М. Эрлихсон
РГУ ИМ. С.А. Есенина, г. Рязань, Россия, i.erlihson@365.rsu.edu.ru

Дж. Тревельян называл тюрьмы XVIII столетия «национальным позором», и это, пожалуй, один из самых мягких эпитетов. В английском тюрьмоведении распространены популярные клише «школы порока», «академии преступлений», «рассадники моральной чумы». Известный английский мыслитель Б. Мандевиль в трактате «Исследование о причинах частых казней на Тайберне» [2], анализируя основания для роста преступности и криминализации столицы, отмечает, что причина участившихся казней сокрыта в том числе и в условиях тюремного содержания и методах обращения с теми преступниками, которых все же настигло правосудие – с арестантами Ньюгейта. Подобную характери-

стику условиям Ньюгейта представляет нам автор памфлета, не скупясь на живые образы и «жалящие» метафоры. Мандевиль задается вопросом: что кроме предельного разврата можно ожидать от содержания на малой площади сорока-пятидесяти арестантов, каждый из которых и попал в тюрьму, только «потому, что был худшим из худших?». Все свободное время арестанты оттачивают грани своего ремесла – делятся криминальными секретами, заводят связи и сколачивают новые союзы, гордятся былой славой, окружая себя жуткими легендами.

Описание самой известной английской тюрьмы содержится в романе Д. Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс». В уста своей героини Дефо, сам не понаслышке знакомый с нравами и бытом этого тюремного учреждения, вкладывает страшное своей реалистичностью описание этого места: «Кровь стынет в жилах при одном этом слове…. Шум, рев, вопли, проклятья, вонь и грязь – все мерзости, какие есть на земле, казалось, соединились тут, чтобы сделать тюрьму воплощением ада, как бы преддверием его» [3: 349].

Но если в Ньюгейте в XVIII веке содержались преимущественно «властители Тайберна», чей жизненный путь простирался в направлении двух альтернатив- виселица или высылка в колонии, то Флитская тюрьма и Маршальси эксплуатировались исключительно в качестве долговых тюрем.

В феврале 1728 года парламент назначил специальный комитет, работу которого возглавил мистер Оглхорп. Вмешательство парламента было инициировано продолжающимся на продолжении 1720-х гг. конфликтом между смотрителем и заключенными Флитской тюрьмы. Начавшись из-за разногласий по поводу размеров платежей за содержание в «правление» Джона Хаггинса, конфликт некоторое время пребывал в латентной фазе, и, наконец, вспыхнул с новой силой в марте 1727 года, что стало причиной отставки последнего. Его сменил Томас Бэмбридж, чей необузданный нрав в течение двух лет держал в состоянии перманентного ужаса обитателей тюрьмы, неоднократно, но безрезультатно обращавшихся с жалобами к главному судье Суда общих тяжб Роберту Эйру, пока ситуация не привлекла внимание членов парламента. По итогам работы 14 мая 1729 года был представлен доклад, на основе которого можно реконструировать принципы организации института долговых тюрем в указанный период.

Тюрьма Маршальси находилась в ведении рыцаря-маршала сэра Филиппа Медоуза, который 25 ноября 1720 года назначил смотрителем некоего Джона Дерби. Тот в свою очередь самовольно без ведома рыцаря-маршала передал полномочия в аренду мяснику Уильяму Эктону за 140 фунтов в год за право действовать в качестве временного управляющего и главного надзирателя, и 260 фунтов дополнительно за право сбора ренты с комнат и право продажи пищи и питья.

Подобная практика покупки должностей в качестве долгосрочного инвестирования средств была крайне выгодна для смотрителя тюрьмы, который, впрочем, появлялся в ней крайне редко. Ключевую роль играл помощник смотрителя, который заключал с последним своего рода договор, освобождающий того от ответственности в случае бегства арестантов. В случае, если кто-нибудь убегал, помощник смотрителя мог подать в

отставку, объявить себя несостоятельным и раствориться в лондонских трущобах. Тюремный персонал также включал в себя надзирателей и капеллана.

Тюрьма делилась на два блока для содержания двух классов заключённых: Первая - «Господская сторона» (Master's Side) состоявшая из комнат, в нескольких содержалось не более двух человек, а остальные были довольно уплотнены. Так, как правило, девять человек спали в трех кроватях и каждый из них платил по два шиллинга три пенса в неделю, следовательно, каждая комната приносила недельный доход 1 фунт два шиллинга шесть пенсов. Подобная скученность была питательной средой для разного рода инфекций: так, некая Мэри Трэппс почувствовала себя плохо, и несмотря на жалобы, двум женщинам пришлось делить с ней постель, пока она не испустила дух. У одного из трех человек, арендовавших кровать, был гнойный свищ, что несомненно делало совместное пребывание невыносимым. Но они предпочитали платить солидную ренту, только чтобы не оказаться на «Общей стороне», (Common Side), окруженной высокой каменной стеной и состоявшей из крохотных помещений, где ютилось 330 человек, количество, явно превышающее скромные возможности площади. Так, в камере 16 квадратных футов могло содержаться до пятидесяти человек: «в восемь часов вечера до восьми утра зимой, и с девяти до пяти летом их запирали без возможности покинуть помещение, и потому они вынуждены были справлять естественные потребности в камере, что делало атмосферу невыносимой» [1:4].

Комитетом было установлено, что Уильям Эктон, смотритель Маршальси, арендовавший эту должность у Джона Дерби, виновен во многих серьезных преступлениях и злоупотреблениях своими полномочиями, что выражалось в содержании должников в нечеловеческих условиях, применении к ним варварских наказаний в нарушение законов королевства. Члены комитета зафиксировали ряд эпизодов, вопиющих даже с точки зрения куда более суровых по сравнению с современностью реалий описываемого периода. Так, некий Томас Блисс, плотник, попытался убежать из тюрьмы, но был схвачен. Его жестоко выпороли, держали в цепях несколько недель, а затем вышеупомянутый Эктон устроил для компании своих собутыльников целое представление: ему надели на голову железное устройство и в течение получаса сжимали голову, в результате чего из ушей и носа потекла кровь, раздробили пальцы на руках. Несчастного поместили в госпиталь Святого Томаса, где он находился до самой своей смерти.

Доклад рисует картину абсолютного произвола смотрителей тюрьмы, которые чувствовали себя совершенно безнаказанными и свободными от юрисдикции магистратов и практиковали разного рода методы незаконного укрепления своего материального состояния: Неоднократно указывается, что своими действиями тюремщики нарушали предписания Хабеас Корпус Акта, разрешали заключенным покидать стены тюрьмы, снабжали их фальшивыми векселями, на которые те приобретали различные товары. Так, по «правилам» Флитской тюрьмы некоторые арестанты могли прогуливаться без цепей и без охраны при условии, что у них был ордер на взыскание суммы долга, вменяемой данному арестанту, с оговоркой на обратной стороне, аннулирующей настоящий документ в случае, если не будет предпринят побег. Деньги, которые жертвовали благотвори-

тели, присваивались тюремщиками без зазрения совести. Так, в докладе приводится эпизод, когда в апреле 1728 года некий джентльмен принес в тюрьму сумму от леди, желающей остаться неизвестной, для ликвидации долгов узников за содержание в тюрьме. Печально известный смотритель Флитской тюрьмы Томас Бэмбридж пригласил двенадцать заключенных, составил фамильный список с указанием размера долга. Затем он выразил смиренное согласие принять по три гинеи за каждого и полностью закрыть долговые обязательства. «Но как только за джентльменом закрылась дверь, Бэмбридж продолжил настаивать на уплате долга в прежнем объеме, и не соглашался отпустить узников, прежде чем они не дадут ему векселя на сумму, многократно превышающую три гинеи. Мистер Роберт Фитц-Симмонс, лейтенант, выписал вексель на двадцать семь фунтов, десять шиллингов, как и одиннадцать его собратьев по несчастью» [1:19].

Следует подчеркнуть, что деятельность парламентского комитета началась только потому, что тюремная администрация посягнула на то, что можно условно назвать “конституцией” Флитской тюрьмы, а именно «Древнюю таблицу сборов», принятую на третьем году правления Елизаветы путем заключения соглашения между заключенными и смотрителем Ричардом Тиррелом и узаконенную специальным патентом Карла II в 1667 году. Степень свободы и уровень комфорта обитателей долговой тюрьмы зависела степени коммерциализации учреждения и уровня материального достатка для оплаты пакета «социальных услуг», предоставляемых тюремным персоналом. В Маршальси и Флитской тюрьме система отношений между заключенными и администрацией оттачивалась не одно столетие, и только грубое нарушение последней правил игры стало дестабилизирующим фактором. При этом обращает на себя внимание и то немаловажное обстоятельство, что заключенные, несмотря на численное превосходство и относительную свободу в условиях абсолютного произвола действовали в рамках правового поля и прибегали исключительно к легитимным методам привлечения внимания к проблеме, что свидетельствует о довольно высоком уровне социализации права и правового мировоззрения в указанный период.

Примечания.

1. A report from the committee appointed to require into the state of the goals of the kingdom relating to the Marshalsea prison and farther relating to the Fleet prison with the resolution of the House of Commons. –L., 1729.
2. Mandeville B. An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn (1725) // Free ebooks by Project Gutenberg: http://www.gutenberg.org/files/37650/37650.txt (accessed: 01.07.2016).
3. Дефо, Д. Молль Флендерс. – М: Художественная литература, 1978.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ДЖОНА КУИНСИ АДАМСА В ПРУССИИ В 1797 – 1799 гг.

М. И. Армякова

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, dmifoma@bk.ru

Началом политической карьеры Джона Куинси Адамса стала его дипломатическая служба в Европе. В 1794 году он был назначен послом в Гаагу, а после, во время президентства его отца Джона Адамса, стал первым посланником США в Берлине в 1797 году. Важно отметить, что Соединенные Штаты к тому моменту имели свои представительства лишь в Лондоне, Париже, Гааге, Лиссабоне и Мадриде. Новая миссия в Берлине, самом центре Европы, стала для США одним из ключевых форпостов наблюдения за всеми событиями на международной арене. Организация представительства требовала дополнительных государственных расходов [3: 89] и Сенат одобрил это мероприятие далеко не сразу: он раскололся не из-за того, что Дж. Адамс назначает своего сына, а скорее из-за необходимости создания миссии в Пруссию в принципе. [5: 195-197] Из-за продолжительных дебатов в Палате представителей верительная грамота и инструкции были отправлены достаточно поздно и, в конце концов, 18-го октября 1797 года Дж. К. Адамс отправился в Берлин, [3: 90] а уже 26 октября Дж. К. Адамс прибыл в Гамбург. В своих дневниках он отмечает, что на въезде офицеры допрашивали семью Адамс, не являются ли они эмигрантами. [5: 201] А 7-го ноября, когда они подъезжали к Берлину, некий лейтенант вновь их допрашивал, пока один из его солдат не рассказал ему о далекой стране США: [5: 203] в Пруссии многие даже не догадывались о существовании такого государства.

Официальная цель дипломатической миссии Джона Куинси Адамса - заключить новый торговый договор с Пруссией, так как срок действия соглашения, которое было заключено ранее (в 1785 году), истекал и якобы была необходимость его возобновления.

Дж. К. Адамс прибыл в Берлин 7 ноября и уже на следующий день он желал встретиться с министром иностранных дел Пруссии. Однако проблема заключалась в том, что, как отмечает сам Дж. К. Адамс, там было как минимум три человека, которые влияли на внешнюю политику. Письмо у него было лишь к графу фон Калитчеффу, но его на тот момент не было на месте. Поэтому в тот же день он послал письмо к старейшему из них, графу фон Финкенштейну, [5: 203-204] министру, который был крайне влиятельной персоной еще при Фридрихе Великом и продолжал служить Фридриху Вильгельму II. Уже на следующий день (9 ноября) Дж. К. Адамс был очень вежливо принят графом, которому он и передал копию своей верительной грамоты. На этой встрече граф сообщил ему, что состояние здоровья короля не позволяет ему принять дипломата и что он будет вынужден в Пруссии минимум на несколько месяцев без

полномочий и признания, поскольку вероятность выздоровления короля крайне мала, а верительных грамот на имя его наследника у посла не было, следовательно, необходимо было ждать новых документов.[5: 204]

На следующий день Дж. К. Адамс встретился уже с тем из министров иностранных дел, у которого и была реальная власть: с графом Кристианом фон Хаугвицем. Он, в свою очередь, вернувшись из королевской резиденции Потсдаме, передал Дж. К. Адамсу, что король очень сожалеет о невозможности принять американского посланника из-за своей крайне тяжелой болезни. Вскоре Фридрих Вильгельм II умер (16 ноября 1797) и на трон вступил его сын Фридрих Вильгельм III. Смерть прусского монарха для американского посланника означала, что он, еще даже не представленный королю, должен был находиться в чужой стране без каких-либо полномочий. Сам он действительно сожалел: такое положение дел «не позволяло ему служить своей стране так, как ему хотелось бы».[5: 206] Но позже выяснилось, что прусское министерство иностранных дел уже согласовало его встречу с новым королем, и уже 3 декабря становится известно от графа фон Финкенштейна, что король дал свое согласие принять Дж. К. Адамса. Помимо этого, граф фон Финкенштейн передал ему письмо от короля для президента и вице-президента США, уведомляющее о вступлении Фридриха Вильгельма III на престол, на немецком и французском языках. [5: 206-207]

Из письма Дж. К. Адамса государственному секретарю Т. Пикерингу становится ясно, что министерство иностранных дел Пруссии договорилось о встрече в качестве исключения: США расположены довольно далеко от Пруссии, поэтому доставка новых верительных грамот будет достаточно долгой. Перед встречей предполагалось, что Дж. К. Адамс «выразит свою собственную убежденность в том, что правительство США вышлет новые верительные грамоты, как только будет проинформировано о наследовании престола» Фридрихом Вильгельмом III. [9: 229] То есть, он должен был таким образом дать понять всем первым лицам Пруссии, что США заинтересованы в возобновлении торгового соглашения и в дальнейшем развитии взаимоотношений между двумя государствами.

5 декабря 1797 года Дж. К. Адамс встретился с королем Пруссии. Фридрих Вильгельм III выразил Дж. К. Адамсу уже в приватной аудиенции свою заинтересованность в «поддержании и обновлении дружественной и торговой связи с США» [5: 208], которая «может повлечь за собой взаимную выгоду»[9: 231] для обеих стран. Сам американский посланник отмечает в письме к своему отцу, что его представление прусскому королю было «достаточно неловким», поскольку до этого там не было послов из США, следовательно, там не было никаких знакомых, но даже несмотря на это, его везде очень хорошо приняли. [9: 232-233] И король, и правительство страны были явно довольны таким знаком внимания от США, как созданием миссии в их стране. А непростая ситуация, сложившаяся в связи с верительными грамотами, срок действия которых истек уже через 10 дней после прибытия, разрешилась самим фактом встречи с королем: так Фридрих Вильгельм III признал Дж. К. Адамса в качестве посла, который был уже аккредитован при предыдущем правителе, поставив его «в один ряд с другими послами, которые также еще не получили свои обновленные верительные грамоты».[9: 233]

Основной задачей Дж. К. Адамса в качестве посла в Пруссии было наблюдение за обстановкой в Европе. Уже с первых дней по прибытии в Берлин он заводит знакомство с наиболее влиятельными людьми в государстве, в беседах с которыми он и собирает всю необходимую информацию: в основном о Франции, с которой у Соединенных Штатов в это время разгорался серьезный конфликт. Отправной точкой в нем стал договор Джея между США и Великобританией. Для Франции это соглашение показалось доказательством того, что США не останутся нейтральными в её конфликте с Великобританией, и оно рассматривалось не иначе как измена, разрыв союза 1778 г. [2: 111]

16 мая 1797 г. Дж. Адамс резко осудил действия французского правительства в отношении Ч. К. Пинкни, которого отказались принять во Франции в качестве посла США после заключения договора Джея. Однако президент не хотел дальнейшего обострения отношений. В конце мая он решил отправить на переговоры в Париж делегацию для урегулирования отношений. Было решено, что она будет состоять из трех человек, одним из которых должен быть Пинкни. Президент также предложил, чтобы в ее составе были Джон Маршалл и Элбридж Гэрри. [2: 115] Все три кандидата были одобрены Сенатом и встретились в Париже в 1797 г. [2: 116] Они провели там около трех недель, пока в октябре 1797 года они не встретились с представителями министра иностранных дел Франции Талейрана Ж. Оттингэ и П. Беллами, чтобы урегулировать конфликт между двумя странами. Французские посредники потребовали, чтобы США отказались от своих претензий к правительству Франции, принесли свои извинения за речь президента Дж. Адамса от 16 мая 1797 г. и дали взятку Талейрану размером в 50 тыс. фунтов. Посланники от США отказались выполнить эти требования и кратко изложили в депеше результаты встречи государственному секретарю Т. Пикерингу. После этого от делегации не было никаких вестей, пока они не вернулись в США 4 марта 1798 г. [8: 3]

Де факто произошел разрыв дипломатических отношений, поэтому президент Дж. Адамс мог получать информацию о ситуации во Франции только от собственной сети информаторов, которые находились в Европе, и его сыновья были главными среди них: от них президент напрямую (или через их письма к матери Эбигейл Адамс) получал все сведения [6: 290]. Например, Дж. К. Адамс еще в самом начале 1798 г. предостерегает, что от Директории не следует ожидать «ничего, кроме зла» и иллюстрирует это следующим фактом: во французских газетах с ликованием сообщается о поднявшем мятеж племени Каскаскиа, в газетах представленный как восстание граждан США, которые желают жить только по законам Франции. [9: 235] И уже тогда Дж. К. Адамс отмечает, что французское правительство, зная о нежелании США ввязываться в войну, уже её ведет против бывшей союзницы, не объявив о ней открыто, так как Директория объявила о конфискации любого, даже нейтрального судна, если хоть какая-либо его часть была произведена в Великобритании или её доминионах. [9: 236]

Несмотря на подобные наблюдения и предостережения Дж. К. Адамса, французский посланник в Берлине А. Б. Кайяр относился к нему весьма благожелательно и всячески стремился узнать, зачем же в Пруссию приехал посланник из США. [9: 236] В письме к государственному секретарю Дж. К. Адамс сообщает, что французский посланник по своей инициативе предложил обсудить трудности во взаимоотношениях

между США и Францией в надежде, что все проблемы будут мирно урегулированы, и рекомендовал поддерживать между двумя государствами «гармонию и хорошее взаимопонимание» в их же интересах. Также А. Б. Кайяр подчеркнул, что именно договор между США и Великобританией был единственным препятствием, которое мешало урегулированию взаимоотношений между Францией и США. [9: 237] Однако он не мог ответить, какие именно статьи нарушают их соглашение. [9: 243] Как бы то ни было, Дж. К. Адамс считает, что правительство США не намеревалось портить отношения с Францией и в том же письме государственному секретарю сообщает об уже ранее упомянутом постановлении Директории, подчеркивает, что его последствия обернутся для США пассивной, но не объявленной, войной с Францией, и предостерегает, что вся торговля с Великобританией будет прервана, так как весь импорт из бывшей метрополии будет захвачен и конфискован.[9: 239] В связи с этим Дж. К. Адамс рекомендует найти новых торговых партнеров помимо Франции и Великобритании. [9: 240] Проблема была в том, что найти их было достаточно сложно. Голландия и Испания были союзниками Директории. [4: 586] Что касается северных стран, а именно Швеции, Дании, России, то они, по мнению Дж. К. Адамса, считали постановление Директории нарушением их прав, но ничего с этим не могли поделать, так как они «все, за исключением России, так боялись великой державы [Франции], что они лишь только будут уходить от каждого удара, который она нацелит на них». [9: 242] Но представители Дании же, напротив, давали понять, что они не против установить торговые отношения с США. Он советовал своему отцу обратить внимание на эту страну, поскольку под её контролем находился пролив Зунд и, соответственно, вся торговля на Балтийском море, а значит, и прямая торговля США с Пруссией, или даже Россией и Швецией, была, по мнению дипломата, под контролем Дании. [9: 248]

Однако, это был лишь возможный способ выхода из сложившейся ситуации, причем маловероятный: и Франция, и Великобритания были заинтересованы в том, чтобы сузить контакты США с другими европейскими странами. [9: 250]

Вероятно, Дж. К. Адамс узнал о ситуации с посланниками от США в Париже уже в феврале 1798 г. В своем письме к Э. Герри он, «как каждый истинный американец», воспринял французское отношение к делегации достаточно остро, однако он признал, что «война с Францией должна быть одним из самых неудачных событий, которые могут произойти» с США. Также для Дж. К. Адамса является очевидным то, что эти события приведут лишь к тесному союзу с Англией» [9: 260] и США не смогут остаться нейтральным государством, [9: 264] а также «невозможно было добиться какой-либо договоренности без унижения и позора» для США. [9: 278]

Все требования Талейрана вскоре были опубликованы в мае 1798 г., и в США разразился скандал, получивший название «Дело XYZ». Считается, что именно с этого момента начинается «Квазивойна» или необъявленная война с Францией. [1: 127] Но из переписки Дж. К. Адамса становится ясно, что враждебность между государствами проявилась задолго до публикации. В письме к своей матери Дж. К. Адамс отмечает, что вся эта история была предана огласке по всей Европе и оказала большое влияние на общественное мнение. Директория, по его словам, пыталась себя защитить публикациями в собственных газетах, где в самой жесткой форме порицают США, их президента

и трех посланников.[9: 310-311] Как передает Дж. К. Адамс, Талейран был убежден в том, что публикация — «скверная провокация» со стороны американского правительства.[9: 318]

Мнение Дж. К. Адамса в связи с подобными высказываниями было однозначным: он не считал, что Франция действительно надеется на мир и дружбу с США: невозможно «жить в мире с Америкой и в ответ на ее жалобы по поводу жестокости и грабежа, отвергая её мирных посланников, говорить американцам, что их первые лица слепы и являются рабами Великобритании» [9: 320]. Иными словами, Франция, усугубляла обстановку, не желала решать этот конфликт мирным путем. Более того, по наблюдениям Дж. К. Адамса, во Франции даже были бы рады свержению президента. [9: 323]

Тем временем в самих США правительство Дж. Адамса благодаря мощному всплеску патриотизма после публикации провело ряд антифранцузских мер, которые утвердили состояние «Квазивойны» между двумя государствами. Большинством голосов члены Конгресса приняли решение о прекращении торговых отношений с Францией. Помимо этого, было создано министерство военно-морского флота, были построены дополнительные военные корабли и была создана 20-тысячная регулярная армия. Однако сам президент считал, что Франция не смогла бы организовать высадку в Новом Свете, так как была занята войной в Европе. [1: 127] Также в начале июля 1798 г. все договоры с Францией были объявлены недействительными. [1: 128] Однако со временем президенту стало понятно, что французы не решатся начать открытую войну против США: в течение 1798 г. ситуация существенно не менялась, однако намеки о желании Директории мирно урегулировать конфликт звучали все чаще и чаще. [1: 133] Поэтому в январе 1799 г. президент Дж. Адамс распорядился подготовить проект договора с Францией, а к сентябрю того же года он отдал приказ американской делегации отправиться в Европу для переговоров. [1: 133-135]

Дж. К. Адамс смог выполнить официальную цель миссии в 1799 г. (хотя послом в Пруссии он был до 1801 г.), а именно — подписание нового торгового соглашения только после того, как разрешился конфликт между США и Францией, после чего он отправился со своей женой в путешествие по немецким землям. В силу того, что Пруссия не хотела портить отношения с Францией, а также придерживалась нейтралитета во время Войны второй коалиции, подписание договора о дружбе и торговле она всячески оттягивала. Так Дж. К. Адамс сообщал государственному секретарю Т. Пикерингу: «…Очевидно, что они [министры иностранных дел Пруссии] желают отсрочки. Их мотив…это страх предать Францию». [9: 370] Обсуждение торгового договора началось в мае 1799 г. Судя по дневникам Дж. К. Адамса обсуждение не было долгим и не вызвало каких-либо серьезных споров между сторонами. Соглашение было подписано 11 июля 1799 г., по своему содержанию оно мало отличалось от договора 1785 г. [6: 498]

Несмотря на то, что подписание нового соглашения с Пруссией затянулось, и ни в одной из этих стран не воспринимали отношения друг с другом как первостепенные, нельзя недооценивать важность этой миссии, поскольку благодаря наблюдениям и сообщениям Дж. К. Адамса и других европейских информаторов администрация прези-

дента в итоге взяла курс на разрешение конфликта, а не дальнейшую эскалацию и не на открытую войну.

Примечания.

1. Трояновская М. О. Дискуссии по вопросам внешней политики в США (1775- 1823). – Москва: Весь Мир, 2010.
2. Bemis S.F. A Diplomatic History of The United States. N. Y. 1955.
3. Bemis S.F. John Quincy Adams and the foundations of American foreign policy. – New York: Norton, 1973
4. Lefebvre G. La France sous le Directoire (1795-1799). Paris: Ed. soc., 1978
5. Memoirs of John Quincy Adams, comprising portions of his diary from 1795 to 1848/Ed. by Ch. F. Adams - Philadelphia, 1847. Vol. 1
6. Perl-Rosenthal N. Private Letters and Public Diplomacy: The Adams Network and the Quasi-War, 1797-1798 // Journal of the Early Republic, Vol. 31, No. 2 (Summer 2011)
7. Reeves J.S. The Prussian-American Treaties. The American Journal of International Law, Vol. 11, No. 3 (Jul,1917).
8. Stinchcombe W. The XYZ Affair. London. 1980
9. Writings of John Quincy Adams/Ed. by W. Ch. Ford. N. Y., 1913. Vol. 2.

МАРШ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА В ВАШИНГТОНЕ 28 АВГУСТА 1963 г.

Е. С. Барышева

ВлГУ, Владимир, Россия, E-mail: BarishewaLena@yandex.ru

Проблема расовой дискриминации является одной из важнейших в истории американского общества на протяжении всего его существования. В 2013 г. США сотрясла новость об убийстве афроамериканского подростка, тогда тысячи людей по всей Америке вышли требовать равноправия между белыми и афроамериканцами. Даже в XXI в. эта проблема не уходит с политической арены США и потому сохраняет научный интерес. Целью исследования является выявление значения марша в Вашингтоне 28 августа 1963 г. как важнейшего события в борьбе за права афроамериканского населения Америки.

В американской историографии проблеме расизма, и конкретно данному маршу посвящено большое количество работ. В частности, известное исследование Г. Аптекера «История афроамериканцев. Современная эпоха» обращает внимание на то, что марш в Вашингтоне был одним из конкретных воплощений борьбы против расизма и колониализма, подчеркивал важность единства всех борющихся сил [1: 245]. Следует отметить труд Кеннета Уолша «Семья свободы. Президенты и афроамериканцы в Белом доме» [14], научное исследование Патрика Басса «Как могучий поток. Марш в Вашингтоне» [19]. В монографии «Марш в Вашингтоне. Рабочие места, свобода и забытая история гражданских прав» Уильям Джонс отмечает, что марш в Вашингтоне кардинально изменил взгляды американцев на расовое неравенство [13: 11]. По мнению Д.

Макинери, высказанному в работе «США: история страны», логическим завершением первой фазы движения за гражданские права стали два закона, принятые администрацией Линдона Джонсона в 1964 и 1965 гг. [5: 105].

В советской историографии афроамериканской проблеме расизма было посвящено немало исследований. Можно выделить монографию И. А. Геевского «США: негритянская проблема. Политика Вашингтона в негритянском вопросе (1945-1972 гг.)», которая посвящена политике правящих кругов США в отношении афроамериканского населения в послевоенный период. Автор рассматривает положение афроамериканского населения, основные этапы освободительной борьбы афроамериканского народа, программу и деятельность ведущих афроамериканских организаций [2]. Э. Л. Нитобург в работе «Афроамериканцы США XX век» отмечал, что марш в Вашингтоне показал, что движение за гражданские права приобрело почти общенациональный характере и единую программу [6: 287]. В. Киселев в работе «Ненасильственный опыт движения за гражданские права в США» называет марш в Вашингтоне откровением для миллионов американцев [3]. Однако современная российская историография не уделяет должного внимания проблеме афроамериканского освободительного движения.

Через столетие после отмены рабства в США в 1960-х гг. население все еще продолжало делиться на черное и белое и имело неравные права. Вместе с тем 83% белого населения уже в 1963 г. отмечали, что афроамериканцы должны иметь абсолютно такие же права, как и белое население [13: 10]. Марш на Вашингтон был одним из ключевых моментов борьбы афроамериканцев за независимость.

После крупного митинга в Бирмингеме 3 апреля 1963 г. администрация Дж. Кеннеди все еще колебалась в вопросе о необходимости принятия нового законодательного акта о гражданских правах. 11 июня 1963 г. Джон Кеннеди в своем обращении к народу Америки признавал, что столетие спустя после освобождения рабов их потомки до сих пор не полностью свободны, «так как связаны оковами несправедливости, социального и экономического угнетения». Он полагал, что Америку «можно будет назвать полностью свободной только тогда, когда станут свободны все ее граждане» [23]. Однако конкретные предложения администрации носили ограниченный характер и не соответствовали этой риторике. Они не предусматривали ликвидации социального и экономического угнетения афроамериканского народа, не учитывали ряда требований афроамериканского движения, а именно: включения в законопроект пунктов о запрещении сегрегации во всех общественных местах, о справедливом найме, о лишении федеральной помощи любого ведомства, практикующего расовую дискриминацию [6: 179]. Недовольная таким положением дел, Конференция южного христианского руководства 11 июня 1963 г. объявила о планах демонстрации за гражданские права в Вашингтоне [9: 1]. Ее глава М. Л. Кинг, вице-президент Американской федерации труда Филипп Рэндольф, исполнительный директор Национальной городской лиги Уитни Янг, председатель Студенческого ненасильственного координационного комитета Джон Льюис, директор Конгресса расового равенства Джеймс Фармер, лидер Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения Рой Уилкинс объединили свои силы в организации марша. Это беспокоило Дж. Кеннеди и Конгресс и на 22

июня 1963 г. была назначена встреча в Белом доме, после которой Дж. Кеннеди сказал: «Если мы не можем остановить это, мы будем управлять этим» [9].

2 июля 1963 г. М. Л. Кингом и Ф. Рэндольфом была организована встреча «Большой шестерки», на которой был принят план марша и впервые утверждено его название «Марш за рабочие места и свободу» [20: 7]. Рой Уилкинс, лидер Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, крупнейшей и в то время наиболее финансируемой организации, заявлял, что не будет участвовать ни в одном мероприятии, которое включает в себя любую форму гражданского неповиновения. Марш не мог состояться без финансовой поддержки НАСПЦН, из чего был сделан вывод, что на марш в Вашингтоне необходима санкция властей, которая вскоре была получена [9: 3]. Лидерами марша были выдвинуты требования о всестороннем и эффективном законодательстве о гражданских правах для гарантирования всем американцам права голоса, адекватного и полного образования, достойной заработной платы, полного доступа ко всем общественным местам; удержание федеральных средств от всех программ, в которых существует дискриминация; десегрегация всех школ; принятие национального закона о минимальной заработной плате, которая даст всем американцам достойный уровень жизни и др. [16: 3]. 13 августа 1963 г. Ф. Рэндольф направил Дж. Кеннеди письмо, где написал о том, что 28 августа организаторы – спонсоры были бы глубоко благодарны встрече с президентом для обсуждения реализации требований марша [15].

28 августа 1963 г. в Вашингтоне у Национальной аллеи собралось около 250 000 тысяч протестующих разных рас, чтобы продемонстрировать полную поддержку афроамериканцев. Организаторы марша ставили перед собой большое количество задач, от издания публикаций о марше в прессе до организации автобусного движения. Была выпущена брошюра, в которой были прописаны инструкции для демонстрантов: почему был необходим этот марш, требования к правительству, как добраться до Вашингтона, расписание марша [17].

Программа марша была четко спланирована, каждый из представителей организаций – спонсоров получил свое слово. Самым первым выступал один из идеологов марша Ф. Рэндольф, указав, что присутствие протестующих на этом марше - лишь первая волна: «Когда мы уйдем, революция за гражданские права будет продолжаться из каждого уголка Земли, и мы будем возвращаться в Вашингтон во все возрастающем количестве, пока мы не обретем полную свободу» [19: 126]. Затем Джон Льюис отмечал что, впервые за сто лет американская нация осознала тот факт, что сегрегация является злом, и что она должна быть уничтожена во всех формах [11]. Лидер объединения рабочих автомобилистов Уолтер Рейтер говорил об американской демократии, обращая внимание на то, что она находится под пристальным вниманием всего мира и будет лишена моральных устоев и будет недостойной руководить силами свободы против сил тирании, если не предпринять смелых, позитивных, адекватных шагов для преодоления морального разрыва между благородными обещаниями американской демократии и ее неудачной практикой в области гражданских прав. Затем свои выступления представили председатель Конгресса расового равенства Флойд МакКиссик, глава Национальной городской лиги Уитни Янг, лидер НАСПЦН Рой Уилкинс, который сообщил о смерти

афроамериканского общественного деятеля Уильяма Дюбуа и посвятил воспоминаниям о нем все выступление. Последним докладчиком был М.Л. Кинг. Его речь «У меня есть мечта…» стала самой известной за всю историю движения за гражданские права. М. Л. Кинг говорил медленно, четко следуя заранее подготовленному тексту. «Я знал, что это хорошее выступление, - вспоминал впоследствии Джон Люис, - однако оно не было так сильно, как были другие его выступления. Когда он подошел к своим последним словам, казалось, что он уже не знает их и говорит от души. Теперь его речь была сильна настолько, как не была никогда [11].

Когда он завершал свое выступление словами: «Возвращайтесь в Миссисипи, возвращайтесь в Алабаму, возвращайтесь в Луизиану, возвращайтесь в трущобы и гетто наших северных городов, зная, что так или иначе эта ситуация может измениться и изменится. Давайте не будем страдать в долине отчаяния», американская певица Махалия Джексон, которая стояла позади него, крикнула: «Расскажи о своей мечте, Мартин!» [8]. Таким образом, ставшая впоследствии знаменитая речь «У меня есть мечта…» не была запланирована. Выйдя из рамок своего подготовленного выступления, М. Л. Кинг продолжил: «Я говорю вам сегодня, друзья мои, что, несмотря на трудности и разочарования, у меня есть мечта. Это мечта, глубоко укоренившаяся в Американской мечте. …У меня есть мечта, что настанет день, когда все низины поднимутся, все холмы и горы опустятся, неровные местности будут превращены в равнины, искривленные места станут прямыми, величие Господа предстанет перед нами и все смертные вместе удостоверятся в этом. Такова наша надежда. Это вера, с которой я возвращаюсь на Юг.» Закончилось знаменитое выступление словами «Когда мы позволим свободе звенеть, когда мы позволим ей звенеть из каждого села и каждой деревушки, из каждого штата и каждого города, мы сможем ускорить наступление того дня, когда все Божьи дети, черные и белые, евреи и язычники, протестанты и католики, смогут взяться за руки и запеть слова старого негритянского духовного гимна: "Свободны наконец! Свободны наконец! Спасибо всемогущему Господу, мы свободны наконец!» [4].

Речь была настолько яркой и выразительной, что смогла даже поколебать устои консервативно настроенных американцев. «Речь вдохновила меня понять, каково мое место в “революции”. Когда я вернулась и поступила в колледж, я стала волонтером в Гарлеме. … Именно он [М. Л. Кинг] вдохновил меня на эту работу», - вспоминала участница марша Ф. Кортез [10]. Затем Ф. Рэндольф прочитал требования протестующих. Программа была закончена с благословения президента Морхаузского колледжа Бенджамина Майса.

«Успех марша поставил администрацию Кеннеди на место», - отмечал позднее Байрад Растин [7]. Таким образом, марш в Вашингтоне послужил мощным толчком к принятию в США двух важнейших в афроамериканском освободительном движении законов, направленных против расовой сегрегации. Это были Закон о гражданских правах 1964 г., запрещавший расовую дискриминацию в сфере торговли, услуг и при приеме на работу и Закон об избирательных правах 1965 г., который устанавливал равные права на выборах для всех афроамериканцев.

Примечания:

1. Аптекер Г. История афроамериканцев. Современная эпоха / Г. Аптекер. - М.: Прогресс, 1975. — 277 с.
2. Геевский И.А. США: негритянская проблема. Политика Вашингтона в негритянском вопросе (1945-1972 гг.)/ И.А. Геевский. - М.: Наука, 1973. - 349 с. Киселев В. Ненасильственный опыт движения за гражданские права в США (50-е — 60-е гг.) [Электронный ресурс] / Под ред. Р. Г. Апресяна. — Москва: Аслан, 1996. — С. 280. Режим доступа: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:1qJKa52JBhkJ:https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/N/3.html+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ua&client=opera (дата обращения: 24.11.2018)
3. Киселев В. Ненасильственный опыт движения за гражданские права в США (50-е — 60-е гг.) [Электронный ресурс] / Под ред. Р. Г. Апресяна. — Москва: Аслан, 1996. — С. 280. Режим доступа: https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:1qJKa52JBhkJ:https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/N/3.html+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ua&client=opera (Дата обращения: 28.02.2018)
4. Кинг М.Л. Есть у меня мечта… Избранные труды и выступления. — М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА», 1970. — 225 с.
5. Макинери Д. США: история страны / Д. Макинери. – М.: Эксмо –пересс, 2009 – 303 с.
6. Нитобург Э.Л. Афроамериканцы США XX век/ Э.Л. Нитобург. – М.: Наука, 2009. – 600 с.
7. Bayrad Rustin., The meaning of the March on Washington [Электронный ресурс]//Liberation. – 1963. URL: https://www.crmvet.org/info/mowrust.htm (дата обращения: 24.11.2018)
8. Bob Zellner. The March on Washington [Электронный ресурс]//Civil Rights Movement Veterans. URL: https://www.crmvet.org/info/zellner1.htm (дата обращения: 24.11.2018)
9. Bruce Hartford. The March on Washington for Jobs and Freedom [Электронный ресурс]/ Civil Rights Movement Veterans. URL: https://www.crmvet.org/info/mow.pdf (дата обращения: 24.11.2018)
10. Fatima Cortez. Any Kind of revolution is about change. [Электронный ресурс]// Yahoo News. August 27, 2013. URL: https://www.crmvet.org/info/mowcortz.htm (дата обращения: 24.11.2018)
11. John Lewis. Original speech of John Lewis. August 28, 1963[Электронный ресурс]//Civil Rights Movement Veterans. URL: https://www.crmvet.org/info/630828_sncc_jl_mow.pdf (дата обращения: 24.11.2018)
12. Jonathan Rieder. The Word of the Lord Is Upon Me: The Righteous Performance of Martin Luther King, Jr. [Электронный ресурс]// The Belknap Press of Harvard University Press. - April 4, 2008. P. – 409 URL: https://www.goodreads.com/book/show/2826393-the-word-of-the-lord-is-upon-me (дата обращения: 24.11.2018)

13. Jones, William P. The March on Washington: Jobs, Freedom, and the Forgotten History of Civil Rights [Электронный ресурс]/New York. W.W. Norton, 2013. P. - 296 URL: https://play.google.com/books/reader?id=hNbOCgAAQBAJ&hl=ru&pg=GBS.PT4 (дата обращения: 24.11.2018)
14. Kenneth T. Walsh. Family of Freedom. Presidents and African – americans in the White House. [Электронный ресурс]/ New York. Routlege, 2014. P. – 344 URL: https://www.goodreads.com/book/show/10337570-family-of-freedom (дата обращения: 24.11.2018)
15. Letter from A. Philip Randolph to President Kennedy, August 13, 1963.: [Электронный ресурс]// John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/august-13-1963-letter (дата обращения: 24.11.2018)
16. March on Washington program: [Электронный ресурс]// John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKWHCNF/1478/JFKWHCNF-1478-015 (дата обращения: 24.11.2018)
17. March on Washington. Newsletter. [Электронный ресурс] URL: https://www.crmvet.org/docs/mownews2.pdf (дата обращения: 24.11.2018)
18. March on Washington. Organizing manual. [Электронный ресурс] URL: https://www.crmvet.org/docs/moworg2.pdf (дата обращения: 24.11.2018)
19. Patrick Henry Bass. Like A Mighty Stream: The March On Washington / Patrick Henry Bass. – Philadelphia: Running Press, 2002. – P. - 160
20. Propose statement in response to the demonstration: [Электронный ресурс]// John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKPOF/106/JFKPOF-106-013 (дата обращения: 24.11.2018)
21. Proposed Plans for March [Электронный ресурс]/ Civil Rights Movement Veterans. URL: https://www.crmvet.org/docs/6307_mow_proposedplans.pdf (дата обращения: 24.11.2018)
22. Roy Wilkins. March on Washington. Mobilization letter. NAACP. July 30, 1963. [Электронный ресурс] URL: https://www.crmvet.org/docs/6308_naacp_mow.pdf (дата обращения: 24.11.2018)
23. TELEVISED ADDRESS TO THE NATION ON CIVIL RIGHTS [Электронный ресурс]/ John F. Kennedy Presidential Library and Museum. URL: https://www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/historic-speeches/televised-address-to-the-nation-on-civil-rights (дата обращения: 24.11.2018)

ТЕМА ГРЕХА И ВОЗДАЯНИЯ В ПРОПОВЕДЯХ СЕРАПИОНА ВЛАДИМИРСКОГО

С. Д. Бебинг
МГУ им. Ломоносова, Москва, Россия, sophy.wisdom@gmail.com

XIII век на Руси был ознаменован поистине эпохальными событиями, вошедшими в фундамент той парадигмы развития, которая привела наше государство от удельной Руси к Государству Российского. Элементы философии, сформировавшейся внутри этой парадигмы, навсегда вошли в черты нашего самосознания. Русь стояла на пересечении всевозможных явлений: от угрозы воинственного военного вторжения кочевников до культурного влияния Византии и стран Западной Европы. Богатая языческим наследием восточнославянских племен, Русь вовсю осваивалась в своей ипостаси преемницы христианской веры, одновременно раздираемая изнутри политическими противоречиями. Все происходящее вокруг оседало в умах людей, в их мировоззрении, изливаясь в прекрасных литературных памятниках, дошедших до современных поколений. Опираясь на пестрый набор разнообразных заимствований из разнообразных культур, древнерусские книжники пытались по-своему осмыслить и передать своей аудитории дух времени. Одним из ярчайших примеров подобного осмысления являются проповеди святителя Серапиона Владимирского. Попытаемся узнать рефлексию общества на протекающие в первой половине XIII века процессы: какие исторически сложившиеся пороки человечества выявляет проповедник в литературном памятнике «Слова» и какова степень их взаимодействия?

Объектом нашего исследования выступает мотив наказания божьего за человечески грехи в проповедях Серапиона Владимирского; для наиболее полного анализа следует раскрыть внутренние противоречия древнерусского общества, обличенные в проповедях Серапиона Владимирского.

В первую очередь, необходимо выявить общие характерные черты духовного мира и кругов общественности XIII века. Творчество епископа Владимирского как культурно-исторический феномен и его место в канве современных ему событий также требует изучения. Из этого следует, что проповеди Серапиона Владимирского нужно использовать как отражение происходящих процессов социума и переломных моментов в мировоззрении общества того времени.

Данное исследование основывается прежде всего на анализе конкретного исторического памятника. Помимо смыслового значения и символической роли памятника стоит обратиться и к его литературно-изобразительным особенностям. Работа затрагивает время расцвета деятельности Серапиона Владимирского и его проповедничества, то есть вторую треть XIII века; условным окончанием периода следует считать 1275 г. – предположительное время смерти Серапиона. О личности епископа Владимирского известно не так много, что не наносит существенного ущерба исследованию - намного существеннее факт политического абстрагирования и отвлеченности, а также выражение чувств и настроений образованного общества того времени.

Источники по истории Древней Руси периода XIII в. даже в наше время нельзя охарактеризовать как немногочисленные, а если исходить из того, что это лишь малая часть большого блока русской литературы XI—XIII вв., перед нами начинает раскрываться все богатство духовного русского мира того периода.

Анализируя наш источник, следует принять во внимание традиционные особенности источниковой базы по древнерусской истории: малая сохранность источников, преимущественный летописный и духовный характер, религиозная риторика публицистических произведений (черта, характерная для средневекового общества в целом), большое количество различных списков и редакция и возникающая из этого трудность в определении первого оригинала. Серапиону Владимирскому приписывается 7 произведений в жанре «слова», достоверность 5 из которых подтверждена. [8: 126-136] [12:3]

Многовековая история нашего государства, переполненная разнообразными событиями самого разнообразного толка, оставила для созерцания грядущим поколениям достаточно малое количество источников. Период второй половины XIII в., в рамках которого протекает исследование, является важным рубежом в истории государства. Помимо заката Киевской Руси и перехода к эпохе раздробленности, Русь подвергается невиданному внешнему вторжению, соответственно во всех сферах жизни общества и государства коренным изменениям как внутри, так и извне. Параллельно накладываются процессы христианизации и закладывания русской ментальности.

Любое историческое событие влечет за собой осмысление произошедшего современниками и последующими поколениями. События 30-40 г. XII века являлись поистине беспрецедентными. Более того, историк В.Н Топоров в своей двухтомной работе «Святость и святые» характеризует это время как «кровавый рубеж» [16: 205], разделивший всю Русь на две части, две полосы, две эпохи. Рати Батыя нарушили течение жизни в неисчислимом количестве городов: порядка 49 крупнейших культурных и политических центров было подвергнуто разорению [17: 56-78]. Процессы обновления, восстановления, передислокации культурных и политических ядер растянулись на значительное время. Прямым следствием политического разорения является смещение культурной жизни на более спокойный северо-восток Руси [1: 10]. Помимо зарождения абсолютно новых мотивов и направлений древнерусской литературы происходит ее децентрализация.

Д.С. Лихачев охарактеризовал творчество XIII века как «литературу трагического века в истории России»[2: 15]. Все происходящее, в кратких или же подробных формах вошло во многие летописные повествования, доводя ужас происходящих событий даже до современного читателя. Часть событий стала основообразующей для таких монументальных трудов как «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повесть о Николае Заразском» и др. Однако эмоциональная окраска источников говорит о них скорее как об отражении внутренних переживаний и конфликтов, нежели как о достоверном запечатлении исторических событиях как таковых. Именно поэтому, основываясь лишь на летописном материале, мы можем говорить о неких эсхатологических мотивах и зарождении теории «казней божьих». В летописях Батый предстает нам не как выдающийся полководец; «он-лишь орудие в руках бога» [16: 215]. Поражение половцев – традиционных врагов Руси -рассматривается с точки зрения их неверия, в качестве

наказания за языческие взгляды. Однако сама Русь продолжала терпеть вторжения, после недолгого периода отсутствия военных действий, уже во второй половине XIII в. произошел второй этап утверждения монгольского владычества, выразившийся в многочисленных походах монголов на Русь, во время которых вновь пострадали только отошедшие от первой волны города. Повторные испытания лишь укрепляют тему Суда и предстоящих мучений человечества, звучащую с каждым годом все громче. Таким образом, можно говорить о том, что проповеди Серапиона базируются на проявившихся гораздо ранее идейных течениях, а также что его творчество действительно являлось рефлексией на вызов времени.

Концепция существования древнерусского общества исторически задавалась религиозным восприятием окружающего. Русь издавна была местом пересечений как торговых путей, дорог, путей паломничества, так и традиций, идей, взглядов. Усвоение новых понятий, привносимых Востоком и Западом, сочеталось с уходившим вглубь истории собственным фундаментом. Каждый новый элемент нес свою определенную функцию, значение, которое ни в коем случае не должно было идти в противоречие с уже имеющейся парадигмой. Сложное переплетение разнообразных течений, имеющих самые разнообразные корни, от Византии до эллинизма, являет собой всю пестроту русской культуры. Вобрав в себя инородные элементы, самобытность древнерусской культуры не потеряла собственную уникальность, а затем и предопределила дальнейшее существование приняв новую веру.

Процесс христианизации Руси нельзя ни точно датировать, ни очертить его сферу воздействия. Смена парадигм существования происходила на протяжении длительного временного промежутка, пронизывая весь существующий быт и сознание неофитов [4: 4]. Христианство прежде всего задавало фундаментальный базис: систематизировало повседневную жизнь средневекового человека, устанавливало жизненные ориентиры, устраивало земную иерархию [6: 226]. Именно христианство ввело неизвестный язычеству элемент воздаяния [6: 230], который зависел от вариативности поступков человека в течении своей жизни. Генезис древнерусского религиозного самосознания с самого начала нашел отражение практически во всех культурных памятниках того времени, по которым мы можем восстановить динамику культурного сдвига.

Проблематика символизма и знамений является ярким наследием предшествующей христианству эпохи. Самой идее о предопределении, лежавшей в основе христианства, чужды мистицизм и знаковость в окружающей обстановке. Однако в синкретичной культуре мистико-символические объяснения встречаются довльно часто. Толкование природы как естественного источника является вполне типичным для литературы периода раздробленности явлением [7: 21]. Каждое природное явления трактуется с позиции определенного посыла для человечества, некий знак или урок, посланный свыше. Именно поэтому в своем первом «Слове» Серапион обращается к событиям 1230 года, а именно землетрясению, поразившему южную Русь и сопровождавшемуся двухлетним голодом и мором [15: 17]. Наложившись на иноземное вторжение, никак кроме божьего наказания, он истолкован был не мог.

Проблема двоеверия является сквозной для всех произведений изучаемого нами автора, что проявляется в названии одного из произведений: «Слово блаженного Сера-

пиона о маловерии». Проповеди святителя несут для нас крайне важную информацию о морально-нравственном состоянии общества [14: 451]. Мы видим прямое указание на сохранение суеверных предрассудков в умах людей, а также на распространенность языческих обрядов. [6: 548]

В своем последнем поучении Серапион идет еще дальше, он проводит сравнение русского народа с «неверными», то есть самими захватчиками, татарами [14: 454]. Сама идея противопоставления уже прослеживалась в других сочинениях, например, Максима Грека; [6: 559] однако в данном контексте проповедник использует прием как крайнее средство, чтобы указать верующим на собственное языческое «поганство».

Таким образом мы можем сделать вывод, что благодаря конкретике, внесенной Серапионом в свои позднейшие проповеди, мы видим используемую им убедительную аргументацию, а также действительно можем трактовать его труд как реальный исторический источник в сфере духовных и социальных исследований.

Личность Серапиона и образцы его творчества, как правило, пребывают в тени его современников: митрополита Илариона и Кирилла Туровского которые, по мнению многих, являются образцами классического торжественного красноречия. Говоря о памятниках, посвященных политической ситуации тех лет, на ум приходят прежде всего «Слово о погибели Русской земли», наполненное скорбью о былом величии, или же «Слово о полку Игореве». Все они, безусловно, являются достойными представителями эпохи, однако несправедливо затмевают другие прекрасные произведения.

На протяжении многих веков Русская Церковь играла консолидирующую роль в жизни общества, а порой оставалась единственным центром сохранения идеи единства русского народа. В XIII веке ее объединительная функция как никогда ранее стала востребованной, требуя реализации во всех сферах: от духовной до материальной. Представители церковных дел должны были не просто быть утешителями народа на трудном жизненном пути, но и являться образцами, на которые ориентировались и равнялись.

Необходимо в этом свете упомянуть Владимирский собор 1274 года, на котором, Серапион и был избран епископом Владимирским [9: 442-445]. Там же были приняты многие постановления, касающиеся, то есть морального облика церковных деятелей и канонического права в целом [5: 463].

Произведения на нравственно-религиозные и церковно-устроительные темы являются характерными для периода средневековой Руси. Проводя систематическое исследование этой среды, невозможно обойтись без задействования гомилетики - науки о церковной проповеди, ее теоретической части и божьих проповедниках. [13: 25] Главным предметом гомилетики является проповедническая деятельность, ее внешний и внутренний характер. Благодаря своей простоте и искренности, проповедничество обладает мощной нравственной силой и служит воспитательным и образовательным задачам, реализуя свою спасительную функцию. Повлиять на чувства людей, донести до верующих открывшееся избранному божественное учение – вот в чем состоит сущность проповедничества. Дар учительства Серапиона, наряду с даром слова [13:26], оба из которых прекрасно иллюстрируются творчеством святителя, является исключительным. В любой проповеди решается несколько задач: речь должна быть одновременно

назидательна, содержательна и понятна. «Слово» является одной из форм церковной проповеди, характеризующейся наиболее правильным логическим построением и чистотой мысли. Она прежде всего должна быть уместна, то есть опираться на те факты и события, которые волнуют души людей в момент создания проповеди [13: 29]. Чаще всего памятники торжественного красноречия были приурочены к событиям общественно-политического характера [13:29]. Духовная деградация и упадок на фоне национальной опасности повлекли за собой острую необходимость в личности, обличившей бы порочность происходящего и указавшей верный путь.

Красноречие в виде устной формы, как правило, противопоставляется письменным памятникам. Однако церковное красноречие считается одной из важнейших частей письменной гомилетики Древней Руси и наиболее ярко выраженно именно в литературе. Характерной особенностью для Руси являлось отсутствие частых практик публичных ораторских выступлений, вместо которых были распространены письменные памятники, возможно даже оформленных в нестандартных формах. Они были рассчитаны на длительное размышление, обращены к людям осведомленным, знающим книжную мудрость. Это во многом объясняет обращение авторов к классическим религиозным памятникам, Библии, множественные заимствования (как стилистические, так и смысловые) из византийских источников. Однако при таком богатом привлекаемом материале, древнерусским мыслителям присуще совершенно иное осмысление действительности. Традиционализм и близость к народу, бережное отношение к его прошлому – вот характерные особенности этого жанра в Древней Руси. Все они лежали в основе достижения главной цели: полностью донести свой посыл до слушателя.

В соответствии с традицией красноречия, «Слова» написаны в виде обращения автора с призывом к пастве. Главное требование для церковного жанра проповеди: краткость и ясность, на мой взгляд, вполне им соблюдены. Памятники торжественного красноречия зачастую изобилуют обилием единоначатия, символов, нагромождениями синтаксических конструкций и восклицаний. В ходу было широкое использование таких тропов как метафора, перифраз, использование длинных перечислений. Ничего аналогичного у Серапиона мы не находим. В частности, для простоты понимания Серапион исключает бытоописательный материал. Поучения святителя Серапиона отличаются простотой изложения, они гораздо доступнее образцов ораторства у Илариона и Кирилла Туровского, творчество которых обычно приводят в качестве классического примера.

Словесный материал стройно и ритмически организован [14:443]. Однако для стиля в целом не характерна симметрия текста, «Слово» по-своему оригинально и неповторимо.

Особенность изучаемого нами риторического произведения –цикличность. Она выражается на протяжении всех текстов как «микроповторами» в виде отдельных слов, сочетаний звуков, стилистическом единстве, так и в «макроповторах», находящих отражение в общей идейной наполненности [6: 525].

Серапион взывает к своим слушателям отеческой любовью. Такие обращения как «братья», «дети мои» [14: 440-455] - наиболее распространенные в поучениях Серапиона. В своих трудах святитель активно использует риторику пастырства, осознан-

но возлагая на себя обязанность заботиться о своем народе, покровительствовать его духовному спасению.

Татаро-монгольское нашествие представлялось поистине крупнейшей трагедией. В то же время, именно это событие как нельзя ярче показало развитие русской ментальности в кризисные моменты.

Мотив мученичества и одиночества был верным спутником русской системы взглядов на протяжении долгих веков, находя отражение практически во всех памятниках культуры, лишь варьируя свою форму. Так, первые зачатки идеи о воздаянии, достигшей своего апогея в творчестве Серапиона, мы можем заметить в самых ранних дошедших до нас источниках: Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Именно там впервые заметны эсхатологические и апокалиптические мотивы, в силу чего начальную стадию формирования данной идеи можно датировать 20-ми гг. XII в.

Морально-нравственный аспект теории являлся доминирующим. Теория «казней божьих» вплоть до XV века являлась отголоском основной концепции «малой эсхатологии», восходящей к византийскому наследию. Являясь второстепенным элементом в русской православной культуре, она постепенно уступает главенствующую роль «большой эсхатологии» [11: 57]. На сцену выходят новые действующие лица, формирующие идеологию, в том числе протопоп Аввакум и Симеон Полоцкий. Этого, безусловно, требовало социальное поле, на которое накладывались исторические события, влекшие за собой формирование новых этапов в самосознании и глубокие переживания в человеческих душах. Появление того или иного направления было продиктовано несколькими факторами, прежде всего необходимостью объяснения для самих себя цепочки происходящего вокруг и уже имевшимся историческим контекстом. Теория «казней божьих» это скорее способ осмысления, преследующий социально-политические цели, нежели философская доктринальная концепция.

Прежде всего данная теория выражалась в практическом применении: предписывала принимать бедствия как путь к исправлению и конечному спасению души. В отличие от предшествовавших летописцев, Серапион довольно четко формулирует идеологию «ордынского плена» [3: 30-43], в которой слышится мотив непротивления и покорности судьбе. Ко времени XIV-XV вв. исторический процесс видоизменил принцип божественного попечительства постепенно до теории предопределенности и покорности божественной воле, что скорее носило вновь политический характер, так как было выгодно для государственного аппарата. Теория «казней божьих» стоит у основ формирования дальновидной «политики выживания» [3: 212], имеющей свои истоки в Ветхом Завете и вполне успешно используемой политиками на Руси в период, когда борьба с Ордой была еще не возможна.

Обобщая изложенный материал, можно сделать вывод, что теория «казней божьих» существовала не в отдельном теоретическом пространстве, а как один из важнейших элементов православного сознания, что свидетельствует о глубоком ее проникновении в мировоззрение древнерусского народа.

Общее настроение «Слов» пессимистическое, Серапионом констатируются удручающие результаты монголо-татарского нашествия и плачевное состояние общества. Стоит особенно отметить кристальную чистоту мысли епископа Владимирского, а

именно четкое осознание и формулировка стоящих задач. По мнению автора «Слова», необходимо покаяние, избавление от грехов, духовное возрождение, без которого невозможно преодолеть внутренние распри и объединить силы в борьбе с врагом. Серапион сознательно избегает обилия высокого стиля, отходит от исключительно богословского толкования, приближаясь к уровню народной литературы и сказаний. "Поучения" Серапиона Владимирского иллюстрируют идейно-религиозное направление, которое задавалось строгими требованиями вероучения и решением морально-нравственных вопросов. Сочетание элементов двух культур, церковно-клерикальной и народной, и являет собой импульс, основанный на библейско-апокрифической идее и порожденный эпохой двоеверия. В целом жанр написания слова можно охарактеризовать как дидактический и агиографический.

Подведем небольшие итоги данной работы. Серапион Владимирский представляется нам не только как самостоятельная относительная единица, но и в качестве абсолютного историко-литературного явления. То есть помимо того, что его «Слова» и проповеди вызывают интерес как художественное произведение и возможный исторический источник, нам важно увидеть в них индикатор идейных течений в социуме. В проповедях Серапиона Владимирского находит свое окончательное оформление теория «казней божьих», одновременно символизируя переход к новому этапу в нравственно-религиозной среде общества XIII века. Они святителя являют собой пример не только проявления неравнодушия к судьбам соотечественников, но и служения в интересах спасения Русской земли, заботы о дальнейших путях ее спасения.

Серапион Владимирский является представителем удивительного периода древнерусской истории. Борьба народа за единство своей земли, за ее независимость и сохранность зарождалась глубоко в душах людей и не покидала их сознание. Проповеди Серапиона это прежде всего феномен русской ментальности, в котором сочеталось наследие лучших традиций Киевской Руси, отражение болезненных настроений современности и образцовое новаторство, безусловно, оказавшее влияние на пути становления и развития древнерусской литературы. Несомненная искренность чувств, простой и одновременно емкий язык «Слов» раскрывает перед нами своеобразие древнерусской мысли, особенности мировоззрения в период XIII века и восприятие простым людом творящихся ужасов нашествия. В своих проповедях Серапион взывает к чрезвычайно широкой аудитории, что помогает нам увидеть порочность в абсолютно разных слоях средневекового общества: от корысти и поиска личной выгоды князей до маловерия и бездушия низших слоев общества. Все вышеперечисленное выделяет данный памятник церковного красноречия как глубоко прогрессивное произведение, служащее незаурядным предостережением грядущим поколениям.

Примечания.

1. Архангельский А.С. Чтения по истории русской литературы. Каз., 1903
2. БЛДР / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева. СПб: Наука, 1997.Т. 5: XIII век.
3. Борисов Н. С. Политика московских князей. Конец XIII – первая половина XIV в. М., 1999

4. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб, 1861.
5. Владимирские Епархиальные Ведомости. Вл., 1867 г. № 10
6. Громов М. Н., Мильков В. В. Идейные течения древнерусской мысли. СПб, 2001
7. Демин А.С.О художественности древнерусской литературы.М.,1998.
8. Златая цепь (по Троицкому списку): Тексты. Исследования. Комментарии / Сост., вступит. ст., изд. текста, коммент. М. С. Крутовой. М., 2002
9. Колобанов В. А. К вопросу об участии Серапиона Владимирского в соборных «деяниях» 1274 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960.
10. Лаушкин А. В. Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. Т. 10. М., 2002.
11. Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. М., 1997.
12. Петухов Е.В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888.
13. Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2003
14. «Слова» Серапиона Владимирского // ПЛДР: XIII век. М., 1981
15. Собр. Л. 1, 193.3, 128, 129. 4, 29. 7, 136, 137; Книга степенная. Ч. 1.
16. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 2. М., 1995-1998
17. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956.

ОБРАЗ МАРИИ СТЮАРТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АВТОРОВ XVIII – XIX ВЕКОВ

А. С. Болотина

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, bolotina.annaa@yandex.ru

Мария Стюарт является одной из ярких и загадочных исторических личностей своей эпохи. Её запутанная жизнь и трагическая судьба стали вдохновением для многих писателей последующих эпох. И сейчас жизнь Мария Стюарт не остается без внимания. Снимаются фильмы и создаются литературные произведения посвященные ее жизни.

Мария Стюарт (8. XII.1542 - 8.II.1587) - шотландская королева (1542 (фактически 1561) - 1567). Дочь Якова V Шотландского и Марии Гиз [6]. Мария, оставаясь католичкой, подчинилась проанглийским протестантским силам и сделала одного из их вождей, своего сводного брата Джеймса, графа Меррея, первым министром. С 1559 года он являлся ее регентом. Мария была одержима стать наследницей Елизаветы – королевы Англии. Она являлась правнучкой короля Генриха VII, чем не могла похвастаться Елизавета дочь Генриха VIII и Анны Болейн. Моррей пообещал Марии, что, если она восстание на Северо-Востоке Шотландии Елизавета рассмотрит предложение сделать ее наследницей престола. Мария поверила в это обещание. Но Елизавету не впечатлил поступок Марии, она не собиралась оказывать ей милость. Она даже отказалась с ней увидеться. Только после этого Мария поняла, что она наделала. Она – католичка уни-

чтожила католическую оппозицию в Шотландии. Мария оказалась в политической изоляции.

Мария решила выйти замуж и в 1565 году она обвенчалась с Генрихом лордом Дарнли, который являлся правнуком Генриха VII и сыном Шотландского графа Ленноксa и англичанки одной из самых стойких католичек Англии. Взяв в мужья Дарнли, она надеялась укрепить свои права на английский престол. Без согласия парламента Мария объявила мужа королем и дала право подписывать важные документы.

Брак оказался неудачным; по приказанию Дарнли доверенный секретарь королевы, итальянец Давид Риччио 9 марта 1566 года был зарезан у ее дверей.

Отношения с Дарнли ухудшались, и фаворитом Марии стал Джеймс Хепберн, граф Босуэлл. Вместе с несколькими кальвинистскими дворянами он составил заговор против Дарнли. В ночь с 9 на 10 февраля 1567 года они задушили его и взорвали его дом [6]. Вся Шотландия была возмущена, обвиняя в этом Марию. Королева бежала в Англию, где обратилась за защитой к Елизавете, началось расследование смерти её супруга, но Мария так и не была осуждена.

В английском плену Мария провела 19 лет. 1 февраля 1587 года Елизавета подписала приговор. 8 февраля 1587 года Мария Стюарт была казнена: палач отрубил ей голову в зале замка Фотерингей [6].

Причиной всплеска интереса писателей XVIII – XIX вв. к жизни Марии Стюарт стал Акт об унии 1707 года объединяющий Шотландию и Англию, а точнее его последствия. В Шотландии началось массовое обезземеливание крестьян, пахотные поля превращались в пастбище для овец, а люди отправлялись в фабричные города. Происходила унификация не только финансовой и административной системы Шотландии, но и была затронута судебная система. Данная политика встретилась с недовольством шотландцев. Они хотели сохранить национальную самобытность.

Именно в период этих событий вспомнилось имя Марии Стюарт, которая сыграла значительную роль в истории Шотландии. И теперь она стала символом утраченной независимости.

Акт об унии Шотландии затронул семью Роберта Бернса. Его предки были «коттерами» (самостоятельными фермерами), которые имели право передавать земельный участок по наследству. В результате объединения Англии и Шотландии, отец Бернса потерял наследуемые земли и с детства трудился на помещиков. Когда родился сам Роберт семья находилась в очень тяжелом положении. Он испытывал постоянный голод, так же с ранних лет ему приходилось работать наравне со взрослыми.

Роберт Бернс был истинным патриотом своей страны, он гордился ее историей, а также силой и мужеством шотландского народа.

В 1791 году Бернс написал стихотворение «Элегия Марии, Королевы Шотландской на приближение весны». Данное стихотворение написана как бы от лица самой Марии Стюарт. Первые пять четверостиший описывают природу. В них говориться о том, что наступила весна, природа оживает, птицы поют песни, зацветают деревья. Но потом начинается повествование о том, что Мария находится в тюрьме.

В Шотландии среди родных

Любому быть дано,

Но королеве сей страны

В тюрьме жить суждено [1].

Строки стихотворения наполнены страданием и болью, что она королева своего государства находиться в плену и бессильна, что-либо изменить.

И я - единственный монарх

Шотландского венца-

Живу во вражеских стенах

С заботой без конца[1].

Так же автор не обошел стороной и Елизавету. В нем она упоминается такими строками:

Тебя, сестра - мой враг,

Еще отточит месть свой меч

И свергнет тебя в прах.

В заключении Мария обращается с наставлениями к своему сыну. И говорит о своей предстоящей гибели.

Данное произведение построено на контрастах взлетов и падений жизни Марии Стюарт. Например, воспоминания о Франции и ее плен в Англии. Автор представляет нам королеву Марию как не отчаявшегося и сильного человека. Что она продолжает верить в сына и дает ему наставления и о своей скорой гибели говорит с величием и королевским достоинством.

Можно сделать вывод, что Роберт Бернс олицетворял образ Марии Стюарт с Шотландией, которая так же попала под гнет и плен Англии, как однажды попала их королева.

Уильям Вордсворт родился в 1770г. в графстве Камберленд на севере Англии. На создание произведения, посвященного Марии Стюарт его подтолкнула Французская революция. Он хотел хоть как-то препятствовать происходившему революционному насилию.

В 1817 г. он написал стихотворение «Жалоба Мэри, Королевы шотландцев, в канун нового года». Опубликовано оно было в 1820г.

Данное произведение показывает всю трагедию жизни королевы Марии, то насколько тяжелыми были последние годы ее жизни. Но не смотря на все трудности она сохранила свое королевское величие. Здесь Мария Стюарт признает свои ошибки, то что она была слишком подвластна своим чувствам и страстям. А также она признает, то что ее природная красота только ей навредила.

А красота стремится в сети

Любви, познав ее едва,

И страсть мертвит цветы до срока,

И преждевременно жестоко

Седеет наша голова [2].

Вордсворт так же, как и Бернс указывает на резкие и кардинальные перемены в жизни королевы:

Увы! Рожденной так высоко

Упасть так низко с высоты... [2]

В этом произведении автор позволяет Марии Стюарт житель о своем знатном происхождении и указывает на то, что именно это происхождение приносит ей боль.

Вордсворт не обошел стороной и Елизавету. В его стихотворении она представлена равнодушной тюремщицей:

Владеет женщина ключами

Темницы, где влачу я дни,

И равнодушными очами

Глядит на горести мои. [2]

В завершении автор от третьего лица сообщает о смерти Марии.

Вордсворт рисует образ Марии как одинокой, преданной близкими людьми и обреченной на постоянные мучения и страдания женщины. Автор пытается передать, то на сколько несправедливо поступала судьба с данной королевой. Так же Вордсворт указывает на мужество Марии, что при всех невзгодах и лишениях она верит в светлое будущее и в справедливость.

Оба произведения наполнены жалостью и сочувствием к шотландской королеве, которая оказалась в центре жестокой политической борьбы. Ее нелегка жизнь стала вдохновением для литераторов. Авторы соотносят современные им события с событиями времен Марии Стюарт. Шотландская королева и для Бернса, и для Вордсворта является символом свободы и независимости.

Примечания.

1. Бёрнс Р. Элегия Марии, Королевы Шотландской, на приближение весны / пер. Ю. Князева.
2. Вордсворт У. Жалоба Мэри, Королевы Шотландцев, в канун нового года / пер. Г. Иванова.
3. Грэм Р. Мария Стюарт / пер. с англ. А. Серегина. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 394 с.
4. Мортон А. Л. История Англии / А. Л. Мортон. – М.: Иностранная литература, 2010. – 433 с.
5. Райт-Ковалева Р. Я. Роберт Бёрнс / Р. Я. Райт-Королева. – М.: Молодая гвардия, 1961. – 370 с.
6. Рыжов К. Все монархи мира. Западная Европа. Москва, 1999.

ДЕЛО ОБ ОЖЕРЕЛЬЕ КОРОЛЕВЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

А. А. Борисова

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, anna.borisova.98@bk.ru

Знаменитое «дело об ожерелье королевы» скандальное и таинственное до сих пор тревожит умы человечества. В этой истории были замешаны самые высокопоставленные лица, в том числе и королева.

История с ожерельем начинается с царствования Людовика XV.Он его заказал у парижских ювелиров Бемера и Бассанжа для своей любовницы графини Дюбарри. Она была последней любовницей короля. Когда это ожерелье было готово и его нужно было уже выкупать, Людовик XV скончался. Дальнейшая судьба Дюбарри была незавидной, сначала она была арестована, потом помещена в монастырь. Но вскоре ее выпустили и разрешили ей жить в маленьком частном домике. Таким образом, она всего лишилась и, естественно, не могла выкупить это ожерелье.

Не так-то просто оказалось найти нового покупателя для богатого ожерелья. В Европе не нашлось ни одного желающего. Ювелиры решили попытать,так сказать, счастья у короля и королевы. Они предложили Марии-Антуанетте купить это колье за 1,8 миллиона ливров. Несмотря на все свое легкомыслие и любовь к драгоценностям, она не решилась просить у короля денег на покупку: казна была истощена, а за ожерелье просили колоссальную сумму. Людовик XVI предпочел на те же деньги купить несколько военных кораблей.

В течение десяти лет это ожерелье было у ювелиров. Далее, начинается самое интересное, закручивается такая интрига в котором главную роль играет некая Жанна де Ля Мотт. Дюма в своем произведении «Дело об ожерелье» описывает ее как специфическую даму, очень вероломную и энергичную. [1] Родилась она в бедной семье. Была достаточно хороша собой, что помогло ей удачно выйти замуж. И благодаря этому она сумела войти в высшее общество. Где она встречает человека, который станет ей любовником и подсобником в своей интриге. Это кардинал Луи де Роган. По произведениям Дюма мы можем узнать, что кардиналы хоть и имели высокий священческий сан, но при этом живут совершенно светской жизнью.[1]

Зная о том, что опальный де Роган мечтает понравиться королеве и вернуться в Версаль, Жанна убедила его в том, что она близкая подруга королевы и предложила ему помочь Марии-Антуанетте в одном «маленьком деле» — выступить посредником и гарантом при покупке ее величеством дорогого ожерелья.

Компанию в интриге с ожерельем Жанне составил другой известный аферист, обиравший доверчивых аристократов - граф Калиостро. В романе Дюма он представлен гипнотизером, который хочет разрушить монархию Франции. При помощи гипноза ему удается узнавать тайны французского двора.[1] Он «призвал на помощь духов» и убедил кардинала, что на это дело нужно соглашаться и оно того стоит.

Ювелирам было сообщено, что королева, которую в обществе и так считают невероятной транжирой, не хочет предавать это дело широкой огласке. То есть все долж-

но быть сделано тихо и через кардинала де Рогана. У Людовика XVI всё-таки была идея подарить Марии-Антуанетте это прекрасное ожерелье, когда родился первый дофин, но она наотрез отказывалась. И это еще больше напускает туману во всю эту историю.

Чтобы еще больше убедить де Рогана в том, что он действительно выполняет тайную волю ее величества, авантюристка де Ля Мотт пообещала ему, что уговорит королеву встретиться с ним в саду. Судя по всему, роль Марии-Антуанетты сыграла некая Николь Леге (или мадмуазель Олива), модистка, необычайно похожая на королеву. В обществе ее бывало называли маленькой королевой. И в августе 1785 года в версальском парке кардинал и «королева» встретились, где она подтвердила слова Жанны де Ля Мотт.

Таким образом, сделка состоялась. Получив от Бемера и Бассанжа ожерелье, часть денег кардинал заплатил наличными, а на остальную сумму выдал заемные письма на различные сроки. Когда наступил первый срок платежа, деньги, понятное дело, уплачены не были. Кроме того, выяснилось, что подпись королевы на условиях покупки ожерелья, мягко говоря, сомнительна. Естественно, взбешенные ювелиры обратились напрямую к Людовику XVI.

Дело об ожерелье было передано в парижский парламент. В августе 1785 года кардинал де Роган, затем мадам де Ля Мотт и несколько других ее приспешников, в том числе небезызвестный авантюрист Алессандро Калиостро (или граф Калиостро, как он сам предпочитал говорить), были арестованы по обвинению в мошенничестве и присвоении себе ожерелья под видом мнимой покупки его для королевы. Несколько слов об Алессандро Калиостро, которого на самом деле звали Джузеппе Бальсамо. Он родился (предположительно) 2 июня 1743 года в семье мелкого торговца сукном. С детства был склонен к авантюрам. Забегая вперед, отметим, что в этой истории он не сыграл большой роли (возможно, за обещанный гонорар выступал в качестве консультанта Жанны де Ля Мотт), поэтому в итоге был оправдан. Его просто выслали из Франции, как и кардинала де Рогана, с которого суд тоже снял всю вину.

Парижский парламент разбирал это дело в течение нескольких месяцев. В конце мая 1786 года был оглашен приговор. В итоге суд счел, что вся эта афера была провернута Жанной де ля Мотт, что все остальные люди, которые фигурировали в этом деле, очевидно, ничего не знали о реальном замысле авантюристки. Таким образом, Жанна де ля Мотт была приговорена к телесному наказанию, клеймению и заключению в тюрьме для проституток Сальпетриер. 21 июня 1786 года Жанну де Ля Мотт на Гревской площади высекли плетьми, а затем палач заклеймил ее плечо буквой «V» — voleuse («воровка»). Осужденной на пожизненное тюремное заключение, ей все таки удалось бежать из тюрьмы и отправиться вслед за мужем в Лондон. Там она опубликовала скандальные и разоблачительные мемуары о королеве, в которых преобладали факты из вторых рук и выдумки, однако многие деятели революции отнеслись к ним с доверием. По официальной версии, еще до суда Жанна передала ожерелье супругу, который начал продавать его по частям. Украшение состояло из более чем 500 камней разного веса, разного размера и ценности.

После смерти Де Ля Мотт возникает вопрос, что же стало с ожерельем? А куда же оно делось? Ля Моттам все-таки удалось распродать бриллианты? Это до сих пор неизвестно.

Здесь тоже не все так просто. Дело в том, что еще в XIX веке, возникает такое явление как тюильрийский клад. В 1789 Людовик XVI, вынужденный покинуть Версаль в связи с революцией, перенес свою резиденцию во дворец Тюильри. Заняв Тюильри 10 августа 1792, восставшее население Парижа низвергло монархию. 24 мая 1871 большая часть Тюильри сгорела во время боев парижских коммунаров с версальцами. После подавления Коммуны на территории дворца производилась расчистка развалин. Есть сообщения, что при этом один из рабочих обнаружил железный сундук, крышку которого украшали три бурбонские лилии. Находку доставили в министерство внутренних дел Франции, где торжественно вскрыли в присутствии главы правительства Тьера, министров и полицейского префекта Парижа. В сундуке обнаружили множество драгоценностей и, в том числе, роскошное ожерелье, которое идентифицировали как знаменитое «ожерелье королевы». Клад передали не в казну, а представителям династии Бурбонов. Действительно ли это было то самое, роковое ожерелье, и где оно теперь — неизвестно. Сейчас имеется лишь реконструкция знаменитой драгоценности.

Таким образом, как история с «Ожерельем королевы» стала достоянием общественности, многие пытались докопаться до истины в этой темной авантюре. Первыми были члены французского парламента. У каждого из причастных к скандалу имелась своя версия — и у ювелиров, и у королевы, и у кардинала, не говоря уже о графине де Ля Мотт. Несмотря на то, что королева Мария-Антуанетта была признана невиновной в данном деле, она всё же потеряла доверие французского народа. И как некоторые считают, что это дело стало прологом к ее смерти. К истории об «ожерелье королевы» приложил руку и Александр Дюма, изложив свою версию событий в одноименном романе, также весьма далеком от достоверности. Очень подробно пытался разобраться в этой истории Стефан Цвейг в книге «Мария-Антуанетта». Не остался в стороне и Голливуд: в 2001 году был выпущен фильм «История с ожерельем». Разобраться в истории действительно мудрено — слишком много в ней интригующих деталей, странностей и несоответствий.

Примечания.

1. Дюма, Александр (отец; 1802-1870). Ожерелье королевы: [роман : Пер. с фр.] / Александр Дюма. - СПб. : СТ "Изд-во ЭКАМ", 1991. – 69
2. Первушина, Е. В. Мифы и правда о женщинах/ Е.В. Первушина – СПб.: БХВ, 2013. – 416 с.
3. Процесс. Ожерелье королевы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://diletant.media/articles/35823713/ (06.04.2019)
4. Цветков, С. Э. Узники Бастилии/ С. Э. Цветков – М.: Армада-ПРЕСС, 2001. – 320 с.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СЕМЬЕ И БРАКЕ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Ю. А. Буравкина

ВлГУ, г Владимир, Россия, buravkina97@inbox.ru

Цель данной статьи – рассмотреть современную историографию о семье и браке в Римской Империи. Семья – важнейший из феноменов, сопровождающий человека в течение всей его жизни. Семья – это социальный институт, базовая ячейка общества. Между понятиями «брак» и «семья» существует тесная взаимосвязь. А.Г. Харчев определяет брак как «исторически меняющуюся социальную форму отношений между женщиной и мужчиной» [5].

Анализ современной историографии показывает, что исследователей интересуют такие вопросы, как сущность римской семьи, ее отличительные черты; формы брака и разводов; традиции и обряды, связанные с заключением брака.

Исследователи пришли к выводу, что уже в древнейшие времена семья была в Риме прочной и сплоченной ячейкой общества, в которой безраздельно властвовал отец семейства – «патер фамилиас». Власть отца распространялась на всех членов семьи. В состав семьи входили не только отец, мать, дети, но и рабы и даже все домашнее имущество.

Правовые нормы, связанные с заключением и расторжением брака, изучают И.Б. Новицкий, Л. Винничук. Они выделяют следующие формы заключения брака: «коемпцио» (буквально: купля), «узус» (буквально: использование), «конфарреацио» (буквально: совершение обряда с полбенным хлебом). В браке «коемпцио» девушка переходила из-под власти отца под власть мужа путем своего рода символической «продажи» невесты ее будущему супругу. В браке «узус» основой перехода жены под власть мужа было совместное проживание девушки со своим супругом в его доме в течение целого года. «Конфарреацио» являлась наиболее торжественной и официальной формой бракосочетания, имела религиозный, сакральный характер. На торжествах должны были присутствовать два высших жреца или же десять других свидетелей [1; 3]. М.Е. Сергеенко выделяет еще одну форму брака – «sine in manum conventione», в котором жена не находилась под властью мужа и оставалась во власти отца или опекуна [4].

Для вступления в брак необходимы были следующие условия: согласие жениха и невесты, а если они находились под властью домовладыки, то также согласие домовладыки; достижение брачного совершеннолетия. Не допускались к браку лица, уже имевшие на данный момент брак.

Традиции и обряды, связанные с заключением брака, рассматривают П. Гиро, Л. Винничук, М.Е. Сергеенко. Они выделяют такие традиции, как обручение, гадание, выбор дня свадьбы. Независимо от того, какую форму бракосочетания выбирали римляне, этому предшествовало обручение. Формальности, связанные с обручением, совершались в первой половине дня, а к вечеру устраивали пир для друзей обеих семей, и гости

подносили молодым спонсалии – подарки на обручение. Благоприятным для обручения считался первый час дня, то есть шесть часов утра [2]. Для обручения достаточно было словесного уговора, однако некоторые составляли обручальный акт на бумаге. После подписи акта невеста принимала кольцо и надевала его на предпоследний палец левой руки. Считалось, что в этом пальце есть нерв, соединяющий его с сердцем. Перед свадьбой совершались ауспиции, то есть гадание по поведению священных птиц. Начиная с I в. до н.э. часто гадали по внутренностям животного, чаще всего свиньи. Выбор дня свадьбы определялся верой в счастливые и несчастливые дни: ее нельзя было совершать в календы, ноны, иды и следующие за ними дни. Неблагоприятны были весь март, посвященный Марсу, богу войны; май, на который приходился праздник Лемурий, и первая половина июня, занятая работами по наведению порядка и чистоты в храме Весты. Дни поминовения умерших как дни печали и траура тоже не подходили для свадьбы [1; 4].

Перейдем к вопросу о разводе. Л. Винничук пишет, что в период Империи в связи с ростом психологической, нравственной и имущественной независимости женщин разводы становились все более частым явлением. И.Б. Новицкий говорит о разрыве брака в трех случаях: смерть одного из супругов, утрата свободы одного из супругов, развод. Развод в классическую эпоху был свободным и допускался как по обоюдному согласию супругов (divortium), так и по одностороннему заявлению отказа от брачной жизни (repudium). Браки, заключенные в формах «коемпцио» или «узус», расторгались без особых трудностей. Первоначально законной причиной развода считались только измена жены или ее неповиновение мужу. В III в. до н. э. поводами к разводу помимо супружеской неверности жены были признаны и некоторые другие обстоятельства, однако муж должен был убедительно доказать виновность жены. К периоду Империи от этих принципов отошли, а законными поводами к разводу стали считаться любые мелочи [1; 3].

Уже в эпоху принципата Августа добиться расторжения брака не составляло большого труда, ведь Октавиан Август с разводами не боролся, а заботился только о поддержании семейного уклада в целом, имея в виду устойчивый прирост населения. Этим объясняется принятие законов, предписывавших женщинам оставаться в браке с 20 до 50 лет, а мужчинам – с 25 до 60. Законы предусматривали также возможность разводов, обязывая разведенных супругов вступать в новые законные браки. При этом назначался даже срок, в течение которого женщина должна была вновь выйти замуж, а именно: от шести месяцев до двух лет, считая со дня развода [1].

Как законодатель Август стремился урегулировать и вопросы, связанные с самими разводами. Для того чтобы расторгнуть брачный союз, требовалось решение одного из супругов, выраженное им в присутствии семи свидетелей. Когда супруги расставались, возникало немало споров о разделе имущества.Определенным достижением законодательства времен принципата было обеспечение материального положения женщин после развода. Для жены стало возможным добиваться возвращения своего личного имущества на основе процедур в сфере гражданского права, даже если в брачном контракте возвращение имущества в случае развода не было оговорено. Однако в

Риме не было споров о том, кто должен осуществлять опеку над детьми, так как дети были всегда подчинены только власти отца [1].

Таким образом, современная историография о семье и браке в Римской Империи дает нам возможность достаточно полно рассмотреть вопросы о сущности семьи, браках и разводах, брачных традициях. Мнения различных авторов не противоречат друг другу, а объективно дополняют. На мой взгляд, указанные выше вопросы достаточно хорошо изучены.

Примечания.

1. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. – URL: http://labyrinthos.ru/text/vinnichuk_v-rimskoy-semie (дата обращения: 05.10.12)
2. Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. – URL: http://ancientrome.ru/publik/giro/ind.htm (дата обращения 05.10.12)
3. Новицкий И. Римское право. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/nov/ (дата обращения 07.10.12)
4. Сергеенко М.Е. Жизнь древнего Рима. – URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1291878817 (дата обращения 06.10.12)
5. Шнейдер Л.Б. Семейная психология: учебное пособие для вузов. – URL: https://studfiles.net/preview/2379928/ (дата обращения 05.10.12)

ОБРАЗ ИСПАНИИ И ФРАНЦИИ В АМЕРИКАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПРЕССЕ (1740 – 1752)

М. Ю. Глазун

МГУ имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

Как известно, история – неразрывная цепь причин и следствий. Образование Соединенных Штатов Америки – прямое тому подтверждение: борьба великих держав на международной арене привела к войне за независимость 1775 года, в результате которой зародилось мощнейшее государство, чье влияние на мировые события неоспоримо и по сей день.

Достижение Англии к XVII столетию экономического и морского главенства в Европе определило тот факт, что именно ей суждено было сыграть решающую роль в завоевании и колонизации североамериканского континента .Так как это главенствующее положение было достигнуто только в XVII столетии и даже тогда оставалось делом спорным, Испания сохраняла свое господство над южной частью, а Франция - над северной оконечностью данного континента [11:19].

На протяжении всего XVIII века Испания, Великобритания и Франция конкурировали за доминирование Южной Америке, на Филиппинах и в Вест-Индии и, как было сказано раннее, в Северной Америке. Великобритания и Испания сражались за господ-

ство в открытых морях, в то время как Францию больше интересовало положения дел в Европе [4:2]. На протяжении всего своего существования, колониальная Америка была «лакомым кусочком» для европейских государств, каждое из которых имело планы на ее территории. У Франции были владения в Канаде и Луизиане, она стремилась связать их, взяв под контроль Долину Огайо. Испания владела Флоридой и другими южными частями Северной Америки. У Великобритании, в свою очередь, были колонии на Атлантическом побережье, однако она хотела расширить свои территории на запад, для чего ей было необходимо пройти через владения Франции [7:87]. Иными словами, властолюбивые европейские державы распространяли свое влияние по всему миру, жаждая все больше и больше земель, ресурсов и, конечно, власти.

В своем исследовании мне бы хотелось уделить внимание такому термину как «историческая имагология» - изучение существовавших в прошлом образов и стереотипов восприятия окружающего мира. В данной работе речь пойдет об образе двух ведущих европейских государств XVIII, Франции и Испании на страницах колониальной американской прессы.

Хронологические рамки моей работы охватывают период, в который центр сосредоточения интересов ведущих европейских империй, Англии, Франции и Испании, сместился из Европы в Новый Свет. Так, европейские конфликты 1740х годов, вылившиеся в Войну за Австрийское наследство 1740-1748 гг., плавно переходят на территории колоний. Европейские противоречия перетекают в колониальные конфликты, такие как : Война за ухо Дженкинса 1739-1742 гг., Война Короля Георга и Четвертая франко-индейская война 1744-1748 гг., а также франко-английское соперничество в долине реки Огайо, ставшее причиной одного из самых масштабных и кровопролитных конфликтов Нового времени - Семилетней войны 1756 – 1763 [7 : 55].

Так как тема моей работы посвящена образу Испании и Франции в американских газетах 1740-1752 года, то, разумеется, основным источником для написания явилась колониальная пресса этого периода.

Начать повествование об истории колониальной прессы мне бы хотелось со слов Томаса Джефферсона: «Если бы мне дали решать, следует ли нам иметь правительство без газет или газеты без правительства, то я бы не колебался ни минуты и предпочёл бы последнее» [13]. Во второй половине XVII века Англия переживает активное развитие журналистики, и памфлетные издания, которые до указанного времени занимали центральное положение в развитии общественной мысли, начинают уступать место периодическим изданиям – газетам и журналам [12:16]. Увеличивается тираж газет, возрастает интерес к печатным изданиям, читательская аудитория набирает обороты. Если в начале колониального периода поселенцы довольствовались только европейской прессой, которая публиковалась в их колониях, то со временем, они начали делать активные попытки в создании своих собственных газет. Так, методом проб и ошибок, на территории колоний к началу 1740 года существовало уже 11 периодических изданий. Конечно, любые печатные издания строго контролировались английской властью, а любое инакомыслие каралось законом.

Первая попытка издания печатной публикации газетного типа была предпринята еще в 1689 году, однако, оказалась провальной [12 :14]. Неудачи в создании собствен-

ной колониальной прессы преследовали поселенцев вплоть до 1704 года. Согласно мнению многих американских историков, в этом году, с появлением газеты «Зэ Бостон Ньюс-Леттер» зародилась американская журналистика [12:15]. Постепенно появлялись новые издания, а количество газет, публикуемых на территории колониальной Америки, возрастало. Местом сосредоточения колониальной прессы стал город Бостон. Однако все эти газеты больше напоминали список не связанных между собой фактов. Первым, кто представил газету в Бостоне в совершенно новом, привычном нам формате, был старший брат Бенджамина Франклина Джеймс Франклин [9:15].

Постепенно стали появляться новые издания, публикуемые уже в других городах колонии, например, в Нью-Йорке. К сожалению, выпуски вышеперечисленных газет в интересующий меня период времени по разным причинам не сохранились. Тем не менее, воспроизвести сложившийся в то время образ Испании и Франции мне помогли следующие издания. В сентябре 1727 года в Аннаполисе была издана «Зэ Мэрилэнд Газетт» . Вплоть до 1734 года она публиковалась создателем Вильямом Парксом, но в 1736 году Паркс переехал в Виржинию, создав там местную газету, а его место занял Джон Грин. Паркс, в свою очередь основал в 1736 году в Вильямсбурге, Вирджиии новую газету «Зэ Вирджиния Газетт», которая публиковалась вплоть до 1780 года дважды в неделю. Важнейшую роль в становлении периодической печати Северной Америки сыграла также Филадельфия, впоследствии ставшая первой столицей США как независимого государства. Там была основана «Зэ Пенсильвания Газетт», издаваемая Бенджамином Франклином вплоть до 1800 года. Она стала самой успешной газетой, издаваемой в колониях.

Все используемые мною газеты имели схожую структуру: они состояли из четырех страниц, фронтальную страницу занимали официальные документы, постановления, новости из Европы, затем шли местные новости из Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии и Аннаполиса. Каждое издание имело свою изюминку. Например, отличительной особенностью «Зэ Мэрилэнд Газетт» была рубрика, в которой публиковались объявления от читателей, например, об услугах портных, продаже импортных товаров, в том числе португальского вина, барбадосского рома, неочищенного тростникового сахара [2: 3]. В « Зэ Пенсильвания газетт» печатались объявления о розыске беглых невольников, в то время как первую страницу «Зэ Вирджиния Газетт» занимали вовсе не привычные всем новости из Европы, официальные документы или же обращения Его Величества, а с раздела «Развлечения», в котором содержались познавательные статьи или даже стихотворения .

Печатные органы различной периодичности постепенно появлялись и в других городах, так, уже к 1740 году на территориях колоний публиковалось 11 газет. Подводя итоги анализа колониальной прессы, стоит сказать, что мало из них имели долгосрочную судьбу. Гонение колониальных властей мешало развитию американской периодики. Губернаторы колоний, как официальные представители британской короны, осуществляли неослабный контроль за содержанием газет и предпринимали все необходимые меры, чтобы не допустить публикации материалов, содержащих критику в адрес короля, королевского правительства, официальной религии или губернатора [5:113]. Английское законодательство объявляло уголовным преступлением любое об-

суждение в печатных изданиях вопросов политики и вообще деятельности правительства в любой сфере, а тем более оригинальных «недружественных» либо «вредных» материалов с критикой английского королевского правительства или его официальных представителей в колониях. Конечно, колониальная пресса была главным и, пожалуй, самым популярным способом распространения и получения информации. Так все международные события, происходившие в этот период, находили отражение на страницах колониальных газет. Тем не менее, сами редакторы газет опасались давать международным событиям ту или иную оценку и чаще всего воздерживались от комментирования политических событий. Но это не мешало им культивировать образ врага в лице Испании и Франции в статьях, касающихся вероломного католицизма, жестокого обращения с коренными жителями Америки и торговли, плавно переросшей в пиратство.

Как уже было сказано раннее, отношения европейских государств и местных жителей оставляли желать лучшего. Коренные американцы - индейцы всегда были важным звеном в европейской политике в колониальной Америке [11: 40]. Европейцы всегда держали индейцев под контролем, чтобы использовать их как своих союзников. И Англия, и Испания, и Франция старались переманить их на свою сторону, используя различные методы.

Поначалу ранние английские колонисты завели достаточно дружеские отношения с коренными американцами [10:47]. Они устраивали совместную торговлю и помогали друг другу выжить. Однако со временем жажда англичан захватить все индейские территории привела к серьезным конфликтам. Англичане попросту перестали нуждаться в индейцах, а те, в свою очередь, стали ненужной помехой для развития их переселенческих и плантационных колоний, следовательно, от этой помехи нужно было избавляться. Вся политика англичан по отношению к коренным жителям Североамериканского континента была направлена на то, чтобы «оттеснять индейцев или, где это было продиктовано обстоятельствами, уничтожать их» [5: 27].

Стоит упомянуть тот факт, что во многих английских колониальных хартиях и других официальных пропагандистских документах того периода распространение Истинной Веры провозглашалось основной целью создания поселения в Новом Свете. Их политику связывали с понятием «провиденциализм» ,который был характерен для английской колониальной экспансии и будучи одной из ее основных движущих сил, все таки имел отношение не только к индейским землям, но и к индейским душам [10: 49]. Так, в одном из выпусков «Пенсильвания Газетт», представлено обращение губернатора этого штата к его жителям с призывом принять христианство :

«Я призываю Вас стать верными подданными Его Величества, людьми, которые любят свою религию и почитают свою свободу… и, когда, Вы примите христианство, я буду говорить о Вас, как о людях, чья религия полностью противоположна кровавой, бесчеловечной религии Франции и Испании». [1]

Из этой пропагандистской христианство речи, мы видим, что колониальному народу борьба христианства и католицизма изображалась как противостояние добра и зла. Добром, в данном случае, было христианство, религия англичан, в то время как всепоглощающим злом представал католицизм Франции и Испании.

Французы также вели достаточно двоякую политику в отношениях с индейцами [6: 110]. С одной стороны, они позиционировали себя друзьями, о чем говорит их союзничество против Великобритании в Франко-индейских войнах. С другой стороны, в газетах зафиксировано немало высказываний, в которых французы описываются как *«нация, которой не было присуще никакой человечности»* [2]. Французы нередко использовали индейцев в качестве «оружия» против английских поселенцев. Они снаряжали индейцев и отправляли их на захват английских владений. Так, в одном из выпусков «Пенсильвания Газетт», повествуется о жестоком принуждении индейцев к походу на английских поселенцев в Северной Америке:

«Французы убивали мужчин [индейцев], которые не хотели подчиняться, насиловали их жен, похищали детей, грабили их дома, захватывали их поселения, и просто выбрасывали неповинovавшихся в заброшенных местностях – все ради того, чтобы захватить территории английских поселенцев . Наблюдая за умирающими жертвами, французы отрубали им головы, а скальп доставляли во Францию, за что были прилично вознаграждены. Это происходило из года в год, и это была ужасающая реальность для тысячи индейцев». [1]

Тем не менее, французам было легко заполучить доверие индейцев, так как они оказывали большое влияние на них. Когда европейцы находились в стадии войны друг с другом, каждый из них пытался переманить индейцев на свою сторону, подкупая их ложными обещаниями. Французы убеждали индейцев, что англичане обманывают их в торговле, отнимают их земли , не давая ничего взамен, тем самым убеждая индейцев, что англичане решительно намерены изгнать их со своих территорий [6: 115]. Англичане, в свою очередь, тоже влияли на индейцев похожим способом, но не так виртуозно, как французы, и они никогда не смогли стать индейцам такими близкими союзниками, какими стали французы. Обманным способом французам удалось переманить на свою сторону практически всех индейцев, оставив англичан почти ни с чем.

Еще одним сюжетом, в котором мне удалось проследить образ Франции и Испании была незаконная торговля. Вплоть до XVIII века существовали торговые соглашения, направленные, в большей степени, на урегулирование торговли между европейскими колониями. Однако со временем они утратили свою силу и, в связи с этим начала процветать незаконная торговля, или, как ее еще называли – пиратство, над которым длительное время не было юридического контроля [8: 225]. Так, в газетах нередко публиковались письма английских торговцев, которые подвергались жестокому нападению со стороны французских и испанских гвардокостатов. Помимо этого, ненависть к французам и испанцам и непримиримость с их действиями была сильнее выражена у жителей Новой Англии и Нью-Йорка, нежели чем в других колониях [3]. Это обосновывалось тем, что морские интересы французов были сосредоточены в Луисбурге, где находилась база английских каперов, что нередко проводило к конфликтам.

Проведя анализ колониальной периодики 1740-1752 годов, а именно газет «Пенсильвания Газетт», «Виржиния Газетт» и «Мэриленд Газетт», можно сделать вывод, что Франция и Испания изображались как два главных вероломных, свирепых и нечестных врага Англии и колониальной Америки. Они внедрялись в доверие индейцев, обманывая их ложными обещаниями, при этом относясь к ним нечеловеческим обра-

зом. Они пропагандировали кровавый католицизм и пытались обратить в эту религию всех американских поселенцев. С установлением во Франции и Испании института гвардокостатов, который изначально должен был лишь контролировать местные торговые порты, межколониальная торговля превратилась в настоящее варварство. Это помогло мне сделать вывод, что на протяжение описываемого мною периода, образ Франции и Испании пропагандировался как образ врага.

Примечания

1. The Pennsylvania Gazette (Philadelphia, Pennsylvania) 1740-1752
2. The Maryland Gazette (Annapolis, Maryland) 1740-1752
3. The Virginia Gazette (Williamsburg, Virginia) 1740-1752
4. American History. Military Research. How the Seven Years' War led to the American Revolution. 1995-2018 Ancestral Findings, LLC // www.usn-history.com (дата последнего обращения 08.02.18.)
5. Douglas W. A Summary, Historical and Political, of the First Planting, Progressive Improvements in North America.Oxford University. 1775.
6. Drake Samuel Gardner. A particular history of the five years French and Indian war in New England.: Boston, 1870.
7. Parkman F. France and England in North America. Vol. 6-7: A Half Century of Conflict. N.Y., 1983.
8. Savelle M. The origins of American diplomacy. The international history of Anglo-America 1492-1763.; Macmillan, 1967.
9. The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Volume XV. Colonial and Revolutionary Literature; Early National Literature, Part I. VII. Colonial Newspapers and Magazines, 1704–1775.
10. Акимов Ю.Г. От межколониальных конфликтов к битве империй: англо-французское соперничество в Северной Америке в XVII - XVIII в. - СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005.
11. Аптекер Г. История Американского Народа: Колониальная эра. М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1961.
12. Михайлов С.А. Журналистика Соединенных Штатов Америки.СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2004 .
13. Томас Джефферсон, письмо к Эдварду Каррингтону, 16 января 1787.

ИРЛАНДСКАЯ ДИАСПОРА В КАНАДЕ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Е. А. Горбунова

СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия, st047570@student.spbu.ru

Изучение Первой мировой войны, несмотря на огромное количество работ, посвященных данной тематике, сохраняет свою актуальность. Вопрос участия в войне ирландской диаспоры Канады представляет особенный интерес, поскольку представляет собой переплетение сюжетов, связанных с Канадой, Ирландией и Первой мировой вой-

ны. К сожалению, на данный момент в российской историографии данные вопросы не затрагивались.

Данная работа является попыткой показать, как на позицию ирландской диаспоры в Канаде повлияло двойственное и неоднозначное понимание гражданского долга в условиях наложения трех идентичностей – ирландца, канадца и жителя Британской империи. Подобное противоречивое переплетение отличает ирландцев от других этнических групп Канады.

В течение продолжительного периода времени этнический состав канадского общества оставался стабильным. По данном первой переписи, проведенной после создания доминиона (1867 г.), в Канаде насчитывалось 12 этнических групп, однако 4 из них не превышали 2 тысячи человек, а еще 3 – 30 тысяч. При общем населении Канады на момент объединения в три с половиной миллиона человек подобные небольшие сообщества составляли менее 1 процента населения и в тот момент не выделялись на общем фоне.

Однако начало XX века стало временем значительных изменений в этническом составе Канады. По данным переписи 1911 года, в Канаде проживало уже 22 этнические группы. Хотя доля англоканадцев в населении страны увеличилась, ни одна группа не превышала 30% населения. В этот же период вопросы этничности и расы начинали влиять на миграционную политику: были приняты дискриминационные законы, появились политические движения.

Сомнения в возможности интегрировать этнические меньшинства приобрели особое значение в военное время. Недоверие со стороны англоканадцев было встречено во многих этнических группах стремлением доказать свою лояльность через добровольное вступление в канадскую армию. Ярким примером являются канадские украинцы, которых в Канадском корпусе насчитывалось около 4 тысяч человек – при том что значительное количество украинцев в Канаде в годы Первой мировой войны прошло через интернирование. Министр милиции и обороны Канады Сэм Хьюс поддержал проведение мобилизации в границах этнических сообществ. В рамках данной политики подразделения создавались по этническому принципу. Таким образом, выражение этнических и культурных отличий – таких как введение килтов в военную форму для шотландских канадцев – превращалось в проявление гражданского патриотизма. Следует, тем не менее, отметить, что представители многих этнических групп смогли служить в армии только с 1916 года, когда возникла необходимость восполнить потери.

Основу Канадского экспедиционного корпуса составили англоканадцы, чувствовавшие особую связь с Британской империей. Так, первый призыв на две трети состоял из иммигрантов с Британских островов. Полностью противоположной была ситуация в Квебеке, где население протестовало против участия в войне, вплоть до бунтов в 1918 году. Франкоканадцы не испытовали особой привязанности к Британской империи; более того, Анри Бурасса, лидер франко-канадских националистов, утверждал, что настоящим врагом франкоканадцев являются не немцы, а «англо-канадские англификаторы, оранжистские интриганы, или ирландские священники» [8: 180].

С учетом сложной политической ситуации в Ирландии, можно было ожидать, что позиция канадских ирландцев будет ближе к франкоканадцам, чем к англоканадцам.

Однако ирландская диаспора, напротив, встала на сторону империи и с энтузиазмом отнеслась к военному призыву.

Строго говоря, если сравнивать количество призывников с общей численностью группы, то некоторые этнические группы показали большее стремление к участию в войне – в первую очередь, конечно, англоканадцы, но также и украинцы, японцы, чернокожие канадцы и индейцы. Энтузиазм этнических меньшинств объяснялся стремлением достичь равных политических прав [3: 16]. Однако в абсолютных цифрах ирландцы оказались второй по численности группой призывников после англоканадцев. Кроме того, весомое различие заключается и в том, что ирландцы сочетали ирландскую и канадскую идентичность, тогда как представители других этнических групп, как правило, акцентировали внимание на канадской идентичности.

Всего в Первой мировой войне участвовало 19.327 канадских ирландцев, что составляло 3 % Канадского экспедиционного корпуса. Помимо этого, в Канадскую армию записывались и американские ирландцы. Порядка 2 тысяч канадских ирландцев погибло в боях – это 4 % всех погибших в ирландских подразделениях.

Наиболее активное участие в мобилизационной компании принимало общество Ирландско-канадских рейнджеров, созданное в 1914 году в Монреале по инициативе ирландской диаспоры, на базе которого были сформированы два ирландских батальона: 80-й в 1915 году и 199-й в 1916 году. Именно 199-й ирландский батальон является наиболее известным и исследованным среди ирландско-канадских боевых подразделений. Однако добровольная мобилизация ирландцев проводилась и в других провинциях Канады. Для примера можно привести 208-й батальон, сформированный в Торонто, и 218-й батальон, сформированный в Эдмонтоне.

Тем не менее, военный аспект в данном исследовании находится на втором плане, поскольку и участие в войне канадских ирландцев, и участие Канады в целом было достаточно ограниченным. В первую очередь, следует рассматривать политическую составляющую вопроса.

Ситуация в Канаде значительно отличалась от того, что можно было наблюдать в других ирландских сообществах. В самой Ирландии вопрос участия в войне вызвал разногласия. Сторонники юнионистов встали на сторону империи. Большинство националистов первоначально поддержало призыв. Как выразился Джон Редмонд, «эта война идет во имя защиты высших принципов религии, морали и права, и было бы позором для нашей страны и упреком ее мужественности, если бы молодая Ирландия ограничила свои усилия, оставшись дома…» [7: 124]. Часть движения не приняла его позиции, однако таких было меньшинство. Впрочем, Джеймс Коннолли, один из лидеров ирландских революционеров, считал, что ирландцы добровольно записываются на фронт в первую очередь из-за тяжелой экономической ситуации в Ирландии [4].

Однако вскоре поддержка сменилась разочарованием. Тяжелые потери на фронтах подогревали критические настроения. Например, ирландская писательница Кэйтрин Тайнан после высадки в заливе Сувла написала, что «впервые пришла горечь, мы почувствовали, что их [ирландских солдат] жизни выброшены прочь, и героизм остался незамеченным» [5: 178]. В этих условиях росла популярность революционного движения.

Схожая ситуация сложилась в ирландской диаспоре США. Хотя значительное количество американских ирландцев добровольно вступило в армию США, более радикально настроенные ирландцы считали, что победа Германии, напротив, будет способствовать освобождению Ирландии. К примеру, Джон Девой, один из лидеров радикальной ирландской организации «Клан на Гэль», участвовал в организации переговоров с германским правительством и массового митинг против войны 24 июня 1915 на Мэдисон-сквер, Нью-Йорк.

Совершенно другая ситуация сложилась в Канаде. Военный призыв был активно поддержан канадскими ирландцами. В поддержку войны выступили многие видные представители диаспоры. Кроме того, ирландская диаспора оказывала материальную поддержку ирландцам, участвовавшим в войне – как ирландские организации, так и отдельные люди активно делали пожертвования. Возникло движение ирландских женщин, добровольно помогавших на военных сборах.

Канадско-ирландское духовенство активно призывало к службе в армии. Важно подчеркнуть, что призыв поддержали как католическая, так и протестантская части ирландской диаспоры. Следует отметить, что, хотя католические символы выдвигались на первый план, 45% солдат были протестантами, и в подразделениях канадских ирландцев было по два капеллана, из которых один представлял протестантизм, а второй – католичество.

Практически во всех заявлениях представителей ирландской диаспоры Канады прослеживался мотив лояльности Британской империи. Показательной является реакция ирландской диаспоры в Канаде на заявления некоторых видных американо-ирландцев, критиковавших участие британских доминионов в войне на стороне Британии. Например, когда подобные взгляды высказал президент Американского общества хибернианцев Джозеф Маклафлин, канадские члены общества, возмущенные подобной прогерманской позицией, потребовали отделения и создания Канадского общества хибернианцев [10: 84].

Высокий уровень поддержки войны среди представителей ирландской диаспоры становится еще яснее, если рассмотреть ирландское сообщество Монреаля. Канадские ирландцы разительно контрастировали с франкоканадцами, занимавшими пацифистские позиции. На выборах 1917 года в Квебеке сторонники участия в войне победили только в округах с ирландским населением благодаря поддержке ирландского электората [11: 80].

Другими словами, политическая составляющая явно превалировала над военной необходимостью. В данном контексте показательна история 199-го батальона, известного также как «Ирландские рейнджеры герцогини Коннаутской». Батальон был назван в честь принцессы Луизы Маргариты Прусской, герцогини Коннаутской, в тот момент – супруги генерал-губернатора Канады и покровительницы 199-го батальона. Уже тот факт, что в названии подразделения упоминается Коннаут, одна из четырех провинций Ирландии, можно считать политическим заявлением.

Ирландская идентичность батальона подчеркивалась неоднократно. В ходе проведения мобилизации, к примеру, был выдвинут лозунг «малые народы должны быть свободны», который можно отнести как к требованию освободить Бельгию, так и к са-

мой Ирландии. Характерны также пропагандистские плакаты: один из них, например, изображал объединенную Ирландию.

Однако требование «свободной и объединенной Ирландии» можно понимать поразному. Ирландская диаспора в Канаде, в основном, выступала в поддержку особого статуса Ирландии *в составе* Британской империи. Однозначного согласия по данному вопросу в сообществе не было – например, оранжисты выступили с критикой билля о гомруле. Тем не менее, большинство ирландцев в Канаде поддержало идею ирландского самоуправления.

Джон О'Горман, католический священник, служивший в годы Первой мировой войны в канадской армии капелланом, выдвинул идею «двойного долга»: канадские ирландцы несут долг и перед Канадой, и перед Ирландией. Однако эти две обязанности не противоречат друг другу, потому что участие в Первой мировой войне – это борьба за права малых народов (например, католической Бельгии, оккупированной Германией), а значит, и за Ирландию [2: 56]. В этом контексте тот факт, что добровольный призыв продолжался параллельно с Пасхальным восстанием в Ирландии, хотя представители ирландской диаспоры критиковали слишком жестокую реакцию британских властей, следует понимать как жест лояльности и приверженности единству Британской империи при сохранении требований автономии.

После отправки в декабре 1916 года в Европу 199-й батальон совершил тур по Ирландии. С 25 января по 2 февраля он посетил Дублин, Белфаст, Арму, Корк и Лимерик, везде встречая горячий прием. Примечательно, что в речах и высказываниях, произнесенных в честь ирландских рейнджеров, часто появлялась идея «свободной и объединенной Ирландии» - свободной, в том числе, и от политических и религиозных конфликтов; на канадских ирландцев при этом ссылались как на пример процветающего сообщества, в котором мирно уживаются католики и протестанты.

Военная история ирландских батальонов оказалась далеко не такой яркой, как политическая. Поскольку при создании этнических подразделений военная целесообразность зачастую оказывалась на втором месте, большинство подобных отрядов оказались не укомплектованы личным составом и после прибытия в Европу были расформированы. Несмотря на обещания министра обороны, ни один из ирландских батальонов не сражался под своим номером, что вызвало возмущение ирландской диаспоры. Канадские ирландцы вошли в состав 22 и 23 батальонов Канадского экспедиционного корпуса.

Формально ирландские батальоны продолжали сохраняться в канадской армии и после окончания Первой мировой войны, однако существовали исключительно на бумаге.

Таким образом, в ходе Первой мировой войны ирландская диаспора Канады проявила себя и как ирландцев, и как канадцев, и как поданных Британской империи.

Примечания.

1. David A. Wilson. Irish Nationalism in Canada. McGill-Queen's Press, 2009.
2. Gordon L. Heath, Canadian Churches and the First World War. Lutterworth Press, 2014.

3. James W. St.G. Walker. Race and Recruitment in World War I: Enlistment of Visible Minorities in the Canadian Expeditionary Force. Canadian Historical Review, LXX, 1, 1989.
4. J. Connolly. Economic Conscription. Workers' Republic, 18 December 1915.
5. K. Tynan. The years of the shadow. Constable and Company, 1919.
6. M. Barlow. Griffintown: Identity and Memory in an Irish Diaspora Neighbourhood. UBC Press, 2017.
7. M. Coleman, The Irish Revolution, 1916-1923. Routledge, 2013.
8. M. Desmond. A Short History of Canada. Toronto: McClelland and Stewart, 5 edition, 2000.
9. M. Drysdale. Canada to Ireland: The Visit of "The Duchess of Connaught's Own". London, 1917.
10. R. McLaughlin. Irish Canadian Conflict and the Struggle for Irish Independence, 1912-1925. University of Toronto Press, 2013.
11. Robin B. Burns. The Montreal Irish and the Great War. CCHA Historical Studies, 52 (1985).
12. S. Marti. Hands Across the Sea: Irish and Scottish Battalions in the Australian and Canadian Expeditionary Forces, 1914-1918 - URL: http://stevemarti.com/australia/hands-across-the-sea-irish-and-scottish-battalions-in-the-aif-and-cef/ (дата обращения: 15.08.2018).
13. The Irish-Canadian Rangers. Montreal: Gazette Printing Co. Limited, 1916.

ГЕРМАНИЯ – НАШ УЧИТЕЛЬ И ВРАГ

С. Р. Горина

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, 444774448@mail.ru

Знаменитый швейцарский генерал Ф.С. Лагарп однажды сказал, что истинная жизнь бывает только вместе со свободой. Его слова оказались пророческими для русских солдат, попавших в плен в годы Первой мировой войны.

Одни из самых главных составляющих жизни любого человека – его здоровье и питание. Как только военнопленные попадали в лагерь, их осматривал доктор. Результаты осмотров обычно были следующими: люди истощены до крайней степени, многие не могут стоять на ногах, примерно половина страдала ярко выраженным туберкулезом легких, у большинства малокровие с большими отёками ног, полное отсутствие подкожной жировой клетчатки, контуры костей обрисовываются как на скелете [1,с.13]. Для того, чтобы избежать распространения инфекций, пленным делали прививки от множества болезней, причём все за один раз! Бывало, что, не смотря на плохое самочувствие пленного или повышение температуры, ему делали сразу 10 прививок [3,с.32]. В основном они были от оспы, тифа и холеры. В лагерях были устроены очистительные души и дезинфекционные камеры, в которых вещи дезинфицировались посредством пара и горячего воздуха. Благодаря этим мерам удалось победить сыпной тиф. Некоторые пленные после вшивной болезни переносили холеру, брюшной тиф, сыпной тиф,

дизентерию. Во время всех этих болезней они выглядели лучше, чем когда их поедали вши. Причём русские, соприкасаясь с немецким караулом подбрасывали им вещи, наполненные вшами. Например, наполняли пустые гильзы от папирос вшами и выдували этих вшей из гильз на проходящих немецких солдат.

Сказать, что в заключении пленных плохо кормили – значит не сказать ничего. Питание русских военнопленных менялось в зависимости от места их содержания и местонахождения. Лучше всего питались пленные, которые трудились в крестьянских хозяйствах, а хуже всего в рудниках [2,с.55]. Под столовые приспосабливали конюшни, бывало, что солдаты питались в одном помещении вместе с лошадьми и свиньями. До 1915 года пленным давали фунт хлеба в день и суп с мясом, а с 1916 года главной пищей была кормовая свёкла и брюква. Вновь прибывшие партии пленных кормили только на второй день. Причём этот процесс могли представить в самых изощрённых способах, например, в одном лагере перед заключенными поставили вёдра с нечищеным сырым картофелем и приказали его разбирать, поскольку на каждого пленного не хватило бы и десятой части картофелины, то они были вынуждены драться. Во время этого действия немцы стояли вместе со своими дамами, смеялись и говорили: «И с этой сволочью мы должны сражаться». В одном из лагерей праздничное меню было следующим: на первое – сладкий суп без мяса, на второе – компот с фиалками и подснежниками. Чего пленные только не ухитрялись употреблять в пищу: картофельную шелуху варили на чугунке, сушили и готовили суп. Ели смолу. Колбаса, которая выдавалась немецким начальством, была сделана из травы с гвоздикой, сыр производился из копыт лошадей путём их продолжительной выварки. В лагере г.Черск за 7 месяцев похоронили более 5 тысяч солдат. Главной причиной смертей был туберкулёз от истощения [3,с.93]. В этом же лагере находилось два больших лазарета: один общий, а другой для больных туберкулёзом. В один день было приказано поменять помещения для лазаретов местами без каких-либо дезинфекций, в результате все больные из общего лазарета заразились чахоткой. Незаглушённое чувство голода в плену доводило до того, что военнопленные, имея тайное общение с больными, находившимися в лазарете, покупали их испоражения и выдавали за свои, чтобы только попасть в холерный барак, так как там кормили несколько лучше, чем в лагерях [1,с.61]. Сытость бельгийцев, французов и англичан сразу провела резкую грань во взаимоотношениях с русскими. На остатки еды они могли иметь лакея [2,с.58]. Большинство французов имело прислужников, которые их обмывали, одевали и т.п. Русские обслуживали исключительно за порцию хлеба и миску супа. Многие из больных русских поправлялись именно как прислужники. Особенно бедность и богатство бросалось в глаза по праздничным дням, когда французы, англичане и бельгийцы выходили красиво одетые, а русские были в лохмотьях, отчасти одетые в старую одежду французов, англичан. Немалую роль сыграл тот факт, что пленные других государств получали от своих сограждан по одной посылке в неделю, наши – одну в четыре, пять месяцев и то не всегда. Во многом это было связано с тем, что русское общество было почти незнакомо с положение наших пленных в Германии, многие думали, что нашим пленным живется там так же хорошо, как пленным врагам в России [1, с.10].

Союзнические правительства очень резко реагировали на жестокое обращение с их солдатами и применяли контррепрессивные меры по отношению к немецким пленным. Поэтому с французами, англичанами и др. уже с осени 1915 года обращались лучше, чем с русскими [2,с.54]. К французам и англичанам приезжали представители Красного Креста, дипломатические агенты. Все они могли беседовать с пленным с глазу на глаз. Только русских пленных никто не защищал. Это обстоятельство служило превосходным агитационным средством для пропаганды против русского царя.

Примечания.

1. Базилевич М.П. Положение русских пленных в Германии и отношение германцев к населению занятых ими областей Царства Польского и Литвы. – Новое время – Пг., 1917. – 208 с.
2. Кирш, Ю.И**.** Под сапогом Вильгельма : (из записок рядового военнопленного № 4925). 1914-1918 гг. / Ю. Кирш. - М. ; Л. : Гос. изд-во, 1925. - 104 с.
3. Успенский А.А. В плену. Ч.1 (1915 – 1916 гг.): (продолжение книги «На войне») : воспоминания офицера. – Kaunas, 1933. – 164 с.

ОТНОШЕНИЕ АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИИ К ДУХОВЕНСТВУ, ДВОРЯНСТВУ И ПРОСТОЛЮДИНАМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЗГЛЯДОВ РИШЕЛЬЕ

В. К. Графова

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, vgraf99@mail.ru

При рассмотрении различных политических и правовых учений основное внимание уделяется обычно доктринам философов, взгляды на государство и право, на его социальный строй политических деятелей изучены в меньшей степени. Взгляды Ришелье представляют немалый интерес как концепция, с позиций которой он 18 лет фактически управлял государством, и как доктрина авторитарного режима (ведь утверждение абсолютизма во Франции – это главная заслуга политической деятельности Ришелье).

При написании статьи были использованы следующие источники: «Политическое завещание, или Принципы управления государством» Ришелье, «Эдикт против дуэлей» (февраль 1626 год), «Королевская декларация о снесении замков» (31 июля 1626 год), «Эдикт, запрещающий парламентом вмешиваться в государственные дела и администрацию»(1641год).

В «Политическом завещании» Ришелье сформулировал свое отношение к сословиям. Например, «дворянство надо рассматривать, как один из главнейших нервов государства, могущий много способствовать его сохранению и упрочению» [2, с.9-11]. Дворянство, в течение некоторого времени было унижено чиновниками, поэтому оно нуждается в поддержке против посягательств и притеснений. Однако в виду того, что они жестоко обращаются с народом, необходимо прекратить данный беспорядок. «Чрезвычайно важно со всей суровостью постоянно пресекать подобные безобразия, чтобы под сенью Ваших законов слабейшие из Ваших подданных, пусть они и без-

оружны, чувствовали себя в такой же безопасности, как и люди вооружённые» [2, с.9-11]. Дворянство необходимо приучить к дисциплине, дабы оно могло сохранить и приумножить свою славу и послужить на пользу государству. А тех, «кто, отстав от доблести предков, уклоняются от того, чтобы служить короне шпагой и жизнью с постоянством и твердостью, коих требуют законы государства, заслуживают быть лишенными выгод своего происхождения и принужденными нести часть бремени народа» [2, с.9-11]. Кардинал Ришелье считал, что необходимо всячески стараться, чтобы за дворянами сохранялось их имущество, доставшееся по наследству, и предоставлять им возможность его приумножить.

В 1626 году был издан «Эдикт против дуэлей». Он запрещал дуэли под страхом лишения дуэлянтов дворянского титула. Это стало попыткой сохранить сословие от самоуничтожения. «Так как нет ничего, что нарушало бы более святотатственным образом божеский закон, чем необузданная страсть к дуэлям, и нет ничего вреднее для сохранения и увеличения нашего государства, так как благодаря этому исступлению погибает большое количество нашего дворянства, которое является одним из главных устоев государства» [3].

Свое отношение к буржуазии Ришелье не скрывает. В самом начале своего «Политического завещания» он говорит об этом сословии, что дворянство в течении некоторого времени было унижено из-за большого количества чиновников , которых «зло века создало в ущерб ему»[3]. Он отмечает, что лица, которые должны сохранять справедливость и равновесие во всех делах, сами перетянули чашу весов в свою пользу, и уже невозможно найти противовеса. Ришелье считает, что верное средство состоит в упразднении продажности и отмене наследования должностей и в бесплатной их раздаче таким людям, чьи способности и порядочность настолько известны, что их право занять должность в силу собственных достоинств не может быть оспорено даже завистниками.

Достаток, по мнению Ришелье, является превосходным украшением для чинов, которые немало выигрывают от внешнего блеска, и можно смело сказать, что из двух человек равных достоинств следует предпочесть того, у которого лучше сложились денежные обстоятельства, так как неимущий государственный чиновник должен обладать поистине закалённым характером, который не позволит ему идти на поводу собственной корысти. «Да и опыт учит нас, - пишет Ришелье, - что богатые менее склонны к мздоимству и что бедность принуждает чиновника весьма радеть о побочном доходе»[7].

По мнению кардинала, целесообразнее иметь чиновников как пожилых, так и молодых, ибо рассудительность первых может немало способствовать наставлению вторых, а энергичность молодых необходима для того, чтобы вселять бодрость в стариков и побуждать их к работе. Финансистов и откупщиков называл «злом, без которого нельзя обойтись»[3]. Ришелье приходит к выводу, что за исключением ряда необходимых чиновников – таких, как главный казначей, генеральный сборщик налогов, два-три казначея Франции в каждом крупном податном округе и такого же числа ведающих податями королевских чиновников, нужно упразднить все остальные должности, и это будет немалая услуга государству.

Кардинал также пытался уменьшить влияние парламентов (которые являлись в то время, прежде всего судебными органами), губернаторов, вообще высших чиновников, должности которых покупались и могли передаваться по наследству. В связи с этим, в 1641 году был издан «Эдикт, запрещающий парламентом вмешиваться в государственные дела и администрацию». Суть его состояла в том, что парламенту строго запрещалось не только брать в свое ведение дела, которые могут касаться государства, администрации и правительства.

Ришелье считает, какое бы решение для наведения порядка ни было принято, без принятия определенных мер, относительно буржуазии, будет совершенно невозможно сохранить королевскую казну, ибо нет ни казней, ни пыток столь страшных, чтобы помешать множеству чиновников от финансов присвоить себе часть из того, что пройдёт через их руки.

Касаемо народа, Ришелье пишет, что все политики сходятся во мнении, что если бы народ жил в слишком большом достатке, то было бы невозможно держать его в повиновении. Они исходят из того, что, обладая меньшими познаниями, чем прочие сословия государства, несравненно лучше воспитанные и образованные, народ едва ли оставался бы верен порядку, который предписан ему разумом и законами, если бы его до некоторой степени не сдерживала нужда. Ришелье считает, что разум не позволяет освобождать народ от каких бы то ни было тягот, ибо, теряя в таком случае знак своего подчинения, народ забыл бы о своей участи и, будучи освобожден от податей, вообразил бы, что он свободен и от повиновения. Если бы народ слишком благоденствовал, его нельзя было бы удержать в границах его обязанностей. А крестьянин не стал бы работать, если бы его постоянно не подстегивала нужда: нищета казалась единственным средством против лености. Ришелье народ сравнивает с мулом, который портится от продолжительного отдыха больше , чем от работы. Он должен трудиться в меру, а груз должен быть сопоставим с его силами. Так же касаемо поборов, если они не будут умеренными, то, какова бы ни была их общественная польза, они не перестанут быть несправедливыми.

Таким образом, начиная с дворянства, Ришелье, с помощью реформ и нововведений, добивался безусловного подчинения королевской знати, улучшая и поддерживая дисциплину данного сословия. Кардинал предлагал ряд мер, для того, чтобы уберечь государство от разорения из-за вольности буржуазии и чиновников. Также, Ришелье выступал в защиту народа, но все же считал, что его нужно держать в повиновении. Были проведены многочесленные мероприятия и приняты меры по отношению ко всем сословиям, тем самым Ришелье удалось создать централизованное государство.

Примечания.

1. Внутренняя политика французского абсолютизма. 1633 - 1949. Под ред. А.Д.Люблинской. М., Л., 1962.
2. Ришелье Политическое завещание (извлечения) // В кн. С.Д.Сказкин Старый порядок во Франции. М., Л.,- 1925.

3. Арман-Жан дю Плесси, кардинал-герцог де Ришелье Политическое завещание, или Принципы управления государством (пер. Л. А. Сифурова) - режим доступа: http://coollib.com/b/282252/read
4. Хрестоматия по истории средних веков. Под ред. Н.П.Грацианского и С.Д.Сказкина. М.,- 1950. Т.3.
5. Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630 - 1642 гг.- Л.,-1982.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНКЛИНА В ПАРИЖЕ (1776 – 1778)

В. К. Гречко
МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

В конце 1776 года, за тринадцать лет до начала французской революции, Бенджамин Франклин был отправлен во Францию в качестве первого посла Соединенных Штатов Америки. Благодаря своим научным достижениям, а также успехам в политической деятельности, Франклин прибыл в Париж уже знаменитым и едва не стал национальным героем, олицетворяющим символ «свободы в Новом Свете». Его главная цель заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой (как финансовой, так и военной) для войны Америки против Британии. В этом он достиг успеха, главным образом, благодаря сложным переговорам с французским правительством.

Однако этому событию предшествовали огромные неудачи Франклина на протяжении всего 1777 года. Правительство предпочитало не действовать открыто, каждый раз убеждая свою соперницу - Англию, что не имеет никакого отношения к американским повстанцем, борющихся со своей «Alma mater». И именно из-за пассивности французского правительства, Франклин был вынужден обратиться к французскому народу. Как журналист и политический деятель, знаменитый американец хорошо понимал силу общественного мнения. Он договорился с Конгрессом, что тот вышлет ему “вдохновляющие документы”, в том числе Декларацию Независимости и текст Конституции, который он лично написал, в свое время, для Пенсильвании. [10:271]

«*Вся Европа за нас*», — сообщал он в письме, адресованном Комитету секретной корреспонденции. “*Благодаря нашим статьям Конфедерации, переведенным и опубликованным здесь, Франция имеет представление об американских идеалах, утверждая таким образом ее позиции, и делая их более значимыми*.” Он продолжает: «*Тирания настолько прочно укоренилась в остальной̆ части мира, что перспектива возникновения в Америке убежища для тех, кто любит свободу, порождает общую радость, и наше дело вызывает уважение всего человечества*». Он заканчивает письмо фразой: «*Мы боремся за достоинство и счастье всех людей̆. Американцам выпала честь быть призванными провидением для выполнения этой̆ почётной̆ задачи*». [1]

Франклин стремился использовать французскую прессу для того, чтобы получить дополнительные средства для ведения войны, а также убедить французское обще-

ство во благе американской идеи. Он пишет четыре брошюры: «Сравнение Великобритании и Северной Америки», «Английский национальный долг», «Диалог между Англией, Испанией, Голландией, Саксонией и Америкой» и «Продажа гессенцев». Все эти произведения, конечно, имели политическую подоплеку, а круг читателей в Париже постоянно расширялся за счет ознакомления французов с научными и философскими работами знаменитого американца.

В своем первом произведении «Сравнение», Франклин представляет вниманию читателей английскую и американскую модель кредитования. Где выгоднее и безопаснее занимать деньги? Не сложно догадаться, что, конечно, в США . Однако, Франклин подводит к этой мысли последовательно, твердо аргументируя свою позицию по пунктам. Так он приводит пример, что к 1772 году Америка исправно платила свои долги, что не скажешь об Англии, которая, несмотря на прибыльную торговлю, откладывала момент расчета. Еще одним аргументом в «Сравнении» послужил тот факт, что в Америке все люди постоянно заняты и поэтому собраны, что не скажешь о “праздной” Англии. Отсюда вытекает способность к ведению бизнеса, ведь навыки его приобретаются лишь с опытом, который невозможно получить в случае отсутствия постоянной практики. Такое качество как бережливость - тоже занимает прочное место в рассуждениях Франклина. Америка в 18 веке только начинала свой путь будущей великой экономической державы, поэтому люди времен Франклина привыкли жить скромно и расчетливо, полагаясь только на себя. Залог дорогого внешнего вида – это кредит, его все старались избегать, экономя на предметах роскоши, делая ставку на практичные и бюджетные вещи. В Англии ситуация в корне отличалась, обычные люди платили налоги, чтобы содержать королевскую семью, государственных секретарей, лордов казначейства и многих других. Элита купалась в роскоши, а бедняки были вынуждены считать каждый фартинг. Кроме того, Франклин говорит о том, что Америка всегда выплачивает свои долги, в то время как Англия предпочитает их накапливать. «*Живя в долг, островное королевство может столкнуться с неприятными для себя последствиями, особенно если Америка приобретет независимость и сломит монополию на торговлю* » - комментирует автор**.** Ресурсы Америки в тоже имеют огромное значение в повествовании Франклина. Новый континент огромен, следовательно, и их возможности тоже, в то время как Великобритания уже исчерпала большинство своих ресурсов на протяжении тысячелетний истории, а расширение территорий не представлялось возможным в виду островного положения. Из всего вышесказанного Франклин заключает, что в целом, если сравнивать трудолюбие, бережливость, способности, благоразумие и добродетели Америки и Великобритании, то первая гораздо более ответственна и, соответственно, безопасна в качестве должника. «*Вы всегда можете быть уверены, что ваш долг будет возвращен сполна*»- подчеркивает Франклин, а в конце он открытым текстом призывает народ к сопротивлению против господства Великобритании посредством кредита: «*щедрые умы, выдавая кредиты Америке, противостоят тирании и помогают делу свободы, которое является делом всего человечества*».[2]

Статья Франклина «Сравнение Великобритании и Америки по кредитам» была опубликовано во французской газете «Affaires del’Angleterre et de l’Amérique.», носившей чисто антианглийский характер. Название было переработано редакторами как

«Письмо банкиру», а авторство не указывалось. Стоит отметить, что газета была образована под непосредственным руководством Верженна - министра иностранных дел, который оказал огромное влияние на короля при заключении франко-американского договора 1778 года. Несмотря на непродолжительное существование газеты, всего с 1776 по 1779 год, она носила международный характер и была очень популярна в средних кругах. Статьи для этой газеты писались как французскими, так и американскими авторами. Франклин во время своего пребывания во Франции постоянно снабжал их информацией, работая непосредственно с редактором этой газеты Э.-Ж. Женэ., который, в свою очередь, заведовал бюро переводчиков в МИДе. Помимо вклада Франклина во французскую газету, также использовалась английская пресса, большая часть статей которой были посвящены американской войне за независимость, ее ходу и причинам. Авторы «Affaires del'Angleterre et de l'Amérique» призывали французов и другие народы Европы проникнуться сочувствием к американскому делу и ускорить процесс признания Францией независимости США от Англии. [8:60]

Помимо этого произведения, Бенджамин Франклин пишет в августе 1777 года короткое эссе «Катехизис по отношению к английскому Государственному долгу». Повествование строится в форме вопроса и ответа. Автор подсчитывает примерный долг Великобритании и приходит к ужасающему выводу, смысл которого можно свести к следующему: Англия начнет выплачивать долги не иначе после того как станет самой богатой страной в мире. А это произойдет: "Никогда!" [3]. Проанализировав статью, можно охарактеризовать ее как тонкую иронию, в которой есть истина, но явно преувеличенная и приукрашенная. Франклин лишний раз пытается убедить европейское общество, каким злом на самом деле является Англия, и что наилучшим выходом из сложившейся ситуации была бы свергнутая монополия на торговлю.

Третья статья Франклина называлась: "Диалог между Англией, Испанией, Голландией, Саксонией и Америкой". Статья предположительно относится к 1775 году, когда Франклин все еще находился в США, а война за независимость только набирала свою силу на американском континенте. Согласно источнику, время написания статьи датируется не точно, поэтому я взяла на себя смелость предположить, что работа вышла в свет в Париже в 1777 году, так как наблюдается явная схожесть с предыдущими сочинениями. В статье Франклин разыгрывает ситуацию, когда Англия просит помощи у своих сестер: у Франции, Саксонии, Голландии и Испании. Но ни одна из сестер не хочет помочь Англии усмирить ее колонии, так как эта сестра была самой ненадежной и часто предавала свою семью. Англия шуточно задает риторический вопрос своим сестрам: «Но где же все мои друзья?» Но ответ оказался явно категорическим и поучительным: «Поверь, у тебя их нет, и никогда не будет, пока не исправишь ты свои манеры. Как мы можем ожидать от тебя любой справедливости, когда сила и жадность твоя увеличивается?» [4] Здесь прослеживается очередное высмеивание Англии Франклином, его сатира была создана, чтобы напомнить континентальной Европе, сколько раз Великобритания предавала их без зазрения совести. О тех событиях, когда «сестры» так надеялись на помощь, однако не получили ее. Франклин вновь призывает всех от-

клониться от помощи Англии и бросить ей смелый вызов. Он стремится показать через свою работу реальное положение вещей, напоминает тот очевидный факт, что Великобритания действует лишь в угоду себе и никогда не воспринимала своих «сестер» всерьез.

Последнее эссе, которое, вероятно, принадлежит перу Франклина, называется «Продажа гессенцев». [9:428] Если до этого речь шла только о сатирах и ирониях, то теперь мы можем явно наблюдать злую пародия по мотивам «Эдикта короля Пруссии». Именно из-за некоторого сходства с этим произведением, авторство можно причислять Франклину. [5]

Повествование "Продажи гессенцев" строится в форме письма, адресованному командующему войсками гессенцев в Америке Хоэндорфу , от немецкого графа Шаумберга. Наёмничество широко практиковалось на территории Священной Римской Империи, в особенности в немецком княжестве Гессен-Касселе, где продажа наемников была основным источника дохода государства. В письме граф получал щедрую плату за гибель каждого солдата, направленного за океан. До этого с Британией были достигнуты договоренности, что плата будет поступать за каждого убитого солдата, но не за раненых. Поэтому в письме граф хвалит командующего за большую смертность солдат на поле боя. Кроме этого, граф настаивает, чтобы не было предпринято попыток вылечить тех солдат, кто получил тяжелые ранения во время битвы. Он пишет: «*Если солдат лишился руки или ноги в ходе военных действия, то это пагубный подарок для их семьи, и я уверен, что они вскоре умрут. И лучше пусть будет так, нежели чем они будут жить более негодные для моей службы. Конечно, я не имею в виду, что вы должны убить их; мы должны быть гуманными. Мой дорогой Барон, но вы можете намекнуть хирургам, что калека-это упрек их профессии, и что нет более мудрой идеи, чем позволить каждому из них умереть». [6]*

Все работы Франклина были напечатаны в вышеупомянутой газете «Affaires del'Angleterre et de l'Amérique.» на четырех языках. [7:129] Однако, статьи не привели к тем результатам, на которые рассчитывал Франклин. Общество любило и уважало как работы американского ученого, так и его самого, но его идеи еще были далеки от них. Только спустя десяток лет Франция приблизилась к осознанию новых идей, в Европе прогремела Великая Французская революция, положившая начало современным порядкам.

Примечания.

1. B.F. Papers. Vol. 23, p. 466. [Электронный ресурс]/ The American Commissioners to the Committee of Secret Correspondence Wed, Mar 12, 1777./ URL: http://franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp?vol=24&page=508a (дата обращения: 09.02.2018).
2. B.F. Papers. Vol. 24, p. 508. [Электронный ресурс]/Comparison of Great Britain and America as to Credit, in 1777 Mon, Sep 8, 1777./ URL: http://franklinpapers.org/franklin/framedVolumes.jsp?vol=24&page=508a (дата обращения: 09.02.2018).

3. B.F. Papers. Vol. 24. p 483[Электронный ресурс]/A Catechism Relative to the English National Debt August 1777./ URL: http://franklinpapers.org/franklin/yale?vol=24&page=483a (дата обращения: 10.02.2018).
4. B.F. Papers. Vol. 21. p. 600. [Электронный ресурс]/Dialogue between Britain, France, Spain, Holland, Saxony and America 1775./ URL: http://franklinpapers.org/franklin/yale?vol=21&page=600a (дата обращения: 10.02.2018).
5. B.F. Papers. Vol. 20. p. 413. [Электронный ресурс]/ An Edict by the King of Prussia Wed, Sep 22, 1773./ URL: http://franklinpapers.org/franklin/yale?vol=20&page=413a&rqs=0&rqs=1&rqs=2&rqs=3 (дата обращения: 13.02.2018). (Эта сатирическая статья высмеивает отношение Великобритания к колониям, проводя параллели с аналогичными отношениями между Пруссией и Великобританией.)
6. Benjamin Franklin. “The Sale of the Hessians”[Электронный ресурс]/ PARIS 1776-1785/ URL: https://martinsclass.wordpress.com/language-arts-10/the-sale-of-the-hessians-benjamin-franklin-hyper-text/ (дата обращения: 15.02.2018)
7. Bruschweiler-Wilhelm. J. Benjamin Franklin// Life sorties for young people. A.C. McCLURG&CO, Chicago. 1911. P.129.
8. Caitlin E. Schindler. The Origins of Public Diplomacy in US Statecraft: Uncovering a Forgotten Tradition. Palgrave Macmillan. Washington, 2018.
9. Вопрос об авторстве “Продажи гессенцев” до сих пор не выяснен. Д.Эчеверрия считает, что авторство, скорее всего принадлежит Франклину, но бесспорных доказательств этому нет.-Echeverria D. “The Sale of the Hessians”.Was Benjamin Franklin the Author?-The Proceedings of the American Philosophy Society. Vol. 98, №6
10. Айзексон У. Бенджамин Франклин. Биография. М., 2013.

СРАВНЕНИЕ ПОЛКОВОДЧЕСКОГО ТАЛАНТА АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО И ДАРИЯ III НА ПРИМЕРЕ СРАЖЕНИЯ ПРИ ГАВГАМЕЛАХ В 331 г. до н. э.

Г. Джумамырадов

ВлГУ, г. Владимир, Россия, gjumamyradov@yandex.ru

Цель данной статьи – сравнить полководческий талант Александра Македонского и Дария III на примере сражения при Гавгамелах, которое состоялось в 331 г. до н.э. Для этого были проанализированы такие источники, как сочинения римского историка Квинта Курция Руфа, греческих историков Диодора Сицилийского и Арриана, автора жизнеописания Александра Македонского Плутарха.

В 331 г. до н.э. произошло эпохальное событие, которое вошло в историю под названием сражение при Гавгамелах. Оно стало итогом противоречий между такими знаменитыми полководцами, как Дарий III и Александр Македонский, который совершал поход на Восток.

Рассмотрим подготовку к сражению. Дарий прекрасно разбирался в оружии, как отмечают историки. Так, он придумал к ступицам и дышлам колесниц прикрепить специальное остро отточенное острие. Персы считали, что такие агрегаты могут принести огромные потери войску противников. Было усовершенствовано и оружие пехотинцев, которое стало еще более мощным [3: XVII.53; 4: IX. 3-5].

Александр Македонский к началу осени 331 г. до н.э. приблизился к р. Тигр. К этому времени среди греков уже были пленные, которые рассказали, что персидский военачальник будет препятствовать переправе армии Александра через данную реку. Однако когда Александр предпринял попытку переправиться через водоем, на противоположном берегу персов не оказалось. Полководец персов Мазей, который следил за передвижениями Александра, не решился вступить в бой. В это время армия Дария III продолжала совершенствовать свою технику и оружие. Возможно, Дарий упустил хороший шанс помешать Александру, так как переправа через Тигр, как ее описывают Курций Руф и Диодор Сицилийский, была тяжелой и опасной [3: XVII.55; 4: IX. 15-22].

Посмотрим, как вели себя полководцы во время сражения. Курций Руф отмечает, что сражение проходило при численном превосходстве персов, которыми руководил Дарий III. Соотношение сил сводилось к нескольким сотням тысяч воинов со стороны персов и нескольким десяткам тысяч человек со стороны греко-македонской армии, которой руководил Александр [4: XII.13]. Плутарх же пишет о том, что численность персов достигала миллиона человек [5: 31.1].

Битва при Гавгамелах была жаркой. Уже в самом начале битвы Парменион, который командовал левым флангом греко-македонской армии, понес существенные потери и стал просить помощи у Александра, но тот отказал ему [5: 31.3]. Дарий в атаке использовал серпоносные колесницы – запряженные четвёркой лошадей двухколесные повозки, на осях которых крепились скребницы, обращенные острыми зубьями к противнику; на краях скребниц крепили еще и серпы. Армия Александра расступились и пропустила страшное оружие мимо себя. Скорее всего воины не бегали от колесниц по всему полю, а просто заступали друг за друга и тем самым в секунды, сделав всего пару шагов, сокращали линейное построение в два раза. А после растерянных возниц, управлявших колесницами, перебили боковой атакой или метательным оружием.

По мнению Арриана, Александр Македонский, руководивший правым флангом, совершил обманный и совершенно непредсказуемый маневр. Он направил свои силы вправо вдоль персидского фронта. Дарий ничего не понял. Через некоторое время он приказал силам своего левого фланга выдвинуться навстречу врагу. В результате в его построении образовался разрыв между левым флангом и центром, куда устремился Александр [1: XVII. 53].

Александр во главе тяжелой конницы македонян прорубался к Дарию, а тот, стоя на колеснице, метал в приближавшихся врагов дротики. Древний автор добавляет детали: когда цари схватились друг с другом, Александр бросил дротик в Дария, но, промахнувшись, убил его возницу [2: 150]. Персы решили, что убит сам царь, и обрати-

лись в бегство. Упорно державшийся отряд персидской гвардии вскоре был разметан, и Дарий, оказавшись без прикрытия, также устремил свою колесницу прочь с поля боя. Бегство Дария привело персидскую армию к полному краху, а македонский царь одержал еще одну триумфальную победу.

Несмотря на свое немногочисленное войско, Александр Македонский смог одержать победу благодаря своему уму и расчетливости. Особенно восхваляет Македонского Плутарх. Его больше интересуют нравственные качества Александра и вопрос о том, обязан ли Александр своими успехами собственным достоинствам или «счастью». Плутарх отмечает, что Александр обладал качествами настоящего воина, а именно был мужественным, храбрым, стремился открыто сразиться с Дарием [5: 31-32]. Для Арриана описание похода Александра Македонского было делом всей его жизни. Он отмечает, что «…Александр первый среди воителей» [1: I.12.4-5]. Такой же позиции придерживается Диодор Сицилийский [3: XVII, 65].

Битва при Гавгамелах стала ключевой в походах Александра Македонского и поставила точку в более чем двухвековой истории великой персидской державы Ахеменидов. Арриан пишет о том, что Дарий бежал через Каспийские ворота в горы Мидии, думая собрать новую армию, но бесславно погиб от руки собственного сатрапа. Александр устроил для царственного противника пышные похороны. Позже захватил его убийцу и передал для расправы брату Дария.

Таким образом, сочинения древних историков повествуют нам об одном из серии подвигов Александра Македонского, а точнее – о победе над персами в битве при Гавгамелах. Можно заметить, что все авторы стоят на стороне Александра Македонского, который проявил военную хитрость и незаурядность ума во время крупного сражения. Однако Диодор Сицилийский, рассказывая о молодости Дария, отмечает, что он был выбран на персидский трон благодаря своей храбрости: однажды во время войны персов против кадусиев Дарий вызвался на поединок и победил своего противника [3: XVII, 6]. Одобрительно отзывается Диодор о Дарии и тогда, когда пишет о подготовке персидской армии к войне против Александра: персидский царь хорошо вооружил войско, поставил доблестных военачальников, постоянными упражнениями приучал свое войско к дисциплине [3: XVII, 53]. Но во время сражения при Гавгамелах Дарий III не проявил себя с лучшей стороны. Александр сумел нейтрализовать грозное оружие персов, подготовленное Дарием, – колесницы с серпами. Несмотря на успехи персов на правом фланге под руководством Мазея, Дарий III испугался натиска Александра и обратился в бегство. Вероятно, сказалось то, что Александр Македонский имел более длительный военный опыт, чем Дарий.

Примечания:

1. Арриан. Поход Александра. М., 1993.
2. Беликов А.П. Рим и эллинизм: Проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003.
3. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. – URL: http://simposium.ru/node/863// (дата обращения: 30.10.18).
4. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1993.
5. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Александр Македонский. – URL: http://ancientrome.ru/antlit

ВОСПРИЯТИЕ ПОСТСОВЕТСКИХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ АДМИНИСТРАЦИЕЙ ПРЕЗИДЕНТА КЛИНТОНА (1996 – 1999)

М. Ю. Дудченко

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, mdudch@gmail.com

13 июля 2018 года Президентская Библиотека Клинтона рассекретила телефонные переговоры президента США Билла Клинтона и президента России Бориса Ельцина. В 591-страничном документе предоставлены расшифровки личных телефонных бесед президентов с 21 апреля 1996 года по 31 декабря 1999 года. Подобные данные позволяют по-новому взглянуть на внешнеполитические отношения США и Росси и оценить восприятие проводимых на постсоветском пространстве демократических реформ президентской администрацией США и лично Биллом Клинтоном, как главой государства, которое способствовало проведению многих преобразований в Российской Федерации. К 1996 году основные демократические реформы, такие, как либерализация цен, объявление свободы торговли, денежная реформа, приватизация имущества были завершены. Также в 1993 году был завершен конституционный кризис, результатом которого стало принятие конституции Российской Федерации, предоставлявшей президенту высокие полномочия. В 1996 году должны были состояться президентские выборы в обоих странах – в июне в России и в ноябре в США. На этом фоне есть возможность отследить как личные отношения первых лиц государства, так и в целом внешнеполитические отношения стран.

Прежде всего, необходимо отметить, что отношения Билла Клинтона и Бориса Ельцина были довольно близкими и дружественными. Президенты регулярно обращаются к друг другу по имени, часто говорят о том, как они рады друг друга слышать [President Clinton: It’s wonderful to hear your voice], [4: 64, 67], часто говорят о том, как скучали без бесед друг с другом [President Yeltisn: <…> You know, I started to miss your voice. President Clinton: I miss you too] [4: 183]. Президент Клинтон утверждает, что волнуется за операцию Ельцина и рад, что она прошла успешно [President Clinton: I wanted to give you best wishes for your successful surgery and speedy recovery] [4:64]. Президенты «сердечно» поздравляют друг друга с победой на выборах. [President Clinton: Congratulations. I'm proud of how hard you fought <…> I'm so happy and I wanted to call and tell you that I am proud of you] [4:49]. Это показывает, что Клинтон действительно видел в Ельцине человека близкого в идеологическом плане, нацеленного на установление прочной дружбы и сотрудничества. Возможно, он предполагал, что такие теплые личные отношения с президентом России позволят ему стабилизировать внешнеполитические отношения, которые на тот момент находились в достаточно остром отношении из-за планов по расширению НАТО на Восток, конфликта в Чечне и переговоров по сокращению наступательных вооружений [3:263].

Тем более интересным выглядит безусловная поддержка Ельцина Клинтоном на выборах президента. В мае 1996 года Клинтон заявил о своей поддержке команды Ель-

цина на выборах и приветствовал усилия Ельцина по построению демократии в России [President Clinton: We continue to support reform and reformers, and we want to see the forces of reform and democracy prevail in Russia]. [4:39] Так, например, американские политические консультанты, такие, как Джордж Гортон и Ричард Дрезнер, которые до этого работали над губернаторскими кампаниями Клинтона, помогали Ельцину в разработке предвыборной стратегии[5]. Тем не менее, это оправдано, так как ключевым конкурентом Ельцина был коммунист-Зюганов – и настроенный на построение демократического режима в России Клинтон не мог этого допустить. Ельцин неоднократно упоминал, что Зюганов – коммунист, настроенный на сворачивание рыночных реформ в России, чем стремился еще больше склонить Клинтона к своей поддержке [President Yeltsin: They (people of Russia) understand that a return to communism would be a blow to them and to the entire world. Zyuganov uses the tactic of claiming he is a social democrat. This won't fly. He would cancel reforms and abolish privatization]. [4:8] Клинтон стремился сделать из России мощного экономического и политического партнера и был готов тратить на это средства и время. Клинтон видел Ельцина как незаменимого партнера в достижении своих целей. По словам главы Белого Дома, только постоянное лидерство Ельцина могло гарантировать российское сотрудничество с США [6]. Восприятие Ельцина как незаменимого постепенно привело к сложной ситуации, когда усилия США по поддержке российского демократического перехода свелись в основном к продвижению «демократа» Ельцина - даже когда он довольно быстро превратился в автократа – вспоминая преодоление конституционного кризиса 1993 года или утверждение на роль председателя правительства Сергея Кириенко в марте 1997 года с третьей попытки под угрозой роспуска Государственной Думы.

Точно также был настроен Клинтон и по отношению к российской экономике. Ельцин неоднократно просил администрацию Клинтона о стимулировании американских инвестиций в Россию. Российская экономика до кризиса 1999 года находилась в перманентном кризисе, в том числе, связанном с адаптацией постплановой экономики к рыночным методам. Так в 1997 году ВВП России составил лишь 32% от уровня 1991 года. Иностранные инвестиции, являющиеся одним из важных факторов экономического роста, на протяжении 90-х годов находились на низком уровне [1]. В разговоре от 21 марта 1997 года президент Клинтон упоминает, что направит средства в российскую экономику. [President Clinton: First, I am prepared to instruct my government to make available in 1997 funds to support $4 billion in investment, the same amount as the total from 1992-1996] [4:118]. В 1997 году в российскую экономику поступило 12,3 миллиарда долларов, из которых, судя по беседе, 4 млрд [1], то есть 33%, были инвестированы США по указанию президента Клинтона. С 118. В этом же диалоге Билл Клинтон утверждает, что способствует ускоренному вступлению России в ВТО и ОЭСР. Но к ВТО по ряду причин Россия присоединилась лишь в 2012 году, а вступление России в ОЭСР было заморожено на неопределенный срок после событий 2014 года. Ельцин неоднократно обращался к Клинтону с просьбами о содействии в МВФ и ВБ для ускорения выделения траншей для России. [President Yeltsin: And in the first half of the year, we will only have $300 million due to conditions set by the IMF. <…> But the problem is I need money to pay pensions and wages. Without resolving this matter of pensions and wages, it

will be very difficult to go into the election campaign <…> You know, if we could resolve this subject in a way with him providing the $2.5 billion in the first half, we could perhaps manage. President Clinton: I'll check on this with the IMF and with some of our friends and see what can be done] [4:27]. Еще более интересным выглядит факт того, что Ельцин прибегал к косвенному шантажу для того, чтобы получить дополнительные средства от американской администрации. [President Yeltsin: Otherwise, if we do not get a decision soon, by the end of next week, it would mean the end of reform and basically the end of Russia. The consequences would be catastrophic and drastic] [4:374]. Этот разговор состоялся 10 июля 1998 года – и уже через неделю «в связи с обострением финансовой ситуации» МВФ одобрил увеличение объема выдаваемых России ресурсов в рамках механизма расширенного финансирования, а также предоставление специального стабилизационного кредита (в размере около 2,5 миллиардов долларов) [2]. Эти инициативы американской администрации показывают, насколько США были заинтересованы в установлении долгосрочного сотрудничества и партнерства с Россией [6]. Но также это говорит о том, как хорошо Ельцин понимал, насколько он необходим Клинтону, раз был готов идти на подобные меры. Это является очередным подтверждением сложных и многогранных отношений США и России – несмотря на дружескую близость, Ельцин использовал Клинтона для достижения своих интересов, а Клинтон закрывал глаза на все предпринимаемые Ельциным шаги, лишь бы они соотносились с американской политикой.

Таким образом, отношения Ельцина и Клинтона, равно как и отношения России и США, в эти годы были сложными и противоречивыми. С одной стороны, это были теплые и дружественные отношения, подтвержденные регулярными вопросами о личной жизни и взаимными деловыми визитами. С другой стороны, конфликты и противоречия в вопросах внешней и внутренней политики России случались часто. Клинтон прощал Ельцину многие шаги, так как считал его ключевым элементом построения устойчивого режима в России. Ельцин и Клинтон стремились к построению близких личных отношений, предполагая, что так они смогли бы преодолеть многие спорные вопросы в политике. Учитывая оказанную администрацией Клинтона поддержку, их близость помогла Ельцину в его внутренней политической борьбе во время выборов 1996 года. С другой стороны, источник показывает, что их диалог проводился в основном на американских условиях.

Это не значит, что Ельцин был пассивным; он делал свои собственные предложения, например, о структурах европейской безопасности, сокращении вооружений. Ельцин пытался продвигать российские интересы. Но он делал это в то время, когда Россия столкнулась с резким экономическим и политическим упадком, а США остались единственной сверхдержавой в мире. В отношениях Клинтона и Ельцина содержится ключ к современным отношениям США и России, наполненным множеством противоречий. Прощая Ельцину возрастающую в России коррупцию, злоупотребление президентскими полномочиями, борьбу с оппозицией, надеясь на Ельцина, как на «единственного демократа» даже после того, как Борис упомянул, что приложит все усилия для того, чтобы президентское кресло осталось в руках его преемника Путина в 2000 году [President Clinton: Who will win the election? President Yeltsin: Putin, of course.

He will be the successor to Boris Yeltsin] [4:565], США не заметили, как Россия с каждым годом все больше теряла в демократичности и закончила как авторитарное государство. Теперь обоим государствам необходимо решать множество внешнеполитических проблем и пытаться найти консенсус.

Примечания.

1. Национальные счета России в 1997-2004гг. 2005. // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М.: 2005. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087050375 (дата обращения: 15 ноября 2018)
2. РИА Новости. Когда и на каких условиях Россия получала кредиты от МВФ // РИА Новости, 24 февраля 2014. URL: https://ria.ru/spravka/20140224/996722123.html (дата обращения: 15 ноября 2018)
3. Стеценко И.А. Российская политика администрации Клинтона: надежды, итоги и оценки // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2008. №4, с. 262-267.
4. Declassified Documents Concerning Russian President Boris Yeltsin // Clinton Digital Library. URL: https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/57569 (дата обращения: 15 ноября 2018)
5. Randolph E. Americans Claim Role in Yeltsin Win. // Los Angeles Times. 9 июля 1996. URL: http://articles.latimes.com/1996-07-09/news/mn-22423_1_boris-yeltsin (дата обращения: 15 ноября 2018)
6. Savranskaya S., Sarotte M. The Clinton-Yeltsin Relationship in Their Own Words // National Security Archive, The George Washington University. 2 октября 2018. URL: https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2018-10-02/clinton-yeltsin-relationship-their-own-words (дата обращения: 15 ноября 2018)

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕДОВЫХ ИДЕЙ БЕНДЖАМИНА ФРАНКЛИНА НА РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

А. Н. Елфаков

ВлГУ, г. Владимир, Россия, alexandr.elfakov@yandex.ru

Не настало ли время для большего внимания историков тому, как в прошлом проявлялось стремление к миролюбию, взаимопониманию между людьми, народами, государствами.
А. Б. Давидсон

Бенджамин Франклин (1706–1790 гг.) стал всемирно известным представителем передовой научно-технической и общественной мысли XVIII века. Он прославился благодаря своим научным трудам, а также подвижничеству на ниве просветительства,

политики и дипломатии. Разносторонняя деятельность американского просветителя во многом напоминала жизненный путь нашего соотечественника М. В. Ломоносова.

Бенджамин Франклин как общественный и политический деятель, формировался под влиянием тех положительных изменений, которые происходили в настроениях общественности в канун борьбы за освобождение Североамериканских колоний от диктата метрополии. Это была эпоха революционного подъёма. Заслуга Б. Франклина заключается в том, он научно обосновал необходимость Американской революции, что способствовало перерастанию антианглийского движения в североамериканских провинциях в победоносную вооружённую борьбу колоний за своё освобождение [8: 54-55].

Такое поведение Франклина привлекало к нему и к Америке, которую он представлял, симпатии прогрессивно мыслящих людей того времени, не исключая и жителей России. С конца 1760-х годов Франклин стал одним из наиболее известных иностранных писателей и ученых в России. Франклина высоко ценили Н.М. Карамзин, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев, с интересом наблюдавшие за формированием просветительской идеологии в борющемся за независимость молодом американском государстве [3: 77]. В «Письмах русского путешественника» Карамзин отмечает, что ставит Франклина-политика выше Франклина-ученого: «Видя оскорбляемые права человечества, с каким жаром берется он быть его ходатаем! Сей минуты перестает он жить для себя, и в общем благе забывает свое частное. С каким рвением видим его текущего к своей великой цели, которая есть благо человечества!» [5: 64]

В 1778 г. Франклин познакомился с Денисом Ивановичем Фонвизиным. Существует мнение, что именно «идеальный американец» послужил прототипом для образа Стародума в комедии «Недоросль» [9: 95]. Надо сказать, что Франклин довольно много сделал для развития научных связей между США и Россией. По его инициативе директор Петербургской Академии наук Екатерина Дашкова была избрана членом Американского философского общества (первая женщина и первая представительница России, которая удостоилась этой чести). Екатерина Дашкова пишет, что считала Бенджамина Франклина выдающимся человеком, который соединял глубокие познания с простотой обращения и непритворной скромностью, благодаря которой он снисходительно относился к другим. Их взаимоотношения сама княгиня определяет как уважение и дружбу. В ответ, некоторые американские ученые получили признание в России. Б. Франклин был первым американцем, ставшим почетным членом Петербургской Академии наук. Он получил это звание в ноябре 1789 году как физик по рекомендации директора Академии Е.Р. Дашковой [1: 241].

В 1791 г. в России было опубликовано собрание сочинений Франклина, включавшее его «Автобиографию». Это одно из крупных и наиболее известных произведений Франклина. Здесь героем повествования был сам Франклин, он рассказывает о своей жизни, комментирует свои удачи и критикует ошибки. Не случайно этот литературный труд называют пособием для self-made man. Жизненную установку человека, который «всем обязан себе самому», и многие другие буржуазные добродетели Франклина были с интересом восприняты в России.

Так же в России с удовольствием читали его памфлет «Путь к изобилию» вобравший в себя все лучшее из знаменитого «Альманаха бедного Ричарда». Здесь он призывал к трудолюбию и бережливости, высмеивал лень и праздную роскошь. Рецепты, житейские советы в форме остроумных и легко запоминающихся поговорок, календарь — все это сделало альманах популярным среди широкого круга читателей по всему миру. Первый сокращенный перевод (в России он назывался «Путь к богатству») вышел в 1778 году. Памфлет публиковался в России неоднократно, и всякий раз имел большой успех. Ни одно произведение Франклина не издавалось в России столь часто, как это [9: 102].

Идеи Франклина и события его жизни вызывали уважение, и даже восхищение его российских современников, многие из которых встречались с ним лично. Так что благодаря Б. Франклину, ещё в начале 1770-х годов, в канун борьбы за освобождение колоний от диктата метрополии, настроения общественности России были полностью на стороне колонистов. Даже политическая верхушка Российской империи благосклонно отнеслась к борьбе американских революционеров в войне за независимость США (1775—1783гг.)

Сама Екатерина II весьма скептически относилась к «способностям и добродетелям» короля Англии Георга III и в письме к своей приятельнице г-же Бьелке летом 1775 г. заметила: «От всего сердца желаю, чтобы мои друзья англичане поладили со своими колонистами; но сколько моих предсказаний сбывалось, что боюсь, что еще при моей жизни нам придется увидеть отпадение Америки от Европы» [2: 17].

Правительство Екатерины II исходило, прежде всего, из государственных интересов России и трезвой оценки международной обстановки. Но в своем отношении к войне США за независимость оно не рассматривало американцев как "мятежников" и "бунтарей" против законного монарха. Таким образом, с самого начала американской войны за независимость Россия твердо придерживалась нейтралитета, отвергая попытки Англии связать ее союзными обязательствами. Действия России в данный период имели большее значение для улучшения международного положения Соединенных Штатов и их становлении как независимого государства.

К этому следует добавить, что передовая общественная мысль России с сочувствием комментировала известия из Америки. Из далекой России звучали голоса приветствия американскому народу. Известный просветитель Николай Новиков через редактируемую им газету «Московские ведомости» знакомил русского читателя с событиями за океаном, выражая свои симпатии «восставшим против угнетения и несправедливости» [6: 389-390].

Успехи американских повстанцев вдохновляли передовых людей России на борьбу против самодержавия. Под непосредственным впечатлением от восстания американских колоний Александр Николаевич Радищев написал оду «Вольность». Данное произведение Радищева может быть отнесено к наиболее выдающимся откликам мировой литературы на американскую революцию.

В целом, на данном этапе русско-американские отношения развивались благоприятно для обеих сторон. Этому в немалой степени способствовали дружеские отношения, сложившиеся между гражданами наших стран. И здесь Бенджамин Франклин,

который, фактически, являлся духовным лидером новой американской нации, сыграл особую роль. Его передовые, для того времени, идеи и взгляды вызвали в России восторженный отклик благодарных почитателей среди различных слоёв российского общества. Так что можно с уверенностью констатировать, что Бенджамин Франклин оказал значительное влияние на российское общество второй половины XVIII века.

Примечания.

1. Болховитинов Н. Н. Россия и США: становление отношений (1765—1815). М., 1980.
2. Болховитинов Н.Н. Россия и война США за независимость 1775–1783. М., 1976.
3. Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку (1732–1799). М., 1991.
4. Давидсон А.Б. История – поле битв, и примирений // Новая и новейшая история. 2015. № 2 С. 44–54.
5. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1987.
6. Макогоненко Г.П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.–Л., 1951.
7. Радищев А.Н. Избранные произведения М.–Л., 1949.
8. Фурсенко, А.А. Американская революция и образование США. Под ред. В.И. Рутенберга. Л., 1978.
9. Худякова Т.А. Бенджамин Франклин в оценках его современников из России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2009. Вып. 2.С. 238–243.

ПОСОЛЬСТВО ВЕЛИКОГО КНЯЗА ГЕОРГИЯ МИХАЙЛОВИЧА В ЯПОНИЮ В 1916 г.

О. А. Ефанова

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия, olga-efanova95@yandex.ru.

Первая мировая война является поворотным моментом в истории не только стран Европы, но и всего мира. 38 государств с разных концов света приняли участие в этом военном конфликте. Ее результаты изменили политическую карту мира: распались четыре империи (Российская, Австро-Венгерская, Германская и Османская), главные победители, страны Антанты, усилили свои позиции, и на первый план вышли такие неевропейские державы, как США и Япония.

Россия и Япония в разное время и по разным причинам вступили в Первую мировую войну, каждая страна преследовала свои национальные интересы. Но они обе являлись членами Антанты. Если участие Российской империи в этом блоке окончательно определилось еще в 1907 г. с подписанием англо-русского соглашения, то Япония не сразу решилась объявить войну Германии. Страна Восходящего Солнца примкнула к Антанте 23 августа 1914 г.

Уже через месяц после начала войны на некоторых участках фронта российская армия испытывала «снарядный голод». Мобилизационные запасы были исчерпаны за четыре месяца, и в начале 1915 г. наступил кризис боевого снабжения: не хватало ни пушек, ни снарядов, ни винтовок, ни патронов» [10: 450]. На тот момент существовало три основных рынков оружия и боеприпасов – Англия, США и Япония. Англия воевала, и ей самой не хватало боеприпасов. Доставка морским путем являлась затруднительной, так как имелась опасность встречи с немецкими подводными лодками. К тому же товары ввозились через Архангельск, водные пути которого зимой замерзали, включая Северную Двину, на которой он стоял, что создавало дополнительные трудности. Те же проблемы были в торговле с США, вдобавок расстояние играло немаловажную роль [9: 582].

Таким образом, российское правительство остановило свой выбор на Японии. Уже в 1914 г. была организована первая закупочная экспедиция в Японию, которую возглавил генерал-майор Э.К. Гермониус, конструктор-оружейник генерал-майор В. Г. Федоров и военный агент М. П. Подтягиным [8: 34]. В. Г. Федоров в своих воспоминаниях пишет, что японское правительство не спешило и даже специально медлило с заключением сделки: «Между тем нас донимали невероятным обилием всяких официальных встреч: одно за другим следовали разные представления, завтраки, званые обеды, вечера, визиты. Все это было в высшей степени утомительно и неприятно, так как мы вовсе не за этим проделали путь свыше двенадцати тысяч километров. Но японские круги, именно пользуясь подобными "развлечениями", хотели оттянуть время, а следовательно, и помощь русской армии» [6: 36].

Спустя два месяца ожидания японцы отпустили России 300 тыс. винтовок и 30 млн. патронов к ним. Как вспоминает В. Г. Федоров, первую партию оружий в размере 70 тыс. обещали подготовить в октябре, а остальные – не раньше конца декабря [6: 44]. В январе 1915 г. Э. К. Гермониус отправил телеграмму начальнику главного артиллерийского управления Д. Д. Кузьмину-Караваеву, в которой он сообщал причину полученного им отказа японцев уступать оружие: «Когда военный агент генерал-майор Самойлов и я сказали помощнику военного министра о желании приобрести 150 тыс. винтовок (в то время еще не было вопроса о 300 тыс.), помощник Военного Министра ответил, что ружья иначе, как по личному приказу Императора, получить нельзя, а для такового надо непосредственное обращение Нашего Государя Императора к Японскому Императору» [1: 150/493/923/5]. Также Н. А. Малевский-Малевич написал министру иностранных дел С. Д. Сазонову о существовании «правила, воспрещающего выдавать оружие из резервного фонда» [1: 150/493/923/5].

Без достаточного количества вооружений нельзя было надеяться на удачные действия на фронте. 29 ноября (12 октября) 1915 г. Николай II написал письмо С. Д. Сазонову, в котором изложил свое намерение отправить Великого князя Георгия Михайловича в Японию: «Сергей Дмитриевич, Я решил командировать В.К. Георгия Михайловича в Японию с официальной целью выразить мою благодарность Императору за крупную помощь России оружием, а под рукою постараться заставить Японское правительство прислать нам еще ружей и патронов. Прошу Вас повидать Вел. Князя до

его отъезда» [1: 150/493/923/5]. Император Ёсихито взошел на престол 31 октября (13 ноября) 1915 г. после трех лет траура, так что повод для поездки был выбран идеально.

Великий князь Георгия Михайлович являлся внуком Николая I, сыном его четвертого сына Михаила, двоюродным братом Александра III и дядей Николая II [9: 611]. Он родился в 1863 г., служил в лейб-гвардции конной артиллерии, во время Первой мировой войны состоял при Ставке Верховного главнокомандующего. Великий князь был женат на принцессе Марии Греческой и имел двух дочерей – Нина и Ксения [7: 309]. Д. Б. Павлов, ссылаясь на слова Н. А. Кудашева, описывает великого князя как человека далекого от политики: «для 52-летнего хлебосола, гурмана и нумизмата, на протяжении 20 лет управляющего Русским музеем, «высочайшее» поручение отправиться в Японию стало полной неожиданностью». Также бытовало мнение о нем как о добродушном, прямом и доступном в общении человеке [8: 77-78]. После Февральской революции Великий князь мигрировал с семьей, однако он решил в одиночку переждать события в своем имении в Финляндии. Он был схвачен на вокзале в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки) и выслан в Вологду [7: 305]. Ночью 24 января 1919 г. Георгия Михайловича расстреляли вместе с другими Великими князьями - Николаем Михайловичем, Павлом Александровичем и Дмитрием Константиновичем – во дворе Петропавловской крепости [7: 318].

В секретной телеграмме С. Д. Сазонову от 29 октября (11 ноября) 1915 г. Н. А. Кудашев отмечал, что «Его Императорское высочество понимает свою миссию как знак внимания к Японии, который может только способствовать улучшению наших отношений» [1: 150/493/1745/10]. Великий князь осознавал, что ему поручена исключительно внешняя сторона посольства и политических вопросов он касаться не должен [8: 78]. Оба государства, Россия и Япония, делали все возможное, чтобы миссия выглядела чисто церемониальной. Н. А. Малевский-Малевич специально пригласил к себе журналиста газеты «Асахи симбун» (Общенациональная ежедневная газета в Японии) 30 декабря 1915 г. (12 января 1915 г.), чтобы подчеркнуть: цель поездки заключается исключительно в поздравлении императора Ёсихито и императрицы Садако с вступлением на престол. «Это видно по составу делегации, в которую включен генерал-адъютант Свиты Его Величества Илья Леонидович Татищев, а остальные полковники и подполковники - все из свиты русского царя. Единственное гражданское лицо в делегации - руководитель отдела Дальнего Востока российского МИД Козаков, владеющий японским языком и хорошо знакомый министру иностранных дел Исии, а также посланнику Адати Минэитиро, который назначен сопровождающим российского высокого гостя на всем его пути через Корею в японскую столицу», - обращал внимание российский посол [9: 612]. Можно предположить, что именно Г. А. Козакову была поручена вся дипломатическая часть предстоящего посольства.

15 (28) декабря 1915 г. Великий князь Георгий Михайлович со своим сопровождением отправился в Японию [1: 150/493/1745/10]. По дороге в Фузань их встретили корейский генерал-губернатор Масатакэ Тэраути и прикомандированный посланник Минэитиро Адати [1: 150/493/1745/35]. Ссылаясь на японские архивные источники, К. О. Саркисов отмечает, что по пути в Фузань Г. А. Козаков и М. Адати многократно отрабатывали программу пребывания, уделяя особенно внимание приему у императора.

Георгий Михайлович интересовался через М. Тэраути у И. Мотоно, может ли он выступить с речью после церемонии вручения российских орденов. В своем выступлении он планировал поблагодарить японского монарха за прием и коснуться российско-японских отношений. Это играло большую политическую роль, ведь за посольством внимательно следили в Берлине и в Вене; немецкие власти опасались, что Россия и Япония подпишут союзнический договор, и японское правительство отправит войска на один из фронтов Первой мировой войны [9: 613]. Поэтому обращение Великого князя ожидали все ведущие страны, внимательно следя за каждым его словом.

Великого князя встречали пышно. Н. А. Малевский-Малевич в своем отчете С. Д. Сазонову от 16 (29) января 1916г. пишет, что в Кобе, который они посетили по пути в столицу, улицы были украшены российскими флагами, на улицах воздвигнуты триумфальные арки и мачты с флагами, «а по обеим сторонам выстроены местные войска, мужская и женская школы, а также представители различных обществ и учреждений, за которыми густой толпою стояли жители города» [1: 150/493/1745/103].

Между Г. А. Козаковым и графом М. Тераути состоялся разговор, в котором российский дипломат указывал на опасность со стороны Германии, укреплявшей экономику и военно-технически Китай, что противоречило интересам как России, так и Японии [2: 259]. Усиление позиций Германии в Поднебесной и возвращение захваченных Японией германских земель могли нарушить планы японского правительства по строительству колонии, «схожей по возможностям, которые Британия нашла в Индии» [11: 198]. По этой причине, утверждал Г. А. Козаков, оба государства должны «объединить свои силы». Он также отметил, что российское правительство хотело бы получить от Японии необходимое для армии оружие, а взамен японцы могли бы потребовать уступку ветки КВЖД или компенсацию в других областях, «не затрагивающих суверенных и территориальных прав России» [2: 259-260].

30 декабря (12 января) в 9:35 утра поезд прибыл в столицу Японской империи – Токио. В честь приезда российской миссии прогремел салют из 21 залпа. Император Ёсихито самолично встретил великого князя и представил трех принцев крови (маршала Фусими Саданару, генерала Канъи Котохито и генерал- майора Куни Киниёси), премьер-министра Окума, военного министра Ока, морского министра адмирала Като Томосабуро, министра иностранных дел Исии, мэра Токио и губернатора префектуры Токио. Георгий Михайлович сел в парадный экипаж с принцем Канъи. Для проживания российской делегации был выделен дворец Касумигасеки, располагающийся в непосредственной близости от Императорского дворца [1: 150/493/1745/108]. По приезду Г. А. Козаков сразу же завел разговор с бароном Исии и «развил перед ним те же мысли, что и в разговоре с графом Тераути». По окончанию беседы барон обещал дать ответ до отъезда миссии из Токио [2: 261].

Утром 31 декабря (13 января) в десять часов император нанес визит Великому князю, что является проявлением наивысшего уважения к гостю. Их беседа длилась полчаса, и никого в комнате не присутствовало, поэтому не известно доподлинно, о чем они говорили. Из имеющихся данных можно лишь воссоздать часть их разговора: вначале они обменивались приветственными словами, затем беседовали об особенностях интерьера дворца. Программа Георгия Михайловича была очень насыщенной, сразу же

после визита императора он делал визиты принцам императорского двора и послам иностранных государств вместе с Тераути. Эти визиты носили чисто формальный характер, Великого князя приглашали в резиденции на несколько минут. В половину первого он прибыл во дворец принца Фусими, где присутствовали высшие сановники, члены Кабинета министров, свита Великого князя и старшие чины Императорского посольства. Отобедав у принца, Георгий Михайлович оправился с коротким визитом в Аоямский дворец, временную резиденцию японской императрицы [1: 150/493/1745/112].

1 (14) января днем состоялся обед в русском посольстве, на который также были приглашены принц и принцесса Канъи, лица свиты Великого князя, чины посольства, члены Кабинета министров, генералы и адмиралы, которые, как указывает Н. А. Малевский- Малевич, «оказали нам услуги в деле снабжения военными припасами» [1: 150/493/1745/114]. В этот же день Георгий Михайлович отправил секретную телеграмму С. Д. Сазонову, где писал: «Необходимо немедленно уплатить по исполненным заказам и внести задатки по контрактам, подписанным с Японским правительством. Сумма долга превышает 17 млн. иен» [1: 150/493/1872/5]. Возможно, на написание телеграммы его подтолкнул утренний разговор с принцем Канъи, т.к. иначе об этом было бы сообщено во время обеда русскому послу, который, наверняка, сразу отправил бы японские требования об уплате задолженности в Петербург.

Вечером следующего дня граф Тэраути устроил обед в Клубе токийских банкиров. Помимо князя на него были приглашены принц Канъи, чины посольства, лица свиты Георгия Михайловича и различные представители японской промышленности [1: 150/493/1745/115]. После этого банкета Интендантскому управлению Российской империи поступило предложение от фирмы «Окура и Ко», а именно прошлый заказ на 1 млн. штук фуфаек и 1 млн. кальсонов расширить на 150 тыс. комплектов, а к середине февраля добавить еще 50 тыс. комплектов со скидкой. Как указывалось в докладе, это предложение являлось весьма заманчивым, поскольку Англия отказалась поставить России обещанную партию в 1 млн. комплектов [3: 369/1/512/5].

В остальные дни следовали туристические поездки в Никко, в казармы гвардейской дивизии в Токио, в Камакуру. Постепенно пребывание миссии Великого князя подходило к своему завершению, в Касумигасеки от имени Георгия Михайловича был устроен прощальный обед с приглашением японских принцев. В ответ 7 (20) января в полдень состоялся прощальный завтрак в Императорском дворце, а в три часа дня Великий князь нанес прощальный визит японскому императору. Георгий Михайлович поблагодарил Ёсихито за теплый прием, после чего всю делегацию пригласили на представление в Токийском Императорском театре [1: 150/493/1745/119-121].

В день отъезда, 8 (21) января, принц Канъи сопровождал Великого князя в императорской карете до самого вокзала. Отъезд был обставлен большой пышностью: на перроне стоял почетный караул гвардейцев, духовой оркестр исполнил гимны двух государств. В момент начала движения поезда прогремел прощальный салют [1: 150/493/1745/121]. В этот же день Г. А. Козаков секретной телеграммой отправил отчет о своих беседах с бароном Исии и графом Окумой. По его словам, они были готовы немедленно уступить России оружия, но «успех этой работы встречает противодей-

ствие среди членов Верховного Военного Совета», хотя, как добавил барон Исии, «приезд сюда Великого князя Георгия Михайловича и популярность, которую Его Императорское Высочество приобрел в Японии благодаря обаянию своей личности, вызывают общее желание быть нам полезными» [1: 150/493/1872/12].

Однако на этом путешествие по Японии не закончилось. Поезд Георгия Михайловича остановился на станции Кодзу, откуда на автомобилях он со своими спутниками отправился любоваться горой Фудзи. Вернулись они только на следующий день в шесть часов вечера и отправились в Киото [1: 150/493/1745/122]. 10 (23) января после завтрака делегация отправилась в Осаку и посетила его арсенал, где, собственно говоря, и изготавливали боевые припасы для русской армии. В этот день Великий князь передал министру иностранных дел России С. Д. Сазонову через Г. А. Козакова, что генерал Тэраути высказал согласие Японского правительства в срочном порядке в течение ближайших трех недель отпустить России 20 млн. патронов к уже имеющимся на российском вооружении японским винтовкам [1: 150/493/1872/16].

Корабль отчалил от берегов Японии 15 (28) января, и посольство отправилось в Россию через Корею и Китай. Георгий Михайлович вернулся в Петербург 6 (19) февраля 1916 г. Проезжая Сеул, граф Тераути сообщил Г. А. Козакову, что после отъезда Великого князя из Токио в императорском дворце состоялся совел генро (состоявший из девяти самых влиятельных семей Японии неофициальный совет императора), где обсуждался возможный союз между Россией и Японией, а также вопрос с поставкой оружий. «Наши мысли были одобрены, - докладывает Г. А. Козаков, - и никакая смена кабинетов в Японии не может помешать тому, чтобы политика японского правительства пошла желательным нам путем» [2: 261].

Посольство великого князя в Японии получило широкий благоприятный отклик в Японии. По свидетельству русского посла, «печать приписывает приезду Великого Князя Георгия Михайловича и военное, и важное политическое значение, отмечается и то, что Его Императорское Высочество – первая Высочайшая Особа, которая прибывает от Иностранного Двора в Японию» [1: 150Э493/923/17]. Барон Исии после визита Георгия Михайловича сообщил послу Великобритании в Токио, что «отношения между Россией и Японией стали близки как никогда до этого» [8: 80]. В связи с этим, довольно показательной является секретная телеграмма Н. А. Малевского- Малевича от 1 (14) февраля 1916 г.: «Маршал Ямагата, - говорится в ней, - прислал ко мне генерала Танака секретно сообщить, что Барону Мотоно предписано телеграммой войти с Вами в переговоры по вопросу о Китае и о винтовках». Дальше посол строит предположения, что речь идет о «закреплении известной солидарности действий в Китае, которая даст возможность Японии уступить нам еще от ста до ста пятидесяти тысяч ружей» [1: 150/493/1872/24].

По сути, японское правительство предложило начать переговоры о существовавших между странами разногласий. В военное время такие переговоры вполне могли привести к заключению союзнического договора, что, собственно, и произошло 20 июня (3 июля) 1916 г. Это подтверждает телеграмма, направленная японским министром иностранных дел бароном Исии японскому послу в России И. Мотоно в тот же

день. Из нее становится понятным, что Российское правительство было готово идти на уступки, в этом послании барон пишет, что «Россия, в случае чрезвычайно любезного отношения императорского правительства в вопросе военных материалах, как будто бы намерена нам уступить ветвь Восточно-Китайской железной дороги». Но примечательным является другая фраза, которая как раз и подтверждает желание японского правительства заключить с Российской империей союзный договор: «По поводу вопроса о будущей политике России и Японии следует заметить, что интересы и спокойствие двух держав не позволяют, чтобы Китай оказался в руках Германии. Для предотвращения этой опасности теперь назрел вопрос о заключении официального договора, которым бы могли быть выражены особенно дружественные отношения между этими двумя государствами» [5: 206].

В целом, можно выделить два основных итога посольства Великого князя Георгия Михайловича в Японию в 1916 г.: один из них имеет военно-техническое значение, другой - политическое. Во-первых, с мертвой точки сдвинулись поставки русской армии различного вида вооружений и других военных товаров из Японии. Во-вторых, стороны начали серию переговоров по заключению союзнического военно-политического договора.

По свидетельству Г. А. Козакова, если раньше японское правительство уступало России «устаревшие или лишние предметы вооружения» [2: 260], то теперь стали заключать прямые договоры о производстве нового оружия (например, предложения от таких крупных японских фирм, как «Окура и Ко» и «Ониси»). Не следует также забывать, что Великому князю японским правительством была обещана выдача в течение трех недель 20 млн. патронов, остро необходимых для русской армии. После завершения посольства Великого князя начались сложные переговоры, которые в итоге привели к подписанию 20 июня (3 июля) 1916 г. русско-японского договора, в котором договорившиеся стороны обязались выступать единым фронтом против третьей стороны, угрожающей их интересам в Китае [4: 191]. Этот договор означал, что, несмотря на любой исход войны, оба государства будут совместно выступать на Дальнем Востоке, защищая свои сферы влияния. Он открывал широкие возможности для Японии поучаствовать в дележе трофеев войны, в случае победы Антанты и ее союзниц.

Но все же главная задача посольства Великого князя Георгия Михайловича заключалась в продаже Японией вооружений русской армии, испытывавшей «снарядный голод» и вынужденной отступать. Японское правительство не спешило как по объективным, так и по субъективным причинам уступить России свои запасы из арсеналов. Однако посольство Великого князя Георгия Михайловича смогло качнуть чашу весов в сторону начала переговоров в первую очередь по вопросам вооружения, а затем по Китаю, явившимся камнем преткновения между двумя государствами. Возможно, сам Великий князь и не занимался дипломатической частью посольства, но японские газеты и высшие чиновники относились к нему с нескрываемой симпатией, что благоприятно сказалось на взаимоотношениях между Россией и Японией.

Примечания.

Источники:

1. АВПРИ: Архив внешней политики Российской империи
2. Записка советника IV политического отдела Козакова от 10 (23) февраля 1916 г.// Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и временного правительств 1978-1917 гг. Серия III. Т. 10. Под ред. М.Н. Покровского. М., 1938.
3. РГВИА: Российский государственный военно-исторический архив
4. Секретный русско-японский (союзный) договор 20 июня (3 июля) 1916 года.//Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке. Под ред. Э. Д. Гримма. М., 1927.
5. Телеграмма от японского министра иностранных дел Исии японскому послу в Петрограде Мотоно от 1 (14) февраля 1916 г. // Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и временного правительств 1978-1917 гг. Серия III. Т. 10. Под ред. М.Н. Покровского. М., 1938.
6. Федоров В. Г. В поисках оружия. М., 1964.

Исследовательская литература:

7. Буранов Ю.А., Хрусталев В.М. Убийцы царя: Уничтожение династии. М., 1997.
8. Павлов Д.Б. Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. М., 2014.
9. Саркисов К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений. М., 2015.
10. Шевырев А. П. Кампания 1915 и 1916 гг.// История России XIX- начала XX в. Под ред. В. А. Федорова. М., 2008.
11. Besley W. G. The Morden History of Japan. New York, 1963.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В АНГЛИИ XIII ВЕКА

М. И. Заверняева

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия.

На современном этапе разделения властей и его определение крайне неоднозначны. Сам принцип как таковой впервые был сформулирован Джоном Локком, а немного позднее Шарлем Луи Монтескье. В своей работе «О духе законов» Монтескье обращал внимание на то, что «В каждом государстве есть три вида полномочий, законодательная власть, исполнительная власть вещей, которые зависят от закона наций, и исполнительная власть тех, которые зависят от гражданского права» [6].

На современном этапе принцип разделения властей можно определить следующим образом. Разделение властей – это принцип разделения государственной власти между независимыми друг от друга, но и в достаточной мере друг друга контролирую-

щими, ветвями: законодательной, исполнительной и судебной, каждая из которых представлена определенными органами [5].

Изучение принципа разделения властей в рамках его зарождения и развития в Англии важен и актуален, так как данный принцип является одним из основополагающих принципов демократического государства в современном мире. Поэтому зарождение данного принципа в Англии носит важный характер в истории многих стран мира (США, Канада, Австралия).

Англия на пороге XIII века имела довольно деспотичную королевскую власть, которую сформировала реформаторская деятельность Генриха II.

Реформаторская деятельность Генриха II стала одной из предпосылок политического кризиса, разразившегося при одном из его преемников - Иоанне Безземельном

В 1202 году началась англо-французская война. Война требовала больших средств, из-за чего Иоанн повышал налоговые сборы со своих вассалов и других слоев английского общества. Такие решения короля нарушали существующие обычаи средневекового общества и показывали неуважение к баронам. Он злоупотреблял во внутренней и внешней политики, взымал чрезвычайно высокие налоги, требовал оплачивать штрафы, вел бесперспективную войну во Франции.

Политический кризис государстве только нарастал, и бароны отказывались поддерживать своего короля. Данный конфликт вылился в принятие Великой Хартии Вольностей в 1215 году.

Изначально Хартия имела функцию закрепления, упорядочивания и уточнения общепризнанных и устоявшихся обычно-правовых норм феодальной Англии, что говорит о ее восстановительном характере.

Однако целью ВХВ являлась защита феодальных интересов. Именно поэтому в нее включались ряд принципиально новых положений - соответствие действий должностных лиц закону (принцип законности), соразмерности деяния и наказания (принцип справедливости), признания виновным только в судебном порядке (презумпция невиновности), неприкосновенности имущества, свободы покинуть страну и возвратиться в нее и других. Данные положения позволили Хартии выйти за пределы чисто феодального договора и ввести в английское право основополагающий и инновационный принцип подчинения власти праву под угрозой правомерного вооруженного отпора со стороны населения. По мнению английских историков, Великая хартия вольностей «служит истинным основанием английской свободы. Все достигнутое позднее составляет немногим более простого подтверждения, комментария к ней, и если б все дальнейшие законы уничтожены были, то все еще остались бы эти смелые черты, отделяющие свободную монархию от деспотической» [3].

Предлагая Королю подписать Хартию в первую очередь, бароны стремились ограничить королевскую власть. Эти идеи находят свое отражение в статьях 12, 14, 61

Норма статьи 12: «Ни щитовые деньги, ни пособие не должны взиматься в королевстве нашем иначе, как по общему совету королевства нашего если это не для выкупа нашего из плена и не для возведения в рыцари первородного сына нашего и не для выдачи первым браком замуж дочери нашей первородной» [2]. Статья 14 регламентировала порядок созыва упомянутого Совета, а статья 61 возлагала ответственность за со-

блюдение Хартии на комитет из 25 баронов, который вместе с «общиной всей земли» был призван мотивировать короля к ее исполнению, при этом оставляя в неприкосновенности его лично и членов его семьи.

Хартия стала инициатором длительной борьбы сословий с короной за свои права и вольности, и к существенным переменам в государственной организации. Политическое ослабление королевской власти и юридическое закрепление привилегий сословий, вызвали к жизни новые установления и учреждения в государстве.

Таким образом, в начале XIII века в Англии начинают складываться предпосылки формирования разделения властей на три ветви власти.

Законодательная власть. В теории государства и права к законодательной власти относятся представительный совещательный орган.

В Великой хартии 1215 г. была специально оговорена обязанность короны созывать в необходимых случаях и в специальном порядке «архиепископов, епископов, аббатов, графов и старших баронов… и кроме того… всех тех, кто держит от нас непосредственно… к определенному дню и в определенное место» (ст. 14) [2].

В оксфордских провизиях, подписанные королем в 1258 году, определяется количество созыва парламента в год – «три парламента будет в году» [7]. В данных парламентах должны принимать участие избранные советники короля, а также двенадцать честных людей от общин [7].

При Эдуарде I парламент как законодательный орган перешел в русло постоянно-созываемого органа. Приглашение в образцовый парламент 1295 года дают четкую характеристику вопроса о том, кто участвовал в деятельности парламента.

Основные полномочия средневекового английского парламента во второй половине XIII века можно свести к его следующим функциям: установление налогов или финансовые полномочия парламента, рассмотрение частных и парламентских петиций, а также ряд иных политических функций [4].

Финансовые полномочия парламента закладываются еще ВХВ в статье 12, где строго ограничиваются взимания щитовых денег и пособий [2]. В 1297 году Эдуард I подтвердил данный принцип – «никакой налог или пособие не будет впредь налагаться или взиматься в королевстве нашем без воли и общего согласия архиепископов, епископов и других прелатов, графов, баронов, рыцарей, горожан и других свободных людей в королевстве нашем» [9].

Второй основной функцией парламента, которую можно выделить, это рассмотрение частных и парламентских петиций [4]. С одной стороны, во время парламентских сессий на имя короля и его совета обычно подавалось большое количество частных петиций, индивидуальных и коллективных, которые имели целью разрешение частных, обычно местных, вопросов, помощь в судебном деле, устранение отдельных злоупотреблений, дарование какой-нибудь новой привилегии общине или частному лицу.

В конце XIII в. периодически парламент привлекался и к выполнению следующих политических функций: выдача санкций на издание нового закона, или исполнение обязанностей высшего, наделенного особыми полномочиями суда; решение вопросов внешней политики или во всяком случае высказывание мнения по этому вопросу [4]. Но необходимо понимать, что отличные от других органов государственной власти

полномочия парламента того времени еще только формируются. В различных объемах эти функции могли делить между собой различные королевские суды, совет магнатов, казначейство и Королем.

Исполнительная власть. Исполнительная власть – система органов государственной власти, осуществляющая управление делами государства и общества.

В ВХВ встречаются следующие понятия «шериф», «констебль», «коронер». Давая определения каждому из них можно констатировать тот факт, что каждое должностное лицо по своим функциям относится к исполнительной власти. Полномочия данных лиц сводились к регулированию общественной жизни на местах, либо, в случае с коронером, правоохранительная деятельность. Форма управления государем-королем и королевством называет «канцлера, казначея и других должностных лиц, старших и младших, ведающих тем, что относится к управлению двором и королевством». Канцлер в Англии XIII века являлся хранителем королевской печати, которой заверялись документы в государстве. Казначей ведал вопросами казны. Все органы исполнительной власти были подвластны в своей деятельности королю и совету, находящемуся возле короля, состоявший из «троих честных и верных из королевства, которые будут иметь от государя-короля право и власть выбирать или назначать вместо государя-короля девятерых советников» [10].

Органы исполнительной власти осуществляли в средневековом государстве в основном функции сохранения общественного порядка, а также королевской администрации.

В Баронских статьях и ВХВ говорится, что основные должности исполнительной власти могут назначаться только из людей, которые «знали бы закон страны и имели бы желание надлежащим образом его исполнять» [7]

В XIII в. шериф продолжал оставаться главой королевской администрации, а в сотне – бейлиф, его помощник. Однако кроме них на местных собраниях избирались и другие представители королевской администрации – коронеры и констебли. Коронеры занимались расследованиями в случае насильственной смерти, а констебли исполняли полицейские функции.

С конца XIII в. окончательно утверждается практика назначения из местных землевладельцев в графствах так называемых охранителей, или мировых судей. Первоначально их функции сводились к полицейскими и судебными полномочиями, но с течением времени стали выполнять наиболее важные функции местного управления вместо шерифов. К полномочиям мировых судей относились: контроль цен на продукты питания, отслеживание единства мер и весов, вывоз шерсти, осуществление надзора за проведением в жизнь законов о рабочих, еретиках, а также установление размеров заработной платы.

Судебная власть. Судебная власть характеризуется системой судов. В изучаемы период суды, согласно ВХВ, условно можно поделить на гражданские и уголовные суды. Данный тезис подтверждается содержанием статей 18, 44. Также важно обратить внимание, что Г. Брэктон отдельно выделяет уголовные иски и то, что они должны рассматриваться «в курии господина короля, так, как только там могут налагаться телесные наказания» [1].

Однако Брэктон относит к судебной власти и Короля, говоря о том, что «король для того создан и избран, чтобы вершить правосудие по отношению ко всем людям, потому что в его лице, как бы пребывает бог, который через него может творить свой суд и поддерживать и защищать то, что он (король) справедливо решил, ибо если бы не было никого, кто бы осуществлял правосудие, то мир легко мог бы быть уничтожен и было бы бесполезно создавать законы и осуществлять правосудие, если бы не было того, кто поддерживал их» [1].

В XIII веке судебная система представлялась постоянно действующим судом и разъездным судом. Г. Брэктон сообщает нам что среди постоянных судов выделяются два вида судов: высшие, которые находились при самом короле и исправляли ошибки других судей, и суды «разбирающие все судебные дела, в отношении которых они имеют определенные полномочия» [1].

Имеются и другие суды. Они переезжают из графства в графство. Эти суды разбирают определенные категории дел: «иногда какой-либо специальный род дел, например, только дела по ассизам или об освобождении из тюрем» [1].

Английские судьи этого периода – обычные чиновники, они не были профессионалами. И только с конца XIII в. при Эдуарде I начинает формироваться профессиональная категория судей. С этого периода начинают складываться замкнутые корпорации судей с принадлежащими им подворьями, где готовились будущие судьи и правозаступники. Постепенно в руках судей была полностью монополизирована охрана английского правопорядка.

Анализируя все органы государственной власти можно говорить о том, что король является представителем каждой ветви власти. Король собирает и возглавляет деятельность парламента (Приглашения в парламент 1295 года). В рамках исполнительной власти Король назначает, как уже отмечалось выше, должностных лиц исполнительной системы. В форме управления королевством 1264 года данный факт подтверждается тезисом, что «государь-король назначает юстициария, канцлера, казначея и других должностных лиц, старших и младших, ведающих тем, что относится к управлению двором и королевством» [10].

Разделение властей в Англии XIII века нельзя назвать разделением властей в привычном нам понимании. В этот период данный принцип на территории изучаемой страны только начинает зарождаться и формироваться. Сами идеи делегирования королевской власти уполномоченным лицам зарождаются еще при нормандском завоевании. В начале XIII века политический кризис в государстве стал основой необходимости такого делегирования.

Примечания.

1. Брактон Г. О законах и обычаях Англии. XIII в. – [Электронный ресурс]- Режим доступа: URL - http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIII/Bracton/De_legibus/text.phtml?id=4793
2. Великая Хартия вольностей - [Электронный ресурс]- Режим доступа: URL - http://lib.ru/INOOLD/ENGLAND/hartia.txt

3. Гнейст Р. История государственных учреждений Англии / Пер. с нем.: Венгеров С.А. - М.: К.Т. Солдатенков, 1885. - 876 с.
4. Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (из истории английского общества и государства XIII в.) М.: Изд-во МГУ, 1960. - 582 с.
5. Марченко М.Н. Разделение властей: история и современность. М., 1996 г
6. Монтескье Ш.Л. «О духе законов». М.: Мысль, 1999. - 672 с.
7. Оксфордские провизии 1258 года - [Электронный ресурс]- Режим доступа: URL - http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIII/1240-1260/Oxford_proviz/text.phtml?id=8134
8. Петрушевский Д.М. Памятники истории Англии XI-XIII вв. М. Гос. соц. эк. издательство. 1936.
9. Подтверждение хартий 1297 года - [Электронный ресурс] - http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIII/1280-1300/Edward_I/podtverzden_chartij_05_11_1297.phtml?id=8143
10. Форма управления государем-королем и королевством // [Электронный ресурс]- Режим доступа: URL - http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIII/1260-1280/Forma_upravlenija/text.phtml?id=8138

СОВЕТСКО-ИНДИЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1950 – 1960-е ГОДЫ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Д. А. Иванова
ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия.

В послевоенный период рождается много новых независимых государств, Индия не является исключением. Как новому самостоятельному политическому объединению стране нужно было решить много проблем. В ситуации, в которой оказалась Индия необходимы были внешнеполитические сотрудники. Начиная с 1940-х устанавливаются дружественные контакты с СССР. Актуальным на сегодняшний день представляется изучение причин становления отношений между указанными государствами и их проявления в социально-экономической и культурной сферах.

Основополагающим началом взаимодействия Советского государства и Индии считается, согласно архивным данным, 27 сентября 1946 г. через индийскую делегацию на мирной конференции в Париже В.М. Молотовым было получено письмо Неру, в котором выражалось желание Временного правительства Индии установить дружественные отношения с Советским Союзом и обменяться дипломатическими представителями [1, л. 3].

В том же году был поднят вопрос о посещении СССР премьер-министра Индии Джавахарлом Неру вошел в историю как «архитектор новой Индии» с задачей установления личного контакта с руководством страны. Медленными шагами двигались две страны к сближению. Уже в 50-х годах XX века в Советском союзе под предводитель-

ством И.В. Сталина проводились встречи с индийскими послами. После смерти Сталина 5 марта 1953 г. произошло заметное улучшение в отношениях между Советским Союзом и Индией.

Далее последовали конкретные шаги по расширению индийско-советских связей: в 1953 году подписание первого торгового соглашения.

Следующим немаловажным продвижением в развитии индийско-советских отношений стал визит Неру в Советский Союз 7–24 июня 1955 г., в ходе которого он провел плодотворные переговоры с первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым и председателем Совета министров СССР Н.А. Булганиным. Кроме того, Дж. Неру в сопровождении И. Ганди совершил поездку по Советскому Союзу, проводив встречи с рабочими, колхозниками, деятелями культуры, школьниками. [5,89].

Причины к установлению столь теплых отношений крылись в событиях начавшейся холодной войны. Индия не относилась к двум противоборствующим лагерям и изначально лавировала и выражала нейтралитет. Во время войны в Корее 1950-1953 гг. правительство Индии выступило с мирной инициативой урегулирования конфликта. И. В. Сталин высоко оценил мирную инициативу Индии и указал, что разделяет точку зрения индийского правительства. После подписания перемирия в Корее СССР поддержал кандидатуру Индии как участника предстоявшей политической конференции по Корее.

Следующая причина в 1955 г. по инициативе США и Великобритании Организации центрального договора – СЕНТО (Багдадского пакта) – военно–политической группировки на Ближнем и Среднем Востоке с составом стран: Великобритания, Турция, Ирак, Иран и Пакистан. А также, на заседании СЕНТО в Карачи в марте 1956 г. было принято решение о урегулировании кашмирского вопроса. Ранее советская делегация в ООН по кашмирскому вопросу и поддержала позицию Индии. [8,345].

Также причиной сближения является индийско-китайский конфликт 1962 г., который явился фактором осложнения отношений Китая и СССР, так как был выражен нейтралитет и оказана экономическая помощь Индии правительствующими кругами Советского Союза.

В рамках экономического сотрудничества в 1950–1960-е годы была принята целая система мер. Основные направления помощи СССР в отношении индийского государства: предоставление кредитов, оказание экономической и научно-технической помощи, увеличение торгового оборота.

Одним из важных событий стало подписание соглашения 1957 г. о сотрудничестве в области строительства в Индии промышленных предприятий. СССР также содействовал Индии в экономическом планировании и подготовке индийских инженеров для работы на предприятиях советско-индийского сотрудничества.

Следующий шагом было заключение нового торгового соглашения в 1958 г. между СССР и Индией. Следствием развития торговых отношений в 1960-х годах произошли изменения Советский Союз превратился во второго крупнейшего торгового партнёра Индии и крупнейшего импортёра товаров из Индии. [4,74]. Для скорейшего развития экономики Индии Советский Союз первым из великих держав дал согласие на

принятие индийской национальной валюты – рупии – в качестве международной. [8,347].

В целом из-за названных факторов Советский Союз оказал значительное влияние на развитие экономического аспекта политики. В подтверждение нашей точки зрения можно привести данные результатов опроса общественного мнения индийского общества, который доказал, что авторитет Советского союза был высоким, так как мотивы СССР заключались, прежде всего, в стремлении помочь развитию индийской экономики, укрепить дружественные отношения [9].

В конце рассматриваемого нами периода индийско-советское сотрудничество достигло своего наивысшего развития по средству заключенного 9 августа 1971 г. между СССР и Индией Договор о мире, дружбе и сотрудничестве. Согласно документу, партнёры не должны участвовать в любых военных союзах, направленных против другой стороны. А также приоритетная задача оказывать взаимопомощь в виде консультаций и других различными методами. Для Советского Союза это было первое подобное соглашение, заключённое с несоциалистической страной и с государством. [10].

Советско-индийские культурные контакты углубились в 1960-е гг. благодаря резко возросшим масштабам деятельности советской журналистики и радиовещания в Индии, постоянной демонстрации советских фильмов, регулярному направлению представителей советской культуры и проведению их концертов и выступлений, укреплению научных связей, распространению советской художественной и научнопопулярной литературы, очень увеличившемуся приёму индийских студентов в советские вузы.

Зимой 1947 г. в Дели, наметилась тенденция к организации приема индийских абитуриентов в вузы СССР. В Министерство высшего образования стали поступать соответствующие многочисленные запросы от отдельных лиц и молодежных организаций Индии [1, л. 34]. В связи с этим Иностранный отдел Министерства обратился в МИД за консультацией и разрешением на подобного рода контакты.

В письме от 18 июля 1947 г. говорилось, что получено много запросов от индийцев о возможности продолжения образования в высших учебных заведениях СССР. В ответ правительство предоставило возможность индийцам обучаться в вузах страны, заложив тем самым достаточно прочную традицию культурного сотрудничества в последующие годы.

Культурное сотрудничество проявлялось в создании Индийско-советское культурное общество (ИСКО), в свою очередь оно проводило общенациональные конференции, на которой принимали участие – юристы, врачи, деятели культуры. В многочисленных митингах и собраниях, организованных ИСКО, участвовали советские специалисты, дипломаты, члены официальных делегаций, индологи, деятели культуры. К примеру, на факультете русского языка Делийского университета экспонировалась выставка русской книги, а Академия наук СССР передала в дар Академии индийской культуры научное издание «Библиотека Буддика». [1, 9].

В Советском Союзе публикацию литературы на иностранных языках и произведений иностранных авторов в переводе на русский язык осуществляли издательства «Прогресс» [3]. Живущий в Москве с 1957 г. профессор Мадан Лалд Мадху перевел на хинди около 100 произведений русской литературы, в том числе Пушкина, Лермонтова,

Маяковского, «Войну и мир» и «Анну Каренину» Льва Толстого, которые пользовались значительной популярностью в Индии.

Ответным ударом в сфере культурной деятельности стало индийское кино, молниеносно распространившиеся и полюбившиеся населению СССР. в 1957 г. советские и индийские кинематографисты сняли совместный фильм «Афанасий Никитин, или Хождение за три моря». [3].

Таким, образом мы пришли к следующим выводам, сотрудничество в социально-экономическом и культурном аспектах диктовалось условиями времени. В рамках внешней политики Индии, страна нуждалась в помощи СССР, которую индийскому государству любезно предоставили. Экономические, военные, а также культурные соглашения в исторический период 1950-1960-е годы породили дружескую связь между южноазиатским государством и Советским Союзом. Описанные в работе отношения развивались на протяжении второй половины XX века и существуют по сегодняшний день, они явились базой и имеют огромное значение для современной истории.

Примечания.

1. Архив внешней политики МИД Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Секретариат министра В.М. Молотова. Ф. 06. Оп. 9. Д. 768.
2. Бхатия В. Джавахарлал Неру и становление индийско-советских отношений (1917–1947). – М.: «Мысль», 1989. – 206с.
3. Загородникова Т.Н. Кашин В.П. Шаумян Т.Л. Образ России в общественном сознании ИНДИИ: прошлое и настоящее[Электронный ресурс].– https://book.ivran.ru/f/obraz-maket-.pdf
4. Некрасов А.Я. СССР и развивающиеся страны в ООН. М.: Международные отношения, 1970. – 191 с.
5. Неру Джавахарлал. Автобиография. –М.: Изд. ИЛ, 1955, – 156 с.
6. Черешнева Л. А. Советско-индийские отношения накануне и во время раздела британской индии (по архивным материалам) [Электронный ресурс].– https://cyberleninka.ru/article/n/sovetsko-indiyskie-otnosheniya-nakanune-i-vo-vremya-razdela-britanskoy-indii-po-arhivnym-materialam Дата обращения: 18.12.2018.
7. Чичеров А.И. Джавахарлал Неру и независимая Индия. – М.: «Наука», 1990. – 356 с.
8. Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – 920 с.
9. Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy Princeton: Princeton University Press, 1960. 353 p.
10. Rajagopalan S. Indian Films in Soviet Cinemas: The Culture of Movie-Going after Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 2008. 242 p URL:http://www.academia.edu/24487710/Sudha_Rajagopalan_Indian_Films_in_Soviet_Cinemas_The_Culture_of_Movie-Going_after_Stalin_

КВАКЕРСТВО В НОВОЕ ВРЕМЯ

П. В. Игнатьева

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия.
tanuki-29-tanuki@mail.ru

В период сер. XVII – сер. XVIII вв. в Англии происходили крупнейшие социальные и политические потрясения, изменившие её дальнейшую жизнь: Английская буржуазная революция (1642-1651 гг.) и последовавшая за ней гражданская война, протекторат О. Кромвеля (1653-1658 гг.), Славная революция (1688-1689 гг.), войны за испанское (1701-1714 гг.) и австрийское наследство (1740-1748 гг.) и др. В этой веренице событий историю чаще всего рассматривают с точки зрения политики и изменений во власти, забывая при этом другие стороны жизни общества.

В это же время буржуазия, получившая себе политические права, восстала против Англиканской церкви. Она требовала освобождения от устаревших правил и догм, упрощения обрядов, ликвидации власти епископов. Поэтому вскоре в Англии возникли новые религиозные течения протестантского толка, которые разделили её на несколько лагерей. Каждый лагерь с оружием в руках боролся не только за свою веру, но и за социальные и государственные реформы.

Одними из самых ярких представителей радикального течения в протестантизме стали так называемые квакеры. Квакеры (от англ. Quakers – «трясущиеся») - это члены религиозной христианской общины, основанной в середине XVII в. в Англии [7:144]. Основателем течения считается Джордж Фокс (1624-1691 гг.).

Джордж Фокс родился в 1624 г. в деревне Дрейтон-ин-Клэй, графство Лестершир, в семье состоятельного ткача. Родители его были очень религиозны, поэтому Фокс получил воспитание в старинных традициях. В будущем его родители уготовили сыну профессию сапожника.

С 19 лет молодой человек постоянно общался со священниками, ища ответа на волнующие его вопросы веры. Однако советы священнослужителей не удовлетворили его, а поведение церковников и представителей влиятельных сект часто шло в разрез с тем, что они проповедовали. Тогда в душе молодого человека зародились сомнения, и он начал искать собственный путь в вопросе веры.

Однажды на прогулке близ холма Пендл, Фокс якобы получил откровение свыше — внутренний голос сказал ему: «Есть некто — сам Христос Иисус, кто может ответить на твои искания» [6:29]. Из этого Джордж сделал вывод, что непосредственный религиозный опыт существеннее, истиннее любых написанных или произнесенных слов, любого учения, толкования или писания. Оставив ремесло, Фокс отправился распространять новое учение по стране. С 1647 г. он проводит импровизированные проповеди после официальных церковных служб и приобретает широкую известность.

К этому времени в Англии уже существовали группы, отошедшие от основных церковных течений. В северном Мидлэнде и на северо-западе Англии они объединяются вокруг Джорджа Фокса и называют себя «друзьями света», «сыновьями правды» или «друзьями истины».

Суть учения друзей света сводилась, прежде всего, к утверждению, что в каждом человеке существует Божья искра, поэтому каждый имеет свой «внутренний свет», который может давать истинно религиозные наставления [6:30]. Приверженцы этого течения общались с Богом непосредственно, без священников. Внутренний свет, по мнению основателя квакерства, неизбежно должен привести человека к пониманию таких непреложных истин как Правда, Мир, Простота, Терпимость.

Первоначально Фокс не собирался создавать новое религиозное объединение. Он лишь хотел донести свое откровение до представителей разных конфессий. Знаменитый квакер предлагал отказаться от внешних проявлений религиозности — не совершать таинств, не заниматься скрупулезным изучением Священного Писания, теологическими спорами. Внешне это выражалось в крайней скромности в быту, отрицанием необходимости клятв и присяг. Такое отношение было откровенным вызовом большинству протестантских церквей.

Приверженцами квакерства становились преимущественно бедняки, недовольные поборами церкви. Они не платили церковной десятины и не приглашали духовников на свадьбы, проповедуя внутреннюю молитву и отказ от воинской службы. Друзья говорили о равенстве (в том числе между мужчинами и женщинами), называя друг друга на «ты», они не снимали шляп перед чиновниками и церковниками. Такое поведение привело к жестоким репрессиям со стороны властей.

Сам Фокс за свою жизнь восемь раз побывал в заключении, в том числе в 1650 г. в Дерби за отказ вступить в армию. Всего в период с 1650 г. по 1687 г. около 13 тыс. членов общества друзей было заключено в тюрьмы, 198 чел. сосланы на каторгу, 338 чел. умерло в заключении или от ран.

По одной из версий, в ходе этих судебных процессов возник и сам термин «квакеры». На одном из разбирательств в 1650 г. Дж. Фокс объявил, что судья должен «трепетать перед Богом», после чего этот судья и дал друзьям света прозвище «квакеры» («трепещущие», «трясущиеся».) [5:153]. По другой версии, термин произошёл из молитвенной практики — получая ожидаемое откровение свыше, члены общины начинали трястись.

Несмотря на гонения, Джордж Фокс был необычайно активным миссионером. Он проповедовал в Шотландии и Ирландии, Вест-Индии и Северной Америке, Голландии и Германии. В конце концов он пришел к мысли о необходимости объединить своих последователей в дисциплинированную организацию и стандартизировать основы вероучения. В 1665 г. впервые был использован термин «религиозное общество».

Среди выдающихся ранних квакеров особо можно отметить Ричарда Баркли и Уильяма Пенна**.** Р. Баркли (1648-1690 гг.), шотландский квакер, создал первое последовательное изложение Символа веры друзей света. Его книга под названием *«*Апология истинного христианского богословия*»* была впервые издана в Амстердаме в 1676 г. и в течение двух веков оставалась основным учебником веры для квакеров.

Уильям Пенн (1644-1718 гг.), выдающийся общественный деятель, содействовавший распространению квакерства. Приверженцем квакерского течения он стал в 1667 г. в Англии, а затем в Америке он неоднократно выступал против репрессий в от-

ношении последователей Фокса. Вместе со своим учителем он занимался миссионерской деятельностью.

В Америки первые квакеры появились в середине XVII века, когда Мэри Фишер и Энн Остин призвали искать свой «внутренний свет» жителей Массачусетса, но вскоре они были высланы властями. Этот эпизод не только не остановил поток квакерских переселенцев, но и усилил его.

В 1674 г. квакеры приобрели ряд земель в Нью-Джерси, затем опять проникли в Массачусетс, Род-Айленд и др. К 1700 г. квакерские собрания существовали уже практически во всех штатах английской Северной Америки, кроме Коннектикута и Южной Каролины. Отношения с колонизаторами у квакеров сложились не самые лучшие. Если в штате Род-Айленд к ним относились терпимо, то в Массачусетсе местные пуритане преследовали их не менее яростно, чем это делали английские власти. В Бостоне четверо квакеров было повешено.

В 1681 г. Уильям Пенн получил обширные территории на озере Делавар в качестве уплаты долга английского короля его отцу. Здесь Уильям решил воплотить в жизнь идеалы гармонии, мира и терпимости. Эта попытка получила название «Священный эксперимент». В рамках «Священного эксперимента» в Пенсильвании нашли убежище 7 тыс. квакеров. Они и составляли абсолютное большинство населения штата до 1755 г., да и многие годы впоследствии занимали здесь ведущие позиции.

Спустя некоторое время квакеры уже представляли одну из главных сил на арене политической и социальной борьбы в Северной Америке. Раньше других религиозных организаций они принялись пропагандировать отказ от рабства. В 1754 г. многие квакерские собрания исключили из своих рядов рабовладельцев.

Друзья света активно занимались освоением Дикого Запада, ища землю, где не будет места войне и расизму. Квакеры выступали за соблюдение прав индейцев, а во время войны Англии с Францией в 1756–1763 гг., отказались принимать участие в военных действиях. Однако значительное число этих миролюбивых людей взялись за оружие и помогли Соединенным штатам обрести независимость от английской короны.

К тому времени центр квакерской жизни переместился в Северную Америку. В новом государстве, как и в Великобритании, они активно боролись против неравноправия полов, выступали за свободу слова, за право отказа от воинской службы, реформу образования. Много внимания члены религиозного общества уделяли благотворительности, помощи старикам и душевнобольным.

Активное развитие, неминуемо привело к негативным тенденциям. Многие квакерские собрания постепенно закрывали свои двери перед внешним миром, замыкались на регулировании собственных порядков. В начале XIX века квакеры становятся «странными» людьми, которые с подозрением относятся к внешнему миру, носят характерные одежды, разговаривают на языке, насыщенном специфическим жаргоном. Их отрицательное отношение к массовым празднествам, искусству и литературе не могло не вызвать недоумения окружающих. Большую власть над жизнью верующих

приобрели старейшины общин. Распространились наказания за самые незначительные нарушения правил.

Желание более активно участвовать в общественной жизни, недовольство усилившимися руководителями и ряд разногласий по поводу роли Библии в квакерской вере привели к двум большим расколам религиозного общества в XIX веке.

Отмечая значение квакерского движения известная отечественная исследовательница Т.А. Павлова трактует взгляды квакеров как истоки пацифизма. Они призывали решать споры мирным путём, не прибегая к насилию, впервые были сформулированы принципы мирной доктрины.

Кандидат экономических наук С.И. Жук, исследуя колоний Британской Америки, пришёл к выводу, что квакеры способствовали колонизации Америки небританскими поданными. Они впервые проявили заботу о туземном населении и природе. Квакеры стояли у истоков основополагающий идей США.

Зарубежная историография, в лице английского исследователя Х. Мак-Грегор Росс, обращает внимание на деятельность Дж. Фокса. Он явился идейным вдохновителем, активным проповедником и организатором Религиозного Общества Друзей (квакеров) в Британии и Ирландии, на Европейском континенте и в Северной Америке.

Таким образом, квакерское течение играло одну из ведущих ролей в театре социальных взаимоотношений людей в период сер. XVII – сер. XVIII вв. Общество Друзей света стало одной из первых социальных сил, выдвинувших прогрессивные идеи равенства, свободы, гармонии самим с собой.

Примечания.

1. Асланов Л.А. Культура и власть: Философские заметки - М.: ТЕИС, 2001. - 494 с.
2. Жук С.И. «Срединные колонии» Британской Америки и истоки современной цивилизации США// Американская цивилизация как исторический феномен. - М.: Наука, 2001 - 495 с.
3. Карнацевич В.Л. 50 знаменитых сект - Харьков; Фолио, 2004 – 115 с.
4. Хью МакГрегор Росс. Говорит сам Джордж Фокс — Йорк, Англия: William Sessions Ltd, 1991
5. Павлова Т.А. Дух Просвещения и ранние квакеры / Человек XVII столетия. Часть 1. - М., ИВИ РАН, 2005 - С. 149-159
6. Павлова Т.А. У истоков европейского пацифизма нового времени (ранние квакеры). // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. – М., ИВИ РАН, 1998 - 290 с.
7. *Советская историческая энциклопедия. В 16 томах. — М.: Советская энциклопедия. Т.7 – 1965 – 520 с.*

АМЕРИКАНО-КУБИНСКОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1949 – 1952 гг.

В. В. Инвияева

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, victoria.inviyaeva@mail.ru

Интерес США к Кубе возник ещё в бытность её испанской колонией и был обусловлен важным стратегическим значением острова и его географической близостью к Соединённым Штатам Америки. В начале XIX в. американский интерес к Кубе нашёл своё отражение в словах президента США Джона Адамса, который считал, что Куба, согласно законам политического тяготения, не имея возможности самостоятельного управления, будет тяготеть только к США, которые, в свою очередь, по тем же законам, не смогут не оказать ей помощь [12: 80].

Получив независимость по итогам испано-американской войны 1898 г., Куба сразу же попала в политическую зависимость от Соединённых Штатов после принятия поправки Платта в 1901 г., согласно которой, кубинские власти должны были согласиться на осуществление американского вмешательства во внутренние дела Кубы для охраны её независимости и оказания поддержки правительству, способному защитить жизнь, собственность и свободу личности [13: 231]. Известный американский историк Д. Перкинс считал, что несмотря на вывод войск США с острова после окончания испано-американской войны 1898 г., Соединённые Штаты посредством поправки Платта создали правовую основу для дальнейшей родительской опеки над делами новорождённой республики [13: 372]. Данная поправка оставалась в силе до мая 1934 г., пока администрация Ф. Рузвельта в рамках политики “доброго соседа” не отменила её, однако, несмотря на её отмену, Куба продолжала играть зависимую роль в двусторонних отношениях с США не только в экономике, но и в политике.

В период с 1949 по 1952 гг. тесная политическая связь между Кубой и Соединёнными Штатами декларировалась и обосновывалась как на официальном уровне, так и в прессе обеих стран. В частности, 5 июля 1949 г. Дж. Коннелли, сенатор от штата Техас, заявил, что испано-американская война 1898 г. соединила судьбы Кубы и Филиппин с судьбой США, которые гарантировали Кубе свободу и независимость, помогли создать ей правительство, пронеся свою дружбу сквозь года [14: 8819]. Слова о помощи Соединённых Штатов Кубе в борьбе против колониальной зависимости от Испании звучали и в кубинском парламенте. В частности, на заседании 1 ноября 1950 г. министр труда Кубы Хосе Суарес Ривас, подчёркивая географическую и политическую близость к США, отметил, что “мы находимся рядом с Соединёнными Штатами Америки, которые помогли нам в нашей борьбе за свободу и демократию” [11: 18].

Президент США Г. Трумэн вспоминал об отношениях Соединённых Штатов со странами Западного полушария, в том числе и с Кубой, помещая их в контекст холодной войны: “Страны-сателлиты России представляют собой несчастнейшие страны мира, насколько мы можем судить по информации, поступающей к нам из-за железного занавеса. Стоит заметить, что они являют собой острейший контраст с ситуацией, име-

ющей место на Кубе, в Канаде, Мексике и других странах той части света, к которой относимся и мы. Ни один наш сосед не опасается нас. И им нравится иметь дело с нами, так как мы принимаем их конкуренцию вместо того, чтобы требовать их покорности" [9: 238].

В исследуемый период Соединённые Штаты Америки систематически ссылались на свою роль в событиях испано-американской войны 1898 г. с целью обоснования своего экономического и политического влияния на Кубе, а также в контексте оценки событий, происходивших в международных отношениях, которые непосредственно затрагивали геополитические интересы США: одним из таких событий стала Корейская война 1950-1953 гг. Весьма показательной в этом отношении является статья американского банкира К. Аксфорда «Почему мы воюем в Корее» от 24 июля 1950 г., в которой он писал о контрасте между "грабительским империализмом России и той свободой, которую демократическая Америка предоставила Филиппинам и создала на Кубе" [17: A5772].

В 1934-1958 гг. лидеры Кубы регулярно консультировались с официальными лицами Соединённых Штатов по вопросам внешней политики. Также отметим, что в исследуемый период Куба наряду с остальными странами региона поддерживала проведение линии Белого дома в ООН по всему спектру международных вопросов. В качестве примера рассмотрим ряд заседаний Совета Безопасности ООН с 25 июня по 31 июля 1950 г., посвящённых урегулированию корейского вопроса, уделяя особое внимание согласованности позиций США и Кубы.

Заседание Совета Безопасности ООН 25 июня, на котором присутствовали представители Египта, Индии, Китая, Кубы, Норвегии, Великобритании, США, Франции, Эквадора и Югославии, ознаменовалось тем, что Соединённые Штаты представили проект резолюции, предполагавший немедленное прекращение боевых действий в Корее, отвод северокорейских войск за пределы 38 параллели и прекращение оказания помощи властям Северной Кореи [3: 4]. Представитель Кубы Бланко, отметив необходимость немедленного принятия мер по восстановлению мира, поддержал данный проект, назвав его "отвечающим существующей обстановке", так как он, с одной стороны, требует от властей Северной Кореи немедленно прекратить военные действия, а с другой стороны, поручает Комиссии ООН наблюдать за отводом войск [3: 6]. Среди девяти проголосовавших членов Совета Безопасности ООН при воздержавшемся представителе Югославии и отсутствовавшем представителе СССР за принятие этой резолюции выступили США, а из латиноамериканских стран – Куба и Эквадор на правах непостоянных членов Совбеза ООН [3: 9].

27 июня представитель США Уоррен Остин представил новый проект резолюции по корейскому вопросу, аргументируя это тем, что власти Северной Кореи отнеслись с пренебрежением и не обратили никакого внимания на постановление Совета Безопасности ООН от 25 июня, что "фактически является нападением на Организацию Объединённых Наций" [4: 2]. Главным пунктом проекта, предложенного американской делегацией, было предоставление Корейской республике помощи, которая "может оказаться необходимой для отражения вооруженного нападения и восстановления в этом районе международного мира" [4: 2]. В целом, можно сказать, что представитель

кубинской делегации, поддержав данную инициативу США, говорил почти теми же словами, что и У. Остин:

“К несчастью последующие события показали, что власти Северной Кореи не обратили никакого внимания на рекомендации… Произошло нарушение мира. Проект рекомендует, чтобы все члены ООН оказали Корейской республике такую помощь или поддержку, которые будут необходимы для оттеснения наступающих и восстановления мира. Делегация Кубы поддерживает проект резолюции Соединённых Штатов” [4: 6].

При поддержке представителей Кубы, Эквадора, Франции, Великобритании, Китая, Норвегии резолюция, предложенная США, была первой выставлена на голосование и принята благодаря голосам семи вышеперечисленных стран при отсутствии представителя СССР [4: 8]. Также стоит отметить, что 28 июня 1950 г., через 3 дня после начала Корейской войны, Совет Организации американских государств провозгласил полную поддержку решений ООН и подтвердил свою приверженность полной континентальной солидарности, которая объединяет американские государства [7: 206].

Заседание 7 июля интересно тем, что на нём Куба поддержала совместный проект резолюции, предложенный Великобританией и Францией в дополнение к резолюциям 25 и 27 июня. Особое внимание заслуживает пункт 4 предложенного проекта:

“Все что может сделать Совет Безопасности — это рекомендовать одному из своих членов назначить главнокомандующего для объединения под его начальством всех контингентов, предоставленных в его распоряжение отдельными членами Организации. Это предусмотрено пунктом 4 и, я [представитель Великобритании Г. Джебб – В.И.] полагаю не может быть сомнения в том, что назначение это должно быть делом Соединенных Штатов” [5: 2].

Представитель Кубы Альварес весьма красноречиво поддержал данную англо-французскую инициативу:

“Делегация Кубы считает, что по причинам, не требующим объяснения, единое командование над коллективными силами Организации Объединенных Наций должно быть возложено на Соединенные Штаты” [5: 4].

Более того кубинская делегация считала выступления США в защиту Корейской республики эффективными, так как они “защищают Организацию Объединённых Наций, мир, свободу, независимость народов” [5: 4].

Государственный секретарь США Д. Ачесон впоследствии вспоминал, что “вооружённое противодействие агрессии в Корее через Объединённые Нации в 1950 – 1952 гг.” имело место с целью уравновесить советскую мощь и “перетянуть чашу весов в свою сторону” [1: 58].

Особенность заседания Совета безопасности ООН 31 июля заключалась в том, что кубинская делегация никак не прокомментировала проект резолюции, предложенный США в отношении гражданского населения Кореи. Проект предполагал, что Всемирная организация здравоохранения, Продовольственная и сельскохозяйственная организация, а также прочие организации “сыграют свою роль в деле снабжения страны [Корейской республики – В.И.] самими необходимыми продуктами” [6: 3]. Резолюция была принята 9 голосами (в том числе США и Кубой) при одном воздержавшемся (Югославия) и одном отсутствовавшем члене Совета (СССР).

Таким образом, можно сделать вывод, что Куба в ООН поддерживала все инициативы США по корейскому вопросу. Более того, она голосовала синхронно с Соединёнными Штатами за предложения, поставленные на обсуждение другими странами-членами Совета Безопасности ООН, в частности, Великобританией и Францией, но также отвечавшие американским интересам. Также уместно отметить тот факт, что вопрос о поддержке инициатив США в ООН вообще не обсуждался на заседаниях кубинского парламента. Данный пример демонстрирует полную поддержку, порой безмолвную, со стороны Кубы инициатив США в рамках крупнейшей международной организации.

Главным политическим механизмом проведения линии США в Западном полушарии являлась созданная в 1948 г. Организация американских государств. Одним из органов, посредством которого ОАГ осуществляла свои цели, являлось Консультативное совещание министров иностранных дел, проводимое в рамках общих интересов американских государств, а также с целью рассмотрения проблем срочного характера. Четвёртое консультативное совещание министров иностранных дел американских государств проходило в Вашингтоне с 26 марта по 7 апреля 1951 г. и было посвящено политическому и военному сотрудничеству в целях обороны американского континента в соответствии с межамериканскими соглашениями, уставом и рекомендациями ООН; укреплению внутренней безопасности американских республик; экономическому сотрудничеству в условиях чрезвычайного положения [2: 228]. Однако главной целью созыва совещания, которая нашла отражение в итоговой Вашингтонской декларации 1 апреля 1951 г., была “необходимость скорейших действий республик Западного полушария для общей защиты от агрессивной деятельности международного коммунизма” [8].

Рассмотрим два документа, которые были приняты на данном совещании: проект резолюции “Укрепление и эффективное развитие демократии”, представленный делегацией Кубы 30 марта, и итоговую Вашингтонскую декларацию от 1 апреля.

Краеугольным камнем кубинского проекта было укрепление внутренней безопасности американских республик, и для достижения этой цели было крайне важным соблюдение следующего условия: каждая страна должна иметь эффективную систему представительной демократии, которая была бы гарантом прав человека и социальной справедливости [8]. В проекте также подчёркивалось, что “гармоничная ассоциация американских республик основывается именно на общем стремлении к свободе и демократии” [8]. Приняв во внимание проект кубинской резолюции, совещание постановило рассмотреть на десятой Межамериканской конференции вопросы, касавшиеся “сохранения и защиты демократии в американских государствах с целью обеспечения её эффективного функционирования во всех странах Америки” [8]. С этой целью Межамериканский совет юристов должен был разработать проекты конвенций и других документов, чтобы представить их на следующем Консультативном Совещании [8].

Итоговая Вашингтонская декларация от 1 апреля 1951 г. содержала всего три пункта и в очередной раз декларировала приверженность государств Западного полушария принципам межамериканского сотрудничества. На совещании страны континента подтвердили свою веру в эффективность принципов, изложенных в уставе Органи-

зации американских государств: поддержание мира и безопасности в Западном полушарии, защита от любой агрессии, содействие культурному и экономическому прогрессу в Америке, обеспечение уважения основных свобод человека и принципов социальной справедливости как основания эффективного функционирования демократии [8].

Следовательно, Вашингтонская декларация содержала общие рассуждения о необходимости поддержания мира и в лишний раз прославляла межамериканскую солидарность и приверженность идеям панамериканизма. С кубинским проектом резолюции от 30 марта 1951 г. его объединяет декларируемая связь двух неотъемлемых элементов: единство американских республик и эффективное функционирование демократии.

Совещание получило широкое освещение в ведущих американских средствах массовой информации. В конце марта-начале апреля 1951 г. в газете “Вашингтон пост” появлялись статьи с такими броскими названиями, как “Предлагается американское единство против красной угрозы” [22: 1], “США и латиноамериканские друзья борются за пробуждение всех американских республик из-за советской опасности” [23: 1], “Большая часть латиноамериканских лидеров верит в то, что приближается война” [21: 1]. Автор последней Ф. Кун, отмечая, что “многие из латиноамериканских министров иностранных дел фаталистично верят в войну с СССР”, называл особым фаталистом и одним из самых убеждённых сторонников позиции Соединённых Штатов министра иностранных дел Кубы Э. Дихиго, ссылаясь на его выступления [21: 1].

Таким образом, мы видим согласованную антикоммунистическую позицию США и Кубы, которая декларируется не только американскими, но и кубинскими официальными лицами в Организации американских государств.

В рамках межамериканского сотрудничества всегда имел важное значение Панамериканский день – праздник, отмечающийся с 1930 г. ежегодно 14 апреля в государствах-членах Организации американских государств. На заседании кубинского парламента 14 апреля 1949 г., на котором присутствовали президент Кубы Карлос Прио Сокаррас, премьер-министр Мануэль Антонио де Варона Лоредо, посол США на Кубе Роберт Батлер началось с исполнения национальным хором Кубы не только гимна страны, но и гимна Соединённых Штатов Америки [10: 2]. Всё заседание было посвящено докладу министра обороны и внутренних дел Кубы С. Мессина о роли президента США А. Линкольна в американской истории. В начале доклада министр объяснил, что кубинский парламент выбрал фигуру Авраама Линкольна в эту памятную дату, чтобы с похвалой воспеть демократического лидера, который олицетворял то, что говорил в Геттисбергской речи о “правительстве народа, управляемым народом и для народа” [10: 2]. Более того, Мессина в конце добавил, что далёкие предпосылки к политике “доброго соседа” Ф. Рузвельта были заложены именно Линкольном, который жил и умер за свободу, справедливость и демократию [10: 8].

Согласно свидетельствам конгрессмена из штата Пенсильвания Д. Флада от 5 мая 1949 г., он также присутствовал на заседании кубинского парламента 14 апреля 1949 г. и охарактеризовал его как “незабываемый и радостный опыт, тёплый и сердечный приём, доказавший тесные дружеские отношения, существующие между народами двух стран” [15: 5710]. Далее подобно тому, как министр С. Мессина выступал с докла-

дом об А. Линкольне, Флад говорил о кубинском национальном герое Хосе Марти. По мнению конгрессмена, “Марти был дальновидным деятелем панамериканизма, единства всего американского народа, он построил мост дружбы и взаимопонимания между американскими народами” [15: 5710].

Хвалебная риторика в адрес США и американских политиков звучала и лично от президента Кубы Прио Сокарраса. 22 июня 1950 г. в американской газете, издававшейся на Кубе в 1900-1960 гг. “Гавана Пост” появилась статья о том, что кубинский президент и посол США на Кубе Роберт Батлер получили докторские степени старейшего католического университета Пенсильвании – университета Виллановы. В статье содержался отрывок из произнесённой по этому поводу президентом Кубы речи: в ней Сокаррас подчеркнул, что для него получение докторской степени является большой честью именно потому, что “она связана с тем, что это звание присваивается также американскому дипломату Батлеру, чьи принципы и действия являются лучшим ответом могущественной нации тем, кто нападает на неё, как на империалистическую” [16: A4637].

31 января 1951 г. кубинская газета “Диарио де ла Марина” опубликовала статью под названием “Отставка посла Батлера”, в которой выражалось сожаление в связи с отставкой посла, который обрёл дружбу, доверие и уважение всех кубинцев [18: A535]. Согласно материалам статьи, президент Кубы Прио Сокаррас, выразив сожаление в связи с отъездом посла, назвал его “также и послом Кубы в США” [18: A535]. Более того, как указывается в статье газеты “Эль Мундо” от 10 февраля 1951 г., кубинский лидер представил Роберта Батлера к высшей государственной награде – ордену “Карлос Мануэль де Сеспедес” [19: 1463].

Однако среди политических сил, существовавших на Кубе в исследуемый период, не существовало единодушия относительно взаимоотношений с США, в которых Куба явно играла зависимую роль. Так, лидер оппозиционной партии ортодоксов Эдуардо Чибас был противником проамериканской политики президента Прио Сокарраса. В письме, адресованном лидеру Кубы и опубликованном в кубинском еженедельнике “Богемия” 31 июля 1949 г., он обвинил его в предательстве национальных интересов и в постыдном служении американским интересам:

“В то время, как ты [Прио Сокаррас – В.И.] идёшь по дороге быстрого и лёгкого обогащения, меняя стыд на деньги, служа политике доллара, принося в жертву интересы Кубы интересам Уолл-Стрита и его камарильи, я остаюсь верным своим революционным убеждениям, которые были со мной всю жизнь, и жертвую личным состоянием во имя моих личным принципов и принципов моей родины” [20: 187].

Таким образом, в 1949-1952 гг. Куба в крупных международных организациях таких, как Организация Объединённых наций и Организация американских государств не просто поддерживала США, но и порой даже занимала более жёсткие позиции, чем Соединённые Штаты. Зависимое положение Кубы от Соединённых Штатов Америки проявлялось в сознательном следовании внешнеполитической линии США в рамках ведущих международных организаций. В ООН Куба поддерживала все инициативы Соединённых Штатов по Корейской войне, а в Организации американских государств Куба не только следовала за мероприятиями США по межамериканскому сотрудниче-

ству, но и сама выступала инициатором его укрепления. Однако кубинская оппозиция, представленная партией ортодоксов во главе с Э. Чибасом, не была согласна с проамериканским курсом администрации П. Сокарраса.

Примечания.

1. Ачесон Д. Демократ о своей партии: пер. с англ. М., 1956.
2. Гонионский С. А. Латинская Америка и США. М., 1960.
3. Отчёт о заседании S/PV.473 от 25 июня 1950 года Совета Безопасности [официальный сайт ООН]. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N50/389/17/PDF/N5038917.pdf?OpenElement (дата обращения: 25.04.2018).
4. Отчёт о заседании S/PV.474 от 27 июня 1950 года Совета Безопасности [официальный сайт ООН]. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N50/389/21/PDF/N5038921.pdf?OpenElement (дата обращения: 25.04.2018).
5. Отчёт о заседании S/PV.479 от 7 июля 1950 года Совета Безопасности [официальный сайт ООН]. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N50/407/28/PDF/N5040728.pdf?OpenElement (дата обращения: 25.04.2018).
6. Отчёт о заседании S/PV.479 от 31 июля 1950 года Совета Безопасности [официальный сайт ООН]. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N50/407/30/PDF/N5040730.pdf?OpenElement (дата обращения: 25.04.2018).
7. Connell-Smith G. The United States and Latin America. London, 1974.
8. Harry S. Truman Presidential Library & Museum. Report of the Fourth Meeting of Consultation of Ministers of Foreign Affairs of American States. URL:https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/achesonmemos/index.php?documentVersion=transcript&documentid=68-6_01 (дата обращения 25.04.2018).
9. Memoirs by Harry S. Truman. Volume II. Years of trial and hope. N.Y.: Publisher Doubledayu & Company, Inc., 1956.
10. Parlamento Cubano. 1949. Vol. LXXXVI. La Habana, 1949.
11. Parlamento Cubano. 1950. Vol. LXXXVIII. La Habana, 1950.
12. Perez L.A. Cuba between reform and revolution. N. Y., 2006.
13. Perkins D. Hands off: A history of the Monroe doctrine. Boston, 1963.
14. US Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. 1949. Volume 95. Part 7. Washington, 1949.
15. US Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. 1949. Volume 95. Part 5. Washington, 1949.
16. US Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. 1950. Volume 96. Part 16. Washington, 1950.
17. US Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. 1950. Volume 96. Part 17. Washington, 1950.
18. US Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. 1951. Volume 96. Part 11. Washington, 1951.
19. US Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. 1951. Volume 96. Part 2. Washington, 1951.

20. Vignier E., Alonso G. La corrupción política y administrativa en Cuba, 1944-1952. La Habana, 1973.
21. Washington Post. 02.04.1951.
22. Washington Post. 28.03.1951.
23. Washington Post. 31.03.1951.

СИНИЙ ЦВЕТ В ЭМАЛЯХ НАПЛЕЧНИКОВ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

А. О. Исаева
ВлГУ, Владимир, Россия, anastasiaolololisaeva@gmail.com

Удивительно, но отголоски декоративно-прикладного искусства западной Европы мы можем найти во Владимирской земле. В 1170—1180 гг. мааскими эмальерами была изготовлена пара армилл. Армиллы (или же наплечники) были подарены императором Фридрихом Барбаросса князю Владимира – Андрею Боголюбскому [5].

На наплечниках представлены евангелистские сюжеты, показывающие «Воскресение» и «Распятие» Христово. В цветовой гамме обоих композиций особое место занимает синий цвет.

При анализе мы должны исходить их того факта, что любой средневековый цвет нес определенный смысл. Синий долго оставался на втором плане, практически не играл никакой роли ни в общественной жизни, ни в религиозных обрядах, ни в художественном творчестве. Символика синего была слишком бедна, чтобы содержать в себе важный смысл или служить для передачи каких-либо важных понятий, вызывать глубокие чувства или производить сильное впечатление [1].

В XII в. происходит процесс трансформации синего цвета из цвета простолюдинов в священный. С XII века синий оказывается в центре искусства, прикладного в частности. Синий имеет огромный религиозный смысл, наряду с золотым, белым он играет сакральную роль. Именно священный смысл синего цвета, не дает нам возможность сказать о том, что в наплечниках синий имеет лишь декоративное значение.

Обратимся непосредственно к армиллам. В сюжете армиллы «Распятие» [3] представлены Иисус Христос, Дева Мария, Иоанн Креститель, Лонгин и Стефатон, воины-охранники и два ангела. Синие тона традиционно превалируют в одеждах персонажей. Но если тона синего вполне естественны в одежде, то синий цвет Голгофы и Креста распятия имеет явно символическое значение. Голгофа в данной сцене изображена в сине-голубых тонах, она обнаруживает большое сходство с облаками, на которых парят ангелы. Сине-голубые облака и Голгофа вместе Распятием составляют композицию, вписанную в треугольник, развернутый вершиной вниз. Синий обрамляет образ Иисуса Христа, предавая ему священную значимость.

Синий цвет действительно начинает играть немалую роль в сюжетах «распятия». В средневековой пластике IX—XI веков появляются синие деревянные распятия — синие кресты с распятым Иисусом Христом. К ним принадлежит, например, «Rex Gloriae» Мастера синих распятий (ок. 1270, Музей ВальрафРихартц, Кёльн), деревянный позоло-

ченный круцификс какие носили в Ассизи во время пятничных шествий. Синева как знак смерти — это цвет искупления, синяя вертикаль креста соединяет Распятого с вечной синевой небес, на которые он вознесся [1].

Другая армилла - «Вознесение» представляет нашим глазам Иисуса, окруженного ангелами [4]. Гиматии персонажей изображены сине-голубым цветом. Изображать одеяния в данных тонах с XII века становится уже традицией. Но традицией безусловно с сакральным смыслом. Цвета одежды Иисуса и ангелов, постепенно переходящие в сине-зеленый и зеленые тона — цвета надежды, символизируют присутствие Бога-Отца. Синий указывает нам на святость небесного царства, на возвышение «небесного» перед «земным». Синий цвет в данном контексте может ассоциироваться с покоем и утешением, который обретает Иисус на небесах. Синий и золотой цвет на наплечниках также неразрывно связаны. Золотой являлся цветом божественной мудрости и воплощением света. В важности символического значения синий цвет теперь сближается с вышеупомянутым цветом и вместе они создают тон, тому наглядному образу «Божьего царства», которое представлялось обществу в XII веке.

Пара наплечников, исследуемых нами, является наглядным примером расцвета роли синего цвета в европейском искусстве. С XII века синий цвет изменил свое значение, став цветом религиозности и священного смысла предметов.

По мнению М.Пастуро, мода на синий цвет отражает глубокие изменения в обществе, в его мышлении и восприятии. И удивительная судьба синего — не частный случай, а показатель того, что люди стали иначе смотреть на цвета и по-иному соотносить их друг с другом [1]. Синий напоминал верующим о небесах. На вопрос имеет ли синий в армиллах более символическое значение, нежели декоративное, можно ответить сопоставив все факты роли данного цвета на тот момент в обществе. Синий цвет на предметах искусства- воплощение света и священства, а значит его религиозная роль не может быть уменьшена.

Примечания.

1. Пастуро М. Синий. История цвета. - М.: НЛО, 2015. - 144 с.
2. Пастуро Мишель. Символическая история европейского средневековья. Пер. с фр. Е. Решетниковой. - СПб.: "Александрия", 2012. - 448 с.,
3. [Электронный ресурс]/ Наплечник (Armila). «Распятие», 1170-1180 са // Wikimedia – URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Armilla,_rhein-maasgebiet,_1170-1180_ca.JPG
4. [Электронный ресурс]/ Наплечник (Armila). «Воскресение Христово» // Святая Русь. Выставочный проект. – URL: http://www.svyatayarus.ru/data/metal_wood/33_naplechnik_armilla/index.php - Дата посещения: 24.02.2018.].
5. Родина М.Е. О так называемых наплечниках Андрея Боголюбского. // “Хвалам достойный…” Андрей Боголюбский в русской истории и культуре. – Владимир: ГВСМЗ, 2013. С.49-53.

ОПЫТ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ ЮАР И ВЛИЯНИЕ США НА ПОЛИТИКУ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Р. Р. Камалиев
МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

(Научный руководитель: Роман Александрович Сетов)

Какие бы новые масштабные вызовы ни вставали перед человечеством, с момента внедрения ядерных вооружений, наиболее мощного вида ОМП, одной из первостепенных международных задач по поддержанию глобальной стабильности и безопасности неизменно остается осуществление политики нераспространения ядерного оружия. Однако, при всех успехах нераспространения, обращает на себя внимание негативный факт – лишь одно государство отказалось от активной ядерной программы, ликвидировав построенные ядерные арсеналы и технологические разработки. Негативно – то, что данный пример до сих пор единственный, но сам пример, разумеется, позитивен и, будучи уникальным, требует детального изучения. Речь о сворачивании ядерной программы ЮАР. Еще одним позитивным случаем является вывод оружия с территории Украины, Беларуси и Казахстана после распада Советского Союза, но все-таки, несмотря на все сходства, в частности, стремление за счёт осуществления разоружения тесно примкнуть к западному либеральному сообществу [13: 24], а также участие в процессе США (в СНГ – в рамках программы Нанна-Лугара [3]), чуть более поздние события на постсоветском пространстве не тождественны южноафриканскому опыту, завершившемуся добровольным отказом от практически самостоятельно разработанной и державшейся в секрете военной ядерной программы. В данной статье я покажу, как США влияли на ядерную судьбу Южной Африки, выделю причины, приведшие к закрытию военного ядерного проекта ЮАР, продемонстрировав, какую роль в этом сыграли Соединённые Штаты. Рассмотрение конкретного, южноафриканского, сюжета в контексте позиции США позволит лучше понимать влияние США на явление нераспространение в целом.

К вступлению на ядерную тропу Южную Африку (на тот момент доминион, Южно-Африканский Союз) подтолкнула Великобритания – премьеру ЮАС Яну Смэтсу от британского правительства поступил запрос на изучение уранового потенциала территории, реализованный и приведший к выявлению крупных запасов руды [7: 1]. В дальнейшем развитие отраслей, связанных с атомом, в Южной Африке велось уже в основном под патронажем США. В 1957 году под эгидой программы «Атомы для мира» США и ЮАС заключили сотрудничество в атомной отрасли сроком на 50 лет: столь длительным и бесперебойным сотрудничеству суждено было остаться лишь на бумаге, в то же время, за первые годы партнерства в Южной Африке был заложен технологический фундамент для последующего осуществления независимой ядерной программы, приобретено высокообогащенное топливо и построен реактор «Сафари-1» [14: 205]. Советский исследователь проблемы нераспространения ядерного оружия В.Ф.Давыдов подчеркивал: «Именно импорт обогащённого урана из США сыграл за-

метную роль в развитии ядерной программы, так как в тот момент не было каких-либо других альтернативных источников его поступления» [1: 104]. Власти США на заре атомной эры, на начальном этапе «холодной войны», способствовали распространению ядерных технологий среди своих союзников и сателлитов, не рассчитывая, что программы взаимодействия в этой сфере повышенных рисков выйдут из-под контроля. В Южной Африке вышла.

С момента провозглашения независимости ЮАР в 1961 году запускается маховик милитаризации, связанной с борьбой за сохранение режима апартеида и против обретения суверенитета соседями по «черному континенту», преподносившейся руководством ЮАР в качестве антикоммунистической. Волна деколонизации Африки в начале 60-х ослабила веру лидеров апартеида в том, что ЮАР может считаться надёжно защищённым членом западного сообщества. От своих убеждений отказаться они были не готовы, потому предпочли модернизировать армию. Однако во время наращивания войскового потенциала министр обороны Фуше пояснял, что «программа модернизации разработана, чтобы сделать ЮАР более привлекательным партнёром западного альянса. Даже если Запад не в состоянии прийти на помощь ЮАР, Южная Африка будет оставаться неколебимой в своей лояльности Западу» [13: 30]. Ориентация на западный мир, действительно, сохранялась, но обрастая стеной обособления и паутиной обмана. Несмотря на первоначальную существенную роль ЮАР в основании МАГАТЭ, в 1964 году южноафриканский премьер Хендрик Фервурд демонстративно отказался от участия в переговорах по нераспространению в Женеве [19: 3], в результате, ЮАР не подпишет и договор о нераспространении ядерного оружия в 1968 году. Напротив, в 1968 году ЮАР делает решительный шаг в сторону распространения – создается государственная оружейная корпорация «Армскор», которая совсем скоро будет отвечать за производство ядерного оружия [4]. На следующий год в ЮАР запущено строительство полупромышленного центра по обогащению урана в Валиндабе. А ещё через пять лет была пройдена роковая черта – после проведения масштабных лабораторных испытаний устройства пушечного типа, продемонстрировавшей возможность самостоятельного создания атомной бомбы [7: 41], принято политическое решение запустить свою тайную программу.

Ореол тайны вокруг программы вылился в разработку концепции трёхфазного сдерживания [13: 31], идею «бомб в подвале» («bombs in basement»), предназначенных, главным образом, для политического использования, извлечения в качестве козыря при переговорах с Западом в случае невыгодного для главарей апартеида обострения обстановки в регионе. Понимание необходимости скрывать программу до «чёрного дня» укрепилось в связи с осуждением США индийского ядерного испытания 1974 г.. На руководство ЮАР влияло и нелегальное ядерное сотрудничество с Израилем [18]: помогавшее ЮАР еврейское государство категорически не допускало огласки разработок, идущих в разрез с международным правом, сам факт кооперации добавлял режиму апартеида уверенность в успехе, к тому же, коллаборация с Израилем, проникнутым мессианскими идеями, подпитывало мессианство, присущее и африканерским элитам – осознание себя, как мощной цитадели, противостоящей распространению «красной чумы» и «чёрного» национализма. Созревание «осадного менталитета» [16: 188] сдабри-

вало почву ядерных амбиций – либеральные западные демократии всё чаще критиковали апартеид, у ЮАР, по понятным причинам, складывались отвратительные отношения с соседями, обретшими независимость, вследствие деколонизации, ослабленные вьетнамскими неудачами Соединённые Штаты Америки не оказали запрашиваемую ЮАР военную помощь в конфликте с Анголой, таким образом, продолжая ориентироваться на «коллективный Запад» и его флагман в лице США, режим ЮАР не ощущал себя обезопашенным. Создание смертоносных снарядов служило, по меньшей мере, плацебо, средством, создаваемым бурской элитой для поддержания своей устойчивости, возможности предъявить всё менее надёжным союзникам туз в рукаве в критический момент.

Но с сохранением конфиденциальности, без которой усилия военно-политического руководства ЮАР по осуществлению программы шли насмарку (ввиду утраты концептуальной эффективности), ЮАР страшно не везло. Хотя масштабы южноафриканской военной ядерной программы не всплыли наружу вплоть до её логического финала, тем не менее, ещё за несколько лет до сборки первой южноафриканской атомной бомбы, пришедшейся на 1982 г. (после чего производилось по одной «адской машине» раз в 15-18 месяцев) [11: 5], существенное негативное внимание к ЮАР привлекли два эпизода – в 1977 году советский спутник зафиксировал подозрительную активность в районе пустыни Калахари, напоминающую приготовления к проведению ядерного испытания. ТАСС распространило соответствующее заявление, которое на Западе поначалу было воспринято чуть ли не в штыки, «нашлись внешнеполитические обозреватели, которые расценили его, как «простой пропагандистский манёвр» СССР с целью торпедировать англо-американские планы урегулирования расовых проблем и усилить за своё влияние на Юге Африки за счёт интересов западных стран» [1: 102]. Однако анализ информации подтвердил выраженные советской стороной опасения, США, Великобритания, Франция, ФРГ оказали давление на ЮАР, прозвучало обещание ЮАР «ни сейчас, ни в будущем не производить ядерные испытания» [1: 103]. Пару лет спустя необычную «двойную вспышку» над Атлантическим океаном зафиксировал уже американский спутник связи «Vela», по названию которого эпизод, до сих пор покрытый конспирологической пеленой, получил название «инцидент Вела». Комиссия экспертов по расследованию инцидента, назначенная президентом США Картером, «после изучения всех фактов пришла к выводу, что обнаруженная спутником вспышка, «вероятно», не была результатом ядерного взрыва» [2: 127], то есть ни окончательно подтвердить, ни окончательно опровергнуть данную гипотезу не смогла. Но данные советских разведчиков А.М. Козлова [6] и Дитера Герхарда [8: 18], а также позднейшие изыскания ряда американских специализированных организаций, в частности, Defense Intelligence Agency, Naval Research, Laboratory и Лос-Аламосской лаборатории, показывают, что взрыв всё-таки был. Однако и после первых, неокончательных, выводов (к тому же, возможно американская президентская комиссия сгладила острые углы в расследовании, дабы не всплыли факты о преступлениях Израиля), нажим на ЮАР усилился. Программа, задумывавшаяся для потенциального манипулирования всем Западным сообществом и конкретно США, уже приводила к противоположным результатам в виде американского прессинга.

Отношения ЮАР с США на рубеже 1970-80-х гг. портились и в связи с тем, что поборник прав человека демократ Картер изначально осуждал политику расовой сегрегации, ряд серьёзных ограничений в отношении ЮАР вводится после жестокого подавления темнокожих протестующих в Соуэто, санкции распространяются в числе прочего на сотрудничество в атомной сфере [10: 239]. «Потепление» в отношениях с ЮАР происходит с приходом к власти республиканской администрации Рейгана. По инициативе его советника по делам в Африке Честера Крокера запущен курс на «конструктивное взаимодействие» [15: 53], придающей военной ядерной программе ЮАР «второе дыхание». Права человека для Рейгана отступают на второй план, «тефлоновый президент» готов закрывать глаза на многое ради своей идеи фикс, задачи по слому «империи зла».

Но в ходе второго срока Рейгана дискурс меняется - в СССР начинается перестройка, а оппозиция с новой силой поднимает на щит антирасистские лозунги [17 : 119-138], в обход президентского вето, проталкивая принятие Всеобъемлющего закона против апартеида [5]. В изменившихся условиях гнуть дальше линию на потворство режиму апартеида для администрации Рейгана оказалось невозможным. Со скрипом в зубах американские ястребы вводят пакет ограничительных мер, но всё же прикладывают максимум усилия для облегчения положения ЮАР, пребывавшей под градом международной критики. В частности, США помогли отложить на более поздний срок вопрос о возможном исключении ЮАР из МАГАТЭ за многочисленные нарушения [5]. Улавливая в складывающемся положении дел при всех его минусах шанс не допустить дальнейшее углубление и без того обширной изоляции, сохранить лицо, восстановить хорошие контакты с западным миром, к которому белые лидеры апартеида неизменно относили себя при всей специфичности Южно-Африканской республики и её системы, ещё при президенте Боте ЮАР при активном участии США, заявляя о намерениях следовать международному праву, приступает к ряду важных переговоров, способствовавших закату ядерного апартеида. Знаменательным стало подписание 22 декабря 1988 г. в учреждениях ООН в Нью-Йорке трёхсторонних соглашений между ЮАР, Анголой и Кубой. Кубинские войска выходили из Анголы, ЮАР также выводила войска из Анголы, а ещё из Намибии, а Намибия получала независимость, но на условиях ЮАР – построение государства со свободным рынком и многопартийной демократией. Установление долгожданного мира на юге Африке способствовало успеху других переговоров, проводившихся в тот же период и касавшихся непосредственно атомной отрасли ЮАР – о приведении её в соответствии нормам МАГАТЭ. В качестве депозитариев на этих переговорах выступали представители США, СССР, Великобритании [2: 129]. Не переоценивая роль какой-то одной стороны в переговорном процессе, стоит отметить, что без политической воли США, грамотного использования «мягкой мощи», переговоры вряд ли даже были бы начаты.

Внутриполитический ландшафт ЮАР в этот период тоже в корне меняется. В начале 1989 г. ухудшается здоровье возглавлявшего страну Боты, обязанности президента несколько недель исполняет министр конституционного развития Ян Хёйнис. Преемником Бота назначает министра финансов де Плесси, однако собрание в качестве будущего президента утверждает бывшего министра внутренних дел и национального образования (для белых), возглавившего Национальную партию Фредерика Виллема де

Клерка. Переход власти получился мирным (в том смысле, что обошёлся без кровопролития), но неприязненным – смена президента была назначена на сентябрь, однако Клерк не дождался нескольких недель, подав в отставку 14 августа 1989 года, в общенациональном эфире представив это решение, как выражение демарша Клерку, без консультации с ним проведшему встречу с президентом Замбии, Каундой, который, по словам Боты, покровительствовал Африканскому Национальному Конгрессу и замышлял акции, направленные против Южной Африки. Прозванный в годы правления «великим крокодилом» апологет апартеида заявил буквально следующее: «Для меня очевидно, что после всех этих лет моих усилий, направленных на благо национальной партии, а также на безопасность нашей страны, меня игнорируют министры, работающие в моём кабинете» [9]. И он не ошибался. Вскоре Клерк станет «брататься» с Манделой и выступит в роли гробовщика как апартеида, так и шантажистской ядерной дубинки ЮАР – желая войти в историю в качестве миротворца [12], Клерк уже в первый год президентства заявляет руководителям южноафриканской ядерной военной программы о намерении её свернуть, что и было осуществлено за три года. Об устранении ядерной программе Клерк во всеуслышание объявил в парламенте 24 марта 1993 года. Возможно, перед допуском на объекты страны интернациональных мониторинговых комиссий во избежание эксцессов Белый дом был проинформирован руководством ЮАР и лично Клерком о своём ликвидируемом ядерном скелете в шкафу на условиях необнародования, но документальных подтверждений этому, по объяснимым причинам, нет, по крайней мере, в свободном доступе.

Зато изучение сравнительно непродолжительного, но захватывающего южноафриканского ядерного эпоса высвечивает специфику причин как пробуждения ядерных амбиций, так и факторов, приведших к их угасанию и демонтажу программы и её плодов. К зарождению ядерных амбиций ведёт, главным образом, вполне естественное желание сохранения независимости и идентичности режима, при этом лишённого экзистенциальной стабильности, уверенности в защищённости и вынужденного прибегать к чрезвычайным способам самообороны, одним из которых и является стратегия ядерного сдерживания. Часто государства, избирающие для себя подобный сценарий, готовы на статус «изгоя», дистанцированного от ведущих акторов международных отношений, но это не случай Южно-Африканской Республики, не прекращавшей сохранять ориентацию на Запад. Закат «холодной войны», нормализация региональной обстановки, предоставление ЮАР гарантий безопасности и выгодных условий сотрудничества в обмен на переход к международным стандартам, транзит власти в стране – всё это повлияло на состоявшийся удачный южноафриканский опыт в области политики нераспространения. И важно, что власти США, особенно, после принятия Всеобъемлющего закона против апартеида (пусть и нежеланного), сумели проявить в отношении ЮАР разумный баланс настойчивости и гибкости, не допустить унижения страны, помогли осознать преимущества, вытекающие из ратификации и соблюдения международных правовых актов. Пожалуй, такого же грамотного поведения США сегодня не хватает при попытках решения, к примеру, северокорейского и иранского ядерных вопросов – действия носят либо вялотекущий характер, либо непомерно жёсткий, лишь подогревающий ядерные амбиции. И, хотя приструнить ЮАР, возможно, было чуть проще,

учитывая статус союзника, анализ и использование современным американским истеблишментом опыта, приведшего к успеху в деле нераспространения в ЮАР, на мой взгляд, могло бы существенно повысить шанс на новые прорывы. Пока же столь ценному опыту уделяется до странности мало внимания, но уверен, это досадное недоразумение будет преодолено, в том числе при участии нашего научного сообщества.

Примечания.

1. Давыдов В.Ф. Нераспространение ядерного оружия и политика США. Издательство «Наука», Москва, 1980.
2. Тимербаев Р. Южная Африка: как создавалось её ядерное оружие, как и почему она отказалась от него. Журнал «Ядерный контроль» № 2, 2005.
3. Хромов Г.К. Сотрудничество в области ликвидации сокращаемых стратегических вооружений и обеспечении безопасности ядерных материалов. Программа совместного снижения угрозы. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. 22 апреля 2003.
4. Информационный портал «Белая Африка». URL: http://whiteafrica.ucoz.ru
5. Сайт Президентской библиотеки Рональда Рейгана. URL: https://www.reaganlibrary.gov
6. Электронный ресурс «История государства». URL: http://statehistory.ru
7. Albright D., Stricker A. Revisiting South Africa's Nuclear Weapons Program: Its History, Dismantlement, and Lessons for Today. Institute for science and international security, June 2016.
8. Albright D. South Africa’s Secret Nuclear Weapons. Institute for Science and International Security. ISIS Report, May 1994
9. *Claiborne W.* Botha Quits, Criticizes Successor. Washington Post Foreign Service. Tuesday, August 15, 1989.
10. Javan D. Atomic apartheid: United States – South African Nuclear Relations from Truman to Reagan, 1945-1989. A Dissertation submitted to the Graduate Faculty of Auburn University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Auburn, Alabama, May 2006.
11. Hibbs M. South Africa's Secret Nuclear Program: From a PNE to Deterrent. Nuclear Fuel, 10 May 1993.
12. Klerk F.W. South Africa, the nation that gave up its nukes. Los Angeles Times. 22 December, 2013.
13. Long W.J., Grillot S.R.. Ideas, beliefs, and Nuclear Policies: The cases of South Africa and Ukraine. The Nonproliferation Review. Spring 2000.
14. Minty A. South Africa's Nuclear Capability: The Apartheid Bomb. Zimbabwe Publishing House. Harare, 1986.
15. Moore J.D.L. South Africa and nuclear proliferation: South Africa's nuclear capabilities and intentions in the context of international non-proliferation policies. Palgrave Macmillan, 1987.
16. Purkitt H.E., Burgess S.F. South Africa’s Nuclear Decisions. International Security, Vol. 27, № 1, Summer 2002.

17. Tennant E.W. Locating Transnational Activists. The United States Anti-Apartheid Movement and the Confines of the National. Deciphering the Global: Its Spaces, Scales, and Subjects. Ed. by S.Sassen. London and New York, Routledge, 2007.
18. Transcript of Talk by Waldo Stumpf, South African Embassy. Washington, D.C., July 23, 1993.
19. Wyk A.-M. (in collaboration with Van Wyk J.-A., UNISA). Apartheid's Atomic bomb: birth and demise. South African Historical Journal. 13 March 2015.URL: http://dx.doi.org/10.1080/02582473.2014.977337

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ПАРИЖЕ В 20 – 30-х ГОДАХ XX ВЕКА

М. Л. Кирюхина
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, maria.kiriukhina@gmail.com

Историография, охватывающая тему русской эмиграции, достаточно обширна. Многие исследователи обращаются в своих работах к мемуарам, воспоминаниям, письмам, посвященным отъезду эмигрантов из России и их жизни за рубежом. В течение переработки такого рода информации ученые приходят к неоднозначным выводам, которые объясняют процессы, происходящие в эмигрантской среде – например, процесс интеграции. Работа К. Гусефф в достаточной мере объясняет это явление, однако интеграция в данном случае накладывается на определенное мировоззрение, которое необходимо изучить. Таким образом, важно рассмотреть русскую эмиграцию в синтезе с французской действительностью; также нельзя забывать, что две культуры существовали параллельно, оказывая друг на друга взаимное влияние.

С середины 20-х годов большая часть российских эмигрантов обосновалась во Франции - именно она стала одним из наиболее важных центров русского зарубежья. Возникновение таких центров не было случайностью - некоторые лица, проживающие в Российской Империи, были лишены гражданства после событий 1917 года [7:17]. Слом государственного строя также поставил значительную часть интеллигенции перед судьбоносным выбором – жизнь в республике Советов виделась невозможной, однако это воззрение вступало в конфронтацию с глубоким патриотизмом, который делал отъезд настоящей трагедией. З.Н. Гиппиус писала: «только в объединении сохранит зарубежный народ свою душу и тепло; только в общем союзе не страшны эмиграции всех состояний, всех поколений, - старого и нового, - никакие опасности; и первая из них самая страшная: не исполнить своего долга перед родиной» [5:16]. Несмотря на все трудности, одним из городов, принявших это «объединение», стал Париж.

Большинство беженцев из России, обосновавшихся в Париже, навсегда остаются в сознании французов «l`exception russe» - «русским исключением», эмиграцией элит, эрудированными, двуязычными и блестяще образованными представителями общества. Однако, стоит подчеркнуть, что эмиграция была разнородна, а позже и иерархична – от неимущих до зажиточной буржуазии. Отличительной чертой иерархии стало стремление к уже упомянутому объединению, которое приобретало вполне конкретные формы,

например, в виде эмигрантских общественных организаций [6:136]. Складывание достаточно замкнутой общины в Париже играло важную роль в становлении нового сознания, которое отчасти подтверждало задачу «стать частью христианской Европы – не случайной и пассивной, конечно, а органической и творческой» [3:12].

Наиболее привлекательным для жизни явился для русских беженцев пятнадцатый округ, расположенный по соседству с главными заводами Парижа. Именно в этом округе выделялась своеобразная «специализация» - большинство русского населения было занято в автомобильной промышленности. Эта категория не была самой заметной на фоне всей русской эмиграции, однако численно преобладала в эмигрантской среде:

«…русские держатся группами не только на заводе, но и в повседневной жизни: в большинстве своем они селятся поближе к заводу Рено или по соседству с площадью Насьональ, в дешевых отелях или меблированных комнатах и зачастую живут по несколько человек в одной комнате и даже спят посменно на одной койке – пока один работает, другой спит…». [9:159]

На заводе «Рено» русских рабочих, как правило, называли «врангелевцами» и «белыми» - французские профсоюзы и коммунистическая пресса демонстрировали презрительное отношение к эмигрантам – вполне возможно, что для коммунистической партии завод «Рено» представлялся одним из главных бастионов во французском регионе, а присутствие русских, в прошлым являвшимися представителями привилегированных кругов, было нежелательно. Таким образом, можно предположить, что для дирекции заводов присутствие «врангелевцев» на предприятии наоборот явилось гарантом лояльности: «г-н Рено нас любил, он знал о несчастьях, которые переживали русские, и, говорят, жертвовал деньги русскому Красному кресту» [интервью Клода Верника в доме престарелых в Фавьере]. Однако, такие предположения вряд ли могут быть подкреплены –противостояние не вылилось в открытый конфликт французских рабочих и «людей семейных, смирных, налогоплательщиков, читателей русских ежедневных газет и членов всевозможных военных русских организаций» [1:380].

С середины 20-х годов профессия шофера такси стала составлять конкуренцию работе на заводах. Именно эта профессия позже станет олицетворением русского эмигранта в глазах француза – контакт, который предполагала всего лишь одна кратковременная поездка, был несомненно важен – он делал особенно заметным присутствие иностранцев в жизни парижан. Зачастую шоферы такси для французов «предстают в обличии разоренных аристократов или великих князей, изгнанных из своих родовых имений революцией, и бородатыми мужиками, которых они секли кнутом и заставляли гнуть на себя спину» [9:181]. Нужно заметить, что роль эмигрантских общественных ассоциаций в распространении профессии была велика – зачастую они брали на себя организацию подготовительных курсов для шоферов. Таким образом, к 30-м годам количество русских в сфере наземного транспорта возросло, и именно это дало повод для резко отрицательной реакции со стороны французских шоферов. Позиция русских на рынке труда была довольно шаткой – «давление со стороны профсоюзов таксистов вынудило министра труда издать в апреле 1926 года специальное постановление, в результате которого 700 русских кандидатов не были допущены до соответствующих экзаменов» [6:147]. Ответом русских шоферов стало создание объединений, которые бра-

ли на себя организацию летнего отдыха своих членов, распределение материальной помощи и даже выпуск собственного бюллетеня «Русский шофер» [9:197].

Таким образом, моментальные профессиональные перспективы русского эмигранта сводились к двум видам деятельности: рабочего на заводе и шофера в такси. Причем шофер такси ощущал большую свободу – «… эта профессия позволяла также сохранить определенную независимость: хозяин над душой не стоит, рабочие часы можно выбирать по своему желанию, и весь Париж твой…» [9:185].

Помимо уже упомянутых объединений существовали и многочисленные профессиональные организации, такие как «Союз русских писателей и журналистов», «Объединение русских адвокатов во Франции» и т.д. Последний союз включал в себя постоянно проживающих во Франции юристов, которые работали по профессии в изгнании и в прошлом являлись членами «Российской коллегии адвокатов». Русские юристы были вовлечены в защиту интересов российских кампаний, а в правовых конфликтах, которые касались русских беженцев без гражданства, теперь применялись французские законы. Бюро юридической помощи существовало при любой профессиональной или благотворительной организации – общение с французской администрацией требовало квалифицированного подхода; также стоит отметить, что статус беженца вызывал противоречия, которые стоило устранять опираясь на знание правовых норм [6:158]. Первым к рассмотрению актуальных для эмиграции юридических проблем обратился Д.В. Печорин, который защитил свою диссертацию в Сорбонне в 1929 г. [7:71]. Стоит отметить, что в числе двух дисциплин, по котором было защищено наибольшее количество докторских диссертаций, оказались медицина и право (12 и 8 соответственно) [8:16]. Положение врачей, однако, было затруднительным, так как «иностранец, желавший практиковать в стране, должен был пройти тот же курс обучения, что и его коллеги» [6:159]. По всей видимости, на практике врачи могли принимать участие в деятельности французских медицинских кабинетов и консультировать беженцев; также действительно существовала возможность заново пройти курс обучения [2:171-172]. Помимо упомянутых дисциплин существовали и другие, также востребованные среди русских эмигрантов: например, в сфере технического образования существовал достаточно большой выбор – «Политехнический институт в Париже», «Радиоэлектрическая школа», в которой специально было создано русское отделение и т.д. Таким образом, наличие определенный базы знаний подкреплялось возможностью получить образование, которое в дальнейшем могло бы быть рассмотрено как фундамент будущей, уже тесно связанной с Францией, профессии.

В заключение стоит упомянуть о представляющей наибольший интерес прослойке литераторов, публицистов, журналистов, художников, музыкантов и т.д. Нужно отметить, что наиболее видным хранителем «русского наследия» времен эмиграции Первой волны является Рене Герра - именно он с 60-х годов прошлого века собирал богатейший архив плодов деятельности русской интеллигенции – от бегло подписанных открыток до шедевров живописи [4:7].

Говоря о жизни писателей в Париже, стоит отметить, что многие из них лишились родной аудитории, системы культурных координат, в которой они сформировались, как личности; потрясения действительно не прошли бесследно – однако вскоре растерян-

ность сменилась бурной деятельностью: литературная и интеллектуальная продукция, которая издавалась в изгнании, по праву считалась феноменом, доказывающим, что русская культура, укоренившаяся на чужеродной почве, является уникальной. В связи с этим необходимо упомянуть о вручении Нобелевской премии И.А. Бунину – ликование и восторг, которые пронеслись среди русских эмигрантов по всем континентам [4:329], послужили толчком для дальнейшего развития писательской деятельности за рубежом. Немаловажно и то, что И.А. Бунин отдал значительную сумму из полученной премии нуждающимся [4:330]. Разнообразие жизненных ситуаций было свойственно писательской среде – большинство перебивалось случайным заработком, который заключался в редактировании текстов, преподавании, выполнении административной работы и т.д. Однако, писатели зачастую получали поддержку своих более обеспеченных коллег – журнал «Числа», идея издания которого созрела в салоне Мережковских, например, положил начало «парижской» литературной школе и всячески поддерживал молодых авторов.

В области искусства эмигранты также добились признания – здесь «мода на Россию» предположительно начиналась с ошеломительного успеха балетов Дягилева (1919-1929). В 30-е годы сотрудники уже упомянутого журнала «Числа» проводят несколько выставок, на которых представляют живописные и графические работы русских писателей рядом с парижскими художниками – Модильяни, Бераром [8:109]. Отдельно стоит упомянуть Ю. П. Анненкова, который вскоре после приезда в Париж заключил ряд контрактов на создание костюмов для зарубежного кинематографа. Любопытно и то, что Ю.П. Анненков никогда не критиковал советскую власть – однако так и не вернулся из Парижа, приняв окончательное решение остаться после доклада Жданова [4:177]. Ряд фамилий, таких как Зак, Андреенко, Чехонин, Бакст, Сомов [4:152-178] навсегда останутся «отличительными» для искусства Второй волны. Действительно, та ниша, которую заняли русские эмигранты в области искусства, оказалась достаточно самобытной для того, чтобы стать отличительной чертой русского творчества.

Таким образом, полотно русской эмиграции было соткано из людей различного социального происхождения. Именно от этого зависели модели социальной адаптации – некоторые эмигранты были вовлечены в среду промышленных рабочих, в то время как другие уходили в эфемерный мир Зарубежной России, зеркально спроектированный на просторы Парижа. Однако, можно с уверенностью говорить о существовании сильных внутриобщинных связей, которые служили моральной поддержкой и делали русскую диаспору, «общество в изгнании», самобытным и живым организмом.

Примечания.

1. Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. М., 1996.
2. Васильев К.К. Российские врачи-беженцы в Европе между мировыми войнами // Зарубежная Россия, 1917-1939. Т.2. СПб., 2003.
3. Вейдле В. Задача России. Нью-Йорк, 1956.
4. Герра Р. О русских – по-русски. СПб., 2015.
5. Гиппиус З. Н. Чего было и не было. Неизвестная проза (1926-1930гг.). СПб., 2002.

6. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920-1939 годы). М., 2014.
7. Ефременко В.В. Научная и культурная жизнь российской эмиграции «Первой волны» во Франции. Новосибирск, 2011.
8. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. Дополнительный выпуск. Париж, 1973.
9. Менегальдо Е. Русские в Париже (1919-1939). М., 2001.

ВИЗАНТИЙСКИЙ СВЕТСКИЙ КОСТЮМ В XI – XV вв.

Э. А. Козлова

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, elanakozlova@gmail.com

Византийская культура – уникальное и яркое явление, охватившее многие аспекты общественно – социальной жизни. Она просуществовала больше тысячи лет и стала основой культур многих христианских народов и стран, в том числе и Руси.

Византийский светский костюм – особое проявление культуры Византийской империи. Он является одним из основных проявлений прикладного искусства. Костюм не только отражает характер эпохи, но и несет в себе скрытую информацию, язык которой был понятен современникам, однако малодоступен для потомков. «Расшифровка» и детальная интерпретация элементов костюма представляют для современного исследователя большой интерес.

Целью нашего исследования является определение роли светского костюма в жизни византийского общества. Нам необходимо рассмотреть его особенности и отличительные черты, благодаря которым его можно назвать самобытным и уникальным отражением мировоззрения и менталитета византийцев XI – XV вв.

Основными источниками в работе стали изобразительные материалы (Их полный список находится в приложении к данной работе). Это тот редкий случай, когда изображения не только не уступают письменным источникам по информативности, но и превосходят их.

Самыми частыми источниками стали фрески, мозаики и иконы, являющиеся произведениями монументальной живописи и направленные на восприятие широкими группами зрителей. Они создавались с целью дать точную и детальную информацию об изображаемых персонах.

Другим прекрасным источником по истории костюма являются миниатюры. Благодаря им зритель получает возможность ознакомиться с повседневным костюмом как аристократических особ, так и непривилегированного населения.

Интересны также украшения – изделия из драгоценных металлов и камней. Они являются элементами многих костюмов и несут информацию о своем носителе.

Кроме изобразительных материалов нами были изучены письменные источники: «Книга эпарха» и «Тайная история» Прокопия Кесарийского. Оба документа позволи-

ли глубже ознакомиться с бытом, повседневностью и обычаями как простых, так и знатных византийцев.

В Византии, как и в других средневековых обществах, одежда являлась важным средством обозначения социального положения человека в существующей иерархии. Именно костюм позволял окружающим определить не только материальное состояние носителя, но и его социальную принадлежность, род деятельности. Зачастую костюм был способом выражения идеи превосходства одних людей над другими, демонстрировал привилегии определенного социального слоя.

Византийский костюм сложился на основе римских и восточных элементов, переосмысленных под влиянием христианства. Христианство определило новый идеал красоты. В целом мужской и женский костюмы стали более закрытыми и многослойными. Античная обнаженность, желание подчеркнуть красоту, здоровье и молодость стали восприниматься как соблазн, влекущий за собой грехопадение. Одежда из плотных тканей, таких как лен и шерсть, должна была закрыть, спрятать этот оплот соблазна.

Благодаря слиянию и взаимопроникновению названных черт византийский костюм стал не просто элементом культуры, но приобрел символическое значение, которое позволяет детально ознакомиться с подробностями социальных отношений, существовавших в империи.

Особая роль отводилась тканям и цветовому решению одежды. Наиболее распространенные ткани, лен и шерсть, были доступны большей части населения империи. В одежде зажиточных слоев города бытовали полушелковые материи. Самыми дорогими и престижными считались шелк и парча. Они нередко украшались сложными рисунками из разноцветных шелковых и металлических нитей. Символичным были и цвет, и узор ткани.

Голубой символизировал небо, зеленый – надежду, цветение земли и райских садов, багряный, пурпурный – власть и величие, золотой – божественную энергию, Святой Дух, чистоту. Золото было «предметом первой необходимости» в этом языке символов и в парадных одеяниях императоров и их придворных. [9: 130] Пурпурный и золотой стояли на вершине иерархии цветов. Императоры даже издавали законы, запрещающие широкую продажу шелковых и шерстяных пурпурных одежд, а за передачу их иностранцам нарушителей ждало суровое наказание [2: VIII., § 1 – 2; IV., § 1].

Одежды представителей высших слоев общества неизменно украшались множеством замысловатых вышивок, орнаментов, рисунков. Данные изображения были призваны указать не только на статус носителя, но и на связь с той или иной культурной традицией: к примеру, с арабской, имперской или христианской. Немаловажным было включение Византии в космополитичный стиль Средиземноморья.

Самыми распространенными изображениями были вышивки и рисунки в виде листочков – сердечек (арабские корни), животных, геометрических фигур, а также сюжеты на библейские темы. «На одном костюме могло быть изображено до 600 сцен на библейские темы.» - отмечает в своем сочинении Н. М. Каминская. [6: 30] Сюжеты из Свя-

щенного Писания, жизни Христа, святых и великомучеников дополнялись светскими изображениями. Они создавали своеобразную картину мира византийцев: иерархичную, но тесно и неделимо связанную.

Ткани и орнаменты из Византии оказывали большое влияние на искусство Европейских стран.

Интересным аспектом, которого следует коснуться, говоря о своеобразии византийского костюма, можно назвать проявление в нем гендерных особенностей.

Гендерные различия в одежде во все времена были связаны с понятием сексуальности, мужского и женского начал, а также с гендерными стереотипами. Немалое значение оказывала и религия. Возросшее влияние христианства побуждало византийцев как бы скрывать гендерные особенности, обезличивая их в глазах Бога. Закрытость, плотность одеяний была призвана не допустить мысли о совершении греха. Наиболее внимательно церковь относилась к внешности женщин, всеми средствами стремясь усмирить их страсть к украшениям и роскоши. Поэтому, несмотря на схожесть, женские костюмы выглядят более закрытыми и, в то же время, более вычурными, чем мужские.

Начиная с IV – V веков эллинистические формы женского костюма уходят в прошлое, появляется все больше прямых одежд из плотных тканей. [9: 136] В аристократических кругах появилась манера носить сразу несколько одежд, одну на другой. Это были широкие туники до пола, у нижней из них были узкие, а у верхней - широкие рукава. Поверх них надевался плащ с фибулой на плече.

Популярными среди аристократок были не только серебряные и золотые украшения, тонкие изделия из эмали, жемчуга, бисера [1: 1, 2], но и роскошные прически, тюрбан, пришедший из стран Востока, а также покрывало - мафорий, ниспадавшее с головы на плечи и практически полностью скрывавшее лицо. Оно придавало женщине аскетический вид и стало неизменным атрибутом мучениц и святых на иконах. [1: 3]

Кроме того, хочется отметить особую любовь византийских женщин к косметическим средствам. Они заботились о белизне лица, румянились, подкрашивали веки и ресницы. В качестве духов выступали благовония, самым любимым из которых было розовое масло. [11: 84]

Мужской костюм в Византии состоял из штанов и туники с суживающимися к запястьям рукавами. Длина туники определяла социальное положение человека: чем длиннее она была, тем выше был статус носителя. В качестве верхней одежды использовали плащи с завязками из шерстяных и полушерстяных тканей или римские пенулы. Мужская обувь состояла из мягких сапог, подвязываемые под коленами узкими ремешками, и длинных башмаков. В широких слоях населения такой тип костюма просуществовал на протяжении всей истории империи практически без изменений. [9: 130]

Представители высших слоев также не пренебрегали украшениями. Мужские украшения в Византии были скромнее [1: 4]. Однако перстни и фибулы с жемчугом, камнями и эмалью по золоту были столь же изысканны, как и женские драгоценности.

Мужской и женский костюмы в Византии имели много общих черт, однако не были полностью идентичными. Множество незначительных для современного человека элементов создавали то неповторимое гендерное своеобразие византийского костюма.

Огромную роль в формировании образа византийца играла социальная дифференциация общества. Именно социальные отношения, сложившиеся в империи, определяли не только поведение и быт человека, но и его внешний вид.

Говоря о высших слоях населения, мы обратим внимание на одеяния императора, императрицы и их приближенных. В средневековом обществе центральное положение императора утверждалось не через монументальные памятники, как в античный период, а через пышный церемониал. Его важной частью был, разумеется, роскошный костюм, призванный подчеркнуть блеск и величие не столько личности императора, сколько идеи монархической власти, исходящей от Бога (пусть власть императору и передавалась не напрямую, а через посредничество народа). Культ императора был важной частью государственной религии – отмечает в своей статье Т. В. Седунова. [12: 122-123]

Великолепный императорский костюм состоял из ряда традиционных элементов. К ним можно отнести тунику - парагадион, плащ – палудаментум, далматику, часто - с нашитым золотым ромбом таблионом, пурпуровые башмаки, вышитые камнями и чеканными золотыми бляшками с эмалью, и лорум. [1: 5, 6]

Наряду со скипетром и державой в число императорских регалий входила стемма – золотой обруч-венец, украшенный камнями и жемчугом. К нему крепились шесть треугольных пластинок, которые образовывали подобие лучей. Подвески – пропендулии спускались на плечи. В конце XI – начале XII века стемма была вытеснена камилавкием.

Императорский костюм нередко выступал и средством дипломатических отношений. Украшения, элементы костюма и головные уборы становились дорогими подарками тем странам, с которыми Византия стремилась наладить или укрепить связи, а также продемонстрировать свою лояльность.

Не менее интересны изображения приближенных императоров. Придворные предстают перед нами своего рода высокопоставленными актерами, разыгрывающими во дворце роскошные, но строго регламентированные представления – ритуалы, которые помогали повысить значимость монарха. Регламентация проявлялась не только в поведении участников, но и в их одеяниях. Большое значение имели цвет и отделка костюмов каждого лица согласно его классу и чину, зафиксированным в Клиторологии Филофея (византийской табели о рангах). [1: 7]

С еще большей силой, чем в мужской среде, проявлялось влечение к роскоши среди женской аристократии. Несмотря на церковные запреты, императрица и ее приближенные стремились всячески украсить свои одеяния. В моду вошла и надолго закрепилась далматика из блестящей парчи, украшенная разнообразными вышивками, драгоценными камнями, золотом. Также распространена была пенула, которую надева-

ли поверх столы с длинными рукавами. Такие одежды превращали женщин в «роскошно убранные цилиндры». [7: 138]; [1: 8]

Жесткая регламентация, существовавшая в византийском обществе сдерживала порывы фантазии средневековых модниц, но не пресекала их полностью. Женщины превращали свои костюмы в настоящие произведения искусства, достойные восхищения. Однако такое разнообразие цветов, тканей и орнаментов существовало лишь в аристократической среде.

Важной частью византийского общества являлась армия. В целом, воинский костюм и доспехи в Византии соответствовали римскому образцу. [9: 136] Основой панциря была толстая кожа, к которой прикреплялись металлические бляшки. Неотъемлемым элементом был воинский плащ (трабея или сагум). Военачальники носили плащи почетного красного или пурпурного цвета.

Интересные виды воинских костюмов можно найти среди церковных изображений святых воинов-мучеников. Их изображали красиво и роскошно одетыми в костюмы времен написания икон вне зависимости от реального социального и материального статуса (а также не ориентируясь на исторические и территориальные особенности). Красота одеяний считалась наградой за их подвиги и страдания в земной жизни. [1: 9, 10]

Одежда основной части населения Византийской империи была довольно скромной, не отличалась художественными изысками и практически не изменялась на протяжении всей истории страны.

Костюм крестьян и ремесленников в Византийской империи был прост и удобен для работы. Его незатейливость и функциональность в условиях сословного государства ясно указывали на принадлежность носителя к низкой ступени социальной иерархии. [1: 11]

На контрасте с основной массой населения Византийской империи император, императрица и их приближенные выглядели поистине блистательно. Но именно образ бедного (даже обездоленного) человека «из народа» соответствовал идеалу красоты и смирения, воспетому идеологами христианства. Это, однако, не мешало художникам изображать воинов, мучеников и мучениц в богатых аристократических одеяниях, а каждому, приходящему в церковь, любоваться эстетическим сочетанием их внутренней и внешней красоты. На наш взгляд, в этом находится интереснейшее противоречие, ярко характеризующее менталитет средневекового византийца.

В заключение хочется еще раз отметить ту поразительную роль, которую играл костюм в Византийской империи. Сложность языка символов, которым владел каждый византиец, безошибочно умеющий отличить один элемент от другого и объяснить значение каждого из них, вызывает у современного человека удивление и интерес. Невольно возникает желание провести сравнение с современным миром, найти символическое значение в деталях и нашей одежды. Однако каждому, кто совершит такую попытку, вскоре становится ясно, что демократическое западное общество, провозгласившие идеалом равенство людей, давно утратило этот сложный символический язык.

Исчезновение сословий и законодательно закрепленного социального неравенства уничтожили необходимость социальных знаков – символов. Вероятно, именно отсутствие социальной иерархии в современном обществе делает понимание скрытой информации символов такой непростой задачей. Появляется необходимость изучения не только визуальных источников, но и законодательных актов, указов, императорских сочинений, благодаря которым исследователь приоткрывает завесу тайны: расшифровывает вышивки и рисунки на тканях, трактует значение украшений.

Итак, уникальность общественно-социальных отношений XI – XV вв. во всей полноте отразилась в одеждах представителей разных сословий. Благодаря изучению костюма нам удалось лучше понять быт, традиции и менталитет византийцев.

Примечания.

1. Список изобразительных источников см. в Приложении
2. Книга Эпарха, Сюзюмов М. Я. М.: Издательство Восточной литературы, 1962
3. Прокопий Кесарийский. Война с персами; Война с вандалами; Тайная история. СПб., Алетейя, 2001
4. Грабар А. Император в византийском искусстве. (Пер. с фр. Ю.Л. Грейдинг.) М., Ладомир, 2004
5. Даркевич В. П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII века. М., 1975
6. Каминская Н. М. История костюма. Издательство «Легкая индустрия», 1977
7. Лазарев В. Н. История Византийской живописи. Т. 1 – 2. М., 1986
8. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. М., 1974
9. Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. Том 1. М., Издательство Академия моды, 1993
10. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX–XV веков: (каталог коллекции) Санкт-Петербург. Издательство Государственного Эрмитажа/ [Авт. – сост. В. Н. Залесская] СПб., 2011
11. Поляковская М. А., Чекалова А. А. Византия: Быт и нравы. Свердловск, 1989
12. Седунова Т. В. Византийская ткань как зеркало церемониальности. С 121 – 126. https://cyberleninka.ru/article/v/vizantiyskaya-tkan-kak-zerkalo-tseremonialnosti (дата обращения: 13. 09. 2018)
13. Essential processes, Looms, and Technical Aspects of the Production of Silk Textiles. Anna Muthesius. The economic history of Bysantium from the Seventh through the Fifteenth Century. (Editor-in-Chief, Angeliki E. Laiou); Dumbarton Oaks Research Library and Collection. Washington, D.C., 2002. P 143-165
14. Tamara Talbot Rice. Everyday life in Byzantium. New York. Dorset Press, 1967 - URL: https://ru.scribd.com/document/255844194/Tamara-Talbot-Rice-Everyday-Life-in-Byzantium-Epub (дата обращения: 14. 09. 2018)

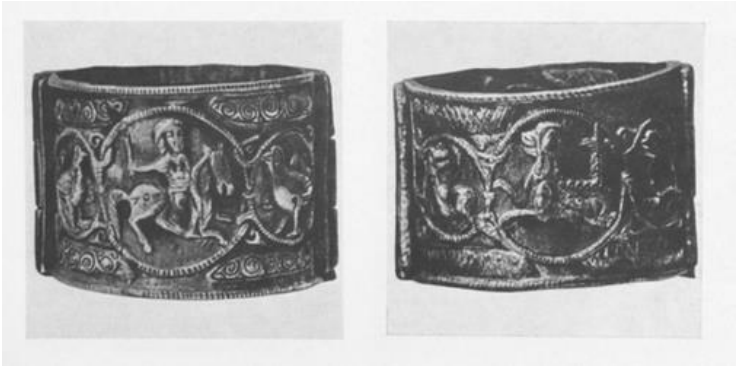
Приложение (иллюстрации)

Илл. 1

Колт и заколка?. 1080-1150 гг., Константинополь.
http://theofilakt.livejournal.com/23833.html

Илл. 2[6]

Серебряные браслеты с чернью. Византия, XII – XIII вв. Париж, Лувр.

Илл. 3

Холмская икона Божьей матери. XIII в., Музей волынской иконы. Луцк, Россия.
http://hram-nikola.kiev.ua/index.php/o-presvyatoj-bogoroditse/136-chudotvornye-ikony-bozhiej-materi/356-kholmskaya-ikona-bozhiej-materi

[6] Даркевич В. П. Указ. соч. № 386, № 387. С 272

Илл. 4

Серебряное кольцо с круглой накладкой, на которой выгравирована номограмма-печатка S ВЛАСІОС О МЕЛАХРНОС. XIII – XIV вв., музей Византии, Афины.
https://www.livemaster.ru/topic/738551-galereya-dragotsennostej-chast-4-vizantiya-kievskaya-rus-srednevekovaya-evropa

Илл. 5

Исихастский совет в Константинополе 1351 года. Миниатюра из «Теологических произведений» Иоанна Кантакузина. 1370 – 75 гг., Национальная библиотека, Париж.
https://commons.wikimedia.org/wiki/File:John_VI_Kantakouzenos.jpg?uselang=ru

Илл. 6

Монета с изображением Константина X Дуки. XI в.
https://ru.wikipedia.org/wiki/Константин_X_Дука

Илл. 7

Никифор III Вотаниат и придворные, из «Гомилий Иоанна Златоуста». 1078—81 гг., Национальная библиотека Франции, Париж.

Илл. 8

Императрица Зоя. Мозаика собора Святой Софии. XI в., Стамбул, Турция.

Илл.9

Влм. Георгий Победоносец. Перегородчатая Эмаль. XI—XII в., Музей искусств Грузии. Тбилиси.
https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Влм._Георгий_Победоносец.jpg?uselang=ru

Илл. 10

Фреска св. Меркурия. 1295 г. Охрид, Македония.
https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Byzantine_icon_St-Mercurius_1295.jpg?uselang=ru

Илл. 11

Византийская миниатюра XI века
http://roundchurch.ca/bulletin-septuagesima/

«ГЕНИЙ ОДНОЙ НОЧИ» КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ (СОБЫТИЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ) В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

А. С. Костылева

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, alenakostyleva2017@yandex.ru

«Гений одной ночи» - историческая новелла, входящая в состав сборника «Звездные часы человечества»[6], написанная в 1927 году С. Цвейгом.

Говоря о личности самого Стефана Цвейга (1881-1942) отмечу, что он является австрийским писателем, который имел достаточно высокий уровень образования: обучался в университетах Вены и Берлина, где изучал германистику и романистику [7].Также в силу того, что Стефан родился богатой еврейской семье, он много путешествовал (Европа, Индокитай, Северная и Южная Америка, СССР), что позволило ему с успехами следить за становлениями различных идей различных государств[4].

Цвейг, являясь писателем, стал популярным во всем мире именно как новеллист. Его повествовательные рассказы наполнены не только увлеченностью сюжета, но и драматизмом, что позволяет читателю задуматься над «превратностью человеческих судеб» [6].

Если говорить об исторической новелле «Гений одной ночи», то стоит разобрать, какое событие является центральным и какая историческая личность внесла вклад в развитие не только Французской революции, но и Франции.

Во-первых, обратим свое внимание на то, что Цвейг сам сообщает еще в начале своей новеллы, о чем пойдет речь: «Марсельеза. 25 апреля 1792 года»[6].

20 апреля 1792 года Франция объявляет войну Австрии за ее неприязненные действия по отношению к французскому народу. Отношения становятся все более натянутыми…требуется категорический ответ. Но его нет! [2: 330].

А так как его нет, то 20 апреля 1792 года король и министры являются в Salle de Manège, излагают положение дел, и бедный Людовик «со слезами на глазах» предлагает, чтобы Собрание постановило объявить войну. После должных потоков красноречия война декретирована в тот же вечер…[2: 330] Итак, значит, война! Париж, полный ожидания, толпой явился на утреннее и в еще большем числе на вечернее заседание[8:146-147].

Это событие нашло свое отражение в сочинение Цвейга, который отмечает «Уже целых два - уже три месяца не может Национальное собрание решить вопрос... Сам Людовик XVI пребывает в нерешительности: он понимает, какую опасность несет ему победа революционных сил, но понимает он и опасность их поражения. Нет единого мнения и у партий…»[6]; «20 апреля король Франции объявляет наконец войну, все невольно испытывают облегчение»[6].

Главным героем является Руже: «Молоденький капитан инженерных войск по имени Руже…этот славный - не то чтобы красавец, но весьма симпатичный офицерик…»[6], который не является великим композитором, потому что его произведения

не воспринимаются всерьез, но в угоду высокому должностному лицу он готов на риск: «Руже…никогда не мнил себя великим художником - стихи его никто не печатает, а оперы отвергают все театры, но он знает, что стихи на случай ему удаются»[6].

Следующее упоминание встречается лишь в конце, где Руже предстает как « автор гимна революции» [6], который «вовсе не революционер; более того: он, как никто другой способствовавший своей бессмертной песней делу революции, готов отдать все свои силы, чтобы сдержать ее. И когда марсельцы и толпы парижан с его песней на устах громят Тюильри и свергают короля, Руже де Лиль отворачивается от революции. Он отказывается присягнуть Республике…»[6]; «У него отняли мундир, лишили его пенсии; стихи, оперы, пьесы, которые он пишет, никто не печатает, их нигде не ставят. Судьба не прощает дилетанту его вторжения в ряды бессмертных»[6];«Руже ссорится со всеми властями… Запутавшись в делах, пускается на подозрительные спекуляции, попадает даже в долговую тюрьму Сент-Пелажи за неуплату по векселю»[6].

Клод Жозеф Руже де Лиль – историческая личность, которая оставила свой след во Французской истории не только как военный инженер, но, самое главное, как поэт и композитор, написавший военный марш 1792 года[3: 64].

Стоит задаться вопросом: а почему именно этот «неудавшийся» поэт стал главным героем, и «гением одной ночи»?

Руже де Лиль создает в ночь с 25 на 26 апреля «походную песню для Рейнской армии»[6].

Изначально «Марсельеза» создавалась как военный марш Рейнской армии, который позволит «народу, всей стране, сплоченной верой в победу, общим стремлением бороться за свободу… слиться воедино»[6]. Это отмечает и Голодяева «исходно военный марш, который исполняли солдаты, защищающие страну от иноземных захватчиков»[1: 9].

Главным источником является «хаотическая смесь пламенных воззваний, речей (женшин, крестьян и всего французского народа), тостов…»[6].

Первый «выход в свет» песни состоялся 26 апреля в доме барона Дитриха: «…и вот 26 апреля, то есть вечером того же дня… она впервые исполняется в гостиной мэра города Страсбурга перед случайными слушателями»[6].

Можно выделить несколько «кризисов» Марсельезы. Первый наступает сразу после первой публикации, как отмечает С. Цвейг походная песня выходит в печать с посвящением начальнику Руже генералу Люкнеру [6]. И публикуется 2 июля 1792 года, когда «Она печатается новым изданием, и когда 2 июля пятьсот добровольцев покидают Марсель, вместе с ними выходит оттуда и песня»[6].

Второй- связан с правлением Наполона и прихода к власти Бурбонов- гимн запрещается и восстанавливается лишь в 1830 году, когда слова вновь прозвучали в Париже[6].

Поистине популярной она становится 30 июля 1792 года в Париже, когда революция обрела в Марсельезе свой голос, и… приняла ее как свой гимн[6].

То есть можно говорить о том, что произведение Цвейга отражает историческую реалию, а также является источником по вопросу истории «Марсельезы».

Примечания.
1. Голодяева Л.А. «Функционирование жанра «государственный гимн» в исторической перспективе (на примере «Марсельезы»)», Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2016: Языкознание 2016.
2. Карлейль Т. История Французской революции. Пер. с англ. Ю. В. Дубровина и Е. А. Мельниковой. — М.: Мысль, 1991. — 575.
3. Радиге А. Французские музыканты эпохи Великой французской революции/ Пер. с франц. Г.М.Ванькович, Н.И.Игнотовой. Под ред. М.В.Иванова-Борецкого.-М.,1934.
4. Собр. соч., предисл. М. Горького, т. 1—12, Л., 1928—32
5. Федин К., Писатель. Искусство. Время, М., 1961
6. Цвейг Стефан. Гений одной ночи. Сборник новелл «Звездные часы человечества». [Электронный ресурс],- https://www.rulit.me/books/genij-odnoj-nochi-read-111388-1.htm
7. Цвейг Стефан под ред. А. М. Прохоров — 3-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1969, [Электронный ресурс] ,-http://bse.sci-lib.com/article120276.html
8. Deux Amis de la Liberté. T. VII.

ДОСУГ В ДРЕВНЕМ РИМЕ И В НАШЕ ВРЕМЯ

А. В. Кошеварова

ВлГУ, г. Владимир, Россия, koschevarova.al@yandex.ru

Цель статьи – сравнить формы досуга в Древнем Риме и в наше время. Проанализировав древнеримские источники и проведя опрос среди современных школьников, можно проследить, какие культурные мероприятия существовали в Древнем Риме и какие существуют сейчас. Сравнивая досуг в древности и в наше время, можно, например, узнать, как часто посещали бани римляне и посещают ли люди общественные бани в наше время.

Для анализа свободного времени римлян были взяты сочинения римских авторов – Гая Светония Транквилла, Плиния Младшего, Луция Аннея Сенеки, Децима Юния Ювенала. Для сравнения с современным досугом были использованы результаты анкетирования, проведенного в 10 классе в школе №36 г. Владимира. В опросе участвовали 30 человек.

Рассмотрим развлечения древних римлян. В Древнем Риме были очень популярны и любимы цирковые представления. Людей собирало в цирке многое. Прежде всего, им нравились конные состязания. Захватывающим было зрелище стремительно несшихся квадриг; прекрасные лошади, лихие возницы, смертельная опасность этих состязаний – этого было достаточно, чтобы глядеть на арену, не отрывая глаз, затаив дыхание. Несомненно, для публики конные состязания были одним из любимых средств проведения досуга. Сенека вот как оценивает это зрелище: «случайно попал я на полу-

денное представление, надеясь отдохнуть и ожидая игр и острот - того, на чем взгляд человека успокаивается после вида человеческой крови. Ведь нет ни шлема, ни щита, чтобы отразить меч! Зачем доспехи? Зачем приемы? Утром люди отданы на растерзанье львам и медведям, в полдень – зрителям» [2: VII. 4-5].

Еще одним видом досуга римлян являлись гладиаторские бои, проходившие в амфитеатрах. Например, император Август, по свидетельству Светония, «устраивал не раз Троянскую игру с участием старших и младших мальчиков, чтобы они по славному древнему обычаю показали себя достойными своих благородных предков» [3: 5]. Гладиаторские бои и звериные травли среди остальных были главным зрелищем, на которое римляне ходили с удовольствием.

Еще одним развлечением в Древнем Риме был театр. Римский театр изначально был профессиональным. В нем вовсе не просматривался культ божества. Поэтому неудивительно, что римский театр не имел большого влияния на сознание общественности, а был всего лишь развлечением и способом приятного веселого времяпрепровождения. В римском сценическом действии главной была зрелищность. Участники представлений в Риме презирались и, в отличие от древнегреческого театра, не пользовались уважением. Позже театр стал играть большую роль для римских граждан, ведь на сцене театра поднимались важные моральные и философские проблемы. Посещение театра было бесплатное, одинаково свободное для мужчин и женщин, но не для рабов. Древних римлян привлекала в театре спокойная игра на музыкальном инструменте, танцы, а также шутливые сценки про знатных и бедных римлян [2: 76.2-4].

Своеобразными культурно-досуговыми центрами в Древнем Риме были бани (термы), которые в эпоху Империи возникали в качестве огромных сооружений с роскошным внутренним убранством. Отсутствие элементарных санитарных условий в скромном и тесном жилище простолюдина подразумевало большую популярность общественных бань того времени. Тысячи римлян проводили в них свое свободное время: перед купанием на площадках для спортивных упражнений играли в мяч, состязались в беге, борьбе и поднятии тяжестей, затем мылись и плавали в бассейнах. Термы предназначались не только для купания и спортивных тренировок, здесь были также библиотеки и залы для занятий. Здесь можно было встретиться с друзьями, узнать последние новости, сделать прическу и вкусно поесть. Любовь к бане у римлян была всеобщей. Именно в термах римляне охотнее всего проводили свое свободное время [1: II.17].

Пиры также были частью проведения свободного времени римлян. Римляне вели беседу за пиршественным столом. Сам пир, или большой парадный обед, протекал в специальном пиршественном зале. Многие часы, которые длился римский пир, были богаты не только едой: он предполагал также и культурную программу. В зале появлялись шуты, актеры-комики или танцоры. Пир являлся средством общения между богатыми и знатными людьми [4: I, V].

В современном мире проведение досуга намного обширнее, чем в Древнем Риме. На основании анализа опроса, проведенного среди учащихся 10 класса, можно сделать вывод о том, что большинство молодежи проводит свое время, занимаясь спортом

(20% опрошенных), посещая театры, цирки (30% опрошенных), совершая прогулки с друзьями (19% опрошенных), читая книги (13% опрошенных). Популярны также среди опрошенных путешествия по разным странам (6% опрошенных), организация праздничного ужина в кафе или дома (12% опрошенных).

Общественные бани, как раньше в Риме, не пользуются большой популярностью. Из учащихся 10 класса в анкетах никто не указал, что посещает их. В современном мире есть душевые кабины и ванны. В баню ходят зимой, чтобы попариться и согреться. В Древнем Риме посещение бани было важной частью распорядка дня и считалось признаком хорошего тона, но в современном мире бани утратили свою важность.

Также хотелось бы сравнить цирк Древнего Рима и современный. Через цирк можно познать высшее искусство. Это торжество таланта и труда. Современный цирк претерпел существенные изменения со временен Древнего Рима. Теперь это выступления артистов, клоунов и животных. Анкетирование показало, что учащиеся охотно посещают цирки, так как это всегда весело и зрелищно (15% опрошенных).

Рассмотрим еще один культурно-развлекательный вид досуга – театр. Результаты анкеты показали, что учащиеся 10 класса почти не посещают театральные представления. Это связано, скорее всего, с развитием кинематографа и Интернета. Но, те, кто бывает на современных театральных представлениях, отмечают глубокий смысл постановок и реалистичность игры актеров (15% опрошенных).

Еще одним видом досуга римлян были пиры. В современном мире уже не существует пиров как таковых, но есть праздничные застолья. Для этого мероприятия, молодежь, по результатам анкеты, выбирает кафе, рестораны или просто предпочитает посидеть дома в кругу семьи или друзей (12% опрошенных).

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что цирковые и театральные представления в каком виде они были в Риме, почти не утратили свою значимость для современных школьников. А вот пиры и бани претерпели существенные изменения. Бани стали играть менее важную роль в современном мире, а пиры и вовсе утратили свое значение.

Примечания.

1. Плиний Младший. Письма [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krotov.info/acts/02/01/pliniy.html (дата последнего обращения – 10.11.18).
2. Сенека. Нравственные письма к Луцилию [Электронный ресурс]. – URL: http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1346570000 (дата последнего обращения – 01.11.18).
3. Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Август [Электронный ресурс]. – URL: http://knigosite.org/library/read/45566 (дата последнего обращения – 01.11.18).
4. Ювенал. Сатиры [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ancientrome.ru/antlitr/juvenal/index.htm (дата последнего обращения – 01.11.18).

ОБРАЗ «ЧЕРНОЙ СМЕРТИ» В МИНИАТЮРЕ «ПОХОРОНЫ ЖЕРТВ ЧУМЫ В ТУРНЕ» ХРОНИКИ ГИЛЯ МАЙЗЕТА

А. Г. Лапшин
ВлГУ, г. Владимир, Россия, a-lapshin@vlsu.ru

И. Р. Максимова
ВлГУ, г. Владимир, Россия, irinamax1997@mail.ru

XIV век в Европе – век значительных потрясений. Именно в этот период происходят наиболее важные события, которые повлияли на развитие европейского общества, его жизнь и деятельность. Одним из них стала пандемия чумы 1346-1353 гг. известная как «Чёрная смерть». Причины пандемии были разные: от похолодания, которое привело к снижению урожайности и голоду, [4: 38] до мутации носителя - «чумной палочки» [2: 100]. При разности причин последствия пандемии были одинаковые - массовая смертность: население Европы сократилось на треть - по разным подсчетам умерло от 15 до 25 миллионов человек. Особенно пострадали густонаселенные районы и крупные города: население Англии сократилось в среднем на 40%, Норвегии – на 70%, в Париже и Венеции – на 75%.

Отношение современников к эпидемии нашло отражение в миниатюрах кодексов XIV-XV вв. Одним из них является кодекс «Хроники Гилля Майзета» («Annals Gilles de Muisit»). Его автор – Гилль Майзет (Gilles de Muisit, Жиль Ли Мюизи, 1272 – 1352 гг.) - французский летописец, аббат монастыря Св. Мартина в г. Турне (совр. Бельгия), свидетель пандемии. В Королевской библиотеке Бельгии (Bibliothèque royale de Belgique) храниться список хроники, созданный Пьером Тилтским (Pierart dou Tielt) – переписчиком, миниатюристом и переплетчиком, пик творчества которого приходится на вторую четверть XIV в. В 1349 г. Пьер Тилтский стал смотрителем библиотеки аббатства монастыря Св. Мартина в г. Турне, где, вероятно, и создал на основе материалов Гилля Майзета вышеозначенный кодекс. Одна из миниатюр кодекса - «Похороны жертв чумы в Турне». (fol. 24 v, Peste à Tournai, en 1349) – представляет многофигурную композицию, в которой все действующие персонажи заняты только одним – похоронами умерших: одни люди копают могилы, другие несут гробы, третьи хоронят [3]. Эти, на первый взгляд хаотичные действия, на самом деле воплощают некую цикличность: несут умерших, копают, хоронят. Движение представлено слева направо. В левой половине миниатюры изображена процессия несущих гробы с умершими: восемь человек и семь гробов. Это разные люди и разные гробы. На переднем плане – четыре мужчины несут на перекладинах гроб. Они молоды – их лица безбороды, только у первого слева намечается некое подобие бороды. Похоже – это взрослые сыновья хоронят кого-то из своих родителей, или слуги – своего господина. За ними в левом верхнем секторе миниатюры изображены четыре мужчины, каждый из которых несет гроб. Эти мужчины разного возраста – двое бородатые, двое безбородые. Крайний слева из них несет на плече гроб, размеры которого меньше, чем у других. Вероятно, это гроб с те-

лом ребенка. Процессия с гробами многолюдна. Но в ограниченном пространстве книжной миниатюры нет возможности прорисовать каждого из живых участников. Поэтому художник рисует только гробы, за которыми не видно тех, кто их несет.

Тема семьи продолжается в парных образах мужчины и женщины, представленных в центре и в нижнем правом углу миниатюры. В обоих случаях изображен момент придания тела земле. Пара в центре хоронит умершего без гроба – его тело завернуто в погребальный саван белого цвета. Захоронения без гробов в период «Черной чумы» были не редкостью. Об этом пишет Дж.Боккаччо в «Декамероне», представляя повод, по которому три благородных юноши и семь дам приехали на Виллу Пальмьери: «*Соседи, движимые столько же боязнью заражения от трупов, сколько и состраданием к умершим, поступали большею частью на один лад: сами, либо с помощью носильщиков, когда их можно было достать, вытаскивали из домов тела умерших и клали у дверей, где всякий, кто прошелся бы, особливо утром, увидел бы их без числа; затем распоряжались доставлением носилок, но были и такие, которые за недостатком в них клали тела на доски. Часто на одних и тех же носилках их было два или три, но случалось не однажды, а таких случаев можно бы насчитать множество, что на одних носилках лежали жена и муж, два или три брата, либо отец и сын и т. д*.» [1, с.44]. На миниатюре изображены шесть досок, беспорядочно лежащих на земле. Вероятно, это те самые доски, которые использовали для транспортировки покойников, описанным в «Декамероне» способом. Таким образом, количество трупов, прямо или косвенно представленных на миниатюре, достигает цифры 14 (8 гробов и 6 досок). И это минимум - т.е. без учета возможности того, что в гробу или на доске транспортировали два или три трупа.

Еще одна группа персонажей миниатюры – три могильщика, которые роют две могилы. Всего на миниатюре изображено три подготовленные для захоронения могилы. Это явно контрастирует с количеством гробов/досок – т.е могил меньше, чем нуждающихся в захоронении. Таким образом, миниатюра представляет ситуацию, когда смертей больше, чем возможностей захоронить умерших. Это вполне соответствует вышеозначенному пассажу из «Декамерона».

Особое внимание привлекает персонаж, расположенный внизу по центру миниатюры. Это один из трех могильщиков. Черты лица и платок на голове указывают на то, что это женщина. Она неумело держит лопату: очевидно для этой могилы не нашлось профессионального могильщика. Женщина стоит в могиле, которую роет. Это самая маленькая могила в сцене. Гробы, которые несут на кладбище, по размерам значительно больше этой могилы. Длина могилы - в половину роста женщины. Это могила для ребенка раннего детского возраста, подтверждением чему являются небольшие доски, лежащие рядом. Досок две – т.е. детей возможно было двое. Лицо женщины печально: внутренние концы бровей приподняты и сведены к переносице, глаза слегка сужены, уголки рта опущены. При простоте и схематизме изображения художник умело передает скорбь матери, хоронящей своих детей.

Миниатюра «Похороны жертв чумы в Турне» Хроники Гилля Майзета дает представление о высокой смертности в период пандемии: 15 живых задействованы в похоронах 14 умерших, составляющих 48% из «действующих» персонажей. Однако

оставшихся в живых все-таки больше. Именно это позволяет говорить о том, что миниатюра Пьера Тилтского «Похороны жертв чумы в Турне» при всем трагизме изображенного, оптимистична и вселят надежду.

Творчество Пьера Тилтского занимает особое место в истории фламандской культуры Позднего Средневековья. Его стиль нельзя назвать элегантным, он далек от парижского придворного стиля. Сцены, которые он рисует, содержат много фигур, продуманы композиционно и осмыслены философски. Запечатленное действие разворачивается на плоском фоне, являющемся чисто декоративным. Изображения лаконичны, просты, линейны и реалистичны. Пьер Тилтский современник Поздней готики. Однако реализм его миниатюр и внимание к человеку указывают на его связь с эстетикой будущего – теми процессами, которые приведут к рождению Ранней нидерландской живописи [5], а в широком смысле – к началу Возрождения (параллель с Дж. Боккаччо не случайна). Поэтому даже в изображении больших человеческих потерь в период пандемии Пьер Тилтский остается твердым христианином, не оставляющим надежду на спасение.

Примечания.

1. Боккаччо Дж. Декамерон. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. - 800 с.
2. Даниэл М. Тайные тропы носителей смерти. - М.: Прогресс, 1990. - 416 с.
3. Пьер Тилтский «Похороны жертв чумы в Турне». Миниатюра хроники Хроники Гилля Майзета. - URL: http://balat.kikirpa.be/photo.php?path=X004179&objnr=20049662&lang=en-GB&nr=1 (Дата посещения 12.12.18)
4. Фавье Ж. Столетняя война. – СПб.: Евразия, 2009. - 402 с.
5. Stroo C., Vanwijnsberghe D. Glimpses of a Lost Splendour. An Introduction to Pre-Eyckian Panel Painting // Pre-Eyckian Panel Painting in the Low Countries. Ed. By Stroo C. – Brussels: Brepols, 2009. – Pp.13-32.

ОБРАЗ ЛЬВА В МОНУМЕНТАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ВО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОМ КНЯЖЕСТВЕ

В. А. Леонова

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, frog6278@yandex.ru

«Скульптуру Дмитриевского собора во Владимире изучают более 150 лет. Тем не менее прочтение программы резного декора храма, истолкование ее замысла до сих пор остается нерешенной задачей. Причина этого - не только в грандиозности ансамбля, но и в нетрадиционности композиций большей части рельефов. Как правило, им трудно найти аналогии в арсенале традиционных иконографических сюжетов. А недо-

статочное знание сюжетов изображений приводит к умозрительному истолкованию тем отдельных рельефов». [1]

«В Библии лев упоминается довольно часто, при этом особо подчеркивается его сила: побороть льва - это подвиг, все цари и герои, отличающиеся незаурядной силой, сравниваются со львами. Тем не менее с символической точки зрения мы имеем дело с неоднозначным животным: бывает хороший лев, а бывает плохой. Последний встречается чаще. Опасный, жестокий, свирепый, хитрый, нечестивый, он олицетворяет силы зла, врагов народа израильского, тиранов и дурных царей, людей, живущих в пороке. Важное место ему отводится в Псалмах и в книгах Пророков, где он представлен страшным зверем, от которого нужно бежать не раздумывая, моля Бога о защите: «спаси меня от пасти льва», - взывает псалмист; его молитву будут повторять на протяжении всего Средневековья. Новый Завет заходит еще дальше и воплощает в нем образ Дьявола: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить. Противостойте ему твердою верою [...]». Но есть и хороший лев, который служит силой своей общему благу, и рычание его являет слово Божие. Он самый отважный из всех животных и является эмблемой колена Иудина, самого могучего колена израильского. На этом основании он ассоциируется с Давидом, его потомками и даже с Христом: «...не плачь; вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил, и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее»».[2]

Лев – занимает первое место в зооморфной резной декорации Дмитриевского собора. Можно насчитать сто двадцать пять крупных и мелких рельефов, изображающих львов в той или иной позе или просто голову льва. «По фасадам рельефы львов распределяются следующим образом: на западном – тринадцать, на северном – двадцать три, на южном – двадцать четыре, на барабане – двадцать один, в сохранившихся частях фриза – три, в резьбе порталов – пятьдесят пять. В резьбе порталов они распределены почти равномерно».[3]

Изображение льва распадаются на следующие виды: «1)львиные маски, 2) одиночные фигуры львов, 3) львы по бокам дерева, 4) львы с двумя туловищами об одной голове, 5) парные львы, перекрещивающиеся шеями, 6)львы, нападающие на оленя, и 7) лев у грифона в когтях».[3]

«Львиные маски мы находим в резьбе порталов, на некоторых консолях и вверху барабана главы. В зависимости от расположения варьируется и их облик. На апсидных консолях они, устраивающие с оскалом зубов и с передними лапами. Здесь львиный образ символизирует демона. Под карнизом барабана главы маски львов изображаются с ощеренными, но беззубыми пастями. Они могли выступать, как стражи и эмблемы княжеской силы, власти и т.п.». [3]

Отдельные фигуры львов составляют основную часть львиной последовательности в скульптуре Дмитриевского собора. Большое количество львов изображены идущими (влево и вправо), что говорит о том, что вероятнее всего это леопарды. «Леопард - это всего - лев, изображенный в определенной позе: голова всегда анфас, тело в профиль, чаще всего в горизонтальном расположении; в то время как у льва, напротив, голова и тело всегда изображены в профиль. Вся разница и весь смысл заключены именно в анфасной постановке головы: в средневековой зооморфной иконографии изобра-

жение животного анфас почти всегда имеет уничижительное значение. У леопарда голова анфас, а у льва в профиль, значит, леопард - это «плохой» лев». [2] Но есть львы со сложенными передними лапами, а также с высоко поднятой передней лапой. Все эти образы имеют общее: туловища изображены в профиль, голова повернута лицом, пасть растянута в виде горизонтальной восьмерки, хвост пропущен под заднюю ногу и закинут на спину, заканчиваясь пальметтой, полупальметтой или тремя ответлениями; грива свисает, а у других львов нет гривы, что может, говорить о том, что это львицы.

Из остальных львиных образов только «два могут быть связаны с символизацией демонической силы. Слева от южного окна западного фасада и справа от западного окна северного фасада расположился лев, вскочивший на спину оленя. Олень - известный символ христианина. Льва можно отождествлять здесь со стреляющим в оленя кентавром - одним из самых ярких символов дьявола. Поза оленя в обоих рельефах одинакова. На одном рельефе небольшой лев вскочил на спину оленя всем корпусом и круто, согнув шею, грызет его спину. Голова льва изображена в профиль, ее почти не видно под декоративно гривистой шеей. На другом рельефе крупный лев забрался на оленя только передними лапами, повернув голову лицом». [3]

Еще одна интересная группа рельефа составляют львы с двумя туловищами при одной голове. Насчитываются пять больших и девять маленьких рельефов такого типа. Маленькие расположены в архивольтах порталов, большие во втором ярусе здания по бокам окон. Она располагается горизонтально, то есть два льва стоят на всех четырех лапах, их соединяет общая голова, повернутая мордой. Но есть в одном рельефе туловища львов поставленных вертикально спиной друг к другу, их сросшиеся хвосты образуют общую пальметту.

«Еще одним интересным рельефом является, что такой же парный лев, но в его ногах располагается человеческая голова. Символизирует грешника в лапах дьявола. Но не стоит считать, что все парные львы относятся в область демонологии. То есть одновременно они могли выполнять и охранительные функции, что позволяет включать в их круг и львов с человеческой головой в лапах, так и в область демонизации». [3]

«Мотив двух лежащих или стоящих у дерева львов. Два подобных мотива находятся в правых частях фризов северного и западного фасадов Дмитриевского собора. Вероятнее всего здесь заключен мотив языческого представления о древе жизни и его стражах, но и о древе, которое оберегалось зверями».[3] Также на подоконном ряду прясел, под фигурами святых в аркатуре и порталах используется мотив льва у дерева, и это может выступать как образ рая.

В декорации прясел есть львы-стражи. Львы, помещенные в основании окон по принципу зеркальной симметрии, повторяют изображение зверей-стражей у входа в святилище или у подножия трона. Для собора окно выполняет роль входа. Оно наделяется символом «небесной двери», в свою же очередь львы выступают защитниками. [3]

Таким образом, можно сказать, что для изображения льва в резьбе владимирского памятника избрана определенная иконографическая схема. Это зверь с туловищем в профиль, но с головой повернутой мордой, и через заднюю ногу закинут вверх хвост, который приобретает вид растительного побега. Хоть и на храме Св. Дмитрия присут-

ствуют львы агрессивные, но большая часть львов в своем облике имеют удовлетворенный, и можно встретить льва, улыбающегося. Из чего следует сказать, что львы на Дмитриевском соборе носят разный смысловой характер, но скульптурные мотивы все же показывают борьбу добрых и злых сил.

Примечания.

1. Новаковская-Бухман С.М.«Царь Давид в рельефах Дмитриевского собора во Владимире».– СПб: Дмитрий Буланин, 2002. – С. 172 – 186.
2. Пастуро Мишель. Символическая история европейского средневековья. Пер. с фр. Е. Решетниковой. - СПб.: "Александрия", 2012. - 448 с.,
3. Вагнер Г. К. «Скульптура Древней Руси. XII век. Владимир, Боголюбово» – М. : Искусство, 1969. – 480 с

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ И ТОМАС МОР О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА

С. В. Летова

МБОУ СОШ №15, ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
vladimirovna2311@ gmail.com

Изучение взглядов двух выдающихся мыслителей «Эпохи Возрождения» Н.Макиавелли и Т.Мора представляет для нас большой интерес т.к. на примере их произведений, мы можем проследить взаимодействие церкви и государства в Англии и Италии в период «Эпохи Возрождения» в конце XV- начале XVI века.

Изучая труды Н.Макиавелли, следует отметить его негативное отношение к Римско-Католической церкви. Это обуславливается несколькими факторами. Одним из них были беспорядки, происходившие в среде Римско-Католической церкви. Н.Макиавелли был возмущен церковной политикой еще с детства. Рассматривая его семью, следует отметить, что отец Н.Макиавелли был не заинтересован в изучении религии и потому не уделял ей должного внимания. Что же касается матери, то она была верующим человеком. Но сильного влияния на сына не оказала. Так же не стоит забывать о том, что в то время церковь была не только местом для молитвы, но и местом где организовывались театрализованные зрелища, а так же различные дружеские встречи. [4: 1]

Следующим фактором, является мнение Н.Макиавелли о том, что церковь мешала объединению Италии, и созданию единого централизованного государства. Он считал, что у папской власти имеется много сил для того что бы помешать объединению Италии, но не настолько много что бы ее объединить: «Церковь держала и держит нашу страну раздробленной, она была виновницей того, что Италия не смогла оказаться под властью одного владыки, но находилась под игом множества господ и государей. Это породило столь великую раздробленность и такую ее слабость, что она сдела-

лась добычей не только могущественных варваров, но и всего, кто только не желал на нее напасть. Всем этим мы, итальянцы, обязаны церкви и никому иному»[5: 19]. Пока во главе государства будет стоять церковь, в Италии не будет здорового общества, т.к она разрушает крепкие моральные устои людей, и страна будет в полном несогласии. Он считает что папы тоже несут не меньшую вину, т.к дурные примеры папской курии лишили Италию благочестия и религии. [3: 345-363]. Н.Макиавелли отдает предпочтение государству, которое опирается на светскую, а не духовную власть. Отношения Н.Макиавелли к римско-католической церкви имеют в основном чисто политический характер.

Таким образом, в своих произведениях Макиавелли отделяет политику от религиозной морали, разрушив все те верования, перед которыми преклонялось средневековое общество [1: 1] Ведь не зря его произведения были запрещены к прочтению Римско-Католической церковью. В середине XVI в., когда началась Контрреформация, все произведения Макиавелли были внесены в «Индекс запрещенных книг» [2: 77-117].

Взаимоотношение церкви и государства в произведениях Т.Мора недостаточно освещено. Так, в первой книге «Утопии» он высмеивал паразитизм и скупость монахов. Им описывается сюжет, как шут предложил кардиналу размещать в Бенедиктинских монастырях бродяг превращая их в монахов, что бы сократить их число. Сам кардинал отнесся к этой идеи благосклонно. Далее там говорится о благотворительности духовенства, от которого ни один нищий никогда не ждет подаяния, зная, что его все равно не будет. Монашествующая братия и есть «самые главные бродяги», которых надо посылать работать, говорит Мор устами шута, насмехающегося над монахами. Есть свидетельства о том, что на этот эпизод католическая церковь наложила цензуру. Священники и монахи определялись им как паразитическая часть общества. Так же он считал, что в роли огораживателей выступало высшее духовенство. Опять же проскальзывает ирония относительно «святости» этих мужей, живущих в праздности и богатстве: они нисколько не полезны обществу, а, пожалуй, даже и вредны. Все это говорит о несколько антицерковном направлении «Утопии».

В произведениях Мора церковь не стоит во главе государства и не решает государственных дел. Она полностью отделена от государства. Функциями священников является, как уже было сказано, совершение богослужения, а так же нравственные вопросы общества. Так, взаимодействие церкви и государства осуществляется лишь в вопросах духовного просвещения общества.

Таким образом, Макиавелли выражал неодобрительное отношение к церкви и ее политике, считая, что церковная и государственная власть должны были разделены. Т.Мор считал что, церковь должна ведать лишь духовными делами не вмешиваясь в государственные. Что так же говорит о разделении духовной и светской власти.

Примечания.

1. Алексеев. А. С. Макиавелли как политический мыслитель. М., 1880г // [Электронный ресурс].-http://az.lib.ru/a/alekseew_a_s/text_1880_makkiavelli.shtml Дата обращения: 15.05.2017г.

2. Андреев М.Л., Хлодовский Р.И.: Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения.Трагический гуманизм Никколо Макьявелли. Политика, поэзия, человек. Москва: Наука, 1988. С. 77-117.
3. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М., 1995, с. 345-363
4. Макьявелли Н. «История Флоренции» - Ленинград: Наука, 1973 // [Электронный ресурс].-http://www.vostlit.info/Texts/rus/Macci/framevved.htm Дата обращения: 28.02.2018г.
5. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 19.

ИДЕАЛЬНОЕ РЫЦАРСКОЕ ОБЩЕСТВО В ГЛАЗАХ Т. МЭЛОРИ

Г. Д. Лихачев

МГУ им. Ломоносова, Москва, РФ, lihachini99@mail.ru

«Мир должен быть романтизирован,
только так можно помочь ему обрести изначальный смысл»
Новалис

В VIII-IX вв. в Западной Европе стало складываться сословие, которое вскоре превратилось в главную военную мощь и господствующий слой стран Европы. Всадники-воины Карла Великого, получая привилегии и земли в обмен на свою службу, превратились в военную элиту и политическую аристократию. Рыцари, будучи носителями военного сознания, воспринимали войну как родную стихию. Они освобождали Испанию от мусульман, сражались за своих суверенов или против них, предпринимали многочисленные попытки завоевать Иерусалим и Святую Землю – мест, где протекала жизнь Того, Кого они считали своим Богом.

Часто в реальности рыцари представляли собой высокомерную знать, думающую о своих выгодах и наживе, алчных аристократов, забывших о моральных принципах и т.д. Однако в сознании современных людей рыцари предстают не толпой кавалеристов, скачущих рубить крестьян, выжигающих деревни или грабящих людей на дорогах. Рыцари представляются нам как благородные и отважные воины в сверкающих на солнце доспехах, несущихся во весь опор на ненавистного врага и предателя; как галантные аристократы; как верные служители вере, прекрасной даме и своему сюзерену. Таков в нашем представлении идеальный рыцарь; таким он был в представлении писателей-романтиков XIX в., создавших образы Айвенго, Ричарда Шелтона и других благородных рыцарей. Однако, что удивительно, таким он был и в представлении самих рыцарей, реальной знати Средневековья. Многие из них ощущали нужду в прекрасном образе, в идеале, к которому надо стремиться. И постепенно этот идеал начал складываться. Идеальный рыцарь Средневековья возник на уникальном переплетении

античных и кельтских представлений о совершенном развитии человека, а также идеалов христианского вероучения. Понимание положительных качеств и основные моральные принципы трех этих систем воплотились в едином образе – образе совершенного рыцаря, создали единую нравственную систему ценностей – кодекс рыцарской чести.

Бесспорно, рыцарство представляло собой довольно замкнутое и консолидированное сословие аристократов. Рыцарское общество было «корпорацией», у которой не могло не быть своих принципов и идеалов. На мой взгляд, изучение этики и принципов любого сословия, любого сообщества позволяет взглянуть на него с другой стороны: причем идеи общества могут быть как объектом изучения, так и конъюнктурой, в которой проявляет себя изучаемый объект.

Рыцарская этика складывается постепенно, основываясь на внутренней консолидированной позицией носителей [6: 72-75]. Постепенно в сознании рыцарства формируются и укореняются основные моральные принципы. Рыцарские романы, облекая эти принципы в примеры поведения рыцарей без страха и упрека, окончательно закрепляли данные нормы. Соответственно, примеры поведения рыцарей-героев романов XIII-XVвв. стали образцами для подражания для реальных рыцарей. Однако существует различные точки зрения по поводу того, каким образом влияли (и влияли ли вообще) рыцарские идеалы и этические принципы, созданные в книгах, на реальное рыцарство. Перед тем, как детально приступить к анализу исследуемой темы, необходимо понять, что собой представляет объект изучения и в каких плоскостях его следует изучать. Для начала необходимо определить, что такое этика: «Этика – совокупность норм поведения, мораль какой-нибудь общественной группы, профессии».[4: 380]. Исходя из этого определения, мы видим, что для анализа этики необходимо проанализировать поведение представителей общественной группы (в нашем случае – рыцарства) в различных ситуациях. Рассмотрев на основании этого анализа нормы поведения рыцарей Артура в различных ситуациях, описываемых Мэлори, мы сможем рассмотреть этику рыцарства с разных сторон.

Моим источником является произведение сэра Томаса Мэлори «Смерть Артура». Однако следует учитывать, что появлению на свет данной книги предшествовал целый ряд повестей о короле Артуре. К середине XV в. образ этого легендарного персонажа и его сподвижников уже был детально разработан. Цикл Артура стал производным от удивительного симбиоза кельтского фольклора [1: 551] [7: 195]. В XII-XIII вв. на едином культурном пространстве Англии и Франции – т.н. «Анжуйской империи» - данный образ был окончательно сформирован в контексте развития рыцарского куртуазного романа. [1: 550] [5: 36]

Повести об Артуре и его рыцарях дают нам обширные сведения по устройству и существованию идеального рыцарского общества. В то же время у этих источников присутствуют и недостатки, главным из которых является, конечно, довольно сильное расхождение реалий Средневековья и реалий рыцарских романов. Следовательно, необходимо тщательно придерживаться критического отношения к источнику.

В Англии Томаса Мэлори рыцарство начинало постепенно отходить на второй план в военной мощи, уступая (хотя и не сразу) огромным массам лучников, професси-

ональной пехоте и артиллерии [2: 142-149]. Последним королем, для которого, как считается, рыцарство являлось, не игрой, а жизненным принципом и идеалом, являлся Ричард III [5: 50-51]; в тюдоровской Англии рыцарство претерпело псевдоморфозу, выродилось в соблюдение пышных внешних форм и ритуалов. [5: 31-43]

Идеалы рыцарства существовали в романах веками, несмотря на то что мало кто им следовал в повседневной жизни. Можно сказать, что Мэлори и другие авторы создали рыцарство как культурный феномен. В их мире рыцари вершат судьбу мира абсолютно единолично, независимо от других земных существ. Именно Мэлори и другие авторы создали тот мир рыцарства, который впоследствии будет воспринят романтизмом как идеальная моральная организация.

На наш взгляд, уместно выделить для анализа их поведения следующие ситуации: отношение рыцаря к своему сюзерену и своим вассалам (сюда же войдет и отношение короля Артура как представителя рыцарского сословия к остальным рыцарям); отношение рыцарей к дамам; поведение рыцарей в отношении других рыцарей – здесь следует исследовать отдельно отношение к рыцарям-противникам и рыцарям-союзникам; поведение в бою. На основании анализа вышеуказанных ситуаций можно сделать выводы об основных моральных принципах и нормах рыцарской среды в мире Артура.

Одна из основных клятв - в отношении своих вассалов и сюзеренов [3: 16-17; 20-21]. В мире Артура соблюдение клятвы вообще является обязательным качеством рыцаря, а клятвопреступление – один из главных грехов. [3: 59-61]. Таким же страшным преступлением считалась и ложная клятва [3: 15-16]. Помимо личных клятв, существовали клятвы, приносимые всеми рыцарями, во время торжеств, важных событий или посвящения в рыцари [3: 53]. В мире Артура рыцарь может связать себя клятвой по отношению к любому другому рыцарю, принести обет Богу, поклясться даме защищать ее и служить ей.

Как уже было сказано, отношения с дамами являются одной из основ рыцарской этики. Клятва защищать дам являлась обязательной для уважающего себя рыцаря. В данной главе нам следует разобрать такие аспекты отношений с дамами, как: а) служение даме; б) брак, половая жизнь и отношение рыцарей к этим явлениям.

Итак, начнем со служения даме. Каждая дама могла попросить рыцаря о помощи, вне зависимости от личных отношений этой дамы и рыцаря. Долгом рыцаря считалось помочь это даме, даже в ущерб своим интересам. В «Смерти Артура» встречается огромное количество случаев, когда различные рыцари помогали дамам. Самым ярким примером служения даме является, пожалуй, сэр Ланселот Озерный [3: 169 – 176, 178, 186; 185]. Всякое преступление против дамы следует рассматривать как тяжкий грех и предательство рыцарства [3: 177]. Однако мы также можем найти и отрицательные примеры – случаи, когда рыцарь, обязанный помочь просящей даме, отказал или, что еще хуже, совершил преступление против этой дамы [3: 80-81]. Помимо служения дамам вообще, следует уделить внимание служению рыцаря своей возлюбленной. В первую очередь, рыцарь должен был всегда защищать имя своей возлюбленной [3: 320-322]

Другим, очень важным аспектом служения возлюбленной является хранение верности. Никакая причина, помимо колдовства, не является извиняющей по отношению к измене [3: 169, 186, 310-311, 324-325]. Наконец, третьим важным аспектом является непосредственное служение возлюбленной. Рыцари Мэлори часто были готовы на любые поступки ради своих дам, даже на те, которые по представлениям рыцарской чести являются постыдными [3: 117-119, 215-218]. Интересным проявлением служения возлюбленной является то, что пленные рыцаря по его приказу могли объявить себя пленниками его дамы [3: 169-182].

Таким образом, на основании вышеприведённых суждений можно сделать выводы о том, что служение каждой даме являлось обязанностью рыцаря, закрепленной клятвой. Служение возлюбленной рассматривалось как одна из основ рыцарского благородства; дела, совершенные во имя любви к даме, оценивались совсем иначе, нежели подобные поступки, деланные из каких-либо других побуждений. Хранение верности своей даме являлось обязательным условием для сохранения рыцарской чести.

У рыцарей было различное отношение к и институту брака: часть считала его помехой на пути к приключениям и подвигам, часть расценивала как важный и необходимый институт для поддержания настоящей любви. Несмотря на эти разночтения, брак признавался священным; измена супругу горячо осуждалась. Лишь некоторые факторы (любовь к другой даме или колдовство) могли считаться уважительными для измены браку.

Конечно, не все рыцари Мэлори являются положительными персонажами. В «Смерти Артура» описываются и случаи изнасилования женщин, в том числе знатных дам. Решение таких проблем было только одно – смерть обидчика дамы [3: 137-141; 177].

Основа рыцарской этики – взаимоотношения друг с другом. Все рыцари образуют Высокий Орден Рыцарства – братство благородных и достойнейших воинов. С посвящением в рыцари человек становится частью высшего сословия – общества равных. Взаимоотношения рыцарей – братьев по Ордену – определяют само его существование.

Какие же качества господствуют или должны господствовать в таком братстве? Честность, готовность помочь ближнему, самопожертвование – все то, что поможет сохранить и преумножить рыцарскую честь, которая, к слову, является весьма обширным понятием. Обнаружить и проанализировать эти установки нам помогут определенные модели поведения рыцарей в отношении друг друга, описанные Мэлори.

Итак, начнем с самого известного, наверное, проявления взаимоотношений между рыцарями – с поединков. Такое понятие, как поединок, предстает перед нами в многогранном проявлении: поединки на турнирах, поединки по желанию рыцаря, судебный поединок, поединок как месть за обиды, поединок за честь дамы/лорда/родной земли – все эти виды поединков подробно описываются Мэлори. И в зависимости от причин, повода и хода поединка поведение рыцарей также меняется.

Итак, касательно взаимоотношений рыцарей в поединках можно сделать следующие выводы: поединок, в соответствии с понятиями рыцарской чести, является противостоянием двух рыцарей (противостояние в при численном преимуществе считается

позорным). Причины для поединков могут быть разными – официальный турнир [3: 75; 175-177]; судебное разбирательство, решаемое путем судебного поединка [3: 273-278; 170-175]; личное противостояние как результат вражды или обиды, желания прославиться, стремления испытать свои силы в бою с более именитым, опытным и сильным соперником [3: 42-44, 287-298, 319-328, 351-350].

Священным долгом рыцаря было прийти на выручку собрату по Ордену. [3: 178-180; 334-335]. Помощь рыцаря необязательно должна была оказываться в бою – к примеру, помочь раненному, довести до ближайшего жилища больного также являются проявлениями взаимопомощи [3: 351-353].

Существуют и другие проявления отношений между рыцарями, такие, как гостеприимство, посвящение в рыцари и пр. Однако, во-первых, они раскрыт Мэлори довольно неполно, и во-вторых, не дают нам большого количества интересных материалов для исследования. Поэтому нет особого смысла тщательно анализировать данные аспекты.

Теперь следует также описать основные принципы и аспекты моральной системы Высокого Ордена Рыцарства. Такими принципами являются: равенство рыцарей, справедливость, храбрость, набожность, милосердие. Вместе эти аспекты образуют рыцарскую честь – понятие, обозначающее корпус норм поведения, а также репутацию рыцаря, которая зарабатывалась не только воинским искусством (воинское искусство называется в книге не «честью», а «доблестью» - таким образом, идет разделение физической и духовной развитости), но и соответствием поведения рыцаря вышеуказанным нормам.

Следует сразу оговорить, что в данном параграфе многие примеры, иллюстрирующие те или иные доводы, будут приводиться в сносках, для упрощения восприятия информации.

Первым аспектом является равенство рыцарей. Идея равенства не высказывается прямо, однако ее проявления видны во многих случаях: численное преимущество [3: 336; 346-350]; разделение добычи [3: 139-141; 151-153] и чести победы [178-180; 344-352]. Следующий принцип –храбрость, под которой подразумевалась решимость и готовность не отступить перед лицом опасности. Набожность как горячая вера в Христа и готовность всегда заступиться за веру также была необходимым качеством хорошего рыцаря [3: 571, 679]. Одно из важнейших для рыцаря качеств – смирение и скромность. Пример всем рыцарям подает Артур [3: 95; 569-570]. Рыцарь обязан признать то, что большая роль в его подвигах принадлежит Провидению, явив собой пример смирения. Еще один важный аспект системы моральных ценностей рыцаря – милосердие. Однако данному христианскому началу не удалось полностью укорениться в сознании рыцарей.

Заключение.

Одним из главных источником образов идеального рыцаря и идеального рыцарства являются рыцарские романы. Данный жанр литературы был весьма популярен во время развитого Средневековья и даже позднее, в период раннего Нового времени. Многие стремились подражать своим любимым героям, однако практически всегда данное подражание сводилось к копированию внешних форм «рыцарского» поведения,

существенно не затрагивая моральных устоев. Такое положение вещей могло не устраивать наиболее ярых приверженцев стремления к идеальному рыцарству. Скорее всего, данным мотивом руководствовался У. Кэкстон, издавая в XV в. «Смерть Артура»; возможно, такие же причины побудили и сэра Томаса Мэлори написать один из величайших рыцарских романов в истории.

Рыцарство зародилось в VII-IX вв. и постепенно сформировалось в довольно замкнутое и консолидированное сословие. Внутри этого сословия, «корпорации рыцарей», постепенно сформировались общие принципы поведения и нормы морали – то, что в итоге составило сословную этику рыцарства. Отражая стремление к совершенству, эти принципы и идеи находят свое воплощение в примерах идеальных рыцарей и идеального рыцарства.

Образ идеального рыцаря сложился на пересечении кельтского, античного (языческого) и христианского мировоззрений и представлений об идеальном человеке: идеальный рыцарь бесстрашен и яростен в бою, как древний кельт; он учтив и благоразумен, как благородный римлянин или гражданин греческого полиса; он готов пойти на все ради защиты своего Бога и ради сохранения своей души в чистоте, как истинный христианин. Именно в силу последнего обстоятельства абсолютным идеалом рыцаря становится не Ланселот (в итоге его падение - прелюбодеяние с Гвиневерой – и губит королевство Артура), а его сын - сэр Галахад – рыцарь доблестный и безгрешный. Однако был выработан не только образ идеального рыцаря, но и идеальная система как взаимоотношений рыцаря с окружающим его миром, так и внутри Высокого Ордена Рыцарства – всего рыцарского сословия.

Эта система основывается как раз на тех принципах, которые были постепенно сформированы в среде рыцарства: идеи равенства рыцарей, верности своему слову, милосердия, защиты обездоленных и беззащитных, защиты веры. Рыцарская идея несколько трансформировала христианское вероучение, подстроив его под свои нужды: так, убийство врага расценивалось не как грех, но доблесть, достойная славы; высокомерие осуждалось лишь в том случае, если было направлено на собрата по сословию (то есть, только когда оно подрывало идею равенства всех рыцарей), и т.д.

Рыцарь должен был хранить верность своему сюзерену (королю, герцогу, другому рыцарю), защищать всех, кто нуждался в его защите. Отношения с дамами строились на основании идеи высокого служения Прекрасной Даме и идеи высокой, куртуазной любви (тематика, особенно ярко проявляющаяся в рыцарских романах); нецеломудренные связи осуждались – рыцарь должен хранить верность своей возлюбленной. Рыцарь обязан быть учтивым со всеми. В поединках с другими рыцарями он обязан поддерживать идею равенства противников, для чего он лишал себя в начале боя каких-либо преимуществ перед своим противником, кроме своих природных качеств (например, спешивался, если противник был сбит с лошади; дожидался, пока упавший соперник встанет, и т.д.). Рыцарь должен горячо верить в Бога и полагаться на Его помощь – только тогда он становился не только «доблестным», но и «честным» рыцарем. Разумеется, в мире идеального рыцарства были и преступники, злодеи, предатели – однако их недостойное поведение лишь еще больше оттеняет благородство идеала, позволяет выявить принципы и моральные нормы истинного рыцарства.

Вышеуказанные принципы, нормы морали и примеры поведения в различных ситуациях сложились в итоге в единую систему. Эта система охватывалась понятием «рыцарской чести». Именно кодексом чести должна была регламентироваться вся рыцарская жизнь в рыцарских романах, в мечтах сторонников стремления к идеальному рыцарскому миропорядку; именно этим должна была регулироваться и реальная жизнь рыцарского сословия.

В процессе исследования становится понятным, что изучение сословной этики носит очень важный характер. Этика – тот внутренний стержень, который позволяет функционировать сословию, это некие «правила игры», выполнение которых позволяет добиваться каких-то общих целей. Исследование данной стороны жизни рыцарского сословия позволяет объяснить многие поступки его представителей, их мотивацию и целеполагание, а также рассмотреть с этико-психологической точки зрения многие детали истории рыцарства – того слоя общества, который вершил историю Средневековья.

Примечания.

1. Shofield W.H. English literature from the Norman Conquest to Chaucer. London: Macmillan, 1906
2. История всемирной литературы в двух томах. Т. 2. М., 1984
3. Контамин Ф. Война в Средние века. М., 2001
4. Мэлори Т. Смерть Артура. М.: «Наука», 1974
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: «АСТ», 2014
6. Фергюссон А.Б. Золотая осень английского рыцарства. М., 2004
7. Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1995

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА КАСКАХ АМЕРИКАНСКИХ СОЛДАТ КАК СУБЪЕКТИВНОЕ ОТРАЖЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

Ф. А. Любимцев

ВлГУ, г. Владимир, Россия, ljubimcev.fedor@rambler.ru

Вьетнамская война имеет весьма богатую отечественную и зарубежную историографию. Тем не менее, данные события сохраняют исследовательский интерес и открывают новые перспективы изучения в контексте антропоориентированного подхода. В данной статье рассмотрены основные изображения на касках американских военнослужащих в период Вьетнамской войны с целью выявления ее восприятия. Мы исходим из того, что внешний вид, отражая внутренний мир человека, несет определенную информацию о его мироощущении, подает сигнал о занимаемом статусе и ценностях. В армии внешний вид крайне важен в силу своей специфики: единообразие – залог высокой дисциплины и серьезного отношения к службе. Допущения во внешнем виде позволяют выявить нежелание к службе или, наоборот, позитивное отношение к ней.

Используя надписи на касках в качестве исторического источника, нами была предпринята попытка получения дополнительной информации об отношении американских военнослужащих к военным действиям во Вьетнаме в 1964 – 1967 годы.

В армии США стандартным был шлем М1 – стальной шлем, обшитый нейлоном для минимизации отражения солнца. На этих касках регулярными и официальными изображениями являлись изображение эмблемы дивизии и название части. К примеру, такого типа была каска комендантского патруля [1].

Изображения на касках были призваны показать отношение к происходившим событиям. Авторы воспоминаний о войне указывают, что солдат – военнослужащих армии США можно разделить на два типа. Первый тип – это «лайфер», что означает любитель войны. Цель лайфера – выиграть войну, не считаясь с потерями среди личного состава. Они любили войну за ту власть, которую она им даёт над подчинёнными. Ветеран войны Кристофер Роннау отмечал, что встречал среди них лишь немного хороших людей, большинство же были «плохие люди», которые редко понимали то, что чувствуют бойцы [2].

Второй тип солдата – «нелайфер» (т.е. пацифисты). Его целью было добраться до дома живым. Эти солдаты, как правило, попадали под призыв. Единственное, чего им хотелось от этой войны, как признавал К. Роннау, – уехать домой «одним куском» и помочь своим товарищам сделать тоже самое [2].

Проведенный анализ надписей на касках показал, что их можно разделить на четыре большие группы: воинствующие, религиозные, пацифистские и географические. Для первого типа солдат – «любителей войны» наиболее характерны были воинствующие рисунки и надписи. Например, встречались надпись «убиваю коммунистов для мамы» [3] или надпись в виде просьбы, обращенной к маме: «мама, можно я выйду убивать сегодня ночью?» [1]. Надписи «воюй, а не люби» [4], «смерть на проводе» [5] показывали возможность быстро вызвать огонь поддержки, так как относились к артиллерийским наводчикам.

Помимо надписей, солдаты могли прикрепить какой-либо объект для придания индивидуальности своей каске. «Самым распространённым предметом, - пишет Роннау, - была маленькая, прозрачная, пластиковая бутылочка с репеллентом от насекомых» [2]. Такой репеллент был настоящей необходимостью, так как для американцев ведение войны во флоре и фауне Вьетнама оказалось далеко не лёгкой прогулкой для защиты демократии от коммунизма. Потом шли спички, сигареты, запасные чеки для гранат, магазины для М-16, и, конечно же, козырные тузы [5]. Магазины для винтовок были важны тем, что всегда можно рассчитывать не остаться без боезапаса. Кроме того, пуля, попавшая в магазин, теряла свою кинетическую энергию и останавливалась, нередко спасая жизнь солдату, магазин становился счастливым талисманом [6].

Карту обычно располагали по центру каски, чтобы смотрящий на солдата видел рисунок. Так же могли использовать джокера, как самую редкую карту в колоде. До вьетнамцев доходили сведения, что бойцы с такими изображениями являются наиболее опасными противниками [7]. Иногда на каску помещали сразу несколько карт [8].

В противовес «лайферам» солдаты, попавшие на войну по призыву, делали антивоенные надписи или надписи с долей юмора, затрагивали жизненные темы. Приме-

чательна встречавшаяся на касках надпись: «Рождённый проигрывать» [2]. Многие солдаты отсчитывали свою командировку во Вьетнаме и вычеркивали на каске месяцы, проведенные на фронте [9]. Особо показательна достаточно часто использовавшаяся надпись : «Война это ад» [10].

Солдаты, которые направлялись домой, были рады выразить это на своей каске, продемонстрировать миру свою удачу выбраться из Вьетнама: «До свидания, Вьетнам!» [11]. Географические надписи показывали, за какую малую родину воевали солдаты: солдат из Брайтона или солдат с аббревиатурой Лос-Анжелеса [5].

Интересно, что попытка внести изменение во внешний вид военнослужащего для отображения своей индивидуальности и восприятия окружающей войны не встречала сопротивления со стороны офицеров. Как отмечают ветераны, это была единственная инициатива в армии, за которую не преследовало командование. Такая возможность была дана солдатам, по нашему мнению, для того, чтобы поднять боевой дух, как в случае с воинствующими надписями. В армии все солдаты приобретали абсолютное равенство перед вышестоящим командиром, получали одинаковое обмундирование и снаряжение, что приводило к потере своего собственного «я». Проявление индивидуализма было присуще именно американским солдатам, так как в ходе конфликта, как показывает проведенный анализ, ни советские, ни военнослужащие других западных стран, участвовавших в конфликте, не отмечали таким образом своё обмундирование. Желание продемонстрировать свой взгляд и свою индивидуальность было характерно для американцев, обезличенных армейской машиной.

Таким образом, изучение надписей на касках американских солдат, воевавших во Вьетнаме, позволяет сделать вывод о том, что это был довольно популярный способ выражения своего отношения к войне. Наряду с нейтральными по смыслу (религиозными и географическими) были распространены надписи, отражавшие как позитивное, так и или негативное отношение к вовлеченности США в военные действия, при этом по их соотношению преобладали пацифистские надписи.

Примечания.

1. Stanton S. U.S. Army uniforms of the Vietnam War. [Электронный ресурс] // URL: https://www.twirpx.com/file/2784838/(дата обращения 14.03.19).
2. Роннау К.Кровавые следы: Боевой дневник пехотинца во Вьетнаме. [Электронный ресурс] // URL: http://artofwar.ru/k/kopachewskij_m_a/krovavye_sledy-2.shtml (дата обращения 10.11.18).
3. Надпись на каске «Убей коммунистов для мамочки». [Электронный ресурс] // URL: https://yablor.ru/blogs/nadpisi-i-ne-tolko-na-kaskah-vetnamskoy-voyni/2114751 (дата обращения 10.11.18).
4. Фото с надписью «Make War not Love». [Электронныйресурс] // URL: http://govza.ru/2017/05/11/amerikanskie-soldaty-vojna-vo-vetname/ : (дата обращения 10.11.18).
5. Rottman G. Vietnam war US& allied combat equipment. [Электронный ресурс] // URL: https://www.twirpx.com/file/2331136/(дата обращения 14.03.19).

6. Викник А. Намсенс: Пережить Вьетнам в 101-й воздушно-десантной дивизии. [Электронный ресурс] // URL: http://artofwar.ru/k/kopachewskij_m_a/namsens.shtml (дата обращения 10.11.18).
7.Фото солдата с картой. [Электронный ресурс] // URL: https://www.msn.com/en-us/news/world/vietnam-photos-that-defined-the-war/ss-BBiSED9#image=48 (дата обращения 10.11.18).
8. Фото солдата с несколькими картами. [Электронный ресурс] // URL:http://www.msroachesplace.com/CW.html(дата обращения 10.11.18).
9. Фото солдата с надписями месяцев. [Электронный ресурс] // URL:http://www.thomasbopedersen.org/warview.html (дата обращения 10.11.18).
10. Фото солдата с надписью: «Война — это ад!». [Электронный ресурс] // URL:https://www.theguardian.com/artanddesign/gallery/2015/apr/22/vietnam-the-real-war-a-photographic-history-by-the-associated-press-in-pictures (дата обращения 10.11.18).
11. Фото каски пехотинца США. [Электронный ресурс] // URL: https://www.msn.com/en-us/news/world/vietnam-photos-that-defined-the-war/ss-BBiSED9#image=45 (дата обращения 10.11.18).

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ ФРАНЦИИ В БИТВЕ ПРИ ВАТЕРЛОО В 1815 ГОДУ

С. А. Маметьев

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, telafarm@gmail.com.

Битва при Ватерлоо по сей день, спустя более двух веков, продолжает волновать умы не только историков, военных аналитиков и специалистов, но и людей, лишь едва знакомых с историей. Необычайную популярность данного сражения можно легко объяснить, ведь битва, произошедшая у небольшой бельгийской деревни 18 июня 1815 года, явилась последней вехой в истории Наполеоновских войн (1796-1815) – одной из крупнейших общеевропейских военных кампаний, длившейся свыше 20 лет и унёсшей жизни более 3 млн. европейцев (в том числе, порядка 300 тыс. россиян). Итоги последнего сражения легендарного полководца и императора Наполеона Бонапарта, державшего в нескончаемом трепете ведущие монархии Европы два десятка лет, предопределили участь его самого, Франции и всего мира на весь XIX век. Всё имеет конец: непобедимый гений Бонапарта, однако, всё же был сломлен - битва оказалась проиграна, а вместе с ней окончательно пошёл ко дну, прежде, непотопляемый корабль наполеоновской континентальной империи. В данной статье будет сделана попытка объяснить причины исторического поражения Наполеона в битве при Ватерлоо.

Сражение при Ватерлоо явилось итогом последней военной авантюры императора Бонапарта после его поражения в войне с Шестой коалицией (1812-1814гг.) и отречения от французского императорского престола в апреле 1814 года. Последовали ссылка Наполеона на о. Эльба, близ Италии, майский Парижский мирный договор

(1814) и созыв общеевропейского Венского конгресса 1814-1815гг., де-факто, решившего судьбу послевоенного устройства Европы. Конгресс победителей, которые в ходе его работы стремительно превращались в новых противников, был омрачён известием о неожиданном возвращении свергнутого «громовержца Европы» во Францию в марте 1815 года и его подготовке к очередной войне против союзных держав. Начались знаменитые «сто дней». Все противоречия были мгновенно отодвинуты на второй план: союзники подписали в мае 1815 года Заключительный акт Венского конгресса и выступили новым единым фронтом – Седьмой, по счёту, коалицией за 20 лет – против вернувшегося «узурпатора», в составе Великобритании, Пруссии, Австрийской и Российской империй, а также некоторых менее значимых участников. Ватерлоо стало развязкой этой последней войны Наполеона, а дальше – его ссылка на о. Св. Елены, уже в середине Атлантики, реставрация монархии во Франции в лице Людовика XVIII, конец наполеоновской эпохи и начало нового мирового порядка.

Гениальность Наполеона, как полководца, превзошедшего Александра Македонского, Ганнибала, Цезаря, Чингисхана или Тамерлана в самой практике военного искусства, не может вызывать никаких сомнений – по сути, Бонапарт был рождён для того, чтобы воевать. Однако при Ватерлоо объективные обстоятельства сложившейся к тому моменту реальности оказались сильнее личных способностей императора. Эдит Саундерс в своей книге «Сто дней Наполеона» (1964) указывает на то, что сам Бонапарт, по возвращении с Эльбы, тяготился памятью о прошлых поражениях и часто состояния воодушевления резко чередовались в нём с моментами откровенного уныния. Настрой императора не мог не сказаться на состоянии подчинённых. К тому же, необходимо чётко понимать, что Франция 1815 года – это уже не обширная империя, какой она являлась, скажем, накануне похода в Россию. Громадные территории были утрачены после войны 1812-1814 годов, а прежние сателлиты, такие, как немецкие и итальянские государства, Варшавское Герцогство или союзники, такие, как Австрия или Пруссия, влились теперь в состав союзнической коалиции. Наполеону приходилось играть по новым правилам, а именно – начинать с нуля, с геостратегической и, во многом, с военной точки зрения отталкиваясь вновь от положения 1792 года. Всё это, очевидно, не могло не повлиять на судьбу не только будущего генерального сражения, но и на ход всей кампании. Население Франции, как бы оно не было воодушевлено возвращением «императора французов», не могло воевать вечно. К 1815 году страна потеряла 800 тыс. человек погибшими, огромные потери в армии закономерно привели к значительному снижению её боевых и моральных качеств. Непрерывные наборы в армию и рост налогов вызывали недовольство в различных слоях населения, о чём свидетельствует, хотя бы, очередное восстание в Вандее под руководством Сапино и Сюзанне, которое вынужден был подавлять возвратившийся с Эльбы Бонапарт посредством корпуса генерала Ламарка.

Таким образом, в войне 1815 года Франция оказалась в окружении подавляющего числа европейских держав. Тем же числом (130 тыс. против 72 тыс.) и, безусловно, маневрированием и изматыванием войск противника, герцог Веллингтон и фельдмаршал Блюхер сумели задавить отчаянно сопротивлявшегося у Ватерлоо Наполеона. Роковую роль в битве сыграла и оплошность, допущенная французским маршалом Гру-

ши, который, и в силу промедления, и в силу объективных, в том числе климатических условий, а именно ливня, уничтожившего пригодные для перемещения войск дороги, не сумел подойти к полю битвы и остановить прусскую армию Блюхера, сыгравшую не последнюю роль в разгроме французской армии.

Из всего вышесказанного следует, что поражение Наполеона при Ватерлоо, во многом, было уже предопределено общим положением дел на момент начала кампании 1815 года, в том числе, этому способствовали факторы, напрямую не относившиеся к самому ходу битвы. Даже в том случае, если бы военный гений Бонапарта вновь помог ему одержать победу над союзниками в битве, скорее всего, война была бы, в конечном итоге, проиграна, ибо те условия, при которых Наполеон стартовал в войне с Седьмой коалицией, были весьма неблагоприятны для него, в том числе, по сравнению с предшествующими кампаниями.

Примечания.

1. Саундерс Э. Сто дней Наполеона. — М.: АСТ, 2002.
2. История Франции: В 3-х т./ А.З. Манфред. — М., 1973. - Т.2.
3. Кавтарадзе А.Г. Ватерлоо // Новая и новейшая история. — 1972. — № 1.
4. Тарле Е.В. Наполеон. - М., 1957.
5. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. СПб., 2010. Т. 1–2.

ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИДЕЙ В РУССКОЙ КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

А. В. Носенкова

МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, nastya.7638084@mail.ru

В европейской истории XVIII век по праву занимает особое место. На протяжении восемнадцатого столетия наблюдаются изменения в социально-экономических, политических и культурных аспектах, происходит глубокая идейно-духовная переориентировка общества. Трансформируется и культурный аспект. В России именно в это время следует говорить о возникновении и формировании национальной культуры, несмотря на существование ощутимого барьера между светским и народным искусством. Активно развивается литература, а вместе с ней и комедии, оперы; вырастает число печатных изданий. И таким образом идеи Вольтера, Руссо, Дидро и других представителей просветительского течения Франции проникают в массы. Философия просветителей была настолько популярна, что к ней обращались и революционеры, как, например, Радищев А.Н., и консерваторы в лице Сумарокова А.П., и либералы – Новиков Н.И., Фонвизин Д.И. Стоит отметить, что в русской литературе появляются три направления – классицизм, ярким представителем которого стал Сумароков А.П.; сентиментализм, чью нишу занимал Карамзин Н.М.; и реализм, выразителем которого был Фонвизин Д.И [1, 18].

Однако возникает вопрос: идеи, затронутые в русских комических операх конца XVIII века действительно отражали внутреннюю обстановку в стране или же под влиянием европейских сюжетов они не вполне соответствовали исторической действительности этого периода?

Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо выявить цель и задачи. Цель данного исследования - рассмотреть основные проблемы русского общества конца XVIII века через анализ комедий и комических опер.

Для достижения цели необходимо следовать нескольким задачам:

1) Узнать о зарождении комедии, а затем и комической оперы в Европе и России;

2) Рассмотреть основные образы людей, встречающиеся в комических операх и выявить проблемы, волновавшие общество;

3) Проследить, как внутренняя и внешнеполитическая ситуация страны влияет на общественную мысль.

Существует утверждение, что культура определяет эпоху и ее важнейшие черты. Для того чтобы проникнуться любым историческим периодом, необходимо узнать о нем изнутри. И именно искусство помогает нам достичь этого. Все люди, так или иначе связанные с ним – художники, поэты, писатели, музыканты, все они затрагивают в своем творчестве те проблемы, которые волнуют их современников. XVIII век – эпоха перехода к новым формам искусства, время возникновения новых общественных течений и идей. Можно предположить, что он стал рубежом, который отделял старую Россию от новой, потому что именно в это время государство начинают наполнять идеи построения идеального общества. И, конечно же, это отражается во всех сферах искусства. Художники начинают творить в новых направлениях и стилях, в литературе идет поиск новых жанров, а в музыке – новых форм. И для того чтобы понять XVIII век недостаточно лишь ознакомиться с основными направлениями внешней и внутренней политики монархов, стоит также прочесть, посмотреть и послушать произведения того времени, чтобы максимально, насколько это возможно, попытаться понять, чем жили люди в ту эпоху, о чем они думали, что их волновало. Именно поэтому обращение к такому жанру, как комическая опера, предоставляет огромное поле для исследований. Он был создан именно для того, чтобы можно было в доступной форме донести до широкого круга лиц волнующие их проблемы или обратить внимание власти на те стороны общественной жизни, которые не устраивали народ. К примеру, Петр I 5 января 1705 г. даже издал указ, согласно которому все желающие могли смотреть и слушать комедии каждый понедельник и четверг за небольшую плату как на русском, так и на немецком языках [8, 13], тем самым преследуя цель донести искусство до большего количества людей. Здесь можно провести параллель и с современностью: в России существует Ночь музеев, когда вход на многие мероприятия, выставки и театры становится бесплатным и все желающие могут ознакомиться не только с предметами искусства, но и узнать мнение творческих людей о нашем времени.

Что касается новизны данного исследования, то, в отличие от общепринятого анализа комедий лишь с выделением круга основных проблем без проведения параллели между датами создания произведений и внутриполитической ситуацией в стране, в

этом исследовании прослеживается влияние реформ и политического курса правителей на проблемы, затронутые в комедиях для наиболее точной характеристики общественных мыслей и идей. Также в этой работе комедии разделены по типам проблем, затронутых в них, а не в порядке их создания, это сделано для того чтобы можно было не только ознакомиться с произведениями, посвященным определенному ряду нюансов, но и проследить реакцию общества на них.

Рассмотрим процесс зарождения комической оперы как отдельного жанра. Существует несколько гипотез ее возникновения: согласно Козловой Н. П., опера появилась в России благодаря европейским музыкантам [6, 16]. Она пишет о том, что в 30-е гг. XVIII в. в Петербурге был создан придворный итальянский театр, в котором зрителю представляли оперу-сериа и оперу-буффа [6, 17]. Долгое время после открытия этого театра в столице жили известные европейские композиторы, такие как Сарти, Арайя, Галуппи, которые, несомненно, оказывали влияние на развитие оперы в России [10, 36]. Иная гипотеза у Беркова П. Н., согласно которой первые сюжеты опер были взяты из крестьянской среды [1, 12]. Гозенпуд А. А. писал: «Русский музыкальный театр – явление самобытное, неразрывно связанное с русской действительностью. В своих реалистических устремлениях он близок завоеваниям западноевропейского театра, ибо перед прогрессивными русскими и зарубежными художниками эпохи идеологического штурма твердынь абсолютизма строила сходные задачи» [3, 5].

Однако, согласно хронологии, первые комические оперы появляются именно в народе, в форме игрищ и обрядов, которые сочетали пение и пляски и были посвящены злободневным сюжетам [3, 6]. Впоследствии на эти представления обратили внимание дворяне, одним из которых был Сумароков А. П., и, выведя «игрища» на новый уровень, создали самостоятельный жанр с характерными особенностями. Ими стали: гипертрофированность образов героев комедий; принцип говорящих фамилий, им активно пользуется Фонвизин Д. И. [1, 125] и Лукин В. И. [1, 95]. В их произведениях можно встретить подобные фамилии: Простакова, Правдин, Притворов, Вздоролюбов. Комическую оперу отличало и откровенное высмеивание пороков общества, а также простые и понятные каждому сюжеты. Говоря об истоках зарождения этого жанра, нельзя опускать влияние европейской культуры, сильнейших оперных школ того времени – французской и итальянской [2, 18]. Несмотря на то, что комическая опера вобрала в себя основные черты оперы европейской, она не являлась калькой. То есть комические оперы первоначально возникли в народе, затем на более высокий уровень их вывело русское дворянство, оно же помогло этому жанру вобрать в себя лучшие черты зарубежных мастеров. В итоге под влиянием трех факторов комическая опера трансформировалось в самобытный, совершенно оригинальный и не похожий ни на что жанр. Произведения представляли собой народно-бытовые музыкальные комедии, где сценические диалоги чередовались между собой музыкальными вставками: песнями и ариями, в большинстве своем именно народного характера [1, 17].

При анализе содержания комедий можно очертить круг основных проблем, затронутых в них. Во-первых, ключевая тема – крепостничество. В одних комедиях она раскрыта очень полно, авторы через сюжеты показывают истинную жизнь крестьян, как, например, Аблесимов А. О. и Попов М. И., в других же идет лишь отсылка к

наболевшей теме [6, 87]. Основная линия была очевидна: необходимо было ограничить произвол помещиков, защитить крестьян от них. Но так как на государственном уровне этой проблеме не уделили почти никакого внимания, ей занялся народ: одни участвовали в восстаниях, а другие освещали эту тематику в литературе. Но, так или иначе, анализируя все эти произведения, можно представить себе идеи и мысли общества конца XVIII века.

Обычно в комедиях присутствует и явная антидворянская направленность, оппозиционное отношение к самодержавию (нередко в комедиях выделяется образ именно царя-тирана) [7, 18]. Авторов слишком вольных сюжетов обычно ждала реакция: Екатерина II после ознакомления с некоторыми комедиями, отменяла постановки, отстраняла «смутьянов» от ведения дел - заточала в крепости, ссылала в Сибирь [3, 116-120]. Можно предположить, что крестьянская тема присутствовала в постановках также и потому, что сам крестьянин все время выражал свое настроение через песню: за работой, в кругу семьи, долгими вечерами. Он все время обращается к музыке. У крестьянина есть природная склонности к пению, и именно поэтому в русской опере можно проследить методичное обращение к народным напевам и музыке [3, 119].

Многие авторы в своих произведениях обращались к проблеме галломании. Действительно, на протяжении XVIII века наблюдался серьезный раскол русского общества, доходило до того, что помещики и крестьяне совершенно не понимали друг друга даже на бытовом уровне, ведь для высших слоев знание французского языка было обязательным, подчас на нем говорили лучше чем на родном. Эта тема ярко раскрывается в комедиях Сумарокова А. П. и Лукина В. И. Для усиления эффекта используется гротеск: персонажи при общении употребляют французские слова на русский манер, вместо того, чтобы находить существующие аналоги: «пардонабельно», «резонабельно», «мепризировать» [1, 38-39]. Они режут слух и звучат совершенно неестественно, делая речь героев чрезвычайно комичной.

Большое внимание уделялось нравственным проблемам, многие комедии носили наставляющий характер. Одним из наиболее ярких примеров стала комедия Фонвизина Д. И. Недоросль. Здесь выделяется целый комплекс: проблема отцов и детей, отношений в семье, а также вопрос отношения к слугам и крестьянам и воспитания дворянства в духе идей просвещения. Каждый герой связан с политическими событиями того времени и является реакционным [1, 38]. Так, бесчеловечность Простаковой – порождение того самого крепостного права, которым она беспредельно пользуется [1, 40]. По словам Беркова – в Недоросле есть крайне острая политическая направленность. Она выражается в образе Стародума. Он противопоставляет петровскую политику екатерининской, критикуя саму императрицу и ее двор («двор – больной неисцельно»), так как именно она ответственна за все происходящее в государстве [9, 44].

Некоторые комедии были написаны как реакция на то или иное преобразование. Среди них выделяется произведение Капниста В. В. «Ябеда», поражающая своим неприкрытым, резким высмеиванием пороков чиновничества [11, 36]. Надо отметить, что именно это произведение пользовалось огромной популярностью в русском обществе вплоть до середины XIX века. В основу сюжета вошел реальный судебный процесс, который автору пришлось вести с помещиком Тарковским, поскольку последний неза-

конно завладел частью его имения [11, 39]. Эта проблема была крайне наболевшей, поскольку хоть в екатерининскую эпоху и была проведена судебная реформа, которая предполагала отделение судебных органов от административных и становление сословного суда, по факту в реформируемой сфере, по свидетельствам современников, все же царил беспорядок [1, 539].

Из-за резких обличительных суждений при Екатерине II данная комедия не была поставлена на сцене, зритель смог увидеть ее лишь во время правления Павла I, в 1798 г., после того как Капнист В. В. сократил произведение и в нескольких местах сгладил уж слишком резкие высказывания [4, 19]. Комедию играли четыре раза, и во время каждого показа она имела большой успех. Вскоре был назначен пятый, но Павел I запретил его и лично распорядился снять с продажи все ее экземпляры. Вновь комедия была показана зрителям лишь уже в 1805 г., при Александре I [4, 20].

Выявив основную проблематику комических опер, необходимо рассмотреть общественную реакцию на политику. Екатерина II, пришедшая к власти в результате заговора в 1762 г. и правившая в России вплоть до 1796 г. проводила реформы, в основном направленные на укрепление собственной власти. Для этого она прибегала к различным методам: с 1764 по 1765 гг. императрица разрабатывала «Наказ», своеобразный сборник положений, в котором закреплялось самодержавие под предлогом того, что другой строй в России просто невозможен. Несмотря на то, что Екатерина была воспитана в духе идей Просвещения, которые не предполагали наличия почти безграничной власти одного человека над другим, и поэтому императрица негативно относилась к закабалению крестьян, она понимала, что резкий отказ от многовекового строя может очень негативно отразиться на ситуации в стране, и поэтому не предлагала поворотных реформ. Но из-за того, что большинство дворян было против ущемления своих привилегий, ей пришлось отказаться от своих планов. В итоге вторая половина XVIII века вошла в историю России как период максимального усиления крепостничества [5, 205-206].

Конечно же, это вызывало негативную реакцию у самих крестьян, о чем свидетельствовала Крестьянская война под предводительством Пугачева, под которой подразумевается крупное восстание низших слоев населения. Это событие положило начало реакционной политики Екатерины, которая ввела крепостное право на Украине в 1783 г. Теперь нельзя было говорить о смягчении положения крестьян, необходимо было ужесточить политику по отношению к ним для восстановления спокойствия в стране.

В отличие от крестьян, для дворян XVIII век стал золотым, о чем свидетельствует Жалованная грамота Екатерины, которая довольно существенно приумножила их полномочия. Дворяне были полностью освобождены от обязательной службы, различных податей и телесных наказаний. Планировалось разработать грамоту и для крестьян, однако, как мы можем предполагать, она не была опубликована из-за боязни Екатерины вызвать недовольство дворян.

Такой политический курс проводился в стране до Французской революции. А как изменился он после событий в Европе? Екатерина не допускала никакого вольнодумства со стороны общественных деятелей, жестоко расправлялась с обличителями крепостного права, ее политика приобрела консервативный характер [5, 214-215].

Изучив основные особенности политики Екатерины II, мы можем убедиться, что каждая из них находила отклик в искусстве. Для того чтобы узнать реакцию общества, необходимо ознакомиться с литературными произведениями того времени.

Подводя итоги, необходимо обобщить полученные выводы. Во-первых, самым главным выводом является то, что русская культура, даже при условии влияния со стороны Европы, является самобытной и оригинальной, потому что все заимствования со временем подстраиваются под русскую действительность и становятся актуальными именно для России. Во-вторых, мы выявили, что, несмотря на влияние Франции и Италии, в России опера развивалась своим путем, она шла от народных музыкальных забав, игрищ, которые, вобрав в себя определенные черты европейского искусства, явили совершенно оригинальное и профессиональное музыкальное творчество. В комедиях нет проблем, которые бы не волновали русское общество в конце XVIII века или же таких, которые затрагивали ситуацию в Европе. Наоборот, авторы склонны говорить о том, что необходимо вовсе исключить это подражание и обратить внимание на исконно русские традиции и историю.

Обозначим те проблемы, которые формировали общественную мысль второй половины XVIII века:

- нерешенность крестьянского вопроса и произвол помещиков в обращении с крестьянами;
- бездумный отказ дворян от русских традиций и слепое подражание Европе;
- обеднение русского языка в связи с заимствованием французских слов;
- несовершенность органов управления, а в особенности, судебных;
- существенно расширенные привилегии дворянства.

Тем самым, зная эти проблемы через призму их восприятия современниками того исторического периода, мы получаем уникальную возможность наиболее точно понять русского человека конца XVIII века и получить представление о наиболее острых проблемах того времени.

Примечания.

1. Берков П.Н. Русская комедия и комическая опера XVIII века, М - Л., 1950;
2. Брянцева В..Н Музыкальная литература зарубежных стран. М., 2007;
3. Гозенпуд А.А. Музыкальный театр в России от истоков до Глинки. М., 1947;
4. Карманная книга для любителей музыки на 1795-1796 гг. СПб;
5. Кацва Л.А. История Отечества. М., 2015;
6. Келдыш Ю.В. Русская музыка XVIII века. М., 1965;
7. Козлова Н.П. Русская музыкальная литература. М., 2011;
8. Рабинович А.С. Русская опера до Глинки. М., 1948;
9. Русская драматургия XVIII-XIX вв. Т 1. М - Л., 1959;
10. Русский музыкальный театр 1700-1815 гг. М - Л., 1941;
11. Трайнин В.Я. Сатирические образы в русской музыке. Л., 1956;

МУСУЛЬМАНЕ ГЛАЗАМИ ИСПАНСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА XV ВЕКА

Е. А. Павлова
МГУ им. Ломоносова, Москва, РФ, elizpvl@mail.ru

XV век для стран Пиренейского полуострова, в какой-то мере, служит отправной точкой для блистательного появления на мировой арене. Правление Католический королей, Изабеллы Кастильской и Фернандо Арагонского, ознаменовано началом централизации страны, но всё это происходит уже ближе к концу века, а пока испанские земли и их общества готовятся к предстоящим переменам, представляя из себя множество королевств, внутри которых наряду с социальным расслоением общества, шло ослабление королевской власти и усиление дворянской оппозиции. В ходе Реконкисты определилась ведущая роль некогда маленького графства, ставшего затем королевством – Кастилии, откуда и наш путешественник Перо Тафур. Реконкиста, в свою очередь, носила именно политический характер, но не стоит забывать, что за политикой стоят люди, которые проживают на одной территории, контактируют друг с другом, совершают браки. Речь идёт о христианах и мусульманах Пиренейского полуострова. Когда мы говорим об этих двух группах, то маркируем их с точки зрения принадлежности к религии и полагаем, что между ними шла непримиримая вражда. Однако было бы крайне интересно посмотреть, а действительно ли люди при общении и соседстве бок о бок всегда руководствовались религиозным видением мира и были врагами? Существовало ли у испанцев в настоящей жизни какое бы то ни было априорное отношение к мусульманам? Какими испанец их видел и как к ним относился? Следовательно, проблемой данного исследования можно обозначить восприятие мусульман Тафуром. Для данной работы был использован источник «Странствия и путешествия» Перо Тафура. Это своеобразные воспоминания испанского идальго, совершившего путешествие по Средиземноморью и немецким землям в 1436 – 1439 гг. для того, чтобы «на людей посмотреть и себя показать» [6:9-29]. Историографическая база по источнику действительно обширна, особенно в среде ученых Запада, однако работ, касаемых именно нашей темы, мизерное количество.

Актуальность темы вызвана, пожалуй, бытующей ещё с XVI века так называемой Испанской Черной Легенде (La leyenda Negra). В представлении большинства людей былых столетий и, пожалуй, сейчас Испания – страна нетерпимых и ревностных католиков, цель которых воевать за веру с арабами и сжигать провинившихся, беспощадными методами колонизировать Америку и многое другое. Но если это действительно так, то как можно объяснить и понять факт сосуществования трех культур (арабской, еврейский, христианской), факт своеобразного культурного синтеза, существовавшего на протяжении нескольких веков на Пиренейском полуострове? К сожалению, такое мнение о Средневековой Испании и испанцах всё ещё имеет место быть. Давайте посмотрим на примере одного кастильца, как же протекал процесс коммуникаций.

Сперва в составе паломнической группы наш герой посещает главные христианские святыни и на Святой Земле встречается с представителями «закона Мохаммеда».

На протяжении всей своей поездки Перо так или иначе пересекается с мусульманами, а иногда и сам идёт с ними на контакт. Так было в Иерусалиме: Тафур задействует мусульманина в качестве гида – проводника [6:62]. Довольно интересный эпизод произошел с алькайдом (местным судьей, наделенным административными полномочиями):

«тамошний алькайд потребовал с нас определенную подать, а мавр, ведший нас, сказал, что не заплатит ничего, ибо никогда не было принято, и так они спорили, что алькайд и его люди обнажили оружие против нашего кабальеро... <…> …, но мы пришли на помощь, ранили несколько из мавров» [6:54]. Далее дело было передано на рассмотрение аделантадо (общее название для королевских полномочных представителей королей Испании и Леона на территориях, отвоёванных у мавров в период Реконкисты [3:125]), в ходе разбирательства судья был казнен, а его люди – высечены. Мы видим, что мавр мог пойти против мавра, защищая христиан, ради справедливости. В данном случае религиозный вопрос не поднимался в принципе. И даже несмотря на то, что Палестина на тот момент принадлежала египетскому султану, местный алькайд понес заслуженное наказание.

Жажда Тафура к познанию нового берет вверх над принятыми социальными нормами: под страхом смерти путешественник посещает мечеть [6:63]. По тем временам это был акт неслыханной дерзости со стороны «неверного», карающийся смертной казнью, да и с точки зрения христианства, это проступок.

Приведенные случае столкновения Тафура с маврами на Святой Земле не единственные (так, к примеру, он общался с аделантадо Наср-эд-дином перед своим отплытием из Иерусалима [6:65]), однако они наиболее показательны.

Из этого смею предположить, что конфессиональный признак не был определяющим для Тафура в общении с людьми. Это видно, если провести сравнение между отдельными характеристиками христиан и мусульман вообще. Безусловно, Тафур разделяет людей по религиозному признаку, так как это диктовалось эпохой, однако проявлял ли он при этом какое-либо отношение? В соответствии с общепринятым и даже несколько стереотипным мнением об априорном отношении к маврам, Перо в своих «Странствиях» должен выделять последних как враждебную группу людей, тем самым противопоставляя **всех христиан** мусульманам. На наш взгляд, если бы это было действительно так, то на протяжении всего источника мы бы встречали резко негативную и предвзятую оценку мусульман. Конечно, стоит брать во внимание существование негативных фраз в отношении их: *«маврами, нашими прирожденными врагами», «не попали они в руки врагов веры, ибо будут с ними грубо и непочтительно обращаться!», «и о войне с маврами»* [6:3,173,140]. Но данные словосочетания относятся к полю битвы, и мавры - враги на полях сражений. Помимо того, что мы бы встречали резко негативную оценку мусульман, могли бы существовать эпитеты или другие своеобразные характеристики именно в отношении христиан по типу «все наши братья», «единоверцы», то есть такие характеристики, которые позволили бы идентифицировать то, что христиане – единая сплоченная общность – добро, противостоит мусульманам – злу. Тафур же, напротив, пишет *«вышла процессия христиан»* [6:53], *«жаркое, приготовленное для еды… для продажи христианам», «нас вышли встречать все христиане»* [6:54], как бы просто фактологически маркируя людей без проявления «братских» (с

христианской точки зрения) чувств. В качестве возможного доказательства обратим внимание на словосочетания *«Наш Господь»* [6:55] или *«Наша Владычица Дева Мария»* [6:86], которые, в свою очередь, носят оттенок уважения и любви. Что же касается самих людей, верующих в Христа, то отношение Тафура к ним такое же нейтральное, как и к людям, верующих в Аллаха: «*мавры и христиане имеют разрешение выставлять нам товары на продажу»* [6:56-67]. Тафур в принципе несколько отдаленно пишет о христианах, как независимый наблюдатель: *«и чтобы я никак не приветствовал его, потому что это принято у них из презрения к христианам»* [6:82]. Тут же в качестве контраргумента зададимся вопросом: а не было ли подобное отношение обусловлено тем, что христиане Востока в большинстве своем принадлежали не к Католической Церкви, а Апостольской, Православной, Сиро-яковитской и прочим церквям? Фраза «*вышла процессия христиан»* [6:53] натолкнула нас на подобное суждение, однако тут же Тафур даёт пояснение: *«а именно: католики (три монаха-францисканца из числа живущих там), грек, яковиты, армяне…итак, семь типов христиан»* [6:54]. То есть католики тоже попадают под термин «христиане» в понимании Тафура. Ещё одна цитата*: «и там нас вышли встречать все христиане, как греки, так и от всех других христианских народов, отвели нас на большую площадь, что перед Гробом Господним, и там мы вознесли молитву.»* показывает, что хоть это были представители разных ответвлений христианства, на Святой Земле они молились все вместе. То есть отношение Перо к христианам и мусульманам одинаково нейтральное. Правда, стоит сказать, что, вспоминая Египет, Тафур пишет: *«место великого поклонения для нас, христиан!»* [6:86], однако такой случай чуть ли не единичен.

На протяжении всего рассказа Тафура мы замечаем, что этот идальго вхож во все королевские дворы, куда бы он не приехал. В целом, в числе лиц, с которыми путешественнику удалось лично пообщаться были папа Евгений V, император Иоанн VIII Палеолог, маркиз Феррары Николло д`Эсте, султан Мурад II, и этот список можно продолжать. Важно то, что в течении всей своей поездки Тафур общается исключительно с людьми высоко ранга, с высшими сановниками или же просто известными (к примеру, венецианский купец Николо ди Конти). Перо крайне избирателен в своем окружении, он находит общество по принципу выгоды, в этом нельзя усматривать корыстную цель, а именно деньги, напротив кастильский идальго был крайне щедр к другим и категорически отказывался пользоваться материальными благами людей. В данном случае под «выгодой», по нашему мнению, имеется в виду получение ценных знаний, освоение нового, что, в принципе, отвечает цели его поездки. Следовательно, помимо этнического аспекта для Тафура важен и социальный.

Итак, подводя итоги данного исследования отметим, что Тафур довольно-таки социализируемый человек. Он не слепой фанат христианства, Перо оценивает человека не по религиозной принадлежности, а по его статусу в обществе и в принципе насколько этот человек полезен: образован ли он, каково его положение. В каждом он, в первую очередь, стремится разглядеть именно личность и его человеческие достоинства. Наш путешественник много общается с мусульманами, при этом он не рассматривает их как врагов. Мусульмане – враги лишь на полях битвы. Напротив, мы наблюдаем постоянную взаимопомощь с обеих сторон. Кроме того, на основании сравнитель-

ных характеристик мусульман и христиан мы приходим к выводу, что конфессиональный признак не есть основной. Бесспорно, он важен, но нельзя придавать ему формообразующее значение. Также мы не можем умалять роль религии, тем более в Средние века, однако, как показывает наш источник, при общении с мусульманами Тафур и в общем-то другие христиане руководствуются иными мотивами, не имея при этом априорно – предвзятого отношения. В числе таких мотивов, а скорее даже принципиальных признаков социальный и, конечно же, человеческий. Религии и этносу противостоит единый человеческий фактор, даже принципы такие, как доблесть и честь, высоко ценимая обеими сторонами. Доблести, чести, благородству придавалось огромное значение, и мы уверены, что вышеуказанные примеры не исключение из общего правила, а реальное отражение жизни и взаимоотношения людей друг с другом. Вообще, наш путешественник не ведет себя как крестоносец, но как элита. Он ездит и ведет себя, как подобает элите. Его принцип общения строится на сословности. У него отсутствуют внутренние установки на генерализацию. Нельзя не брать во внимание наличие негативных ситуаций, которые, как правило, выражались в войне или грабежах, но такие же ситуации случались и среди христиан. При этом мы не встречаем негативного отношения к людям, нет презрения и отвращения, а в некоторых случаях, наоборот, восхваление и уважение. Учитывая то, что благородство играло важнейшую роль в коммуникации, мы заключаем, что благородство не заключается только в личных качествах, это целый комплекс стиля жизни.

Таким образом, люди, исповедующие ислам, для Тафура такие же люди, как и он сам. В некотором смысле Перо Тафур – человек переходной эпохи, он мыслит уже более широко, чем его предшественники. Перо наполнен желанием познания, созерцания прекрасного и заимствования достижений других культур. Наш путешественник воспринимает мусульман как обычных людей и с уважением относится к ним и их обычаям в целом.

Примечания.

1. Альтамира -и- Кревеа Р. История Испании. Т.1. Москва. 1951.
2. Варьяш И.И. Идентификация de morte // Человек XV столетия: грани идентичности. М., 2007.
3. Волкова Г.И., Дементьев А.В. Учебный испанско-русский лингвострановедческий словарь-справочник. М., 2006.
4. Масиель Санчес Л.К. Об одном средневековом путешествии: соблазны и соблазн // Культура: соблазны понимания. Материалы научно-теоретического семинара (24-27 марта 1999 года). Петрозаводск, 1999. Ч.2.
5. Масиель Санчес Л.К. Придворная одиссея одного кастильского идальго XV в. // Двор монарха в средневековой Европе: явления, модель, среда. Под ред. Н.А. Хачатурян. М.; СПб, 2001.
6. Тафур Перо. Странствия и путешествия / Перевод, предисловие и комментарии Л.К. Масиела Санчеса, Москва, 2006.
7. Ochoa Anadón J. A. El valor de los viajeros medievales como fuente histórica // Revista de literatura medieval, 2 (1990).

8. Ramírez de Arellano R. Estudios biofráficos: Pero Tafur // Boletín de la Real Academia de la Historia, 41 (1902).
9. Rubio Tovar, J., Vallejo Girvés, M. y Gómez Espelosín. Viajes y visiones del mundo. Madrid/Malaga, 2008.
10. Rújula Lopez, Pedro Víctor, «Viajeros ilustrados y románticos: consideraciones metodológicas para la utilización de los libros de viaje como fuente histórica». Zaragoza, 1994.
11. Sofía M. Carrizo Rueda. Los libros de viajes medievales y su influencia en la narrativa áurea. Buenos Aires, 1993.

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ЭМАНСИПАЦИЮ ЖЕНЩИН БРИТАНИИ

Е. С. Панина

МГУ им. М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия, katya.panina@gmail.com

"Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда и его жены виделось современной публике делом гораздо меньшего интереса, чем ирландский вопрос, суфражистки и планы на лето" [4: 10]. Так пишет о наступление Первой мировой войны современница ее кровавых событий, Констанс Пил. Действительно, большинство простых англичан до вступления Великобритании в Первую Мировую войну 4 августа 1941 года, еще не подозревало, как сильно и стремительно будет меняться их жизнь под влиянием разворачивающихся событий. Не знали об этом и женщины, жизнь которых уже никогда не станет прежней. Процесс эмансипации женщин, начавшийся в то время, продолжается и по сей день, ввиду чего крайне интересно обратиться к его истокам.

До наступления войны идеал женщины все еще был воплощен в образе "домашнего ангела", столь популярного в Викторианскую эпоху, так или иначе в годы Первой Мировой войны образ идеальной английской девушки стал совсем иным - она должна быть деятельной, бесстрашной и отлично знающей свое дело [11: 54].

С началом войны в Великобритании наблюдался всеобщий патриотический подъем, столь сильный, что даже суфражистки, привыкшие шокировать публику эксцентричными выходками, забыли о своей политической деятельности и бросили все силы на помощь своей родной стране. Конечно, звучали и пацифистские призывы не помогать правительству в войне, но они так и не получили должной поддержки.

Отправив своих мужчин на фронт женщины не желали оставаться в стороне. Чрезвычайно популярным стало вступление в ряды Красного креста и различные женские военные отряды. Поразителен тот факт, что для многих девушек подобная альтернатива повседневным занятием стала буквально шагом в новую жизнь. Зачастую в V.A.D. вступали "красивые девушки лет двадцати, которые никогда до войны не выходили из своего дома в Лондоне в одиночку", чем безмерно шокировали своих виктори-

анских бабушек [8: 352]. Тем не менее, общество часто осуждало этих девушек за отсутствие должных выносливости и дисциплины.

С 1917 года и вовсе начинают создаваться женские вспомогательные армии, которые занимались работой в тылу. Но, несмотря на ответственность и важность подобной работы, родственники девушек стеснялись признаваться в том, что те состоят в войсках, ведь это противоречило традиционным представлениям о женщинах [4: 128].

Первой из них стала Женская земледельческая армия (Women's Land Army), отвечавшая за вовлечение женщин в сельскохозяйственные работы. Однако, с распределением девушек возникали трудности - многие фермеры не желали брать на работу женщин, ссылаясь на отсутствие физических сил и неприемлемый внешний вид для работы в поле [4: 108]. Женская земледельческая армия также способствовала постепенному переходу к практике использования «мужского седла» во время верховой езды. В 1916 году в приличном дамском журнале появляются снимки девушек в брюках, скачущих на лошади в мужском седле [7: 272]. До войны подобные фото нашли бы оскорбительными. Но после того, как девушки осознали удобство брюк, резко возросла популярность "мужской одежды" в сельскохозяйственной работе, что видно по рекламе готового костюма для работ на ферме [9: 6].

Появление женских брюк, вызванное их удобством для работы, в тоже время, в некоторой степени декларировавшее равенство женщин с мужчинами, даже привело к недовольствам - брюки называли бесчестной одеждой для женщин, из-за чего многие девушки стеснялись надевать свои "двуногие платья" т.к. боялись быть осмеянными [4: 112]. Тем не менее, их популярность набирала обороты: первыми удобство брюк оценили члены женской земледельческой армии, которые стали носить брюки не только во время работы, за что на них могли пожаловаться их начальству.

Кроме того, среди дам стала набирать популярность работа на фабриках. До войны женщины составляли лишь четверть от общего числа фабричных рабочих, а к 1918 число работниц в различных отраслях производства увеличится от 2-х до 6-ти раз [11: 56]. Зимой 1914 - весной 1915 года правительство, осознав критическую нехватку рабочих рук, было вынуждено призвать девушек на фабрики. На производства двинулись не только представительницы рабочего класса - к ним присоединился, хоть и не большой, поток девушек из среднего и высшего классов, вдохновленных романтической идеей помощи Англии. Чаще всего таких особ принимали с вызовом – сказывалась разногласия между слоями общества [1: 48-49].

Конечно, работу на фабрике нельзя назвать приятной и здоровой - много сил девушки тратили на создание минимальных условий комфорта и борьбу с болезнями, которые были чрезвычайно распространены среди фабричных работниц. Тем не менее, большинство девушек предпочитало фабрику более традиционным женским занятиям из-за заметной разницы в зарплате. Однако, это оплата была все равно меньше, чем у мужчины, работающего на тех же условиях, хотя изначально предполагалось, что оплата мужского и женского труда во время войны будет равной [1: 54]. В этом случае не могли не высказать свое неудовольствие тред-юнионы, считавшие, что появление равной оплаты приведет к снижению заработной платы у мужчин, т.к. женский труд считался менее эффективным, а значит, более дешевым.

Сам факт того, что девушки, изготавливали оружие, сломал некий гендерный стандарт, превратив женщину, традиционно "дающую жизнь", в женщину, причастную к культуре смерти [2: 267].

Девушки требовались не только на фабриках и в госпиталях: они становились полисменами, продавцами, водителями, фонарщиками - везде нужно было заместить мужчин. Жены лавочников и торговцев взяли на себя управление бизнесом. Тем не менее, в военные годы большая часть торговых предприятий была обречена на крах. После того, как правительство осознало роль женщины в заготовках провизии, на службу в Министерство продовольствия были приняты две женщины [4: 79]. Постепенно помещать женщин на публичные должности стало даже модным.

За время войны произошла сильная трансформация в отношение женщин к работе: "женщины, которые никогда прежде не зарабатывали себе на жизнь, желали работать, потому, что увидели свое право на это" [4: 106]. К тому же, в отличие от мужчин, они в большинстве случаев имели индивидуальный, а не семейный заработок, что позволяло им более свободно, и более того, полностью самостоятельно распоряжаться зарплатой, не исходя из ограниченного количества денег, выдаваемых на карманные расходы отцом или мужем [4: 52].

Такая свобода приобретений не могла не привезти к развитию моды и новых фасонов. Сыграл свою роль и фактор повсеместный роста цен, затронувший и текстильную промышленность. С началом войны даже одежда представителей высших классов стала более скромной [4: 52]. Подобная экономия стимулировала фантазию девушек, вынужденных изобретать новые туалеты исходя из ограниченного количества ткани и ее выбора. При всем этом, во время войны женщины и девушки стали покупать не меньше, а больше одежды: "в 1917 году девушки приобретали больше одежды, чем в 1915" [4: 67].

Отдельно стоит отметить метаморфозы, произошедшие с длинной юбок во время войны: если в декабре 1914 года короткой считалась та юбка, которая намекала "на видимость лодыжек, то к началу января 1915 года девушки шокировали публику "экстравагантной юбкой шести дюймов от пола", что равно чуть более 15 сантиметрам [3: 127]. В июле 1916 года реклама предлагает дамам купить юбки для работы в саду, минимальная длина самого маленького размера - 27 дюймов, что равно примерно 70 сантиметрам, т.е. ее подол находится уже на высоте 25 сантиметров от пола для девушки среднего роста [6: 3].

И хотя обувь на высоком каблуке продолжала считаться экстравагантным признаком дурного вкуса [5: 187], поколение девушек, достигших совершеннолетия к 1920 году уже не считало губную помаду чем-то неприличным и отталкивающем [12: 198]. В моду стали входить невообразимые ранее короткие женские стрижки, уход за которыми уже не отнимал столько времени, как раньше.

Изменилась и роль декоративной косметики, "чрезмерное" использование которой ранее приравнивалось к распутству и блуду. Свою роль в ее "принятии" сыграл тот факт, что женщины начали проводить большую часть своего дня вне дома. Конечно, общественный транспорт с его духотой и толпами выбивал дам "из колеи" и заставлял прибегать к таким спасительным средствам как пудра [3: 127-128].

Военные условия, как и новый вид занятости для женщин - работа, побудили женщин проводить дома меньше времени. Успехом пользовались всевозможные организации, карточные клубы и танцы - там дамы могли расслабиться и удовлетворить свою потребность в новостях.

Постоянное нервное напряжение привело к резкому росту употребления алкоголя и сигарет среди женщин.. Правительство считало, что это явление было вызвано тем, что дамы остались без мужского контроля [4: 61]. Вследствие этого было сильно сокращено время, в которое можно было купить выпивку. Естественно, это привело к появление ночных заведений, в которых приносили напиток с романтическим названием "Спящая красавица", где крепкие напитки подавали в кофейных чашках, а шампанское выдавали за лимонад [4: 79].

Клубы стали основным местом для встреч девушек и молодых людей в военной форме, а среди девушек даже появилась традиция угощать офицеров [4: 70]. Все это стало следствием лихорадки хаки, охватившей Британский остров и вызвало возникновение Женской полиции, в обязанности которой вверялось сохранение морали и порядка.

Англичанками овладела сжигающая страсть к мужчинам в форме. Интересно, что во всем движении "хаки" прослеживалась потеря социальных и классовых условностей. И хотя, основную массу страдающих лихорадкой составляли рабочие девушки, пресса видела в этом явлении угрозу нравственности среднего и высшего класса [10: 327]. На популярности "лихорадки хаки" сказались и другие реалии военного времени: многие девушки с начала войны потеряли свою работу - шляпные мастерские, производства кружев, ателье, кондитерские - на время войны большинство из них было забыто. А их работницам оставалось только околачиваться около военных лагерей и флиртовать с офицерами. Все это вызывало у девушек иллюзию причастности к всеобщей деятельности [10: 329].

"Жизнь коротка и мы наслаждаемся ей пока можем" [4: 68] - говорили девушки. Молодые пары влюблялись, женились, потом мужчина уходил обратно на фронт, где на следующий день мог погибнуть или остаться инвалидом на всю жизнь. "Представляешь, бедного Бобби убили!"- такие фразы постоянно слышались повсюду [4: 70]. Конечно, все эти ужасы войны не могли не вылиться в желание забыться в танцах, алкоголе, авантюрах и наркотиках.

Большую проблему для правительства создало распространение венерических заболеваний, что привело к установлению комендантского часа в городах, где стояли войска. Вина за падение нравственности накладывалась исключительно на женщин - если девушку подозревали в заражении солдата, то ее могли подвергнуть унизительному медицинскому осмотру, аресту и даже наказанию [2: 269]. Во всем этом суфражистки, впрочем, не без основания, видели систематическое подчинение женщины мужчине. Впрочем, даже такие меры предпринимались не без причины: один из врачей, работавших во время войны, утверждал, что за последние пять лет он увидел больше случаев промискуитета чем за свою сорокатрехлетнюю практику [10: 341].

По своей сути, лихорадка хаки стала вопиющим вызовом традиционным представлениям о том, что сексуальное целомудрие является неотъемлемой частью образа

респектабельной женщины. И хотя подобное поведение вызывало мучительный ужас среди высших классов, мораль и сексуальное поведение женщин изменились безвозвратно.

Оставшись без мужчин во время войны, английские женщины могли расчитывать только на себя - девушкам приходилось самостоятельно зарабатывать на жизнь, в одиночку выходить из дома, справляться со множеством бытовых проблем. Возможно, именно это стало основной причиной столь быстрых изменений жизни женщин. Война стала своеобразным "мостом" из мира, в котором "женщины приравнивались к детям и дегенератам, и не имели даже статуса гражданина" [4: 9] в мир, где "две девушки в униформе могли зайти в небольшой лондонский ресторан, заказать ужин и беззаботно раскурить сигареты в ожидании заказа" [4: 109].

Ближе к концу войны стало очевидно, что война не может быть выиграна без женской помощи в тылу, и к 1917 году даже уважаемые газеты стали отмечать, что женщины должны быть награждены голосом, о котором те давно мечтали, за свой вклад в национальные усилия во время войны [13: 88].

После окончания войны в 1918 году английские женщины получили свой голос. Естественно он давался далеко не всем - право голосовать получили замужние женщины старше 30 лет. Но и это уже было одним из признаков того, что Первая Мировая война навсегда изменила мир.

Примечания.

1. Braybon G. Women workers in the First World War. London, 1981.
2. Grayzel S. R. Women and men // A Companion to World War I. Б.м., 2010. С. 263 - 278.
3. Marwick A. Women at war, 1914-1918. Glasgow, 1977.
4. Peel C.S. How we lived then 1914-1918: a sketch of social and domestic life in England during the war. London, 1929.
5. The ladie's field, London, 1916. V. 74, № 955.
6. The ladie's field, London, 1916. V. 74, № 956.
7. The ladie's field, London, 1916. V. 74, № 957.
8. The ladie's field, London, 1916. V. 74, № 960.
9. The ladie's field, London, 1916. V. 74, № 963.
10. Woollacott A. "Khaki fever" and its Control: Gender, Class, Age and Sexual Morality on the British Homefront in the First World War. // Journal of contemporary history. V. 29, № 2. London, 1994. С. 325 - 348.
11. Забелина Н.Ю. Символ мужества и стойкости: женщины Великобритании в годы Первой мировой войны. //Женщина в российском обществе: Российский научный журнал. N. 4. Иванова, 2007. С. 53- 56.
12. Уорсли Л. Английский дом. Интимная история. М., 2016.
13. Шнырова О.В. Суфражизм и избирательная реформа 1918г. // Вестник Ивановского государственного университета. № 4. Иваново, 2013. С. 82 - 89.

ДУХОВНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ИМПЕРАТОРА КОНСТАНТИНА

Р. Д. Платонов
ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г.Владимир, Россия, platonckic@yandex.ru

Флавий Валерий Константин родился 23 февраля 272 года н.э в Верхней Мёзии в городе Наисс, ныне Ниш в Сербии [2;22].Отцом Константина был Констанций Хлор (250-306), иллириец по происхождению, в молодости служивший в рядах римской армии, где зачастую ему приходилось вступать в сражения с варварами в Британии, Галлии и на Рейне. Так, в 288-289 гг. ему довелось отличиться среди командиров во время военной кампании против алеманов. При обороне крепости он сумел уничтожить 60 тыс. алеманов [5:IX,23]. Он сумел добиться уважения у императора Диоклетиана и позднее получить доступ к императорскому двору. Матерью Константина была Флавия Юлия Елена (250-330). Родилась в Вифинии в семье трактирщика, помогала ему по хозяйству. Здесь же она в 60-е гг. IV в. повстречала Констанция.

Детство Константина пришлось на трудное для Римской империи время. С приходом к власти императора Диоклетиана в 284 г. заканчивается политический кризис, длившийся почти полвека, когда императорская власть переходила из рук в руки в результате бунтов, заговоров и дворцовых интриг. Путем проведения ряда реформ ему удалось установить в государстве порядок. Осознавая, что Римская империя – большое государство, и управлять ею одному достаточно сложно, Диоклетиану пришлось разделить государство на 4 части, назначив себе трех помощников и доверив им управление рядом провинций, в которых было увеличено войско, поддерживавшее порядок в них [7:VII,3]. В историю это вошло под названием «тетрархии». Но Диоклетиан не ограничился преобразованиями, направленными на выход империи из политического кризиса. Он считал, что главным врагом государства являются христиане [6:34]. В 303 г. было дано начало масштабным преследованиям сторонников христианства. В результате его гонений христиане пережили один из самых страшных периодов, вошедший в историю как «Великое гонение», начавшееся с разрушения храма в Никомедии. Позднее было издано три эдикта антихристианской направленности. Летом 303 г. Диоклетианом был издан указ, по которому все христианские церкви и епископы подвергались аресту. У них изымались Библии, а им самим было запрещено проводить обряды. Третий эдикт подразумевал проведение всеобщей амнистии для священников, согласившихся принести жертву языческим богам. Тех, кто не хотел делать этого, ждала мученическая смерть.

Следует отметить, что это было большим потрясением для Константина. Его отец Констанций Хлор был единственным из тетрархов, не согласным с политикой гонения. Он симпатизировал последователям христианской религии. Да и сам Константин был свидетелем этих событий. В 296 г. он как сын цезаря сопровождал Диоклетиана в его походе в Египет и Палестину с целью подавить восстание узурпатора Домиция Домициана. Видя, как проходит гонение на христиан, Константин постиг главные добродетели жизни, а именно целомудрие и воздержанность. Он научился понимать цену каждого знания и не оставлял без внимания ни науку, ни искусство. Впоследствии это

пробудило в нем интерес к христианству. В 304 г. издается новый эдикт против христиан, который можно считать одной из предпосылок проведения Константином его религиозной политики. Эдикт требовал, чтобы каждый участвовал в проведении общественного жертвоприношения, вне зависимости от пола и возраста.

Констанций Хлор не был идолопоклонником. После издания последнего эдикта он заявил, что те, кто приносят жертвы идолам, могут оставаться с ними, а те, кто этого не делает, может иметь доступ к Хлору. В своем доме он содержал христиан. Тех кто, становился идолопоклонником, он изгонял, как предателей Бога. Христиан, оставшихся верными своей религии, он намеревался сделать своими телохранителями, придворными и верными, надёжными друзьями [4:I,16]. Вероятно, Константин, увидев преданность христиан своим идеалам, осознал всю силу этой религии.

Долгое время Константину приходилось жить при дворе Диоклетиана как заложнику. Но в 305 г. император сложил с себя полномочия, разделив свою власть между Констанцием Хлором, которому достался запад, и Галерием, под власть которого перешел восток. Константин тайно сбежал и к концу того же года был в Йорке. К тому времени его отец сильно болел и в 306 г. скончался. Константин стал его преемником. Сразу же после смерти Хлора воины Константина провозгласили его августом. Этот момент можно считать предпосылкой его религиозной политики, так как именно в этот период началось формирование прохристианских взглядов Константина.

В течение последующих 6 лет Константин вел борьбу с Максимианом Газой и Максенцием за власть в Римской империи. В первые годы своей власти Константином был издан эдикт, позволявший восстанавливать христианские церкви. Данный указ не был оглашен публично из-за того, что правящий император Галерий был ярым противником христианства, таким же, как и Диоклетиан. Дабы не вызвать его гнева, указ был передан епископу Евмению, а тот с радостью оповестил о нем всех священников [2:79].

В эти годы у Константина формируется интерес к христианству. Точно неизвестно, что именно подтолкнуло его к такому выбору. Британский ученый Эдуард Гиббон пишет: «Живший при его дворе красноречивый Лактанций, по-видимому, спешит возвестить миру о славном примере монарха Галлии, который с первого момента своего воцарения признал величие истинного и единого Бога и стал поклоняться ему [3:8]. Ученый Евсевий приписывает веру Константина чудесному знамению, появившемуся на небе в то время, как он замышлял и приготовлял экспедицию в Италию»[3:9]. Возможно, Константин видел в данной религии идеологию, которая позволила бы установить мир в римской государстве.

В те годы Константин пришлось стать свидетелем новых гонений на христиан, инициатором которых стал Максимин II Даза (270-313), ставший цезарем в 305 г. Новые гонения были крайне жестокими [7:XXI].

Константин осознавал, что такие дела могут полностью уничтожить империю. В течение нескольких лет в борьбе за власть он побеждает Максимиана Геркулия. Но оставался Максенций, засевший в Риме. Константин хотел использовать новую религию, чтобы спасти империю от краха. И для этого следовало покончить с теми, кто отвергал христианство как религию, отдавая предпочтения старым богам. Именно такими людьми были Максенций и примкнувший к нему как союзник – Максимин Даза.

Решающее сражение между армиями Константина и Максенция произошло в 312 г. у Мульвийского моста, расположенного рядом с Римом. Незадолго до этого случилось событие, которое можно считать первым деянием Константина в его религиозной политике. Константин готовился к решающему сражению с Максенцием, и ему был необходим отдых. Во время молитвы Константину пришло знамение. На небе он увидел крест, на котором было написано «Сим знаменем победишь»[4:I,29]. Константин надеялся на помощь Бога и велел своим воинам изготовить такое же знамение из золота и драгоценных камней и с ним же идти в бой. Так, объект вековых гонений стал символом почитания.

28 октября у Мульвийского моста сошлись армии Максенция и Константина. Армия Константина уступала в количестве армии Максенция – 100 тысяч против 188 тысяч человек [1:145]. Во время боя армии Константина удалось оттеснить противника к реке. Из-за ненадежной позиции в рядах армии Максенция началась паника. Никто уже не был в силах сдерживать натиск армии Константина. Началось массовое отступление войска на левый берег Тибра, через понтонный мост, куда устремился и Максенций. Но у моста, который не смог сдерживать такого наплыва, лопнули канаты, и он распался на части. Максенций и многие воины погибли в реках Тибра. Так закончилась жизнь Максенция.

Именно битва у Мульвийского моста стала первым деянием религиозной политики Константина Великого, потому что в ней впервые были использованы христианские символы как знамя. Победа в этой битве способствовала установлению власти Константина и проведению в дальнейшем его политики в области религии.

Примечания

1. Бейкер Дж. Константин Великий. Первый христианский император. М.: Центрполиграф, 2004. 351 с.
2. Власов С. Константин Великий. М.: Молодая гвардия, 2001. — 310[10] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей, вып. № 811)
3. Гиббон Эд. История упадка Римской империи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-libra.ru/read/361826-istoriya-upadka-i-krusheniya-rimskoj-imperii.html (дата обращения: 15.03.2018).
4. Евсевий Кессерийский (Памфил). Жизнь Константина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Kesarijskij/o-zhizni-blazhennogo-vasilevsa-konstantina/ (дата обращения: 17.03.2018).
5. Евтропий. Краткая история от основания города. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/acts/04/onomastik/istoriki_1.htm (дата обращения: 10.03.2018).
6. Кравчук А. Галерея римских императоров. Доминат. М.: Астрель, У-Фактория, 2011 — 448 с.
7. Лактанций. О смертях преследователей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Laktantsij/o-smertjakh-presledovatelej/ (дата обращения: 15.03.2018).

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА КОНЦА XVIII ВЕКА ГЛАЗАМИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

П. И. Пономарева
МГУ имени М. В. Ломоносова

Отношения Запада и России, вероятно, будут актуальны во все времена. Помимо политических взаимодействий важны и культурные, а также представление российских граждан о европейских и наоборот. Проблема взаимодействия различных государств освещается с момента возникновения каких-либо контактов. В сферу изучения данной работы входит представление о Западной Европе конца XVIII века глазами русского путешественника на основе работы Николая Михайловича Карамзина «Письма русского путешественника».

В. В. Сиповский убедительно выразил мнение о том, что «Письма» представляют собой литературную обработку впечатлений Карамзина от своей поездки [6:9]. В этом заключается особенность источника– два вида повествования, поэтому не всегда можно говорить о тождестве рассказчика и автора.

Необходимо также помнить, что, исследуя зарубежный регион, путешественник всегда прибегает к сравнению с собственным местом обитания. Поэтому принято считать, что основная установка всех сентиментальных путешествий – это отражение общества и природы сквозь призму личных переживаний автора.

Кроме того, Карамзин провел огромную разностороннюю работу по собиранию материалов для исследования. Ее ключевыми особенностями являются фактичность, научность, погружение в разные сферы. «Письма русского путешественника» 1791-1792 гг. явились для русского читателя целой энциклопедией, содержащей информацию о западной жизни и культуре. Карамзин обстоятельно рассказывает в своем труде о политической жизни западных государств. Таким образом, он не обошел стороной сведения об общественной жизни в Германии, Швейцарии, Франции и Англии. Так, например, находясь в Англии, он не упустил возможности поговорить об английском парламенте, осветить местное судопроизводство, высоко оценить суд присяжных. Кроме того, он говорит о западной науке и культуре, отмечает ученых, интересуется философской и общественной мыслью данных стран.

Исследуя работу, основанную на путевых заметках, нельзя не учитывать субъективный фактор, поэтому время от времени в данной работе встречаются цитаты для более полного отражения авторской точки зрения.

Итак, первой страной, которую посетил Карамзин, стала Германия. Прежде всего, необходимо сказать, что понятие «Германия» включает в себя Пруссию и Саксонию.

Карамзин восхищается Германией как страной современной философии, главным представителем которой считается Кант. Кроме того, писатель восхищается бытовой культурой Германии и ее средневековой историей. Однако Карамзин описывает и, с его точки зрения, недостатки государства: не принимает излишнюю военизацию государственного быта, особенно в Пруссии, и не приемлет чувство национальной замкнутости

немцев, отмечает негативное влияние полицейской государственности на свободу и жизнь нации.

На протяжении всего путешествия автор не забывает упомянуть состояние дорог в Германии, которые, по его словам, «везде прескверные», а «улицы в маленьких городках и местечках так дурны, что с трудом проехать можно» [2:185].

Далее, писатель обращает внимание на немецкую архитектуру, которая представлена старинными домами, расписанными разными красками, что для глаз русского путешественника весьма странно. Кроме того, Карамзин отмечает немецкие трактиры, блюда в которых приготовлены хорошо и стоят дешево.

Приезжему человеку свойственно обобщать, поэтому духовный, общественный, политический образ жизни нескольких городов Германии формирует представление о государстве в целом.

Еще одной страной, представляющей интерес для изучения, становится Франция, в которой автор сначала оказывается проездом, направляясь в Швейцарию. Для Карамзина Франция – это страна богатейшей истории и культуры, охваченная революцией. Революции всегда представляются историкам предметом интереса и опасности.

Не успев пересечь границу, исследователь чувствует напряженную атмосферу. Писатель отмечает: «Везде в Эльзасе приметно волнение». В Страсбурге начинается новый бунт, «солдаты не слушаются офицеров, пьют в трактирах даром, бегают с шумом по улицам, ругают своих начальников» [2:202]. Безусловно, охваченная волнениями европейская страна привлекает исследователя своей нестабильностью, однако и к этому местные жители привыкли.

Прибыв в Швейцарию, Карамзин ликует, наслаждается страной «живописной Натуры», «землей свободы и благополучия» [2:207]. Даже воздух представляется ему как нечто оживляющее. Базель, наибольший из всех городов Швейцарии, однако, не впечатляет автора своим благоустройством: ничего, кроме двух огромных домов банкира Саразеня, не может подойти под описание хороших зданий, кроме того, улицы плохо вымощены, некоторые переулки заросли травой.

В жителях путешественник находит некоторую важность, которая, по мнению автора, больше походит на угрюмость, которая ему совсем неприятна. Характер жителей он читает в лице, в походке. Русский путешественник отмечает отменную чистоту, которую можно наблюдать в домах граждан и трактирах; некоторые путешественники называют ее швейцарскою добродетелью. Только женщины, на взгляд Карамзина, здесь «отменно дурны».

Таким образом, Швейцария стала страной с наиболее светлым описанием. Можно заметить идеализированное видение автора, который, однако, не упускает нюансы.

Проведя несколько месяцев в Швейцарии, путешественник отправляется во Францию.

Итак, первым французским городом на пути Карамзина был Лион. Путешественника интересовало абсолютно все – театр, античные развалины, менталитет местных жителей. Если говорить об античной архитектуре, то старинные аркады и остатки римского водопровода заставили автора задуматься о том, что предел всех желаний и надежд современников ограничивается лишь исчислением своих дней, «никто не хочет

садить дуб без надежды отдыхать в тени его» [2:128]. Одна мысль о том, что здесь раньше обитали римляне, поражает сознание путешественника.

Ему довелось увидеть постановку пьесы Бульи «Петр Великий». Она была сыграна актерами весьма старательно, но Карамзина забавляют недостаточные познания постановщика и оформителей о России.

Но пора покинуть Париж и отправиться в Лондон. Следует отметить, что путешествие в Париж и Лондон были основными целями данной поездки. Самые первые впечатления русского путешественника свидетельствуют о давнишнем интересе к Англии. Он восхищается повсеместным порядком и не преминул заметить разницу между английским светским обществом и русским. Хорошо образованные англичане, как правило, прекрасно владеют французским языком. Но предпочитают изъясняться по-английски. Карамзин отмечает, что в нашем высшем обществе невозможно обойтись без французского языка.

Из светского общества Карамзин переносит читателя в лондонские суды и тюрьмы. Здесь он вникал в особенности местного судопроизводства и содержания преступников. Более того, дал высокую оценку суду присяжных, при котором жизнь человека зависит только от закона, а не от других людей.

Следующий объект исследования, который ранее не привлекал русских путешественников – больница для умалишенных, Бедлам. Пребывание в этом месте приоткрыло занавес, заставило задуматься о причинах безумия этого века, которого, как считает автор, раньше не существовало. Он отмечает, что нравственных причин намного больше, чем физических; этому способствует современный образ жизни.

Описывая семейный жизненный уклад страны, он приятно удивлен благонравием англичанок, для которых выход в свет настолько редок, что это целое событие. В этом случае, путешественник вновь проводит параллель с русским высшим обществом, которое стремится к бесконечному пребыванию в гостях или их приему. Ответственность за женские нравы возложена автором на мужской пол.

Завершая свое путешествие по Англии, Карамзин пишет: «Я и в другой раз приехал бы с удовольствием в Англию, но выеду из неё без сожаления» [2:162].

Итак, подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что от внимания Карамзина не уходили ни особенности светской жизни, ни быт простых горожан. Он стремился описать максимально подробно все сферы бытия за рубежом.

Однако не стоит забывать, что форма «Писем» - это некая условность, но автор пытается создать иллюзию их подлинности. Все события, описанные в них, показаны через восприятие героя. Ю. М. Лотман считал, что это роман о формировании души героя, так как его чувства постоянно эволюционируют [5:211].

Западная Европа глазами русского путешественника – это территория с богатым культурно-историческим наследием, со своими особенностями ландшафта, который не менее поражает. Здесь постоянно происходят изменения, на которые русский человек не должен закрывать глаза. Кроме того, он должен знакомиться с достижениями других народностей, какой бы это сферы жизни ни касалось. Именно поэтому русским идеалом монарха для Карамзина представляется образ Петра Великого, перенимающего идеи европейского просвещения.

Следует также учитывать, что идет постоянное сравнение какого-либо европейского государства со своим, так как незнакомый ранее с другими странами человек может сопоставить жизненный уклад государства лишь с представлениями о нем на своей родине. Таким образом, читатель может узнать и о процессах, происходящих в Российском государстве в данный период.

Карамзин стал достойным представителем русского государства, который смог не только создать положительное впечатление о своей стране, но и донести всевозможную информацию до отечественных читателей.

Примечания.

1. Жизнь и творчество Н. М. Карамзина. Вступительная статья П. Беркова и Г. Макагоненко // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. М.-Л.: Художественная литература,1964 г.
2. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987.
3. Л. Г. Кислягина. Н. М. Карамзин как явление европейской культуры эпохи Просвещения. М.: Наука, 1999 г.
4. Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII в. М.: Высшая школа, 2000 г.
5. Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987 г.
6. Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб.: Альфарет, 2009 г.

ГИЛЬОТИНА КАК ОРУДИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА

А. В. Радченко

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, lexavlsu@gmail.com

История человечества знает много способов казни, но именно гильотина стала этой машиной, рожденная во имя блага и идеями гуманизма, духом просвещения так и не смогла привнести тот луч гуманности в человеческое общество, но обо всем по порядку. Если заглянуть в словарь, то можно встретить такое определение гильотины (фр. guillotine): это машина для приведения в исполнение смертного приговора посредством отсечения головы. Отсюда, казнь при помощи гильотины именуется гильотинированием [6].

Интересно, что человек, чьим именем названа повсеместно известная машина для умерщвления был убежденным противником смертной казни. Жозеф Гильотен – профессор анатомии, депутат Учредительного собрания, член конституционной ассамблеи считал, что смертная казнь неприемлема, что от нее необходимо отказаться, но живя в эпоху перемен, во время революции, также понимал, что быстро этого сделать нельзя. И тогда он выдвинул идею о том, что казнь нужно сделать безболезненной быстрой, и одинаковой для всех[5].

Гильотен стал автором идеи, которую огласил в декабре 1789 в Учредительном собрании, призывая проводить процедуру казни без пыток и как можно быстрее[1]. В октябре того же 1789 года он с трибуны Национального собрания рассказывал аудитории о преимуществах подобной машины, способной быстро и безболезненно казнить человека. «Моя машина, господа, отрубит вам голову невообразимо быстро, и вы не успеете ничего почувствовать!..». Но тогда его выступление не привлекло особого внимания депутатов. И уже в январе 1791 доктор снова пытался привлечь внимание депутатов к данному вопросу…

«Прародительницей» машины Гильотена можно считать «виселицу Галифакса», очень похожая на гильотину – деревянная постройка с двумя высокими балками и топором вместо лезвия. Первое упоминание о данной конструкции датировано 1066 годом. Так же у гильотины много других предков: Мэйден из Шотландии, Мендайя из Италии. Все они работали по одному принципу и исключали человеческий фактор в деле казни – рука не дрогнет, да и разжалобить машину не получится[1].

В 1791 году остро встал вопрос о том, что необходимо модернизировать средство казни. Для решения назревшего вопроса попросили выступить хирургическое общество. Через две недели выступал доктор Антуан Луи – известнейший специалист своего времени. Обобщив свои наблюдения, он предложил поддержать доктора Гильотена и сконструировать машину для отсечения головы [5].

Тобиас Шмидт выразил желание создать машину, «способную принести счастье человечеству». Проявив жаркую увлеченность делом, сконструировал данную машину за неделю. Сначала проводили испытания на баранах, потом на трупах. И уже 19 апреля 1792 года гильотину сконструировали в присутствии специально собранной комиссии, в состав которой вошли Доктор Гильотен и Доктор Луи, члены правительства, палач Шарль-Анри Сансон. В присутствии комиссии проводилась «казнь» трупов, где машина показала себя просто прекрасно. После чего было принято принять «чудо машину» на государственную службу [1].

25 апреля 1792 года гильотина была поставлена на Гревской площади в Париже, где с ее помощью казнили Жака-Николя Пелетье, ставшего «первооткрывателем» гильотинной казни. Казнь Пелетье стала отправной точкой «постоянного движения ножа»[2].В народе ее стали называть «Луизетта» или «малышка Луизон» по имени Антуана Луи.

Отныне по закону Франции осуждённых следовало казнить одинаково. 20 марта 1792 года был издан декрет, по которому «всем приговоренным к смертной казни будут отрубать голову способом, который был принят на вооружение в результате консультаций при участии Хирургического общества».

Одним из рьяных противников смертной казни был Максимилиан Робеспьер. «Человек должен стать для человека священен… Я хочу доказать, что сама по себе смертная казнь несправедлива, и, что она не удерживает от преступлений, а, наоборот, гораздо больше умножает их»[1]. Однако, именно при Робеспьере все его сорок дней гильотина функционировала безостановочно. Стоит только вдуматься в цифры. А именно с 10 июня по 27 июля 1794 года было гильотинировано 1373 человека. Сам же Робеспьер так же закончил свою жизнь под ножом гильотины[3].

В период с 1792 по 1795 годы на гильотину по приговору суда было отправлено от 13800 до 18600 человек, около 2800 казненных относятся к периоду якобинской диктатуры. Кроме этого около 25000 гильотинирований было осуществлено по административным положениям. Всего же в период революционных потрясений было совершено от 38000 до 43000 казней с помощью гильотины. Из них 1 278 – аристократов, из которых 750 – женщины, жен ремесленников и землевладельцев – 1500, 1135 – священников, 13660 – простолюдинов и около 40 детей. Далее подобная динамика казней будет существенно снижаться, но свой след в революции гильотина несомненно оставила[1].

Не смотря на все ужасы казней, гильотина полюбилась французам, да, именно, как бы это плохо и безумно не звучало, но ее любили и боялись. На гильотинирование ходили как на представление с участием популярного артиста. Про нее сочиняли куплеты и песни, разговаривали в салонах и кабаках. Появилось много шуток с ее участием, одна из которых имеет место до сих пор, а именно про лучшее средство от головной боли. Гильотина даже стала театральной актрисой, сначала в качестве реквизита, а после в виде сюжетного героя.

Так же в период революции стали популярны разные вещицы, связанные с гильотиной: серьги в форме механизма для казни, браслеты с ее изображением.

И даже в кулинарии успела оставить свой след. В конце застолья к основным приборам могли подать маленькую гильотинку, которой нужно было «обезглавливать» фигурки с изображением известных личностей.

«Святая Гильотина», «малышка Луиза», «народная бритва», «вдова», «мадам Гильотен» – все это лишь некоторые названия, которые давал народ гильотине, что могло быть вызвано как восхищением, так и страхом перед этой машиной. Бытует мнение, что этот «чудо механизм» сэкономил революции кучу пуль и пороха для казни священников, аристократов, сторонников короля и всеми несогласных. Гильотина поистине стала символом Великой французской революции, ее орудием и творением, стала новым шагом в сторону гуманизации процесса казни.Последняя казнь гильотиной была проведена в Марселе, 10 сентября 1977 года. Казнённого звали Хамида Джандуби. Окончательно смертную казнь во Франции отменят лишь в 1981 году.

Примечания.

1. Монестье М. Гильотина // Смертная казнь. История и виды высшей меры наказания от начала времен до наших дней. — М.: Флюид, 2011. — 68
2. Карлейль Т. История Французской революции. Пер. с англ. Ю. В. Дубровина и Е. А. Мельниковой. — М.: Мысль, - 1991. — 575
3. Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. - М., - 2007.
4. Альбер Камю. Размышления о гильотине // Кёстлер А., Камю А. Размышление о смертной казни. - М., - 2003, с. 137—196
5. Генрих Сансон. Записки палача, или Политические и исторические тайны Франции.— М.: Терра, - 1996, - с. 665
6. Гильотина // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907.

«КОРОЛЬ-ПАТРИОТ» В КОНЦЕПЦИИ БОЛИНГБРОКА

А. С. Рябов
ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, ras2306@yandex.ru

Идеи лорда Болингброка о короле-патриоте были главенствующими и определяли содержание риторики о патриотизме в Британии вплоть до 60-х гг. XVIII столетия, времени начала известных масштабных дискуссий о патриотизме.

Одним из известнейших творений Болингброка является «Идея короля-патриота». Это яркое, образное произведение с изобилием витиеватых оборотов и сравнений, где впервые сформулирована и описана фундаментальная основа просвещенного абсолютизма: эффективное руководство государством всецело зависит от воспитания, разумности, а также добродетели государя.

Некоторые историографы склонны к обвинению Болингброка в утопизме, создании политически нереального образа, не отвечающего духу времени. Такого мнения придерживаются, например, исследователи Лабутина Т.Л. и Ильин Д.В. «Эта идея мало подходила для той действительности, в которой пребывало английское общество, поскольку служила призывом к возвращению тюдоровской автократии, «назад к Елизавете» [3], – пишут они в одной из своих работ.

Однако необходимо отметить, что самого «короля-патриота» – главную идею произведения – автор и представляет как «чудо», недостижимый, но желанный идеал, где «моральный фактор» фигурирует в качестве самостоятельного и является весьма влиятельным.

Болингброк постулирует мысль о необходимости политического равновесия между королем, Палатой лордов и Палатой общин. Гарантом такого равновесия власти является король, опирающийся в своих действиях на конституцию. «Едва Король-Патриот взойдет на престол, – писал Болингброк, – это будет целительной панацеей: естественным образом возродится дух конституции, а по мере его возрождения будут восстанавливаться в своей первозданной целостности порядки и формы конституции, которые станут тем, чем им предназначено быть, то есть подлинными преградами произволу власти, а не ширмами и не масками, под которыми будет скрывать свой лик тирания».

Лорд Болингброк заложил основу для формирования определения патриотизма. По мнению лорда, патриотизм «должен быть основан на высоких принципах и подкреплен высокими добродетелями», «должен быть истинным, а не только показным», – лишь в этом случае патриот может считаться «истинным сыном Отечества» и способным достичь великих политических и общественно важных целей [1: 209].

Истинной целью правления Болингброк считает благо народа и ставит во главу угла народную свободу, состоящую из формально-юридических прав сословий и «духа народа», под которым, очевидно, подразумевается воля к сопротивлению тирании. «Законность и свобода – залог сохранения хорошего правления» [1: 215-216], – пишет виконт.

Автор убежден, что как только Король-Патриот окажется на троне – продажность как средство правления перестанет существовать. Король-Патриот избавится от продажных, льстящих, ворующих людей в правительственном окружении. Возродится дух конституции, ибо «для Короля-Патриота нет более святого долга, чем защита и сохранение свободы конституций».

Государство по Болингброку – исторически образовавшийся организм, а не механическое устройство, прототипом государства он называет семью. Патриархальную семью, тем самым подводя нас к мысли, что наиболее эффективной формой правления является смесь конституции с традицией. Говоря иначе – наследственная монархия, не считая при этом неоспоримыми наследственные права конкретной династии. [1: 204].

«Король-патриот» будет опираться на широкую народную поддержку, сосредоточив в своих руках все основные нити управления государством, оставляя партиям лишь вспомогательную роль. Таким образом, Болингброк отрицал самостоятельность партий как политических единиц, претендующих на проведение независимой политики. В качестве идеала выдвигается эпоха Елизаветы Тюдор, когда влияние фракций ограничивалось пределами дворца.

В заключении Болигброк приходит к выводу, что Король-Патриот не изменит человеческую природу, но «он может вмешаться в человеческие отношения, обуздать игру страстей». «И если даже превыше сил его окажется обеспечение полного и всеобщего единения своих подданных, он все же сможет добиться его в достаточно широких границах, чтобы оно отвечало всем намерениям хорошего правления: личной безопасности, общественному спокойствию, благосостоянию, силе и славе» [1: 239].

Таким образом, лорд Болингброк, «проницательный мыслитель, всегда находящийся во власти благородных и великодушных порывов»[4: 261], несмотря на некоторую ангажированность своих взглядов, не только заложил фундамент патриотизма, но и оставил нам в дар нестареющие истины, ибо воспитание, окружение, честность и стремление к лучшему и сейчас являются важнейшими факторами в жизни гражданина и патриота.

Примечания.

1. Болингброк Г. С. Дж. Идея о Короле-Патриоте // Письма об изучении и пользе истории / под ред. М. А. Барга. М.: Наука, 1978.
2. Косых Т.А. Дискуссия о патриотах и патриотизме в Британии 60-70-х гг. XVIII в. С. 241-248. URL: http://hdl.handle.net/10995/41825.
3. Лабутина Т. Л., Ильин Д. В. Английское Просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. - СПб.: Алетейя, 2012. -304 с. - (Pax Britannica). ISBN 978-5-91419-659-9.
4. Честерфилд Ф. Характеры. Болингброк / / Честерфилд Ф. Письма к сыну. Максимы. Характеры. Л., 1971.

СТРАТЕГИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ У. КЛИНТОНА В 1993 – 1996 ГОДАХ

И. С. Скорищенко

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, skorishenko96@mail.ru

В современной науке популярны исследования и обсуждения динамики изменения трансатлантических отношений США-ЕС. Сегодня трудно оспорить тот факт, что Соединенные Штаты Америки и Европейский Союз - ключевые геополитические игроки мира. Это обуславливается совокупной экономической и военной мощью двух партнеров, их интенсивными политическими, экономическими, военными и культурными связями, которые остаются крупнейшими в мире.

Трансатлантический диалог имеет колоссальное значение для определения позиции России в международной политике, это обусловлено ростом вовлеченности России в международные дела. Соединенные Штаты Америки, страны-члены Европейского Союза являются важными экономическими и политическими партнерами Российской Федерации.

Рассматриваемые нами вопросы затрагиваются, в частности, в работах А.И. Уткина «Американская стратегия для XXI века» [8], М.А. Троицкого «Трансатлантический союз. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности 1991-2004» [7], Э. Гарднера «Новая эра в отношениях США-ЕС?» [2], Б. Робертса «Внешняя политика США после «холодной войны»» [4]. Исследователи сходятся во мнении, что после окончания «холодной войны» в отношениях между двумя западными регионами обнаруживается несоответствия в позициях, выявляется частичное взаимонепонимание, проявляется три тенденции в отношениях между США и ЕС. Первая – различия в темпах экономического развития, вторая – различие в направленности интеграционных прогрессах, третья – разная геополитическая ориентированность. В целом авторы склонны предполагать, что Соединенные Штаты и Европейский Союз видят себя в мире отлично друг от друга, различно воспринимают существенные мировые процессы, неодинаково формулируют свои интересы и в целом дрейфуют в различных направлениях [7: 90; 8:115].

Первая половина 90-х годов XX века стала периодом приспособления к глубоким изменениям мировых процессов. В годы президентства Джорджа Буша - старшего начался новый этап в отношениях США и Европейского союза, однако его администрации не удалось сформировать четкой роли для США в мире после «холодной войны» [8:120]. При нем была принята «Трансатлантическая декларация 1990 года» [6], которая определила пути развития отношений между ЕС и США, основанные на общем наследии и прочих тесных исторических, политических, экономических и культурных связях. Документ предусматривал ежегодные встречи на высшем уровне между делегацией ЕС и Президентом США, а также встречи на уровне министров иностранных дел и экспертов.

Период деятельности первой администрации У. Клинтона положил начало переходному этапу в истории отношений США-ЕС. Его можно характеризовать тем, что старые схемы двусторонних отношений изживали себя, а новые еще окончательно не были определены. Для выявления стратегии европейской политики У. Клинтона были проанализированы следующие документы: «Стратегия национальной безопасности 1994 года» [1], «Новая трансатлантическая повестка дня 1995 года» [5] и «Совместный план действий 1995 года» [3].

Изучение данных источников позволяет говорить о стремлении администрации Клинтона выработать комплексный, системный подход к вопросу внешней политики Соединённых Штатов. Их анализ позволяет выделить четыре основные цели американского внешнеполитического курса, как они были сформулированы:

1. содействие миру и стабильности, развитию демократии во всем мире;
2. реагирование на глобальные вызовы, в том числе – сотрудничество в борьбе с международной преступностью, незаконным оборотом наркотиков и терроризмом, проблемами с беженцами, охраной окружающей среды, и инфекционными заболеваниями;
3. содействие расширению мировой торговли и более тесных экономических отношений. Конкретные действия в этой области должны были быть направлены как на многосторонние торговые системы, так и на двусторонние экономические отношения. Экономической опорой НТП становился так называемый Новый трансатлантический рынок (НТР), создававшийся путем постепенного сокращения или устранения барьеров, затрудняющих движение товаров, услуг и капитала;
4. расширение межправительственного диалога. В основе этого процесса виделось увеличение встреч между должностными лицами США и ЕС, начиная от рабочих групп, акцентирующих внимание на конкретных вопросах, до более широких министерских групп [1, 3, 5].

Важным является тот факт, что к 1996 году произошло расширение и углубление контактов США с ЕС [2: 89]. Помимо традиционных встреч глав государств и министров происходили регулярные встречи на уровне старших групп заместителей министров, между чиновниками среднего уровня. Консультации были направлены, главным образом, на спорные вопросы двусторонней торговли, а также сферы, в которых США и ЕС обязались принимать совместные меры (системы безопасности, международной торговли, окружающей среды, науки, здравоохранения, образования и гуманитарной помощи). Эти вопросы заслуживали внимания, поскольку они носили глобальный характер [4: 56]. Кроме того, США и ЕС обязались согласовывать свою внешнюю политику относительно таких регионах мира, как Ближний Восток и Россия, поскольку они были источником серьезных трансатлантических споров.

США были склонны рассматривать ЕС как важного международного партнера для решения глобальных проблем. Сегодня ЕС достаточно часто занимает отличную от США позицию по таким вопросам, как использование военной силы, контроль над вооружениями, по экологическим проблемам и ряду других, однако эти расхождения, на наш взгляд, не угрожают отношениям США-ЕС.

Таким образом, на протяжении первой администрации У. Клинтона США сформулировала новые подходы в отношениях с ЕС, основанные на общем наследии и тесных исторических, политических, экономических и культурных связях; подписала «Новую трансатлантическую повестку дня», которая определила общие цели и пути развития евроатлантических отношений; выработала «программирующий» подход к партнерству с Западной Европой, который был направлен на сохранение и укрепление лидерских позиций США во взаимодействии с западными союзниками в условиях растущей интеграции Западной Европы.

Примечания.

1. A Nation Security Strategy of Engagement and Enlargement. [Электронный ресурс], - URL: http://www.usmilpol.ru/wp-content/uploads/2015/11/1994.pdf.
2. Gardner, A. L. A New Era in US-EU Relations? The Clinton Administration and The New Transatlantic Agenda /A. Gardner. - Aldberhot: Avebury, 1997. – 184 p.
3. Join EU - USA Action Plan 1995. [Электронный ресурс], - URL: http://eeas.europa.eu/archives/docs/us/docs/joint_eu_us_action_plan_95_en.pdf.
4. Roberts, B. U.S. Foreign Policy after the cold war / B. Roberts. - NY.: The MIT Press, 2002. – 161 p.
5. The New Transatlantic Agenda 1995 // Европейская служба внешних связей. [Электронный ресурс], - URL: http://eesa.europa.eu/archives/docs/us/docs/ new_transatlantic__agends_en.pdf.
6. Transatlantic Declaration of 1990 // Европейская служба внешних связей. [Электронный ресурс], - URL: http://eesa.europa.eu/archives/docs/us/docs/ transatlantic__declaration_en.pdf.
7. Троицкий, М.А. Трансатлантический союз 1991-2004 / М.А. Троицкий. - М.: НОФМО, 2004. – 252 с.
8. Уткин, А.И. Американская стратегия для XXI века / А.И. Уткин. – М.: Логос, 2000. – 216 с.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В США ГЛАЗАМИ ТОМАСА «СТОУНУОЛЛА» ДЖЕКСОНА И ЕГО СЕМЬИ

И. Е. Слесарев

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, slesarev.ilya.evg@gmail.com.

Война Севера и Юга является одним из самых драматичных эпизодов американской истории. В отношении причин и природы этого конфликта исследователи высказывали различные точки зрения, которые систематизировали отечественные американисты В.В. Согрин и Т.В. Алентьева [1: 66–79]. В.В. Согрин делит мнения зарубежных историков XX – начала XXI вв. на две группы. Одни ученые придерживаются мнения, что ядром разногласий была проблема рабства. При этом, выдвигались концепции о

позитивном или негативном влиянии рабства на жизнь самих чернокожих невольников [2: 21–25]. Некоторые исследователи считают, что ключевой причиной войны была разница экономических систем. У элиты Севера возникла необходимость преобразования Южных штатов в чисто буржуазное общество и устранения «короля-хлопка» в качестве основополагающего фактора социально-экономического развития. Чарлз и Мэри Бирды определяли конфликт Союза и Конфедерации только как противостояние буржуазно-либеральной и буржуазно-рабовладельческой экономик, не уделяя пристального внимания морально-нравственным и культурным аспектам вопроса. Сам В.В Согрин считает, что разное отношение Конфедерации и Союза к проблеме рабства стало важнейшей причиной военного противостояния [2: 35].

Малоизученной и перспективной исследовательской проблемой является восприятие природы, причин и других аспектов Гражданской войны ее непосредственными участниками – рядовыми солдатами и военачальниками. В данной работе будет показан взгляд самих южан на этот конфликт на примере одного из самых выдающихся генералов Конфедерации Томаса «Стоунуолла» Джексона и его супруги. Цель исследования – раскрыть восприятие Т. Джексоном и его семьей важнейших аспектов конфликта Севера и Юга. Планируется решить следующие задачи: кратко очертить биографию данного военачальника; раскрыть взгляд Томаса «Стоунуолла» Джексона и его семьи на сецессию и вопрос о необходимости войны; охарактеризовать его точку зрения на проблему рабства; рассмотреть религиозный аспект взгляда Томаса Джексона на Гражданскую войну. Источниками для данной работы являются письма генерала и мемуары его второй супруги.

Томас Джонатан «Стоунуолл» Джексон родился в штате Вирджиния. Детство у будущего генерала Конфедерации было тяжелым: его отец ушел из жизни, когда ему было два года. Мать скончалась от болезни спустя пять лет. Воспитывался Томас у дяди по материнской линии. После успешного окончания школы, в 1842 году, он поступил в академию в Вест Пойнт и успешно ее закончил. В период Мексиканской войны 1846–1848 гг. Т. Джексон проявил себя как храбрый и надежный офицер. В 1851 году он был приглашен в качестве преподавателя в Военный институт штата Вирджиния в Лексингтоне. Там же Томас Джексон присоединился к местной общине Пресвитерианской церкви. «Стоунуолл» был дважды женат. Первый брак с дочерью лексингтонского священника Элеонорой Джанкин, заключенный в 1853 году, был трагичным: супруга умерла при родах. Во второй раз Томас Джексон женился в 1857 году на Анне Морисон, которая тоже была дочерью священника [4: 1–4].

Гражданская война застала семью Джексонов в штате Вирджиния. Вопрос о том, как относиться к грядущей войне, в семье «Стоунуолла» возник сразу после того, как конфликт начал назревать. Сам Томас Джексон состоял в Демократической партии, но никогда не был политически активным партийцем. Хотя «он был твердым защитником прав Штатов», сецессия Юга для генерала Джексона была самой последней мерой в борьбе за права Южных штатов. Генерал отмечал, что «сражаться за права Юга эффективнее в составе Союза, нежели вне его» и очень болезненно воспринял выход из Союза в 1861 году [3: 115]. Такая позиция, вероятно, связана с настроениями в самой Вирджинии, где жили Джексоны. В целом, население штата Вирджиния было против

сецессии. Анна, супруга Томаса Джексона, так сравнивает отношение жителей Северной Каролины и Вирджинии к данной проблеме: «Во время поездки в Северную Каролину я была удивлена, как единодушно почти все жители штата поддержали выход из Союза, в моем родном штате все с точностью наоборот» [3: 115]. Настрой вирджинцев изменился только после прокламации А. Линкольна «о мобилизации семидесяти пяти тысяч человек для подавления восстания» [3: 129]. Сам генерал Джексон до конца надеялся, что представителям Генеральной Ассамблеи штата удастся договориться в Вашингтоне и избежать кровопролития. Надежды не оправдались. После провала «мирной конференции», Джексон так описывал результаты этих переговоров: «Печально осознавать, как люди, ведущие переговоры, … угрожают друг другу войной, они не знают всех ужасов войны, а я видел много ужасов войны» [3: 130]. В данном случае генерал ссылался на свой опыт участия в войне между США и Мексикой.

Описывая общий настрой южан уже после сецессии, жена генерала говорила о «прекрасном» расположении духа всего населения, о том, что южные штаты сплотились вокруг общей угрозы, и новобранцы охотно шли записываться в добровольцы: «После отделения от Союза, южные штаты стали единым целым, мужчины всех возрастов начали вступать в ряды армии Конфедерации, а женщины, оставшиеся дома, были эмоционально настроены на конфликт не хуже мужчин» [3: 140]. Сам же Джексон, человек, переживший кровопролитную войну в Мексике, понимал, что этот конфликт обернется катастрофой для американской нации: «Я против войны! – восклицал он в разговорах со своей супругой Анной [3: 141].

В личных письмах Т. Джексон вплоть до первого своего сражения при Харпер-Фери в сентябре 1862 года выражал надежду на благоразумие обеих сторон, на мирное решение конфликта, но в то же время он, как настоящий южанин, был готов сражаться с захватчиками до последней капли крови: «Если альтернативы войне не будет – мы должны сражаться» [3: 141]. Отношение «Стоунуолла» к самой сецессии менялось по мере развития боевых действий, что нашло отражение в его более поздних письмах жене: «Мои надежды на нашу сецессию сильно возрастают» [3: 183]. Рост оптимизма по этому поводу был связан, в первую очередь, с успешными боевыми операциями армии Конфедерации.

Томас «Стоунуолл» долгое время выступал за решение конфликта мирным путем не только из-за горького опыта участия в Мексиканской войне, но и по причине своей глубокой религиозности. Эта религиозность привносила некоторую долю христианского пацифизма в его мировоззрение. В разговоре с пастором церкви в Лексингтоне Джексон высказал следующее мнение: «Только если все христиане объединятся и начнут молиться и просить у Всевышнего мира, мы сможем избежать столь ужасного кровопролития» [3: 141].

Т. Джексон безоговорочно поддерживал институт рабовладения. Супруга описывает его как человека, который «сражался за рабство и Конфедерацию, не сомневаясь, что и то, и другое должно существовать». Но его жена также отмечает, что Джексон скорее сражался за право штатов самим решать вопрос о рабовладении и за свою свободу, нежели за рабовладение как таковое: «Я уверена, что мой муж сражался

не просто за институт рабства, а за права штата, в которые рабство было включено» [3: 142–143]. Тем не менее, «Стоунуолл» не считал рабовладение злом и проявлением социальной несправедливости. Он аргументировал свою позицию религиозными доводами: «В Библии говорится о том, что Создатель сделал людей неравными изначально». Если интерпретировать Священное писание таким образом, то наличие хозяев и рабов – это закон природы [3: 143]. Рабы в семье Джексонов действительно были. Обращались с ними достаточно хорошо, хотя военачальник «не был им ни настоящим другом, ни благодетелем» [3: 143]. Дети темнокожих невольников семьи Джексонов обучались в местной церкви в Лексингтоне, и, даже будучи на фронте, «Стоунуолл» беспокоился за судьбу этих детей. Так, например, после Первого сражения при Манассасе 21 июля 1861 года его жена отмечала: «Даже во время триумфа Джексон беспокоился о бедных негритянских детях, которых он приобщил к местной церкви для обучения» [3: 182].

Таким образом, отношение южанина Томаса «Стоунуолла» Джексона к Гражданской войне и связанных с ней явлениям было неоднозначным. Генерал далеко на сразу, а лишь после значительных военных успехов Конфедерации стал поддерживать политику сецессии Южных штатов. Изначально негативное отношение к сецессии было обусловлено отнюдь не восторженным взглядом Т. Джексоном на войну в принципе, что, в свою очередь, было связано с участием генерала в Мексиканской войне. «Стоунуолл», помня свой предыдущий военный опыт, призывал к мирному решению разногласий между штатами. Значительную роль играла и личная религиозность генерала, который долго не мог смириться с фактом противостояния между христианами и призывал молиться за мир. Все это, однако, не помешало Т. Джексону, с началом военных действий, без колебаний защищать Юг с оружием в руках, применяя все свои военные навыки. Что касается рабовладения, то, с одной стороны, «Стоунуолл» не видел в нем ничего бесчеловечного и противоестественного, а с другой стороны, не рассматривал рабство как жизненно важный для южан институт. Ключевым моментом для Т. Джексона был сам факт посягательства Вашингтона на права Южных штатов, и он сражался именно за полномочия каждого штата самому решать вопросы, связанные с рабовладением.

Примечания.

1. Алентьева Т.В. Причины Гражданской войны (1861–1865) в новейшей американской историографии // Новая и новейшая история. 2007. №5. С.66–79
2. Согрин В.В. Гражданская война и Реконструкция в США. Современное прочтение // Новая и новейшая история. 2010. №1. С. 21–42.
3. Memoirs of Stonewall Jackson by His Widow, Mary Anna Jackson. Louisville, 1895. – URL: https://archive.org/details/memoirsofstonewall00jack/page/n7 (дата обращения: 05.09.2018).
4. Robertson J. “Stonewall” Jackson: Christian Soldier» // Essential Civil War Curriculum. Virginia Center for Civil War Studies at Virginia Tech. – URL: http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a250823.pdf (дата обращения: 20.09.2018).

ПРОБЛЕМА ОТКРЫТИЯ ВТОРОГО ФРОНТА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н. Л. Тимохина

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия,
natalia.timokhina2016@yandex.ru

Проблема открытия второго фронта стала предметом обсуждения между СССР и Великобританией летом 1941 года. В ходе советско-британских переговоров в Москве 12 июля 1941 года было подписано соглашение, заложившее основы для установления союзнических отношений между Советским Союзом и Англией. 18 июля И.В. Сталин направил премьер-министру Великобритании У. Черчиллю послание, в котором официально поднял вопрос об открытии второго фронта на севере Франции и в Арктике [4: 264]. Предложение Советского правительства вызвало отрицательную реакцию британского кабинета.

Необходимо отметить, что на позицию западных держав в отношении открытия второго фронта в 1941 году решающее влияние оказали не военные, а политические факторы. Политический курс Великобритании и США на тот период заключался в том, чтобы поощрять СССР к сопротивлению агрессору обещаниями о помощи, выжидая дальнейшего развития событий на советско-германском фронте. После того, как западные державы убедились в стойкости позиций Советской Армии, они могли планировать будущее участие в войне, исходя из своих собственных интересов.

После подписания в январе 1942 года ведущими державами (СССР, Великобританией, США, Китаем) и 22 другими странами Декларации Объединенных Наций, условия для создания второго фронта в Европе стали ещё более благоприятными. Но правительства Англии и США не спешили разворачивать активные военные действия против гитлеровской Германии.

Наиболее остро вопрос открытия второго фронта для Советского Союза встал весной 1942 года, когда Германия планировала решающее наступление на Востоке. Основную роль в наступательной операции со сторон союзников должны были играть английские вооруженные силы, поэтому для обсуждения этого вопроса СССР направил народного комиссара иностранных дел сначала в Лондон, а затем в Вашингтон. В результате состоявшихся переговоров были приняты крупные политические решения: 26 мая 1942 года между СССР и Великобританией был подписан договор о союзе в войне против Германии и о сотрудничестве и о взаимной помощи после войны, а 11 июня 1942 года советско-американское соглашение «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии» [1: 231]. В ходе этих переговоров Советский Союз мог рассчитывать на помощь западных союзников уже в 1942 году.

Однако, как англичане, так и американцы были не совсем искренни в своих обещаниях открыть второй фронт в Европе в 1942 г. Уже в середине июня 1942 года У. Черчилль направился в Вашингтон, чтобы убедить Ф. Рузвельта, президента США, отказаться от этой идеи и согласиться на высадку союзнических войск в Северной Афри-

ке. Окончательно вопрос о проведении десантной операции на севере Африки, а не в Европе был решен во время англо-американских переговоров, состоявшихся 20-25 июля 1942 года в Лондоне [5: 143].

Героическая победа советских войск под Сталинградом в ноябре 1942 года изменила отношение союзников к вопросу открытия второго фронта. Правящие круги Великобритании и США начали испытывать некую тревогу перед возрастающей мощью Советского Союза. В телеграмме посольства СССР в Лондоне от 13 февраля 1943 года отмечалось, что в связи с военными успехами СССР правительство Великобритании испытывает двойственные чувства: «Очень хорошо, что русские так крепко бью немцев, - нам, англичанам, легче будет» [2: 325]. С другой стороны, они боялись, что в результате успехов Красной Армии позиции Советского Союза слишком усилятся, и он сможет «большевизировать» Европу. В телеграмме посольства делался вывод, что британское и американское правительство имеет ещё достаточно времени, прежде чем настанет необходимость решительных действий [1: 283].

Весной 1943 года создались благоприятные условия для открытия второго фронта в Европе. Тем не менее, на Вашингтонской конференции руководителей США и Великобритании, состоявшейся с 12 по 15 мая 1943 года, было принято решение о новой отсрочке открытия второго фронта, теперь уже до весны 1944 года [5: 148].

Отказ Великобритании и США дал возможность гитлеровской армии сосредоточить многочисленные силы на Курской дуге, где летом 1943 года развернулась одна из крупнейших и кровопролитных битв за всю историю Второй мировой войны. Одержанная в этой битве победа Советского Союза привела к значительным изменениям соотношения сил на советско-германском фронте в пользу СССР. Вооруженные силы нацистской Германии и её союзников были вынуждены перейти к обороне на всех театрах военных действий Второй мировой войны.

В результате успешных военных действий Советского Союза летом 1943 года, уже к концу этого года небывалого размаха достигли выступления широких кругов общественности западных стран в поддержку открытия второго фронта в Европе. Политика Советского Союза в вопросах войны находила широкую поддержку у народов стран антигитлеровской коалиции, укрепляя их решимость сражаться до полного разгрома фашистского блока.

Окончательно вопрос о втором фронте был решен на Тегеранской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании в ноябре-декабре 1943 года на ней впервые была согласована скоординированная стратегия против общего врага [4: 385].

6 июня 1944 года англо-американские войска форсировали Ла-Манш и высадились на севере Франции в Нормандии. Открытие второго фронта в Европе состоялось спустя три года после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, когда исход войны был уже, по существу, предрешен на полях сражений Великой Отечественной войны. Вместе с тем, следует учитывать тот факт, что и после создания второго фронта основное бремя войны по-прежнему лежало на советском народе. Но одновременно нельзя и недооценивать того, что высадка союзнических войск на севере Франции способствовало разгрому фашистской Германии укреплению единства стран антигитлеровской коалиции. Принятие такого серьезного решения, показало, что союзниче-

ские державы способны решать и согласовывать свои действия в ходе обсуждения оставшихся сложных проблем.

Примечания.

1. Земсков И.Н. Дипломатическая история Второго фронта в Европе. М.: Политиздат, 1982. - 319 с.
2. Сталин И.В. и др. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Том 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. ноябрь 1945 г.). Сборник писем. — М.: Госполитиздат, 1957. — 408 с.
3. Трояновская Е.Я. (сост.) Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра. М.: Политиздат, 1990. — 558 с.
4. Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941—1945. М.: Наука, 2004. — 576 с.
5. Черчиль У. Вторая Мировая война. Т.4. М.: ТЕРРА., Книжный клуб, 1998. – 384 с.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИНДЕЙЦЕВ США НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ)

Н. А. Тишина

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, e-mail: jasmine1997@mail.ru

В настоящее время индейское население мало чем отличается от остальных граждан США. Они также одеваются, ведут хозяйство, работают, реализуют себя в различных сферах жизни общества. Вместе с тем, интегрированность индейцев в современное американское общество делает более острой проблему сохранения их идентичности и побуждает коренное население к самоизоляции. По мнению А.С. Автономова, к концу XX в. объединение индейцев в резервации было вызвано их стремлением к самостоятельному развитию, сохранению своей самобытности [1: 92]. Данная проблема нередко обсуждается на общенациональном уровне, и важную роль здесь играют ведущие американские СМИ.

Цель данного исследования – изучить направления дискуссии вокруг проблемы культурно-языковой самобытности индейцев США на основе анализа материалов ведущих американских газет. Были использованы материалы изданий «The New York Times», «The Washington Post», «USA Today», относящихся к мейнстримным СМИ либеральной ориентации.

В прессе среди наиболее важных тем, которые касаются индейской проблематики, можно выделить следующие: восприятие индейцев белым населением, проблема сохранения и пропаганды индейского искусства и проблема сохранения индейских языков.

1 мая 2018 г. в газете «The New York Times» была опубликована статья, согласно которой коренных американцев не устраивал тот факт, что большинство фотографов, приезжающих в резервации, концентрировали свое внимание только на тех членах племени, которые имеют типичную индейскую внешность, одежду и т.д. [3]. Подобное восприятие индейцев можно назвать однобоким, так как оно игнорирует реальную индейскую жизнь с ее проблемами. Коренная американка Тейлир Ирвин отметила: «Наши традиции важны для меня, но я не перестаю быть индианкой, надевая спортивные штаны». Таким образом, наблюдается протест против «лубочной» репрезентации индейцев и их повседневной жизни в сознании белых людей. Эта проблема также была поднята в статье в «The Washington Post» [7], в которой коренная американка Анна Пули, автор статьи, обратила внимание на то, что в детстве ее не воспринимали как индианку из-за того, что ее отец был белым и она унаследовала его светлую кожу.

Американской прессой также широко освещался резонансный эпизод, связанный с сенатором от штата Массачусетс и видным представителем Демократической партии Элизабет Уоррен. Э. Уоррен в октябре 2018 г. опубликовала результаты генетической экспертизы, согласно которым она имеет индейских предков примерно в шестом-десятом поколении. Подобное заявление вызвало бурную реакцию среди индейцев, которые возмутились, что Уоррен считает себя потомком индейцев, ссылаясь лишь на анализ ДНК. По их мнению, быть индейцем значит жить в одном мире с ними, понимать и любить их культуру, бороться вместе с ними за права, быть связанными с ними не только узами крови, но и на духовном уровне [11]. Схожее мнение высказала на страницах «The Washington Post» в августе 2018 г. Бриттани Хант, представительница племени Ламби. Она отметила, что «культурные традиции, юмор, еда, преданность земле и семье являются более важными аспектами индейской идентичности в ее племени, чем расовая принадлежность» [9].

7 мая 2018 г. в «The New York Times» была поднята проблема использования индейской атрибутики европейскими спортивными клубами и командами. Так, в Великобритании, Германии и Чехии ряд спортивных команд использует индейскую символику. Сьюзан Харджо, член племени шайеннов, высказала мнение, что некорректно использовать изображение индейцев в качестве спортивного талисмана, так как это ставит их на один уровень с животными. Известно, что в связи с подобными протестами, по крайней мере, одна европейская команда, английский хоккейный клуб «Стретемские краснокожие», изменила свой логотип [6].

Таким образом, индейцы очень чувствительно реагируют на любую профанацию их идентичности, культуры. Они воспринимают свою культуру как нечто сакральное, требующее бережного, вдумчивого отношения. В большинстве случаев белые американцы представляют себе индейцев лишь в их первобытных костюмах с томагавками и лошадьми, с лицами, разрисованными краской. Самих же коренных американцев очень печалит этот факт, и они стремятся выйти за рамки образа «типичного» индейца.

Другим обсуждаемым вопросом является сохранение и пропаганда индейского искусства. В настоящее время американское общество стремится способствовать со-

хранению и развитию индейской культуры. К примеру, в музее искусств Метрополитен была открыта первая выставка, посвященная индейскому изобразительному искусству. Проводятся выставки на индейские тематики, музеи расширяют свои экспозиции. Тем не менее, представители коренных американцев все еще нуждаются в полнокровной репрезентации их искусства перед широкой общественностью. 14 сентября 2018 г. в «The New York Times» была опубликована статья–некролог, посвященная Нэнси Бломберг, куратору Денверского художественного музея. Н. Болмберг, не будучи коренной американкой по происхождению, активно пропагандировала современное индейское искусство и отстаивала права коренного населения в области культуры, в то время как, по словам художника племени Навахо Мелани Яззи, «многие бы хотели оставить индейскую историю и культуру в прошлом» [4]. Бломберг пыталась разрушить «лубочные», расхожие стереотипы о коренных американцах и их культуре. По ее мнению, большинство людей не имеют представления о настоящем искусстве индейцев. «Это не только лишь бисероплетение», - говорила Н. Бломберг. Организованные ею выставки помогали дать полное, яркое, реалистичное представление о жизни коренного населения и открыли миру имена индейских художников, скульпторов и гончаров. Нэнси Бломберг также выступала в поддержку закона «О репатриации могил индейцев» 1990 г. Она настолько ответственно подошла к данному вопросу, что даже не раскрыла тайну содержимого первой группы ритуальных предметов, переданных индейскому племени черноногих [4]. Таким образом, Бломберг хотела показать свое уважение к обычаям племени, согласно которым видеть священные предметы могли только люди, проводящие обряд.

Еще одна проблема, освещающаяся в современной прессе, это проблема сохранения индейских языков. К 1995 году в США сохранилось примерно 209 индейских языков. По данным статистики, в 2017 г. только 27% индейского населения Соединенных Штатов говорило на родных языках [2]. Правительство Соединенных Штатов фактически не предпринимает никаких шагов к дальнейшему их укреплению и развитию. В большинстве школ, по-прежнему, господствует английский язык. Индейские же языки не только практически не используются, как средство обучения, но и не изучаются в виде иностранных языков. Эта проблема тоже нашла отражение в американской прессе. Шармейн Джексон в своей статье для «The Washington Post» обращает внимание на положение языка навахо, который сейчас, наряду с остальными индейскими языками, находится на грани исчезновения. В связи с этим Джексон предложила создать программу наподобие «Улицы Сезам», в которой дети смогли бы учить индейские языки [5]. Активисты из племени чероки также замечают, что очень малое количество представителей этого народа говорит на родном языке. К примеру, в Северной Каролине осталось всего около 300 носителей языка чероки. С целью предотвратить его вымирание, в 2004 году была открыта Новая Академия Kituwah, в которой детей с ранних лет обучают только на языке чероки [8].

Таким образом, проблема сохранения самобытности коренного населения Соединенных Штатов в настоящее время является весьма актуальной и обсуждается на

страницах ведущих американских СМИ. Причем и самих индейцев, и «болеющих» за их дело белых американцев волнует не только сохранение и передача языков и традиций будущим поколениям индейцев, но и то, насколько адекватно коренные жители США и их культура воспринимаются остальным обществом. В настоящее время индейцы остро чувствуют слишком «легкое», «панибратское» отношению к ним со стороны «белых». Это можно считать новым этапом борьбы коренного населения США за собственную идентичность.

Примечания.

1. Автономов А.С. Правовой статус индейцев в США // США–Канада: Экономика. Политика. Культура. 2004. № 11. С.86–92.
2. American FactFinder. U.S. Census Bureau. The 2017 American Community Survey 1–Year Estimates, 2017. – URL: https://factfinder.census.gov/

(дата обращения: 20.10.2018).

3. Estrin J. Native American Photographers Unite to Challenge Inaccurate Narratives // The New York Times. 2018. May 1. – URL: https://www.nytimes.com/ (дата обращения: 20.10.2018).
4. Genzlinger N. Nancy Blomberg, Champion of Native American Art, Dies at 72 // The New York Times. 2018. September 14. – URL: https://www.nytimes.com/ (дата обращения: 20.10.2018).
5. Jackson C. A Native American ‘Sesame Street’ Could Help Save Dying Languages // The Washington Post. 2017. December 8. – URL: https://www.washingtonpost.com/ (дата обращения: 20.10.2018).
6. Keh A. Tomahawk Chops and Native American Mascots: In Europe, Teams Don’t See a Problem // The New York Times. 2018. May 7. – URL: https://www.nytimes.com/ (дата обращения: 20.10.2018).
7. Pulley A. My mother is Native American, but I Look White // The Washington Post. 2018. October 19. – URL: https://www.washingtonpost.com/ (дата обращения: 01.11.2018).
8. Push to Preserve the Cherokee Language // USA Today. 2015. March 25. – URL: https://www.usatoday.com/ (дата обращения: 01.11.2018).
9. Rab L. What Makes Someone Native American? // The Washington Post. 2018. August 20. – URL: https://www.washingtonpost.com/ (дата обращения: 01.11.2018).
10. The Week in Culture: Native Art at the Met; the Fringe Festival in a Ferry // The New York Times. 2018. September 30. – URL: https://www.nytimes.com/ (дата обращения: 01.11.2018).
11. Zimmer C. Elizabeth Warren Has a Native American Ancestor. Does That Make Her Native American? // The New York Times. 2018. October 15. – URL: https://www.nytimes.com/ (дата обращения: 01.11.2018).

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ ИСПАНИИ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕСТ-ИНДИИ В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

А. Р. Устинов

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, aldweee@mail.ru

В 1453 году пал Константинополь под натиском турок, был перекрыт Великий шелковый путь, но европейцы по-прежнему нуждались в торговых связях с Востоком, поэтому прилагали большие усилия к поиску новых путей к далеким землям пряностей. Развитие экономических отношений в капиталистическом направлении обеспечило открытие новых земель для осуществления торговых отношений и заокеанской экспансии европейскими государствами.

Испания опередила своих конкурентов, отправившись искать Индию на Западе. Причины и предпосылки, по которым Испания стала первым государством, отправившимся на поиски западного пути, стоит искать на Пиренейском полуострове. К концу XV века Испания разобралась со своими внутриполитическими проблемами [7: 11-12]., а именно, ею была одержана победа в Реконкисте; произошло объединение Кастилии и Арагона в связи с браком между Фернандо Арагонским и Изабеллой Кастильской; реформационная ересь не могла проникнуть на территорию Пиренейского полуострова в силу его географической обособленности [5: 3], а оставшиеся после Реконкисты остатки иноверцев-еретиков систематически преследовались инквизицией во главе с виднейшими деятелями католической церкви. Испания была непоколебима и вынесла все трудности с «крестом в руке». Расставаться со своей религией Испания не спешила, возможно, это и послужило ей на пользу в осуществлении не только внутренней политики, но и внешней. Накопившаяся энергия раздробленной Испании за долгие годы Реконкисты нашла себе применение в поисках новых земель. Стоить отметить, что трудное финансовое положение Кастильской казны играло как вспомогательный фактор для внешней политической деятельности. Восток перекрыт, а Южный путь в Индию, огибая Африку, уже нашла и присвоила себе Португалия. Оставалась лишь надежда на то, что Земля круглая, и, что есть возможность ее обогнуть с Запада. Смелым и настойчивым в этом деле оказался Христофор Колумб, получивший отказ на свой проект в Португалии, и отправившийся на поиски материальной поддержки в Испанию, где её и получил в 1492 году [7: 11-12].

Принимая во внимание тот факт, что в 1493 году папа Александр VI подтвердил все права испанской короны на открытия в западном направлении и выразил желание обращения индейцев в католическую веру, можно констатировать, что испанская экспансия была обоснована и защищена Святым Престолом, что декларировало ей свободу в методах осуществления экспансионистской деятельности [1].

Состав экипажа флотилии первой экспедиции Х. Колумба был подобран с целью установления торговых отношений с нехристианской страной, а не для завоевания этой страны. В целях экспедиции не было пропаганды «святой» веры, несмотря на позднейшие утверждения Колумба. Напротив, на борту не было ни одного священника или мо-

наха [7: 16-18] По мнению И. Р. Григулевича, конкистадоры почти полностью истребили коренное население островов Вест-Индии, они разрушили индейские культуры Мексики и Андского нагорья, нарушили ход развития индейского общества, лишили индейцев земли и свободы, собственного языка и верований [6; 9]. О конкистадорах (исп. conquistador – завоеватель) епископ Бартоломе Лас Касас имел мниение, что они шли с крестом в руке и с ненасытной жаждой золота в сердце. Возможно, что в основе политической деятельности Испании лежали экономические мотивы, а легализация жажды их удовлетворения заключалась в осуществлении миссионерства на захваченных территориях. Советский академик Е. В. Тарле отмечал, что еще в эпоху Колумба жителей Америки (индейцев) не только делали рабами, но и отправляли на продажу в Европу [9: 35].

Обратимся к свидетельствам упомянутого выше епископа-гуманиста Бартоломе Лас Касаса. Он утверждает, что завоевание Индий представляло собой серию захватнических войн, сопровождавшихся истреблением индейцев и бесчеловечным разграблением природных богатств Нового Света: «Причина, по которой христиане загубили и уничтожили столько, и таких, и такое несчётное число человеческих душ, состояла, в конечном счете, только в том, чтобы иметь золото, и набить себя богатствами за самое короткое время, и подняться до самого высокого положения, несоразмерного их личностям» [2].

Дневник Х. Колумба является не менее важным источником в изучении стоящей перед исследованием проблемы. Важно отметить, что и Колумб не скрывал истинных намерений: «Я не могу ошибаться и с помощью нашего Господа найду [золото] там, где оно рождается» [4: 180] Количество упоминаний о золоте в дневнике Колумба значительно превышает количество упоминаний христианизации и просвещения «необразованных индейцев» [4: 175, 176, 180, 182, 188, 191, 204 и тд.]

Коренному населению Нового Света испанцы навязывали феодальную систему эксплуатации, в то время, когда в самой Испании феодализм уже утратил силу. На рубеже веков произошла встреча двух цивилизаций, двух культур, их слияние, путем беспощадного разграбления коренного населения [8].

Таким образом, относительно характера взаимодействия двух миров следует заключить, что внешнеполитическая деятельность Испании соответствовала запросам времени, конкиста осуществлялась негуманными методами, что нашло отражение в сохранившихся доныне источниках. Исследователи сходятся во мнении, что испанцы проявляли излишнюю жестокость относительно туземного населения Нового Света, которое подвергалось различным притеснениям со стороны испанцев, христианизации и пр. Однако, это было обусловлено особенностями того времени и тех обстоятельств, в которых осуществляли свою деятельность конкистадоры. Борьба с ересью и христианизация — два главных принципа, легитимирующих испанскую экспансию в рамках Нового Света. Внешняя политика Испании была ориентирована на удовлетворение государственных экономических и политических интересов путем грубого вмешательства в жизнь коренного населения «Индий». Носитель Божией власти — лишь католический монарх, а еретически настроенные варвары — помеха на пути величия испанской короны.

Примечания.
1. Александр VI. Булла «Inter Caetera» №2, 4 мая 1493 г. // Восточная литература. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XV/1480-1500/Alexander_VI/1493.04.05.bullatext.phtml?id=6070.
2. Бартоломе де Лас Касас. Кратчайшее сообщение о разорении Индий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.indiansworld.org/kratchayshee-soobshchenie-o-razorenii-indiy.html#.Wv2bRJ9-qUl.
3. Инструкция короля и королевы Христофору Колумбу от 29 мая 1493 г. // Восточная литература. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Spain/XV/1480-1500/Ferdi_Isabel/instr_kolumb_29_05_1493.htm.
4. Navarrete M.F. Coleccion de los viajes y descubrimientos que hicieron por mar los españoles desde el fin del siglo XV, T. I. Madrid, 1858.
5. Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. – 520 с.
6. Григулевич И.Р. Бартоломе де Лас-Касас. - М.: Издательство «Наука», 1966. – 227 с.
7. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. В 5-ти т. Т. 2. Великие географические открытия (конец XV – середина XVII в.). – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1983. – 399 с.
8. Моралес Криспин Виктор Уильям. Сохранение самоидентичности народа кечуа в период испанской колонизации. Научная библиотека «Киберленинка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/sohranenie-samoidentichnosti-naroda-kechua-v-period-ispanskoy-kolonizatsii
9. Тарле Е.В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV – начало XIX в). - М. - Л.: «НАУКА», 1965. - 435 с.

ЕРМОЛОВ И ЧЕЧНЯ, ЗАПАД И ВОСТОК: СТОЛКНОВЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ КАК ГЛАВНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

А. И. Филатов

МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, filatov.ndr@gmai.com

Кавказская война является объектом внимания исследователей практически с самого своего начала в XIX в. За вот уже более чем полтора столетия активных попыток осмыслить содержание этого конфликта было сформировано множество точек зрения на его причины. В историографии, посвященной Кавказской войне, приводится множество предпосылок международно-политического [1: 70-71], военно-стратегического [2: 11-20] и даже формационного характера [3: 111-112]. Все они, разумеется, по-своему вносят свою лепту в понимание развития конфликта. Однако, на мой взгляд, чтобы полностью осознать суть Кавказской войны – бывшей, в глобальном

смысле, войной двух различных общественных систем на истощение – необходимо заострить внимание именно на глобальном социально-политическом аспекте противоборствующих сторон: Российской империи, с одной стороны, и различных обществ Чечни и Дагестана.

В качестве основного объекта исследования мы рассмотрим развитие конфликта на Северо-Восточном Кавказе, ведь именно в регионах Чечни и Дагестана Кавказская война дала о себе знать после ухода Ермолова сильнее всего, именно там был основной и самый продолжительный очаг сопротивления горцев, в том числе и Имамат Шамиля.

Говоря о ситуации на Кавказе в XIX в., в самую первую очередь стоит рассмотреть главного актора развернувшийся там многовековой борьбы за влияние – Российскую империю. Что же она представляла собой с глобальной экономической и социально-политической точки зрения?

К XIX столетию Российская империя, детище Петра Великого, несомненно являлась частью круга европейских стран, которых традиционно принято условно называть «Западом». Под этим я имею ввиду не только общее для этих стран культурное поле, но и определенный тип общественно-государственного устройства, сложившийся в Новое время.

Благодаря, с одной стороны, мощному подъему основанной на капиталистических принципах экономики, дающей в распоряжение государству невероятное доселе количество ресурсов, и, с другой стороны, развитию новых институтов и организаций на рационально-бюрократических началах, появляется модель военно-бюрократического государства. Этот «Левиафан» имел своей задачей, во-первых, обеспечить социальную стабильность в подверженном глубоким преобразованиям обществе Нового времени, и, во-вторых, обеспечить себе экспансию вовне для получения новых рынков и источников ресурсов. При этом важно отметить, что, по сравнению с прочими западными странами, российское государство до 1861 г. опирается не на капиталистическую модель экономики, а существует за счет тотальной феодальной эксплуатации основной массы сельского населения. Однако, что касается создания военно-бюрократического аппарата и экспансии вовне, с целью приобретения новых территорий, ресурсов и рынков сбыта, Российская империя в начале XIX в. не уступала прочим западным странам.

Однако за различными социально-политическими институтами всегда стоят реальные люди, которые и дают реальное исторические наполнение научным терминам и теориям. В нашем же случае военно-бюрократическая власть Российской империи была персонифицирована в практически легендарной личности Алексея Петровича Ермолова. В чем же была его роль в развертывании конфликта?

Получив в 1816 г. назначение командиром Отдельного Грузинского корпуса, Ермолов начал проводить крайне жесткую, направленную на непосредственное приведение горцев к покорности политику. Основной стратегический принцип ермоловской политики на Кавказе заключается в медленном и систематическом продвижении и в постепенном освоении территорий Северо-Восточного Кавказа. Суть этого принципа заключалась в непосредственном установлении контроля российской администрации над прикрытыми русскими войсками территориями, без резких попыток поставить сра-

зу же под подобный контроль большую часть заселенных горцами территории. Наоборот, сами горцы, согласно стратегии «осады», должны были быть оттеснены с равнины и блокированы в горах, и, лишенные всяких связей с равниной, они бы в конечном итоге уступили Российской империи (по крайней мере, именно так и предполагала российская администрация, претворяя эту стратегию в жизнь).

Пожалуй, вся сущность этой политики была прекрасно выражена самим Ермоловым: «Кавказ — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать ее или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду» [Цит. по: 4]. Данная стратегия «осады» Кавказа в практическом плане основывалась в первую очередь на строительстве и развитии системы кордонных линий и крепостей. Опираясь на именно эту военную инфраструктуру, российская администрация планировала утвердить свою власть в регионе.

Итак, с одной стороны был Запад в виде Российской империи, непосредственно представленной Ермоловым, имевшим своей задачей распространить имперские институты власти на весь Кавказ посредством жестких военно-административных методов. Что же противостояло этой экспансии со стороны Восточного мира, своей опорой на традиции противопоставленного Западу?

В начале XIX в., на заре активной экспансии России в Чечне и Дагестане, общества этих регионов представляли собой конгломерат разбросанных по долинам и относительно слабо связанных между собой аулов, население которых занималось скотоводством и террасным земледелием. Соотношение этих видов хозяйствования сильно зависело от местных условий. Так, например, доминирующую роль могло играть земледелие – особенно это касалось обществ, живущих на равнинах. Рассматривая этот конгломерат с точки зрения социально-политической устройства, в нем можно выделить два основных типа образований.

«Вольные» общества Чечни и Дагестана. Представлявшие собой аморфные и децентрализованные политические образования, «вольные» общества чаще всего представляли собой военно-политический союз общин. В Дагестане вольные общества являлись, таким образом, союзом джамаатов (мусульманских общин), а в Чечне – союзом тейпов (тукхумом) [5]. Определяющую влияние в этих обществах имели старейшины и *уздени* – свободные общинники.

Ханства. Чеченские и дагестанские ханства трудно было назвать централизованными государственными образованиями с сильной ханской властью, ибо общины, из которых и состояло ханство, продолжали играть в нем важную роль и хан должен был учитывать интересы узденей [3: 64]. Хан имел право собирать с общин оговоренную подать [6: 10] и имел преимущественно военно-организационные и судебные функции. Социальная структура горских обществ попросту не предоставляла необходимых предпосылок для формирования государства в полном смысле этого слова.

Анализ же социальной структуры этих образований вплотную подводит нас к проблеме, которая даёт возможность объяснить всю ту специфику и проблематику установления российской власти в этом регионе, с которой и вынужден был столкнуться Ермолов и его преемники. В первую очередь стоит рассмотреть сущность "вольных" обществ, которые уже упоминались выше.

На мой взгляд, уровень развития, на котором находились «вольные» общества в начале XIX века, вполне можно охарактеризовать как *«военную демократию»*, при которой основную роль в обществе играют свободные общинники, являющиеся также главной военной силой в соперничестве соседствующих сообществ. А соперничать им было за что: в горной местности борьба за лучшие условия ведения хозяйства (за лучшие пастбища, за скот, за земледельческие участки) имела важнейшее значение. Сильная конкуренция между отдельными аулами, тейпами и тукхумами за занятие доминирующего положения в отдельных местностях и за захват ресурсов имела прямую связь со строем «военной демократии», при которой в этой принципиально нескончаемой локальной борьбе община должна была опираться на свои собственные силы в борьбе с себе подобными.

Короче говоря, структура горских обществ даёт возможность создавать сплоченные и достаточно боеспособные военные организации для локальной борьбы и набегов на соседние тейпы и аулы [7]. Однако в совокупности ополчения ханств и «вольных» обществ не были способны к организованному сопротивлению в масштабе всего региона. Та социальная организация, которая позволяла горцам успешно отстаивать свои тейпы и «вольные» общества в борьбе между собой, не могла по сути защитить весь горный регион Чечни и Дагестана как нечто цельное. С одной стороны, это сильно упрощало военные действия русской администрации, а с другой – сильно усложняло установление какого-либо однородного политического режима в регионе, ибо невозможно было свести к единому целому все огромное разнообразие различных обществ горцев, беспрестанно боровшихся за свой суверенитет в масштабе отдельных аулов и горных долин.

На мой взгляд, своими действиями А. П. Ермолов одновременно создал предпосылки и для дальнейшего развития войны, и для окончательного покорения региона; причем последние дали о себе знать гораздо позднее, только когда первые уже утратили свое влияние.

В первую очередь стоит остановиться на том, что действительно способствовало покорению Кавказа. Методическое продвижение и создание транспортной и административной инфраструктуры, заданные ермоловской стратегией «осады», являлись в перспективе непременно выигрышными методами покорения Кавказа. Именно этот стратегический принцип постепенного продвижения, взятый впервые на вооружение А. П. Ермоловым, затем временно оставленный, а потом вновь активно использовавшийся А. И. Барятинским [8] и составлял первую из двух главнейших, на мой взгляд, причин успешного покорения Кавказа Россией. Другая причина заключалась в подавляющем превосходстве России в войне на истощение, которой отчасти и являлась Кавказская война. У горцев попросту не было такой развитой экономической базы и такого количества людских ресурсов, какие были у Российской империи.

С каждым новым набегом, с каждой новой экспедицией русских войск и разрушением аулов, силы горцев постепенно таяли, в отличие от сил Российской империи. Возможности и потенциалы тут были явно несоизмеримы, и с точки зрения войны на истощения горцы были изначально обречены. Таким образом, развивая инфраструктуру, создавая опорные пункты и организуя агрессивные карательные экспедиции, А. П.

Ермолов во многом действительно закладывал прочную, хотя и требующую больших сил и вложений, основу для покорения региона.

С другой стороны, политика Ермолова способствовала и развитию войны. Но в то же время, пожалуй, нельзя говорить о том, что Кавказская война началась именно в эпоху Ермолова. На мой взгляд, основная проблема заключается в характере сопротивления горцев.

Несомненно, горцы сопротивлялись русской экспансии всеми доступными силами. Причем, на мой взгляд, можно даже говорить о том, что та форма сопротивления, которая имела место в период Ермолова, является максимально возможным уровнем вооруженного противодействия, которое могли осуществить горцы, находясь на вышеописанной стадии развития общественных отношений. Другой вопрос, что эта форма противодействия не была эффективной против натиска огромной военно-бюрократической машины государства Нового времени. Чтобы противодействие было хотя бы минимально эффективным, необходим был гораздо более высокий уровень организации, идеологии и политической системы, который у горцев появился только во время имамата Шамиля.

Также очевидно, что одновременно пытаясь и прекратить набеги, которые были специфической формой связи горцев с равниной, и до максимума ограничить вообще все связи горцев с равниной, в том числе самые важные – экономические, Ермолов, по сути, ставил их в довольно безвыходную ситуацию. Угроза полной изоляции в горах толкали горцев на восстания, которые в силу своей неорганизованности быстро подавлялись русскими войсками. Но последние не спешили устанавливать в горных районах свою власть ввиду слабости связей последних с коммуникациями, и поэтому, расправившись с восставшими и поставив во главе ханств или «вольных» обществ формально лояльного властителя, они удалялись. Однако политический беспорядок, который русская администрация непреднамеренно создала в результате подавления восстаний, имел важные последствия.

Имея такую рыхлую структуру власти в вольных обществах, российское командование, постоянно сменяя ханов и произвольно меняя границы владений, ослабляли ханскую власть. Это делало власть ханов в глазах общинников непостоянной, и, главное, слабой и неспособной защитить их интересы. Таким образом, русская администрация, нанеся большой урон институту ханов, создав тем самым вакуум власти в горных районах Северо-Восточного Кавказа. То, что произошло далее, являет собой отличный пример того, как под натиском уже сформировавшегося и расширяющегося государства могут образоваться новые политические организации, направленную в первую очередь на свою защиту. Ханы и властители Чечни и Дагестана первой четверти XIX века явно не справлялись с задачей организации общего фронта сопротивления горцев экспансии со стороны России: у них для этого было ни необходимых политических институтов, ни идеологии, способной скрепить постоянно враждующие между собой тейпы и вольные общества. Напротив, при грамотной политики в отношении ханов и властителей Российская администрация могла бы способствовать им в укреплении их власти, и через эту власть ханов встроить вольные общества в общеимперскую систему власти. Таким образом, после действий Ермолова образовался вакуум власти в горном

регионе Северо-Восточного Кавказа, который и был полностью заполнен властью имамов на рубеже 1820-х – 1830-х гг. Именно тогда и началась в полном масштабе Кавказская война.

Примечания.

1. Кавтарадзе А.Г. Генерал А.П. Ермолов. Тула, 1977.
2. Потто В.А. Кавказская война. Ермоловское время. Т.2. Ставрополь, 1994.
3. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.
4. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Neuhardt_A_I/vozzv_gorcy_1844.htm (дата обращения: 27.03.18).
5. Несмотря на всю важность понятия «тейп», которое даже до сих пор имеет значение в чеченском обществе, еще не было выработано единого взгляда на содержание этого понятия. В самых общих чертах тейп определяется как патриархальная экзогамная группа людей, объединенная общим (мнимым или реальным) предком (см.: Вайнахи и имперская власть: Проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М., 2011. С. 23).
6. Движение горцев Северного Кавказа в 20-50 гг. XIX века. Махачкала, 1959.
7. В данном контексте стоит упомянуть и институт кровной мести в Чечне и Дагестане, призванный силой традиции мобилизовать родственников убитого на борьбу с обидчиками, дабы не оставить действия последних безнаказанными (см.: Генерал А. П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX - начале XX века. СПб., 2009. С. 32-33).
8. Именно во время периода наместничества А. И. Барятинского на Кавказе в 1859 г. был пленен Шамиль и было окончательно сломлено организованное сопротивление горцев в виде Северо-Кавказского имамата.

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В КАЛИФОРНИИ: ПРИЧИНЫ НЕУДАЧИ (НА ПРИМЕРЕ КОЛОНИИ ФОРТ-РОСС)

В. П. Цуканова

МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия. vikusia1698@mail.ru

У истоков освоения Америки стоял еще Петр 1. Именно он в 20-х гг. XVIII века выдвинул идею открытия Америки с территории Камчатки. Уже тогда Калифорния влекла к себе русского человека: довольно часто в документах XVIII столетия она предстает желанной целью русской экспансии, выступая то географическим ориентиром, то целью продвижения русских, а порой и потенциальным объектом колонизации [3: 31]. Однако же непосредственное проникновение России в Калифорнию началось в самом начале XIX века. К тому моменту Аляска и Алеутские острова уже входили в состав Русской Америки, что было результатом экспедиций В.Беринга-А.Чирикова (1741г.), Г.Шелихова и П.Лебедева-Ласточкина в 80-х гг. XVIII в. Продвижение русских в данном регионе носило по преимуществу торгово-экономический интерес, было

предметом экспансии промысловых колониальных компаний (РАК, компания Лебедева-Ласточкина и др.). Калифорния не стала исключением.

История калифорнийской колонизации приходится на 1803-1841 гг., и если сначала она носила форму нерегулярных визитов российских подданных, то вскоре это присутствие эволюционировало в поселение Росс – самую удаленную от метрополии заморскую колонию Российской империи. Росс или Форт-Росс, на американский манер, это поселение-крепость, заложенное 15 мая 1812 г. в восьмидесяти километрах к северу от Сан-Франциско. Ее основателем выступил И.А. Кусков, представитель Российско-американской компании.

В настоящее время Форт-Росс - исторический парк штата Калифорния, Национальный исторический памятник США. Единственное оригинальное строение, сохранившееся до наших дней, — дом последнего русского коменданта Ротчева — объявлено объектом исторической ценности национального значения. Остальные строения являются реконструкцией.

В нашей статье колонию Росс будет рассматриваться как прямое воплощение русского присутствия в Калифорнии. На вопрос же о том, какие факторы не позволили данному «русскому присутствию» приобрести перманентный характер, мы постараемся ответить, проследив взаимосвязь причин, приведших к ликвидации Форт-Росса. Особую роль здесь, безусловно, сыграет торгово-экономический потенциал колонии, ее политический статус и то влияние, которое он оказал на деятельность Росса. Нельзя проигнорировать фактора взаимоотношения колонии с соседями, среди которых как государства, так и местные племена.

Источники, положенные в основу нашего исследование, были найдены в сборнике из двух томов, имя которому — «Россия в Калифорнии». Стоит сказать, что сборник — уникальное собрание документальных источников по истории российской колонизации региона. Труд содержит около двухсот пятидесяти писем, освещающих экономический, политический, социальный и культурный комплекс проблем колонизации. Представленные в виде переписки правителей Росса с руководителями РАК, русскими и иностранными государственными деятелями, главам государств, данное эпистолярное наследие позволяет нам «изнутри» познакомиться с тем сложностями, которые преодолевал Росс на пути к утверждению на североамериканском побережье.

Основанный на берегах залива Бодега в 1812 году, Форт-Росс создавался как промысловая база по добычи калана в калифорнийских водах, с перспективой превращения в центр сельского хозяйства, призванного со временем снабжать Аляску продовольствием. В то же время, она виделась военно-политическим форпостом РАК в Калифорнии (историческое будущее которого долгое время было не определено) и перевалочным пункт в русско-калифорнийской торговле. Селение было основано 15 мая 1812 года и изначально представляло собой крепость, обнесенную частоколом, с двумя двухэтажными башнями. С этого момента русские, прочно обосновавшись в регионе, начали промысловое и сельскохозяйственное освоение региона.

В первые годы после торжественного открытия Росса, кроме частокола, были построены дом правителя, казармы вместе с кладовыми, мастерские. Вне стен крепости были сооружены баня, кожевенный завод, ветряная мельница, скотный двор. Позднее

при крепости возникла верфь, на которой строили небольшие суда для колониальной флотилии [5: 11]

Вопрос о продуктивности промыслового и сельского хозяйства и, в этой связи, реализация предполагаемого потенциала, был напрямую связан с деятельностью главы колонии, т.н. правителя. Именно он устанавливал планы производства и потребления, отвечал за их организацию и исполнение.

Человеком, которому было поручено создать экономическую базу Росса, стал И.А. Кусков – первый правитель колонии, занимавший данный пост с 1812 по 1821 гг.

В его задачи ставилось «завести свое хлебопашество, сеяние пеньки, льна, всяких огородных овощей, и завести пространной круг скотоводства как в рогатом, так и в конном домашнем скоте, обнадеживаясь в том благоприятностию климата… выгодным местоположением и склонностью первобытных тамошних обитателей» [3: 245] . Это же, в свою очередь, давало РАК надежды не только на самообеспечение колонии и оснащение русских судов, но и «избавление страны от тягостной необходимости привозить из России и Сибири все для них нужное с крайним изнурением жителей» [246].

Известно, однако, что Кусков более делал упор на зверобойном промысле, отодвигая земледелие на второй план. В этой связи, в середине 1810-х гг. калан в водах Русской Калифорнии был практически истреблен. Попытки по попытки по развитию альтернативных видов деятельности, конечно, были предприняты, (кораблестроение, изготовление кирпичей, предметы утвари), однако столько важное для интересов РАК земледелие в период правления Кускова не стало предметом особой усилий [48-49].

Основой же экономического благосостояния Росса земледелие стало лишь после замены Кускова К.Шмидтом. Это случилось в 1821 году. Видя в земледелии важное и наиболее перспективное направление, Шмидт привлекал все больше рабочей силы при сборе урожая и выращивании скота, расширял посевную территорию, занимаясь своего рода внутренней колонизацией близлежащих земель, отводил больше земли под пастбища. Тем не менее, он ненадолго задержался на должностном месте. Виной тому – чрезмерная самостоятельность, часто входившей в противовес с теми полномочиями, которые ему отводила РАК. Он оставил пост уже через три года, в 1824 году.

По отзыву М.И. Муравьева, «управление его в Россе было вообще добропорядочное и много способствовало выгодам там живущих, но не выгодам Компании…» [3: 552].

Новым правителем колонии стал Павел Иванович Шелехов, «который уже довольно хорошо вникнул в производство дел сей колонии» [536]. Его калифорнийская эпоха пришлась на 1824 - 1830-е гг.

Начатое его предшественником К.Шмидтом не было забыто. Зерновое земледелие получило дальнейшее развитие. По предписанию М.И.Муравьева (главы РАК), Шелехов направил все людские ресурсы на расширение земледелия и скотоводства, это органично было связано с годом приостановки кораблестроительного промысла в колонии (1824 г.). Объемы производства зерна резко возросли: при Шелехове за пять лет было собрано 19601 пуд пшеницы и 2913 пудов ячменя, что в среднем в год составляло около 4503 пудов [2: 207]. И, тем не менее, земледелие в Россе все еще не соответствовало ожиданиям РАК. Шелехов дважды удваивал посев в 1824-1826 гг., но урожай 1825

г. считался «посредственным», следующие два года и вовсе были неурожайными в связи с неблагоприятными климатическими условиями [208].

Здесь стоит сказать, что природа вообще далеко не всегда играла на пользу земледелию Росса: оно не могло быть здесь эффективным из-за топографических и климатических условий. Земля, пригодная для возделывания (ее количество было весьма ограничено), располагалась по склонам гор, то ровным, то изрезанным. Небольшие, порой труднодоступные участки возделанной земли были разбросаны по этим извилистым склонам. Приходящие же с океана туманы поражали пшеницу т.н. ржавчиной. Рабочей силы не хватало, знающих земледелие специалистов почти не было [3: 206].

Известно, что к 1828 г. Шелехов расширил посевные площади до предела: «Ни одного клочка способной земли не осталось невозделанной поблизости селения и даже некоторые участки отдалены до 3-х верст от оного» [671]. Это был максимум сельскохозяйственного освоения прилегающей территории: дальше следовало думать о расширении колонии. В 1830-е годы эти земли уже были истощены, зарастали сорными травами, главным образом диким овсом [2: 207]. Возможность селения снабжать продовольствием другие колонии оставалась ограниченной.

Форт-Росс, в котором основатели видели рентабельную промысловую базу по добыче калана и решение продовольственных проблем Аляски, не смог полностью оправдать возлагаемые на нее надежды. Экономический, предполагаемый потенциал колонии не был реализован. Во всяком случае, Аляска не получила достаточного уровня продовольствия, а промысел калана быстро исчерпал себя. Необходимость расширения как территориальных, так и человеческих ресурсов ставила под вопрос рентабельность русского пребывания в регионе.

Помимо того, было бы неверно умолчать, что русское освоение Калифорнии находилось в прямой зависимости от геополитической ситуации, главенствующей в Северной Америке. К 1812 году, когда Росс только-только начинал свою промысловую и сельскохозяйственную деятельность, проблематичным казался тот факт, что наиболее богатая необходимыми ресурсами земля была уже колонизована другой державой.

Соседство с испанскими колониями и миссиями ставило перед русскими необходимость выстроить отношения таким образом, чтобы извлечь максимум преимуществ из этого соседства. Так, их первоочередной целью было установление торговых связей между испанской колонией и Русской Аляской, между Россом и Испанской Калифорнией. Неудавшаяся попытка решения данных вопросов на межгосударственном уровне предоставила РАК возможность самостоятельного маневра в отношениях с соседями. Было ли это плюсом?

Политический статус колонии мало содействовал дальнейшему продвижению России в Калифорнии. Так и не заручившись поддержкой русского правительства, колония не имела достаточных аргументов перед Испанией, а затем и Мексикой для обоснования своих прав в данной местности. Уже в апреле 1817 г. испанский посол Ф. Сеа де Бермудес предъявил ноту протеста российскому правительству, призывая к ликвидации Росса. Однако, апеллируя объяснительной запиской «по предмету заселений ее близ Калифорнии», в которой обосновывались права России на поселение Росс и ее интересы в этом регионе, правительство свело на нет данный конфликт.

Между тем положение Испании в Северной Америке становилось все более шатким в связи с возраставшей революционностью латиноамериканских народов. В 1821 году на месте вице-королевства Новая Испания возникает Мексиканская империя во главе с императором Агустином 1 Итурбиде. Новые мексиканские власти не оставили попыток избавиться от русского присутствия: в 1822 году в Росс прибывает мексиканский комиссар Фернандес де Сан-Висенте, требуя упразднение русского поселения. Шмитд, так же, как и ранее И. А. Кусков, объявил, что не может исполнить данной требования без разрешения начальства. Были предприняты попытки мирного урегулирования конфликта.

На этом поприще особенно выделился своей деятельностью Ф.П.Врангель – военный и государственный деятель, возглавляющий в свое морское министерство Российской Империи. Его непосредственные контакты с правительством Мексики показали, что лишь политическое признание Мексики Россией может способствовать коммерческому сотрудничеству стран и даже улучшить положение РАК. Однако Николай, не готовый на подобный демарш, «не изволил признать еще возможным решиться теперь на таковое признание» [4: 191]. Так и не получившие своего продолжения, переговоры России и Мексики были резко остановлены. Мексиканское правительство прервало торговые сношения с Россией.

Из всего вышесказанного логично прдеположить, что РАК, пребывая в непосредственном соседстве с Испанией, Мексикой, Соединенными Штатами, не владея полномочиями государственного масштаба, не имея возможности решать вопросы политического свойства, была крайне стеснена в попытках регулирования отношений с соседями. Не заручившись поддержкой Испании, Мексики, Росс не сумел наладить отношения и с местными индейскими племенами.

Индейцы, с которыми Росс поддерживал регулярные контакты, относились к общностям кайша, помо и мивок. Отношения с племенами мыслись не только в перспективе безопасности колонии, но и выступали аргументом в территориальном споре с Испанией, любым другим претендентом на Новый Альбион.

Первоначальные контакты Росса и упомянутых соседей-аборигенов носили дружественные характер. В русских переселенцах они увидели защиту от более враждебных индейцев и испанских миссий, которые уже давно «вели охоту» на местные племена к северу от залива Сан-Франциско [1: 224]. Присутствие русских поселенцев сдерживало испанцев – они не решались совершать рейды севернее Бодеги и, тем более, севернее Росса, однако оказать действенную помощь индейцам администрация Росса не могла, так как стремилась избежать конфронтации с калифорнийскими властями – нередко помощь индейцами ограничивалась советами спрятаться в лесу, переждав там уход испанских карателей. По сути, Росс вообще не предпринимал никаких активных действий в защиту индейцев, а отношения с коренным населением так и не стали союзом, ибо, стремясь сохранить мир со всеми соседями, РАК отдавала предпочтение калифорнийским испанцам, порой откровенно жертвуя своими индейскими «союзниками» [226-227]. Нередко «индийский вопрос» носил характер дипломатического торга, а между Россом и соседними миссиями практиковалась взаимовыдача индейцев [3: 504].

В 1820-х гг. индейская политика РАК в Калифорнии определялась установкой, данной главным правителем М.И. Муравьевым после изданий новых привилегий РАК. В предписании К.Шмидту он писал: «Индейцы не есть русские подданные, то и не должно их брать в свою опеку, теперь не время думать об их образовании, а не худо без принуждения пользоваться их трудами, так, что, не навлекая на себя упреку в насилии, извлекать из них пользу для Компании» [501].

Таким образом, новые установки не предписывали политики аккультурации в отношении индейцев, они требовали от колонии рационалистической линии, призванной увеличить не число союзников-индейцев, а количество производимой Россом продукции, пусть даже и посредством эксплуатации местного населения.

Характер отношений русских и индейцев в 1830-40-х гг. претерпевает все большие изменения в сторону эксплуатации. Во многом, это связано с изменением экономических условий, в которых пребывает Росс. В индейцах увидели дешевую рабочую силу, тактика доброго отношения сменялась насильственными методами. По идее правителей колонии и РАК, они были призванны мобилизовать рабочий потенциал колонии; но подобная перемена вызывает лишь волну конфликтов.

Таким образом, старания администрации РАК не смогли сделать индейцев неотъемлемым и надежным компонентом в аграрной истории Росса. Сменяющаяся политическая обстановка в Калифорнии точно, как и меркантилистская, эксплуатационная линия Росса в отношениях с индейцами, препятствовует установлению по-настоящему союзнических отношений между ними.

Слишком далеко расположенный от Санкт-Петербурга, Росс мыслился «геополитическим камнем преткновения». В этой связи, экономические амбиции, связанные с расширением территории, не могли быть реализованы. Возможность закрепления в Калифорнии отпадала: голос скованной соседями-государствами колонии был еле слышан в столичных кругах. РАК, не имевший государственную поддержку, не располагала достаточными для того ни политическими, ни финансовыми ресурсами.

Не шла на пользу колонии и обстановка в индейских кругах: изменилась политика взаимоотношений, для которой характерной чертой стало взаимное порой насилие. Возможность закрепиться в Калифорнии посредством поддержки аборигенов также не была осуществлена.

Следовательно, так и не получив поддержки Испании, Мексики, индейских племен, лишенный и петербургского содействия, Росс становился одиноким и далеким селением, среди быстро сменяющейся политической ситуации в Калифорнии. Близившаяся американо-мексиканская война 1847 г. поделила территорию между США и Мексикой; в 1850 г. Калифорния становится тридцать первым штатом США, в котором нет места русскому присутствию.

Заглядывая вперед и предполагая эти события, видя нереализованность собственных планов и наличие долгов, РАК принимает решение о продаже колонии Дж. Суттеру за 30 тысяч долларов, которые должны были бы решить финансовые затруднения компании.

Колония Росс родилась и закончила свою историю как некий исторический эксперимент. Конец был неминуем, продиктованный отсутствием социальных и политических условий, необходимых для полномасштабной российской колонизации Калифорнии. Основная же ответственность за подобный исход, на наш взгляд, лежит на верховной власти Российской империи, не заинтересованной в экспансии в данном регионе и потому достаточно равнодушной к проблемам его колонизации.

Открытие в Калифорнии огромных залежей золота уже в 1848 году втянуло ее в так называемую «золотую лихорадку». Известно, что не обошла стороной она и владения Дж. Суттера.

Примечания.

1. Болховитинов Н. Н. История Русской Америки, Том 2. М., 1999.
2. Болховитинов Н. Н. История Русской Америки, Том 3. М., 1999
3. Истомин А.А., Тишков В.А., Гибсон Д.Р. Россия в Калифорнии. Том 1. М., Наука, 2005.
4. Истомин А. А., Тишков В.А., Гибсон Д.Р. Россия в Калифорнии. Том 2. М., Наука, 2012
5. Потехин В. С. Историческая записка о селении Росс, С., 1859

СЮЖЕТ «ВОЗНЕСЕНИЕ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО» В ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ

П. И. Чибурова

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, pelageyasolntse945@yandex.com

Александр Македонский — один из самых популярных персонажей мировой истории. В античной культуре его образ воплощал героизм и мужество. Тогда современники Александра начали составлять письменные свидетельства о его достижениях. Позднее их традиция была продолжена средневековыми европейскими летописцами и художниками. Предметом исследования является отражение сюжета о вознесении Александра Македонского в визуальной культуре средневековой Франции. Цель: раскрыть бытование сюжета «Вознесение Александра Македонского» в визуальной культуре средневековой Франции. В соответствии с целью ставятся следующие задачи:

1. Проанализировать историографию изучения темы,
2. Выявить, каким образом сюжет отображается в различных исторических источниках
3. Определить, какое место в культуре Франции эпохи Средневековья занимает изучаемый сюжет

Актуальность исследования определяется тем, что в исторической науке остается открытым вопрос, несет ли сюжет «Вознесение Александра Македонского» символическое значение. Исследуемый сюжет несет в себе отражение уровня культурного развития, особенности миропонимания общества.

Обратимся к историографии вопроса. Исследовательница М.Е. Грабарь-Пассек отмечает, что в античном романе об Александре Псевдо-Каллисфена – при внимательном чтении можно найти философские мысли и политические цели. Она выявила, что фантастические и поучительные рассказы о его жизни и смерти разрастались, вплетая в себя восточные мотивы, и между XI и XIII вв. полностью развернулись в литературе феодальной Европы[1:178].

А.Д. Михайлов проводит исследование в рамках европейских средневековых письменных источников. Исследователь утверждает, что на этапе становления французского рыцарского романа в центре внимания были два персонажа - Александр Македонский и Артур. Начальный этап развития куртуазного романа отражается в памятниках – «Роман об Александре», «Роман о Бруте», «Роман о Трое», «Роман о Фивах» [6: 35]. Отмечается, что у «Романа об Александре» слишком много авторов, некоторые из которых трудились над продолжениями романа еще во времена Кретьена де Труа. Исследователь предлагает хронологию обращения различных авторов к личности Александра Македонского в своих произведениях. Первая франко-прованскальская версия романа датируется 30-ми годами XII века, автором которой является Альберик из Бриансона. Новая версия «Романа об Александре» создавалась Александром де Берне. В этой версии отсутствуют батальные и пафосные сцены [6: 91]. «Роман об Александре» А.Д. Михайлов называет популярнейшим прозаическим произведением [6: 264]. На русском языке существует перевод отдельных фрагментов из поэмы Александра де Берне, посвященных другому сюжету. Комплексных русскоязычных переводов французских средневековых авторов отсутствует.

Первоисточником всех последующих произведений об Александре, а также различных реминисценций в средневековом искусстве, является греческий роман «История об Александре Великом».Французская его версия под названием Roman d'Alexander и датирутся XII веком н.э. К вопросу о датировке – А.Н. Веселовский пишет, что созданная в X веке Historia de Preliis, в основе которой – редакция В псведо-Каллисфена, стала известна в Германии уже в XI веке. Она же в Италии в 1236 году вызвала переработку в стихотворной форме Вилькина из Сполето. Веселовский опирается на работу P. Meyer, который утверждает, что французские писатели не знали о существовании «Истории сражений» вплоть до конца XIII века, когда и был сделан прозаический ее перевод [2: 2].

«Александреида Вальтера Шатильонского» - эпическая поэма в 10 книга, сочиненная в конце 1170-х или начале 1180-х гг. о жизни и деяниях Александра Македонского, в основном, на материале Курция Руфа. М.К. Лафферти пришла к выводу о про-

тивопоставлении языческого и христианского видения истории Вальтером. По мнению А. Дионисотти, Вальтер в сложности аллегорий и причудливости образов превзошел античных поэтов.[4]

Сопроводительные изображения к рукописям «Романа об Александре» в различных вариациях содержат информацию о воплощении сюжета в визуальной культуре. Так, изображение сюжета «Вознесение Александра Македонского» содержится на страницах рукописи Романа об Александре» из Северной Франции, датируемой ок. 1300 г., также иллюстрация к Roman d'Alexandre en Prose, France содержит изучаемый сюжет. Европейские изображения похожи – на обеих миниатюрах Александр, сидящий в клетке, возносится при помощи грифонов, которые поднимают его в воздух. Грифоны изображены массивными животными, похожими на драконов. На голове у Александра – царская корона.

Таким образом, можно заключить, что изучаемый сюжет на территории Франции был распространен, в XII-XIII веках – период Высокого Средневековья. По мнению исследователей, французская версия сюжета «Вознесение Александра Македонского» отличается особым пафосом и метафоричностью. Французские авторы романов об Александре Великом по-разному воспринимают и излагают изучаемый сюжет, что может отражать их уровень культурного развития и особенностей менталитета. В это же время сопроводительные миниатюры, содержащие сюжет, можно назвать каноничными. Сюжет «Вознесение Александра Македонского» занимает особое место в культуре Франции периода Высокого средневековья и способен пролить свет на духовную сферу жизни средневекового общества.

Примечания:

1. Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе / М.Е. Грабарь-Пассек. – М.: «Наука», 1966 – 327 с.
2. Веселовский А.Н. Из истории романа и повести. (Сочинение в 2 т.) Т.1 /А.Н. Веселовский. - СпБ.: Типография императорской академии наук, 1886 – 607 с.
3. Веселовский А.Н. Новые данные для истории романа об Александре. - СпБ.: Типография императорской академии наук, 1892 – 167 с.
4. Знаменская Н.Ю. «Александреида» Вальтера Шатильонского в отечественных и зарубежных исследованиях.–URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandreida-valtera-shatilonskogo v-otechestvennyh-i-zarubezhnyh-issledovaniyah (Дата посещения: 12.12.18)
5. Кузнецова Т. И. Историческая тема в греческом романе. «Роман об Александре». - М.: «Наука», 1969 – 186 с.
6. Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе . - М.: «Наука», 1976 – 350 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В СРЕДНЕЙ И СТАРШЕЙ ШКОЛЕ

Е. В. Афонькина

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, afonkina_ekaterina@mail.ru

Современная система образования Российской Федерации, в условиях реализации новых ФГОС предполагает возможность достижения образовательно-воспитательных задач с помощью углубленного изучения не только «основного» исторического материала предусмотренного нормативно-правовыми документами, но и включение в образовательный процесс материалов из смежных научных областей, например таких как археология.

Так же стоит отметить, что проблема формирования познавательной активности и интереса к изучаемому историческому материалу для школьников среднего возраста является одной из центральных в современной методике обучения истории.

Познавательный интерес учащихся отличается от общей любознательности избирательной направленностью и ценностной мотивацией в обучении, где ведущая роль отведена познавательным мотивам.

С точки зрения процесса преподавания познавательные интересы школьника формируются по средствам целенаправленного выбора учебных предметов и учебного материала. Эта стадия развития интереса характеризуется поступательным движением познавательной деятельности школьника, поиском интересующей его информации.

Использование археологических материалов на уроках истории может не только «украсить» урок, сделать его более интересным, но и помогает учителю достичь педагогических целей, в рамках формирования универсальных учебных действий.

Образовательный и развивающий компоненты использования археологического материала на уроках истории в среднем и старшем звеньях предполагает знакомство учащихся с современными достижениями археологической науки, что дополнит сведения учебника, углубит исторические знания.

Без привлечения данных археологии не возможно изучение дописьменной истории народов и регионов. Обязательное включение в учебную литературу археологической периодизации делает невозможным ее изучение без опоры на археологические источники. Например, первобытная история – изучается на основе данных археологии и этнографии, по причине отсутствия других категорий источников.

Говоря о педагогическом потенциале археологического материала, следует отметить:

Во-первых, включение данных из смежных исторических дисциплин позволяет сформировать всестороннее представление о прошлом человечества.

Во-вторых, формирует верное представление о первобытности и других исторических периодах как об этапах развития человечества.

В-третьих, именно с изучения первобытной истории, в частности, начинается знакомство учащихся с историческом процессом в целом, и привлечение археологического материала (археологических источников) позволяет сформировать устойчивый интерес к последующему изучению предмета.

В-четвертых, ведущая роль зрительного анализатора в процессе освоения материала, позволяет использовать археологические источники как элементы предметной наглядности, что делает учебный процесс интересным и всесторонним.

Реализация педагогического потенциала археологии в процессе обучения истории позволяет воздействовать на сознание и эмоции учащихся, стимулируя интерес к изучаемому материалу и формируя у школьников нравственные и познавательные личностные качества.

В результате перед современным учителем встает вопрос о необходимости поиска путей и методов интеграции археологического материала в современный образовательный процесс. Поиск методов достижения наилучших результатов обучения неразрывно связан с вопросом реализации принципов педагогической археологии в образовательном процессе:

Отмечая основные специфические особенности возможности реализации педагогического потенциала археологической науки, стоит выделить следующие:

-изменение требований общества к качеству образования учащихся;

-поиск способов развития личностных особенностей учащихся;

-интегрированный характер изучаемого материала предполагает широкое использование в процессе преподавания понятий и терминов ряда профильных наук, таких, как археология, педагогика, психология;

-разработка и анализ возможных путей включения дополнительного материала в процесс преподавания истории;

-археология и ее педагогический потенциал является наиболее эффективным инструментом социально-педагогического воздействия на формирующуюся личность учащегося;

-формирование условий для развития познавательных способностей школьников;

-углубленное изучение истории страны и Родного края;

-развитие умения анализировать и интерпретировать археологические источники;

-развитие навыков проектной и поисково-исследовательской деятельности.

Отмечая поиск практических и методических возможностей реализации педагогических принципов археологического материала, стоит учитывать такие аспекты как научный характер деятельности, благодаря интернет–ресурсам, массовость и доступность археологических источников, широкая интеграция с другими науками.

Обязательное формирование навыков поисковой и исследовательской деятельности учащихся с опорой на археологический материал позволяет говорить о большой вариативности суждений, выводов, допускает сочетание разнообразных исследовательских форм и приемов, наглядность, яркая эмоциональная окрашенность изучаемого материала позволяет достичь высоких результатов обучения.

С другой стороны даже при всей привлекательности археологии для организации образовательного процесса необходимо учитывать возрастные особенности учащихся соотнося с ними цели и задачи работы.

Так же стоит отметить, что использование и реализация принципов педагогической археологии в процессе преподавания истории трансформируется в субъектификацию культурной среды и в возможности взаимодействия с ней. Воспитание у учащихся понимания своего места в пространстве культуры, позволит сформировать представление об иерархии ценностей и смысле существования цивилизации.

Таким образом: под педагогической археологией в современной системе образовательного процесса следует понимать специфическую форму включения археологического материала, в исторические курсы в средней и старшей школе. Изучение вопросов археологического наследия в процессе преподавания направленно на решение педагогических задач в области обучения и воспитания подрастающего поколения.

Археология, как никакая другая наука, является самой многопрофильной и динамичной. Археологическая наука направлена на изучение деятельности человека в ее исторической ретроспективе, что с точки зрения расширения границ изучаемого материала, и методик преподавания позволяет учитывать все основные образовательные принципы и способы учебного взаимодействия между субъектами образовательного процесса.

Примечания.

1. Афонькина Е.В. Отражение исторической памяти в археологических источниках: методологический аспект.// Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия: материалы международной научно-практической конференции, 14 ноября 2014 года. Владимир, 2015.
2. Афонькина Е.В. Использование археологического материала в организации учебного процесса в средней и старшей школе.// Исторический опыт мировых цивилизаций и Россия: материалы VI международной научно-практической конференции, 7 – 8 декабря 2017 года. Владимир, 2018.
3. Бровко Д.В. Феномен педагогической археологии. //Уссурийский краеведческий вестник. Вып. 3. Уссурийск, 2004.
4. Буровский А.М. Предмет и проблемы «педагогической археологии»//Вопросы методики работы школьных археологических кружков. Новосибирск. 1990.
5. Захарук Ю.Н. К дискуссии о статусе археологии //Российская археология, № 4. М., 1992.
6. Мезенцев А.Л. Археология и формирование интереса к истории у школьников// www.rezerv.narod.ru.
7. Пежемский В.Г. Педагогический потенциал археологической деятельности//Взаимодействие личности, образования и общества в России в изменяющихся социокультурных условиях. Межвузовский сборник научных трудов. Ч.1. С-Пб., 2002.
8. Прохорова Г.А.. Изучение истории повседневности в школьном курсе истории// Преподавание истории в школе . М., 2000.

ЭЛЕКТРОННЫЕ СРЕДСТВА В ОБУЧЕНИИ ОБЩЕСТВОЗНАНИЮ

О. А. Баскакова

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, baskakova@yandex.ru

В образовании произошли большие изменения, в основном это связано с повышение эффективности урока и увеличением используемых учителем дидактических средств.

«Дидактические функции технических средств обучения: уменьшение затрат времен; передача необходимой для обучения информации; рассмотрение изучаемого объекта или явления по частям и в целом; обеспечение деятельности учащихся и педагога. [1: 181]. По принципам управления: разомкнутые (односторонняя связь между техническим средством и обучающимся), замкнутые (обратная связь). [2: 46].

Наиболее высокое качество изложения материала достигается при подкреплении ТСО словами учителя в процессе преподавании урока. А электронные средства обучения дают возможность задействовать слуховые и зрительные анализаторы при изучении материала. Большую роль технических средств обучения играют в логическом выстраивании материала. Большую роль в обучении играет эмоциональный базис, который сопровождает электронные средства в процессе урока. Постоянная связь между словами учителя и демонстрацией сопровождающего материала, для визуализации событий, процессов на уроке обществознания незаменима, так как, серьезные процессы, происходящие в мире и обсуждаемые на уроке, должны иметь визуализацию, то есть школьники должны представлять не абстрактные, а конкретные примеры.

Есть ряд правил, которым должен следовать учитель в разработке и представлении материала основанного при использовании электронных средств обучения. Цвет должен не резать глаз и придерживаться теплых тонов, музыкальное сопровождение не должно быть резким, дабы не раздражать и не воздействовать на органы слуха учащихся. Все видео и аудио ряд, должны быть четко продуман, чтобы иметь логическую систему и подкреплять рассказ учителя.

Устойчивое внимание при активной работе над изучаемой темой сохраняется у детей с 5 по 7 класс не больше 8-10 минут, у подростков 8 по 9 класс не больше 10-15 минут, у старших 10 и 11 классов не больше 15-20 минут. Затем должно следовать переключение внимания и смена деятельности или краткий отдых в процессе, которого учитель может обобщить сказанный ранее материал. Способность учителя управлять и вовремя переключать внимание учеников, говорит о способности школьников обобщать и делать выводы по пройденному материалу.

Поучительными особенностями технологических средств обучения на разных уровнях преподавания и использовании информации выделяют:

1. Насыщенность материала информацией;

2. Преодоление временных, пространственных, территориальных и иных границ;

3. Возможность глубокого исследования изучаемой темы;

4. Демонстрация развития проблемного вопроса;

5. Отображение реального состояния дел;

6. Эмоциональный окрас рассказа, изобразительный и выразительные приемы ТСО.

Технические средства обучения дают возможность, обратиться на прямую к личности каждого ребенка, заинтересованного в педагогическом образовательном процессе. Огромный выбор методов и приемов на уроке говорит о демократизации учебного процесса.

Воспитание в школьниках уважения к культуре, не только своей но и других народов, показать развитие культурных ценностей и показать потенциал современной культуры, что говорит о культуросообразности урока.

Во время проведения уроков должны активно соблюдаться принципы научности, доступности и системности. С помощью технических средств обучения принцип научности достигается в высокой информативности излагаемого материала. Системность помогает принципу научности выстроить материал таким образом, чтобы ученик смог грамотно воспроизводить текст и без проблем отвечать на вопросы по заданной теме.

После обучения и активного освоения материала, осуществляются принципы сознательности, активности и самодеятельности, дабы применять полученные теоретические знания на практике.

Активное мышление достигается при помощи технических средств обучения и ответа на проблемные вопросы и ситуации. Учащиеся по поисковому пути приобретения знаний, задается проблемный вопрос и ученики пытаются найти из него выход. Ученики должны сами уметь делать вывод и систематизировать полученные знания.

Говоря о технических средствах обучения важно сказать о принципах меры, компетентного подхода и комплексного характера материала. Эффективность электронных средств воспитания и обучения определяется их соответствием поставленным целям, задачам и информативной содержательности материала, формам и методам которым придерживается учитель и возможность из использовать в школе [2: 108].

Технические средства значительно увеличили возможность передачи и воспроизведении объяснительно-иллюстративных методов усвоения информации школьниками.

Также технические средства обучения дают огромный потенциал для развития исследовательского метода через эвристический метод. С помощью ТСО можно выявить проблему, сформулировать ее, искать доказательства, уметь делать вывод из результатов и произведение самоконтроля. При выполнении исследовательских шагов, которые и определяют поисковых характер деятельности учеников.

Таким образом, урок может быть насыщен современным технологиями и возможность желать результативности, усовершенствование знаний, умений и навыков, при правильном использовании электронных средств на уроке.

Теперь рассмотрим возможности использования электронных средств в обучении на практических примерах.

Например, в 5 классе, при изучении темы «Государственные символы России», одним из источников являются символами нашей страны. Большинство из них, приводится в учебнике, но в процессе объяснения с помощью презентации Power Point, можно продемонстрировать герб, гимн, флаг подкрепляемыми либо словами учителя, либо видео рядом, опять же с эмоциональным сопровождением учителя.

В 6 классе при изучении темы «Проблема выбора профессии», можно продемонстрировать различные профессии, сопроводить это видеорядом.

В 9 классе учащиеся могут уже сами создавать компьютерные презентации с использованием анимации, красочного показа, регулировка временного пространства демонстрации материала. Например, учащиеся могут создать презентацию по теме «Административные правоотношения» в качестве домашнего задания с последующей демонстрацией в классе.

Для правильного использования технических средств обучения и закрепление информации у учащихся, учитель должен соблюдать несколько правил:

1. Пояснение непонятных моментов в представляемом материале;
2. Концентрация внимания у учащихся на главных моментах в представленном материале;
3. Содержание материала должно тесно переплетаться с рас сказом учителя.

Таким образом, можно смело заявить, что использование технических средств в обучении дает преимущество при воспроизведении и закреплении материала, красочность использования визуального ряда, различным выделением главного в изучаемом материале, дает хорошее практическое применение на выходе у учащихся и оставляет минимум проблемной малоизученной информации. Но нельзя забывать, что постоянное использование электронных средств в обучении может привести к снижению концентрации на материале и усталости органов зрения. Необходимо уделять внимание отдыху от компьютерных технологий на уроке и дать возможность ученикам отдыхать от «синих экранов».

Примечания.

1. Дудина М.М., Хаматнуров Ф.Т.., Основы психолого-педагогической диагностики: учебное пособие / Екатеринбург: Изд-во Рос.гос. проф.-пед. ун-та, 2016.- 190 с.
2. Коджаспирова Г.М., Петров К.В. Технические средства обучения и методика их использования./ М. Издательский центр «Академия». 2007 г. - 256с.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА Ж. ШИРАКА В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ИСТОРИИ

Е. В. Головешкина

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, mega.goloveshkina@mail.ru

Проблемы международных отношений занимают значимое место в школьном курсе истории. В условиях современной геополитической ситуации актуализируются вопросы внешней политики стран ЕС, их взаимодействие с Россией. В этом плане особый интерес представляет Франция конца XX - начала XXI вв., поскольку, в отличие от других стран Европейского союза, она стремилась к более независимой внешней политике. Несмотря на возврат Франции в период правления Жака Ширака в военные структуры НАТО, ее участие в военной операции в Косово в 1999 году, поддержку военного присутствия в США в Афганистане в 2001-2002 годы, во внешнеполитическом курсе Франции можно выделить и тенденции неоголизма.

Именно период правления Жака Ширака связывают с продолжением идей де Голля, то есть с проведением более самостоятельной внешней политики. «Друзья, союзники, но не приспешники» США, как говорил Юбер Ведрин, бывший министр иностранных дел правительства Лионеля Жоспена [3: 112]. Ж. Ширак поддерживал позицию Германии и России против войны в Ираке в 2003 году, чем резко обострил франко-американские отношения [3: 116].

В 1990-е годы происходило формирование отношений с Россией. Ж. Ширак называл Россию, а также Белоруссию «привилегированными партнерами» [5]. Он нанес семь визитов в Россию, встретившись с Б. Ельциным и с В. Путиным. В 1996 г. Б. Н. Ельцин, а в 2000 г. В. В. Путин посещали Францию. Необходимо отметить, что обращение к вопросам политики Франции этого периода актуализируют интерес учащихся и к вопросам современной геополитической ситуации в мире, в том числе позиции современного французского президента Эммануэля Макрона.

Напрямую данный вопрос затрагивается в концепции нового учебно-методического комплекса по Всемирной истории в разделе «Усиление позиций евроатлантического сообщества, расширение НАТО и Европейского Сообщества на восток» [9].

В Концепции нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории он может быть раскрыт в таких темах, как внешнеполитический курс в годы президентства В.В. Путина, восстановление позиций России в международных отношениях, современной концепции российской внешней политик, отношениях России с США и Евросоюзом [4].

Внешняя политика Франции относится к трудным вопросам отечественной и всемирной истории. Он формулируется следующим образом: «кто победил в Холодной войне?» [4]. Для учащихся старших классов учитель может углубить проблему, предложив следующую дискуссию: «заканчивалась ли Холодная война?». Это может стать основой проблемного урока в старших классах.

В федеральном перечне учебников для учащихся старших классов рекомендована линейка учебников Н.В. Загладина [2]. При рассмотрении вопросов внешней политики автор акцентирует внимание на взаимодействие России со странами СНГ, Восточной и Юго-Восточной Европы. Проблемы внешнеполитического курса Франции затрагиваются весьма слабо. В частности, вскользь упоминается, что Франция, хоть и была в числе союзников США и НАТО, не поддержала наряду с Россией военную операцию против Ирака [1: 428]. В учебниках Н.В. Загладина не говорится о визитах во Францию российских президентов и французского президента в Россию. Таким образом, данные учебники не формируют целостного представления учащихся о мировой геополитической ситуации, что повышает роль и ответственность учителя в отборе и изложения материала.

В качестве выводов стоит отметить, что тема внешней политики Франции в период президентства Ширака узко представлена в школьном курсе истории. Несмотря на это, важность данной темы бесспорна: только понимание того, как, начиная с середины 90-х годов, выстраивались отношения молодой России со странами ЕС, в том числе с Францией, могут дать учащимся основу для осмысления современной мировой обстановки, положения и роли России в мире.

Каковы же перспективы преподавания внешней политики Франции периода президентства Ширака в школе? Во-первых, современных учителей не должны ограничивать рамки урока или материалы учебника. Если тема недостаточно подробно освещена в концепциях и в учебниках, то возможна разработка учителем элективных курсов, организация работы кружков профильного изучения истории для старшеклассников. Кружки могут называться «Современные проблемы международных отношений» или «Проблемы современной истории Франции». Они будут призваны удовлетворить познавательный интерес учащихся к проблемным вопросам истории, повысить интерес к вопросам внешней политики, подготовить учащихся к конкурсам и олимпиадам.

В-вторых, для учащихся старших классов можно предложить исследовательские или проектные работы по вопросам внешней политики Франции, ее отношениям с Россий. Можно предложить следующие темы для исследования, доклада или проекта: «Почему Ж. Ширака называют неоголистом?», «Неоголизм в политике французских президентов», «Результаты визитов Ж. Ширака в Россию».

В-третьих, для старшеклассников можно провести урок «Двухсторонний взгляд на проблему отношений России и Франции в период президентства Ж. Ширака» в форме телемоста со школьниками из других городов, стран ближнего и дальнего зарубежья при наличии соответствующих контактов и знания языка.

Примечания.

1. Загладин, Н.В., Петров, Ю.А. История. Конец XIX - начало XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. Базовый уровень. М.: «Русское слово – учебник», 2014. – 448 с.: ил. – (Инновационная школа).
2. Загладин, Н.В. История. Всеобщая история/ Конец XIX - начало XXI века: Углубленный уровень: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений/

Н.В.Загладин. - М.: ООО «Русское слово-учебник», 2013, -416 (ФГОС Инновационная школа).
3. Канинская, Г.Н. Париж и НАТО // Международная жизнь.- 2008.- № 10.- С. 111-122.
4. Концепция нового учебно-методического комплекса по Отечественной истории. [Электронный ресурс]. Режим доступа: - URL: https://www.kommersant.ru/docs/2013/standart.pdf Дата обращения: 21.11.2018.
5. Осипов, Е.А. Все дальше от голлизма: внешняя политика современной Франции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - URL: https://interaffairs.ru/news/show/14900 Дата обращения: 21.11.2018.
6. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 295 "Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие образования" на 2013 - 2020 годы" (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - URL: http://base.garant.ru/70643472/#friends#ixzz4TCRDeyOQ . Дата обращения: 21.11.2018.
7. Примерная программа основного общего образования (от 8 апреля 2015 г). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: - URL: http://window.edu.ru/resource/184/37184/files/10-o.pdf . Дата обращения: 21.11.2018.
8. Примерная программа основного общего образования (от 8 апреля 2015 г). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: - URL: http://window.edu.ru/resource/184/37184/files/10-o.pdf . Дата обращения: 21.11.2018.
9. Проект концепции нового учебно-методического комплекса по Всемирной истории. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: - URL: http://tsput.ru/his_seminar/progect.pdf. Дата обращения: 21.11.2018.
10. Федеральный базисный учебный план (БУП) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: - URL: http://window.edu.ru/resource/309/39309/files/bup.pdf . Дата обращения: 21.11.2018.
11. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утвержден приказом Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - URL: http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2365 . Дата обращения: 21.11.2018.
12. Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации», № 273 – ФЗ от 29.12.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - URL: http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/. Дата обращения: 21.11.2018.
13. Федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 31 марта 2014 г. N 253" (С изменениями на 26 января 2016 года). [Электронный ресурс]. Режим доступа: - URL: http://www.uchportal.ru/documents/federalnyj-perechen-uchebnikov-na-2016-2017-uchebnyj-god/ . Дата обращения: 21.11.2018.

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

В. Ю. Данилова

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, fasikcat@yandex.ru

В 2018 году исполняется сто лет с того момента, как в России началось открытое вооруженное противостояние между белыми и красными – Гражданская война. В данной статье анализируется представление учебного материала о Гражданской войне в современных школьных учебниках по истории России. Рассматриваются два учебника для 10 класса из новейшего Федерального перечня: учебник коллектива авторов О.В. Волобуева, С.П. Карпачева, П.Н. Романова [1] и учебник коллектива авторов М.М. Горинова, А.А. Данилова, М.Ю. Морукова под редакцией А.В. Торкунова [2; 3].

В советских учебниках истории Гражданская война освещалась в том ключе, что красные были правы, а белые – неправы, что объясняется победой красных и дальнейшим господством советской идеологии в стране. В современных учебниках ни одна из сторон не определяется как правая или виноватая, что совершенно справедливо. В учебнике О.В. Волобуева параграф о войне начинается с изображений двух агитационных плакатов, принадлежащих соответственно белым и красным. Суть изображения на плакатах одинакова: боец призывает граждан вступить в ряды армии, задает им вопрос, записались ли они в армию. Различаются только стилистика, цветовая гамма и шрифт изображений [1:60]. Эти иллюстрации сразу наводят учеников на размышление о том, была ли в принципе разница между действиями белых и красных. Суть и трагедию войны хорошо передает картина советского художника П.П. Соколова-Скали «Братья», на которой нарисовано, что в семье один брат – белый офицер, а другой – красноармеец, и это неизбежно приводит к семейному конфликту [1:72].

В текстах параграфов обоих учебников упоминаются деятели и красного и белого движения, причем без оценочных суждений. Среди заданий для учеников есть такие, где им предлагается рассмотреть кого-либо из деятелей гражданской войны подробно – на их выбор. Самостоятельную оценку действий белых и красных предполагают такие задания: «поставьте себя на место одного из лидеров Белого движения. Каких ошибок вы постарались бы избежать?» [1:73]; «какие действия большевиков в годы Гражданской войны вызывают у вас симпатию, а какие – неприязнь. Почему?» [1:77]. Пример объективного отношения авторов к действиям красных и белых дают те фрагменты параграфов, в которых рассказывается о терроре. Силовые методы (например, насильственную мобилизацию) и методы устрашения – массовые расстрелы, заключение противников в тюрьмы и лагеря, создание репрессивных органов – применяли обе стороны. Среди пострадавших от террора оказались сословия казаков («расказачивание» красными богатых донских казаков) и крестьян [1:66-67, 70; 2:64-65, 69].

Достоинством учебника под редакцией А.В. Торкунова является то, что в нем приводятся отрывки из исторических источников. Что касается работы с понятиями, здесь тоже, на наш взгляд, лучше написан учебник под редакцией А.В. Торкунова, в

котором автором методического аппарата является О.Н. Журавлева. В начале параграфа дано четкое определение гражданской войны [2:58]. Есть определения таких понятий, как белые и красные, Гражданская война 1917–1922 гг., Добровольческая армия, КОМУЧ [3:137-141]. Правда, эти понятия вынесены в словарь в конец третьей части учебника, тогда как материал о войне находится в первой части. Вряд ли это удобно для учеников, особенно при работе в классе. Удивляет то, что ни в одном из учебников не дается четкого определения понятия интервенции, хотя о ней рассказывается достаточно подробно. Карты по Гражданской войне представлены в обоих учебниках. В учебнике под редакцией А.В. Торкунова – видимо, для экономии места – территория России показана только до Урала, а территория Дальнего Востока показана на врезке в углу страницы. Это затрудняет понимание карты и нарушает целостность восприятия [2:63].

В вопросе о причинах Гражданской войны авторы учебников высказывают схожие мысли. Очевидно, что катализатором Гражданской войны стала революция 1917 года, а также Первая Мировая война. Очень многие слои общества были недовольны пришедшими к власти большевиками: их политикой экспроприации имущества у богатых, заключением невыгодного для страны Брестского мира, разгоном Учредительного собрания, национальной и антицерковной политикой. Стремление большевиков удержать власть любым путем вызвало сопротивление меньшевиков и эсеров; жестокая политика в деревне породила сопротивление крестьян [1:61-62; 2:58].

В качестве особенностей Гражданской войны выделены ее длительность, кровопролитность, охват военными действиями большой территории, а также иностранная интервенция, вызванная тем, что большевики отказались соблюдать союзнические обязательства перед странами Антанты [1:63, 66].

Заметно, что хронология и периодизация Гражданской войны в России на данный момент является спорным историографическим вопросом. В учебнике О.В. Волобуева авторы ссылаются на лидера большевиков В.И. Ленина, который считал началом войны октябрьское восстание 1917 г., однако по-настоящему масштабный характер войны проявился с мая 1918 г. Далее предлагается такая периодизация: 1) май 1918 – конец 1918 г. – «война внутри демократии», то есть противостояние большевиков с одной стороны и эсеров и меньшевиков с другой стороны; 2) конец 1918 – конец 1920 гг. – война большевиков против Белого движения; 3) 1921 – 1922 гг. – массовые восстания против большевиков, включая крестьянское движение (так называемые «зеленые»), мятеж матросов в Кронштадте, а также борьба с белыми на Дальнем Востоке и с басмачами в Средней Азии [1:63]. В учебнике под редакцией А.В. Торкунова также отмечается, что в октябре 1917 – весной 1918 г. военные действия носили локальный характер. Однако этапы Гражданской войны выделены по-другому: 1) весна – лето 1918 г. – противостояние между большевиками и их противниками становится открытым; 2) осень 1918 – весна 1919 г. – период эскалации войны. Отметим, что сложное слово «эскалация» ученикам не разъясняется. Для второго этапа характерны восстания в деревне, борьба красной и белой армий, рост красного и белого террора; 3) вторая половина 1919 – осень 1920 г. – поражение белых армий, тогда как крестьяне склоняются на сторону советской власти. Борьба на Дальнем Востоке и в Средней Азии как отдельный

этап не заявлена, хотя позже в тексте параграфа упоминается, что в 1921–1922 гг. Гражданская война еще продолжалась на Дальнем Востоке [2:58-59, 66-67]. На наш взгляд, периодизация войны в учебнике О.В. Волобуева представлена более логично.

Результатами Гражданской войны в учебниках названы: утверждение власти большевиков, большие человеческие потери (12–13 млн. погибших и 2 млн. эмигрировавших), упадок экономики, сокращение территории государства. В обоих учебниках отмечается, что важной причиной победы большевиков стала их успешная пропаганда: лозунги большевиков были более понятны для населения, тогда как Белое движение просто хотело вернуться к старому порядку и не сумело выдвинуть общепризнанного лидера. У большевиков было более выгодное положение в центре страны, и они смогли организовать власть и управление войсками [1:76-77; 2:67-68].

В заключение необходимо согласиться с тезисом о том, что Гражданская война – это национальная трагедия, ставшая следствием глубокого раскола российского общества [2:5].

Примечания.

1. Волобуев О.В., Карпачев С.П., Романов П.Н. История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл.: учебник. М.: Дрофа, 2016.
2. История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 1 / М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.; под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016.
3. История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. В 3 ч. Ч. 3 / М.М. Горинов, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.; под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016.

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ПО ИСТОРИИ

О. В. Захарова, Д. А. Мосина

ВлГУ, г. Владимир, Россия, zaharova33@yandex.ru

Шарль де Голль – французский политический деятель, президент Франции (1959-1969). Он вошел в историю как выдающийся государственный деятель, основатель Пятой республики и идеологического течения «голлизма».

Цель статьи – проанализировать, как рассматривается деятельность Шарля де Голля в школьных учебниках по истории.

Для анализа были выбраны следующие учебники: учебник Загладина Н.В. «Всеобщая история. Новейшая история. XX – XXI века» для 9 класса [1]; учебник Загладина Н.В. и Петрова Ю.А. «История. Конец XIX – начало XXI века» для 11 класса [2]; учебник «Всеобщая история» для 11 класса под редакцией В.С. Мясникова [3]; учебник

О.В. Волобуева «История: Всеобщая история» для 11 класса [4]; советский учебник «Новейшая история (1939-1981)» для 10 класса под редакцией В.К. Фураева [5].

Все современные учебники входят в Федеральный перечень учебников на 2017-2018 гг [6].

В учебнике 9 класса В.Н. Загладина деятельность Шарля де Голля рассматривается в нескольких направлениях. Во-первых, Шарль де Голль возглавлял организацию «Свободная Франция», которая участвовала в освобождении Франции от фашистов. В учебнике он назван «освободителем Франции от фашизма, имеющий огромной авторитет генерала». Также упоминается, что Шарль де Голль принимал участие в Первой мировой войне. Во-вторых, он занимал пост президента Франции в 1959-1969 гг. Заслугой де Голля стало: принятие Конституции 1958 года, утвердившей президентскую республику, предоставление Алжиру независимости, проведение курса на превращение Франции в самостоятельный центр силы в европейской и мировой политике, создание ядерного оружия, выход из военной организации НАТО.

В учебнике под редакцией В.С. Мясникова имя Шарля де Голля связано с деятельность Движения сопротивления. Отмечается, что он был недоволен политикой правительства, которое согласилось на оккупацию немцами Франции. Тогда он отправился в Англию, откуда призвал французов к продолжению сопротивления гитлеровской Германии.

В данном учебнике отмечается, что Шарль де Голль пришел к власти во Франции благодаря военному конфликту в Алжире. В учебнике подчеркивается, что «его огромный авторитет во время алжирского кризиса спас Алжир от военной диктатуры, а Францию – от гражданской войны».

В одном из параграфов учебника рассмотрены внутренние экономические реформы периода президентства Шарля де Голля: стратегическое планирование экономики, регулирование трудовых отношений, участие рабочих в получении прибыли своего предприятия путём продажи им его акций, рост ВНП, увеличение экспорта в два раза, увеличение объемов производства в три раза, становление франка твердой валютой.

Очень кратко дана характеристика европейской интеграции Шарля де Голля: межгосударственная (конфедеративная) модель, полностью сохранившая суверенитет всех участников европейского объединения. Кроме того, учащимся предлагается выразить своё отношение к политической программе де Голля, сравнить взгляды де Голля и Аденауэра по вопросам европейской интеграции, дать оценку роли де Голля в преобразовании Европы.

Имя де Голля также связано с выступлениями студентов, которые были недовольны его политикой. Тогда он провел ряд университетских реформ: совместное руководство университетами студентами и преподавателями, отмена централизованной системы, создание 65 университетов, децентрализация, возникновение студенческих советов.

В учебнике 11 класса Н.В. Загладина и Ю.А. Петрова генерал Ш. де Голля представлен как глава организации «Свободная Франция», ведущей борьбу против фашистов. При рассмотрении политики Франции в 60-е гг. имя Шарля де Голля не упомина-

ется. Оно вновь встречается в теме «Кризис «Общества благосостояния», когда говорится о его отставке в 1969 году из-за студенческих волнений.

В учебнике 11 класса О.В. Волобуева Шарль де Голль предстает основателем «Свободной Франции», генералом-патриотом, призывавшим соотечественников к борьбе с оккупантами-фашистами.

В 1944 году благодаря наступлению против гитлеровских войск в Северной Франции, войска «Сражающейся Франции» освободили Париж, и было создано Временное правительство Французской Республики, во главе которого встал Шарль де Голль. В 1958 году он пришел к власти посредством Алжирского кризиса. В результате, де Голль стал основателем и заложил основы Пятой республики. Главной целью своей политики он считал достижение «величия Франции». Во внешней политике он «стремился к полной национальной независимости, дистанцируясь от политики США и отказываясь от «атлантического курса». Франция создала ядерное оружие и вышла из военных структур НАТО.

Для сравнения был взят советский учебник «Новейшая история. 10 класс» под редакцией В.К. Фураева. Шарль де Голль представлен одним из немногих представителей буржуазии и высшего офицерства, которые выступили против фашизма. Оказавшись в Лондоне, он обратился к французам, к французским военнослужащим, находившимся за пределами страны, объединиться в движении «Свободная Франция» для борьбы за национальное возрождение родины.

Генерал де Голль основал Пятую республику, установив новый государственный порядок посредством принятия новой Конституции в 1958 году. Авторы подчеркивают, что «в Пятой республике утвердился режим личной власти де Голля». Заслугой де Голля, по мнению авторов, является то, что Франция вышла из военной организации НАТО в 1966 г., «выдворила со своей территории все американские войска, штабы и военные базы». В период президентства де Голля «улучшились и стали крепнуть отношения Франции с СССР и другими социалистическими странами». Однако экономические реформы не увенчались успехом и привели к массовым выступлениям, итогом которых стала отставка де Голля в 1969 году.

В школьных учебниках по истории деятельность Шарля де Голля в истории Франции определяется следующими событиями: участие в движении Сопротивления, наступление войск которого спасло Францию от фашистских захватчиков; завершение Алжирского кризиса, в результате которого он пришел к власти; принятие новой конституции, заложившей новое государственно-политическое устройство Франции; вывод Франции из НАТО, способствовавший ведению независимой от США политики.

Согласно Конституции Французской республики, президент занимался внешней политикой, а премьер-министр – внутренней. Однако деятельность Шарля де Голля на международной арене не раскрыта. Об этом упоминается только в советском учебнике, поскольку в период президентства де Голля укрепились отношения между этими двумя странами.

Попытка рассмотреть внешнюю политику делается в учебнике под редакцией Мясникова, где учащимся предлагается самостоятельно найти материал по вопросу европейской интеграции Шарля де Голля.

Можно сделать вывод, что деятельность Шарля де Голля в школьных учебниках раскрывается единообразно: содействие в освобождение Франции, приход к власти в 1959 году во время Алжирского кризиса, экономические реформы, которые привели к массовым волнениям, которые, в свою очередь, привели к его отставке в 1969 году.

Тем не менее, Шарль де Голль вошел в историю как военный деятель, генерал, патриот, искусный политик, стремившийся к достижению величия Франции, основатель Пятой республики, что подчеркивается в рассмотренных учебниках.

Примечания.

1. Всеобщая история. Новейшая история. XX – начало XXI века: учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений / Н.В. Загладин. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2014. – 272 с.
2. История. Конец XIX - начало XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. Базовый уровень / Н.В. Загладин, Ю.А. Петров. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2014. – 448 с.
3. Всеобщая история : 11 класс : учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / О.Ю. Пленков, Т.П. Андреевская, С.В. Шевченко ; под общ. ред. академика РАН В.С. Мясникова. – М.: Вентана-Граф, 2011. – 336 с.
4. История : Всеобщая история. Базовый и углубленный уровни. 11 кл.: учебник / О.В. Волобуев, М.В. Пономарев, В.А. Рогожкин. – М.: Дрофа, 2014. – 223 с.
5. Новейшая история (1939-1981): учебное пособие для 10 класса средней школы / под ред. профессора В.К. Фураева. – М.: «Просвещение», 1982. – 297 с.
6. Федеральный перечень учебников, рекомендованных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования. – URL: http://shcola29.ucoz.ru/matertehobesp17/federalnyj_perechen_uchebnikov_na_2017-2018.pdf (дата обращения: 10.11.2018)

РАБОТА С ДОКУМЕНТАМИ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ФУНКЦИИ И ВИДЫ ДОКУМЕНТОВ

С. Д. Лодейкин

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, semen47777@gmail.com

Документы официального и неофициального характера являются важным элементом в процессе преподавания обществознания. На сегодняшний день существует огромное множество работ методического плана, которые посвящены вариативности использования источников в образовательном процессе. В советское время (до 80-х годов XX века) учителя использовали такие источники как материалы прессы, популярную философскую литературу, но это было скорее исключением из правил, чем обыденностью [2].

В 90-е годы прошлого столетия меняются цели и содержание обществоведческого образования, что в дальнейшем потребовало значительного повышения удельного веса и качества работы учащихся с документами [1: 196].

В настоящее время сложно представить уроки обществознания без использования различных источников, которые в ходе работы выполняют различные функции, отражающие широкие педагогические возможности их использования на уроке. Рассмотрим их более подробно.

1. Привлечение документов позволяет конкретизировать, углубить, а также проиллюстрировать изучаемое содержание.
2. Ученики изучают источники общественных наук, методы научного познания общества.
3. Учащиеся разбираются в текстах, с которыми каждый член общества сталкивается каждый день в ходе различных жизненных ситуаций.
4. Документы являются способом иллюстрации актуальной информации, отражающей повседневные проблемы.
5. В ходе уроков реализуется региональный и национально-региональный компоненты обществоведческого образования.
6. Использование документов позволяет воздействовать не только на интеллектуальную, но и на эмоциональную сферу личности учащихся.
7. Учащиеся развивают навыки самостоятельной работы, создаются условия для организации творческо-поисковой деятельности в ходе урока.
8. Учитель получает реальную возможность осуществлять индивидуальный подход и уровневую дифференциацию, позволяя распределить задания по уровню подготовки учащихся [1:197-206].

Педагогические возможности источников во многом определяются их содержанием, ценностной ориентацией, эмоциональной окраской. Наиболее подходящими под эти критерии можно считать письменные источники, которые могут быть использованы на уроках обществознания, так как они значительно упрощают понимание и восприятие материала, делают его нагляднее и интереснее.

Важным условием успешного использования документов является их классификация, которая систематизирует различные виды документов, очерчивает конкретные пределы использования. В обществоведческом курсе используются нормативные документы, мемуарные источники, программные документы, в число которых входят программы партий, программные выступления политических лидеров, документы общественно-политических организаций, социально-экономические программы, статистические и информационные материалы. Личные документы носят сугубо личный, интимный характер. К таким документам относятся письма, дневники, записи. Материалы научных, политических, общественных, юридических, экономических, философских дискуссий (стенографические отчёты, протоколы). Философские тексты – это статьи, отрывки из трудов, дискуссии философов, отображающие состояние философской мысли в прошлом и настоящем. Научные, научно-популярные тексты фиксируют теоретическое отображение действительности. В первую очередь это отражается в фраг-

ментах из статей в научных и научно–популярных журналах, сборниках научных статей, монографий [1: 207-217].

Остановимся более подробно на такой группе источников как мемуары. Мемуарные источники подразумевают повествование от первого лица о реальных событиях, участником или очевидцем которых в прошлом был рассказчик. Как правило, мемуары охватывают значительный временной промежуток воспоминаний и последовательное их изложение. Работа с мемуарами на уроке активизирует восприятие, мышление, переживание школьников.

Для развития у учеников способности владеть альтернативными вариантами развития и прогнозировать последствия предполагаемых изменений, необходимо включать в учебный процесс письменных источников, в особенности мемуаров, которые несут в себе опыт прошлого, отражают многообразие видов деятельности, историю развития человека и общества. Изучая современное общество, следует учитывать прошлое, которое воссоздаётся в мемуарах: это могут быть воспоминания политиков, учёных, художников, поэтов, писателей, военных, религиозных деятелей и т. д.

Особенностью мемуаров как источников является их субъективизм. Само происхождение источника накладывает отпечаток необъективности, из этого следует, что точка зрения мемуариста не обязательно будет правильной. Это следует учитывать при отборе документов.

Так, например, изучая тему «Гражданин - человек свободный и ответственный», целесообразно привлечь воспоминания о А.Д. Сахарове, где мемуарист повествует о гражданской ответственности учёного, о понимании гражданского долга Сахаровым. При изучении темы «Что под силу человеку» разумно привести мемуары спортсменов, учёных, космонавтов, исследователей, которые рассказывают, что же действительно под силу человеку. В теме «Вечные вопросы», привлекаются воспоминания философов, религиозных деятелей, учёных; изучая тему «Исторические судьбы марксизма», целесообразно привлечь воспоминания русских марксистов, европейских социал-демократов о марксизме и его судьбах. Также, при изучении темы «Политический режим», считаю разумным, обратится к мемуарам А.Ф Керенского, где присутствует глава под названием «Россия на пути к демократии» , В которой автор описывает и рассуждает об этом политическом режиме. При изучении темы «Что под силу человеку» разумно привести мемуары спортсменов, учёных, космонавтов, исследователей, которые рассказывают, что же действительно под силу человеку. В теме «Вечные вопросы», привлекаются воспоминания философов, религиозных деятелей, учёных; изучая тему «Исторические судьбы марксизма», целесообразно привлечь воспоминания русских марксистов, европейских социал-демократов о марксизме и его судьбах. В теме «Международно-правовая защита жертв вооруженных конфликтов» предлагаю обратиться к мемуарам военных советников и специалистов из СССР, которые служили в «горячих точках» Африки в 1960-1980-е гг. В данных мемуарах прекрасно отражены гуманитарные катастрофы, проблемы мирного населения, впечатления самих военных, о том, что происходило в тот период.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о многообразии источников, которые могут быть использованы учителем в ходе изучения

школьного курса обществознания, а также о значительной роли этих источников, применение которых позволяет более детально изучить материал, способствует наглядному его восприятию и более глубокому усвоению.

Примечания.

1. Методика преподавания обществознания в школе : учеб. для студ. пед. высш. учеб. заведений / Под ред. Л.Н. Боголюбова. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. – 304 с.
2. Садыков Ш.Ф. Обществоведческое образование и его роль в гражданском воспитании молодежи // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6 [Электронный ресурс], - http://science-education.ru/ru/article/view?id=15644 (дата обращения: 29.03.2019).

МЕЖПРЕДМЕТНЫЕ СВЯЗИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ

О. В. Осокин

ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия, olegosokin1996@mail.ru

Один из этих вопросов, который волнует умы педагогов — это вопрос о связях между дисциплинами. Применительно к истории, внимание к данному вопросу обусловлено необходимостью понимания роль разных исторических деятелей в развитии нашего государства.

«В рамках школьных курсов истории основное внимание уделяется рассмотрению событий, явлений, процессов. За скупыми строками учебников не всегда видны личности, без понимания мотивов и сущности деятельности которых сложно составить истинную картину исторической действительности». [1]

При изучении личностей в истории можно освободиться от ряда дублирования тем. Например, если рассмотреть основные образовательные программы по истории и географии, то в каждой из них мы можем встретить темы, связанные с Великими географическими открытиями.

«Межпредметные связи выступают непременным условием развития у учащихся интереса к знаниям, как по истории, так и основ наук в целом. Использование на уроке различных дополнительных сведений о географических открытиях, исторических событиях в значительной степени повышает познавательный интерес к предмету, что является образовательным значением таких связей.

Воспитательное значение межпредметных связей состоит в том, что на базе усвоения основ наук создаются возможности для формирования мировоззрения школьников, развития у них высоких нравственно-правовых качеств, патриотических чувств, этических и эстетических понятий. Так при реализации дополнительной программы

«Ордена и медали России», в рамках кадетского образования, можно развивать патриотические чувства учащихся на примерах героизма, храбрости и мужества героев русской армии, которых награждали орденами и медалями, а также в честь которых называли ордена и медали.

Развивающее значение раскрытия связей между предметами заключается в том, что они активизируют умственную деятельность учащихся, развивают их умения, навыки повышают самостоятельность». [2]

Стоит подробнее остановиться над возможностями реализация межпредметных связей в рамках отдельных фрагментов урока, при проведении интегрированные уроков, а также при реализации программ элективных курсов и программ дополнительного образования.

Межпредметные связи используются в работе учителя в виде фрагмента, отдельного этапа урока (если для освоения материала требуются знания из других предметных областей). «Следует тщательно отбирать информацию из других учебных предметов, чтобы дополнительные сведения не перегружали урок и не заслоняли содержание учебного материала по истории». [3] Например, изучение темы «Судебная реформа Александра II», где мы можем подробно сравнить деятельность юристов изучаемого периода. На уроках можно более подробно рассмотреть деятельность юристов изучаемого периода. На этом примере мы прослеживаем связь истории и права (обществознание).

Межпредметные связи могут реализовываться в виде интегрированных уроков, но для таких уроков необходима четкая структуризация хода урока. «При организации интегрированного обучения надо твердо следовать принципу: содержание смежных дисциплин, привлекаемых в качестве добавлений в учебном процессе по данному учебному предмету, не должно заменять и вытеснять основное содержание изучаемой темы.»[4] В ходе такого урока учащиеся используют разные средства для получения, усвоения и передачи информации, т.е. у нас есть возможность систематизировать и обобщать знания из нескольких дисциплин одновременно.

Такой вид урока достаточно сложен для его проведения. Сложность выражается в его подготовке и проведении. Если урок ведут два и более учителя, то им необходимо четко понимать и чувствовать друг друга, взаимодействовать между собой для того, в равной мере участвовать в ведении урока, что бы у учеников сложилось целостное восприятие темы урока. Также такой урок может вести и один педагог, который владеет и преподает несколько дисциплин. Эти дисциплины, на первый взгляд, могут быть и не связанными между собой.

Примером будут являться такие предметы, как история и основы безопасности жизнедеятельности. На протяжении всего курса истории России мы изучаем разные события и факты, а также людей, которые приняли участие в этих событиях, а также их личный вклад развитие этих событий. В рамках предмета основы безопасности жизнедеятельности мы говорим о русских полководцах (именно эти люди трудились, защищали нашу страну от врагов, мы говорим об их воспитании, становлении как личности и патриота нашей страны), о днях воинской славы (о тех событиях, которые оставили неизгладимый след в истории, о людях принявших участие в этих событиях, об их по-

двигах, чувстве патриотизма), В ходе такого урока можно обсудить и разобрать то, какой вклад внесли великие полководцы в историческое прошлое нашего государства.

Межпредметные связи на уроках истории при изучении личностей можно реализовывать при помощи дополнительных программ (элективные курсы, программы дополнительного образования). Особенностью этих программ будет то, что они не связаны с одним предметом, есть возможность для детального рассмотрения личности.

Примером можно привести программу элективного курса «Личность в истории». В этой программе, изучаемые личности объединяются между собой по сферам деятельности. Это - неоднозначные фигуры, но точно можно сказать, что отличительной их чертой являлась убеждённость. У каждого было своё видение мира; они отстаивали свои взгляды, боролись за претворение в жизнь своих целей, верили в идеалы.

Дополнительный курс пойдет в разрез со школьным курсом истории тем, что школьном курсе многие личности лишь упомянуты. Не хватает подробной оценки их деятельности, которую не возможно дать без всестороннего анализа их деятельности. Данную оценку можно дать, только в том случае, если рассматривать личности на основе межпредметных связей.

Итоги изучения курса можно будет представить в виде «Большая картотека личностей». Картотека может быть расположена на сервисах Google.

Актуальность данного курса определяется тем, что каждая личность, каждый человек, является важным для понимания изучаемой эпохи и всех процессов, которые проходили в изучаемое время. Данный курс и результат его изучения будет имеет и практическую направленность – подготовку к успешной итоговой аттестации в форме ЕГЭ и ОГЭ.

Целью такого курса будет возможность правильно осмыслить роль великих деятелей в истории нашего государства. Учащиеся смогут правильно формулировать и отстаивать свою точку зрения, будут развивать умение систематизировать информацию с использованием Интернет сервисов.

Среди задач курса можно отметить расширение и углубление знаний учащихся об исторических личностях, развивать умения составлять характеристику исторической личности, воспитывать устойчивый интерес к изучению истории Отечества, определять и объяснять свое отношение к наиболее значимым событиям и личностям, давать оценку, через призму деятельности великих исторических личностей рассмотреть их влияние на исторические процессы в истории Российского государства.

Таким образом, предполагаемыми результатами такого обучения является то, что новые знания могут помочь учащимся правильно и глубже понять изучаемое событие или изучаемую эпоху. У педагога есть выбор формы организации межпредметного обучения истории при изучении исторических личностей, а в особенности роли личности в данном обучении.

Межпредметные связи могут применяться при реализации следующих дисциплин:

1) история – география (тема «Великие географические открытия»);
2) история – литература (писатели и поэты золотого века русской культуры);
3) история – искусство (музыканты и художники XIX века);

4) история – основы безопасности жизнедеятельности (дни воинской славы);

5) история – естественнонаучные дисциплины (научно-технические открытия XIX века).

Примечания.

1. Габова А.Е. Рабочая программа элективного курса «История России в лицах» [Электронный ресурс] 12.01.19. Точка доступа: https://ur-l.ru/lNK
2. [1] Лунина Т.П. Мордовский республиканский институт образования. Панорама методических идей. Межпредметные связи в обучении истории. выступление на курсах повышения квалификации МРИО, март 2010 [Электронный ресурс] 12.01.19. Точка доступа: https://ur-l.ru/4Eh
3. [1] Сарбалаева А. Д. Эффективность использования межпредметных связей на уроках истории, обществознания и экономики // Молодой ученый. — 2013. — №4. — С. 603-605. — URL https://moluch.ru/archive/51/6561 / (дата обращения: 09.12.2018).
4. [1]Богданова Т.В. Интегрированные уроки как фактор развития творческого потенциала младших школьников // Интеграционные процессы в образовании: проблемы и перспективы»: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. /под науч. Ред. д.г.н. Баймырзаева К.М., д.и.н. Абиля Е.А., Егорычева А.М., д.филос. наук, профессор (Россия); д.г.н. Куанышбаева С.Б., к.п.н. Утегеновой Б.М. С. 308-311.
5. [1] Строкова Ю.В. Рабочая программа по курсу внеурочной деятельности «История в лицах (IX- первая половина XIX в.в.)». 7 -8 класс [Электронный ресурс] 12.01.19. Точка доступа: https://infourok.ru/rabochaya-programma-po-kursu-istoriya-v-licah-i-pervaya-polovina-i-vv-dlya-klassov-1176046.html
6. Лакоценина Т.П.: Современный урок. - Ростов на/Д: Учитель, 2008 М-во образования России, Самарский гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева ; Сост. Ю.Н. Березин ; Отв. за вып. Р.И. Пенькова ; Рец.: Д.А. Палагин, А.И. Смоляр, О.М. Буранок: Межпредметные связи истории с литературой и способы развития мыслительных умений учащихся. - Самара: СамГПИ, 2012
7. Алексашкина Л.Н. Учебные лекции по истории. Научно-методический журнал «Преподавание истории и обществознания», № 8, 2006 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимова Татьяна Михайловна *- к.и.н., доцент Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Армякова Мария Игоревна *- магистрант исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва.*

Афонькина Екатерина Владимировна *- старший преподаватель кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Барышева Елена Сергеевна *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Баскакова Ольга Андреевна *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Бебинг София Дмитриевна *- бакалавр исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва*

Беликова Екатерина Олеговна *- к.соц.н., доцент, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград*

Бисерова Анжелика Владимировна *- врач-терапевт медико-санитарной части МВД России по Владимирской области, г. Владимир.*

Болотина Анна Сергеевна *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Борисова Анна Алексеевна*- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Булюлина Елена Владимировна *- д.и.н., доцент, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград.*

Буравкина Юлия Александровна *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Бурлаков Александр Николаевич *- к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета, г. Москва.*

Бычков Максим Алексеевич *- к.и.н., доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Московского экономического института, г. Москва.*

Глазун Марта Юрьевна *- магистрант исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Глазунов Сергей Радиславович *- к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Головешкина Елизавета Вячеславовна *- учитель истории и обществознания МАОУ Гимназия №3, магистрант Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Горбунова Екатерина Андреевна *- бакалавр факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.*

Горина София Романовна *- учитель истории и обществознания МБОУ СОШ № 38, магистрант Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Графова Вера Константиновна *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Гречко Василиса Кирилловна *- магистрант исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Данилова Валерия Юрьевна *- к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Демина Светлана Сергеевна *- к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Джумамырадов Гурбанмырат *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Дроздов Виктор Викторович *- д.э.н., профессор кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Дудченко Михаил Юрьевич *- магистрант исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Елфаков Александр Николаевич *- магистрант Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Ефанова Ольга Андреевна *- магистрант исторического факультета Московского государственного университета имени В.М. Ломоносова, г. Москва.*

Заверняева Марина Игоревна *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Захарова Ольга Владимировна *- к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Золотарева Вера Петровна *- к.э.н., доцент Московского политехнического университета, г. Москва.*

Золотухин Михаил Юрьевич *- д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета, г. Москва.*

Иванова Дарья Александровна *- учитель истории и обществознания МБОУ СОШ №15, магистрант Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Игнатьева Полина Владимировна *- бакалавр исторического образования педагогического института Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Инвияева Виктория Владимировна *- магистрант исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Исаева Анастасия Олеговна *- бакалавр исторического образования педагогического института Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Исаков Алексей Александрович *- к.ф.н., доцент кафедры истории и обществознания историко-филологического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал.*

Камалиев Ринат Ринатович – *магистрант исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Кириллина Светлана Алексеевна *- д.и.н., профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Кирюхина Мария Леонидовна *- бакалавр исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Ковалёв Максим Александрович *- к.и.н., учитель истории и обществознания, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 29», г. Владимир.*

Козлова Элана Александровна *- бакалавр исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Костылева Алена Сергеевна *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Кошеварова Алина Васильевна – *бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Красильщикова Татьяна Владимировна *- к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Лапшин Александр Геннадьевич *- к.и.н., профессор кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Лапшина Ирина Константиновна *- д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Леонова Вероника Алексеевна *- бакалавр исторического образования педагогического института Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Летова Светлана Владимировна *- учитель истории и обществознания МБОУ СОШ №15, магистрант Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Лихачев Григорий Дмитриевич *- бакалавр исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Лодейкин Семен Давидович *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Любимцев Федор Александрович *- учитель истории и обществознания МАОУ Гимназия №3, магистрант Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Макарова Елена Алексеевна *- к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Максимова Ирина Романовна *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Маметьев Сергей Алексеевич *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Маршуба Денис Александрович *- заместитель начальника отдела предпринимательства и торговли администрации города Рязани.*

Медведева Галина Анатольевна *- к.и.н., учитель истории и обществознания МБОУ СШ № 35, г. Липецк.*

Мерзанова Анастасия Владимировна *- к.и.н., независимый исследователь, г. Москва.*

Мосина Дарья Александровна *- бакалавр исторического образования педагогического института Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Николашина Екатерина Анатольевна *- к.и.н., старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, г. Рязань.*

Никонов Олег Александрович *- д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики Московского педагогического государственного университета, г. Москва.*

Носенкова Анастасия Владимировна *- бакалавр исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Осокин Олег Владиславович *- учитель истории и обществознания МБОУ СОШ №24, бакалавр исторического образования педагогического института Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир*

Павлова Елизавета Андреевна *- бакалавр исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Панина Екатерина Сергеевна *- бакалавр исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Петелин Борис Валентинович *- д.и.н., профессор кафедры истории и философии Гуманитарного института Череповецкого государственного университета.*

Платонов Роман Дмитриевич *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Погребинская Вера Александровна *- д.э.н., профессор кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Пономарева Полина Ивановна *- бакалавр исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Радченко Алексей Владимирович *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Рогачева Елена Юрьевна *- д.пед.н., профессор кафедры педагогики Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г.Столетовых, г. Владимир.*

Родин Денис Валерьевич *- аспирант исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Романика Александр Сергеевич *- ассистент Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, г. Рязань.*

Рябов Александр Сергеевич *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Савосина Юлия Вячеславовна *- к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, г. Рязань.*

Сагимбаев Алексей Викторович *- к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, г. Брянск.*

Скорищенко Илья Сергеевич *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Скоробогатых Наталья Сергеевна *- к.и.н., старший научный сотрудник Центра изучения стран ЮВА, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, г. Москва.*

Слесарев Илья Евгеньевич *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Суслопарова Елена Алексеевна *- к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Тимохина Наталья Львовна *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Тимшина Екатерина Леонидовна *- к.и.н., доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления факультета международного регионоведения и регионального управления института государственной службы и управления РАНХиГС, г. Москва.*

Тишина Наталья Александровна *- бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Тодорова Татьяна Николаевна *- к.и.н., доцент кафедры инновационных материалов в принтмедиатехнологии Московского политехнического университета, г. Москва.*

Устинов Алексей Романович *- учитель истории и обществознания МБОУ СОШ №42, бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Филатов Александр Игоревич *- бакалавр исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва)*

Харитонов Александр Михайлович *- научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток.*

Хрулева Ирина Юрьевна *- к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Цуканова Виктория Павловна *- бакалавр исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва.*

Черноперов Василий Львович *- д.и.н., заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета, г. Иваново.*

Чибурова Полина Игоревна *- учитель истории и обществознания МБОУ СОШ №45, бакалавр исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир.*

Шимбирева Ольга Александровна *- к.и.н., ассистент кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени В.М. Ломоносова, г. Москва.*

Щербаков Вячеслав Юрьевич *- к.и.н., доцент кафедры зарубежной истории и международных отношений института истории и международных отношений Южного федерального университета, г. Ростов на Дону.*

Эрлихсон Ирина Мариковна *- д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, г. Рязань.*

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И РОССИЯ

Материалы VII Международной научно-практической конференции

22 – 23 ноября 2018 г.

Издаются в авторской редакции

За содержание статей, точность приведённых фактов и цитирование
несут ответственность авторы публикаций

Подписано в печать 24.05.19.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 21,39. Тираж 300 экз.
Заказ
Издательство
Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.